

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК УКРАИНЫ
ИНСТИТУТ ОДАРЕННОГО РЕБЕНКА

В. В. Рыбалка

**ПСИХОЛОГИЯ ЧЕСТИ И ДОСТОИНСТВА
ЛИЧНОСТИ**

Пособие

УДК 159.923.2
ББК 88.5
Р 49

*Рекомендовано к печати Ученым советом Института одаренного ребенка
НАПН Украины
(Протокол № 10 от 27 ноября 2013 г.).*

Рецензенты:

Балл Георгий Алексеевич – доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент НАПН Украины, заведующий лабораторией методологии и теории психологии Института психологии имени Г. С. Костюка НАПН Украины;
Помыткин Эдуард Александрович – доктор психологических наук, старший научный сотрудник, заведующий отделом педагогической психологии и психологии труда Института педагогического образования и образования взрослых НАПН Украины.

Р 49 Рыбалка В. В.

Психология чести и достоинства личности : Пособие / В. В. Рыбалка. – К. : 2013. – 726 с.

В работе освещаются культурологические и аксиологические аспекты проблемы чести и достоинства личности, их проявление и развитие у учащейся молодежи и взрослых. Проблема чести и достоинства как культурно-аксиопсихологических феноменов рассматривается на основе личностного, ценностно-рефлексивно-креативного подхода, согласно которому они предстают своеобразным центром общей и психологической культуры человека, формой осознания, переживания личностью своей уникальной социальной ценности и индивидуальной самооценности в обществе и в собственном сознании. Честь и достоинство выступают сущностным этико-психологическим и аксиопсихологическим атрибутом личности как субъекта высоконравственного поведения и творческой деятельности по продуцированию духовных и материальных ценностей, в том числе и самой себя как высшей ценности. Чрезмерное унижение или возвышение личности, отклонение от общественного и индивидуального кодекса чести и достоинства приводят к острым личностным и общественным проблемам, часть которых можно преодолеть предложенными автором специальными диагностическими, развивающими, профилактическими, консультативными, терапевтическими средствами практической психологии.

Пособие предназначено для менеджеров разных уровней и профилей, руководителей и работников системы образования, академических психологов и педагогов, учителей, преподавателей, воспитателей, практических психологов и социальных работников, школьников, учащихся профессионально-технических учебных заведений, студентов, аспирантов и докторантов.

© Институт одаренного ребенка 2013

Содержание

ВСТУПЛЕНИЕ	6
Часть I. ПОНИМАНИЕ ЧЕСТИ И ДОСТОИНСТВА В ФИЛОСОФИИ, ИСКУССТВЕ, ПСИХОЛОГИИ И ПЕДАГОГИКЕ	10
1.1. Честь и достоинство человека в ценностном контексте общей и психологической культуры	10
1.2. Ценность и самооценку человека, личности как существенные признаки ее чести и достоинства и их унижение и возвышение в обществе и собственном сознании	21
1.3. Трехмерная, поэтапно конкретизированная психологическая структура свойств, способностей и дарований личности как уникальной ценности	42
1.4. Понимание чести и достоинства как феноменов осознания, переживания личностью своей социальной и индивидуальной ценности	88
1.5. Контент-психологический анализ художественного изображения Ф. М. Достоевским феноменов чести и достоинства человеческой личности, ее унижения и возвышения обществом и самим человеком...	103
1.6. Характеристика чести и достоинства личности в произведениях философов, психологов, педагогов и деятелей искусств	193
1.7. Диалектика и аксиодинамика чести и достоинства личности в условиях межличностной и внутриличностной аксиопсихологической активности.....	223
1.8. Компоненты и стратегии аксиопсихологической деятельности по целесообразному возвышению, уравниванию и понижению чести и достоинства личности	240
1.9. Честность и правдивость личности как духовная основа ее исканий истины, служения правде, противодействия лжи и несправедливости.....	252
Часть II. РОЖДЕНИЕ, РАЗВИТИЕ И УТВЕРЖДЕНИЕ ЦЕННОСТИ И САМОЦЕННОСТИ, ЧЕСТИ И ДОСТОИНСТВА ЛИЧНОСТИ В СЕМЬЕ И СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ.....	310
2.1. Рождение и возвышение ценности и самооценности личности ребенка в семье любовью и трудом матери и	

отца.....	310
2.2. Психолого-педагогические и аксиопсихологические аспекты теории и практики воспитания всесторонне развитой, счастливой, достойной личности школьника в образовательной системе В. А. Сухомлинского	344
2.3. Духовно-креативный анкетинг по возвышению чести и достоинства старшеклассников путем самоактуализации их стремления к Добру, Красоте, Истине	353
2.4. Культурно-психологическое развитие и саморазвитие личности студента как ценности в условиях системы образования: теоретические предпосылки и экспериментальные подходы	364
2.5. Аксиопсихологическое влияние традиционных тренингов и упражнений на возвышение и утверждение ценности и самооценности личности, ее чести и достоинства	398
2.6. Семинарское занятие-тренинг по формированию чести и достоинства личности педагогических работников и их учеников.....	403
2.7. Личность учащегося и педагога как индивидуальное и социальное богатство и инновационная психологическая культура его сохранения, возрастания и самоактуализации в Школе чести и достоинства	423
 Часть III. ПСИХОДИАГНОСТИКА, КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ, ПРОФИЛАКТИКА И ПСИХОТЕРАПИЯ КЛИЕНТОВ С РАЗНЫМИ ПРОЯВЛЕНИЯМИ ЦЕННОСТИ И САМОЦЕННОСТИ, ЧЕСТИ И ДОСТОИНСТВА ЛИЧНОСТИ	441
3.1. Комплексное психодиагностическое изучение личности как ценности и консультативно-аксиопсихологическая интерпретация тестовых данных о ее чести и достоинстве	441
3.2. Опросник для ориентировочного определения проявлений чести и достоинства в поведении и деятельности личности	451
3.3. Концепция времени в психике индивида и объективная методика Б. И. Цуканова по определению типа темперамента как совокупности психодинамических задатков развития свойств личности, ее чести и достоинства	463
3.4. Личностно центрированное консультирование клиентов с	

патогенной психодинамической неконгруэнтностью как условие их адекватного, достойного вхождения и жизни в человеческой культуре.....	530
3.5. Типология личностей на основе учета их базовых психодинамических особенностей и их типологическая аксиопсихологическая характеристика	572
3.6. Индивидуальная психология А. Адлера и психотерапия личности с комплексом неполноценности и превосходства	584
3.7. Аксиопсихологическая профилактика и самопреодоление личностью своей амбициозности, гордыни, «звездной болезни», нарциссизма, комплекса «сверхчеловека» и культа личности	603
3.8. Психотерапия клиентов с критически униженной честью и достоинством, суицидальными и летальными тенденциями, путем возвышения ценности и самооценности их личности	619
Часть IV. «ВОЙНА И МИР ДОСТОИНСТВ»: ОТ АКСИОПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПРОТИВОРЕЧИЙ И КОНФЛИКТОВ К ВЗАИМОПОНИМАНИЮ И ТВОРЧЕСКОМУ СОТРУДНИЧЕСТВУ ЛИЧНОСТЕЙ В ОБЩЕСТВЕ ЧЕСТИ И ДОСТОИНСТВА КАЖДОГО ГРАЖДАНИНА.....	647
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	687
Вопросы для размышления.....	694
Глоссарий.....	697
Мысли выдающихся личностей о чести и достоинстве.....	700
Рекомендованная литература.....	710
Зміст.....	720
Contents.....	723
Об авторе.....	725

ВСТУПЛЕНИЕ

Динамичность, сложность жизни человека в реформируемом обществе вызывает появление разнообразных психологических проблем, которые он часто не может решить самостоятельно. В этих условиях перед современной теоретической, прикладной и практической психологией возникают вопросы совершенствования методологических и методических основ организации действенной профилактической, консультативной, психотерапевтической помощи, соответствующей реальной культурной действительности. Возникает необходимость изучения и мобилизации социокультурных факторов улучшения деятельности психологической службы системы образования, среди которых важнейшим для профессиональных психологов и психотерапевтов является утверждение психологической культуры личности и ее пока еще мало изученных феноменов, среди которых центральное место занимают честь и достоинство.

Отметим, что актуальность обращения к этим понятиям вытекает из официального признания того значения, которое они имеют в жизни граждан страны. Так, в Конституции Украины данные понятия как правовые приведены в пяти статьях: ст. 3: «Человек, его жизнь и здоровье, **честь и достоинство**, неприкосновенность и безопасность, признаются в Украине высшей социальной ценностью», ст. 21: «Все люди являются свободными и равными в своем **достоинстве** и правах», ст. 28: «Каждый имеет право на уважение **его достоинства**», ст. 68: «Каждый обязан неуклонно выполнять Конституцию Украины и законы, не посягать на права и свободы, **честь и достоинство** других людей» и ст. 108: «За посягательство на **честь и достоинство** Президента Украины виновные лица привлекаются к ответственности на основании закона» [82, выделено нами – Р. В.]. При очевидной важности официального провозглашения исключительной роли чести и достоинства граждан их утверждение в обществе и государстве требует слаженной работы в этом направлении всех его институтов, в том числе и государственной психологической службы. В основе такой работы должно быть признание

личности человека наивысшей и всевозрастающей социальной ценностью и индивидуальной самооценностью, что выражается в феноменах чести и достоинства. Это предполагает существенное повышение уровня общей и психологической культуры всех руководителей и работников системы образования, менеджеров и организаторов производства материальных и духовных ценностей, каждого работника и члена общества.

В связи с этим, определение понятия психологической культуры, его атрибутов, среди которых ключевыми являются честь и достоинство личности, овладение методическими средствами их утверждения, развития и актуализации должно значительно улучшить работу сотрудников психологической службы, а благодаря этому – и деятельность всех участников образовательного процесса.

Следует отметить, что психологическая культура входит в состав общей культуры человека, но, в отличие от других ее составляющих (трудовой, профессиональной, эстетической, этической и т. д.) имеет самое интимное и поэтому важнейшее значение. Так как все перечисленные виды культуры, хотя и имеют свой специфический ценностный смысл, но реализуются именно через психику человека и поэтому определяются ею как своим универсальным носителем и реализатором. Однако, парадоксальным выступает тот факт, что психологическая культура является едва ли не наименее изученной в науке, и возможно поэтому – наименее развитой в личности, сравнительно с другими составляющими культуры. Поэтому в некоторых случаях она выступает как субкультура, основанная на бытовых представлениях, предрассудках, псевдонаучных и ненаучных сведениях. Именно тогда и появляется потребность в научном определении и развитии психологической культуры личности.

Следует заметить еще одно важное обстоятельство, которое заключается в необходимости отличать категорию психологической культуры от близких к ней понятий – психологической осведомленности, информированности, грамотности, образованности, компетентности, мастерства, искусства. Последние не совпадают по своему значению с психологической культурой, иначе не было бы необходимости в введении и употреблении этих понятий как

различных по своему значению. Они выступают как определенные этапы осознания исключительной ценности собственной психики, как важные шаги становления психологической культуры личности. Такое различие между этими понятиями позволит найти принципиально новые возможности для совершенствования деятельности психологической службы, которые, при отсутствии такого осознания, концептуально мало доступны или совсем недоступны для психологов. Чем же психологическая культура отличается от указанных психологических понятий? Каковы ее главные признаки? Ответы на эти вопросы лежат в понимании самого понятия культуры, взятого в его наиболее существенных, прежде всего аксиологических, то есть ценностных, признаках. Именно исследование аксиологических аспектов общей и психологической культуры личности привело нас к выявлению, можно сказать – к «переоткрытию» таких определяющих свойств, как честь и достоинство.

Приведенные далее рассуждения автора (подкрепленные его методологическими и экспериментальными разработками, а также опытом работы практического психолога над системой образования) касательно различных аспектов проблемы чести и достоинства как центральных феноменов личности представляются ему достойными внимания психологического и педагогического сообщества, хотя и не могут считаться в какой-либо мере завершенными. На наш взгляд, актуальность проблемы является настолько острой, что презентацию этих предварительных соображений нельзя откладывать на неопределенный срок, следует уже сейчас начинать их коллективное обсуждение, для чего собственно и написано данное пособие. Оно может быть полезным при преподавании в вузах таких дисциплин, как «Общая психология» (раздел «Личность»), «История психологии», «Методологические проблемы современной психологии», «Психология личности», «Дифференциальная психология», «Практическая психология», «Основы психотерапии», «Аксиологическая психология» и т. д.

Автор выражает свою искреннюю благодарность тем коллегам, которые поддержали его усилия в изучении и презентации сведений по данной проблеме

и среди них – доктору философских наук, профессору, действительному члену НАПН Украины, директору Института педагогического образования и образования взрослых НАПН Украины Ивану Андреевичу Зязюна, доктору педагогических наук, профессору, действительному члену НАПН Украины, главному научному сотруднику Института педагогического образования и образования взрослых НАПН Украины, Нелли Григорьевне Ничкало, доктору психологических наук, профессору, действительному члену НАПН Украины, директору Института проблем воспитания НАПН Украины, Ивану Дмитриевичу Беху, доктору психологических наук, профессору, члену-корреспонденту НАПН Украины, заведующему лабораторией теории и методологии психологии Института психологии имени Г. С. Костюка НАПН Украины, Георгию Алексеевичу Баллу, доктору психологических наук, профессору, директору Украинского научно-методического центра практической психологии и социальной работы МОН и НАПН Украины, Виталию Григорьевичу Панку, кандидату технических наук, директору Института одаренного ребенка НАПН Украины, лауреату Государственной премии УССР в области науки и техники, Владимиру Викторовичу Камышину, кандидату педагогических наук, доценту Южноукраинского педагогического университета имени К. Д. Ушинского Александру Михайловичу Яцию, сотрудникам отдела педагогической психологии и психологии труда Института педагогического образования и образования взрослых НАПН Украины и его заведующему, доктору психологических наук, профессору Эдуарду Александровичу Помыткину, а также коллегам, друзьям и родным, которые помогали в оформлении и издании книги.

Замечания и предложения по обсуждению поставленных в книге вопросов можно присылать на электронный адрес: **rybalkavv_ps@mail.ru**.

Часть I

ПОНИМАНИЕ ЧЕСТИ И ДОСТОИНСТВА В ФИЛОСОФИИ, ИСКУССТВЕ, ПСИХОЛОГИИ И ПЕДАГОГИКЕ

1.1. Честь и достоинство человека в ценностном контексте общей и психологической культуры

Понятия чести и достоинства личности хорошо знакомы каждому по произведениям литературы, музыки, театрального и монументального искусства. Они предстают как неожиданно сложные для своего научного понимания. Интуитивно понятно, что эти термины характеризуют какие-то важные свойства личности как феномена культуры, но, если задать себе вопрос (и автор часто задавал его психологам и педагогам, школьникам и студентам), в чем суть этих понятий, то обнаруживаются значительные разногласия и трудности в их толковании. В результате мы остановились на культурологическом подходе в своих поисках значения этих понятий и предлагаем читателю повторить вместе с нами этот путь. Для этого, прежде всего, следует рассмотреть сущность категорий «культура» и «психологическая культура» – обращая внимание на ключевые, атрибутивные их признаки, сложившиеся в современной философии, психологии, и соотнося их с собственным теоретическим и практическим опытом. Особое внимание заслуживают при этом общепринятые дефиниции данных понятий, приведенные в соответствующих справочниках, словарях, положениях авторитетных исследователей.

Так, перспективным с точки зрения нашего исследования следует считать определение категории культуры, сформулированное в «Психологическом словаре» под редакцией В. И. Войтко [133, С. 84]. Приведем его полностью: «Культура (от латин. *cultura* – образование, уход, развитие) – предметно-ценностная форма осваивающе-преобразующей деятельности, в которой отражается исторически определенный уровень развития общества и человека,

порождается и утверждается человеческий смысл бытия. Культура – общественно-историческое, в классовом обществе классовое явление, непосредственно (материальная культура) или опосредованно (духовная культура) связанное с производством. В отличие от социальной практики (цивилизация), культурная практика конденсирует в себе технологию деятельности в единстве с ее ценностно-смысловым значением (культура как совокупность культурных образцов). Некоторые виды общественной и духовно-психологической деятельности, античеловечные по направленности, находятся за пределами культуры.

Аспекты анализа культуры:

- морфологический (культура как система);
- функциональный (культура как способ деятельности);
- аксиологический (культура как ценность);
- типологический (тип культуры как историческая целостность);
- мировоззренческий (культура как мироотношение);
- гуманистический (культура как сфера самооценности человека).

В единстве этих аспектов культура – это интегральный фактор социализации личности. Системообразующие факторы культуры: человек как субъект культурного творчества, ценности культуры, культуротворческий процесс как специфический вид материального и духовного производства.

Функции культуры – это осваивающе-преобразующая, аккумуляции и трансляции культурно-исторического опыта (через традиции культуры), коммуникативная, нормативно регулятивная, прогностическая, сигнификативная, гедонистическая, проективная, защитная, межэтнической интеграции. Личностный уровень культуры (система «культура и личность») также охватывает психологию культуры: изучение влияния культуры на развитие познавательных процессов, мотивации, норм-ценностей, идеалов, критериев морали, форм поведения; восприятия, понимания и переживания культуры, ее ценностно-оценочное значение в отражательный-регулятивных процессах; формирование личности в условиях би- или поликультуральности.

Культура человека синтезируется в культуре основных форм мироотношения – практической (культура деятельности, культура поведения), теоретической (культура мышления), духовно-практической (культура чувств, культура общения). Культурный человек – это не виртуоз формально-этикетного благородства, а интеллигент (по духовной сути), занимающий активно-творческую жизненную позицию и стремящийся направить высокие достижения человечества и оптимальный рационализм деятельности на создание творческой свободы и **достоинства человека как высшей ценности** (выделено нами – Р. В.). Всестороннее гармоничное развитие сущностных сил и деятельных способностей человека – цель культуры, а безгранично прогрессирующее становление человека как субъекта очеловечивания природы, общества и самого себя – содержание культуры. Синтезом культурных потребностей является потребность человека в культуре как универсально-творческом и гуманном способе мироотношения».

Следует отметить, что в приведенном определении культуры на первом месте по частоте употребления стоит понятие «ценность» (9 раз), на втором – «творчество» (7 раз), на третьем – «деятельность» (6 раз), на четвертом – «личность» (5 раз), на пятом – «практика» (4 раза) и т. д. Необходимо особо подчеркнуть, что среди атрибутов культуры важное место занимает понятие достоинства человека как высшей ценности.

Согласно пониманию понятия культуры в других справочных источниках, оно выступает как такое, с помощью которого описывается порождение, сохранение, создание, передача, использование в обществе и в сознании людей важнейших ценностей, собственно системы культурных ценностей человеческой цивилизации. Когда же мы говорим о психологической культуре, то должны рассматривать в качестве ее сущности систему психологических ценностей, которые интегрируются, на наш взгляд, в высшей ценности – ценности личности. То есть, именно с этого понятия должен начинаться дедуктивный анализ признаков психологической культуры и их синтез в единое структурное целое. Данный предварительный вывод подтверждается и другими данными.

В связи с этим, рассмотрим некоторые имеющиеся дефиниции понятия психологической культуры. Так, в упоминавшемся выше «Психологическом словаре» под редакцией В. И. Войтка психологическая культура учителя определяется как «система антропологических, психологических, педагогических знаний, умений и навыков учителя, его особая способность понимать психику других людей, умение общаться с ними.

Предпосылками психологической культуры учителя является его сформированность как личности,.. мировоззренческая зрелость, внутренняя настроенность на воспитательную деятельность, умение чувствовать настроения ребенка, его внутренний мир, **уважать достоинство ребенка как личности** (выделено нами – Р. В.), высокое доверие и настоящая любовь к детям, умение щедро делиться с детьми знаниями, эмоциональным воодушевлением своего сердца – и это входит в содержание психологической культуры учителя» [133, С. 144].

В «Психологическом словаре» В. В. Синявского и О. П. Сергеенковой, изданном под редакцией Н. А. Побирченко, обоснованно утверждается, что психологическая культура является «неотъемлемой частью общей культуры человека», и далее выделяются такие ее «необходимые элементы», как «познание себя, познание другого человека, умение общаться с людьми и регулировать свое поведение» [132, С. 197]. В определении данными авторами более конкретного понятия «психологическая культура общения» появляется существенный для ее понимания ценностный атрибут – когда эти авторы определяют ее как «систему знаний и навыков тактичного поведения в различных ситуациях общения. Психологическая культура общения предусматривает обязательное владение внешними манерами поведения, коммуникативными умениями, выразительностью и нестандартностью средств общения. Выражается психологическая культура общения в оптимальном стиле общения, что позволяет **сохранять собственное достоинство** и уважать индивидуальность партнера» (выделено нами – Р. В.) [132, С. 197].

Как видно из приведенных дефиниций, понятие психологической культуры связано с такими ее атрибутивными признаками, как ценность личности, ее достоинство и, добавим (см. далее) – ее честь. Эти понятия тесно переплетаются и даже частично совпадают, выступают в единстве, но все же отличаются друг от друга. В связи с этим, рассмотрим в предварительном плане дефиниции понятий достоинства и чести.

Так, в том же «Психологическом словаре» под редакцией В. И. Войтко достоинство трактуется как «нравственное и психологическое понятие, в котором фиксируется представление о ценности человека как личности». Также достоинство выступает как категория социальной психологии, что «означает отношение человека к самому себе (на почве адекватной самооценки) и отношение к нему других людей. В психологическом плане достоинство является формой проявления самосознания и самоконтроля, на чем основывается требовательность человека к самому себе. Понятие достоинства тесно связано с такими моральными категориями, как совесть, честь, ответственность. Изучение достоинства на уровне социальных чувств является объектом психологии, а на уровне общественной идеологии – предметом этики» [133, С. 34].

Понятие чести, по мнению авторов «Философского словаря», изданного под редакцией И. Т. Фролова, в некоторой степени аналогично понятию достоинства, но и несколько отличается от него: «Выступая формой проявления отношения индивида к самому себе и общества к индивиду, честь, равно как и достоинство, соответствующим образом регулирует поведение человека и отношение к нему со стороны окружающих. Но, в отличие от достоинства, понятие чести базируется не на принципе равенства всех людей в моральном отношении, а на их дифференцированной оценке (в зависимости от социального положения личности, классовой, национальной, профессиональной и коллективной принадлежности и репутации)» [176, С. 542].

Почему, спросим себя, для практических психологов и социальных педагогов современной психологической службы системы образования актуальным является обращение к таким философско-психологическим и этико-

психологическим категориям, как культура, ценность личности, ее достоинство и честь? Прежде всего потому, что в условиях откровенной дегуманизации, моральной эрозии современной общественной жизни (вспомним образ криминализированного мира, доминирующий сейчас в СМИ, открытую коррупцию некоторых чиновников, статистику преступности, девиантность поведения молодежи, драматизм человеческих отношений, массовый рост количества и критическое зашкаливание остроты проблем клиентов социально-психологических служб – чего стоят только проблемы наркотизации и суицида) практический психолог должен получить более действенные средства психологической помощи именно философско-психологического, мировоззренчески-смыслового, этико-психологического, аксиологического, эстетического и подобного им типа.

Еще одной причиной такого культурно-психологического усовершенствования работы практических психологов выступает потребность в непрерывной, внутренне направленной предельной гуманизации, аксиологизации, этизации, креативизации их деятельности, что необходимо для противодействия тому влиянию, которое оказывает на самих психологов специфика проблем клиентов.

Третьей причиной является потребность в преодолении (но не в полном отказе) функционализма, чрезмерной теоретической абстрагированности, отстраненности от реалий психической жизни конкретного человека в практической психологии, когда она иногда искусственно отворачивается от очевидных морально-психологических, аксиопсихологических, эстетико-психологических проблем личности, которые возникают в условиях учебно-воспитательного процесса и жизнедеятельности. В этом отношении психология несколько отстает от педагогики, в частности, в теоретическом утверждении последней ценности личности [167], в обосновании аксиологической парадигмы образования [90] и т. д. Хотя необходимо сказать, что и психологам, и педагогам следует обратить на данную проблему гораздо больше внимания. Об этом свидетельствует, например, и то странное обстоятельство, что в тезаурус

некоторых современных фундаментальных педагогических справочников не входят такие ключевые для системы образования категории, как честь и достоинство человека [53]. По нашему мнению, это обстоятельство иллюстрирует угрожающие тенденции определенной, незаметной на первый взгляд, сдачи системой образования своих гуманистических позиций, ее неосознанного подчинения некоторым негативным тенденциям изменения современного общества, тогда как она должна опережать и возглавлять более решительно его гуманистическое развитие.

Также существует исторический аспект проблемы. Так, для отечественной народной педагогики гуманистический, аксиологический вектор всегда был ведущим в обучении и воспитании молодежи. Вспомним известные моральные наставления Владимира Мономаха и Ярослава Мудрого подрастающему поколению. Они были присущи и более позднему периоду. Это подчеркивают авторы известной книги «Как казаки воевали» Ю. А. Мицик, С. М. Плохий, И. С. Стороженко, когда говорят об исключительной роли матери в воспитании детей, утверждая что: «В волшебном мире, который создавала в семье украинская женщина-мать, брали свое начало идеалы народной педагогики, в основе которых было воспитание любви к труду и чувства собственного человеческого достоинства. У мальчика, будущего козака, воспитание этих черт, а также таких, как отвага, самоотверженность, смелость, происходило на гуманистической основе, создаваемой матерью в семье с помощью песни и эстетического содержания быта» [106, С. 158–159].

Вспомним также, какое важное место занимает в педагогических системах выдающихся педагогов и психологов Я. Корчака, А. С. Макаренка, В. А. Сухомлинского развитие у молодежи таких свойств личности, как культура, достоинство и честь [90; 100; 169]. Интересно, что последняя повесть А. С. Макаренко называется «Честь» [100], а одно из известных произведений Я. Корчака названо почти так же – «Слава». В этой повести маленькие герои создают «кодекс рыцарей чести» и действуют в соответствии с его правилами. Показательным следует считать то обстоятельство, что философско-

психологические и этико-педагогические истоки своей теории и практики воспитания всесторонне развитой, счастливой, достойной личности в школе радости В. А. Сухомлинский видел в положении, которое вынес в название хорошо известной педагогической общественности статьи «Человек – высшая ценность» [169]. Создается впечатление что выдающиеся педагоги стремились вложить в свои программные произведения настойчивый призыв к следующим поколениям: «Строить свою жизнь на принципах чести и достоинства».

В современных условиях, продолжая намеченный классиками педагогики путь развития образования и общества, нравственный и ценностный аспекты проблемы достоинства и чести, как воспитательных категорий, успешно исследует в методологическом и технологическом плане академик И. Д. Бех [16], директор Института проблем воспитания НАПН Украины.

Таким образом, ценность личности, ее субъективное осознание и переживание в феноменах достоинства и чести, выступает атрибутивным признаком психологической культуры. Вместе с тем, эта идея не нова – ее выдвигали раньше и к ней вновь обращаются философы, психологи, педагоги прошлого и современности. Но она как бы «провисает» в психологии и уже давно нуждается в значительно более глубокой научной разработке. Последняя имеет огромное значение как для психолого-педагогического обеспечения развития нормальной психики человека, так и для психотерапевтической помощи проблемной личности. Прежде всего, требует значительно более глубокого изучения проблема ценности личности в ряде ключевых аспектов: историческом, системно-психологическом, статически-динамическом, типологическом, субъектно-деятельностном, межличностном, общественно-психологическом, этнопсихологическом и даже государственно-психологическом. Все они должны интегрироваться общим методологическим подходом к развитию и актуализации психологической культуры личности.

Следует подчеркнуть еще раз, что понятие психологической культуры мы рассматриваем именно в контексте указанного выше общего понимания культуры как категории, в центре которой стоит определенная, центральная для нее ценность или система ценностей. В случае психологической культуры в

качестве таковой должна быть признана ценность личности. Она действительно является высшей ценностью среди других ценностей цивилизации, имеет определенное строение, атрибуты, функции, генезис и способ функционирования, является источником и создателем других, периферийных по отношению к ней духовных и материальных ценностей, а через их продуцирование – субъектом созидания самой себя как центральной ценности.

Психологическая культура педагога, психолога, родителей и ученика выступает как способность личности сознательно усваивать, формировать, сохранять, приумножать, актуализировать и передавать психологическую ценность личности как сущностную человеческую силу, мощнейший ресурс, потенциал, обеспечивающий повышение эффективности поведения, предметной, учебной и трудовой деятельности и жизнедеятельности. Именно поэтому при исследовании психологической культуры человека целесообразно опираться на определенный методологический подход, в качестве которого мы предлагаем личностный, ценностно-рефлексивно-креативный подход и соответствующие ему принципы: ценности личности, рефлексивности, опосредствованности, творчества и креативности, преемственности, непрерывности и т. д. [143].

Психологическая культура как важнейшая составляющая общей культуры личности – это целостная императивная (а не декларативная) способность к пониманию ею своей ценности в плане общественного и собственного сознания. Психологическая культура развивается в процессе инициации, познания, освоения, хранения, целеполагания, владения, создания, использования, переживания личностью психологических знаний, умений, навыков как ценностей, имеющих приоритетное значение в иерархии всех существующих культурных и природных, духовных и материальных ценностей. Это приводит к приобретению и переживанию ею таких феноменальных личностных новообразований, как достоинство и честь, выступающих высшими регуляторами целенаправленного общественного поведения и трудовой, профессиональной деятельности.

Психологическая культура может быть определена также и в деятельностном плане – как способность человека к эффективной

психологической деятельности. Тогда ее предметом является личность как высшая ценность, а задачей – возвышение, утверждение и защита ее чести и достоинства в обществе и в собственном самосознании. В этом смысле указанную психологическую деятельность целесообразно называть аксиопсихологической, так как ее предмет, цель и средства связаны с психологическими ценностями. Отметим, что термин «аксиологическая психология» уже известен отечественной науке. Вспомним в этом плане работы З. С. Карпенко по аксиопсихологии личности, в которых освещаются психологические аспекты ценностной сферы человека [65; 66].

В данном деятельностном плане мы поддерживаем и аксиологически дополняем понимание Я. Н. Коломинским психологической культуры как способности к выполнению эффективной психологической деятельности [70]. С нашей точки зрения, наличие у человека психологической культуры предусматривает владение им средствами именно аксиопсихологической деятельности, аксиологизованными психологическими знаниями, умениями и навыками работы с личностью как высшей ценностью на уровне профессиональной компетентности, мастерства и искусства. Для такого субъекта присуща способность эффективно владеть этими аксиопсихологическими средствами, плодотворно и творчески использовать их во взаимодействии с другими личностями как ценностями и окружающей их социальной действительностью.

В иерархическом плане психологическая культура охватывает и подчиняет себе все виды усвоения и использования психологического знания о личности как ценности, что может быть представлено в виде следующей схемы (рис. 1).

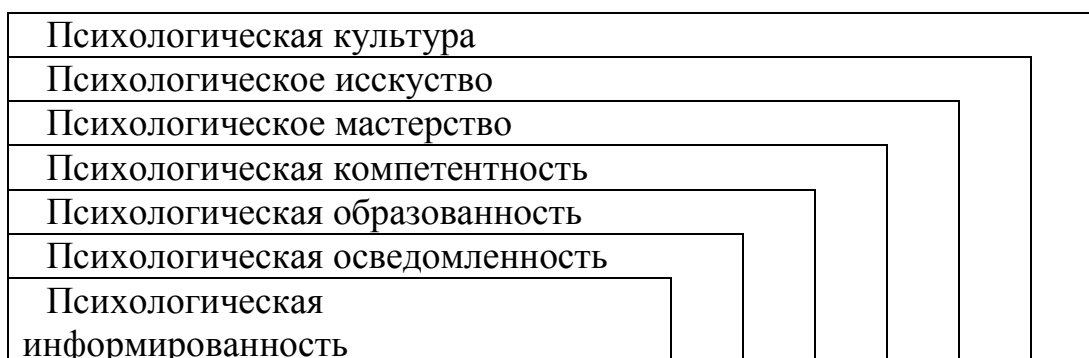

Рис. 1 Иерархическая схема состава психологической культуры личности

Отметим тот факт, что указанная ценностная, аксиологическая характеристика психологической культуры четко выступает во многих определениях личности специалистами. Наиболее точным в культурно-психологическом контексте, на наш взгляд, является понимание личности и ее задач выдающимся философом и психологом второй половины XIX века Н. Я. Гротом (1852–1899): «Личность – это не только органическая индивидуальность, но и сверх-индивидуальное, божественное, творческое начало» в человеке. «Непосредственное задание каждой личности – создавать, поддерживать, сохранять и спасать как можно больше других жизней, хотя бы и ценой самопожертвования своей собственной единичной жизни» [37, С. 51, 55, 56].

Соответствующими этому, культурно-психологическому, ценностному контексту являются определения личности, сформулированные В. М. Бехтеревым, А. Ф. Лазурским, Л. С. Выготским, А. С. Макаренко, В. В. Зеньковским, В. И. Вернадским, В. М. Мясищевым, А. Ш. Кульчицким, С. Л. Рубинштейном, А. Н. Леонтьевым, Г. С. Костюком, В. А. Моляко, И. Д. Бехом, И. А. Зязюном, С. Д. Максименком, А. П. Санниковой, Г. А. Баллом и т. д. [142].

Важными для понимания психологической культуры являются научные и художественные взгляды на ценность человека, личности Протагора, И. Канта, Ф. М. Достоевского, В. В. Зеньковского, П. Т. де Шардена, В. А. Сухомлинского, Д. Карнеги, А. Н. Ткаченка, В. Мак-Нила, Л. П. Бугевои, В. А. Роменца, В. Г. Кременя, Н. В. Чепелевой, З. С. Карпенко, В. И. Гарбузова и др.

В их исследованиях утверждается культурологическое, культурно-психологическое, аксиопсихологическое понимание личности как субъекта и объекта культуры, являющегося основным фактором гуманистического развития цивилизации. Ведь в наше время, когда такое ее развитие подвергается реальной угрозе со стороны различных субкультур (финансовой, криминальной, псевдохудожественной, суррогатно-мировоззренческой, сектантской и т. п.), именно культура в ее истинном значении остается гарантом прогрессивного движения человечества. Поэтому развитие психологической культуры, как

сущностной, базовой составляющей общей культуры, и ее центральных феноменов (чести и достоинства личности), должно занять свое надлежащее место в науке и обществе. Для профессионального психолога важнейшим является то, что в центре категории психологической культуры человека стоят понятия ценности и самооценности личности, ее чести и достоинства.

1.2. Ценность и самооценность человека, личности как существенные признаки ее чести и достоинства и их унижение и возвышение в обществе и собственном сознании

Изучение научных данных о личности позволяет выделить принципиальную аксиологическую лейтлинию, определяющую признание человека, личности высшей ценностью человечества.

Следует привести некоторые исторические аргументы в пользу этого мнения.

Центральное место в философско-психологическом учении Конфуция (551–479 гг. до н. э.) принадлежит концепции «жень» (т. е. «человеколюбия»), согласно которой судьба человека определяется «небом», люди делятся на «благородных» и «низких», и это не может быть изменено, младший должен подчиняться старшему, стоящий ниже – тому, кто стоит выше. Эти и другие идеи, обновленные в неоконфуцианстве, были положены в основу функционирования китайского государства, которое стабильно существует уже несколько тысячелетий [176, С. 217].

В произведениях мыслителей Древней Греции появляются суждения о чести и бесчестии человека. Например, Гомер: «Гордость души сдерживай»; Гесиод: «Клеветников ожидает бесчестье»; Солон: «Богам хвала, отцам – честь»; Фалес: «Не обогащайся нечестными способами»; Периандр: «Наслаждение

временно – честь бессмертна» [цит. по 26, С. 210]. В этих суждениях честь предстает как высшее проявление ценности человека, с которым сравниваются его достоинства и недостатки.

В античные времена известный древнегреческий философ Протагор (ок. 480–410 гг. до н. э.) утверждал, что «человек является мерой всех вещей: существующих в том, что они существуют, несуществующих – в том, что они не существуют», а «из всего, что существует в мире, наиболее ценным и наиболее важным для человека является сам человек». Протагор считал главной задачей своей деятельности «обучение людей добродетели» [175, С. 530].

Судя по данным В. А. Роменца, приведенным в его «Истории психологии», проблема личности как высшей ценности впервые появилась в эпоху Возрождения в трудах арабских мыслителей, в частности Ибн Халдуна (1332–1406 гг.), который связывал личность с достижением человеком высшего уровня бытия и видел главное ее достоинство, духовное богатство в атрибутах знания – его энциклопедичности, системности, глубине, что непосредственно определяло черты «титанической ренессансной личности» [147].

Леонардо да Винчи (1452–1519 гг.), гениальный представитель Ренессанса, именно личности приписывал способность к «превышению природы» человеком. Понятие личности широко употреблялось художниками и философами как подчеркивающее в человеке его ценнейшие свойства, его способность к созиданию культурных ценностей, в том числе и самого себя [147].

Позже основатель эмпирического направления в философии Ф. Бекон (1561–1626 гг.) отмечал, что понятием личности характеризуются высшие проявления человеческой сущности: выдающаяся память, мудрость, моральная устойчивость, присущие выдающимся историческим деятелям.

Очень важным в этом плане является «принцип самоценности каждой личности», сформулированный И. Кантом (1724–1804 гг.) более 200 лет назад. Согласно этому принципу, личность признается высшей ценностью, которая «не должна приноситься в жертву даже во имя блага всего общества». В своей

«Антропологии с прагматической точки зрения» (1795) философ утверждал, что все «добрые и полезные свойства человека имеют цену, по которой возможен обмен на другие свойства, и приносят такую же пользу; талант имеет рыночную цену, поскольку правитель или землевладелец может всячески использовать такого человека; темперамент имеет аффективную цену; но характер имеет внутреннюю ценность, которая выше всякой цены» [72]. Интересно, что самым ценным свойством личности И. Кант признавал правдивость, честность, наличие которой, по его мнению, является признаком талантливости человека.

Вместе с тем, в науке и искусстве постепенно начали распространяться идеи о неоднозначности осознания людьми ценности своей личности и личности окружающих, о драматических последствиях их ценностного сосуществования с другими в обществе. Интересными являются размышления великого украинского филолога-слависта А. А. Потебни, который, говоря в своей книге «Мысль и слово» (1862) о внутренних причинах «татарского погрома» Руси, ее культуры и языка, продемонстрировал солидарность со словами своего коллеги, харьковского лингвиста Орнитовского: «Гигантскими шагами текли Росы к обогащению своего языка: как вдруг гроза, которую честолюбие князей издавна готовило, упала над нашей родиной и уничтожила только что проросшие успехи просвещения...» [126, С. 8]. В этих словах речь идет о трагически известных княжеских междоусобных войнах, их тщеславий, достоинств. Все переросло во вражду, кровавую бойню, настоящую гражданскую войну между мелкими княжествами, что и разрушило процветающую до того Киевскую Русь, сделало ее легкой добычей для татаро-монгольских орд, отбросило на несколько веков назад и надолго превратило в вассалов соседних государств. Удивительно, но этот разрушительный фактор внутренней эрозии, распада общества стабильно действует на территории Украины уже восемь веков, доминируя в поступках не способных к его осознанию высших чиновников.

Странным является то обстоятельство, что в настоящее время функции чести и достоинства личности как бы отошли в ее бессознательное и отсюда бесконтрольно проявляются в поведении человека, тогда как в минувшие века

вопросам ценности человека, его чести и достоинства, уделялось, в некоторых слоях общества, значительно больше внимания, чем сейчас. Так, в Средневековье перед началом сражений между лучшими воинами происходили своеобразные поединки чести, в которых проверялись их достоинства, после чего войска вступали в бой. Например, непосредственно перед Куликовской битвой 1380 г. состоялась настоящая борьба достоинств между русским витязем Пересветом и татарским богатырем Челобеем.

В XIX веке утверждение, сохранение, защита и отстаивание чести и достоинства личности выступали в среде дворян и военных основой кодекса чести в их межличностных отношениях, нарушение которого разрешалось на поединке и зачастую стоило жизни его участникам. Примером этого стало смертельное ранение на дуэли великого русского поэта, «заложника чести», А. С. Пушкина. Можно утверждать, что этот век стал наиболее сензитивным по отношению к вопросам ценности и обесценивания человека. Это подтверждает художественное творчество гениального мыслителя и писателя Ф. М. Достоевского. Прав был в этом смысле М. М. Бахтин, когда подчеркивал, что Ф. М. Достоевский своими произведениями «провозглашал ценность личности», что для его мировоззрения было свойственно признание «высокой оценки личности» [11, С. 16]. Вместе с тем, «главным пафосом всего творчества Достоевского... является борьба с овеществлением человека, человеческих отношений и всех человеческих ценностей в условиях капитализма... Достоевский с огромной остротой сумел увидеть проникновение этого овеществляющего обесценивания человека во все щели современной ему жизни и в самые основы человеческого мышления» [11, С. 84].

Расслоение общества на «высшие» и «низшие» слои, господство одних над другими, унижение и подавление «сверхлюдьми» достоинства «бедных людей», массовое страдание последних и тотальное «убийство человечности» посредством унижения стали основной темой художественного творчества Ф. М. Достоевского. В его произведениях приводится настоящая художественная энциклопедия чести и бесчестия, достоинства и недостойности

человека. Сама фамилия писателя, в корне которой лежит слово «достоинство», как бы обязала его психологически точно показать различные аспекты жизни человеческих достоинств, их борьбу, сосуществование, коллизии отношений между ними, решающую роль в отдельной человеческой жизни и жизни общества. Именно различными проблемами утверждения чести и достоинства личности Ф. М. Достоевский объясняет причины горя «униженного и оскорбленного» человека, конфликты в обществе, истоки «войны и мира» между людьми и народами. При внимательном прочтении трудов писателя можно заметить и понять ключевую роль аксиопсихологических, даже аксиопсихотерапевтических аспектов проблемы чести и достоинства в поведении и деятельности человека. Так, в частности, в романе «Униженные и оскорбленные» автор показал роковые, по его убеждению, причины и последствия социального, экономического и психологического унижения человека.

Художественная и научная мысль в XIX и начале XX столетий как бы пророчески колебалась между трагической констатацией фактов массового унижения человеческой чести и достоинства личности и признанием ее наивысшей ценностью и необходимостью ее подъема в обществе. Обратимся к фактам, которые доказывают со странной очевидностью эту мысль.

Так, более века назад, 4 сентября 1905 г., выступая в Киеве на II съезде отечественных психиатров с программным докладом «Личность и условия ее развития и здоровья», выдающийся физиолог, психолог и психиатр, академик В. М. Бехтерев убедительно показал решающую роль личности в общественной, исторической жизни любого государства. Он провозгласил, что личность представляет собой ту основу, на которой строится современная общественная жизнь. Прогресс народов, их цивилизованность и культура зависят от степени развития личностей, входящих в их общественное собрание, которое ученый называл «соборной личностью», от деятельного участия каждой личности в достижении общей цели, в создании общественных и личностных благ. «Активная самодеятельная личность выдвигает в свободном обществе новые

планы и новые горизонты, тогда как пассивные лица, развивающиеся в условиях рабства, способны лишь к повторению и подражанию» [17].

Взгляд академика В. М. Бехтерева на личность очень интересен. Мирную борьбу народов он рассматривал как проверку, испытание общественной самодеятельности личностей, составляющих народ. В этом мирном соревновании побеждает тот народ, который сильнее развитием своих личностей. Народ же с неразвитой общественной жизнью, с подавленными личностями, обречен на распад и потерю своей самостоятельности. В период социальных кризисов, столкновения народов и войн, роль личности становится еще более весомой [142].

В подтверждение этого В. М. Бехтерев приводит свежий, на то время, исторический пример, связанный с российско-японской войной 1904–1905 гг., которая закончилась сокрушительным поражением России. Причину этого поражения ученый однозначно усматривал именно в «личностном факторе», который превзошел влияние других факторов, таких как численность населения стран, размер их территорий, оснащенность армий оружием и т. д. Вспомним, что по населению Россия превышала сторону противника почти вдвое. Касательно территории (с размещенными на ней огромными ресурсами) – Россия имела превосходство над Японией более чем в пятьдесят пять раз (без Маньчжурии, которая в то время была захвачена ею). В. М. Бехтерев отмечал, что в тогдашней Японии были созданы значительно более благоприятные, по сравнению с Россией, условия для деятельности личности, организована общественная жизнь «более светлого характера», личность не была подавлена формализмом, там «буква закона не торжествовала над смыслом», «наука не служила предметом странной иронии, ее не гнали отовсюду бюрократические ведомства», а наоборот, «знания и опыт ценятся там очень высоко и всякое научное открытие привлекается сразу к делу» [там же]. Примечательно, что после доклада В. М. Бехтерева съезд психиатров России был фактически разогнан царскими войсками – видимо потому, что царизм не знал иного средства господства над собственным народом, как его подавление и унижение,

уничтожение его личностной основы. В этих условиях доклад академика относительно реального состояния дел в этой сфере действительно представлял наибольшую угрозу для существования империи.

Отечественный психолог А. Ф. Лазурский, поддерживая своего учителя академика В. И. Бехтерева, указывал на настоящее богатство личности, заключающееся в том, что именно она вырабатывает уникальную психическую продукцию – образы, творческие идеи, теории, смыслы, планы, проекты, программы, в конечном счете – предметный мир цивилизации [142].

Понятия чести и достоинства стали утверждаться в начале XX века в России даже в тех общественных кругах, где этого, казалось бы, нельзя было ожидать. Так, честь, пусть и декларативно, но осознавалась предпринимателями как самая большая ценность, как источник их репутации. В связи с этим, знаменательно, что на первой странице газеты деловых кругов дореволюционной России «Биржевые ведомости» даже появился девиз: «Прибыль превыше всего, но честь выше прибыли» [144, С. 196].

Следует заметить, что в мировой психологии в первой трети прошлого столетия один из учеников З. Фрейда (1856–1939), австрийский психиатр Альфред Адлер (1870–1937), создал специальное направление – индивидуальную психологию, в основу которой были положены чувство неполноценности и стремление человека к превосходству, власти, славе, чему подчиняются его цель и план жизни, развитие способностей, процессы компенсации этого чувства при достижении указанного стремления. Ученым и психиатром были определены пути психотерапевтической помощи клиентам в решении ряда проблем, связанных с «подъемом-падением», «возвышением-унижением», «лидерством-подчинением». Последние определяют ценностные линии жизни человека через понятие повышения чувства личности, общности, непрерывного стремления человека «вверх», к цели богоподобия, достижения всеобщего превосходства, возвышения над другими в качестве героя и т. д. [3].

На аксиологический аспект понимания личности указывал основатель и первый президент Украинской академии наук, академик В. И. Вернадский,

который в начале XX века отмечал: «Нет ничего более ценного в мире и ничего, что требует большего сохранения и уважения, чем свободная человеческая личность» [142]. При этом речь идет не столько о ценностях личности, сколько о ценности самой личности как феномена культуры и цивилизации.

Как свидетельствует анализ психологических причин социальных катастроф прошлого века *какого??*, чрезмерное унижение и возвышение человеческой чести и достоинства становились причинами массовых лавинообразных конфликтов мирового масштаба. Так, можно утверждать, что первая и вторая мировые войны имели открытое аксиопсихологическое начало. Известно, что первая мировая война была сдетонирована «борьбой достоинств» между царскими дворами Европы после убийства летом 1914 г. в Сараево эрц-герцога Фердинанта, двоюродного брата императора Австро-Венгрии Франца-Иосифа. Ценой этой борьбы уязвленных достоинств царских семей стали миллионы и миллионы жертв.

После поражения Германии в первой мировой войне, по Версальскому мирному договору, была аннексирована часть ее территории, а также ей было запрещено иметь современную армию, что привело к фактическому унижению национальной чести великого народа. Этим обстоятельством воспользовался Адольф Гитлер, который, спекулируя на вопросах чести и достоинства, разработал национал-социалистическую идеологию, в основу которой была положена идея превосходства «арийской германской нации» над другими. А это стало катализатором развязывания самой кровавой в истории человечества второй мировой войны против «низших», «неполноценных», согласно идеям нацизма, народов. Вследствие такого аксиопсихологического «поджога» мирового кострища в его аду сгорело более 60 миллионов человек.

И не грозят ли сейчас и в будущем человечеству в целом и отдельным народам проявления превосходства, презрения, пренебрежения со стороны некоторых государств, массовое унижение населения власть имущими, бесчестье и высокомерие некоторых руководителей – появлением новых мировых конфликтов, общественных и личностных катастроф?

Равнодушное отношение мирового истеблишмента к мудрым идеям и предупреждениям в этом плане академиков В. И. Бехтерева, В. И. Вернадского, А. Эйнштейна, других мыслителей больно отозвалось на судьбе сотен миллионов людей. Если же говорить о России, то в условиях ее необдуманной, идеологически обреченной, волюнтаристской, перманентной «перестройки» в течение всего XX века, при отсутствии качественного, здорового личностного корпуса, более того, напротив – его систематического подавления и уничтожения – все это привело к господству разрушительных тенденций в жизни самого русского народа и народов, находящихся под его влиянием. Это влияние ощущается и в современном развитии постсоветских стран на пути к демократии.

Одновременно следует указать на обнадеживающий факт, связанный с тем, что когда в 1937 г. в СССР наблюдался пик репрессий против собственного народа и его элиты, т. е. физическое и социальное подавление и уничтожение личностной прослойки страны, массовое обесценивание личностей, среди которых, кстати, были и отечественные психологи, тестологи, педологи, психотехники, в США выходит книга известного гуманистического психолога Г. Оллпорта «Личность: психологическая интерпретация», в которой приводится 50 определений личности, а в западной психологии и обществе разворачивается «личностный бум», что психологически обеспечивает укрепление личностной основы западных стран. Как результат этого, в системе образования США сейчас используются сотни учебников по психологии личности. А количество инженерных, социальных психологов, психологов труда, психотерапевтов и консультантов по решению психологических проблем личности достигает почти миллиона и уже равно количеству врачей. В странах Европы и Америки происходит широкая ассимиляция населением идей об определяющей роли личности в культуре, экономике, производстве, отношениях между людьми, которые были добыты в научных исследованиях У. Джемса, З. Фрейда, К. Юнга, А. Адлера, Б. Скиннера, Э. Фромма, К. Хорни, К. Левина, Г. Оллпорта, К. Роджерса, Р. Кеттелла, А. Маслоу и других персонологов.

Необходимо подчеркнуть, что в XX веке, по уровню и массовости личностного развития, как основы становления и существования общества, СССР остался далеко позади почти всех демократических стран мира. В связи с этим, приведем одно из красноречивых сравнений между советскими и японскими рабочими по такому важному личностному параметру, как степень их творческой активности. Так, один японский рабочий, в конце 1980-х годов, продуцировал в год в среднем около 135 (!) изобретений, творческих предложений, новых технических решений, что в 15 (!) раз превышало такой же показатель труда советского рабочего – всего 9 (?) творческих решений в год. Это стало главной «статистической» характеристикой «застоя» в СССР, в которой выразилась слабость личностного корпуса советской страны, что фактически и привело ее к неготовности к перестройке, развалу, а также неэффективности реформ при переходе к демократии и рыночной экономике.

Однако о необходимости реального утверждения, подъема ценности личности в СССР смело и откровенно предупреждали власть десятки и сотни авторитетных деятелей науки, техники, культуры. Однако этот фактор расцвета и безопасности государства, его главный ресурс и источник благополучия был проигнорирован правящей верхушкой.

Следует вспомнить в этом плане педагогическую систему В. А. Сухомлинского по воспитанию всесторонне развитой, счастливой и достойной личности, которая базируется на признании выдающимся педагогом человека высшей ценностью и предусматривает фактически целый комплекс средств его культурного возвышения (умственного, мировоззренческого, чувственного, нравственного, патриотического, творческого, трудового, волевого, эстетического, физического и т. д.). Великий педагог убедительно доказал, что утверждение личности как высшей ценности, подъем ее к вершинам культуры и достижение счастья возможны не только в системе образования, но и во всем обществе – при надлежащих усилиях со стороны всех его членов [168; 169]. Однако, советская власть этого «не заметила» и тем самым подписала себе приговор.

Об этом же свидетельствует диагноз, поставленный руководству СССР последних лет его существования одним из самых честных общественных деятелей Украины, ее совестью, кавалером ордена Ярослава Мудрого, академиком Ф. Т. Моргуном (1924–2008 гг.), который в 1970–80-е годы возглавлял Полтавщину, обеспечил ее прогрессивное развитие и считался на Западе одним из вероятных кандидатов на пост президента независимой Украины... В своей книге «Кто разрушил Компартию и крупнейшую в мире страну. Размышления избирателя» (2006) он прямо указал, как на основную причину провала перестройки, на сознательное унижение высшими руководителями СССР компартийной, хозяйственной и культурной элиты страны. В этом плане лидеры «перестроечных реформ» фактически продолжили линию своих предшественников на унижение и уничтожение личностного потенциала страны, что в конце концов и привело к ее выходу с исторической арены [110].

Таким образом, в конце XX века в СССР состоялся знакомый каждому школьнику по истории родного отечества, но непреодолимый власть имущими рецидив «княжеской междоусобицы» между высшими руководителями страны, обладающей мощным ядерным, экономическим и идеологическим потенциалом, но совершенно беспомощной перед «войной достоинств» ее лидеров уже в современных цивилизационных условиях...

В отличие от этого, уникальный по своей сути и обнадеживающий, в целом, исторический пример утверждения ценности личности представляет собой один из существующих институтов человеческой цивилизации, каким является религия, церковь. Этот институт держится и развивается как наиболее стабильное и длительно действующее (на протяжении многих тысячелетий) человеческое общественное образование. Он основывается именно на уважении к человеку, на возвышении ценности личности до уровня божества, т. е. бесконечного и вечного феномена, на утверждении Бога в самом человеке... Это хорошо показал в своей христианской антропологии выдающийся отечественный философ, психолог, богослов В. В. Зеньковский, понимая

личность как образ Божий в человеке, являющийся центром человеческой природы. Он обоснованно доказал, что церковь своей «космической организацией», культом, ритуалами и всей сущностью обеспечивает реальное возвышение человеческой личности, «соборной личности». А это собственно и делает ее наиболее сильным и стабильным институтом человеческой цивилизации – без всякого принуждения, насилия, оружия... [64].

Следовательно, не продолжая дальше соответствующей аргументации, можем констатировать необходимость возрождения и утверждения в современных условиях «принципа самоценности каждой личности» И. Канта, его совершенствования, осовременивания в форме *принципа ценности и самоценности личности для общества и самого человека*, поиска путей возложения этого принципа в основу прогрессивного развития человеческого сообщества. По этому принципу феномен личности должен быть реально, а не виртуально (императивно, а не декларативно!) признан высшей ценностью человеческой цивилизации и самого человека и стать базовым в функционировании и усовершенствовании всех институтов, всей общественной организации человечества, стран, жизнедеятельности каждого человека.

Следует переосмыслить и усилить эффективность личностно-ценностного функционирования различных общественных институтов, прежде всего, научных, образовательных, экономических, политических, культурных, художественных, медицинских и т. д. – в контексте утверждения принципа ценности и самоценности личности, использования разнообразных форм и методов ее возвышения и одновременно – устранения сознательных и бессознательных форм и методов унижения личности как объекта и субъекта созидания культурных ценностей цивилизации, общества, самого человека. В этом плане личность должна быть реально признана как исходная, первоначальная ценность общества, самой личности, а все другие ценности – как производные, вторичные, третичные и т. д.

В педагогике и психологии следует переосмыслить гуманистический смысл имеющихся теорий и практик именно в контексте возвышения личности

ученика, учителя, предпочитая такие формы и методы, как трудовое, патриотическое, эстетическое, этическое, творческое, духовное и чувственное возвышение, переводя их в практический план улучшения образовательных технологий. С другой стороны, следует исключить все формы обучения и воспитания, связанные с унижением и обесцениванием личности педагога, а главное – ученика как будущего гражданина и профессионала. Динамика возвышения и унижения ценности личности должна перестать быть спонтанной, а превратиться в сознательный, целенаправленный процесс, которым можно управлять при помощи социальных, экономических, политических, педагогических, психологических средств. Особой социально-психологической поддержки в этом плане требуют способная, творчески одаренная молодежь, талантливые молодые специалисты, квалифицированные рабочие и мудрые ветераны.

Следует еще раз отметить, что термин «возвышение» уже давно используется отечественными и зарубежными учеными, деятелями искусств. Укажем, прежде всего, на уже упоминавшегося украинского языковеда А. А. Потебню, который еще во второй половине XIX века призывал к тому, чтобы «человек возвысился над своими звероподобными предками» [126, С. 185].

А в следующем столетии американский историк В. Мак-Нил в своей книге «Возвышение Запада. История человеческого общества» (1963) придал понятию возвышения значение парадигмальной категории – то есть такой, которая определяет причины прогресса цивилизации, культуры, постоянно сталкивающейся с противодействием со стороны варварства и неоварварства, при движении в направлении к «высокому обществу» [101].

Среди современных украинских ученых к этому понятию неоднократно обращался выдающийся психолог, методолог, историк психологии В. А. Роменец, который еще в 1980-х годах указывал на феномен «возвышения личности» в ситуациях творчества, вдохновения, эстетического переживания и т. д.

Говоря о возвышении и утверждении ценности личности, ее чести и достоинства, как о цели общества и самой личности, следует лучше осознать условия и средства подъема и утверждения ценности личности или ее унижения и уничтожения, которые реально функционируют в обществе и в сознании самого человека.

Предлагаем в этом плане краткий перечень основных видов, проявлений, факторов и последствий социально-психологического возвышения или унижения и индивидуально-психологического самовозвышения или самоунижения человека и личности. Этот перечень может быть представлен в виде таблицы 1.

Таблица 1

Факторы, виды, проявления и последствия социально-психологического и индивидуально-психологического возвышения, пренебрежения и унижения личности обществом и самим человеком

<p>1. Социально-психологическое возвышение ценности личности в обществе (гуманизм, диалог, демократия, прогрессивное развитие, справедливость, уважение государства к личности, благополучие, толерантность, правда, похвала, комплимент, права человека, ориентация на творческую личность, интеграция, свобода, объединение, успешное сотрудничество, эмпатия, солидарность, любовь, эгоистический альтруизм, дружба, социальное признание ценности личности, честь, массовое создание духовных и материальных ценностей, классическое искусство, музыка, культура, религиозные чувства,</p>	<p>4. Индивидуально-психологическое самовозвышение ценности собственной личности человеком (честность перед собой, стремление к истине, гуманный смысл жизни, вера в будущее, духовность, совесть, самопознание, оптимизм, любовь, творчество, успех, самоактуализация, вдохновение, альтруистический эгоизм, высокое настроение, остроумие, юмор, адекватная самооценка, счастье, радость жизни, здоровье, симпатия, энтузиазм, гармония личности, свобода, конгруэнтность, чувство собственного достоинства, благотворительность, красота души, развитие, креативность,</p>
--	---

<p>пропаганда здорового образа жизни и пр.)</p>	<p>творческий труд, удовольствие от его результатов, вера в себя и т. п.)</p>
<p>2. Индифферентное, равнодушное отношение общества к ценности личности, социальное пренебрежение, слепота к личности</p>	<p>5. Индифферентное, безразличное самоотношение человека к ценности собственной личности, апатия духа</p>
<p>3. Социально-психологическое унижение ценности, обесценивание, уничтожение личности в обществе (авторитаризм, культ одного лица, деспотизм, деградированное, регрессивное общество, нивелирование, формальный коллективизм, социальное, политическое, экономическое угнетение, бесправие, обзывание, высмеивание, бескультурье, вандализм, неоварварство, эксплуатация, инфекционные болезни, эпидемии, манипулирование, конфликты, неудачи, предательство, несправедливость, агрессия, пренебрежение, враждебность, закрепощение, бедность, антипатия, рабство, давление, лживость, грубость, криминогенная атмосфера, цинизм, дезинтеграция, насилие, наказание, мазохизм в отношениях, издевательство, моральное и психическое унижение чести и уничтожение личности, преследование, террор, убийство, война и т. п.)</p>	<p>6. Индивидуально-психологическое самоунижение ценности, обесценивание, уничтожение собственной личности самим человеком (пессимизм, неверие, ненависть, комплексование, неконгруэнтность, эгоизм, негативизм, аутизм, скепсис, зависть, неудачи, злость, лень, одиночество, регресс самосознания, обесценивание собственного «Я», ужас, дистресс, «профессиональное выгорание», депрессия, горе, негативные эмоции и чувства, эмоциональное истощение, болезни, тревожность, заторможенность, ограниченность, грехопадение, внутренняя конфликтность, нищета, голод, духовная бедность, деградация, страх, жадность, глупость, самообман, деперсонализация, наркотическая и алкогольная зависимость, разврат, самоунижение собственного достоинства, самообвинение, самоуничтожение, моральное и физическое самоубийство и т. д.)</p>

Необходимо отметить тот мало и трудно осознаваемый факт, что термины «возвышение» и «унижение» ценности личности, ее чести и достоинства, уже перестают быть литературной метафорой, а постепенно технологизируются в психологии, педагогике, психотерапии, политологии, экономике, в организации «мира труда», производства, искусства передовых стран. Приведем лишь хорошо известный бестселлер супругов мистера Д. Карнеги и миссис Д. Карнеги «Дорога к счастью», который демонстрирует действие практических приемов подъема ценности человека в межличностном общении и сотрудничестве [73], книгу М. Рамундо «Как поднять энтузиазм сотрудников», в которой убедительно показано действие социально-психологических и индивидуально-психологических методов возвышения ценности рабочего на предприятии [136], а также книгу рецептов счастливых отношений С. Джефферс «Уроки любви» [47] и произведения других авторов. Об этом свидетельствуют также переполненные залы театров и консерваторий, где классическое искусство, музыка поднимают личность над обыденностью, приумножают ее творческий, духовный потенциал. В психологии, психотерапии, педагогике, менеджменте постепенно появляются новые приемы и технологии возвышения личности, за которыми будущее. Вспомним лишь американское «Smile!» («Улыбнись!»), которое добавило американцам немало здоровья, подняло на несколько лет среднюю продолжительность жизни граждан, увеличило на десятки, сотни миллиардов долларов прибыль предпринимателей!

Проблема возвышения-унижения ценности личности не является простой. Это следует хотя бы из того факта, что приведенные в указанной таблице виды подъема и падения ценности личности взаимосвязаны между собой, образуют более сложные комбинированные виды. То есть, реально в каждом обществе наблюдаются определенные сочетания противоположных аксиологических тенденций, определяющих в конце концов его «личностный облик» и уровень его благополучия. Каждая из этих комбинаций должна быть тщательно изучена и учтена в реальной работе институтов общества и его лидеров (политиков, экономистов, ученых, педагогов, медиков, художников, производственников),

если они реально хотят воплотить принцип ценности и самооценности личности в жизнь страны и его граждан, чтобы обеспечить их прогрессивное развитие.

Согласно вышесказанному, уже сейчас могут быть созданы, модернизированы и использованы новые психолого-педагогические методы возвышения ценности личности. Они способны существенно повысить качество учебно-воспитательной работы общеобразовательных, профессионально-технических, высших учебных заведений, улучшить функционирование психологической службы системы образования. Так, в наших исследованиях разработаны и апробированы специальные психолого-педагогические технологии подъема ценности личности школьников (путем моделирования вершинных, акмеологических ситуаций в условиях учебной деятельности в ходе выполнения научных, технических, культурных проектов и др.), рефлексивно-историко-ролевой тренинг (путем непосредственного рефлексивного выбора и овладения студентами различных аспектов ценности личности выдающихся деятелей науки, техники и культуры), «десятичная технология» подготовки научных работ, психотерапия клиентов с критически униженной честью и достоинством, суицидальными и летальными тенденциями – именно путем подъема ценности их личности культурно-психологическими средствами и т. п.

При этом следует разграничивать процесс возвышения ценности, чести и достоинства личности, как фактора и механизма создания, мобилизации, активизации, самоактуализации, максимального творчески-креативного раскрытия потенциала личности, от искусственного и чрезмерного повышения степени самооценки, амбициозности, высокомерия, надменности, гоноровитости человека, что приводит к нежелательному искажению самосознания, к внутриличностным и межличностным конфликтам.

Воплощение принципа ценности и самооценности личности очень важно для Украины, чей талантливый народ на протяжении тысячелетий был неоднократно унижен, личностно обесценен, чьи личности, все же возрастая часто вопреки неблагоприятным историческим условиям, попадали под действие различных жестких факторов унижения и уничтожения. Поэтому успех в национальном

возрождении и прогрессе страны должен быть связан с созданием благоприятных социально-психологических и индивидуально-психологических условий подъема и самовозвышения ценности личности. Это поможет решительному преодолению комплекса неполноценности украинской личности, унижения национальной чести и человеческого достоинства украинца. Именно поэтому принцип ценности и самооценности личности, ее возвышения и утверждения следует ввести в национальную идею украинского народа.

Уже на данном этапе исследования проблемы ценности и самооценности личности можно выделить несколько аспектов ее анализа и синтеза:

– объективный (социальная ценность и индивидуальная самооценность) и субъективный (честь и достоинство личности, как формы осознания ею своей социально-психологической ценности и индивидуально-психологической самооценности);

- объектный или субъектный;

- системный (строение, структура, взаимосвязи, иерархия элементов ценности личности);

- интегративный и дифференцированный;

- генетический (развивающий) и возрастной уровень развития ценности и самооценности личности;

- потенциальный и актуальный;

- статический (субстанциональный) и динамический (процессуальный, временной, силовой);

- диалектический (противоположные тенденции в их единстве, уравновешенности и противоречии, в отрицании отрицания, переходе количественных изменений в качественные) и метафизический (косность, консерватизм и т. д.);

- формальный и содержательный аспекты ценности и самооценности личности;

- типологический аспект, например, модальная систематизация составляющих ценности и самооценности личности (коммуникативные,

мотивационно-смысловые, характерологические, рефлексивные, академические, интеллектуальные, психофизиологические ценности и самооценности – согласно психологической структуре личности);

- временные аспекты (скорость, цикличность, ритмика изменений);
- активный или пассивный характер;
- сбалансированное или несбалансированное проявление в межличностных отношениях;
- декларативный или императивный;
- причинно-следственные;
- открытый или латентный;
- масштабный аспект – от отдельной личности к их группе, обществу и человечеству;
- трансцендентный или аутичный (существование в виде передачи, обмена, диалога или преимущественно во внутреннем плане личности);
- оценивающий или оцененный;
- функциональный (механизм) или субстанциональный (материал);
- оценочно-измерительный (ценность и самооценность личности являются мерой всех других ценностей);
- аккумулятивный и трансляционный;
- нормативно-регулятивный;
- каталитически-творческий и детонационно-разрушительный;
- вспомогательно-защитный и помехо-угрожающий;
- культурно-утверждающий и культурно-угнетающий;
- конструктивно-креативный и деструктивно-рутинный аспекты и т. д.

Большинство из приведенных аспектов ценности и самооценности личности требует тщательного теоретико-экспериментального изучения. Уже сейчас в предварительном плане можно охарактеризовать некоторые из указанных аспектов.

Так, важнейшим среди них является системный аспект, который определяет элементный состав, структуру элементов, системные функции (входные и выходные) ценности и самооценности личности. При этом, следует подчеркнуть, что принципиальным является рассмотрение не столько внешних для личности ценностей, от которых зависит ее существование, сколько самой личности как первичной ценности, которая является ее атрибутивным свойством и на самом деле генетически и функционально определяет доступ к другим материальным и духовным ценностям. В системном аспекте ценность и самооценность личности являются целостным образованием, переживаемым субъектом и презентированным ему в таких этико-психологических и аксиопсихологических новообразованиях, как честь и достоинство личности.

Ценность и самооценность личности в системном аспекте имеют свою структуру, совпадающую с психологической структурой личности, в которой аксиопсихологический центр представлен самосознанием и такими ее составляющими, как самооценка, чувство собственного достоинства, «Я-концепция» и т. д. Именно самооценка интегративной ценности всех свойств структуры личности переживается ею в чувстве чести, преимущественно обращенной к социуму, и в чувстве собственного достоинства, преимущественно обращенном на себя. Все элементы ценности и самооценности личности как целостной системы взаимосвязаны между собой и выполняют определенные функции. Относительно последних может быть выдвинуто предположение, что главными среди них являются регулятивная, защитная, гомеостатическая, развивающая, утверждающая, креативная функции, проявляющиеся, в частности, в способности личности к овладению своей психикой как ценнейшим богатством. Каждый из элементов ценности личности имеет свой уровень развития и по-разному соотносится с другими элементами.

Динамический аспект ценности и самооценности личности отражает их изменения в пространстве самосознания данной личности и сознания других личностей. Речь идет о таких изменениях, как возвышение, уравнивание и понижение ценности и самооценности личности, их баланс и дисбаланс в

сопоставлении с ценностью и самооценностью других личностей. При этом динамика изменений ценности и самооценности личности может характеризоваться определенным масштабом, диапазоном, размахом, скоростью, интенсивностью, энергетизмом, силой, мощностью, последствиями и т. д.

С динамическим аспектом ценности и самооценности личности связан временной аспект, определяющий их изменение в различных временных интервалах – эволюционном, историческом, генеалогическом, биографическом, прошлом, настоящем, мгновенном (здесь и теперь) и будущем, футурогенном, а также учитывая скорость, цикличность и ритмику изменений.

Очень важен субъектный аспект динамики ценности и самооценности личности, который выражается в аксиологической активности самой личности как по отношению к себе, так и к другой личности. В контексте этого аспекта могут быть выделены различные процессуальные стороны изменений ценности и самооценности личности, направленные как вовне на другую личность, так и извне и «изнутри» – на собственную личность. Здесь могут быть рассмотрены различные по своему масштабу и модальностью аксиопсихологические процессы: сенсорно-перцептивные, мыслительно-имажинативные, операционно-моторные, жестовые и мимические, вербальные, эпистолярные, индивидуально-деятельностные, коллективно-поведенческие, социально-активные, государственно-интерактивные, международно-деятельностные, цивилизационно-деятельностные.

Примером такой коллективной аксиопсихологической деятельности может быть изображенный художником И. Репиным момент написания запорожскими казаками письма турецкому султану. Смысловая суть этого коллективного действия заключается в попытке как можно большего унижения достоинства султана, цель которого, среди прочего, состоит в попытке обесценивания его авторитета, чести, достоинства, репутации, самообладания, в конечном счете – способности к управлению государством и войском, а потому – и увеличение, хотя бы и небольших шансов казаков на победу в войне.

Субъектный аспект проблемы представлен такими его вариантами, как субъектно-внутриличностный, субъектно-субъектный, субъектно-социальный, социально-субъектный и т. д.

Для более глубокого понимания природы ценности и самооценности личности следует наметить возможные механизмы их функционирования: цивилизационный (В. Мак-Нил), международный (межэтнический), кросс-культурный, эстетический, психолого-педагогический (В. А. Сухомлинский), социологический, социально-психологический (А. В. Петровский), психологический (А. Н. Ткаченко), функциональный (П. К. Анохин), психодинамический (темпераментальный – Б. И. Цуканов), физиологический (Н. А. Бернштейн) и др.

Содержательный аспект ценности и самооценности личности может быть представлен в виде классификации ее способностей и одаренностей как ценностей, систематизированных на основе ее психологической структуры.

1.3. Трехмерная, поэтапно конкретизированная психологическая структура способностей и дарований личности как уникальной ценности

Категория личности исторически вводилась в общественное сознание как имеющая высокую ценность. Ведь именно личность, по мнению мыслителей, создает новые ценности и поэтому, в процессе творчества, сама приобретает новые, более высокие ценные качества. Когда речь идет о личности, то имеется в виду высочайшее качество психики и психической регуляции деятельности. Именно это подчеркивал Л. С. Выготский, используя в своей культурно-исторической теории понятие высших психических функций, характеризующих личность. С аксиологической точки зрения совокупность таких высших психических качеств-ценностей и предоставляет личности статус высшей

ценности. Какова же структура этой ценности или структура психологических ценностей личности? Мы считаем, что она совпадает с психологической структурой личности, иначе говоря, аксиологический взгляд на структуру личности необходим для ее полноценного понимания. Что же касается одаренной, талантливой личности, то рассмотрение ее как субъекта созидания ценностей должно занять центральное место во всех ее определениях.

Следовательно, для содержательного описания ценности личности и ее свойств (способностей, дарований) целесообразно обратиться к их классификации на основе психологической структуры личности. А для этого необходимо подробнее раскрыть понятие структуры личности как самого сложного в мире образования. Это означает, что следует отказаться от слишком общего и упрощенного ее толкования и научиться работать с ней как со структурированной сложностью высшего порядка.

Проблема психологического анализа и синтеза структуры личности возникла почти сто лет назад и с тех пор интересует теоретических и практических психологов. Свидетельством этого является «Опросный лист для психофизиологической характеристики профессий и специальностей», предложенный еще в начале XX века О. Липманом, заведующим Института прикладной психологии в Берлине. Лист охватывал 151 пункт, которыми охватывался исчерпывающий к тому времени, хотя и малоупорядоченный, перечень свойств личности. Последние были важны для успешного выполнения трудовой деятельности, в которой создаются различные ценности и сам человек как наивысшая среди них ценность. Этот перечень использовался в 1930-е годы Центральным институтом труда в Москве для составления психогрмм разных профессий, а также проведения консультаций по определению профессиональной пригодности, что значительно улучшало подготовку профессионалов [122].

Почти одновременно с О. Липманом, в России А. Ф. Лазурским была разработана программа исследования личности, которая отражала уже достаточно структурированный перечень психологических понятий, в которых,

на разных уровнях обобщения и конкретизации, по условно-рефлекторной логике, была фактически представлена психологическая структура качеств личности. На ее основе можно было составить содержательное научное представление о личности как о настоящем богатстве, на чем и настаивал тогда А. Ф. Лазурский [142].

О плодотворности структурного анализа и синтеза качеств личности как ценности свидетельствует опыт разработки психологической структуры личности в виде так называемой карты личности, созданной на основе психологической динамической функциональной структуры личности К. К. Платоновым [122], а также – в форме монистической теории многомерного развития личности, предложенной В. Ф. Моргуном [108].

Именно в такой структуре качеств целостно собирается, складывается, хранится в свернутом виде качественный культурно-психологический потенциал личности как ценности, потенциал, готовый актуализироваться, развернуться в ситуациях дальнейшего созидания предметных ценностей культуры и себя как высшей, исходной ценности.

Следует отметить, что структура личности как концептуальный инструмент лучшего понимания этого феномена, приобрела значительную теоретическую, методологическую, методическую ценность в научной психологии, поскольку с ее помощью стало возможным лучше осознавать всю сложность и ценность личности, более конструктивно осуществлять теоретические и экспериментальные исследования, комплексную психодиагностику личности, психоразвивающие, психокоррекционные, психотерапевтические и консультативные мероприятия. Поэтому теоретическому и практическому психологу полезно будет проследить некоторые общие процедуры построения структуры личности в научной психологии.

В связи с этим, целесообразно отметить, что существуют два основных направления построения структуры личности, противоположные друг другу по своим методам и результатам, которые в перспективе должны рассматриваться в единстве. Их можно условно обозначить как индуктивное и дедуктивное.

Согласно индуктивному направлению, структура личности выводится из множества конкретных жизненных психологических понятий обычного словаря с помощью определенной статистической процедуры. В ходе реализации дедуктивного направления структура личности складывается на основе общих методологических принципов и категорий научной психологии, которые постепенно системно конкретизируются на более конкретные научные психологические понятия и термины.

Первое из этих направлений проявляется в так называемых диспозиционных теориях личности. Известный представитель этого направления, Р. Б. Кэттелл, использовал определенные правила индуктивного умозаключения при построении 16-факторной структуры личности. Он проанализировал 4,5 тысячи черт личности, которые ранее были выделены среди 18 тысяч слов английского словаря Г. Г. Олпорт и Х. С. Олдбергом. Эти черты позже были сгруппированы Р. Б. Кеттеллом сначала в 171 группу синонимических понятий. Далее все группы оценивались экспертами и подлежали корреляционному анализу, были образованы 46 корреляционных плеяд, а дальнейший факторный анализ которых привел в конечном итоге к формированию 16 известных факторов [24].

Г. Айзенк использовал аналогичную процедуру при создании своей трехфакторной структуры личности. В современной отечественной психологии данное направление построения психологической структуры личности было поддержано и реализовано В. М. Мельниковым и Л. Т. Ямпольским.

Особенностью структур этого типа является то, что они охватывают почти весь массив лингвистических данных о личности и систематизируют его путем постепенного обобщения – от предельно конкретных единичных психологических терминов словаря до предельно абстрактных понятий, которые рассматриваются как «факторы» структуры личности.

При этом, в качестве исходных используются преимущественно жизненные понятия обычной речи, наполненные субъективизмом индивидуального и общественного сознания. В данном отношении, продукты такой индуктивной

процедуры, несмотря на то, что они подвергаются вроде бы научным процедурам обобщения, не отличаются высоким уровнем объективности научных понятий и категорий, которые строятся на основе теоретического и экспериментального обоснования. Если бы можно было полностью положиться на человеческую мудрость и общественное сознание, то не было бы потребности в психологической науке. Все необходимые знания о личности можно было бы выводить из словаря с помощью определенных логических или психолингвистических процедур, похожих на те, которые используются в описанном направлении персонологии.

На наш взгляд, более перспективным представляется дедуктивное направление создания психологической структуры личности. Оно основано на накопленном в научной психологии фонде закономерных знаний о личности: методологических подходах и принципах, научных категориях и понятиях, закономерностях развития и строения личности и т. д. Современное состояние психологической науки позволяет последовательно реализовать дедуктивное направление «восхождения от абстрактного к конкретному» при построении психологической структуры личности, постепенно создавая соответствующие «этажи» классификации все более конкретных научных психологических категорий и понятий. Таким образом, это позволит прийти до формирования объективной, существенной, глубинной психологической структуры личности и на этой основе осуществить систематизацию профессионально и жизненно важных, ценных качеств личности. Вместе с тем, в перспективе дедуктивное направление построения структуры личности должно объединиться с индуктивным. Это требует наличия обязательного высокого уровня логической культуры у психолога, то есть формирования способности успешно работать с научными психологическими понятиями разного уровня обобщения-конкретизации, владения им дедуктивно-индуктивными психологическими операциями, которые обеспечивают постижение специально организованным психо-логическим мыслительным процессом уникальной сложности, которой является личность.

Однако это дедуктивное направление не следует представлять упрощенно, линейно, одномерно. Необходимо учитывать накопленный опыт разработки психологической структуры личности в рамках этого направления. В связи с этим, мы считаем возможным выделить три основных подхода к поиску вариантов структуры личности в русле дедуктивной процедуры, которые предлагаем обозначить как социально-психолого-индивидуальный, деятельностный и генетический.

Анализ научных данных, которые получены в соответствующих исследованиях, свидетельствует о том, что в психологии все лучше понимается ограниченность одномерных представлений о структуре личности. В работах А. Н. Леонтьева, С. Л. Рубинштейна, Ф. Лерша, Г. С. Костюка, К. К. Платонова, В. Ф. Моргуна, Ю. Козелецкого и других психологов реализуется тенденция к синтезу двумерных и многомерных структур личности. Стоит рассмотреть их подробнее.

По схеме одномерной структуры личности, если рассматривать ее в контексте только социально-психолого-индивидуального подхода (с полярностью «социум – индивид»), построены известные модели личности З. Фрейда, К. Юнга, Б. Г. Ананьева, А. Г. Ковалева, А. В. Петровского, В. Н. Келасьева и других психологов. Одномерной, но в деятельностном плане, можно считать структуру личности, предложенную Н. М. Пейсаховим.

Интересный опыт построения двумерной структуры личности принадлежит К. К. Платонову. В предложенной им «функциональной динамической психологической структуре личности» в первом, фактически социально-психолого-индивидуальном ее измерении (с полюсами «социум» и «индивид»), были выделены четыре главные подструктуры (см. на рис. 2): 1) социально обусловленная подструктура направленности личности; 2) подструктура опыта, в которой, вместе с социальным влиянием, ощущается также и биологическое; 3) подструктура психических, познавательных процессов, в которой социальные и биологические влияния приобретают значительную роль; 4) подструктура

био психических свойств личности, где биологические влияния преобладают над социальными [122].

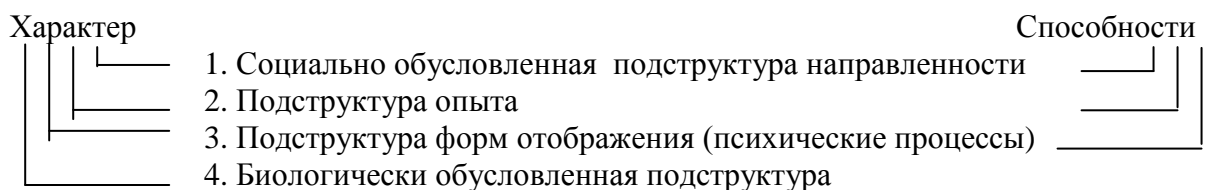

Рис. 2. Схема основной общей динамической функциональной психологической структуры личности по К. К. Платонову

К. К. Платонов предлагает дополнительно «наложить» на подструктуры социально-психолого-индивидуального измерения (направленности, опыта, психических процессов, биологически обусловленную подструктуру) еще две подструктуры – способностей и характера (рис. 2). Однако, на наш взгляд, принцип наложения правомерно использовать только в отношении подструктуры способностей, рассматривая в широком смысле все качества личности именно как способности, как средства осуществления деятельности.

Что же касается подструктуры характера как совокупности социально обусловленных и сформированных в межличностных отношениях черт личности, то они все же не обладают такой универсальностью, как способности и поэтому должны занять свое специфическое место в социально-психолого-индивидуальном измерении структуры личности, как это делается большинством специалистов.

Исходя из указанного универсального значения способностей, можно утверждать, что они представляют собой еще одно принципиальное (генетическое, возрастное, развивающее) измерение структуры личности по К. К. Платонову, хотя он прямо и не утверждал этого. Данное утверждение базируется на известном в психологии положении о том, что способности являются показателем развития психических качеств личности в соответствии с требованиями той или иной деятельности (Б. М. Теплов, К. К. Платонов и др.).

Следовательно, предложенная К. К. Платоновым схема психологической структуры личности может рассматриваться как исходный пункт для перехода к более глубокому синтезу двух вышеупомянутых, связанных между собой измерений личности. Следует отметить, что для этого необходимы определенные дополнения и уточнения данной схемы. Так, рядом с подструктурой характера, которую целесообразно вставить в социально-психолого-индивидуальное измерение структуры личности и расположить ближе к социальному полюсу этого измерения, нужно поставить такие важные подструктуры, как психосоциальность, общение и самосознание. Ведь без самосознания как «ядра» личности невозможно никакое научное представление о структуре личности. Этот вывод вытекает из взглядов на личность таких известных исследователей, как З. Фрейд, У. Джемс, К. Юнг, А. Маслоу, К. Роджерс, Л. С. Выготский, Б. Г. Ананьев, С. Л. Рубинштейн, Г. С. Костюк, П. Р. Чамата и др. Это же относится и к подструктурам психосоциальности и общения, ведь без социальных свойств личности и способности к общению невозможна активная взаимосвязь между личностью и социумом. В целом, в социально-психолого-индивидуальном измерении личности, на наш взгляд, должны быть представлены такие базовые подструктуры, как:

- А – психосоциальность;
- Б – способность к общению;
- В – направленность;
- Г – характер;
- Д – самосознание;
- Е – опыт;
- Ж – психические, интеллектуальные процессы;
- З – психофизиологические качества;
- И – психосоматика личности.

Синтез этого измерения с генетическим (возрастным, развивающим) измерением позволяет определить уровень развития у конкретного индивида задатков и психических способностей на конкретном возрастном этапе

становления личности. В этом смысле это измерение можно считать также возрастным и развивающим.

Следует отметить, что К. К. Платонов, подобно А. Ф. Лазурскому, последовательно применил дедуктивный метод в построении своего оригинального варианта психологической структуры личности, что проявилось в конкретизации каждой из 6 предложенных им общепсихологических базовых подструктур (четырех основных и двух наложенных) на конкретизирующие их психические свойства. Благодаря этому, К. К. Платоновым была предложена так называемая карта личности, которая охватывает уже 61 элемент. Карта приобрела при этом более конкретные психологические характеристики [122].

Перспективный вариант сочетания двух, «горизонтального и вертикального», измерений психологической структуры личности реализовал в конце 1930-х – начале 1950-х годов немецкий психолог Ф. Лерш. Он фактически попытался объединить деятельностный и социально-психолого-индивидуальный (по нашей терминологии) измерения личности – в виде двумерной «горизонтально-вертикальной» схемы построения личности.

На этот проект структуры личности в свое время обратили внимание украинские психологи Г. С. Костюк и П. М. Пелех.

По Ф. Лершу, «горизонтальный» параметр или измерение личности образуют психические процессы и функции, которые возникают и развиваются в человеческой личности на основе «закона коммуникации», то есть взаимодействия личности с окружающей средой, ее деятельности и общения. Такой «горизонтальный», то есть функциональный, деятельностный круг внутренней психологической структуры личности состоит из четырех «членов»:

- 1) мотивационного;
- 2) чувственного или эмоционального;
- 3) познавательного;
- 4) деятельного поведения.

«Вертикальный» же параметр или измерение личности рассматривается Ф. Лершем как внутренний результат этой психической «горизонтальной»

деятельности, как ее внутренняя сила. В процессе развития ее образуют внутренние наслоения в форме «диспозиций», психических свойств, навыков, привычек и т. д. Они не являются чем-то статическим, а выступают как динамические, поскольку участвуют в «горизонтальной» деятельности личности. Такими основными наслоениями или подструктурами «вертикального» измерения личности являются:

- «личностная надстройка», «эндотимная основа личности» – ее внутренние побуждения, стремления, проблемы и чувства как мотивы человеческой деятельности;

- «внешний объем переживаний личности» – ее чувства, восприятие, воображение, память, фантазия, мышление, деятельное поведение и т. п.;

- «жизненная основа личности» – совокупность органических процессов живого существа, среди которых наиболее важными являются физиологические процессы в нервной системе.

Введение Ф. Лершем «горизонтального», деятельностного измерения в структуру личности наделяет ее реальными атрибутами субъекта деятельности, характеризует ее активность как действительно продуктивную. Именно этому способствует дифференциация им данного измерения личности на четыре элемента – мотивационный, чувственный (эмоциональный), познавательный и деятельный.

Смысл двумерной «горизонтально-вертикальной» структуры, по Ф. Лершу, заключается в том, что каждая подструктура («диспозиция») личности осуществляет свой системный вклад в регуляцию деятельности и поведения. И, наоборот, требования к эффективной организации и реализации деятельности в меняющихся условиях окружающей среды постоянно формируют поуровневую, по подструктурам, организацию свойств личности. Как отмечает Г. С. Костюк, дополняя Ф. Лерша, «свойства личности, образующиеся в ходе деятельности, включаются в структуру ее последующей деятельности, подвергаются в ней различным изменениям, дифференцируются, интегрируются и становятся компонентами более сложного целого, каким является структура личности, то

есть устойчивая и вместе с тем динамическая система психических свойств» [74]. Следует отметить, что при наличии подструктуры самосознания личность овладевает собственными качествами и поэтому Г. С. Костюк называет качества личности ее свойствами (присвоенными качествами). Это в полной мере соответствует взглядам Л. С. Выготского на личность, которую он отождествлял с самосознанием, благодаря которому личность приобретает важнейший атрибут овладения своей психикой и поведением.

Этот процесс в условиях развития имеет временную характеристику, он включен в возрастное становление личности, поэтому и возникает потребность введения в структуру личности, наряду с социально-психолого-индивидуальным, также генетического (возрастного, развивающего) измерения.

Учитывая современные представления о деятельности, полученные в исследованиях П. К. Анохина, Н. А. Бернштейна, П. А. Гончарука, А. Н. Леонтьева, А. Р. Лурии, Г. С. Костюка, В. М. Русалова, Н. Ф. Талызиной и других специалистов, мы считаем возможным уточнить характеристику деятельностного измерения личности и представить его в виде таких пяти компонентов. Среди них:

- 1) потребностно-мотивационный;
- 2) информационно-познавательный;
- 3) целеформирующий (принятие решения относительно замысла, цели, плана деятельности);
- 4) операционно-результативный (выполнение решения, достижение результата деятельности);
- 5) эмоционально-чувственный.

Сравнивая перечисленные выше варианты психологической структуры личности между собой, сопоставляя проявленные при этом тенденции с существующими методологическими подходами к познанию и развитию личности, а также – с принципами психологической науки, мы считаем, что целесообразно использовать при построении психологической структуры личности три взаимосвязанные базовые измерения (рис. 3):

Рис. 3. Трехмерная психологическая структура свойств личности на 1–3 этапах конкретизации соответствующих категорий и понятий научной психологии

Первое измерение (I) – социально-психолого-индивидуальное, «вертикальное», с присущими ему подструктурами личности (1.А – 1.И).

Второе измерение (II) – деятельностное, «горизонтальное», которое дифференцируется на соответствующие компоненты деятельности и поведения (2.1 – 2.5).

Третье измерение (III) – генетическое (возрастное, развивающее), характеризующее уровень развития качеств личности, ее задатков и психических способностей, личностное развитие (овладение) которых превращает их в свойства личности; в контексте обеспечения успешности деятельности они могут быть обозначены как задатки, способности, дарования, таланты, гениальность, экстраспособности (3.1 – 3.6).

Данные три измерения целесообразно рассматривать как единую систему базовых категориальных параметров целостной психологической структуры личности. Их соединение в систему взаимосвязанных базовых параметров личности целесообразно осуществлять посредством ортогонального принципа,

согласно которому в физике и математике соотносятся между собой три измерения пространства. Однако в психологической структуре личности он используется не в строго математическом смысле, а как определенный способ установления и презентации внутренних системных связей между базовыми элементами модели личности. По этому принципу, каждый элемент психологической структуры личности испытывает системное воздействие и соединяет в себе функции минимум трех главных типов – социально-психолого-индивидуального, деятельностного и генетического, соответствующих трем базовым измерениям личности. Вместе они образуют психологическое пространство личности.

С другой стороны, каждое из трех измерений имеет собственное внутреннее строение, образующееся соответствующими подструктурами, компонентами, уровнями развития, которые взаимосвязаны между собой и могут быть дифференцированы дальше. Учитывая все вышеупомянутое, такую модель психологической структуры личности действительно можно считать многомерной и системной. Следует учитывать, что она может быть дополнена другими измерениями, например, аксиологическим, валеологическим и др. Это означает, например, что все элементы подобной структуры личности как ценности могут иметь при анализе аксиологическую или валеологическую составляющую.

Совершая логико-психологический, дедуктивный анализ и синтез структуры личности, необходимо постоянно осознавать, на каком этапе «восхождения от абстрактного к конкретному», т. е. обобщения и конкретизации при применении категориально-понятийного аппарата психологической науки, ведется построение этой структуры. В разработанном нами варианте трехмерной, поэтапно конкретизированной психологической структуры личности рассматриваются пять этапов конкретизации структурного представления о личности.

Необходимо отметить еще один, связанный с аксиологическим взглядом на личность аспект, проявляющийся в открытости каждого измерения (все три оси-

измерения, как это отмечено стрелками, являются открытыми в своем усложнении – в социум и мир (I), в совместную деятельность с другими личностями (II), в эволюционное, историческое и личностное развитие вплоть до уровня экстраспособностей (III).

Для обобщенного понимания указанных тенденций ортогенеза, персоногенеза, в целом – прогресса личности, уже на уровне общего аксиологического взгляда на структуру личности целесообразно употреблять термин возвышения и понижения личности. Движение в направлении, совпадающем на рис. 3 со стрелочками, назовем возвышением личности как ценности, а в противоположном направлении – понижением, которое охватывает структурные, функциональные и этические моменты. Рассматривая универсальность этих понятий следует отметить, что еще одним аспектом возвышения-понижения структуры личности как ценности является восхождение-нисхождение в процессе конкретизации и обобщения рабочих категорий и понятий структуры личности.

Так, если говорить о понятии «психологическая структура личности» как о некоторой стороне и важном аспекте ее системной характеристики, то есть сложной социально-психолого-индивидуальной по своей природе системе с определенными психическими свойствами, которая постоянно развивается и реализуется в деятельности и общении, то это понятие можно считать наиболее обобщенным. В связи с этим, данное понятие можно условно отнести к наиболее абстрактному уровню обобщения, с которого должен начинаться процесс его дедуктивной конкретизации. Этот уровень можно считать первым этапом конкретизации структурно-психологического представления о личности.

Второму этапу конкретизации присуще рассмотрение именно трех выделенных ранее измерений (социально-психолого-индивидуального, деятельностного и генетического) как базовых категориальных параметров психологической структуры личности. Кстати, этот этап конкретизации соответствует уровню конкретности дефиниции личности. Он может быть представлен в виде трех осей ортогонального типа (см. на рис. 3).

На третьем этапе конкретизации структуры личности ведется дифференцированный, интегративный анализ и синтез составных элементов указанных измерений:

- подструктур социально-психолого-индивидуального измерения (психосоциальность, способность к общению, направленность, характер, самосознание, опыт, интеллект, психофизиология, психосоматика);

- компонентов деятельностного измерения (потребностно-мотивационный, информационно-познавательный, целеформирующий, операционно-результативный, эмоционально-чувственный);

- уровней развития в рамках генетического измерения (задатки, способности и т. д.).

Необходимо обратить внимание на III-е генетическое (возрастное, развивающее) измерение (см. рис. 3). Именно это измерение наиболее очевидным образом демонстрирует растущую ценность личности в целом и ее новообразований – как отдельно, так и в совокупности. Это отмечено в «подъеме» уровня обозначенных в этом измерении позиций: 3.1 – задатки, 3.2 – способности, 3.3 – дарования, 3.4 – таланты, 3.5 – гениальность и 3.6 – экстраспособности. Эта «открытая аксиологическая размерность» данного, III-го, измерения, равно как и I-го и II-го, которые ортогонально связаны между собой, соответствует мнению многих психологов и педагогов о неограниченном характере развития ценностного потенциала личности, о ее подъеме по указанным трем векторам.

Возвышение, развитие указанных потенциалов личности от уровня задатков и способностей до уровня одаренности, талантливости, гениальности и экстраспособности (в рамках генетического, возрастного, развивающего измерения) может произойти только путем достижения успеха в деятельности и общении личности (в рамках деятельностного измерения). В свою очередь это должно быть обеспечено сформированностью (зафиксированной в рамках социально-психолого-индивидуального измерения) коммуникативной, мотивационной, характерологической, рефлексивной, опытной,

интеллектуальной и психофизиологической подструктур на уровне способностей, дарований, талантов, гениальности, экстраспособностей личности. Итак, категориально-понятийный круг замкнулся, как и подобает системному характеру структуры личности.

Если осуществить аксиологическую оценку одаренной, талантливой личности с точки зрения деятельностного измерения, то всякая успешная деятельность (игровая, учебная, трудовая, профессиональная, спортивная, военная и т. п. – их более 40000 разновидностей) не может обойтись без соответствующих «профильных» видов задатков и способностей. В каждой конкретной деятельности они должны быть определенным образом развиты – на любом из указанных уровней (3.1–3.6) в определенных «профильно» развитых комбинациях.

Конечно, с точки зрения деятельностного измерения, вместе с психологической классификацией способностей и одаренности (психосоциальные, коммуникационные, мотивационные, характерологические, рефлексивные, компетентностные, интеллектуальные, психофизиологические, психосоматические) также должна использоваться их предметная классификация (игровые, академические, трудовые, профессиональные, спортивные, эстетические, педагогические, управленческие и т. п. способности и одаренности). В предметной классификации названия способностей и дарований соответствуют общепринятым предметным видам деятельности, которые в этом плане более удобны для употребления. Но каждый раз, особенно при проведении психолого-педагогического исследования, следует обращаться к более общей психологической классификации способностей и одаренностей, посредством которых реализуются предметные деятельности.

То есть классификация способностей, талантов и т. д. должна носить системный характер. Это означает, что во время работы с определенными предметными видами одаренности (например, научной) следует обращаться к психологической классификации. При этом необходимо акцентировать внимание на ведущей для нее разновидности одаренности (в данном случае

интеллектуальной), удерживая в поле зрения и другие виды способностей – коммуникационные, мотивационные, характерологические, рефлексивные, академические (образовательные, научные, энциклопедические, мудростные и т. д.), психофизиологические.

Однако эта картина значительно сложнее, если мы перейдем на следующий, более детальный четвертый этап конкретизации структуры личности. Этот этап заключается в привлечении к конкретизации психологической структуры личности понятий общепсихологических качеств, функций, процессов, детализирующих категории предыдущего этапа (социально-психолого-индивидуальные подструктуры, компоненты деятельности, способности личности). Они образуют систематизированную (на основе организованного определенным образом восхождения от абстрактных категорий к конкретным психологическим понятиям) матрицу психологических процессов, функций и свойств (табл. 2). Таким образом, фактически образуется единая классификация психологических свойств личности как субъекта деятельности, что соответствует общим требованиям выполнения личностью человеческой деятельности и поведения. Вместе с тем, это более подробная психологическая классификация способностей и дарований личности, обеспечивающих успешное выполнение ею определенных видов предметной деятельности.

Следует отметить, что в данной матрице приведены лишь подструктуры социально-психолого-индивидуального и компоненты деятельностного измерений. Третье, генетическое (возрастное, развивающее) измерение психологической структуры представлено в виде нормативно-возрастного списка психических свойств личности взрослого человека. Для презентации других возрастных стадий развития личности необходимо строить соответствующие им возрастные нормативные матрицы, в которых будут определены наличие, характер и степень развития указанных психологических свойств для каждого возраста.

Как видно из обзора матрицы, избранный принцип построения психологической структуры личности может быть использован для

систематизации психологических свойств человека, что способствует их системному изучению, аксиопсихологическому пониманию, развитию и использованию. Одновременно, этот принцип позволяет осуществить дальнейший целенаправленный анализ и синтез психологической структуры личности на последующих этапах конкретизации и перейти к разработке профильных и профессиональных моделей личности.

По этой матрице каждая из приведенных в соответствующих подструктурах базовая способность личности состоит из более конкретных взаимосвязанных элементов. Так, в подструктуре способности к общению могут быть выделены мотивационно-коммуникационная (аффилиация), собственно коммуникационная (коммуникация в узком смысле – как способность к обмену информацией), перцептивно-коммуникационная (перцепция – понимание партнера по общению), интеракционно-коммуникационная (интеракция – взаимодействие), коммуникационно-эмоциональная (аттракция – эмпатия, симпатия или, наоборот – апатия, антипатия) составляющие способности и дарования.

Если же рассмотреть далее базовую интеллектуальную способность (подструктуру интеллекта), то в ней системно взаимосвязаны атенционные (внимание), мнемические (память), мыслительные (мышление), имагинативные (воображение), интеллектуально-чувственные (чувство удивления, вдохновения, сомнения и т. п.) способности и дарования.

Таким же образом дифференцируется каждая подструктура на данном четвертом этапе конкретизации категориально-понятийной структуры личности. И таким же образом в аналитическом плане могут быть абстрактно выделены соответствующие виды способностей и одаренностей личности. Однако никогда нельзя забывать, что обращение к отдельной способности или одаренности – это искусственный акт ее абстрагирования, выделения (для удобства познания) из сложной системной характеристики свойств личности, из контекста ее целостной структуры. В процессе системного исследования следует каждый раз возвращаться к целостной структуре личности. Кстати, учет системных взаимосвязей исследуемой способности с другими способностями может

объяснить причины ее развитости или запущенности у конкретной личности. Скажем, интеллектуальные способности могут находиться в латентном состоянии в условиях чрезмерной скромности или самокритичности личности. Указанные или иные черты характера могут тормозить или способствовать развитию и проявлению способностей и дарований личности.

Таблица 2

Общепсихологическая структура (матрица) функций, состояний, процессов, свойств, качеств, способностей личности

Компоненты деятельностного измерения Подструктуры социально-психологического измерения С-П-И	Потребностно-мотивационный компонент	Информационно-познавательный компонент (прием, поиск, переработка информации)	Целеформирующий компонент (принятие решения)	Операционально-результативный компонент (выполнение решения, выработка продукта деятельности с определенным качеством)	Эмоционально-чувственный компонент (закрепление или отбрасывание схемы действия, деятельности)
Психосоциальность	Социальные потребности, мотивы, установки, ожидания	Социальное познание, идентификация, атрибуция	Социальные ориентации, отношения, притязания, прогнозирование, целеполагание, планирование	Социальные достижения: <i>статус, гражданская позиция, роли, профессия, должность</i>	Социальные эмоции, чувства, переживания: солидарности, сплоченности, общности, доверия и др.
Способность к общению	Потребности и мотивы общения (аффилиация)	Обмен информацией (коммуникация – вербальная, невербальная)	Понимание партнера по общению (перцепция)	Межличностное взаимодействие (интеракция): <i>различные общности – партнерские, дружеские, групповые, общественные</i>	Эмоционально-чувственные компоненты общения (аттракция – эмпатия, симпатия, и апатия, антипатия)
Направленность	Основные желания и мотивы поведения	Главные познавательные интересы	Идеалы, убеждения, цели	Стремление и воля к целенаправленному достижению	Эмоционально-чувственная основа направленности

				результата: <i>установки, планы, проекты</i>	
Характер	Мотивационные черты характера	Информационно-познавательные черты характера	Черты целенаправленности характера	Черты продуктивности характера: <i>отношения завершенности, перфектности</i>	Эмоционально-чувственные черты характера
Самосознание	Потребность в самоосознании собственной личности	Самопознание и самооценка личности	Саморегуляция и самоконтроль на основе цели	Самореализация и самосовершенствование личности: <i>внутренний мир личности</i>	Эмоционально-чувственные компоненты самосознания
Опыт	Мотивационные стереотипы	Система знаний, когнитивная картина мира	Система умений	Система привычек и навыков: <i>образованность, мудрость, компетентность, мировоззрение</i>	Эмоционально-чувственный опыт
Интеллект	Аттенционные установки	Объем и переключение внимания	Направленность и концентрация внимания	Распределение внимания: <i>организованность интеллектуальных действий в пространстве</i>	Аттенционные эмоции (удивление)
	Интеллектуальные установки	Сенсорно-перцептивные процессы	Мыслительные и имажинативные процессы прогнозирования	Продуктивные мыслительные операции и имажинативные приемы и достижения: <i>представления, образы, идеи, визуальные концепты, категории, понятия, гипотезы и теории</i>	Интеллектуальные эмоции и чувства (вдохновение, сомнения, удовлетворение)

	Мнемические установки	Образная и понятийно-логическая память	Память в футурогенной функции	Двигательная память: <i>организованность интеллектуальных действий во времени</i>	Эмоциональная память
Психофизиология	Психофизиологические установки	Сензитивность, эргичность нервной системы	Подвижность, пластичность нервной системы	Работоспособность нервной системы: <i>продуктивность, оперативность, эффективность деятельности</i>	Эмоциональность нервной системы
Психосоматика	Установочные потребностно-мотивационные психосоматические диспозиции органов и всего тела (положения, позы тела и его органов, выражения лица и т. п.)	Ориентировочные информационно-познавательные состояния и движения органов чувств и всего организма	Целенаправленные движения и положения органов тела и всего организма («Мыслитель» Родена)	Продуктивные, преобразующие сенсо-моторные, перцептивно-действенные, интеллектуально-деятельностные акты и движения органов тела и всего организма, оснащенные определенными орудиями, средствами и инструментами: <i>материальные, материализованные и идеальные продукты</i>	Экспрессивные, пластические эмоционально-чувственные выражения лица (мимика), отдельных органов и всего тела (пантомимика), особенно присущие актерам театра, балета, кино, цирка и т. д.

Следует подчеркнуть то обстоятельство, что наглядное и содержательное представление в матрице ценности личности касается всех ее подструктур, компонентов и уровней развития. В этом плане мы можем говорить о наличии аксиопсихологической характеристики, ценностных аспектов всех составляющих психосоциальности, общения, направленности, характера, самосознания, опыта, интеллекта, психофизиологии, психосоматики, всех компонентов деятельности (потребностно-мотивационного, информационно-познавательного, целеформирующего, операционно-результативного, эмоционально-чувственного), а также всех уровней развития личности,

представленных в ее задатках, способностях, дарованиях, талантах, гениальности и экстраспособностях.

Далее, на пятом этапе конкретизации, становится возможной классификация специальных качеств, собственно способностей, одаренностей личности по отношению к определенным видам профессиональной деятельности (например, естественно-научной, производственной, управленческой, экономической, педагогической и т. д.). Такой подход согласуется с общепринятым пониманием способностей, одаренностей как индивидуально-психологических особенностей человека, способствующих успешному выполнению ею той или иной деятельности. Такое понимание способностей присуще Б. М. Теплову, К. К. Платонову, Г. С. Костюку, Е. А. Голубевой и другим психологам.

Следовательно, переход от четвертого к пятому этапу конкретизации связан с учетом требований, предъявляемых к личности при выполнении ею конкретных видов профессиональной деятельности, ролевого поведения. То есть, созданную таким образом классификацию специальных психических свойств личности можно рассматривать как подробную систематизированную психограмму определенного профиля или профессии, как основу составления соответствующей профилограммы, профессиограммы одаренности или таланта.

В теоретическом плане предложенная концепция психологической структуры (матрицы) личности должна развиваться и дальше, в частности, на пути уточнения характеристик личности как системы (например, установления сущности взаимосвязей между ее элементами). Однако уже на этом этапе разработки она может использоваться в практическом плане. Прежде всего, это касается профильных и профессиональных психологических моделей личности, на основе которых можно значительно эффективнее осуществлять психологический отбор кандидатов на профессиональную подготовку и деятельность, проводить оптимальную расстановку кадров, выявлять и реализовывать продуктивный потенциал работников.

Создание идеальной модели личности конкретного профиля – сложная задача. Ее решение требует изучения соответствующих научных данных, выделения в специальной литературе профессионально важных для данного профиля или профессии качеств, специальных способностей личности, составления достаточно полного их перечня и его классификации согласно логике построения психологической структуры личности. В рамках концепции трехмерной, поэтапно конкретизированной психологической структуры личности нами разработан ряд идеальных моделей личности, которые относятся к естественно-научному, гуманитарному и управленческому профилям. Они охватывают систематизированные перечни профессионально важных качеств, способностей личности ученого (155 качеств), гражданина (162 качества) и менеджера (250 качеств) [137; 138; 141; 142; 145].

Например, на основе приведенной выше общепсихологической структуры свойств личности была разработана специальная психологическая классификация способностей и одаренностей личности к естественно-научной деятельности (табл. 3). Она создана путем конкретизации общих психологических свойств, функций, процессов в соответствии с требованиями эффективного труда специалиста в естественно-научной сфере.

Таблица 3

Классификация свойств, способностей личности к научной деятельности

А-1. Социально-психологические свойства личности ученого
1.1. Осознание социально и личностно значащих, актуальных потребностей и мотивов научной деятельности.
2.2. Способность к овладению социальными формами познания, хранения и передачи научной информации.
3.3. Наличие ориентации на общественное признание ожидаемых достижений научной деятельности.
4.4. Социальный статус ученого, способность к продвижению по уровням научной карьеры, по должностной научной вертикали.

5.5. Социальные эмоции, чувства, переживания ученого – солидарности, сплоченности, общности с коллегами.
Б. Способности личности к научному общению
Б-2. Способность к творческому общению в литературной форме.
6.1. Потребность в новой научной, технической информации.
7.2. Способность к поиску и нахождению научной, технической информации (знаний, идей), которая содержится в книгах, статьях ученых, инженеров, писателей.
8.3. Способность к систематизации фактов, знаний, к ведению заметок, конспектов, дневников наблюдений или созданию коллекций.
9.4. Способность к письменному изложению своих мыслей, идей в виде статей, тезисов, заметок, к созданию рассказов, стихов, научных, исторических, фантастических произведений.
10.5. Любовь к чтению научной, технической, фантастической литературы.
Б-3. Способность к устному общению с творческими людьми в коллективных формах.
11.1. Потребность в общении с творчески мыслящими людьми, учеными, инженерами в форме дискуссий, дебатов, семинаров, конференций, деловых бесед и встреч.
12.2. Способность к поиску и получению новой научной и технической информации в ходе устного общения с творчески мыслящими людьми при коллективном обсуждении научных проблем.
13.3. Способность к пониманию новых, нестандартных мыслей, идей, выдвинутых собеседниками в ходе обсуждения новых научных планов, программ и т. п.
14.4. Способность к выступлению с научным сообщением, докладом, лекцией перед коллегами.
15.5. Чувство профессиональной чести и одновременно – уважительного, корректного отношения к научным взглядам собеседников в процессе устного общения в группе.
Б-4. Способность к творческому научному диалогу.
16.1. Потребность в творческом диалоге, общении с человеком, который вас понимает.
17.2. Способность объективно, всесторонне воспринимать личность другого человека без недооценки или переоценки ее качеств.
18.3. Способность правильно понимать другого человека, объяснять причины его поведения, входить в его положение.

19.4. Способность влиять на собеседника, убеждать его в правильности собственных представлений.
20.5. Тактичное, интеллигентное отношение к партнеру по общению, уважение к его интересам, способность к сопереживанию.
Б-5. Способность к творческому взаимодействию с коллегами в научном коллективе.
21.1. Потребность в творческом сотрудничестве с членами коллектива.
22.2. Способность к восприятию, обсуждению и разработке идей в ходе творческого общения в коллективе.
23.3. Способность к коллективному принятию творческих решений.
24.4. Способность организовать творческую группу, стать ее лидером, наладить деловое сотрудничество между ее членами.
25.5. Чувство уважения к мнению коллектива, к взглядам людей, которые входят в него.
В. Направленность личности ученого
В-6. Активная естественнонаучная направленность.
26.1. Желание расширять свой научный, технический кругозор, углублять эрудицию в сфере естественных наук.
27.2. Широта интересов в области естественных наук, техники, культуры.
28.3. Склонность к предвидению тенденций развития определенной сферы науки и техники.
29.4. Стремление к систематизации существующих научных знаний, к созданию собственной научной картины мира.
30.5. Любовь к природе и ее познанию.
В-7. Направленность на поиск гармонии в мире.
31.1. Желание творчески совершенствовать существующую картину мира и реальную окружающую среду.
32.2. Интерес к новым фактам, закономерностям в науке, технике, искусстве, жизни.
33.3. Склонность к тому, чтобы заглянуть в будущее, представить его в мыслях более совершенным.
34.4. Стремление к совершенствованию существующих научных знаний и технических объектов.
35.5. Чувство гармонии, совершенства, красоты мира.
В-8. Гуманистическая, духовная направленность.
36.1. Желание приносить добро, пользу людям и обществу своей научной деятельностью.
37.2. Интерес к духовным ценностям, к моральным, эстетическим,

интеллектуальным основам жизни людей и собственной научной деятельности.
38.3. Склонность к опережающей действительность познавательной активности, соответствующей духовным принципам добра, красоты и истины.
39.4. Стремление достигать новых результатов в научных занятиях, которые полезны для людей, и воплощать их в жизнь.
40.5. Чувство гуманизма, любви к людям.
В-9. Направленность на осуществление продуктивного творческого труда.
41.1. Желание осуществлять высокую творческую миссию в жизни своей научной деятельностью.
42.2. Глубокий интерес к познанию, к открытию нового, к непрерывным творческим поискам в любое время дня, на занятиях, дома, на отдыхе.
43.3. Склонность к постановке творческих целей, к формулированию новых планов, проектов в определенной области науки и техники.
44.4. Стремление систематически и плодотворно работать над определенной научной, технической идеей, программой, проектом.
45.5. Преданность творческой цели, проблеме, задаче, а также вера в нее.
Г. Характер творческой личности ученого
Г-10. Черты характера порядочного, интеллигентного человека.
46.1. Порядочность, доверчивость, откровенность в отношениях с людьми.
47.2. Научная, профессиональная, человеческая честность.
48.3. Стиль непринужденности, внутренняя свобода, раскрепощенность.
49.4. Смелость ума и духа, готовность к риску во имя достижения научной истины.
50.5. Чувство ответственности перед людьми и собственной совестью.
Г-11. Черты характера целенаправленного, решительного, настойчивого человека.
51.1. Любознательность исследователя.
52.2. Заинтересованность в творческом деле.
53.3. Целенаправленность.
54.4. Настойчивость, упрямство, безграничное терпение при обдумывании любых вопросов, исследовании сложных проблем.
55.5. Чувство толерантности, терпимость к неясности в начале познавательной деятельности.
Г-12. Черты характера творческого, оригинального человека.
56.1. Инициативность в процессе поиска и определения перспективного направления познавательной деятельности.
57.2. Оригинальность, способность к избеганию шаблона.
58.3. Плановность, методичность в творческой научной деятельности.

59.4. Изобретательность, находчивость.
60.5. Остроумие, чувство юмора, способность воспринимать смешное.
Г-13. Черты характера старательного, делового человека.
61.1. Требовательность к себе.
62.2. Щепетильность в делах, способность не довольствоваться приближенными сведениями, а уточнять, добираться до сути из первоисточников, учитывать мнение специалистов.
63.3. Критичность разума при оценке перспектив исследования.
64.4. Дисциплинированность, организованность, аккуратность во время выполнения разнообразных дел, связанных с проведением исследований.
65.5. Чувство здравого смысла.
Д. Самосознание творческой личности
Д-14. Способность к адекватному самоосознанию качеств собственной личности.
66.1. Потребность в самоосознании своей личности.
67.2. Способность к самоосознанию собственных достоинств и недостатков, в сравнении с другими людьми.
68.3. Способность к самоосознанию своих качеств как причины успехов и неудач и к учету их при постановке цели исследовательской деятельности.
69.4. Способность объективно, самокритично оценивать себя, опираться на имеющиеся собственные силы и на этой основе добиваться заметных результатов в творческой деятельности.
70.5. Чувство реализма в самоосознании без лишней самоуверенности или, наоборот, самоуничижения.
Д-15. Способность к самопознанию и адекватной самооценке собственной личности.
71.1. Потребность к самопознанию.
72.2. Способность к самонаблюдению, самопознанию и адекватной самооценке собственных качеств, поступков, действий и возможных субъективных трудностей на пути исследовательской деятельности.
73.3. Способность к обсуждению, анализу, изучению своих действий и поступков, к правильному пониманию себя, своих склонностей, способностей, черт характера, чтобы эффективно разрабатывать реальные цели, планы познавательной деятельности.
74.4. Способность контролировать себя, свои мысли, поступки, действия, осознавая, что от этого зависит успех в поведении и творческой деятельности.
75.5. Чувство собственного достоинства, уважения к себе, вера в себя.
Д-16. Способность к самоорганизации собственной творческой деятельности.

76.1. Потребность в самоорганизации познавательной деятельности.
77.2. Способность к изучению всей необходимой информации по проблеме, что решается и в то же время о своих возможностях, чтобы лучше подготовиться, прежде чем начать дело.
78.3. Способность к предварительному планированию своих действий при подготовке к научным занятиям, к экспериментам и анализу их данных и т. д.
79.4. Способность к проявлению воли и характера, к мобилизации всех своих ресурсов на выполнение тяжелой и, возможно, иногда не очень интересной, но необходимой работы, которая требует времени и сил.
80.5. Способность к управлению своими желаниями, чувствами, эмоциями и, если это нужно, к сознательному сдерживанию их.
Д-17. Способность к самосовершенствованию своей личности.
81.1. Потребность в непрерывном самосовершенствовании своей личности.
82.2. Способность к поиску и нахождению высоких моральных идеалов, образцов поведения и сопоставлению с ними качеств своей личности, чтобы определить целесообразное направление самосовершенствования.
83.3. Способность разрабатывать реальные планы самовоспитания своей личности на длительный период.
84.4. Способность эффективно выполнять намеченную программу самовоспитания, контролировать ход ее реализации, как бы это ни было трудно.
85.5. Чувство удовлетворения от духовного (морального, эстетического, интеллектуального) самосовершенствования и профессионального роста в процессе самовоспитания.
Е. Творческий опыт, компетентность личности ученого
Е-18. Способность постоянно развивать творческий научный опыт, компетентность исследователя.
86.1. Желание повышать научную компетентность, приобретать новые знания, развивать соответствующие умения, навыки исследовательской работы.
87.2. Способность быстро находить, приобретать в творческих поисках новые знания, расширять свой научный кругозор («рождаться каждый день заново»).
88.3. Умение целенаправленно исследовать, изучать определенные вопросы или проблемы.
89.4. Способность к развитию навыков экспериментального исследования в систематических научных занятиях, в оформлении их результатов в виде научных отчетов, статей, тезисов.
90.5. Чувство удовлетворения от наращивания опыта научной деятельности и одновременно – творческое неудовлетворение от него, как условие дальнейшего роста компетентности в избранной сфере.

Е-19. Способность формировать и реализовать творческую научную стратегию.
91.1. Стойкая потребность в стратегическом виденье своих исследовательских перспектив в определенном направлении науки и техники.
92.2. Способность к самостоятельному, непрерывному получению имеющихся в определенной области науки и техники систематических знаний, к овладению присущими для нее ключевыми проблемами, определяющими стратегию ее развития.
93.3. Умение разрабатывать гибкую стратегию творческой познавательной деятельности на основе определения важной научной цели и соответствующей ей программы исследования определенной научной проблемы.
94.4. Способность мобилизовать весь собственный опыт или быстро приобретать дополнительную компетентность с целью решения важной и сложной проблемы.
95.5. Чувство ответственности при выполнении творческих научных, технических задач.
Ж. Интеллектуально-творческие способности, функции, процессы личности ученого
Ж-20. Творческое внимание.
96.1. Интерес к новым объектам, фактам, знаниям, что способствует длительному вниманию к ним.
97.2. Значительный объем внимания, переключение внимания, что позволяет замечать детали, которые легко выпадают из поля зрения при наблюдении и собирании фактов.
98.3. Способность к сосредоточенности, концентрации внимания, к длительному напряженному вниманию и удержанию его на важной теме, вопросе, проблеме.
99.4. Способность к широко распределенному вниманию («боковому мышлению»), то есть вниманию ко многим, на первый взгляд, второстепенным вопросам, которые могут оказаться важными при достижении цели познания, при развязывании научной или технической проблемы.
100.5. Впечатлительность, способность удивляться, входить в состояние определенного волнения при столкновении с новым или необычным.
Ж-21. Творческое восприятие действительности и наблюдательность.
101.1. Установка и интерес к восприятию новых объектов и явлений, знаний, закономерностей, новой научно-технической информации.
102.2. Способность к систематическому наблюдению объективных явлений, восприимчивость, чувствительность, открытость к восприятию новых фактов и информации.

103.3. Способность к непосредственному видению перспективных для исследования, существенных особенностей, закономерностей, принципов построения объекта, изучаемого без значительных трат времени на это.
104.4. Способность к интуитивному нахождению идей в ходе наблюдения и их последующей объективации, то есть формулированию в научных понятиях, формулах, определениях.
105.5. Чувство нового при восприятии научных, технических объектов, знаний, закономерностей.
Ж-22. Логическое мышление.
106.1. Интерес к обдумыванию противоречий, вопросов, проблем, к поиску истины в ходе логических размышлений.
107.2. Восприимчивость к несоответствиям, противоречиям, недостаткам окружающего мира, к расхождениям между общепринятыми научными объяснениями и новыми фактами.
108.3. Способность к самостоятельному обобщению фактов, понятий, к установлению закономерностей в процессе логического изучения вопросов или проблем, идя индуктивным путем, от конкретного к абстрактному.
109.4. Способность к установлению новых фактов, явлений, логических связей между понятиями на основе использования закономерностей, обобщений, идя дедуктивным путем, от общего к конкретному.
110.5. Любовь к истине.
Ж-23. Целостность, системность мышления.
111.1. Жажда познания, живой интерес к закономерностям и законам целостного построения, единства мира.
112.2. Способность к целостному, системному восприятию и пониманию событий, фактов, действительности.
113.3. Способность к творческому анализу, то есть к выделению и изучению существенных, необычных, нестандартных элементов, сторон, аспектов, вопросов, связей в целостном объекте, предмете, проблеме.
114.4. Способность к творческому синтезу, то есть созданию оригинальных, парадоксальных, сложных структур, систем, объектов из элементов, путем их целенаправленного комбинирования и объединения.
115.5. Чувство гармонии, единства мира.
Ж-24. Теоретическое мышление.
116.1. Интерес к непривычным, оригинальным, парадоксальным, запутанным вопросам, задачам, проблемам, которые формулируются в абстрактной, обобщенной, теоретической форме.
117.2. Прозорливость в поисках вопросов, задач, способность находить

проблемы там, где для других все ясно.
118.3. Способность к выдвижению и критическому рассмотрению теоретических гипотез, идей, к постановке острых вопросов, формулированию задач и проблем.
119.4. Способность действовать в умственном, внутреннем плане, разрабатывать идеи в ходе интенсивной теоретической работы.
120.5. Чувство сомнения в абсолютной истинности и полноте существующих научных знаний.
Ж-25. Творческое воображение, фантазия.
121.1. Желание и интерес к творческому воображению, фантазированию.
122.2. Легкость генерирования образов, целостных представлений на основе словесного описания, абстрактных понятий.
123.3. Способность предсказывать будущее в образах, в реальных и фантастических представлениях.
124.4. Владение приемами, средствами творческого воображения, фантазирования, выдумки, пространственного представления.
125.5. Чувство вдохновения в процессе творческого представления, фантазирования.
Ж-26. Оригинальность, нестандартность интеллекта.
126.1. Интеллектуальная инициатива, готовность к выдвижению новых, нестандартных, творческих идей и образов.
127.2. Зоркость в поисках новых проблем, идей на основе отдаленного ассоциирования и гибкости интеллекта.
128.3. Способность к преодолению инерции мышления, воображения, то есть способность вовремя отказаться от скомпрометированной гипотезы, непредубежденность, способность к легкому преодолению умственных ограничений, к широкому и быстрому переходу от одного класса явлений к другому.
129.4. Способность легко генерировать новые идеи, творчески использовать стандартизированные элементы, нормы научной, технической деятельности, правила, инструкции, стандарты, принципы, закономерности и законы.
130.5. Чувство смелости и уверенности в отстаивании собственных творческих идей, эмоциональная устойчивость при напряженном творческом поиске, разочарованиях, критике, неудачах или успехе.
Ж-27. Стратегичность творческой интеллектуальной деятельности.
131.1. Установка на осуществление крупномасштабной и долгосрочной стратегии творческой научной деятельности со значимыми результатами.
132.2. Способность к поиску или генерированию перспективных научных

стратегий, крупных технических идей, проектов, имеющих личностное и общественное значение.
133.3. Способность предвидеть положительные и отрицательные последствия осуществления своих научных стратегических идей и технических решений.
134.4. Способность начать, продолжить и плодотворно завершить процесс научного, технического творчества по определенной стратегической программе.
135.5. Чувство уверенности, убежденности в успешном завершении творческой научной деятельности.
Ж-28. Практический, инновационный разум.
136.1. Установка на достижение практического, полезного для общества результата научной, технической деятельности.
137.2. Способность находить полные, конкретные, точные сведения, которые необходимы для осуществления эффективной научной, технической деятельности.
138.3. Способность к разработке замысла практического научно-технического проекта на основе интересной теоретической идеи.
139.4. Наличие практических интеллектуальных инновационных умений, навыков, умственной и ручной умелости, что способствует доведению идей, решений, проектов до конкретного результата, его представления в материальной форме (опытные образцы, макеты, модели, экспериментальные изделия, научные отчеты, книги, статьи и т. п.).
140.5. Чувство профессионального и гражданского удовлетворения от эффективного воплощения замысла, идеи, проекта в конкретном продукте.
Ж-29. Память.
141.1. Установка на запоминание интересных научных и технических идей, фактов.
142.2. Способность к длительному сбережению и оперативной актуализации в памяти необходимой информации в нужный момент.
143.3. Способность к прогнозированию результатов познавательной деятельности, дар предвидения на основе учета собственного творческого опыта, зафиксированного в памяти.
144.4. Легкость и оперативность формирования мыслей в словах и образах на основе быстрого отображения в памяти необходимой информации.
145.5. Чувство удовлетворения от эффективной работы памяти при осуществлении научной деятельности.
3. Психофизиологические качества личности
3-30. Типологические свойства высшей нервной деятельности (темперамент).
146.1. Ориентировочно-исследовательские рефлекторные реакции (по

И. П. Павлову), которые способствуют быстрому формированию устойчивых установок, мотивов творческой познавательной деятельности и поведения.
147.2. Чувствительность и выносливость (эргичность по В. М. Русалову) воспринимающих органов нервной системы (зрение, слух, осязание), обеспечивающих выделение значимых элементов действительности и длительную работу с ними.
148.3. Подвижность, пластичность нервной системы, которые способствуют гибкой, быстрой перестройке программ творческого поведения и деятельности.
149.4. Сила процессов возбуждения и торможения нервной системы, определяющие работоспособность, исполнительность, старательность (темп по В. М. Русалову), которые необходимы для осуществления длительного процесса достижения результата познавательной деятельности.
150.5. Эмоциональность как психофизиологический показатель процесса достижения и подкрепления результата деятельности.
И-31. Психосоматические свойства личности ученого.
151.1. Готовность к длительной динамической и статической установке органов чувств и всего организма на проведение экспериментов, участие в экспедициях. изучение научной литературы в библиотеках и Интернете,
152.2. Способность к систематической поисковой, информационной и познавательной деятельности органов чувств и всего организма.
153.3. Способность к длительному целеустремленному напряжению и активному состоянию органов чувств и всего организма в ходе научного исследования.
154.4. Способность всего организма и его органов к проведению продуктивных экспериментов, опытов, исследований в различных, иногда трудных условиях.
155.5. Способность к сдержанным или экспрессивным выражениям эмоций и чувств на промежуточных и конечных стадиях исследования.

В таблице 3 применены несколько видов нумерации. Буквенная нумерация означает подструктуру личности, буквенно-цифровая – субподструктуру. Двухпозиционная цифровая нумерация определяет общий порядок приведения способностей в классификации (первая позиция) и принадлежность способности к тому или иному компоненту деятельности (вторая позиция).

Говоря о возрастной принадлежности классификации, следует отметить, что она отражает уровень профессиональной зрелости творческой личности ученого.

Ее целесообразно рассматривать как идеальную модель творческой личности естественнонаучного профиля, то есть как идеал для предыдущих возрастных этапов развития творческой личности – подросткового, юношеского, этапа молодости. При этом она является совокупной идеальной аксиологической моделью, так как сочетает в себе большинство из известных в научной литературе ценных психологических качеств, которые присущи творческим личностям выдающихся деятелей науки и техники. Применение предложенной классификации должно обеспечивать практическую работу педагога по развитию творческой личности в группе учащихся. Речь идет о ее непосредственном использовании в классе, кружке, студенческой группе, где обычно собрана учащаяся молодежь с различными индивидуально-психологическими особенностями.

Как уже отмечалось, предложенный вариант классификации способностей к естественнонаучной деятельности можно рассматривать как совокупную идеальную аксиологическую модель творческой личности данного профиля. Ее целесообразно использовать как исходную схему, позволяющую сформировать, по определенной процедуре, с использованием комплексного психологического обследования, индивидуальную модель творческой личности ученика, студента, молодого специалиста. Соотношение индивидуальной и совокупной идеальной модели поможет определить цели и задачи учебно-воспитательной и самообучающей-самовоспитательной работы по развитию творческого потенциала учащегося.

Таким образом, осуществление трехмерного психологического «анализа через синтез» и «синтеза через анализ» методологически однородных свойств личности, вместе с процедурой восхождения от абстрактного к конкретному и, наоборот, нисхождения от конкретного к абстрактному, благодаря поэтапной конкретизации и поэтапному обобщению научных психологических категорий и понятий. Все это позволяет получить предельно возможное целостное, системное психологическое представление о личности как ценности.

Такое представление имеет очевидное теоретическое и практическое значение. Его теоретическое значение заключается в том, что личность предстает как решающее «системное качество», как результат прогрессивного, культурного, гуманистического развития (вспомним положение К. Юнга о «параде прогресса» в форме личности), что детерминирует создания предметного мира и новых поколений личностей с определенными человеческими качествами.

С практической точки зрения, именно на такую качественную, ценностную сторону личности следует ориентироваться в построении методов изучения, психодиагностики, воспитания, обучения, развития личности, в осуществлении личностного и профессионального самоопределения учащейся молодежи, ее самоактуализации на основе «проекта жизни» (А. К. Дусавицкий – [142]) и т. д.

Таким образом, продолжение методологических поисков на основе использования рассмотренных достижений классиков научной психологии, современных подходов и методов, позволяет создать более совершенные схемы анализа и синтеза целостной характеристики, «системного качества» личности, «переплавить» теоретическое движение отечественной психологии личности в реальные практические достижения, которые достойны стандартов мировой персонологии.

Приведенная категориально-понятийная структура является, конечно, абстрактной, обобщенной моделью конкретной эмпирической структуры реальной личности. Для получения последней эта модель должна быть наполнена конкретным содержанием (через наблюдение, опрос, тестирование, эксперимент и т. д.).

Возвращаясь к исходному первому этапу обобщения-конкретизации психологической структуры личности, следует отметить, что в первоначальном своем значении понятие личности, как «сверхиндивидуального, божественного, творческого начала» в человеке (по Н. Я. Гроту) и вершины психического развития человека (по Б. Г. Ананьеву), было равнозначно понятию одаренности, талантливости, гениальности. Именно это имели в виду выдающиеся философы,

художники эпохи Возрождения, которые собственно и ввели понятие личности в широкий обиход, первоначально придавая ему преимущественно аксиопсихологический смысл. Но со временем, при массовом употреблении этого понятия заурядной, но честолюбивой публикой оно начало терять свое акмеологическое значение. Таким образом, возникла необходимость его защиты путем употребления понятий творческой, одаренной, талантливой, гениальной личности. Однако, строго говоря, аксиопсихологическое значение понятий способности, одаренности, талантливости, гениальности нельзя выносить за пределы категории личности. Именно поэтому первоначальную психологическую классификацию способностей и одаренностей естественно осуществлять на основе структуры свойств личности как высшей ценности.

Следовательно, представленная на рис. 3 и в табл. 2 и 3 классификация способностей и дарований должна рассматриваться как некая сокровищница психологических ценностей, которая создается и непрерывно пополняется, развивается в творческой деятельности личности, точнее – самосозидается, саморазвивается ею. Поскольку классификация является открытой во всех трех своих измерениях, то эта сокровищница не имеет границ в росте своей ценности.

Необходимо подчеркнуть аспект, связанный с тем важным обстоятельством, что, благодаря самосознанию, которое характеризует собственно личностный уровень психического развития человека (напомним, что по Л. С. Выготскому, личность – это самосознание как средство овладения человеком своей психикой), личность как саморегулируемая «система систем» (по Г. С. Костюку) предстает в значительной мере саморазвивающейся, а потому и самообдаровывающейся, самоталантогенной, самогениогенной и т. д.

На личностном уровне интеллектуальные, творческие процессы становятся преимущественно рефлексивно управляемыми (по мере расширения и углубления сознания и самосознания). При этом, целесообразно обратиться к определению сознания профессором А. В. Петровским. Он понимает сознание как:

- совокупность познавательных процессов и знаний об объекте познания;

- различие «Я» от «не-Я» в процессе познания;
- обеспечение целеобразующей деятельности человека;
- наличие эмоциональных оценок и переживания субъектом процесса познавательной деятельности [116, С. 372–373].

В этом плане возвышение ценности личности, развитие ее способностей до уровня одаренности и таланта, возможны на основе расширения и углубления сознания. В вертикальном измерении структуры личности к сфере сознания относятся такие подструктуры, как направленность, характер, самосознание, опыт, интеллект, развитие которых обеспечивает такое расширение и углубление сознания, то есть собственно возвышение по этому измерению личности. Но это не единственный путь возвышения. Другой путь заключается в постепенном разворачивании сознательной деятельности через ее необходимые компоненты:

- потребностно-мотивационный;
- информационно-познавательный;
- целеобразовательный;
- операционно-результативный;
- эмоционально-чувственный.

Именно последовательное, полное, успешное осуществление деятельности во всех своих компонентах означает деятельностный подъем личности (от потребности и мотива к достижению результата всей деятельности и его эмоционально-чувственной оценке, принятию и закреплению как самой личностью, так и обществом).

Следует заметить тот аспект процесса возвышения личности уже самим психологом (исследователем и психотерапевтом), который проявляется в акте перехода от обобщенного к более конкретному ее осознанию и пониманию. То есть процесс возвышения личности имеет также свою дедуктивно-индуктивную, обобщенно-конкретизирующую линию. Это хорошо знают практические психологи, которые наблюдают возвышение клиента каждый раз, когда начинают обсуждать с ним такие дорогие для него конкретные, «живые» индивидуальные черты и «мелочи» психической жизни его собственной

личности, которые ему интереснее любых абстрактных, общих особенностей не принадлежащей ему, такой чужой и холодной теоретической личности.

Структурное представление о личности позволяет объяснить вероятный функционально-аксиологический механизм развития одаренности и таланта, ее психологического обогащения. Этот механизм состоит, предположительно, в избирательной концентрации целостного личностного потенциала на определенной, необходимой и поэтому наиболее ценной для личности, проблеме и доминирующей самоактуализации и приоритетном саморазвитии определенных способностей в зоне ее успешного разрешения. Совокупность этих способностей, ведущих к успеху в этом избирательном направлении и образует одаренность и талант. Ведь равномерное, «гармоничное» развитие всех способностей по всей структуре личности приводит в конечном счете к посредственному, заурядному, общему их развитию, как это часто наблюдается в случае феномена «отличника».

Для развития одаренности и таланта необходимо формирование задачной и соответствующей ей личностной «доминанты» с актуализованной, приоритетной и наиболее ценной для личности в этом плане группой способностей. Сосредоточение этих способностей на непрерывном решении ведущей, жизненно значимой, субъективно необходимой и поэтому ценной проблемы, а также ряда подчиненных ей задач образует благоприятные условия для развития одаренности и таланта, их проявления в достижении творческих результатов. Этот механизм подтверждается феноменом «троечников», к числу которых относились известные деятели искусства и науки, такие как А. С. Пушкин, Ч. Дарвин, А. Эйнштейн и другие. Такой избирательный, концентрированный, доминантный функционально-ценностный механизм развития и проявления одаренности возможен и у отличников, однако при наличии у них сильной нервной системы и на этой основе – всесторонне (разносторонне) развитой творческой личности. Если же такая концентрация творческих способностей на проблеме сочетается со «стратегией непрямым действий» (Л. Гарт), с волей к ее реализации, то успех творческой деятельности одаренной личности обеспечен.

Заурядные же личности, с равномерно развитыми способностями и «стратегией прямых действий», часто остаются потенциально одаренными с нереализованными творческими возможностями.

Теоретически можно предположить, что выборочная кумулятивная организация творческой деятельности одаренной личности в определенном ею направлении, когда личностный потенциал избирательно концентрируется в этом направлении, может способствовать появлению гениальности и экстраспособности, на основе чего возможен существенный выход личности за пределы обычного, традиционного и рационального. Это не противоречит научным взглядам на чрезвычайные способности человека. О такой возможности свидетельствует известный эксперимент А. Н. Леонтьева, в котором в ходе специальной «кумулятивной» процедуры была выработана несуществующая ранее кожная чувствительность руки к неспецифическим фотораздражителям.

Исключительному значению нового творческого продукта как ценности должен соответствовать такой же исключительный аксиопсихологический личностный механизм создания этого продукта.

Обобщая вышесказанное, также можно утверждать, что для всех вариантов развития и самоактуализации одаренности общим является универсальный механизм возвышения личности, предусматривающий реальное признание и обеспечение всеми средствами роста ее ценности. Противоположный этому – механизм унижения и уничтожения способной, талантливой личности до уровня репродуктивно действующего индивида.

Не прибегая к чрезмерной детализации, можно предположить существование двух общих цивилизационных моделей: деградации или расцвета способностей и дарований личности. Первая из них обобщенно представлена во всемирно известных произведениях Ф. М. Достоевского «Униженные и оскорбленные», «Преступление и наказание» и т. п. Его гениальные труды, в целом, демонстрируют устойчивую традицию унижения ценности, чести и достоинства человека, закрепившуюся в последние столетия на значительной

территории Восточной Европы и Северной Азии. Вторая цивилизационная модель представлена в книге известного американского философа и историка В. Мак-Нила «Возвышение Запада», вышедшей в 1963 году. В этом произведении возвышение цивилизации выступает универсальной категорией, собственно как парадигма, то есть ведущая тенденция в становлении человечества. Эти модели действуют в определенных регионах планеты и определяют преобладающие тенденции относительно ценности одаренной и талантливой личности, а соответственно этому – и различный уровень благополучия народов и стран.

Возвращаясь к чисто психологическим условиям развития одаренности, следует отметить, что личность в ходе творческой деятельности должна лучше осознавать (в соответствии с пониманием категории сознания профессором А. В. Петровским), сознательно использовать и возвышать как свой креативный потенциал, так и предмет своей творческой деятельности. Согласно этому, в психологии и педагогике одаренности и таланта принцип аксиологии сознания (в своем содержательном понимании) должен быть одним из центральных и предусматривать учет функционально-аксиологического механизма развития, возвышения одаренной и талантливой личности.

При этом, следует учитывать и другие аспекты проблемы. Не следует забывать, что творческий потенциал закладывается в личность в виде ее собственных новообразований, путем усвоения определенных качеств и приобретения ими статуса свойств через самосознание и рефлексию. Таким образом, возникает вопрос о «единице» психологического анализа и синтеза структуры личности. Целесообразно упомянуть мнение Г. С. Костюка о том, что в центре такого анализа и синтеза должно стоять понятие свойства как единицы личности. Патриарх украинской психологии, вслед за Л. С. Выготским и в сотрудничестве с Б. Г. Ананьевым, С. Л. Рубинштейном, А. Н. Леонтьевым и другими психологами, четко осознавал, что именно в обретении личностью различных вершинных свойств сказывается развивающий результат того культурного, исторического, фило- и онтогенетического развития личности,

позволяющий творчески изменять к лучшему предметный мир. Несмотря на разнообразие психологических свойств, все они имеют, как считал Г. С. Костюк, одинаковую структуру, состоящую из трех компонентов – содержательного, мотивационного, операционного. Именно на этих компонентах, на наш взгляд, следует остановиться и попробовать дальше развить эту мысль гениального украинского психолога.

В контексте предложенной нами культурно-психологической концепции личности и ее центральной составляющей – научного представления о психологической структуре личности – каждое ее свойство как «единица» должно подвергаться анализу через три измерения:

- I. социально-психолого-индивидуальное;
- II. деятельностное;
- III. генетическое (возрастное, развивающее).

Это означает, что каждое свойство должно анализироваться и синтезироваться как «в себе», так и «вне себя», по всем трем измерениям. Следует заметить, что рассмотренные Г. С. Костюком компоненты каждого свойства (мотивационный, содержательный и операционный) почти однозначно определяются через предлагаемые нами компоненты деятельностного измерения (дополняясь целеформирующим и эмоционально-чувственным компонентом). В дополнение к этому, каждое свойство имеет также социально (общественно) и индивидуально (биологически, физиологически, психофизиологически) определенную характеристику, что в совокупности определяет его уникальность и исключительность в конкретной личности.

Такая системная характеристика каждого свойства личности, как единицы ее анализа и синтеза, делает ее характеристику психологически однородной по всему ансамблю ее свойств. При этом одновременно сохраняется специфика этих свойств как определенных функций, состояний, процессов и качеств личности. Методологическая однородность всего разнообразия свойств личности позволяет им занять свое «индивидуальное» место в единой трехмерной, поэтапно конкретизированной психологической структуре, которая

построена на базе ортогональной системе координат, имеющей три указанные выше оси с полюсами: I. социальность – индивидуальность; II. потенциальное состояние готовности к деятельности – активная деятельность; III. задатки – способности (одаренность, талант, гениальность, экстраспособность).

Согласно этому, каждое свойство личности описывается своими координатами – социально-психолого-индивидуальной, деятельностной, генетической (возрастной, развивающей). Вместе с тем, это позволяет осуществлять внутренний трехмерный анализ каждого свойства через его внешний трехмерный синтез с другими свойствами структуры личности и, наоборот, – проводить трехмерный внешний синтез всей системы свойств личности (как «системы систем» по Г. С. Костюку) через трехмерный внутренний анализ каждого свойства (см. у С. Л. Рубинштейна «анализ через синтез» и «синтез через анализ»). Следует заметить, что в такой интерпретации свойств личности становится понятной еще одна их характеристика, которую А. Менегетти связывал с голографичностью, когда через одно свойство выражается вся личность. Именно это обстоятельство объясняет такую особенность одаренной и талантливой личности, как определенную ее универсальность: тогда говорят, что она творчески проявляет себя не только в какой-то одной, но и в других сферах.

Возвращаясь к особенностям функционально-аксиологического механизма создания одаренной личности, следует отметить, что предмет ее творческой деятельности становится ценным еще до того, как возникает в качестве результата этой деятельности. Впервые его ценность появляется в виде мотива деятельности, в котором опредмечивается исходная потребность личности. Затем она проявляется в виде адекватной (и поэтому ценной) информации по этому предмету (имеющейся или приобретенной в познании), еще далее – благодаря ценностному целеполаганию, затем – путем вкладывания собственных усилий и самоактуализации способностей в процесс продуцирования соответствующего творческого результата, а в завершение – эмоционально-чувственного принятия, оценивания этого результата и всей творческой

деятельности именно как ценной для личности. Итак, аксиологизация предмета созидания происходит не одномоментно, а в процессе осуществления предметной аксиологизованой деятельности личности, когда этот предмет поочередно проходит через указанные аксиологизирующие его компоненты и соответствующие им этапы деятельности. Этот предмет постепенно приобретает ценность, сопоставимую с ценностью компонентов предметной деятельности личности, а также – с ценностью воплощаемых в них базовых подструктур и соответствующих элементов, развитых до уровня способностей, одаренностей и талантов. Таким образом, происходит созидание объективных ценностей из субъективных, личностных ценностей, в целом, из ценности личности.

Особенностью этого процесса является то, что происходит не столько расход, передача, воплощение ценности личности в ценность предмета творчества, а своеобразное активное отражение, точнее – матричное обогащающее отражение ценности личности в ценности предмета созидания. Именно поэтому структуру личности на четвертом этапе конкретизации мы называем матрицей. Речь идет о том, что наряду с наращиванием по этой матрице объективной предметной ценности продукта творчества, наращивается и субъективно-предметная ценность личности, обогащается и сама матрица творчества. Ведь, как бы расходуя в процессе творчества свой исходный ценностный потенциал, психологическая ценность личности в действительности не исчезает, не уменьшается, а наоборот, остается в ней. Более того – она увеличивается, поскольку к исходной добавляются еще и текущие, и заключительные, вновь создаваемые личностные ценности как последствия осуществления творческой деятельности по созданию предмета, ценность которого для субъекта не вызывает сомнений. Важная особенность духовной, личностной ценности выступает в процессе творчества, диалога, общения и совместной деятельности. Она не может оставить своего носителя при так называемой передаче, отдаче, воплощении, вложении в предмет или в иной субъект – она увеличивается, умножается. В процессе созидания предметной ценности происходит одновременное опредмечивание и распрепредмечивание

субъекта и объекта творчества и взаимный оборот ценности предмета, его обратное воплощение в ценность личности. Этой особенностью ценность личности существенно отличается от материальных ценностей, которые действительно при передаче, обмене оставляют своего обладателя, теряются для него. Благодаря этому ценность личности является неоспоримым уникальным богатством человека и общества!

Еще одна интересная особенность касается так называемой «измерительной природы» ценности личности. Эта особенность проявляется именно в процессе передачи, увеличения, репликации, трансматрицирования субъективной ценности личности в создаваемые ею предметы объективной действительности. Ценность личности действительно выступает своеобразной мерой ценности предметов ее творчества. В этом плане можно согласиться с известной мыслью Протагора о том, что человек является мерой всех вещей, существующих и несуществующих..., а среди существующих наиболее ценным для человека является другой человек... Выдающийся греческий мыслитель оставил нам прекрасное творчески-аксиологическое понимание природы человека.

В этом контексте следует отметить, что мономерные, двухмерные, трехмерные и многомерные структуры личности имеют в научной психологии «явно измерительное» протагоровское значение...

В функционально-аксиологическом плане интересным может быть ценностный взгляд на всемирно признанную, практически ориентированную теорию одаренности американского философа, психолога и педагога Д. Рензулли. Как известно, она содержит философию достижения, трехмерную концепцию одаренности и модель обогащения триады [34], что может быть представлено следующим образом.

Теория одаренности Д. Рензулли

Философия достижения:

- заинтересованность, энтузиазм;
- задействованность;
- удовольствие.

Трехмерная концепция одаренности (триада основных компонентов):

- преданность задаче и участие в достижении цели;
- способности выше среднего;
- креативность (творческость).

Модель обогащения триады:

- обучающая система Рензулли;
- факторы повышения задействованности.

Интересно то, что даже терминологически теория одаренности Д. Рензулли носит аксиологический характер, поскольку она отражает ценностные атрибуты ребенка (заинтересованность, удовольствие, преданность задаче, способности выше среднего, креативность, обогащение и т. п.).

Важным аксиологическим признаком теории Д. Рензулли является предусмотренное постепенное восхождение от относительно общих к более конкретным понятиям и соответствующим конкретным этапам педагогической деятельности: от собственно философии, теории к практике работы с одаренным ребенком. Об этом свидетельствует переход от философии *куда???* достижения в трехмерной концепции одаренности и модели обогащения триады. Такое категориально-понятийное восхождение от абстрактного к конкретному является творческим воплощением Д. Рензулли парадигмы возвышения человечества, о которой писал В. Мак-Нил. В психолого-педагогическом плане это означает возможность привлечения к работе с одаренной молодежью дополнительных методов ее развития и самоактуализации: тех, которые предложены в известной системе Д. Карнеги, в теории и практике воспитания всесторонне развитой личности В. А. Сухомлинского, в аксиологически ориентированных психологических тренингах, в системе формирования аксиоинтераутопсихологической деятельности (см. далее) и т. д. Все это свидетельствует о близости предложенной Д. Рензулли теории и практики работы с одаренной молодежью к теоретическим и практическим разработкам отечественных психологов, педагогов, а также перспективности взаимодействия между ними.

Аксиологический взгляд на одаренность и талантливость в контексте психологической структуры личности может быть полезным для уточнения концептуального аппарата и методического инструментария решения актуальной проблемы творческого развития и самореализации человека, а через них – возвышения человеческой личности. Структура личности предстает как системно упорядоченная сокровищница психологических ценностей, которая самообогащается (саморазвивается, самообдаровывается, самоактуализуется как ценность) в условиях действия механизмов возвышения ценности личности. Поскольку все три измерения структуры личности имеют открытый характер, то такое самообогащение в принципе не имеет ограничений в своем возвышении и самовозвышении. Определенные ситуационные и исторические пределы образуются только возможностями осознания личностью своего творческого потенциала и предмета познания и созидания, а также – психофизиологическими качествами и возрастными рамками жизни.

Понимание психологами способностей, одаренности, таланта и гениальности как ценностей личности в контексте ее психологической структуры должно опираться на использование ими таких логико-психологических операций, как анализ и синтез, обобщение и конкретизация, индукция и дедукция, интериоризация и экстериоризации, усвоение и использование, возвышение и унижение – то есть предусматривать определенную психологическую культуру оперирования категорией личности как сложным структурно-функционально-аксиологическим образованием.

1.4. Понимание чести и достоинства как феноменов осознания, переживания личностью своей социальной и индивидуальной ценности

Приведенные в предыдущих разделах данные о ценности и самооценности личности, ее чести и достоинстве, свидетельствуют о немаловажном значении проведения аксиопсихологической интерпретации научных положений теоретической и практической персонологии. После определенного погружения в проблему мы можем констатировать, что эти понятия являются едва ли не важнейшими для психологии личности – теми фундаментальными «кирпичиками», которые были странным образом «потеряны» современным обществом и психолого-педагогической наукой вследствие сокрушительных негативных исторических событий XX века. О необходимости возврата этих понятий в тезаурус современной психологии личности свидетельствуют исторические данные об их разработке в течение более двух с половиной тысячелетий. Для подтверждения этой мысли можно сослаться на содержательный исторический анализ развития категорий чести и достоинства, проведенный известным львовским философом и педагогом, профессором Г. П. Васяновичем и представленный в разделе «Честь и достоинство педагога» его книги «Педагогическая этика» [26, С. 218–249]. Воспользуемся некоторыми выявленными сведениями по данной проблеме, учитывая при этом то обстоятельство, что наши общие взгляды на проблему во многом совпадают с мыслями Г. П. Васяновича. В указанной работе освещаются не только философские и педагогические, но и психологические аспекты проблемы.

Так, мы полностью согласны с Г. П. Васяновичем в том, что достоинство человека берет свое начало в чувстве его единства с родом, которое придавало индивиду силу – «за род каждый готов был умереть, не думая о себе» [С. 219 – здесь и далее приводятся цитаты с ссылкой на 26]. Уже в античные времена признавалась исключительная роль учителя в воспитании достойных граждан.

Например, Демокрит провозглашал: «там, где нет уважения к учителю, бесполезно искать и достойно воспитанного народа. Учитель – честь нации, он лучший среди лучших, поскольку избран богом» [там же].

Неудивительно поэтому, что первый кодекс чести и достоинства впервые был сформулирован в школе Пифагора. Позднее софисты и раннеантичные педагоги утверждали, что «бог создал всех людей равными, природа никого не сделала своим рабом. Свободный от рождения человек является совершенным, если он воспитан на принципах чести и достоинства...

Софисты основали релятивистский подход к пониманию сущности чести и достоинства. Этот подход сформулирован в известном классическом выражении Протагора: «Человек – мера всех вещей...» Согласно словам Протагора, обучение таким добродетелям, как честь и достоинство является главной задачей воспитания, а «...честь и бесчестье должны самоосознаваться» человеком [С. 220].

Древнегреческий философ Демокрит считал, что «душа ответственна не только за тело, но и за честь и достоинство человека, Тот, кто живет не по правилам чести – несчастный. Ведь честь и достоинство – это внутренняя потребность человека. Человеку важно отыскать и сохранить внутреннюю мотивацию чести, уметь регулировать свое поведение... Честь и достоинство, считал Демокрит, – это высшее благо человека. Честь – одна из форм самоутверждения личности» [С. 220].

Другой знаменитый эллин, Сократ, называл достойных и честных людей счастливыми, а несправедливых и недостойных – несчастными. Учитель чести и достоинства должен знать, по мнению Сократа, что «не из денег рождается настоящая честь и достоинство, а из чести и достоинства бывают у людей деньги, а также все блага частной и общественной жизни... Более того, «честь как высшая доблесть превосходит не только жизнь, но и смерть... В бесчестье впадает тот, кто нарушает закон, кто отказывается от своих внутренних убеждений...» [С. 222].

Ученик Сократа Платон учил в своей академии молодежь тому, «что становление чести и достоинства происходит благодаря постоянному самосовершенствованию души. Став достойным, такой человек является надежной опорой и защитником государства. Но и государство должно возвышать честь и достоинство своих граждан, особенно тех, кто учит и воспитывает молодежь – учителей. Не имеет чести тот, кто разрушает собственную страну, на каких бы уровнях власти он ни находился» [С. 222].

Аристотель, основатель учения о душе, полагал, что честь и достоинство следует искать в природе человека, в его жизнедеятельности. Он утверждал, что «честь – это награда, которая присуждается за добродетель, и дается она добродетельным... По-настоящему достойными чести считаются благородные люди, властители или богатые, поскольку они обладают преимуществом, а всякие преимущества в благах заслуживают большой чести...

Честь и достоинство человека в каждом отдельном проявлении имеет свою меру. Чрезмерность чести может привести к спеси, гордыне, мнительности. Результатом же ее недостатка становится униженность. Таким образом, лучше всего – середина, умеренность, разумность...

Аристотель подчеркивал, *где цитата?* что беды государства происходят прежде всего из-за утраты достоинства и чести власть имущими... Приобретая непомерное материальное богатство, властители теряют душу – источник чести и достоинства, а для кого даже честь – пустое, для того и все другое не имеет цены» [С. 223–224].

Г. П. Васянович обращает внимание на теологический подход к определению чести и достоинства, представленный в работах таких известных богословов и отцов церкви, как Августин, Боэций, Абельяр, Фома Аквинский и др. Они утверждали, что «Бог является Учителем учителей и учеников. Он тот, кто возвеличил человека, ставшего подобным ему. Он тот, кто оберегает человеческую душу и избавляет ее от гордыни, самолюбия. Любовь, вера человека в Бога возвышают его честь и достоинство» [С. 224]. Необходимо

отметить, что этот подход был доминирующим в монастырском воспитании во времена средневековья.

В это же время закладываются основы рыцарского воспитания. Как указывает Г. П. Васянович, духовными добродетелями рыцарей, а к их числу относились и запорожские казаки, были: «вера в Бога, верность и преданность своему суверену, храбрость, благородство, честность, достоинство, защита слабых, стариков и женщин...» [С. 225]. Ученый приводит слова М. Оссовской из ее работы «Рыцарь и буржуа» о том, что «от учителя, который воспитывал рыцаря, требовалась образцовость в следовании канонам чести и достоинства, а также собственная физическая и боевая подготовка» [С. 225–226]. Рыцарь защищал свою честь, как правило, на дуэли, традиции которой просуществовали вплоть до первой мировой войны. После нее дуэль, как поединок «крови за честь», отступила перед гигантскими потоками людской крови мировой бойни и невиданного по своим масштабам унижения, уничтожения основ жизни человека, его катастрофического обесценивания.

Но в эпоху Возрождения еще происходило осмысление проблемы чести и достоинства, в частности, в работах гуманистов. Например, Эразм Роттердамский подвергал критике тех невежественных учителей, «которые не только не имеют собственной чести и достоинства, но и унижают ее у учеников». Он резко выступил против таких приемов воспитания, как телесное наказание, посвятив этому целую книгу, в которой утверждал, что «жестокое телесное наказание приводит к тому, что гордая природа становится недоступной для влияния, а низкая предается отчаянию» [С. 226–227]. Великим гуманистом подмечена правильная мысль о том, что всякое наказание слепо и непомерно унижает и ученика, и учителя, идет ли речь о розге, о публичном порицании или о несправедливой оценке.

Другой деятель эпохи Возрождения и Нового времени Т. Гоббс определял честь и достоинство человека в зависимости от его личных способностей, которые образуют его могущество. Он считал, что особенно высоко должна стоять честь властителей, ибо «честь высокопоставленных лиц должна

оцениваться в зависимости от тех благодеяний и помощи, которые они оказывают людям, стоящим ниже, или же эта честь ничего не стоит» [С. 227]. Он осуждает насилие властителей, которое, в случае безнаказанности, порождает наглость, а наглость – ненависть народа. Ненависть же народа «порождает усилия сбросить любую знать, которая угнетает, хотя бы ценой гибели государства» [там же].

Интересны приведенные Г. П. Васяновичем мысли о чести и достоинстве таких известных европейских философов, как Б. Спиноза, Ж.-Ж. Руссо, И. Кант, Г. Гегель.

Так, Б. Спиноза считал, что только свободный человек знает, что такое честь и достоинство: «Личность, которая угнетена социально и интеллектуально, утрачивает чувство чести и достоинства, теряет гордость, приобретает черты лакузы, которая всем завидует» [С. 228].

Касательно этого с ним солидарен представитель сенсуализма Дж. Локк, полагавший, что «свободный человек скорее потеряет жизнь, чем честь. Пренебрегая честью, человек уничтожает все человеческое в себе. Чувственный аспект является основным в познании чести и достоинства. Учитель должен хорошо владеть знаниями психологии, чтобы осуществить познание чувственной сферы воспитанников и позитивно влиять на их волю, характер, разум. Это позволит ему воспитать настоящего джентльмена – человека высокой порядочности и чести» [там же].

Ж.-Ж. Руссо также ставил в основу чести и достоинства принцип свободы, аргументируя это тем, что «отказаться от своей свободы – это означает отказаться от своего человеческого достоинства, от прав человека, даже от его обязанностей... Такой отказ несовместим с природой человека» [С. 229].

И. Кант сформулировал известный принцип самоценности человеческой личности, который обязывает человека быть достойным, обладать самоуважением. Это то, что образует его благородную гордость, долг каждого человека. Гордыня же, высокомерие, амбициозность не имеют ничего общего с достоинством. В работе «О педагогике» И. Кант высказал интересную мысль о

том, что учитель должен так учить ребенка, чтобы он оценивал себя, не сравнивая с другими: «Желание иметь уважение других за то, что совсем не является достоинством человека, является честолюбием» [С. 229].

Г. Гегель, в отличие от И. Канта, делает акцент на объективной стороне чести и достоинства, хотя и не отрицает их субъективного характера. Он рассматривает честь в составе триады «честь-свобода-государство». В государстве гражданин обретает надлежащую ему честь благодаря должности, на которую он поставлен, благодаря профессии, которой он занимается, и благодаря любой другой своей трудовой деятельности. Гегель подчеркивает, что и само государство держится не на долге, а на чести... Пренебрежение честью и достоинством, которое выявляет государство к своим гражданам, не делает чести и ему самому, это есть грубое нарушение прав и свобод индивидов. Гражданское общество должно способствовать развитию чести и достоинства своих граждан, заботиться о чести народа, нации в целом. Независимость страны делает честь народу» *нет начало цитаты???* [С. 230].

В работе Г. П. Васяновича приводятся данные о взглядах на проблему чести и достоинства известных деятелей отечественной культуры, таких как В. Белинский, Н. Чернышевский, Н. Добролюбов, А. Герцен, Т. Шевченко, И. Франко, Л. Украинка. Он приводит также слова раннего К. Маркса касательно этой проблемы: «Достоинство – это именно то, что наиболее возвышает человека, что придает его деятельности, всем его стремлениям высшее благородство, что позволяет ему непоколебимо возноситься над толпой, вызывая ее удивление» [С. 231].

Проблема достоинства рассматривается как центральная в этическом учении прометеизма. Его ведущий представитель П. Боранецкий в своих работах «О достоинстве человека» и «О главном. Конечное предназначение человека» утверждает, что достоинство является основной категорией этики, которая дает оценку добра и зла, справедливого и несправедливого. Без этой категории «...в мире все было бы аксиологично индифферентным и потому мертвым... Если бы не существовало нравственной категории достоинства, которая придает вещам

ценность..., то в мире не могло бы быть ни ценностей, ни любви, ни стремлений, ни достижений, ни борьбы, ни целей, ни идеалов, ни надежд» [С. 231–232]. П. Боранецкий высказывает важную мысль о том, что достоинство находится в постоянном развитии и от этого зависит все развитие нравственности человека. Он конкретизирует эту мысль в следующем положении: «От полуживотного состояния, лишенного какого-либо понятия о достоинстве, как своего собственного, так и чужого, до сознания высшего абсолютного достоинства» – таков путь развития человека и его достоинства. Согласно этике прометеизма «человек... по своей идее и есть существо, которое наделено абсолютным достоинством, поэтому он рассматривается как существо бесконечное и неуничтожимое» [26, С. 232].

Что же касается современных исследований проблемы чести и достоинства, то Г. П. Васянович справедливо замечает, что их явно недостаточно и они еще далеки от совершенства. Основным в существующих определениях этих понятий является, по его мнению, которое мы также разделяем, является наличие атрибутов ценности человека – общей, моральной, представителей определенных общностей, конкретной, индивидуальной, интегральной, дифференциальной, внешней, внутренней и т. д.

В связи с этим, уместно будет еще раз обратиться к существующим сейчас определениям понятий чести и достоинства, акцентируя внимание именно на аксиопсихологической и этико-психологической их характеристике. Мы будем ориентироваться на приведенные в словарях и справочниках определения этих понятий, поскольку считаем, что именно конвенциональное, общепринятое понимание может способствовать лучшему их изучению и использованию профессиональными психологами.

Так, понятие достоинства (интересно, что в украинском языке есть еще один термин с таким же значением – «гідність», тогда как в русском языке ему соответствует лишь одно слово – собственно «достоинство») трактуется в «Философском словаре», изданном в 1987 г. под редакцией И. Т. Фролова, как «понятие морального сознания, выражающее представление о ценности

личности, категория этики, отражающая моральное отношение человека к самому себе и общества к индивиду. Осознание собственного достоинства является формой самоконтроля личности, на которой базируется требовательность индивида к себе; в этом отношении требования, идущие от общества, принимают форму специфически личных (поступать так, чтобы не уронить своего достоинства). Таким образом, достоинство, наряду с совестью – одно из средств осознания человеком своего долга и ответственности перед обществом. Достоинство личности регулирует также отношение к ней со стороны окружающих и общества в целом, заключая в себе требование уважения личности, признания ее прав и т. д.» [176, С. 135].

В «Психологическом словаре-справочнике» М. И. Дьяченка и Л. А. Кандыбовича понятие достоинства следует понимать (в их толковании мы увидим некоторые общие с предыдущим определением признаки, но и определенные психологические различия) как «ценностное отношение личности к самой себе и отношение к ней других людей.

Достоинство является формой проявления самосознания и самоконтроля, на которых строится требовательность человека к самому себе. Достоинство тесно связано с такими свойствами личности, как совесть, честь, ответственность. Развитие достоинства предусматривает овладение знаниями этики, индивидуальной и специальной психологии. Обладая достоинством, человек во имя самоуважения не допускает отступления от своих обещаний, сохраняет мужество в трудных жизненных условиях» [58, С. 116].

В современном «Философском энциклопедическом словаре», в соответствующей статье В. Нестеренка, достоинство считается «одним из основных положительных признаков человека как личности; степень утверждения в человеке личностных начал. Психологически предстает как надлежащий уровень самооценки и действенный механизм самоконтроля, опирающийся на четкое различение личностью допустимого для нее и недопустимого. Как этическая категория достоинство обозначает общеобязательное признание самоценности человека, его способности и крайней

необходимости быть моральным субъектом. Согласно различным модальностям человеческого бытия различают личное достоинство, женское или мужское достоинство, профессиональное достоинство, национальное достоинство, достоинство гражданина, человеческое достоинство. В структуре личности и в практическом поведении достоинство реализуется через такие свойства, как благородство, скромность, ответственность, критичность и требовательность к себе и другим и т. д. Условием формирования и утверждения достоинства является потребность в уважении со стороны других людей (достойное то, что достойно уважения). Поэтому соотносительным с достоинством моральным феноменом выступает честь, как непосредственное моральное проявление положительной общественной оценки личности» [175, С. 119].

Наиболее аксиопсихологическим можно считать определение достоинства в «Словаре по этике» под редакцией И. С. Кона, в котором оно понимается как «понятие морального сознания, выражающее представление о ценности всякого человека как нравственной личности, а также категория этики, которая означает особое моральное отношение человека к самому себе и отношение к нему со стороны общества, в котором признается ценность личности. С одной стороны, осознание человеком собственного достоинства является формой самосознания и самоконтроля личности, на нем базируется требовательность человека к самому себе. Утверждение и поддержка своего достоинства предусматривает осуществление соответствующих ему моральных поступков (или, наоборот, не позволяет человеку поступать ниже своего достоинства). В этом смысле понимание собственного достоинства наряду с совестью и честью является одним из способов осознания человеком своей ответственности перед собой как личностью. С другой стороны, достоинство личности требует и от других людей уважения к ней, признания за человеком соответствующих прав и возможностей, высокой требовательности к нему» [157, С. 81–82].

Развернутое понимание природы чести дано в соответствующей статье В. Ефименка в «Философском энциклопедическом словаре», где она трактуется как «категория этики, которая вместе с категорией достоинства раскрывает

исторические формы отношения человека к себе самому и отношения к ней со стороны общества. Однако, в отличие от категории “достоинство”, представляющей плоскость универсального в индивидуальном моральном сознании, категория “честь” освещает в ней плоскость особенного, а именно дифференцированную оценку индивида со стороны общества, признание его достоинства. Честь – это награда, присуждаемая за добродетели (Аристотель). Честь как форма морального самосознания санкционирует определенный моральный статус человека, установившуюся шкалу его оценки, учитывая принадлежность к той или иной конкретной группе – социальной, национальной, профессиональной, поло-возрастной, “по предпочтениям”. Этимологически слово “честь” связано с “часть”, “доля”, что указывает на исторические основы развития этой формы морального самосознания: наши предки представляли себя прежде всего частью конкретного родового коллектива, а потому собственно индивидуальное бытие рассматривали через призму достижений общности. Конкретный набор черт личности, которые составляют основу индивидуальной чести, в конечном счете является ответом на потребность в ожидаемых для выполнения определенных социальных ролей типах личности. Мандевилль подчеркнул тесную связь понятия чести с понятием репутации, то есть общего мнения, складывающегося в обществе относительно морального облика определенного лица или коллектива. Мы называем человеком чести того, кто заботится как о репутации своей группы, так и о собственной репутации, которая зависит от соответствия поведения человека требованиям... В условиях гуманизации общественной морали становится очевидной связь чести – как формы морального самосознания – с совестью: “честь” – это внешняя совесть, а совесть – это внутренняя честь (Шопенгауэр)... Отношение человека к своим поступкам с точки зрения чести не является высшей формой проявления морального самосознания. С развитием моральной культуры на передний план выступает понятие достоинства, ориентирующее индивидуальное “Я” на общечеловеческие ценности и идеалы» [175, С. 711–712].

В «Словаре по этике» под редакцией И. С. Кона честь характеризуется как «понятие морального сознания и категории этики, тесно связанное и во многих

отношениях схожее с категорией достоинства. Подобно достоинству, понятие чести раскрывает отношение человека к самому себе и отношение к нему со стороны общества. Однако, в отличие от понятия достоинства, моральная ценность личности в понятии чести связывается с конкретным общественным положением человека, родом его деятельности и признанными за ним моральными заслугами. Если представление о достоинстве человека исходит из принципа равенства всех людей в моральном отношении, то понятие чести, наоборот, дифференцированно оценивает людей, что выражается в их репутации. Соответственно, честь требует от человека поддерживать (оправдывать) ту репутацию, которую имеет он сам или коллектив, к которому он относится. Исторически понятие чести возникло в моральном сознании общества в виде представлений о родовой и сословной чести (моральное требование диктует человеку образ жизни и действий, которые не унижают достоинства определенного состояния или рода) [157, С. 384–385].

В «Психологическом словаре-справочнике» М. И. Дьяченка и Л. А. Кандыбовича прямо утверждается, что «честь – как социально-психологическая черта личности – проявляется в достойном ее поведении даже в сложных ситуациях. Человек, обладающий честью, не прибегает к заблуждению, угодничеству, держит слово, добросовестно выполняет свои профессиональные обязанности. Формирование чести является одной из целей воспитания подрастающего поколения» [58, С. 484].

Определение белорусскими авторами чести фактически поддерживают современные украинские психологи Н. А. Побирченко, О. П. Сергеенкова и В. В. Синявский, которые понимают ее как «осознание личностью своего общественного значения и признание этого со стороны общества. Честь – это личное достоинство человека, порядочность, связанные с требованием определенного поведения и образа действий для поддержания его репутации или престижа той общности, к которой она принадлежит» [132, С. 268].

Приведенные дефиниции (а их существует гораздо больше) свидетельствуют о наличии общего и отличного в значении понятий чести и достоинства. Общее между ними состоит в отображении ценности личности в ее

осознании и переживании человеком. Необходимо подчеркнуть, что именно осознание ценности собственной личности (напомним, что, по А. В. Петровскому, осознание – это познание, знание, самоосознание, целеполагание, эмоциональная оценка и переживание). Можно предположить, что наличие достоинства и чести являются важным атрибутивным признаком личности. Это подтверждается существующими в психологии данными и поэтому должно лучше осознаваться современными психологами и педагогами.

Единство этих понятий зафиксировано в том факте, что они часто и привычно используются вместе – как честь и достоинство человека и личности. Вместе с тем, они несколько отличаются, и тем самым дополняют друг друга. Определенное отличие этих близких по значению понятий заключается в том, что в понятии чести личности отражается, главным образом, ценность личности в общественном плане (ценность ее ролей, статусов, позиций, авторитета, репутации, имиджа и др.). В этом плане честь носит преимущественно формальный социально-психологический характер. Что же касается понятия достоинства личности, то в нем отображается самоосознание и переживание личностью своей ценности в индивидуально-психологическом плане, то есть самоценности ее, так сказать антропологических свойств. Достоинство носит преимущественно содержательный индивидуально-психологический характер.

При этом, сходство и различие данных понятий относительны: в зоне пересечения своих социально-психологических и индивидуально-психологических ценностных признаков они имеют общее психологическое основание, сущностью которого является аксиологическое самосознание. То есть осознание своей социально-психологической ценности в форме чести и индивидуально-психологической самоценности в форме достоинства как взаимосвязанных личностных новообразований. На наш взгляд, с того самого момента, когда маленький ребенок сказал «Я», начинается все возрастающее осознание, переживание им своей ценности, то есть чести и достоинства. В этом смысле «Я» охватывает важнейший и аксиопсихологический (точнее аксиоинтераутопсихологический) компонент в виде центрального личностного новообразования – аксиологическую диаду чести и достоинства личности.

Поэтому мы солидарны с соответствующими выводами фундаментального исследования И. Д. Бега по проблеме чести и достоинства личности как главных воспитательных категорий [15; 16].

В этико-психологическом плане понятия чести и достоинства личности охватывают следующие основные социально-психологические и индивидуально-психологические особенности:

Ч е с т ь:

- Потребность в уважении к себе со стороны других людей и признании своих заслуг перед обществом.
- Убежденность в своей ценности, значимости для людей и общества как личности.
- Честность в отношениях с людьми, верность данному слову, неприятие лжи и угодничества.
- Преданность правилам кодекса чести.
- Совесть как регулятор межличностных отношений с людьми и в делах и поступках.
- Репутация, престиж в обществе и добросовестность.
- Ответственность перед людьми и собственной совестью.
- Высокая нравственная культура в межличностных отношениях с людьми.
- Порядочность и интеллигентность.
- Чувство профессиональной, гражданской и национальной чести.
- Честолюбие.

Д о с т о и н с т в о:

- Потребность в самоуважении.
- Ценностное отношение к себе.
- Требовательность к себе, самокритичность.
- Правдивость перед собой.
- Благородство души и помыслов.
- Авторитетность.
- Мужество, самообладание, самоконтроль в трудных ситуациях.
- Чувство долга перед родными и близкими, готовность к их защите от унижения.
- Чувство личностности.
- Способность к совершению честных и достойных поступков в любых ситуациях.
- Знание своих прав и обязанностей и следование им в поступках и действиях.
- Скромность.
- Чувство равенства достоинств в отношениях между людьми.
- Чувство собственного достоинства как человека, мужчины, женщины, ребенка, пожилого человека.
- Самолюбие и т. д.

Более полный список этико-психологических и аксиопсихологических характеристик чести и достоинства представлен в третьем разделе пособия – в опроснике для ориентировочного определения проявлений этих феноменов в поведении и деятельности личности.

Честь и достоинство своей личности много значат для человека, поскольку они касаются его социальной ценности и индивидуальной самооценности, осознания и переживания им социальной оценки его позиции, роли, весомости, репутации и престижа в обществе, осознания и переживания своей индивидуальной силы, авторитета, нравственного потенциала, личностных ресурсов в собственной самооценке. А это играет огромную роль для организации его успешного взаимодействия с социальной, личностной и природной действительностью. В этом смысле аксиологическая диада чести и достоинства образует мощное по своей энергетике ядро личности, которое обладает в буквальном смысле огромной «ядерной» силой, выступает важным фактором жизнедеятельности, энергетической детерминантой социальной и индивидуальной активности, верховной мерой оценки всех вещей и явлений. Эта «ядерная» сила обычно находится в латентном состоянии, но может взрывообразно проявиться в неблагоприятных, критических ситуациях, например – в ситуациях социальных и индивидуальных притязаний на ценность личности. Тогда честь и достоинство предстают как сила сопротивления, активного противодействия, а в определенных ситуациях – как детонатор острых межличностных и социальных конфликтов.

Известной исторической иллюстрацией такой силы чести и достоинства стала драма последних месяцев жизни великого русского поэта А. С. Пушкина. Поэт придавал вопросам чести и достоинства огромное значение в своем литературном творчестве, светской и частной жизни. Так, эпиграфом к повести «Капитанская дочка» он поставил пословицу «Береги честь смолоду» [135]. Биограф поэта С. Л. Абрамович указывает, что «... мысль о чести и достоинстве писателя – одна из самых дорогих для него идей, к которой он не раз возвращается на страницах «Современника» (журнала, основанного

А. С. Пушкиным – Р. В.). Как отмечает биограф, в последний год своей жизни А. С. Пушкин все чаще «оказывался в ситуациях, глубоко оскорбительных для него. Его достоинство поэта и даже неприкосновенность его частной жизни были под угрозой» [1, С. 19]. Сам поэт писал в 1836 г.: «...Я должен охранять мою честь и то имя, которое я оставлю своим детям» [цит. по 1, С. 26]. Он готов был «действовать как подобает человеку чести».

Сохранение, защита достоинства и чести своей семьи стали главными мотивами его жизни после того, как 4 ноября 1836 г. голландский посланник барон Геккерн, покрывая оскорбительные посягательства своего приемного сына Ж. Дантеса на честь жены поэта, Натальи Николаевны, прислал ему и некоторым его друзьям грязное анонимное письмо. Права была А. Ахматова, которая одной из первых среди пушкиноведов утверждала, что в этой ситуации «...поставлена была на карту честь поэта, его общественная репутация. Пушкин мог спасти ее только ценой жизни. Другого способа остановить клевету у него не было» [цит. по 1, С. 178]. «Не видя никакого иного средства отстоять свою честь и защитить свою жену от лжи, Пушкин осмелился на смертный бой... Накануне дуэли он сделал все, чтобы мертвым или живым стать победителем в деле чести» [1, С. 149, 151].

Именно поэтому «27 января 1837 г., в пять часов после обеда, в пригороде Петербурга, вблизи Черной речки, раздался выстрел...

29 января, в два часа сорок пять минут в России не стало Пушкина... » [1, С. 186].

Как сказал в день смерти поэта В. Ф. Одоевский, «умер человек, в чьей деятельности воплотились лучшие духовные возможности нации... Солнце нашей поэзии закатилось...» [там же].

На это трагическое событие М. Ю. Лермонтов отозвался известным стихотворением «Смерть Поэта» (1937) [94, С. 157–158]:

Погиб поэт! – невольник чести –
Пал, оклеветанный молвой,

С свинцом в груди и жаждой мести,
Поникнув гордой головой!..

Для нас важным в этом трагическом для отечественной культуры историческом факте является то, что вопросы ценности личности, ее чести и достоинства, предстают как важнейшие для общества и самой личности и поэтому должны стать ключевыми в персонологии. Они приобретают не только теоретическое, но и практическое, психотерапевтическое значение для профессиональных психологов. Об этом свидетельствует анализ произведений выдающегося отечественного писателя Ф. М. Достоевского, ставших, по нашему убеждению, в значительной степени своеобразным художественным откликом на смерть А. С. Пушкина.

1.5. Контент-психологический анализ художественной характеристики Ф. М. Достоевским феноменов чести и достоинства человеческой личности, ее унижения и возвышения обществом и самим человеком

Литературовед В. В. Ермилов в своих очерках творчества Ф. М. Достоевского (30 октября 1821 г. – 28 января 1881 г.), помещенных в первой книге десятитомного собрания его сочинений, приводит слова М. Горького о том, что выдающийся писатель «выразил своим творчеством безмерность страданий униженного и оскорбленного человечества в эксплуататорском обществе и безмерную боль за эти страдания. И вместе с этим он яростно сражался против каких бы то ни было поисков реальных путей борьбы за освобождение человечества от унижения и оскорбления» [48, С. 7].

В. В. Ермилов напоминает, что сам писатель претерпел предельные унижения собственной личности, какими стали николаевская каторга и солдатчина. При этом Достоевский, с его чувствительным самолюбием, острым

чувством собственного достоинства (не закрепились ли эта ценностная черта менталитета его предков в родовой фамилии – Достоевский – Р. В.?), «мог остаться жить, то есть сохранить уважение к себе, возможность смотреть в глаза самому себе, лишь при одном из двух условий: либо остаться при своем протесте, при прежних убеждениях, гордо сносить все унижения, либо как-то так оправдать перед самим собою свое унижение, чтобы оно представилось даже благодеянием, ниспосланным свыше. Он склонился ко второму пути.

Христианское смирение оказалось чрезвычайно эластичной формой облегчения от мук уязвленной гордости, которые, не находя выхода и разрешении, способны ведь разорвать душу!» [48, С. 28].

Литературовед подчеркивает, что «Достоевский великолепно раскрыл в своих произведениях психологию *смирения паче гордости*. Он показал, сколько подавленного гнева, сколько глубоко загнанной внутрь, но непереносимой, вопреки всякому смирению, непримиримой обиды, гордости, сколько жажды мести клопочет под крышкой подобного смирения!

...В его произведениях звучит ничем не заглушенный вопль измученного человечества: *так нельзя, невозможно жить!*» [48, С. 28–29].

Исходя из основных задач нашего исследования, мы провели собственный контент-психологический анализ художественной характеристики Ф. М. Достоевским феноменов чести и достоинства человеческой личности, их унижения и возвышения, выделяя в его произведениях соответствующие фрагменты текста и подвергая их аксиопсихологической интерпретации.

Так, в романе «Бедные люди» (1846) [48, С. 79–208] писатель изображает эпистолярный диалог между двумя человеческими «унижениями» – Макаром Алексеевичем Деушкиным и Варварой Алексеевной Доброселовой. Уже первые слова Макара Деушкина наполнены драмой его тихих и смиренных страданий, а все последующие демонстрируют настоящую причинно-следственную динамику унижения его достоинства – приведем соответствующие фрагменты текста: «... – Конечно, я себя уронил, и амбиция моя пострадала, но ведь этого никто не знает, из посторонних-то никто, кроме вас, не знает...» [С. 152 – здесь

и далее по 48]; «...– Ну, а теперь почувствовал, что я гоним судьбою, что, униженный ею, предался отрицанию собственного своего достоинства, я, удрученный моими бедствиями, я упал духом...» [С. 173]; «– Эх, до унижения какого доводит людей нищета!» [С. 182].

Как отмечает В. В. Ермилов, «...пафос «Бедных людей» заключается в том, что *худшие* с точки зрения «общества», *последние* люди оказываются духовно *лучшими* людьми», но униженными этим «обществом» [С. 30].

В повести «Двойник. Петербургская поэма» (1846) [С. 209–375] Ф. М. Достоевский показывает иные грани унижения человека, проявляющиеся в его... привычке быть униженным другим человеком. Так, господин Голядкин говорит своему визави: «– Я, Крестьян Иванович... пришел вас беспокоить вторично и теперь вторично осмеливаюсь просить вашего снисхождения...» [С. 217]. И далее: «... до чего иногда злоба может довести человека, до чего может иногда дойти ожесточение врага, мстящего за честь и амбицию» [С. 257]; «...заклучил его (Голядкина – Р. В.) гость, очевидно затрудняясь в своих выражениях и выбирая слова не слишком льстивые и унижительные, чтоб не скомпрометировать себя в отношении амбиции, но и не слишком смелые, отзывающиеся неприличным равенством. Вообще можно сказать, что гость господина Голядкина вел себя как благородный нищий в заштопанном фраке и с благородным паспортом в кармане, не напрактиковавшийся еще как следует протягивать руку» [С. 272]; «–...если с благородной и высокой точки зрения на дело смотреть, то смело скажу, без ложного стыда скажу...» [С. 340]; «...– Нет, я вот как сделаю: отправлюсь, паду к ногам, если можно, униженно буду испрашивать. Дескать так и так; в ваши руки судьбу свою предаю, в руки начальства; дескать, ваше превосходительство, защитите и облагодетельствуйте человека; так и так, дескать, ...не оставьте... амбицию, честь, имя и фамилию спасите... и от злодея, развращенного человека, спасите...» [С. 353].

Рассказ «Господин Прохарчин» (1846) [С. 390–422] продолжает тему унижения «бедных людей», но в нем, по мнению В. В. Ермилова, уже содержится призыв художника встать на защиту своего униженного персонажа:

«Нельзя его беспредельно унижать и оскорблять так, как будто у него и впрямь нет ничего *заветного*, никакого уважения к самому себе! Нет, и он в конце концов может оскорбиться, восстать против своей униженности: «Я смиренный, сегодня смиренный, завтра смиренный, а потом и не смиренный, сгрубил...», как скажет герой одного из замечательных рассказов молодого Достоевского – «Господин Прохарчин» [С. 31].

Художественные произведения Ф. М. Достоевского содержат своеобразный словарь проблемы унижения и возвышения личности человека, который позволяет постичь глубину поражения человеческого достоинства. Иногда складывается впечатление, что перед нами разворачивается настоящая трагедия странного эксперимента, который проводит общество над своими гражданами, одни, высшие его члены, над другими, низшими.

В рассказе «Ползунков» (1848) [С. 502–516] писателем изображается картина одновременного переживания героем чувства собственного достоинства и никчемности, например, как это представлено в следующем фрагменте: «...Чего-чего тут не было! – и стыд-то, и ложная наглость, и досада с внезапной краской в лице, и гнев, и робкость за неудачу, и просьба о прощении, что смел утруждать, и сознание собственного достоинства, и полнейшее сознание собственного ничтожества, – все это как молнии проходило по лицу его... Всего смешнее было то, что он был одет почти так же, как все, не хуже, не лучше, чисто, даже с некоторою изысканностию и с поползновением на солидность и собственное достоинство. Это равенство наружное и неравенство внутреннее, его беспокойство за себя и в то же время непрерывное самоумаление, – все это составляло разительнейший контраст и достойно было смеху и жалости» [С. 503–504].

Повесть «Слабое сердце» (1848) [С. 517–561] красноречиво показывает, что может делать со своим достоинством сам человек, как уничтожается, в условиях бедности, умирает личность в невыносимых перепадах состояний человека – от счастья любви и ответственности перед своими обязательствами, невыполнение

которых приводит к страху, фрустрации, отчаянию, стрессам, безумию личности.

Рассказ «Честный вор. Из записок неизвестного» (1848) [С. 562–578] свидетельствует о том, что униженное чувство собственного достоинства человека может иметь такую силу, которая способна вызвать его смерть. Даже у вора бывают моменты, когда «честь велит», а ее потеря является смертельно опасной: «Наутро только, смотрю, лежит себе (Емеля – Р. В.) на голом полу, скрючившись в своей шинелишке, унизился больно, так и на кровать лечь не пришел» [С. 570, 573].

В рассказе «Чужая жена и муж под кроватью. Происшествие необыкновенное» (1848) [С. 588–631] Ф. М. Достоевский изображает унижение человека возрастом, старостью:

«Когда уж старость падает так страшно,
Что ж юность?... и т. д. » [С. 605].

Писатель считает ревность настоящей болезнью униженного достоинства одного из супругов, как это произошло в этом рассказе с Иваном Андреевичем: «Он сначала прикрылся занавесками у кровати, а потом, когда почувствовал себя в полном упадке духа, припал на землю и бессмысленно полез под кровать» [С. 611]; «- Боже! я никогда не был в таком унижительном положении!

... – Позвольте мне поднять в вашем мнении мою репутацию... Я в ужаснейшем страхе» [С. 613];

«- Ваше сиятельство, то есть ваше превосходительство... Видите, я тоже знаком с князьями...» [С. 626];

«... – Униженно прошу извинения! Я только оскорбленный муж, больше ничего!» [С. 627].

Мы выделяем и приводим лишь те фрагменты текста произведений Ф. М. Достоевского, в которых непосредственно и в буквальном смысле встречаются понятия чести и достоинства, их унижения (падения, подавления, уничтожения и т. п.) или возвышения (подъема, восхождения и т. п.) в крайних, чрезмерно возвышенных (высокомерие, тщеславие, гордыня и т. п.) или

противоположных им чрезмерно униженных (падение, ничтожество, низость и т. п.) проявлениях, и изображаются разнообразные формы их сосуществования, противопоставления, противоречия, конкуренции, соревнования, борьбы достоинств и псевдодостоинств личностей и т. п. При этом мы оставляем без внимания множество мест его произведений, в которых по контексту тоже описываются аналогичные явления, однако называются они другими терминами. Все это раскрывает ключевую для Ф. М. Достоевского тему унижения и возвышения чести и достоинства личности в обществе. Продолжим наш анализ.

В «Сентиментальном романе» «Белые ночи» (Из воспоминаний мечтателя) (1848) [49, С. 5–59] тема унижения-возвышения личности находит свое выражение в ряде диалогов между двумя влюбленными, но униженными в любви неравенством людьми: «... – ...Боже мой, боже мой! Как вспомню, что я пришла к нему в первый раз сама, что я перед ним унижалась, плакала, что я вымаливала у него хоть каплю любви...» [С. 48 – здесь и далее по 49]; «... – Если вы простите меня, то память об вас будет возвышена во мне вечным, благодарным чувством к вам, которое никогда не изгладится из души моей...» [С. 57].

Эта же тема продолжается писателем в романе «Неточка Незванова» (1849) [С. 60–232], но теперь уже на фоне страданий непризнанного музыкального таланта главного героя – Ефимова: «...Когда его выгнали, он совершенно унизился, стал ходить по деревенским трактирам, напивался, иногда просил милостыню, и уже никто в целой губернии не хотел дать ему места...» [С. 61]; «... – ...Ну, прощай!.. Подожди! еще один мой совет тебе на дорогу, только один: не пей и учись, все учись; не зазнавайся!» [С. 68]; «...До совершенного падения было недалеко, и вскоре несчастный впал во все пороки...: он предался неумеренному пьянству...» [С. 71]; « – ...Ты же заносчив, ты часто некстати горд и можешь оскорбить самолюбивую ничтожность, и тогда беда – ты будешь один, а их много, они тебя истерзают булавками. Даже я начинаю это испытывать. Ободришь же теперь!...» [С. 74]; «...Однако ж он горячо сжал ему руку, поблагодарил его и, скорый в своих переходах от глубокого самоуничтожения и

уныния до крайней надменности и дерзости, объявил самонадеянно, чтоб друг его не беспокоился об его участи, что он знает, как устроить свою судьбу...» [С. 75]; «...Ефимов менялся в лице, робел, разузнавал, кто приехал и кто такой новый талант, и тотчас же начинал ревновать к его славе. Кажется, что только с этих пор началось его настоящее систематическое помешательство – его неподвижная идея о том, что он первейший скрипач, по крайней мере в Петербурге, но что он гоним судьбою, обижен, по разным интригам не понят и находится в неизвестности. Последнее даже льстило ему, потому, что есть такие характеры, которые очень любят считать себя обиженными и угнетенными, жаловаться на это вслух или утешать себя втихомолку, поклоняясь своему непризнанному величию...» [С. 81]; «– ...Знаете ли, что теперь занимает этого несчастного? – прибавил Б., указывая на Ефимова. – Его занимает самая глупая, самая ничтожнейшая, самая жалкая и самая смешная забота в мире, то есть: выше ли он С-ца, или С-ц выше его, – больше ничего, потому что он все-таки уверен, что он первый музыкант во всем мире...» [С. 106]; «Главным пороком княжны, или, лучше сказать, главным началом ее характера, которое неудержимо старалось воплотиться в свою натуральную форму и, естественно, находилось в состоянии уклоненном, в состоянии борьбы, – была гордость...» [С. 150]; «–...Я отвечал тебе как той, которая в глазах моих *забылась до меня*, а не как той, которая хотела возвысить меня до себя. ...Никогда, никогда я не мог до тебя возвыситься... Страсть моя, возвышенная тобою, была не любовь, – любви я боялся; я не смел тебя полюбить; в любви – взаимность, равенство, а их я был недостоин...» [С. 197–198]; «– ...Тебя за меня отвергнут, в тебя бросят презреньем, насмешкой, потому что я так низко стою в их глазах! О, как я виновен, что был недостоин тебя! Хотя бы я имел важность, личную оценку в их мнении, внушал больше уважения на их глаза, они бы простили тебе! Но я низок, я ничтожен, я смешон, а ниже смешного ничего быть не может...» [С. 199]; «–...Прощай же, прощай! Теперь, когда все открылось, когда раздались их крики, их пересуды (я слышал их!), когда я умалился, унизился в собственных глазах своих, устыдясь за себя, устыдясь даже за тебя, за твой выбор, когда я

проклял себя, теперь мне нужно бежать, исчезнуть для твоего покоя...» [Там же]; «...я старалась угадать весь мучительный смысл этого слова: «неровня...» [С. 203]; «-...Я теперь, как дитя; мне нужно все прощать...» [С. 216].

В повести «Дядюшкин сон. Из Мордасовских летописей» (1859) [С. 272–413] Ф. М. Достоевский продолжает изображать особенности феноменов возвышения и унижения человеческого достоинства и чести – путем расширения их масштаба и детализации нюансов. Приведем соответствующие цитаты из текста работы: «...отчего, скажите, у Наполеона закружилась, наконец, голова, когда он забрался уже слишком высоко?...а потому, естественно, испугался, наконец, своей собственной высоты и вспомнил свое настоящее место...» [С. 273–274]; «...Все думали, что Марья Александровна падет духом, унижится, будет просить, умолять, одним словом опустит свои крылышки...» [С. 274]; «...Повесть моя заключает в себе полную и замечательную историю возвышения, славы и торжественного падения Марьи Александровны и всего ее дома в Мордасове: тема достойная и соблазнительная для писателя...» [С. 277].

И далее: «- ...искусство выше природы, дядюшка!» [С. 302]; « – ...он до сих пор еще мучится ревностью, хотя я уверена, что он никогда не любил тебя настоящим, возвышенным образом!...» [С. 310]; « –...Я сказала уже, что решилась на эту низость... Знаю, что это новая низость: решиться на подлость и бояться грязи, в которой она плавает, но что делать? Это непременно так будет» [С. 322]; « – О, помилуйте, дядюшка! неужели вы меня считаете способным на такую низость! – вскричал Мозгляков, желая угодить старику для... дальнейших целей» [С. 366].

Повесть «Село Степанчиково. Из записок неизвестного» (1959) [49, С. 414–638] развивает тему взаимодействия, борьбы, уравнивания и сосуществования различных достоинств, их унижения и возвышения в непрерывном водовороте отношений Фомы Фомича Опискина с полковником Егором Ильичом Ростаневым, генеральшей Крухоткиной и другими жителями указанного села – с настоящей лихорадкой переживаний, обид и примирений, сопровождающих эти отношения. Приведем наиболее выразительные отрывки

из текста повести: «...Не было унижения, которого бы он (Фома Фомич – Р.В.) не перенес из-за куска генеральского хлеба» [С. 418]; «...Предупреждаю заранее: Фома Фомич есть олицетворение самолюбия самого безграничного, но вместе с тем самолюбия особенного, именно случающегося при самом полном ничтожестве, и, как обыкновенно бывает в таком случае, самолюбия оскорбленного, подавленного тяжкими прежними неудачами, загноившегося давно-давно, и с тех пор выдавливающего из себя зависть и яд при каждой встрече, при каждой чужой удаче. Нечего и говорить, что все это приправлено самую безобразною обидчивостью, самую сумасшедшею мнительностью. Может быть, спросят: откуда берется такое самолюбие? как зарождается оно, при таком полном ничтожестве, в таких жалких людях, которые, уже по социальному положению своему, обязаны знать свое место? Как отвечать на этот вопрос? Кто знает, может быть, есть и исключения, к которым и принадлежит мой герой. Он и действительно есть исключение из правила, что и объяснится впоследствии. Однако ж позвольте спросить: уверены ли вы, что те, которые уже совершенно смирились и считают себе за честь и за счастье быть вашими шутами, приживальщиками и прихлебателями, – уверены ли вы, что они уже совершенно отказались от всякого самолюбия? А зависть, а сплетни, а ябедничество, а доносы, а таинственные шипения в задних углах у вас же, где-нибудь под боком, за вашим же столом?.. Кто знает, может быть, в некоторых из этих униженных судьбою скитальцев, ваших шутов и юродивых, самолюбие не только не проходит от унижения, но даже еще более распаляется именно от этого же самого унижения, от юродства и шутовства, от прихлебательства и вечно вынуждаемой подчиненности и безличности. Кто знает, может быть, это безобразно вырастающее самолюбие есть только ложное, первоначально извращенное чувство собственного достоинства, оскорбленного в первый раз еще, может, в детстве, гнетом, бедностью, грязью, оплеванного, может быть, еще в лице родителей будущего скитальца, на его же глазах?» [С. 423–424].

Автор продолжает: «...С того же времени, я думаю, и развилась в нем эта уродливая хвастливость, эта жажда похвал и отличий, поклонений и удивлений.

Он и в шутках составил себе кучку благоговевших перед ним идиотов. Только чтоб где-нибудь, как-нибудь первенствовать, прорицать, поковеркаться и похвастаться – вот была главная потребность его! Его не хвалили – так он сам себя начал хвалить...» [С. 424]; «...Низкая душа, выйдя из-под гнета, сама гнетет. Фому угнетали – и он тотчас же ощутил потребность сам угнетать; над ним ломались – и он сам стал над другими ломаться...» [С. 425]; «...Бедный дядя очень скоро уверовал в глубину своего падения, готов был рвать на себе волосы, просить прощения...» [С. 427].

Фома Фомич сам выражает ключевую для оправдания его существования в семье генеральши мысль: «-...Меня могут счесть за вашего раба, за приживальщика. Ваше удовольствие унижать меня перед *незнакомыми*, тогда как я вам равен, слышите ли? равен во всех отношениях. Может быть, даже я вам делаю одолжение тем, что живу у вас, а не *вы* мне. Меня унижают; следственно, я сам должен себя хвалить – это естественно! Я не могу не говорить, я должен говорить, должен немедленно протестовать и потому прямо и просто объявляю вам, что вы феноменально завистливы!» [С. 508]; «-...Но всяк человек образ божий на себе носит, образ его и подобие...» [С. 510].

Полковник Ростанев после непродолжительной борьбы достоинств в конце концов постепенно подчиняется главной линии отношений с Фомой Фомичом: «-...мой друг, я раскаиваюсь, что тебя позвал: Фоме, может быть, будет очень тяжело, когда и ты будешь здесь, так сказать, свидетелем его унижения. Видишь, я хочу ему отказать от дома благородным способом, без всякого унижения. Но это я так только говорю, что без унижения. Дело-то оно, брат, такое, что хоть медовые речи точи, а все-таки будет обидно...» [С. 520].

Фому Опискина постоянно беспокоит достижение желанного для него паритета достоинств: «- ...Но равны ли мы теперь между собою? Неужели вы не понимаете, что я, так сказать, раздавил вас своим благородством, а вы раздавили сами себя своим унижительным поступком? Вы раздавлены, а я вознесен. Где же равенство? А разве можно быть друзьями без такого равенства? Говорю это,

испуская сердечный вопль, а не торжествуя, не возносясь над вами, как вы, может быть, думаете...» [С. 525].

« – Остановитесь! – вскричал он, – мне надо кончить. Что случилось после моего падения – не знаю. Знаю только одно, что теперь, мокрый и готовый схватить лихорадку, я стою здесь, чтобы составить ваше обоюдное счастье. Полковник! по многим признакам, которых я не хочу теперь объяснять, я уверился, наконец, что любовь ваша была чиста и даже возвышенна, хотя вместе с тем и преступно недоверчива. Избитый, униженный, подозреваемый в оскорбления девицы, за честь которой я, как рыцарь средних веков, готов был пролить до капли всю кровь мою, – я решаюсь теперь показать вам, как мстит за свои обиды Фома Опискин. Протяните мне вашу руку, полковник!» [С. 612].

«...В самом падшем создании могут еще сохраниться высочайшие человеческие чувства;...не исследима глубина души человеческой;...нельзя презирать падших, а, напротив, должно отыскивать и восстанавливать;...неверна общепринятая мерка добра и нравственности и проч. и проч.» [С. 627].

Ф. М. Достоевский подводит итоги «войны и мира» достоинств жителей села Степанчиково в следующих словах: «Роман кончен. Любовники соединились, и гений добра безусловно воцарился в доме в лице Фомы Фомича...» [С. 631]; «... До самой смерти своей (Фома Фомич умер в прошлом году) он киснул, куксился, ломался, сердился, бранился, но благоговение к нему «осчастливленных» не только не уменьшалось, но даже каждодневно возрастало пропорционально его капризам...» [С. 632]; «...Фома жаловался, плакал, укорял, попрекал, стыдил, но уже не бранился по-прежнему, – не было таких сцен, как «ваше превосходительство», и это, кажется, сделала Настенька. Она почти не приметно заставила Фому кой-что уступить и кой в чем покориться. Она не хотела видеть унижение мужа и настояла на своем желании. Фома ясно видел, что она его почти понимает. Я говорю *почти*, потому что Настенька тоже лелеяла Фому и даже каждый раз поддерживала мужа, когда он восторженно восхвалял своего мудреца. Она хотела заставить других уважать все в своем муже, а потому гласно оправдывала и его привязанность к Фоме Фомичу. Но я

уверен, что золотое сердечко Настеньки забыло все прежние обиды: она все простила Фоме, когда он соединил ее с дядей, и, кроме того, кажется, серьезно, всем сердцем вошла в идею дяди, что со “страдальца” и прежнего шута нельзя много спрашивать, а что надо, напротив, утешать сердце его. Бедная Настенька сама была из *униженных*, сама страдала и помнила это...» [49, С. 633].

В романе «Униженные и оскорбленные» (1861) [50, С. 7–386] Ф. М. Достоевский реалистично изображает «горькую судьбу людей, достоинство которых унижено», дает художественную характеристику трагедии унижения «полусумашедших» жителей российской столицы, членов двух семей. Первая из них – старого Смита, его несчастной дочери и внучки Нелли – охвачена взаимным агрессивным унижением, вплоть до проклятия друг друга. Эта семья постепенно проходя через крайнее взаимное отчуждение, нищету и болезни, покидает этот мир. Другая же семья – Николая Сергеевича Ихменева, его жены Анны Андреевны и дочери Наташи – проходит испытания различными видами унижения их чести и достоинства, но, прибегая к взаимному прощению, избавляет себя от последствий унижения и остается жить.

Писатель всесторонне характеризует патогенное влияние на всех героев романа разнообразных форм и средств унижения, их смертельную опасность на фоне поединка достойного, животворного Добра и бесчестного, убивающего Зла. Олицетворением последнего выступают князь Петр Александрович Валковский и его чадо Алеша – в отце и сыне зло унижения показывается, так сказать, в развитии, в генезисе и смене поколений. Ф. М. Достоевский художественно убедительно изображает, как доведенные до отчаяния «униженные и оскорбленные» переходят границу между жизнью и смертью, подхватывают, трансформируют и переводят летальный заряд внешних факторов унижения в деструкцию внутреннего семейного и личного существования, разрушая его, приводя родных, любивших прежде друг друга людей, к смерти. В противном случае противодействия унижению жизнь сохраняется, если люди вступают в поединок с унижающими и, главное – снимают его последствия благородным прощением друг друга. В этом мы усматриваем общую психологическую, более

того – психотерапевтическую фабулу романа, которая талантливо воплощается в тексте пером художника.

Так, в диалоге Ихменева с Ваней (в его образе писатель представляет в значительной степени свою позицию) Николай Сергеевич признается в разрушительном действии унижения: «–...Меня именно бесит, что меня, как дурака, как самого низкого подльца, *все* считают способным иметь такие низкие, такие слабые чувства... думают, что я с ума схожу от горя... Вздор!» [С. 80 – здесь и далее по 50].

В таком состоянии в душе Ихменева происходит борьба между любовью к дочери Наташе и проклятием за ее любовь к Алеше, сыну Валковского. Этот переход от унижения оскорблением к возвышению любовью разрывает душу Николая Сергеевича, о чем свидетельствуют строки произведения, переполненные слезами, рыданиями, упреками и поцелуями портрета дочери, признаниями в родительской любви и преданности своему ребенку, внутренней готовностью к прощению.

Ф. М. Достоевский изображает удивительную силу прощения на примере отношений молодых героев романа – Наташи и Алеши: «...для этого прекрасного создания было какое-то бесконечное наслаждение прощать и миловать; как будто в самом процессе прощения Алеши она находила какую-то особенную, утонченную прелесть... Видя ее кроткую и прощающую, Алеша уже не мог утерпеть и тотчас же сам во всем каялся, без всякого спроса, – чтоб облегчить сердце и «быть по-прежнему», говорил он. Получив прощение, он приходил в восторг, иногда даже плакал от радости и умиления, целовал, обнимал ее» [С. 83].

Писатель показывает наличие у субъекта унижающих действий, то есть у унижающего, определенного аксиопсихологического мотива, когда говорит о князе Валковского: «...Ему нравилось во всем этом деле унижение Ихменева» [С. 84]. В другом месте романа эта мотивация унижения показана в обращении Наташи к Ване, которого она страстно обвиняет в этом: «–...Ты ему враг, тайный и явный! Ты не можешь говорить об нем без мщениа. Я тысячу раз

замечала, что тебе первое удовольствие унижать и чернить его! Именно чернить, я правду говорю!» [С. 93]. Однако она приписывает людям, в частности, Алеше, и противоположные наклонности: «...но в нем укрепились некоторые благородные внушения; он начинает интересоваться не одними игрушками, а тем, что возвышенно, благородно, честно...» [С. 114]; «...Он затронул и возбудил самые благороднейшие способности человеческого сердца, именно – способность прощать и отплачивать за зло великодушием» [С. 114-115].

Ф. М. Достоевский говорит, и чем дальше, тем больше, о настоящей «диалектике» унижения и возвышения, когда они выступают в единстве, последовательно или одновременно, сменяя друг друга, осуществляясь противоположными сторонами в различных формах с применением различных средств. Так, утонченным оружием циничного, декларативного возвышения владеет демонический субъект в действительности императивного унижения князь Валковский. В одном из диалогов он обращается к Наташе с такими словами: «– ...Я пришел, чтоб исполнить мой долг перед вами и – торжественно, со всем беспредельным моим к вам уважением, прошу вас осчастливить моего сына и отдать ему вашу руку. О, не считайте, что я явился как грозный отец, решившийся, наконец, простить моих детей и милостиво согласиться на их счастье. Нет! Нет! Вы унижите меня, предположив во мне такие мысли» [С. 116].

Отметим, что в контексте описания художником проблемы унижения и возвышения психологические термины «внимание» и «уважение» приобретают, наряду со своим функционально-познавательным, еще и явное аксиопсихологическое значение («внимание», «уважение», т.е. признание ценности человека, существование возле человека как ценности и т. д.).

Писатель показывает, что унижение и возвышение, оскорбление и признание укореняются в чертах характера людей и становятся факторами их дальнейшего аксиологического поведения. Например, он говорит об одной из героинь романа: «Елена была такая обидчивая, гордая» [С. 165].

Ф. М. Достоевский не мог не коснуться такого распространенного в его время средства сатисфакции униженной и оскорбленной личности, как дуэль. Он характеризует ее на примере разрешения конфликта между князем Валковским и Ихменевым словами последнего: « – ...тяжба наша кончилась...; я осужден. Я должен заплатить до десяти тысяч;...теперь уж этот подлый человек обеспечен в своих деньгах, а я, предоставив Ихменевку, заплатил и делаюсь человеком посторонним. Тут-то я и поднимаю голову. Так и так, почтеннейший князь, вы меня оскорбляли два года; вы позорили мое имя, честь моего семейства, и я должен был все это переносить! Я не мог тогда вас вызвать на поединок... Теперь, почтенный князь, процесс решен, вы обеспечены, следовательно нет никаких затруднений, и потому не угодно ли сюда, к барьеру. Вот в чем дело. Что ж, по-твоему, я не вправе, наконец, отмстить за себя, за все, за все!

...Да, у меня есть другая цель. Эта цель: спасти мою погибшую дочь и избавить ее от пагубного пути, на который ставят ее теперь последние обстоятельства» [С. 172]. Он продолжает: « – ...не хочу дать восторжествовать низкому и коварному человеку, ...из чувства самого обыкновенного человеколюбия. Если она мне уже не дочь, то она все-таки слабое, незащищенное и обманутое существо, которое обманывают еще больше, чтоб погубить окончательно. Ввязаться в дело прямо я не могу, а косвенно, дуэлью, могу. Если меня убьют или прольют мою кровь, неужели она перешагнет через наш барьер, а может быть, через мой труп и пойдет с сыном моего убийцы к венцу... Да и, наконец, если пойдет на дуэль, так князья-то наши и сами свадьбы не захотят. Одним словом, я не хочу этого брака и употреблю все усилия, чтоб его не было. Понял меня теперь?» [С. 173]. И добавляет: « – А плевать на все светские мнения, вот как она должна думать! Она должна сознать, что главнейший позор заключается для нее в этом браке, именно в связи с этими подлыми людьми, с этим жалким светом! Благородная гордость – вот ответ ее свету. Тогда, может, и я соглашусь протянуть ей руку, и увидим, кто тогда осмелится опозорить дитя мое!

...Попреки, унижения, подруга мальчишки, который уж и теперь тяготится ее любовью, а как женится – тотчас же начнет ее не уважать, обижать, унижать; в то же время сила страсти с ее стороны, по мере охлаждения с другой; ревность, муки, ад, развод, может быть само преступление... нет, Ваня!

– ...Да что ж, по-твоему, неприлично, что ль, со мной драться? Я не хуже его. Я старик, оскорбленный отец; ты русский литератор, и потому лицо тоже почетное, можешь быть секундантом и...» [С. 173–175]. В этих словах Николая Сергеевича выражена коллизия борьбы за честь униженной князем Валковским семьи Ихменевых, которая в конце концов заканчивается победой – путем непростого прощения отцом дочери.

Иная судьба постигла семью старого Смита. Как пишет автор, «это была страшная история; это история покинутой женщины, пережившей свое счастье; больной, измученной и оставленной всеми; отвергнутой последним существом, на которое она могла надеяться, – отцом своим, оскорбленным когда-то ею и в свою очередь выжившим из ума от нестерпимых страданий и унижений. Это история женщины, доведенной до отчаяния; ходившей с своею девочкой, которую она считала еще ребенком, по холодным, грязным петербургским улицам и просившей милостыню; женщины, умиравшей потом целые месяцы в сыром подвале и которой отец отказывал в прощении до последней минуты ее жизни, и только в последнюю минуту опомнившийся и прибежавший простить ее, но уже заставший один холодный труп вместо той, которую любил больше всего на свете. Это был странный рассказ о таинственных, даже едва понятных отношениях выжившего из ума старика с его маленькой внучкой, уже понимавшей его, уже понимавшей, несмотря на свое детство, многое из того, до чего не развивается иной в целые годы своей обеспеченной и гладкой жизни...» [С. 185–186].

В этих и последующих словах писатель обращается к диалектике процесса унижения-возвышения ценности своих героев, в частности, описывает такую ее сторону, как периодический переход от падения к подъему и наоборот, что как бы демонстрирует действие своеобразного маятника, колеблющегося в

изменениях их чести и достоинства в сознании одного человека и в его взаимоотношениях с другими людьми. Этот маятник колеблется не только в одном человеке, но и в отношениях между разными людьми. Он пишет, в связи с этим, об отношениях князя Валковского с Ихменевым следующее: «...Вообще этаким подлецам превосходно иметь дело с так называемыми возвышенными существами. Они так благородны, что их весьма легко обмануть, а во-вторых, они всегда отделяются возвышенным и благородным презрением, вместо практического применения к делу закона, если только можно его применить» [С. 238].

Своеобразные мотивационные грани этого закона иллюстрируются почти каждым диалогом и монологом героев романа. Это можно сказать, в частности, о монологическом размышлении Ивана Петровича о князе в ходе беседы с последним (в которой речь идет об оппозиции, противодействии возвышенного человека ничтожеству): «Я действительно готов был на него броситься. Дальше я не мог выдержать. Он производил на меня впечатление какого-то гада, какого-то огромного паука, которого мне ужасно хотелось раздавить. Он наслаждался своими насмешками надо мною; он играл со мной, как кошка с мышью, предполагая, что я весь в его власти. Мне казалось (и я понимал это), что он находил какое-то удовольствие, какое-то, может быть, даже сладострастие в своей низости и в этом нахальстве, в этом цинизме, с которым он срывал, наконец, передо мной свою маску. Он хотел насладиться моим удивлением, моим ужасом. Он меня искренне презирал и смеялся надо мною» [С. 267]. В этом отрывке показано, что ничтожество может маскировать свою сущность определенными средствами псевдовозвышения, но оно, как правило, оказывается разоблаченным в отношениях с действительно возвышенными людьми и, в конце концов, становится безрезультатным в стремлении унижить их до своего уровня.

Несмотря ни на что, честь и достоинство побеждают ничтожество и подлость и важным средством такой победы является все то же прощение. Мы видим, что к этому средству прибегают почти все герои романа. Но оно имеет

свою определенную силу в разных руках, в разных обстоятельствах. Та, не спасло запоздалое и слабое прощания старого Смита его дочь и внуку. Сила прощания дочерью отца, хотя и последовательно наращивается в романе, но не смогла перевесить трагической силы унижения отцом дочери и она умирает, первой в этой семье. За ней идет в небытие и сам старик. Его внучке, как самой младшей в семье, еще предоставлен небольшой шанс и срок, с ее силой юной любви, продержаться в мире человеческого унижения. Но без поддержки со стороны слабой и деформированной чести и достоинства семьи, она в конце концов также оставляет этот мир.

Иными являются последствия взаимного прощания для членов семьи Ихменевых. Ф. М. Достоевский вкладывает в их уста яркие, искренние, животворные слова прощания, слова признания в любви друг к другу. Так, Наташа в разговоре с Иваном Петровичем произносит: « – Я ужасно любила его прощать, Ваня,... – знаешь, что когда он оставлял меня одну, я хожу, бывало, по комнате, мучаюсь, плачу, а сама иногда подумаю: чем виноватее он передо мной, тем ведь лучше... да!» [С. 327]. Кстати, пытался прибегать к прощению и сам Алеша, предмет страданий Наташи: «...он просил простить ему, простить ему и любовь эту и все, чем он оскорблял ее в это время, свои измены, свою любовь к Кате, отъезд...» [С. 328].

На спасительную силу прощания надеется и Иван Петрович, когда напутствует Нелю идти в семью Ихменевых: « – ...Расскажи им, как твою мать оставил злой человек, как она умирала в подвале у Бубновой, как вы с матерью вместе ходили по улицам и просили милостыню; что говорила она тебе и о чем просила тебя, умирая... Расскажи тут же и про дедушку. Расскажи, как он не хотел прощать твою мать, и как она посылала тебя к нему в свой предсмертный час, чтоб он пришел к ней простить ее, и как он не хотел... и как она умерла. Все, все расскажи! И как расскажешь все это, то старик (Ихменев – Р. В.) почувствует все это и в своем сердце. Он ведь знает, что сегодня бросил ее (Наташу – Р. В.) Алеша и она осталась униженная и поруганная, одна, без помощи и без защиты, на поругание своему врагу. Он все это знает... Нелли! спаси Наташу!...» [С. 335].

Иван Петрович (а за ним, напомним, стоит сам автор романа) ищет выход из острого конфликта между Наташей и старым Ихменевым именно в прощении: «...Я не знал, как выйду из их дома, но знал, что мне во что бы то ни стало надо выйти с прощением и примирением» [С. 335].

Эта центральная проблемная ситуация унижения и оскорбления оказалась далеко не простой, не сразу понятой персонажами романа, напротив – психологически сложнейшей, запутанной, болезненной, роковой для пораженных ею – и старого Смита, и его дочери, и его внучки – они бесповоротно угасали в болезни израненной унижением души, неотвратимо стремясь к смерти. Нелли говорит перед смертью Ивану Петровичу о своих последних встречах с отцом «- ...А когда потом мы начали закон божий читать, я опять спросила: отчего же Иисус Христос сказал: любите друг друга и прощайте обиды, а он не хочет простить мамашу?» [С. 347]. Она вспоминает и последние разговоры с матерью: «... – За неделю до смерти мамаша подозвала меня и сказала: «Нелли, сходи еще раз к дедушке, в последний раз, и попроси, чтоб он пришел ко мне и простил меня; скажи ему, что я через несколько дней умру и тебя одну на свете оставляю. И скажи ему еще, что мне тяжело умирать...». Я и пошла, постучалась к дедушке, он отворил и, как увидел меня, тотчас хотел было передо мной дверь затворить, но я ухватила за дверь обеими руками и закричала ему: «Мамаша умирает, вас зовет, идите!.. Но он оттолкнул меня и захлопнул дверь. Я ворочилась к мамаше, легла подле нее, обняла ее и ничего не сказала... Мамаша тоже обняла меня и ничего не спрашивала...» [С. 352].

И только в последний момент жизни своей дочери старый Смит изменил себе и побежал к ней, но она уже была мертва и он сам упал замертво, а через некоторое время отошел в мир иной.

То же самое было вначале и в семье Ихменевых, но дальше все развивалось иначе. Ф. М. Достоевский изображает кульминационную сцену романа – взаимного прощения Николая Сергеевича и Наташи, отца и дочери: «- Наташа,

где моя Наташа! Где она! Где дочь моя!... – Отдайте мне мою Наташу! Где, где она! – и, схватив костыль,...он бросился к дверям.

– Простил! Простил! – вскричала Анна Андреевна.

Но старик не дошел до порога. Двери быстро отворилась, и в комнату вбежала Наташа, бледная, с сверкающими глазами, как будто в горячке... Она вбежала, увидела отца и с криком бросилась перед ним на колена, простирая к нему руки...

Но он уже держал ее в своих объятиях!..

– Друг мой!.. жизнь моя!.. Радость моя!..

– Встаньте, папаша! Да встаньте же, – говорила Наташа, – ведь мне тоже хочется вас целовать...

– Нет, Наташа, мне, мне надо у твоих ног лежать до тех пор, пока сердце мое услышит, что ты простила меня, потому что никогда, никогда не могу заслужить я теперь от тебя прощения! Я отверг тебя, я проклинал тебя, слышишь, Наташа, я проклинал тебя, – и я мог это сделать!.. А ты, а ты, Наташа: и могла ты поверить, что я тебя проклинал! И поверила – ведь поверила! Не надо было верить! Не верила бы, просто бы не верила! Жестокое сердечко! Что же ты не шла ко мне? Ведь ты знала, как я приму тебя!.. О Наташа, ведь ты помнишь, как я прежде тебя любил: ну, а теперь и во все это время я тебя вдвое, в тысячу раз больше любил, чем прежде! Я тебя с кровью любил! Душу бы из себя с кровью вынул, сердце свое располосовал да к ногам твоим положил бы!.. О, радость моя!

– Да поцелуйте же меня, жестокий вы человек, в губы, в лицо поцелуйте, как мамаша целует! – воскликнула Наташа больным, расслабленным, полным слезами радости голосом...» [С. 354–355].

«Он встал, он приподнял ее из кресла и крепко-крепко прижал ее к сердцу.

– Она здесь опять, у моего сердца! – вскричал он, – о, благодарю тебя, боже, за все, за все и за гнев твой и за милость твою!.. И за солнце твое, которое просияло теперь, после грозы, на нас! За всю эту минуту благодарю! О! пусть мы униженные, пусть мы оскорбленные, но мы опять вместе, и пусть, пусть теперь

торжествуют эти гордые и надменные, унизившие и оскорбившие нас! Пусть они бросят в нас камень! Не бойся, Наташа... Мы пойдем рука в руку, и я скажу им: это моя дорогая, это возлюбленная дочь моя, это безгрешная дочь моя, которую вы оскорбили и унизили, но которую я, я люблю и которую благословляю во веки веков» [С. 356].

Итак, в романе «Униженные и оскорбленные» Ф. М. Достоевским мастерски представлена наиболее полная в то время аксиопсихологическая характеристика сущности чести и достоинства человека, его унижения и возвышения. При этом автор выступил не только как художник, способный поднять проблему чести и достоинства личности на небывалую до тех пор философскую, эстетическую высоту, но и как психолог, даже как психотерапевт. Он, несомненно, не только художественно точно воспроизвел трагическую динамику описываемых феноменов, но и реально помог найти выход из казалось бы безнадежного тупика многим миллионам и миллионам реально униженных и оскорбленных своих читателей – воспринявших и переживших над страницами романа действие настоящей аксиологической психотерапии. Об этом свидетельствует успех этого романа.

О психотерапевтической направленности творчества писателя свидетельствует и следующее его произведение – «Записки из мертвого дома» (1862) [50, С. 389–702]. Ф. М. Достоевский начал писать их еще на каторге, где пытался отразить нечеловеческое унижение личности на примере российских арестантов. Интересно то, что в этой книге художник говорит об унижении и возвышении человека в условиях своеобразного сообщества, а именно – «личностей преступников». Он утверждает, что уже «с первого взгляда можно было заметить некоторую резкую общность во всем этом странном семействе; даже самые резкие, самые оригинальные личности, царившие над другими невольно, и те старались попасть в общий тон всего острога» [С. 399]; «...Этот общий тон составлялся снаружи из какого-то особенного, собственного достоинства, которым был проникнут чуть ли не каждый обитатель острога» [С. 400], среди которых были убийцы, насильники, грабители и т. д. И именно по

отношению к ним Ф. М. Достоевский впервые в своем творчестве использует в данном романе понятие «личность». И это несмотря на то, что «...В преступнике же острог и самая усиленная каторжная работа развивают только ненависть, жажду запрещенных наслаждений и страшное легкомыслие». Он добавляет здесь же: «...Только в остроге я слышал рассказы о самых страшных, о самых неестественных поступках, о самых чудовищных убийствах, рассказанные с самым неудержимым, с самым детски веселым смехом» [С. 403]. Мы находим в книге парадоксальные, на первый взгляд, размышления о личности нищих, бобылей, гуляк или «внезапно разбогатевших и возвысившихся» над другими [С. 449]. И «такая личность, вместо того, чтоб успевать в жизни, очутилась в остроге» [С. 450].

Ф. М. Достоевский показывает относительность чувства собственного достоинства личности, которая проявляется при сравнении «свободы» и каторги. Там человек «...жил в последней степени унижения, никогда не наедался досыта и работал на своего антрепренера с утра до ночи; а в каторге работа легче, чем дома, хлеба вдоволь и такого, какого он еще и не видывал; по праздникам говядина, есть подавание, есть возможность заработать копейку. А общество? Народ продувной, ловкий, всезнающий; и вот он смотрит на своих товарищей с почтительным изумлением; он еще никогда не видал таких; он считает их самым высшим обществом, которое только может быть в свете» [С. 441].

И это при том, что каторга демонстрирует отвратительные примеры того, «до чего может опуститься и исподлиться человек и до какой степени может убить в себе всякое нравственное чувство, без труда и без раскаяния» [С. 467]. Несмотря на это, в человеке не умирает личность, и в таких нечеловеческих обстоятельствах происходит «...тоскливое, судорожное проявление личности, инстинктивная тоска по самой себе, желание заявить себя, свою приниженную личность, вдруг появляющееся и доходящее до злобы, до бешенства, до омрачения рассудка, до припадка, до судорог. Так, может быть, заживо схороненный в гробу и проснувшийся в нем, колотит в свою крышу и силится сбросить ее, хотя, разумеется, рассудок мог бы убедить его, что все его усилия

остаются тщетными. Но в том-то и дело, что тут уж не до рассудка: тут судороги. Возьмем еще в соображение, что почти всякое самовольное проявление личности в арестанте считается преступлением; а в таком случае ему естественно все равно что большое, что малое проявление» [С. 473-474].

Однако, как утверждает Достоевский, и при такой степени унижения, личность требовала, заставляла себя уважать, потому и на «каторге было несколько человек, метивших на первенство, на знание всякого дела, на находчивость, на характер, на ум...», на значительное моральное влияние на товарищей, так что на «...прочих арестантов они смотрели с достоинством и даже с снисходительностью, ссор ненужных не затевали, у начальства были на хорошем счету...» [С. 482]. Это вызывало уважение в кругу каторжан, поэтому автор дал себе слово, находясь среди них, «никакой уступкой не унижать перед ними ни образования моего, ни образа мыслей моих» [С. 487].

Какие же средства сохранения собственного достоинства были распространены среди каторжан? Это прежде всего собственная добровольная работа, хотя она и была запрещена. И не столько та, которую провоцировал арестантский режим, а почти тайная работа по самообслуживанию, ремонту для себя и себе подобных. Это, далее, как ни странно, любовь и покаяние, чувство справедливости и красоты. Последнее проявилось в том, что арестанты имели и любили свой театр. Автор записок, за которыми биографически стоит сам Ф. М. Достоевский, пишет, имея в виду факт его приглашения и посещения одного из спектаклей этого театра: «Самые нерасположенные из них ко мне... желали теперь моей похвалы их театру и безо всякого самоунижения пустили меня на лучшее место... Мне тогда же показалось,...что в их справедливом суде над собой было вовсе не принижение, а чувство собственного достоинства. Высшая и самая резкая характеристическая черта нашего народа – это чувство справедливости и жажда ее... Немногому могут научить народ мудрецы наши. Даже утвердительно скажу, – напротив: сами они еще должны у него поучиться» [С. 549-550].

В тексте «Записок из мертвого дома» мы находим изображение множества средств и результатов, общественных позиций и ролей, в рамках которых происходит самовозвеличивание (тех же господ офицеров, командиров: «Я бог и царь!») и самоуничижение самих каторжан. К этим средствам относятся своеобразные физические действия и психологические влияния, зрительные и эмоциональные внушения, словесные выражения и т. п. Так, существует специальный арсенал «понятий» – как средств «корпоративного» возвышения и унижения достоинства личности каторжан. Даже молитву некоторые арестанты произносили особенно – «и молились-то не так, как у нас, молились смиренно, ревностно, земно и с каким-то полным сознанием своей приниженности» [С. 626].

Закономерным было то, что человек каторги не опускался ниже определенного уровня: «Это был человек с честолюбием, самонадеянный и знающий себе цену. Он так и смотрел, так и говорил, как знающий себе цену» [С. 689]. Такой человек привык и к крутому унижению и самоуничижению, и к стремительному возвышению и самовозвышению, он закалил свою честь и достоинство [с. 697]. Не от того ли сам Ф. М. Достоевский, пройдя все испытания каторгой, научился ценить достоинство этих людей, уважать драму их жизни: «...Ведь надо уж все сказать: ведь этот народ необыкновенный был народ. Ведь это, может быть, и есть самый даровитый, самый сильный народ из всего народа нашего. Но погибли даром могучие силы, погибли ненормально, незаконно, безвозвратно. А кто виноват?» [С. 701].

И, конечно же, самым главным условием возвращения униженного достоинства на «круги своя» является свобода личности. Ф. М. Достоевский говорит об этом словами автора записок, когда, по окончании срока каторги, его расковывали и освобождали от оков:

«Кандалы упали. Я поднял их... Мне хотелось подержать их в руке, взглянуть на них в последний раз. Точно я дивился теперь, что они сейчас были на моих же ногах.

– Ну, с богом! с богом! – говорили арестанты отрывистыми, грубыми, но как будто чем-то довольными голосами.

Да, с богом! Свобода, новая жизнь, воскресенье из мертвых... Экая славная минута!» [50, с.702].

Итак, мы видим, на примере рассмотренных фрагментов из художественных трудов Ф. М. Достоевского, какой огромной смысловой, мотивационной, эмоциональной, в целом, животворной и одновременно разрушительной силой обладают такие свойства личности, как ее достоинство и честь, деформация которых, при условии их чрезмерного унижения или возвышения, может привести к драматическим и даже трагическим последствиям для жизни человека. Однако, сила человеческого духа такова, что, как указывает В. В. Ермилов, даже «Предельное унижение человека на каторге, которое так ярко изображено в «Записках из мертвого дома»..., оказывалось еще не *последней ступенью унижения* по сравнению с тем, какому подвергался человек «на воле»! [42, с.36].

В рассказе «Скверный анекдот» (1962 год) [51, С. 5-60] Ф. М. Достоевский вносит разнообразие в характеристику унижения и возвышения чести и достоинства личности в таких их аспектах, как эмоциональный, деятельностный, межличностный и т. д. Так, им изображается эмоциональная сторона этих явлений и фактически перечисляется целый ряд эмоций, которые можно назвать аксиологическими, т.е. такими, которые ценностно окрашивают взаимоотношения человеческих достоинств. Это эмоции и чувства зависти, превосходства, презрения, пренебрежения, высокомерия, славы, тщеславия, лести, торжества, позора, низости и т. д.

Для существования человека в так называемом аксиоинтераутопсихологическом пространстве присущи активные действия, взаимодействия и взаимовлияния, которые выражаются писателем с помощью таких словосочетаний, как «отнестись снисходительно» (снизойти), «высоко взлететь», «приносить кому-то или себе честь», «высоко и глубоко таить в себе мечты и надежды», «уважать кого-то», «возродить собственное достоинство»,

«поднять морально униженного» [С. 18 – здесь и далее по 51], а также – метафор: «поднять голову», «катиться, лететь с горы», «провалиться» [С. 36], «кланяться», «провалиться сквозь землю» [С. 59].

Писатель касается и некоторых детерминант таких действий и состояний, когда говорит об «унижении обстоятельствами» [С. 46] и особенно – «унижении алкоголем». Последнее можно считать основной сюжетной линией указанного рассказа, в котором главный герой, действительный статский советник Иван Ильич Пралинский, неожиданно попадает на свадьбу своего подчиненного Пселдонимова и постепенно, с каждым последующим бокалом водки, унижает свое достоинство, сначала «уравновешивая» его с уровнем достоинства подчиненного и его гостей, а потом, в конце концов, – безнадежно «опуская» его ниже любого приличного уровня.

Интересно, что некоторые фрагменты этого рассказа свидетельствуют о наличии особой аксиоинтераутопсихологической задачи, которая возникает в определенной ситуации перед главным героем. Мы имеем в виду вопрос Ивана Ильича: «...да, я вызываю всех сказать: чем я унизил себя?

Иван Ильич чуть не плакал.

– Ваше превосходительство, помилуйте-с!

– Порфирий, обращаюсь к тебе... Скажи, если я пришел... да... да, на свадьбу, я имел цель. Я хотел нравственно поднять... я хотел, чтоб чувствовали. Я обращаюсь ко всем: очень я унижен в ваших глазах или нет?» [С. 44].

Здесь это относительно простая аксиоинтераутопсихологическая задача, но в других произведениях писателя появляются все более сложные, драматические, даже роковые аксиоинтераутопсихологические проблемные ситуации и конфликты личности. Ф. М. Достоевский как будто исследует художественными средствами проблемы, которые перекликаются с теми, что потрясли Россию за четверть века перед этим и были связаны, в частности, со смертью А. С. Пушкина в 1837 году после дуэли, в которой поэт защищал честь своей семьи.

В фельетоне «Зимние заметки о летних впечатлениях» (1862 год) [С. 61-133] Ф. М. Достоевский продолжает свое художественно-психологическое исследование проблемы межличностного унижения и возвышения чести и достоинства, которое проводится им здесь на материале впечатлений от посещения некоторых европейских стран. По этим странам он путешествовал в июне-сентябре 1862 года и в них, по его мнению, в действительности оказалось «мало высокого», но и этим европейцы «уж слишком гордятся» [С.64]. С достижением превосходства и низости он связывает такие их действия и действия «наших за границей», как «получение большой славы», подозрительность, презрение, защита своей чести, унижение высокомерного превосходства, подличание перед высшим лицом, возвеличивание («...А что важничали перед ним, так как же барину не поважничать, – на то барин...» [С. 76]), глубокое презрение народа и начал народных, «быть самонадеянным», «свысока решать вопросы», быть «величавыми личностями», быть нигилистами, «стоять над народом», «куражиться над народом», по-рабски преклоняться «именно перед европейскими формами цивилизации» [с. 79-82], «умаляться», «восхищаться высоким слогом» [С. 92].

Писатель изображает проблему возвышения и унижения чести и достоинства в их сопоставлении с «высотой личности» и, наоборот, с ее низостью, когда она исчезает и на ее месте возникает «безличность». В таких случаях человек оказывается перед выбором: быть личностью или безличностью. Художник-исследователь спрашивает читателя: «...Что ж, скажите вы мне, надо быть безличностью, чтоб быть счастливым? Разве в безличности спасение? Напротив, напротив, говорю я, не только не надо быть безличностью, но именно надо стать личностью, даже гораздо в высочайшей степени, чем та, которая теперь определилась на Западе. Поймите меня: самовольное, совершенно сознательное и никем не принужденное самопожертвование всего себя в пользу всех есть, по-моему, признак высочайшего развития личности, высочайшего ее могущества, высочайшего самообладания, высочайшей свободы собственной воли. Добровольно положить

свой живот за всех, пойти за всех на крест, на костер, можно только сделать при самом сильном развитии личности. Сильно развитая личность, вполне уверенная в своем праве быть личностью, уже не имеющая за себя никакого страха, ничего не может и сделать другого из своей личности, то есть никакого более употребления, как отдать ее всю всем, чтоб и другие все были точно такими же самоправными и счастливыми личностями. Это закон природы; к этому тянет нормально человека...» [С. 107]. Обращает на себя внимание именно это утверждение художника о возвышении личности как о законе природы!

Ф. М. Достоевский говорит о таком важном свойстве человека, как чувство чести: «...Знаете что? можно быть даже и подлецом, да чутья о чести не потерять; а тут ведь очень много честных людей, но зато чутье чести совершенно потеряли и потому подличают, не ведая, что творят, из добродетели» [С. 114]. Художник отмечает, что у человека наступает время, когда он «сам начинает уважать себя, гордиться собою и смотреть на себя, как на человека» [С. 127].

В повести «Записки из подполья» (1864 год) [С. 133-244] внимательный читатель найдет глубокие мысли автора о связи некоторых эмоций с состояниями унижения-возвышения, например: «наслаждение... от слишком яркого сознания своего унижения; оттого, что уж сам чувствуешь, что до последней стены дошел...» [С. 138]; «в этих стонах выражается... вся для нашего сознания унижительная бесцельность вашей боли; вся законность природы, на которую вам, разумеется, наплевать, но от которой вы все-таки страдаете, а она-то нет» [С. 143]; "...пить за здоровье всего прекрасного и высокого. Я бы придирался ко всякому случаю, чтоб сначала пролить в свой бокал слезу, а потом выпить его за все прекрасное и высокое. Я бы все на свете обратил тогда в прекрасное и высокое» [С. 147-148].

Вся парадоксальность унижения и возвышения личности порождается, как считает Ф. М. Достоевский, чрезмерной опосредованностью человеческого сознания, является именно следствием «усиленного сознания» человека. Он считает, «...что слишком сознавать – это болезнь, настоящая, полная болезнь.

Для человеческого обихода слишком было бы достаточно обыкновенного человеческого сознания, то есть в половину, в четверть меньше той порции, которая достается на долю развитого человека нашего несчастного девятнадцатого столетия... Совершенно было бы довольно, например, такого сознания, которым живут все так называемые непосредственные люди и деятели» [С. 136]. «...Ну-с, такого-то вот непосредственного человека я и считаю настоящим, нормальным человеком, каким хотела его видеть сама нежная мать – природа, любезно зарождающая его на земле. Я такому человеку до крайней желчи завидую...» [С. 139].

Художник дает нам возможность самим расшифровать смысл этих серьезных и парадоксальных мыслей, спрятанных иногда за интригующими иронизмами: «Мои шутки, господа, конечно, дурного тона, неровны, сбивчивы, с самонедоверчивостью. Но ведь это оттого, что я сам себя не уважаю. Разве сознающий человек может сколько-нибудь себя уважать... Ну, разве можно, разве можно хоть сколько-нибудь уважать себя человеку, который даже в самом чувстве собственного унижения посягнул отыскать наслаждение?.. [С. 144-145].

В действительности это, конечно же, не шутки. Парадоксальная ограниченность опосредствованности, многосторонности развития цивилизации может привести, по мнению писателя-философа, к тому, что «человек еще, пожалуй, дойдет до того, что отыщет в крови наслаждение. Ведь это уже и случалось с ним. Замечали ли вы, что самые утонченные кровопийцы почти сплошь были самые цивилизованные господа... ...от цивилизации человек стал если не более кровожаден, то уже наверно хуже, гаже кровожаден, чем прежде. Прежде он видел в кровопролитии справедливость и с покойною совестью истреблял кого следовало; теперь же мы хоть и считаем кровопролитие гадостью, а все-таки этой гадостью занимаемся, да еще больше, чем прежде. Что хуже? – сами решите» [С. 151].

В контексте этих соображений пророчески звучит следующее предсказание Ф. М. Достоевского: «...Ведь я, например, нисколько не удивлюсь, если вдруг ни с того ни с сего среди всеобщего будущего благоразумия возникнет какой-

нибудь джентльмен, с неблагородной или, лучше сказать, с ретроградной и насмешливою физиономией, упрет руки в боки и скажет нам всем: а что, господа, не столкнуть ли нам все это благоразумие с одного разу, ногой, прахом, единственно с той целью, чтоб все эти логарифмы отправить к черту и чтоб нам опять по своей глупой воле пожить! Это бы еще ничего, но обидно то, что ведь непременно последователей найдет: так человек устроен» [С. 153]. И сколько таких джентльменов с реально осуществленной жадой пролития человеческой крови десятков миллионов жертв увидело цивилизованное человечество за полтора века со времени провозглашения пророком этих слов!

Есть ли пути выхода из этой вроде бы бесперспективной ситуации? Ф. М. Достоевский убежден – есть! Он утверждает это, размышляя о том, что же является наивысшей пользой для человека среди всего сущего: «...может быть всего выгоднее для нашего брата из всего, что есть на земле, особенно в иных случаях. А в частности, может быть выгоднее всех выгод даже и в таком случае, если приносит нам явный вред и противоречит самым здравым заключениям нашего рассудка о выгодах, – потому что во всяком случае сохраняет нам самое главное и самое дорогое, то есть нашу личность и нашу индивидуальность» [С. 156].

И снова Ф. М. Достоевский подчеркивает противоречивость, эмоциональную амбивалентность человека в его ценностном отношении к себе и другим, утверждая это словами своего героя: «Всех наших канцелярских я, разумеется, ненавижу, с первого до последнего, и всех презираю, а вместе с тем как будто и боюсь. Случалось, что я вдруг даже ставил их выше себя. У меня как-то это вдруг тогда делалось: то презираю, то ставлю выше себя. Развитой и порядочный человек не может быть тщеславен без неограниченной требовательности к себе самому и не презирая себя в иные минуты до ненависти. Но, презирая ли, ставя ли выше, я чуть не перед каждым встречным опускаю глаза. Я даже опыты делал: стерплю ли я взгляд вот хоть такого-то на себе, и всегда опускаю я первый. Это меня мучило до бешенства... » [С. 164].

Писатель выражает устами своего главного героя интересную мысль о том, что человек находится в состоянии постоянного унижения перед величием мира: «Это была мука-мученская, непрерывное невыносимое унижение от мысли, переходившей в непрерывное и непосредственное ощущение того, что я муха перед всем этим светом, гадкая, непотребная муха, – всех умнее, всех развитее, всех благороднее, – это уж само собою, – но непрерывно всем уступающая муха, всеми униженная и всеми оскорбленная» [С. 176]. И это состояние унижения осознается каждый раз, когда человек видит бесконечность мира и понимает мизерность свою как частицы этого мира. И не появляется ли в таком состоянии сначала латентный, а впоследствии и открытый мотив роста личности, ценностного возвышения человека в его личностном измерении? Сама диспозиция мизерной доли и гигантского целого, человека и мира, инициирует процесс создания в человеке такой формы всемирности, как личность!

Но какие драматические, глобальные противоречия вызывает эта диспозиция во внутреннем мире личности и межличностных отношениях. Об этом свидетельствуют следующие фрагменты из текста повести: «...Но я уже был деспот в душе; я хотел неограниченно властвовать над его душой; я хотел вселить в него презрение к окружавшей его среде; я потребовал от него высокомерного и окончательного разрыва с этой средой...» [С. 190]; «...в самом сильнейшем пароксизме трусливой лихорадки мне мечталось одержать верх, победить, увлечь, заставить их полюбить себя – ну хоть «за возвышенность мыслей и несомненное остроумие» [С. 191]; «...он уже вполне считал себя теперь неизмеримо выше меня во всех отношениях? Если б он только обидеть меня хотел этим генеральством, то это ничего еще... Но что если и в самом деле, без всякого желанья обидеть, в его баранью башку серьезно заползла идейка, что он неизмеримо выше меня и может на меня смотреть не иначе, как только с покровительством? От одного этого предположения я уже стал задыхаться» [С. 193]; «...это обыкновенная последняя уловка стыдливых и целомудренных сердцем людей, которым грубо и навязчиво лезут в душу и которые до последней минуты не сдаются от гордости и боятся перед вами высказать свое

чувство...» [С. 216]; «...Вчера я таким перед ней показался... героем... а теперь, гм! Это, впрочем, скверно, что я так опустился» [С. 225]; «...Но неизвестно, почему он презирал меня, даже сверх всякой меры, и смотрел на меня нестерпимо свысока. Впрочем, он на всех смотрел свысока...» [С. 228]; «...чтоб доказать ему, что он не смеет так уж важничать надо мной... Я положил не говорить ему об этом и даже нарочно молчать, чтоб победить его гордость...» [С. 229]; «...пока не придешь почтительно, с повинной головой, просить у меня прощения...» [С. 231].

Ф. М. Достоевский показывает огромный и часто опасный потенциал своеобразной чести и достоинства «человека из подполья», который может в определенных ситуациях взорваться с непредсказуемым эффектом: «...Но как только я увидел эту первую вспышку оскорбленного достоинства, я так и задрожал от злости и тотчас же прорвался»; «...Меня унизили, так и я хотел унижить; меня в тряпку растерли, так и я власть захотел показать...»; «...Власти, власти мне надо было тогда, игры было надо, слез твоих надо было добиться, унижения, истерики твоей – вот чего надо мне было тогда!» [С. 236]; «...Без власти и тиранства над кем-нибудь я ведь не могу прожить...»; «...в сердце моем вдруг тогда зажглось и вспыхнуло другое чувство... чувство господства и обладания...» [С. 239]; «...порыв моей страсти был именно мщением, новым ей унижением, и что к давешней моей, почти беспредметной ненависти прибавилась теперь уже *личная, завистливая* к ней ненависть...», «...любить у меня – значило тиранствовать и нравственно превосходить» [С. 239-240]; «...А оскорбление не замрет в ней теперь никогда, и как бы ни была гадка грязь, которая ее ожидает, – оскорбление возвысит и очистит ее... ненавистью... гм... может, и прощением...»; «...вот я теперь уж от себя задаю один праздный вопрос: что лучше, – дешевое ли счастье, или возвышенные страдания?» [С. 242].

Пока Ф. М. Достоевский не дает ясного ответа на этот вопрос, но уже констатирует свое неожиданное ощущение того, что мы «...мертвожденные, да и рождаемся-то давно уж не от живых отцов и это нам все более и более нравится» [С. 244].

В романе «Игрок» (Из записок молодого человека) (1866 год) [51, С. 283-432] тема унижения и возвышения чести и достоинства личности рассматривается художником в нескольких новых аспектах. Один из них заключается в том, что в так называемом «высшем свете» процессы возвышения и унижения личности всецело находятся во власти денег. Художник изображает это, показывая этот свет в условиях немецкого курорта, в том числе и в процессе игры его представителей в казино, в ходе которой в руки персонажей попадают или исчезают из их рук огромные деньги. Связанные с этим проявления высокомерия и презрения, чрезвычайного тщеславия и пренебрежения ценностью человека, власти и рабства, предстают как преобладающие, по сравнению со всеми другими, факторы межличностного поведения. При этих обстоятельствах, в достоинстве и чести человека наиболее заметно выделяются форма и содержание, которые могут как не совпадать, так и накладываться друг на друга.

Ф. М. Достоевский подчеркивает в этой связи, что в высшем свете люди демонстрируют самые неожиданные и противоестественные проявления и отношения к своей чести и достоинству. Так, некоторые могут испытывать «...наслаждение в последней степени приниженности и ничтожества!...», другие считают, что «...При всяком положении можно поставить себя с достоинством. Если тут борьба, то она еще возвысит, а не унизит...», а третьи утверждают, что «...я, пожалуй, и достойный человек, а поставить себя с достоинством не умею...» [с. 312-313]. Автор утверждает даже, что «все русские таковы, и знаете почему: потому что русские слишком богато и многосторонне одарены, чтобы скоро приискать себе приличную форму. Тут дело в форме. Большею частью мы, русские, так богато одарены, что для приличной формы нам нужна гениальность. Ну, а гениальности-то всего чаще и не бывает, потому что она и вообще редко бывает. Это только у французов и, пожалуй, у некоторых других европейцев так хорошо определилась форма, что можно глядеть с чрезвычайным достоинством и быть самым недостойным человеком. Оттого так много форма у них и значит...» [С. 313]. Вместе с тем, человек может не иметь ни содержания, ни

формы достоинства, как это следует из слов главного героя: «...я не только формы, но и достоинств никаких не имею. Объявляю вам об этом. Даже не забочусь ни о каких достоинствах. Теперь все во мне остановилось... Так как я не имею никакой надежды и в глазах ваших нуль, то и говорю прямо...»; «...Если не меня купить, то мое уважение вы думаете купить деньгами» [С. 313-314].

Конечно, это гиперболы и каждый человек имеет честь и достоинство, вопрос только – в какой мере и какого качества. Для некоторых они являются чуть ли не единственной и наивысшей ценностью и тогда человек «клянется честью» [С. 315]; «честью всех удостаивает», «имеет честь быть чьим-то рабом или слугой» и т. д. [С. 319].

Честь и достоинство выполняют в жизни человека ряд важных функций, прежде всего, мотивационную, например, тогда, когда требуют «выполнять долг человека честного и благородного, но когда ее слишком много, то она заставляет «удваивать свое презрение к другому человеку», «смотреть на других свысока» и т. д.

Имплицитно, в контексте этого романа, Ф. М. Достоевский показывает, что формально ценность человека может измеряться и деньгами, однако в ситуации игры (как определенной модели жизни) деньги могут появляться и исчезать, тогда как содержательно честь и достоинство человека остаются с ним и тем самым выступают значительно более стабильными и действенными ценностями в жизни личности, чем деньги.

В рассказе «Вечный муж» (1866 год) [С. 433-580] писатель касается вопросов тщеславия, в том числе причин его вырождения в особый болезненный «род тщеславия». Среди этих причин он выделяет «высшие» и «низшие». Говоря о «высшем» тщеславии вместе с его «высшими причинами» он утверждает, что «все это только болезнь, все это «высшее» одна болезнь и больше ничего» [С. 435-436]. К такой аксиопсихологической болезни приближаются состояния «страдания гордости», «оскорбления гордости», «моральное унижение достоинства», «совершение подлых действий» и т. д.

Выход из подобных болезненных состояний чрезмерного унижения или возвышения художник видит в следовании особым установкам человека. Так, в одной из подобных ситуаций, главный герой рассказа, Павел Петрович, говорит о себе «с приниженно-покорною усмешкой над самим собой»: «- Я «вечный муж»-с» [51, С. 543]. То же самое касается и других высокомерных улыбок и иронических насмешек персонажей друг над другом.

В целом, писатель показывает в своих произведениях, что преднамеренное или случайное унижение чести и достоинства одного человека другим, как правило, вызывает ответные действия со стороны обиженного – по «уравновешиванию» ценности человека любыми средствами, то есть детерминирует определенный ряд аксиоинтераутопсихологических действий. Часто такое «уравновешивание» осуществляется в бескомпромиссной форме и может привести к существенному ущербу для общественного положения человека, его здоровья или даже к потере жизни.

В романе «Преступление и наказание» (1866 год) [52, С. 5-574] проблема унижения и возвышения приобретает у Ф. М. Достоевского всеобъемлющего масштаба. Об этом свидетельствуют прежде всего соответствующие ключевые понятия произведения, доказывающие чрезвычайную значимость для человечества данной проблемы. Приведем ряд интерпретаций автором романа понятий унижения и возвышения, чести и достоинства, падения и подъема, морального упадка и взлета гордости и т. д. , в различных их вариациях на протяжении всего романа. Это: «усиленное достоинство», «сугубое достоинство», «перед кем-нибудь погордиться», «гордый и непреклонный» [С. 18-19], «нанести низкое оскорбление» [С. 37]; «восстановить честь», «относиться с особенным уважением», «быть высокомерным» [С. 38-39], «подло, гадко, низко» [С. 65]; «высокомерное внимание» [С. 67]; «упадок воли» [С. 77]; «...раздавлен, даже как-то унижен...» [С. 78]; «цинизм гибели» [С. 99]; «снисходительная улыбка» [С. 104]; «...низость сердечных излияний, низость торжества над кем-либо, собственная подлость, амбиции...» [С. 109]; «величать», «чествовать» [С. 128]; «свысока обмеривать кого-либо» [С. 163];

«быть низким» [С. 175]; «приниженная, убитая, смиренная» [С. 194]; «чувство самоунижения» [С. 218]; «тщеславие бешенное, исключительное» [С. 220]; «лишить себя чести», «иметь честь посетить вас и откланяться» [С. 226]; «вид какого-то особенного достоинства» [С. 228]; «подлецом себя называть», «ценить себя слишком высоко», «ценить другого», «не может уважать», «поступить низко», «ценить меня и дорожить мной», «быть способным уважать кого-то» [С. 241]; «...это приниженное существо до того уже принижено, что ему вдруг стало жалко...» [С. 245]; «...надо быть снисходительным и многое, многое можно простить...» [С. 249]; «...подлой роли моей не выдерживаю...» [С. 264]; «унизительно думающие люди» [С. 272]; «...странная, приниженная, полубессмысленная улыбка бродила на губах его...» [С. 281-282]; «...очень и очень приятно быть оскорбленною, несмотря на все видимое негодование...» [С. 292]; «оттенок высокомерия» [С. 294]; «...не много чести вам...» [С. 298]; «...я даю вам *мало* цены...», «любовь (женщины – Р.В.) к будущему спутнику жизни, к мужу, должна превышать любовь к брату» [С. 313]; «- ...Все это сплетня и низость...», «недостойное лицо», «- ...вы, со всеми вашими достоинствами, не стоите мизинца этой несчастной девушки, в которую вы камень бросаете...», «высокомерно улыбнуться» [С. 314-315], «- Низкий вы и злой человек!» [С. 317]; «мысль о бесчестном и позорном ее положении» [с. 335]; «выше всего ум человеческий ценить» [С. 355]; «Черный змей ужаленного самолюбия всю ночь сосал его сердце» [С. 374]; «самый важный гость» [С. 376]; «напомнить ему его ничтожество и всю существующую, будто бы, между ними обоими разницу» [С. 380]; «уважение к ее достоинству», «считать достойным презрения», «мужчина оскорбляет женщину неравенством, если целует у ней руку» [С. 384-385]; «Тут просто работа, благородная, полезная обществу деятельность, которая стоит всякой другой и уже гораздо выше, например, деятельности какого-нибудь Рафаэля или Пушкина, потому что полезнее» [С. 386]; «...пароксизмы гордости и тщеславия посещают иногда самых бедных и забытых людей и, по временам, обращаются у них в раздражительную, неудержимую потребность...» [С. 393]; «удовольствие восхвалить и придать еще более цены хвалимому», «высокомерно

отворачиваться» [С. 396-397], «встретить всех с удвоенною важностью и даже с высокомерием», «...Особенно строго оглядела она некоторых и свысока пригласила сесть за стол...» [С. 398]; «...им бы честь сделал, принимая их...», «...не удостоила его ответом...», «- ...Он меня уважал, он меня очень, очень уважал!» [С. 401-402]; «- Какая низость!..», «- Ах, как это низко!..» [С. 415]; «приостановиться с достоинством» [С. 470]; «- ...Я честный человек...», «- ...Вышло-то подло, это правда, да вы-то все-таки не безнадежный подлец...» [С. 478-479], «- ...С высоты какого это спокойствия величавого вы мне премудрствующие пророчества изрекаете», «...насколько я низкий человек и насколько я честный, сами, кажется, можете рассудить!» [С. 480]; «- ...считаю себя за честь...», «- ...Нет ничего в мире труднее прямотушия, и нет ничего легче лести...», «- ...И как бы не груба была лесть, в ней непременно по крайней мере половина кажется правдой...», «можно соблазнить лестью», «- ...Я льстил безбожно...», «ужасно поддавалась на лесть» [С. 496-498]; «- ...за все это желает иметь от меня только *одно мое уважение* и более мне, говорит, «ничего, ничего не надо, никаких подарков!..», «...они не умеют отличать истинных достоинств и питать достоподобного уважения...» [С. 502-503]; «глядеть друг на друга, как бы меряясь» [с. 505]; «...вы человек... без чести, но я вас нисколько не боюсь...» [С. 510]; «...кланяться...» [С. 524]; «- ...Ах, низкие червяки, да где им понимать, что такое ум» [С. 537]; «- ...Я низкий человек...», «- ...Просто от низости и бездарности моей решаю...» [С. 542-543]; «...Она, напротив, считала себя недостойною даже взглянуть на Дуню...» [С. 546]; «- ...О, как низко упал я!...», «...ничтожный я, подлец, подлец!» [С. 549]; «...он и заболел от уязвленной гордости...» [С. 566] и др.

Как свидетельствуют указанные фрагменты, аксиоинтераутопсихологический тезаурус равномерно пронизывает весь роман от начала до конца, образуя определенную лейтлинию, фон, стержень взаимоотношений его персонажей. Вместе с тем, на данном фоне выделяются несколько аксиопсихологических «пиков», которые характеризуются конфликтной смысловой нагрузкой.

Главным аксиопсихологическим пиком романа является ситуация убийства бывшим студентом Родионом Романовичем Раскольниковым старой процентщицы Алены Ивановны. В основе этого пикового отношения стоит принцип, высказанный Раскольниковым в беседе с офицером в трактире: «Убей ее (старуху – Р.В.) и возьми ее деньги, с тем чтобы с их помощью посвятить потом себя на служение всему человечеству и общему делу: как ты думаешь, не загладится ли одно крошечное преступление тысячами добрых дел? За одну жизнь – тысячи жизней, спасенных от гниения и разложения. Одна смерть и сто жизней взамен – да ведь тут арифметика! Да и что значит на общих весах жизнь этой чахоточной, глупой и злой старушонки? Не более как жизнь вши, таракана, да и того не стоит, потому старушонка вредна. Она чужую жизнь заедает...» [С. 71].

Этот принцип подкрепляется разделением Раскольниковым людей на «обыкновенных» и «необыкновенных», среди которых именно «...необыкновенный человек» имеет право... то есть не официальное право, а сам имеет право разрешить своей совести перешагнуть... через иные препятствия, и единственно в том только случае, если исполнение его идеи (иногда спасительной, может быть, для всего человечества) того потребует... ...Ньютон имел бы право, и даже был бы обязан... устранить этих десять или сто человек, чтобы сделать известными свои открытия всему человечеству... законодатели и установители человечества, начиная с древнейших, продолжая Ликургами, Солонами, Магометами, Наполеонами и так далее, все до единого были преступники, уж тем одним, что, давая новый закон, тем самым нарушали древний, свято чтимый обществом и от отцов перешедший, и уж, конечно, не останавливались и перед кровью, если только кровь (иногда совсем невинная и доблестно пролитая за древний закон) могла им помочь...» [С. 269-270].

Раскольников подчеркивает свою явно аксиологическую мысль следующим образом: «...люди, по закону природы, разделяются *вообще* на два разряда: на низший (обыкновенных), то есть, так сказать, на материал, служащий единственно для зарождения себе подобных, и собственно на людей, то есть

имеющих дар или талант сказать в среде своей *новое слово...*», т.е. на высший. «Первый разряд всегда – господин настоящего, второй разряд – господин будущего. Первые сохраняют мир и приумножают его численно, вторые двигают мир и ведут его к цели» [С. 270-271].

Между этими разрядами идет непримиримая борьба, льется кровь одних и других. Первые «...действительно же *новых...* весьма часто не замечают и даже презирают, как отсталых и унижительно думающих людей... » [с. 272]. Другие же, как Наполеон, как «...настоящий *властелин*, которому все разрешается, громит Тулон, делает резню в Париже, *забывает* армию в Египте, *тратит* полмиллиона людей в московском походе и отделяется каламбуром в Вильне; и ему же, по смерти, ставят кумиры, – а стало быть, и *все* разрешается. Нет, на таких людях видно, не тело, а бронза!» [С. 284].

Этим принципом Раскольников и оправдывает себя: «Старушонка вздор!.. ..старуха, пожалуй что и ошибка, не в ней и дело! Старуха была только болезнь... я переступить поскорее хотел... я не человека убил, я принцип убил! Принцип-то я и убил, а переступить-то не переступил, на этой стороне остался... Только и сумел, что убить. Да и того не сумел, оказывается... Принцип?...» [С. 385]. И то, что Раскольников не сумел переступить, предстает наиболее сильным из всех видов наказания – психологическим наказанием, наказанием бесчестьем, совестью!

Итак, главным мотивом преступления Раскольникова стал именно аксиопсихологичный мотив, о чем свидетельствуют его же слова, обращенные к Соне Мармеладовой: «...Мне другое надо было узнать, другое толкало меня под руки: мне надо было узнать тогда, и поскорей узнать, вошь ли я, как все, или человек? Смогу ли я переступить, или не смогу! Осмелюсь ли нагнуться и взять (власть – Р.В.), или нет? Тварь ли я дрожащая, или *право* имею...

– Убивать? Убивать-то право имеете? – всплеснула руками Соня» [С. 437].

Суть аксиопсихологической драмы Раскольникова кратко, по-своему излагает Свидригайлов в разговоре с Авдотиею Романовной: «Тут была тоже одна собственная теория, – так себе теория, – по которой люди разделяются,

видите ли, на материал и на особенных людей, то есть на таких людей, для которых, по их высокому положению, закон не писан, а, напротив, которые сами сочиняют законы остальным людям, материалу-то, сору-то... Наполеон его ужасно увлек, то есть собственно увлекло его то, что очень многие гениальные люди на единичное зло не смотрели, а шагали через, не задумываясь. Он, кажется, вообразил себе, что и он гениальный человек, – то есть был в том некоторое время уверен. Он очень страдал и теперь страдает от мысли, что теорию-то сочинить он умел, а перешагнуть-то, не задумываясь, и не в состоянии, стало быть человек не гениальный. Ну, а уж это для молодого человека с самолюбием и унизительно, в наш век-то особенно...

– А угрызение совести? Вы отрицаете в нем, стало быть, всякое нравственное чувство? Да разве он таков?» [С. 513-514].

Раскольников, и тут его сестра Дуня права, относится к тем людям, которые еще имеют совесть и чувство собственного достоинства, поэтому указанный принцип не для них – убийство согласно этому принципу означает фактически убийство самого убийцы, о чем он и признается Соне: «...Разве я старушонку убил? Я себя убил, а не старушонку! Тут так-таки разом и ухлопал себя, навеки!.. А старушонку эту черт убил, а не я...» [С. 438]. И хотя Раскольников остается жив и позже получает от Сони шанс на возрождение, все же вокруг него множится смерть родственников, знакомых, соседей – как бы по правилу домино.

Соня предлагает ему сделать первый шаг к спасению: «Поди на перекресток, поклонись народу, поцелуй землю, потому что ты и перед ней согрешил, и скажи всему миру вслух: «Я убийца!» [С. 550]. И «он стал на колени среди площади, поклонился до земли и поцеловал эту грязную землю с наслаждением и счастьем. Он встал и поклонился в другой раз» [там же]. Но люди не поверили ему и потому следовало обратиться к другому пути спасения своей души.

Ф. М. Достоевский убедительно показывает, что чрезмерное возвышение над людьми, например, посредством нравственного теоретизирования, означает

в то же время унижение людей, которое может перерасти в преступление. Такое неадекватное, искусственное возвышение-унижение одного человека в романе приводит к убийству другого человека и к моральному самоубийству самого убийцы. А это можно рассматривать как общую модель возникновения угрозы реального самоуничтожения человечества в силу его неадекватного самовозвышения-самоунижения в процессе развития цивилизации. Таким образом осуществляется фактически преступление чрезмерно и неоднородно возвышенной цивилизации, что одновременно приводит к ее же самонаказанию – через унижение, убийство, самоубийство определенной части человечества. Эта мысль повторяется в произведениях писателя неоднократно и поэтому заслуживает внимания философов, социологов, психологов, педагогов, политологов.

На примере отдельной личности Раскольникова, в которой, как в единице анализа, автор сфокусировал переживания человечеством данной проблемы и изобразил угрозу деградации цивилизации, нарастание ее болезненности, он показывает и пути оздоровления человечества. Из их числа он сразу же исключает светский человеческий суд над преступной личностью. Ф. М. Достоевский показывает, что и на каторге, после вынесения вердикта, у Раскольникова не прекратились невыносимое унижение и страдания собственного достоинства в результате роковой ошибки: «...но не бритой головы и кандалов он стыдился: его гордость сильно была уязвлена, он и заболел от уязвленной гордости» [С. 566].

Лечение этой болезни, спасение уязвленного достоинства Ф. М. Достоевский видит в любви Раскольникова и Сони: «...Их воскресила любовь, сердце одного заключало бесконечные источники жизни для сердца другого» [С. 573] – и в Боге [С. 574].

Если аксиопсихологические коллизии Раскольникова были связаны с чрезмерным возвышением его личности абстрактными идеями, принципами, «фантазиями» философского, мировоззренческого опосредствования жизни, то следующий аксиопсихологический «пик» романа «Преступление и наказание»

связан «денежным подъемом» Петра Петровича Лужина – в контексте его отношений с Авдотиею Романовной Раскольниковой и ее матерью.

Как пишет Ф. М. Достоевский, «он (Лужин – Р. В.) куражился до последней черты, не предполагая даже возможности, что две нищие и беззащитные женщины могут выйти из-под его власти. Убеждению этому много помогли тщеславие и та степень самоуверенности, которую лучше всего назвать самовлюбленностью. Петр Петрович, пробившись из ничтожества, болезненно привык любоваться собою, высоко ценил свой ум и способности и даже иногда, наедине, любовался своим лицом в зеркале. Но более всего на свете любил и ценил он, добытые трудом и всякими средствами, свои деньги: они равняли его со всем, что было выше его» [С. 318]. Но «тут являлось даже несколько более того, о чем он мечтал: явилась девушка гордая, характерная, добродетельная, воспитанием и развитием выше его (он чувствовал это), и такое-то существо будет рабски благодарно ему всю жизнь за его подвиг и благоговейно уничтожится перед ним, а он-то будет безгранично и всецело владычествовать!..» [С. 319]. Однако, его циничным планам не удалось осуществиться. Против них восстал сначала брат Дуни Раскольников, который понял подлость этих планов, а потом и сама Дуня. «Он (Лужин – Р. В.) знал, что женщинами можно «весьма и весьма» много выиграть. Обаяние прелестной, добродетельной и образованной женщины могло удивительно скрасить его дорогу, привлечь к нему, создать ореол... и вот, все рушилось! Этот теперишний внезапный, безобразный разрыв подействовал на него, как удар грома. Это была какая-то безобразная шутка, нелепость! Он только капельку покуражился, он даже не успел и высказаться, он просто пошутил, увлекся, а кончилось так серьезно! Наконец, ведь он уже даже любил по-своему Дуню, он уже владычествовал над нею в мечтах своих – и вдруг!...» [52, С. 320]. Этот аксиопсихологический пик романа свидетельствует о защитной роли семейного достоинства Раскольниковых. Благодаря этому им удалось избежать необратимого унижения, уничтожения своей семьи «денежным достоинством» Лужина, сохранить свое честное имя и, без преувеличения, – жизнь.

Еще одна аксиопсихологическая «пиковая» ситуация романа показана автором на примере отношений между амбициозной (обедневшей, но гордой представительницей благородной дворянской семьи) Екатериной Ивановной и хозяйкой квартиры Амалией Ивановной. Эта ситуация уже закономерно (по логике изображаемых Ф. М. Достоевским феноменов) заканчивается сумасшествием первой и ее последующей смертью – на фоне смерти мужа, нищеты семьи и т. д.

В романе «Идиот» (1868 год) [53, С. 5-696] Ф. М. Достоевский изображает пеструю палитру характеристик чести и достоинства персонажей разных сословий, достатка и менталитета – князей, генералов, дворян, мещан, студентов, пожилых людей и молодежи, родителей и детей, мужчин и женщин, которые «знают себе цену» и совершают поступки в соответствии с ней. Вопросы чести и достоинства стоят в центре отношений всех героев романа, которые отстаивают, утверждают, защищают или, наоборот, обесценивают, уничтожают эти свои качества разнообразными средствами – публичным или личным признанием, любовью, дружбой, симпатией, амбициями, непомерной надменностью, презрением, завистью, обидой, ревностью, угрозами, борьбой, великодушием, попытками убийства или даже реальным убийством и т. д.

Чести и достоинству каждого из персонажей романа присущ свой индивидуальный профиль. Например, Лев Николаевич Мышкин, имеет наследственный статус князя, к этому добавляются высокие нравственные свойства, хотя наличие душевной болезни приводит к восприятию его как идиота. Генерал Иван Федорович Опанчин имеет высокий социальный статус, но в жизненных, семейных вопросах уступает своей жене Лизавете Прокоповне. Парфен Семенович Рогожин не имеет образования и социального положения, но обладает миллионом. Анастасия Филипповна не имеет ничего из перечисленного, но обладает удивительной женской красотой. Генерал Иволгин имеет высокое положение, но бедный и в общении с людьми выступает непревзойденным лжецом и т. д.

Писатель психологически убедительно изображает разные по своему ценностному содержанию профили чести и достоинства людей в многообразии отношений между ними, которые устанавливаются с переменной успешностью и даже трагичностью, устремляясь к определенному балансу, уравниваемости, взаимному дополнению. Все в романе вращается вокруг феноменов чести и достоинства героев как вокруг определенных личностных осей, центров обращения. При этом честь или достоинство что-то «делает» [С. 61, 189 – здесь и далее по 53], «поражает» [С. 109], «заставляет» [С. 177], «требует» [С. 181], «удостаивает» [С. 183], «принимает» [С. 194], «прикладывается» [С. 239], «убеждает» [С. 244], «используется» [С. 275], «выставляет перед кем-то обязанности благородства, справедливости» [С. 301], «имеет право» [С. 305], их «ищут» [С. 404], «честь учатся» [С. 499], «ими можно отравиться» при избыточности [С. 525], «ее можно ненавидеть» [С. 535], «сдерживать» [С. 558], «признавать» [С. 604], «получить» [С. 645] и др.

Соответственно, бесчестье и недостойность ведут к «самоумалению» [С. 225], «хаосу, безобразию» [С. 323], «перегрызанию друг друга», «сраму» [С. 325], «посягательству на природу человека и презрению его личного достоинства» [С. 458], «высокомерному и презрительному отношению к собственной матери», «подлости» [С. 526], «бесовской гордости», «наглому, алчному эгоизму», «способности опозорить другое, высокое и чистое существо, унижить его в надменных, ненавистных глазах» [С. 657] и др.

Итак, честь и достоинство личности приобретают здесь качества своеобразного центра субъекта, который определяет его поведение, действия, поступки. Создается впечатление, что главная сюжетная линия романа как раз и состоит из определенных аксиопсихологических отношений чести и достоинства его персонажей именно как ключевых. И писатель небезуспешно старается перевести эту линию из состояния неосознанного в состояние все более осознаваемое, аксиопсихологически осознаваемое. Это удивительное взаимнопереходящее бытие аксиопсихологически бессознательного-сознательного и является главной фабулой произведения, оно присутствует во

всем тексте и контексте и психологически взрывается во всех пиковых точках романа.

Бытие чести и достоинства имеет свои определенные нормальные пределы, переходя за которые они деформируются и превращаются, по мнению Ф. М. Достоевского, в свою противоположность. Он утверждает, что «...проблески высшего самоощущения и самосознания, а стало быть, и «высшего бытия», не что иное, как болезнь, как нарушение нормального состояния, а если так, то это вовсе не высшее бытие, а, напротив, должно быть причислено к самому низшему» [С. 256]. Писатель показывает, что честь и достоинство генералов, князей, богачей, высокомерных мыслителей, их жен, дочерей и родственников, друзей и приятелей, опускается ниже чести и достоинства так называемого «идиота», который в конечном итоге демонстрирует нормальное, честное и достойное поведение в острых бытийных ситуациях, нравственное отношение к людям и событиям, и тем самым в буквальном смысле сохраняет свою жизнь в водовороте коллизий романа.

В отличие же от князя Мышкина, его визави почти «...все с ума спятили от гордости и тщеславия...», от «...проеденной тщеславием галиматъи...» [С. 364]. Более того, так называемый «друг человечества с шатостию нравственных оснований есть людоед человечества, не говоря о его тщеславии; ибо оскорбите тщеславие которого-нибудь из сих безчисленных друзей человечества, и он тотчас же готов зажечь мир с четырех концов из мелкого мщения, – впрочем, так же точно, как и всякий из нас, говоря по справедливости, как и я, гнуснейший из всех, ибо я-то, может быть, первый и дров принесу, а сам прочь убегу...» [С. 425].

Писатель недвусмысленно показывает, что именно генералы, миллионеры, гордые «ученые» в действительности и есть сумасшедшие, а «идиот», то есть князь Мышкин – нравственно самый нормальный среди них человек, который вынужденно болеет в условиях сановного тщеславия, безрезультатно пытаясь поддержать зыбкое равновесие среди людей с искаженной честью и достоинством. Но это ему трагически не удается. Погибает Настасья

Филипповна от рук Рогожина. Гибнут остальные герои романа. Непрестанно болеет и сам князь.

Есть ли выход из этой ситуации? Как на один из возможных Ф. М. Достоевский указывает на тот, который вложен в известное теперь каждому утверждение князя Мышкина, что «мир спасет красота» [С. 432–433]. Однако смерть Настасьи Филипповны, олицетворения красоты, делает этот путь сомнительным – сама красота стала жертвой безкомпромиссной войны достоинств!

Другой выход заключается в высказанной писателем мысли, что следует всеми силами избегать того «предела позора в сознании собственного ничтожества и слабосилия, дальше которого человек уже не может идти и с которого начинает ощущать в самом позоре своем громадное наслаждение... Ну, конечно, смирение есть громадная сила в этом смысле, я допускаю, – хотя и не в том смысле, в каком религия принимает смирение за силу» [С. 469–470]. Такого предела достиг Рогожин и читатель знает, чем это закончилось...

Третий выход заключается, по мнению Ф. М. Достоевского, в воспитании «односоставного», целостного человека. Писатель говорит об этом, сравнивая своих современников с людьми прошлого: «...Тогда люди были как-то об одной идее, а теперь нервнее, развитее, сенситивнее, как-то о двух, о трех идеях за раз... теперешний человек шире, – и, клянусь, это-то и мешает ему быть таким односоставным человеком, как в тех веках...» [С. 591]. Речь идет о преодолении цинизма, двойной, тройной морали значительной части человечества.

В поисках путей избегания войны достоинств Ф. М. Достоевский как бы пытается сформулировать своеобразный закон чести и достоинства, согласно которому они должны быть определенным образом уравновешены в обществе с непрерывно возрастающими в своей ценности личностями! Возможно, формула этого закона закодирована в следующих словах князя Мышкина: «Я боюсь за вас, за вас всех и за всех нас вместе. Я ведь сам князь исконный и с князьями сижу. Я чтобы спасти всех нас, говорю, чтобы не исчезло сословие даром, в потемках, ни о чем не догадавшись, за все бранясь и все проиграв. Зачем

исчезать и уступать другим место, когда можно остаться передовыми и старшими? Будем передовыми, так будем и старшими. Станем слугами, чтоб быть старшинами» [53, С. 626].

Мыслитель точно спрогнозировал в этом месте романа трагические события, произошедшие в России через полвека, когда в социальной катастрофе революции и гражданской войны был почти полностью уничтожен «высший свет» с его князьями, графами, дворянами, офицерами, философами, которые не смогли заблаговременно понять и опереться на этот закон...

Проблема сосуществования людей с по-разному развитыми честью и достоинством, в одном обществе выступает в этом произведении писателя-философа ведущей аксиологической темой. Это дает основания считать, что честь и достоинство играют функцию ведущих социально-психологических и индивидуально-психологических личностных новообразований – то есть феноменов, дериватов, с одной стороны, культуры как социального ядра цивилизации, а с другой – генетического ядра, генома человека. Аксиологические взаимосвязи между ядерными образованиями всех иерархических уровней живого, от генома (с его глубинной наносложностью) человека как организма, через его достоинство и честь как личности, к культуре цивилизации как действительно высшего общества личностей, соборной личности, делают их изоморфными, родственными между собой, необходимыми для существования всего живого – и каждого человека и человечества в целом! Об этом свидетельствует художественно исчерпывающее изображение живого взаимодействия множества персонажей романа – на основе демонстрации автором настоящей диалектики бытия чести и достоинства действующих лиц произведения. Интересно, что эта диалектика включена автором в водоворот различных видов, форм, стадий любви, любви между юными, взрослыми и преклонными носителями чести и достоинства – в условиях осуществления добрачных, брачных, счастливобрачных и неудачнобрачных отношений. Выживают же те, кто сохраняет способность к настоящей, искренней, естественной любви.

Роман «Бесы» (1871 год) [54, С. 7–704] посвящен, на наш взгляд, проблеме чести и бесчестия разных групп людей, схожих между собой по предельной степени деформированности и вырожденности у них указанных феноменов в условиях тогдашней России. Крайний характер этих деформаций отвечает, с одной стороны, рабскому унижению на протяжении многих веков «низшей» и большей части народа в условиях крепостного права, а с другой – чрезмерному возвышению иной, «высшей» и меньшей его части, до такого уровня, когда это меньшинство полностью отчуждено от униженного ею большинства. Обе эти противоположные группы народа понимают, что так дальше жить невозможно и требуют изменений, среди вариантов которых прорабатываются, прежде всего, быстрые, радикальные, революционные изменения. Ф. М. Достоевский как раз и изображает эти непродуманные революционные изменения, которые приводят народ к еще большей катастрофе, фактически же – к гибели как невинных людей, так и части самих «революционеров».

Это касается, прежде всего, одного из «теоретиков», а фактически провокаторов нигилизма у молодежи – Степана Трофимовича Верховенского, якобы «гонимого» и «высланного», согласно циркулирующей в некоторых кругах общества легенде человека, постепенно возвысившего себя в собственной мысли и поставившего на «некоторый весьма высокий и приятный для самолюбия пьедестал» [С. 8 – здесь и далее по 54]. Писатель не случайно сравнивает его с Гулливером, который после возвращения из страны лилипутов считал, что он великан среди ничтожных людей своей страны. Именно его «деятельность» как воображаемого обладателя «ключей российской будущности» [С. 226], а фактически – обобщенного носителя «русской лени» и «унизительного бессилия произвести идею, нашего отвратительного паразитства в ряду народов» [С. 229], создала в конце концов почву для расцвета тотального цинизма в обществе. Ф. М. Достоевский показывает, как слабое и деморализованное общество провинциального губернского города не выдерживает уже первого, неподготовленного как следует, выступления некоей «революционной организации». Но даже и эта попытка приводит к сожжению

части города, к гибели некоторых его обывателей и «революционеров», а также – к гибели в финале романа самого вдохновителя «революционных» изменений – Степана Трофимовича Верховенского.

Та же участь взлета и падения постигла и другого персонажа романа, «ангела чести и деликатности» – Варвары Петровны Ставрогиной. Именно к ней и другим представителям «высшего света», «олимпийства» России [С. 24], относятся слова Степана Трофимовича о том, что «возвышенность организации даже иногда способствует склонности к циническим мыслям, уже по одной только многосторонности развития» [С. 19].

Писатель показывает определенный семейный генезис бесчестья, когда изображает, как повторяется высокомерие, надменность родителей, но еще в большей, даже преступной степени, в тщеславии и цинизме их детей – Петра Степановича Верховенского и Николая Всеволодовича Ставрогина. Главный «бес» романа, Петр Степанович Верховенский, настолько «поднялся» даже над «высшим» миром, что созданные им «революционная» организация и «пятерка» (чем не современная мафия?) в конечном счете превратились фактически в преступное уголовное образование поджигателей и убийц. Ф. М. Достоевский на протяжении всего романа настойчивым рефреном характеризует бесовские черты Петра Степановича, выступающих главной силой разрушения общества и гибели людей. Это «необъятное» высокомерие, надменность, тщеславие, нигилизм, цинизм и т. д. Писатель отмечает, что совершив свое преступное дело деморализации, развала, поджога, убийства и побуждения к самоубийству, Петр Степанович, как «бес», не исчезает, а лишь выезжает за границу, откуда со временем может вернуться в Россию и завершить свое дело. Так все и произошло почти через пятьдесят лет, но повторилось в значительно более катастрофических масштабах. В этом суть художественного пророчества писателя, на которое не обратило внимание современное ему общество.

Центральными для понимания сущности романа являются мысли старого литератора Кармазинова про Россию и перспективы ее исторического развития: «...Святая Русь – страна деревянная, нищая и... опасная, страна тщеславных

нищих в высших слоях своих, а в огромном большинстве живет в избушках на курьих ножках. Она обрадуется всякому выходу, стоит только растолковать. Одно правительство еще хочет сопротивляться, но машет дубиной в темноте и бьет по своим. Тут все обречено и приговорено. Россия, как она есть, не имеет будущего...

...Сколько я вижу и сколько судить могу, вся суть русской революционной идеи заключается в отрицании чести. Мне нравится, что это так смело и безбоязненно выражено... Русскому человеку честь одно только лишнее бремя. Да и всегда было бременем, во всю его историю. Открытым «правом на бесчестье» его скорей всего увлечь можно. Я поколения старого и, признаюсь, еще стою за честь, но ведь только по привычке...» [С. 389].

Ф. М. Достоевский повторяет эту мысль в другом месте романа, вкладывая ее в уста «революционного» и «либерального» «бесов», соответственно, Петра Степановича Верховенского и Николая Всеволодовича Ставрогина: «- Знаете еще, что говорит Кармазинов: что в сущности наше учение есть отрицание чести и что откровенным правом на бесчестье всего легче русского человека за собой увлечь можно.

– Превосходные слова! Золотые слова! – вскричал Ставрогин, – прямо в точку попал! Право на бесчестье – да это все к нам прибегут, ни одного там не останется!...» [С. 405].

Следствием такого сокрушающего честь и достоинство человека отношения становится людоедская готовность Петра Степановича Верховенского пожертвовать на революционном пути преобразования общества жизнью миллионов людей. Он провозглашает на собрании своей организации соответствующие аргументы: «Сто миллионов голов», – это, может быть, еще и метафора, но чего их бояться, если при медленных бумажных мечтаниях деспотизм в какие-нибудь во сто лет съест не сто, а пятьсот миллионов голов?...» [С. 427]. И снова можно удивляться точности пророчества Ф. М. Достоевского – ведь эта варварская логика революционного уничтожения человечества сбылась в полной мере в XX веке, в котором первая мировая война, русская

«социалистическая революция», а точнее – большевистский переворот и последовавшие за ним гражданская война, голодомор и политические репрессии, а также – вторая мировая война, ставшая следствием национал-социалистического переворота в Германии, «съели» вместе более ста миллионов жертв...

Интересно то, что «революционная» программа Петра Степановича по разрушению страны базируется именно на звериной технологии ее унижения: «...каждый член общества смотрит один за другим и обязан доносом... Каждый принадлежит всем, а все каждому. Все рабы и в рабстве равны. В крайних случаях клевета и убийство, а главное – равенство... Первым делом понижается уровень образования, наук и талантов. Высокий уровень наук и талантов доступен только высшим способностям, не надо высших способностей!... Полное послушание, полная безличность, но раз в тридцать лет Шигалев пускает в судорогу, и все вдруг начинают поедать друг друга, до известной черты, единственно, чтобы не было скучно...» [С. 437].

У читателя вновь закономерно возникает вопрос – какой же выход из этого апокалипсиса бесчестия видится Ф. М. Достоевскому в этом романе?

Он вкладывает идеи относительно возможного спасения человечества от угрозы бесчестия в уста разных героев романа, но не скрывает при этом своих сомнений относительно действенности этих идей. Так, Кириллов связывает спасение человечества с появлением и утверждением в человечестве человекобога (а не Богочеловека, как он подчеркивает это в разговоре с Николаем Всеволодовичем Ставрогиным [С. 252]). Это означает фактически подъем чести и достоинства человека до уровня бога. Однако эта идея как бы умирает с самоубийством Кириллова, согласно тексту романа – в угоду «революционерам», побудившим его к этому...

Подобную же идею выдвигает и Шатов, когда говорит о главной цели всякого народного движения, которое заключается «...в исканиях бога, бога своего, непременно собственного, и вера в него как единого истинного. Бог есть синтетическая личность всего народа, взятого с начала его и до конца... Чем

сильнее народ, тем особеннее его бог. Никогда не было еще народа без религии, то есть без понятия о зле и добре. У всякого народа свое собственное понятие о зле и добре и свое собственное добро и зло...» [С. 265–266]. Особого внимания заслуживают слова Шатова о том, что он «...народ возносит до бога...» [С. 266]. Однако и эта идея спасения «гибнет» вместе со смертью своего автора...

Еще один путь спасения предлагает уже угасающий Степан Трофимович Верховенский, будто бы извиняясь перед всеми за все, что произошло при его нигилизирующем молодежь участии, и подводя итог событиям романа: «...Человеку гораздо необходимее собственного счастья знать и каждое мгновение верить в то, что есть где-то уже совершенное и спокойное счастье, для всех и для всего... Весь закон бытия человеческого лишь в том, чтобы человек всегда мог преклониться пред безмерно великим... Безмерное и бесконечное так же необходимо человеку, как и та малая планета, на которой он обитает... Друзья мои, все, все: да здравствует Великая Мысль! Вечная, безмерная Мысль! Всякому человеку, кто бы он ни был, необходимо преклониться перед тем, что есть Великая Мысль. Даже самому глупому человеку необходимо хотя бы нечто великое...» [С. 691].

По контексту романа, ключевой составляющей этой Великой Мысли предстает идея о чести и достоинстве человека, о том, что «правда честнее лжи» [54, С. 331], идея о необходимости возвышения человека до уровня человекобога, а народа и человечества – до всеобъемлющей высоты Бога. С другой стороны, поскольку подняться до этой недостижимой высоты отдельному человеку невозможно, то открывается перспектива относительного равенства всех в своей чести и достоинстве перед абсолютным величием Бога...

Интересно то, что проблема чести и бесчестия человека, так остро поставленная Ф. М. Достоевским в романе «Бесы», оказывается как бы более первичной, значительной и определяющей судьбу человечества, чем проблема войны и мира, жизни и смерти и т. д. , которые считаются ключевыми в контексте культуры. Однако, она до сих пор не стала предметом ни широкого общественного обсуждения, ни глубокого научного исследования. В этом плане

следует отметить в этом плане как выдающееся литературное событие 30-х годов XX века повесть «Честь» А. С. Макаренка (1938–1939 гг.), тем более значительное, если учесть исторический и политический контекст того времени. Можно предположить, что эта повесть стала своеобразным ответом великого педагога и писателя на творчество Ф. М. Достоевского, который, как художник и психолог, осуществил систематическое исследование в своих произведениях разнообразных закономерностей существования феноменов чести и достоинства человека, их унижения и возвышения в обществе.

В романе «Подросток» (1875 год) [55, С. 5–625] понятия чести и достоинства, их унижения и возвышения наполняются Ф. М. Достоевским еще более глубоким диалектическим содержанием, они еще больше проблематизируются и, так сказать, парадоксализируются. Писатель прибегает к развернутому генетическому изображению этих явлений. Наряду с этим, рассмотрение данной проблемы осуществляется в определенном дидактическом, воспитательном плане, благодаря чему писатель выступает не только как психолог, но и как педагог.

Художник своеобразно усложняет ситуацию, противопоставляя друг другу внешние и внутренние атрибуты чести и достоинства своего главного героя Подростка, называя его Аркадием Макаровичем Долгоруким – по фамилии его юридического, названного отца Макара Иванова Долгорукого, бывшего дворового садовника с княжеской фамилией, тогда как его настоящий биологический отец – помещик Андрей Петрович Версиков – имеет обычную фамилию. Таким образом, в Подростке сочетаются возвышенная псевдочесть и униженное достоинство одного, названного отца и посредственная настоящая, но как бы не принадлежащая ему, честь и возвышенное достоинство другого, реального отца. Поэтому устанавливается некий аксиологический парадокс, загадка, разгадка которой образует интригу романа. На всем его протяжении Подростка преследует соответствующая ситуация, изложенная в следующем диалоге [С. 8–9 – здесь и далее по 55]:

«– Как твоя фамилия?»

- Долгорукий.
- Князь Долгорукий?
- Нет, просто Долгорукий.
- А, просто! Дурак...
- Ты князь?
- Нет, я – сын дворового человека, бывшего крепостного...
- Нет, просто Долгорукий, незаконный сын моего бывшего барина, господина Верилова...»

Подростку было унизительно каждый раз разъяснять эту ситуацию [С. 9].

Такой же униженной была и мать Подростка, которая полюбила много лет назад Верилова и всю жизнь несла свою любовь к нему вместе со своей «униженностью» крепостной.

Роман содержит почти на каждой своей странице слова, выступающие своеобразными смысловыми аксиопсихологическими узлами сюжета, вроде таких как: «против чести и благородства», «униженность», «низость», «унизил», «чрезвычайно низкий», «выше круг», «унижаться к просьбам», «защитить свое достоинство», «бесчестный поступок», «положить тень на мое достоинство», «униженные и требуют равенства», «низкое получать жалованье», «чтобы унижить меня, вы мне ты говорите», «высшее существо», «высший смысл», «голос ничтожества, ...стоящего безмерно надо мной», «быть в религиозном настроении высшего смысла», «недостойная неразбериха», «не удостоивать того, чтобы жаловаться», «не удостоивать того, чтобы упрекать», «не думать уравнивать себя с Колумбом», «моя идея – это стать Ротшильдом, «все до одного (сверстники – Р. В.) оказывались ниже меня идеями», «расхваливая его, я тем самым унизил перед ним себя», «человек настолько справедливый и великодушный, что воздаст другому, даже в ущерб себе... чуть ли не выше, по собственным достоинствам, всякому», «...деньги – это единственный путь, который приводит на первое место даже ничтожество», «деньги выравнивают все неравности», «торжество (денежной – Р. В.) никчемности над талантом», «тысячи талантов и умников, столь возвышенных, что если навалить на них

ротшильдовские миллионы, тут же не выдержали и поступили бы как наипошлейшая ординарность и давили бы еще больше всех», «Но ваш идеал слишком низок – деньги, богатство», «как можно так низко и позорно рухнуть», «не находить унижительным», «удалиться в свое величие», «взаимно уважая друг друга», «не находить никакой чести», «она и без того была бесконечно выше его морально», «смирение, безответственность, униженность и вместе с тем твердость, сила, настоящая сила – вот характер твоей матери», «высшая польза», «требования прекрасного и высокого», «уважение, которое необходимо для высшего равенства,... без которого... не добьешься первенства... высшая порядочность», «считать себя в эту минуту значительно выше меня и умом, и карьерой», «есть еще люди, которые понимают честь», «ставить себя высшим судьей», «поставить себя в высшее... положение», «отомстить за... мое перед ним унижения», «сначала высшая идея, а потом деньги, а без высшей идеи с деньгами общество провалится», «самоуверенное достоинство», «серьезное достоинство», «глупое и недостойное положение», «недостойный бесстыдник», «смешной и недостойный поступок», «честно клянусь вам», «пречестное положение», «я чувствую себя не униженным перед вами, а, наоборот, возвышенным», «потерять честь», «когда требует совесть и честь», «иметь честный вид», «честные намерения», «надо отдать честь характеру», «человек достоин всякого...», «поставить себе в честь», «привычка... унижения берет верх», «потеря чести моей», «довериться честному и гуманному человеку», «бесчестному человеку отомстить», «сохранить над ним возвышенное свое положение», «возносить... над собой бесконечно»;

«Тьмы низких истин нам дороже

Нас возвышающий обман» [С. 206];

«сделать мне честь и поверить полной моей искренности», «осознавать свое падение», «уввы, все делалось во имя любви, великодушия, чести, а потом оказалось омерзительным, нахальным, бесчестным», «ниже всякой критики», «ничего нет выше, как быть хорошим», «смотреть свысока» и т. д.

Важным для раскрытия аксиопсихологической линии романа является понимание А. Версиловым чести: «— Слово честь значит долг, — говорил он... — Когда в государстве господствует главенствующее сословие, тогда крепка земля. Главенствующее сословие всегда имеет свою честь и свое исповедание чести, которое может быть и неправильным, но всегда почти служит связью и крепит землю; полезно нравственно, но более политически. Но терпят рабы, то есть все не принадлежащие к сословию. Чтоб не терпели — сравниваются в правах. Так у нас и сделано, и это прекрасно. Но по всем опытам, везде доселе (в Европе то есть) при уравнении прав происходило понижение чувства чести, а стало быть, и долга. Эгоизм заменял собою прежнюю скрепляющую идею, и все распадалось на свободу лиц. Освобожденные, оставаясь без скрепляющей мысли, до того теряли под конец всякую высшую связь, что даже полученную свободу свою переставали отстаивать. Но русский тип дворянства никогда не походил на европейский. Наше дворянство и теперь, потеряв права, могло бы оставаться высшим сословием, в виде хранителя чести, света, науки и высшей идеи и, что главное, не замыкаясь уже в отдельную касту, что было бы смертью идеи. Напротив, ворота в сословие отворены у нас уже слишком издавна, теперь же пришло время их отворить окончательно. Пусть всякий подвиг чести, науки и доблести даст у нас право всякому примкнуть к верхнему разряду людей. Таким образом, сословие само собою обращается лишь в собрание лучших людей, в смысле буквальном и истинном, а не в прежнем смысле привилегированной касты. В этом новом или, лучше, обновленном виде могло бы удержаться сословие.

...Идея чести и просвещения, как завет всякого, кто хочет присоединиться к сословию, незамкнутому и обновляемому непрерывно, конечно — утопия, но почему же невозможная?» [С. 241–242].

Ф. М. Достоевский понимает, что для утверждения чести необходимо одно важное условие, которое в романе озвучивает Версиров: «Но, если кто проповедует честь, то будь и сам честен — вот моя логика...» [С. 246]. Этот же персонаж утверждает, что «...кто честен, тот и судья...» [С. 288].

Писатель представляет в этом романе предельно полную характеристику объекта и субъекта чести и достоинства, в отношении которых осуществляется или которые сами совершают акты унижения и возвышения, для которых характерны или которые характеризуют определенным образом честь и достоинство личности. В связи с этим, сгруппируем и представим в виде таблицы 3 соответствующие фрагменты текста романа.

Таблица 3

Распределение фрагментов текста по группам личностей как субъектов и объектов чести и достоинства

Объект		Субъект	
честь	достоинства	честь	достоинства
«... тон на его вечерах был весьма сносный, военный, щекотливо-раздражительный к соблюдению форм чести...» [С. 310]; «...это было делом чести» [С. 333]; «...страшный прилив гордости залил всю мою душу, гордости или не знаю чего...» [С. 404]; «... могут ли места или почести стоять того места, которого я стою?» [С. 449]; «...когда я буду бесчестно кутить» [С. 556]; «...но тут ... уже были законченные формы чести и	«...смотрела мне только прямо в глаза и приниженно улыбалась» [С. 308]; «...это сознание ... составляло тогда единственный источник жизни моей, мой свет и мое достоинство» [С. 311]; «просиживал у меня в углу молча по целым дням, но с достоинством...» [С. 333]; «...я сидел, потупив глаза, но с большим видом собственного достоинства» [С. 368]; «...Если и не глуп его смех, но сам человек, рассмеявшись, стал вдруг почему-то для вас смешным, хотя бы даже немного, – то знайте, что в человеке том нет	«... Не смейте же после того говорить у меня о чести...» [С. 319]; «...подымаю нос и похваляюсь честью...» [С. 323]; «...посланная маме чашка кофею была, так сказать, уже подвигом гуманности, сравнительно говоря, приносившим чрезвычайную честь их цивилизованным чувствам и европейским понятиям» [С. 369]; «...в подобных случаях он никогда не относился ко мне свысока...» [С. 424];	«...проигрыш унижал меня перед князем, перед Версиловым, хотя тот ничего не удостоивал говорить...» [С. 311]; «...а этот человек пожелал скорее погубить себя, чем оставаться недостойным в собственных глазах своих» [С. 399]; «...На вопросы судьи Татьяна Павловна отвечала с великим високомерием, не удостоивая даже оправдываться...» [С. 409]; «...не более часу назад я совершил низость против вас...» [С. 501]; «...растолковать

<p>долга, чего, кроме дворянства, нигде на Руси не только нет законченного, но даже нигде и не начато» [С. 622]; «...да и не стоит он этой чести» [С. 624];</p>	<p>настоящего собственного достоинства» [С. 390]; «...Со смертью его в нем опять воскреснет долг и... достоинство...» [С. 501]; «...как же буду и как же должен я вести себя в этой совершенно неожиданной встрече, и не потеряет ли в чем-нибудь собственное мое достоинство?» [С. 545]; «...Анна Андреевна встретила весь этот наскок в высшей степени с достоинством...» [С. 598]; «...в нем всегда коренилось самое искреннее и глубочайшее неверие в ее нравственные достоинства...» [С. 612]; «...увидя же ее гордое достоинство...» [С. 612];</p>	<p>«Любезнейший был человек, а превозноситься любил беспримерно» [С. 437]; «Лиза уверяла меня честью...» [С. 449]; «...Нет, пусть погублю даже репутацию мою, но спасу его» [С. 465]; «Они бесчестные... А я требовал, чтобы они всегда вели себе благородно» [С. 487]; «...будь честный, будь низкий – вы все равно, как солнце, недостижимы...» [С. 501]; «...он только сделал мне великую честь, обратившись ко мне, как к единственному другу в такое мгновение, и этого я никогда ему не забуду...» [С. 530]; «...уж это я вас уверяю честью...» [С. 533]; «- Честью моею клянусь...!» [С. 565];</p>	<p>ей ее собственную цену и все, чем она даже выше меня...» [С. 524]; «...во взглядах их с удовольствием прочел даже некоторое удивление к человеку, умевшему даже в таком положении не потерять своего достоинства...» [С. 601].</p>
---	--	---	---

Интересно, что Ф. М. Достоевский рассматривает аксиологическое бытие своих героев как по «вертикали» (подъем-унижение), так и по «горизонтали» (широта-узость). Он говорит: «...А теперь это – только широкость, это – только жизнь, это – только жизненная правда – вот как это теперь называется... [С. 497].

Знаково звучат, словно завещание Подростку и всей русской молодежи, словно откровение, мысли Ф. М. Достоевского, вложенные в уста Версилова: «- Да, мальчик, повторю тебе, что я не могу не уважать моего дворянства. У нас создался веками какой-то еще нигде не виданный высший культурный тип, которого нет в целом мире, – тип всемирного боления за всех. Это – тип русский, но так как он взят в высшем культурном слое народа русского, то, стало быть, я имею честь принадлежать к нему. Он хранит в себе будущее России. Нас, может быть, всего только тысяча человек – может, более, может, менее – но вся Россия жила лишь пока для того, чтобы произвести эту тысячу...» [С.515].

Вместе с тем Версиров предупреждает своего сына и о том, что «...Ныне, с недавнего времени, происходит у нас нечто совсем обратное изображенному выше. Уже не сор прирастает к высшему слою людей, а напротив, от красивого типа отрываются, с веселою торопливостью, куски и комки и сбиваются в одну кучу с беспорядствующими и завидующими. И далеко не единичный случай, что самые отцы и родоначальники бывших культурных семейств смеются уже над тем, во что, может быть, еще хотели бы верить их дети. Мало того, с увлечением не скрывают от детей своих свою алчную радость о внезапном праве на бесчестье, которое они вдруг из чего-то вывели целою массой...» [55, С. 623].

Итак, Подросток (а вместе с ним и миллионы читателей) прошел на страницах романа настоящую школу чести и достоинства, получил впечатляющие уроки уважения к человеческой чести и достоинству, в чем и заключается, по нашему мнению, значение этого произведения писателя-педагога.

В последнем романе Ф. М. Достоевского, «Братья Карамазовы» (1880 г.) [56, С. 5–636; 57, С. 5–338] феномены чести и достоинства личности

приобретают еще более совершенную характеристику – как главные и определяющие поведение, поступки его героев факторы. Они изображаются автором прежде всего в возрастном плане, определяя поведение старого Федора Павловича Карамазова, отца троих сыновей: старшего Дмитрия, среднего Ивана и младшего – Алексея. В тексте романа понятия «честь» и «достоинство», «возвышение» и «унижение», «гордость» и «подлость», «превосходство» и «ничтожество», «подъем» и «падение» пронизывают все изображаемые события, диалоги, рассуждения героев – от начала и до конца романа, образуя его сюжетную основу – так же, как и в большинстве предыдущих произведений писателя.

Можно предположить, что конфронтационное разнообразие взаимоотношений чести и достоинства героев выступает в романе некоей метапричиной распада семьи Карамазовых, вырождения общественных отношений и главным фактором последующего распада страны, благодаря чему роман предстает подлинным художественным прелупреждением о надвигающейся угрозе социальной катастрофы в России XX века.

Отметим те фрагменты текста, в которых понятия чести и достоинства приобретают указанный выше смысл и зачастую выступают почти в афористической форме: «Честь и слава монастырю...» [С. 48 – здесь и далее по 56]; «...промолчать из чувства собственного достоинства» [С. 49]; «...заспорю... начну горячиться – и себя и идею принижую...» [С. 51]; «- О, это такое высокое, такое недостижимое существо!...» [С. 71]; «...какие смелые и высшие слова...» [С. 72]; «...Все же это ничем не унизит его (государства России – Р. В.), не отнимет ни чести, ни славы его, как великого государства, ни славы властителей его...» [С. 81]; «...уже стремятся там к переходу из низшего вида... в высший вид...» [С. 85]; «...Вся фигура его выразила собою необыкновенное собственное достоинство» [С. 86]; «...он удостоил меня некоторою откровенностью...» [С. 87]; «...сердце высшее...» [С. 92]; «...сохранив всю свою честь...» [С. 94]; «...окончательно почувствовал себя униженным и опозоренным...» [С. 95]; «...может быть, во всем вашем роде нет и не было выше и честнее... женщины,

как эта, по-вашему, тварь, как вы осмелились сейчас назвать сейчас ее!» [С. 96]; «...- нет, скажите мне, можно ли еще позволить ему бесчестить собою землю...» [С. 96]; «...- высокопреподобие...», «...низкий вы человек!» [С. 98]; «- Иван выше смотрит...» [С. 105]; «...окончательно считал себя человеком высшей честности...» [С. 110]; «...Все, что угасло, было в его сердце и затихло, разом воскресло и поднялось» [С. 112]; «...- но я рыцарь чести и хочу высказать...» [С. 114]; «...но Григорий решил тогда же и раз навсегда, что баба врет, «потому что всякая баба бесчестна...» [С. 119]; «...бывали высшие случаи, и даже очень тонкие и сложные...» [С. 120]; «...Важный и величественный Григорий обдумывал все свои дела и заботы всегда один...» [С. 122]; «Она сама, низкая, виновата» [С. 128]; «...Слава высшему на свете, слава высшему во мне!...» [С. 133], «...- А мне того и надо, чтобы меня кто-нибудь высший простил...» [С. 135]; «...иной, высший даже сердцем человек и с умом высоким, начинает с идеала мадонны, а кончает идеалом содомским» [С. 138]; «...Кто ступил на нижнюю ступеньку, тот все равно непременно вступит и на верхнюю...» [С. 140]; «...Жили они у отца с теткой, как-то добровольно принижая себя, со всем другим обществом не равняясь...» [С. 142]; «...а сестру эту, гордячку, Катю, воистину обожали, принижали себя пред нею, горничными ее были...» [С. 144]; «...она в величии своего великодушия и жертвы своей за отца, а я клоп...» [С. 145]; «...клянусь, что я, хоть и усмехнулся сейчас ее высшим чувствам, но знаю, что я в миллион раз ничтожнее душой, чем она, и что эти лучшие чувства ее – искренни, как у небесного ангела!» [С. 149]; «...- Узнай же, Алексей, что я могу быть низким человеком, со страстями низкими и погибшими, но вором, карманным вором, воришкой по передним, Дмитрий Карамазов не может быть никогда...» [С. 152]; «Это низкий сладострастник, и с неудержимыми чувствами подлое существо...» [С. 152]; «...У нее высший ум...» [С. 153]; «...нет, характером он был, напротив, надменен (о Смердякове – Р. В.) и как будто всех презирал» [С. 158]; «Даже было во взгляде его что-то высокомерное...» [С. 158]; «...- Он говорил, что лишен теперь чести и что теперь уже все равно...» [С. 186]; «...И вот он боится предо мной за честь свою!...» [С. 187]; «...- Он мог быть так

бесчестен, так бесчеловечен!...» [С. 194]; «...- не бесчестить низким своим присутствием!...» [С. 195]; «...- Алешу всего более мучила мысль, что брат точно рад унижению Катерины Ивановны, хотя, конечно, того быть не могло...» [С. 197–198]; «...- Не гордитесь пред малыми, не гордитесь и пред великими...
...Веруйте и знамя держите. Высоко возносите его... » [С. 206]; «...до сих пор ни мудрость их, ни жар сердца их не в силах были создать иного высшего образа человеку и достоинству его, как образ, указанный древле Христом...» [С. 215].

Продолжим перечень соответствующих фрагментов текста романа., относя их к тому или иному персонажу. Екатерина Ивановна: «...- в этих делах теперь главное – честь и долг, и не знаю, что еще, но нечто высшее, даже, может быть, высшее самого долга...» [С. 237]; «... Она, может быть, гораздо достойнее, искуснее и натуральнее хотела бы выразить свою мысль, но вышло слишком поспешно и слишком обнаженно. Много было молодой невыдержки, многое отзывалось лишь вчерашним раздражением, потребностью погордиться, это она почувствовала сама...» [С. 237]; «...Слово-ер-с приобретается в унижении...» [С. 250]; «...- Это именно вот в таком виде он должен был все это унижение почувствовать...» [С. 270]; «...- Зачем подозревать в такой низости вашу мать?...
...- В какой низости? Это то, что она подслушивает за дочерью, так это ее право, а не низость, – вспыхнула Lise... – ...Если б обыкновенный светский разговор какой-нибудь и я бы подслушивала, то это низость, а тут родная дочь заперлась с молодым человеком...» [С. 275]; «- Ничего-с, – ответил мужской голос, хотя и вежливо, но прежде всего с настойчивым и твердым достоинством...» [С. 280]; «...ты отверг во имя свободы, которую поставил выше всего...» [С. 319]; «...Вот эта потребность *общности* преклонения и есть главнейшее мучение каждого человека единолично и как целого человечества с начала веков. Из-за всеобщего преклонения они истребляли друг друга мечом. Они созидали богов и зывали друг к другу: «Бросьте ваших богов и придите поклониться нашим, не то смерть вам и богам вашим!...» [С. 319]; «...если его угнетут таким страшным бременем, как свобода выбора» [С. 320]; «...не раз охватывала в эту ночь его душу какая-то необъяснимая и унижительная робость, от которой он – он это чувствовал – даже

как бы терял вдруг физические силы...» [С. 346]; «...- был этот брат мой в судьбе моей как бы указанием и предназначением свыше...» [С. 357]; «...один я жил в позоре, один все обесчестил, а красы и славы не приметил вовсе» [С. 362]; «...жалуются слезно и повсеместно на малое свое содержание и на унижение свое...» [С. 366]; «...- начни читать без премудрых слов и без чванства, без возношения над ними...» [С. 367].

Приведем дальше соответствующие слова старца Зосимы и его собеседников: «...- Когда вышли мы офицерами, то готовы были проливать свою кровь за оскорбленную полковую честь нашу, о настоящей же чести почти никто из нас и не знал, что она такое есть, а узнал бы, так осмел бы ее тотчас же сам первый. Пьянством, дебоширством и ухарством чуть не гордились...» [С. 370]; «...Привязался я к одной молодой и прекрасной девице, умной и достойной...», «...чтил ее ум и характер возвышенный...», «...но не примечал ничего, ослепленный своими достоинствами...» [С. 371]; «...Что же это, думаю, ощущаю я в душе моей как бы нечто позорное и низкое?» [С. 372]; «Благоразумно все это и благочестиво...» [С. 375]; «...- и почту за особую честь» [С. 378]; «...ибо высокого ума был человек...» [С. 379]; «...и очень начали посещать меня и расспрашивать с большим любопытством и радостью: ибо любит человек падение праведного и позор его» [С. 391]; «...Посмотрите у мирских и во всем превозносящемся над народом Божиим мире, не исказился ли в нем лик Божий и правда его?» [С. 392]; «...Иметь обеды, выезды, экипажи, чины и рабов-прислужников считается уже такою необходимостью, для которой жертвуют даже жизнью, честью и человеколюбием, чтоб утолить эту необходимость, и даже убивают себя, если не могут утолить ее...» [С. 393]; «...уже купец все больше и больше желает почестей...» [С. 394]; «...поражала меня всю жизнь в великом народе нашем его достоинство благолепное и истинное...», «...Тем, что без зависти чту тебя, тем-то и достоинство мое являю пред тобой человеческое...», «...и верите ли: чем беднее и ниже человек наш русский, тем и более в нем сей благолепной правды заметно, ибо богатые из них кулаки и миреды во множестве уже развращены, и много, много тут от

нерадения и несмотрения нашего вышло!», «...Лишь в человеческом духовном достоинстве равенство, и сие поймут лишь у нас» [С. 395]; «...И неужели сие мечта, чтобы под конец человек находил свои радости лишь в подвигах просвещения и милосердия, а не в радостях жестоких, как ныне, – в объядении, блуде, чванстве, хвастовстве и завистливом превышении одного над другим?» [С. 397].

Старец Зосима продолжает: «...- не говорите: «Силен грех, сильно нечестие, сильна среда скверная, а мы одиноки и бессильны, затрет нас скверная среда и не даст совершиться благому деянию» [С. 400]; «А скидывая свою же лень и свое бессилие на людей, кончишь тем, что гордости сатанинской приобщишься и на бога возропщешь» [С. 400–401], «...От большого разума вознеслись над моим ничтожеством», «...- Возгордились и вознеслись, пустое место сие» [С. 419]; «...Но не чудес опять-таки ему нужно было, а лишь «высшей справедливости», «...И вот тот, который должен бы был, по упованиям его, быть вознесен превыше всех в целом мире, – тот самый вместо славы, ему подобавшей, вдруг низвержен и опозорен!» [С. 423]; «...Цель же у него (у Ракитина – Р. В.) теперь была двоякая, во-первых, мстительная, то есть увидеть «позор праведного» и вероятное «падение» Алеши из «святых во грешники», чем он уже заранее упивался, а во-вторых, была у него тут в виду и некоторая материальная, весьма для него выгодная цель...» [С. 427]; «...- Не смейся, Ракитин, не усмехайся, не говори про покойника: он выше всех, кто был на земле!».

Продолжим дальше выборочное рассмотрение соответствующих фрагментов текста, касающихся описания суда над Дмитрием Карамазовым: «...Она выше любовью, чем мы...» [С. 443]; «...- в этом честию, честию клянусь...», «...спасли бы мою бедную голову для благороднейшего дела, для найвозвышеннейшего дела...» [С. 462]; «...- Глупо, глупо! – восклицал Митя, – и... как это все бесчестно» [С. 469–470]; «...в любви его к этой женщине заключалось нечто гораздо высшее, чем он сам предполагал, а не одна лишь страстность...» [С. 475]; «...- Катерина Ивановна... я был бесчеловечен и бесчестен пред нею, но я здесь полюбил другую... одну женщину...» [С. 482];

«...- Я не про это. Я про высший порядок. Порядку во мне нет, высшего порядка...»; «...Митя. – Женщину, я люблю, женщину! Что есть женщина! Царица земли!» [С. 506]; «...- Прости, пане, виновен, вновь виновен, отдаст, отдаст миллион, на гонор, на польску честь!» [С. 531]; «...В один миг чувство необыкновенного собственного достоинства засияло в лице маленького пана...» [С. 534]; «...- да еще за честь почитать прикажу...» [С. 539]; «...- Я знаю, ты хоть и зверь, а ты благородный, – тяжело выговорила Грушенька, – надо, чтоб это честно... впредь будет честно... и чтоб и мы были честные, чтоб и мы были добрые, не звери, а добрые...» [С. 549]; «...Кажется, вся беда его характера заключалась в том, что думал он о себе несколько выше, чем позволяли его истинные достоинства...» [С. 561]; «...- Я, кажется, имел честь... честь и удовольствие встречать вас... Господа, господа, я не претендую на равенство, я ведь понимаю же, кто я такой теперь пред вами сижу...» (слова Дмитрия Карамазова в начале суда – Р. В.) [С. 571]; «...- Позвольте наблюсти и собственное достоинство. Понимаю же я теперешнюю разницу: ведь я все-таки пред вами преступник сижу, вам, стало быть, в высшей степени неровня, а вам поручено меня наблюдать...» [С. 579]; «...и пусть все у нас так и будет на взаимном доверии образованных и светских людей, связанных дворянством и честью. Во всяком случае, позвольте мне считать вас за лучших друзей моих в эту минуту жизни моей, в эту минуту унижения чести моей! Ведь не обидно это вам, господа, не обидно?» [С. 580]; «...- Долг хотел отдать, долг чести хотел отдать, а кому – не скажу», «...Пишите, господа, что считаю даже бесчестным это сказать» [С. 581]; «...- я прячусь... прячусь унизительно...» [С. 584]; «...чтобы так мог кто-нибудь обойтись с ним, с Митей Карамазовым! Главное, явилось нечто унизительное, а с их стороны «высокомерное и к нему презрительное». Еще ничего бы снять сюртук, но его попросили раздеться и далее. И не то, что попросили, а в сущности приказали; он это отлично понял. Из гордости и презрения он подчинился вполне, без слов...» [С. 598]; «... он как бы и сам почувствовал себя пред ними виноватым, и, главное, сам был почти согласен, что действительно вдруг стал всех их ниже и что теперь они уже имеют полное

право его презирать» [С. 599]; «...он и повернуться уже не хотел, как бы и говорить с ним не удостоивая...» [С. 602]; «...Видите, следите за мной: я присвою три тысячи, вверенные моей чести, кучу на них, прокутил все, наутро являюсь к ней и говорю: «Катя, виноват, я прокутил твои три тысячи», – ну что, хорошо? Нет, нехорошо – бесчестно и малодушно, зверь и до зверства не умеющий сдержаться человек, так ли, так ли? Но все же не вор? Не прямой же ведь вор, не прямой, согласитесь! Прокутил, но не украл!... Таким образом, подлец, но не вор, не вор, как хотите, не вор!» [С. 610]; «...- Узнал я, что не только жить подлецом невозможно, но и умирать подлецом невозможно... Нет, господа, умирать надо честно!» [56, С. 612]; «...считал бы унижительным пред ним заискивать...» [57, С. 11]; «...испуганный уже серьезно Коля дал ей честное и благородное слово, что подобных шалостей уже никогда не повторится...» [С. 12 – здесь и далее по 57]; «...- Я мог бы и давно с ним познакомиться, но я в иных случаях люблю быть гордым...» [С. 23]; «...Главное, его мучил маленький его рост...» [С. 30]; «...Главное, у него тогда было платишко скверное, штанишки наверх лезут, а сапоги каши просят. Они его и за это. Унижают» [С. 31]; «...дети, напротив, должны почитать родителей...» [С. 88]; «...достойный молодой человек» [С. 89]; «...сколько низостей было уже написано, про Грушу, например!...» [С. 104]; «...унизит себя до тряпки...» [С. 108]; «...- Женщина часто бесчестна...» [С. 114]; «...Она (Екатерина Ивановна – Р. В.) была обижена, оскорблена, унижена в своих чувствах...» [С. 129]; «...И вот явился опять человек,...которого ум и сердце она всегда ставила столь высоко над собой...» [С. 130]; «...Главное же, во весь этот месяц страшно страдала его гордость...» [С. 141]; «...с достоинством поклонился...» [С. 200]; «...он, увлеченный своим успехом, который, конечно, уже сам сознавал, и тою высотой благородства, на которую воспарил...» [С. 202]; «...Впечатления от высшего благородства его речи было-таки испорчено...» [С. 203]; «...держал себя с чрезвычайным достоинством» [С. 206]; «...Старичка нашего очень у нас любили все дамы, знали тоже, что он, холостой всю жизнь человек, благочестивый и целомудренный, на женщин смотрел как на высшие и идеальные существа»

[С. 208]; «...ему предшествовала добрая слава» [С. 212]; «...был убежден, что некоторое высшее чувство всегда спасет его в роковую минуту, как и спасло в самом деле...» [С. 213]; «...у него есть средство восстановить свою честь, что средство это здесь, вот тут, на его груди...» [С. 215]; «...с глубоким достоинством заметил, что и возражать не станет» [С. 307]; «...Этот несчастный, этот герой чести и совести...» [С. 314]; «...бежать будет нечестно, не доблестно, или как там... не по-христиански, что ли...» [57, С. 317].

Определяющими для понимания кодекса чести старшего брата Дмитрия Карамазова являются его собственные размышления о чести и бесчестии, унижении и прощении, выраженные в следующих его словах в романе: «...- Ты ангел на земле (обращение к брату Алексею – Р. В.). Ты выслушаешь, ты рассудишь, и ты простишь... А мне того и надо, чтобы меня кто-нибудь высший простил» [56, С. 135];

«...И куда печальным оком
Там Церера ни глядит –
В унижении глубоком
Человека всюду зрит!»;

«...- Друг, друг, в унижении, в унижении и теперь. Страшно много человеку на земле терпеть, страшно много ему бед! Не думай, что я всего только хам в офицерском чине, который пьет коньяк и развратничает. Я, брат, почти только об этом и думаю, об этом униженном человеке, если только не вру. Дай бог мне теперь не врать и себя не хвалить. Потому мыслю об этом человеке, что я сам такой человек.

Чтоб из низости душою
Мог подняться человек,
С древней матерью-землею
Он вступи в союз навек»;

«...- Потому что я Карамазов. Потому что если уж полечу в бездну, то так-таки прямо, головой вниз и вверх ногами, и даже доволен, что именно в унижительном таком положении падаю и считаю это для себя красотой. И вот в

самом-то этом позоре я вдруг начинаю гимн. Пусть я проклят, пусть я низок и подл, но пусть и я целую край той ризы, в которую облекается бог мой; пусть я иду в то же самое время вслед за чертом, но я все-таки и твой сын, господи, и люблю тебя и ощущаю радость, без которой нельзя миру стоять и быть» [С. 137]; «...я хоть и низок желаниями и низость люблю, но я не бесчестен» [С. 140]; «...- Ведь честь-то у меня есть небось» [С. 151].

Автор романа допускает, что Дмитрий Карамазов, «...почувствовав теперь себя бесчестным и уже безо всякой надежды, конечно не остановится более и ни пред каким падением...» [С. 183]. Это подтверждает и сам Дмитрий, обращаясь к Алексею (этот момент, как выяснится далее, является одним из главных в романе): «...- Смотри на меня, пристально смотри: видишь, вот тут, вот тут – готовится страшное бесчестие. (Говоря «вот тут» Дмитрий Федорович ударял себя кулаком по груди и с таким странным видом, как будто бесчестие лежало и сохранялось именно тут на груди его, в каком-то месте, в кармане может быть, или на шее висело зашитое.) Ты уже знаешь меня: подлец, подлец признанный! Но знай, чтобы я ни сделал прежде, теперь или впереди, – ничто, ничто не может сравниться в подлости с тем бесчестием, которое именно теперь, именно в эту минуту ношу вот здесь на груди моей, вот тут, тут, которое действует и совершается и которое я полный хозяин остановить, могу остановить или совершить, заметь это себе!... Я могу еще остановиться: остановюсь, я могу завтра же целую половину потерянной чести воротить...» [56, С. 198–199]; «...- Хотел стать навеки честным человеком именно в ту секунду, когда подсекла судьба! Но в смерти старика, врага моего и отца – невиновен! Но в ограблении его – нет, нет, невиновен, да и не могу быть виновным: Дмитрий Карамазов подлец, но не вор!» [57, С. 194].

Против Дмитрия Карамазова выступили также поляки: «...те явились гордо и независимо. Громко засвидетельствовали, что, во-первых, оба «служили короне» и что «пан Митя» предлагал им три тысячи, чтобы купить их честь, и что они сами видели большие деньги в руках его. Пан Муссялович вставлял страшно много польских слов в свои фразы и, видя, что это только возвышает

его в глазах председателя и прокурора, возвысил, наконец, свой дух окончательно и стал уже совсем говорить по-польски...» [С. 205].

Далее герои романа говорят о чести Дмитрия Карамазова: «...И Алеша с увлечением... припомнил, как в последнем свидании с Митей, вечером у дерева, по дороге к монастырю, Митя, ударяя себя в грудь, «в верхнюю часть груди», несколько раз повторил ему, что у него есть средство восстановить свою честь, что средство это (ладанка с деньгами – Р. В.) здесь, вот тут, на его груди...» [С. 214–215]; В этом же плане звучат и слова Екатерины Ивановны: «...- Я всегда была уверена в его бескорыстии и в его честности... высокой честности... в денежных делах...» [С. 218]; «...- Правда, Катя! – завопил вдруг Митя, – в глаза смотрел и понимал, что бесчестишь меня и все-таки взял твои деньги! Презирайте подлеца, презирайте все, заслужил!...» [С. 229]; «...- Да, да, я давеча солгала, все лгала, против чести и совести, но я хотела давеча спасти его...» [С. 230]; «...- Я имею честь быть его единственным другом! – воскликнула она вдруг...» [С. 231]; «...Она пожертвовала собою в испуге за него, вдруг вообразив, что он погубил себя своим показанием, что это он убил, а не брат, пожертвовала, чтобы спасти его, его славу, его репутацию...» [С. 232].

Прокурор выразил свое особое мнение о Дмитрие, который демонстрирует: «...ужасы разнузданной воли и нравственного падения...» [С. 235]; «...- В тиши, наедине со своею совестью, может бы спрашивает себя: «Да что такое честь и не предрассудок ли кровь?» [С. 236]; «...- С годами, то есть с нарастанием капиталчика, он ободряется. Приниженность и заискивание исчезают, остается лишь насмешливый и злой циник и сладострастник...» [С. 238]; «...- О, я не смею повторять подробностей, вы их только что слышали: тут честь, тут самоотвержение, и я умолкаю...» [С. 242]; «...- мы природы широкие, карамазовские – я ведь к тому и веду, – способные вмещать всевозможные противоположности и разом созерцать обе бездны, бездну над нами, бездну высших идеалов, и бездну под нами, бездну самого низшего и зловонного падения. Вспомните блестящую мысль, высказанную молодым наблюдателем... господином Ракитиным: «Ощущение низости падения так же необходимо этим

разнузданным, безудержным натурам, как и ощущение высшего благородства, – и это правда: именно им нужна эта неестественная смесь постоянно и непрерывно. Две бездны, две бездны, господа, в один и тот же момент – без того мы несчастны и неудовлетворены, существование наше неполно. Мы широки, широки, как вся наша матушка Россия, мы все вместим и со всем уживемся...» [С. 243]; «...- И вот в этот месяц безнадежной любви, нравственных падений, измены своей невесте, присвоения чужих денег, вверенных его чести, – подсудимый, кроме того, доходит почти до исступления, до бешенства, от непрерывной ревности, и к кому же, к своему отцу!...» [С. 247]; «...- как унижительно страдал он от страху...», «...- все это, дескать, мелочи, а вы верьте на честь! О, мы рады верить, мы жаждем верить, хотя бы даже на честь!...» [С. 272]; «...разом возвысился до патетического...» (о речи защитника – Р. В.) [С. 276]; «...- Отчего откажете вы подсудимому в чувстве чести? Нет, чувство чести в нем есть, положим, неправильное, положим весьма часто ошибочное, но оно есть, есть до страсти, и он доказал это...» [С. 286].

Защитник о Смердякове: «...- я ушел с убеждением, что существо это решительно злобное, непомерно честолюбивое, мстительное и знойно завистливое...» [С. 292]; «...- он никого не любил, кроме себя, уважал же себя до странности высоко...» [С. 293]; «...- Страстные и жестокие снаружи (защитник – о людях типа Мити – Р. В.), они до мучения способны полюбить, например, женщину, и непременно духовною и высшею любовью...», «...- но около благородного, прекрасного существа, этот, по-видимому, грубый и жестокий человек ищет обновления, ищет возможности исправиться, стать лучшим, сделаться высоким и честным – «высоким и прекрасным», как ни осмеяно это слово!... [С. 299]; «...- это не я уже говорю, это евангелие предписывает: мерить в ту меру, в которую и вам меряют...» [С. 300]; «...- Вид отца недостойного, особенно сравнительно с отцами другими, достойными, у других детей, его сверстников, невольно подсказывает юноше вопросы мучительные...» [С. 301]; «...- я ли достоин его» – вот что он воскликнет!» [С. 304]; «...- Христос заповедал мерить в ту меру, в которую и вам отмеряют...» [С. 307].

Приведем здесь одну из самых возвышенных страниц романа, связанную с любовным порывом Катерины Ивановны к Дмитрию Карамазову на суде: «...- Я для чего пришла? – испуганно и торопливо начала она опять, – ноги твои обнять, руки сжать, вот так до боли, помнишь, как в Москве тебе сжимала, опять сказать тебе, что ты бог мой, радость моя, сказать тебе, что безумно люблю тебя, – как бы простонала она в муке и вдруг жадно приникла устами к руке его. Слезы хлынули из ее глаз...

– Любовь прошла. Митя! – начала опять Катя, – но дорого до боли мне то, что прошло. Это узнай навек. Но теперь, на одну минутку, пусть будет то, что могло бы быть, – с искривленной улыбкой пролепетала она, опять радостно смотря ему в глаза. – И ты теперь любишь другую, и я другого люблю, а все-таки тебя вечно буду любить, а ты меня, знал ли ты это? Слышишь, люби меня, всю твою жизнь люби! – воскликнула она с каким-то почти угрожающим дрожанием в голосе.

– Буду любить и... знаешь, Катя, – переводя дух на каждом слове, заговорил и Митя, – знаешь, я тебя, пять дней тому, в тот вечер любил... Когда ты упала, и тебя понесли... Всю жизнь! Так и будет, так вечно будет...» [57, С. 325].

Итак, почти все разговоры и действия героев романа вращаются вокруг их чести и достоинства, гордости и низости, любви и ненависти.

Что же касается аксиопсихологического портрета и отношения среднего брата Ивана Карамазова к вопросам чести и достоинства, то они своеобразно выражаются в следующих мыслях, высказанных им в диалоге с Алексеем и с другими героями романа. Алексей: «...- Брат, позволь еще спросить: неужели имеет право всякий человек решать, смотря на остальных людей: кто из них достоин жить и кто более недостоин?»; Иван: «...- К чему же тут вмешивать решение по достоинству? Этот вопрос всего чаще решается в сердцах людей совсем не на основании достоинств, а по другим причинам, гораздо более натуральным. А насчет права, так кто не имеет права желать?» [56, С. 181]; «...- И все это от вашей гордости (Иван Карамазов – к Екатерине Ивановне – Р. В.). О, тут много принижения и унижения, но все это от гордости... Я слишком

молод и слишком сильно любил вас. Я знаю, что это бы не надо мне вам говорить, что было бы больше достоинства с моей стороны просто выйти от вас; было бы и не так для вас оскорбительно... » [С. 241]; «...Да ведь весь мир познания не стоит тогда этих слезок ребеночка к «боженьке»...» [С. 304]; «...- Я взял одних деток, для того чтобы вышло очевиднее. Об остальных слезах человеческих, которыми пропитана вся земля от коры до центра, – я уж ни слова не говорю, я тему мою нарочно сузил. Я клоп и признаю со всем принижением, что ничего не могу понять, для чего все так устроено...» [С. 305–306]; «...- И если страдания детей пошли на пополнение той суммы страданий, которая необходима была для покупки истины, то я утверждаю заранее, что вся истина не стоит такой цены...» [С. 307]; «...- Да и слишком дорого оценили гармонию, не по карману нашему вовсе столько платить за вход. А потому свой билет на вход спешу вернуть обратно. И если только я честный человек, то обязан вернуть его как можно заранее... » [С. 308].

Интересны мысли Ивана Карамазова о Христе: «...- Но и тут ты судил о людях слишком высоко, ибо, конечно, они невольники, хотя и созданы бунтовщиками. Озрись и суди, вот прошло пятнадцать веков, поди посмотри на них: кого ты вознес до себя? Клянусь, человек слабее и ниже создан, чем ты о нем думал!...» [С. 321-322]; «Много было великих народов с великою историей, но чем выше были эти народы, тем были и несчастнее, ибо сильнее других сознавали потребность всемирности соединения людей...» [56, С. 324].

Алеша – Дмитрию: «...- Может, ты-то и есть высший человек, а не Иван. Видишь, тут дело совести, дело высшей совести...» [57, С. 110]; «...Иван всегда чувствовал, что мнение Алеши для него высоко...» [С. 129]; «...И мать и дочь его очень уважали и смотрели на него как на высшего перед ними человека...» [С. 131].

Иван – Мерзлякову: «...- с чего именно, чем именно я мог вселить тогда в твою подлую душу такое низкое для меня подозрение?» [С. 135]; «...Зато пострадали люди порядочные, у которых еще оставалась совесть и честь...» [С. 172].

Сатана – Ивану: «...Честь добра кто-то берет всю себе, а мне оставлены в удел только пакости» [С. 177]; Иван – сатане: «...- Человек возвеличится духом божеской, титанической гордости и появится человеко-бог. Ежечасно побеждая уже без границ природу, волею своею и наукой, человек тем самым ежечасно будет ощущать наслаждение столь высокое, что оно заменит ему все прежние упования наслаждений небесных. Всякий узнает, что он смертен весь, без воскресения, и примет смерть гордо и спокойно, как бог...» [С. 179]; «...- А он (сатана – Р. В.) – это я, Алеша, я сам. Все мое низкое, все мое подлое и презренное» [57, С. 183].

Аксиопсихологический образ чести и достоинства младшего брата Алексея Карамазова представлен в романе рядом следующих речевых фрагментов: «...Сердце его загорелось любовью, и он горько упрекнул себя, что мог на мгновение там, в городе, даже забыть о том, кого оставил в монастыре на одре смерти и кого чтил выше всех на свете. Он прошел в спаленку старца, стал на колени и поклонился спящему до земли...» [56, С. 201]; «...- Вот я (Лиза – Р. В.) написала вам любовное письмо, боже мой, что я сделала! Алеша, не презирайте меня, и если я что сделала очень дурное и вас огорчила, то извините меня. Теперь тайна моей, погибшей навеки, может быть, репутации в ваших руках...» [С. 202–203]; Алеша – Ивану: «...- К тому же страдание и страдание: унижительное страдание, унижающее меня, голод, например, еще допустит во мне мой благодетель, но чуть повыше страдания, за идею, например, нет, он это в редких разве случаях допустит...» [С. 297]. В ответ на мысли Ивана о Великом Инквизиторе: «...Они просто римская армия для будущего всемирного земного царства, с императором – римским первосвященником во главе... вот их идеал, но безо всяких тайн и возвышенной грусти... Самое простое желание власти, земных грязных благ, порабощения... вроде будущего крепостного права, с тем, что они станут помещиками...» [С. 327].

Ф. М. Достоевский с болью в сердце показывает в романе, насколько чувствительны к унижению, даже не своему, а своих родителей, то есть к унижению родового достоинства, дети. Так, после публичного оскорбления

Дмитрием Карамазовым штабс-капитана Снегирева начались тяжелые переживания, страдания и защитные, по-детски наивные, но не менее серьезные, чем у взрослых, контрдействия против обидчика его сына Илюши, которые закончились в конце концов смертью ребенка. Штабс-капитан рассказывает Алеше: «...Бросился он вдруг ко мне весь, обнял мне обеими ручонками шею, стиснул меня. Знаете, дети, коли молчаливые да гордые, да слезы долго перемогают в себе, да как вдруг прорвутся, если горе большое придет, так ведь не то что слезы потекут-с, а брызнут словно ручьи-с. Теплыми-то брызгами этими так вдруг и обмочи он мне все лицо. Зарыдал как в судороге, затрясся, прижимает меня к себе, я сижу на камне. «Папочка, вскрикивает, папочка, милый папочка, как он тебя унизил! Зарыдал тут и я-с, сидим и сотрясаемся обнявшись...» [С. 261].

У сына сформировалась семейная честь – по образцу чести его отца, который, не пожелав унижить себя, бросил на землю и начал топтать переданные ему Алешей деньги Катерины Ивановны: «...- Вот ваши деньги-с!... – Доложите пославшим вас, что мочалка чести своей не продает-с! – вскричал он, простирая на воздух руку» [С. 266]. Алеша объясняет случившееся следующим образом: «...- если б он не растоптал, а взял эти деньги, то, придя домой, чрез час какой-нибудь и заплакал бы о своем унижении, вот что вышло бы непременно. Заплакал бы и, пожалуй, завтра пришел бы ко мне чем свет и бросил бы, может быть, мне кредитки и растоптал бы как давеча. А теперь он ушел ужасно гордый и с торжеством, хоть и знает, что «погубил себя...»; «...он уж свою честь доказал, деньги швырнул, растоптал...»; «...- Его, главное, надо теперь убедить в том, что он со всеми нами на равной ноге, несмотря на то, что он у нас деньги берет... и не только на равной, но даже на высшей ноге...» [56, С. 270–271].

Трагической оказалась аксиопсихологическая линия короткой жизни сына штабс-капитана Снегирева Илюши, к которому относятся следующие слова Алеши: «...- Вижу, мальчик маленький, слабенький, но не подчиняется, даже с ними (гимназистами – Р. В.) дерется, гордый, глазенки горят... А они его пуще. Главное, у него тогда было платишко скверное, штанишки наверх лезут, а

сапоги каши просят. Они его и за это. Унижают...» [51, С. 31]; «...- Вдруг, замечаю, он день, другой, третий смущен, скорбит, но уж не о нежностях, а о чем-то другом, сильнейшем, высшем...» [С. 32]; «...они не смеют сказать правды от долговременной унижительной робости пред ними...» [С. 35]; «...Мальчик хоть и старался не показывать, что ему это неприятно, но с болью сердца сознавал, что отец в обществе унижен, и всегда, неотвязно, вспоминал о «мочалке» и о том «страшном дне» (публичного унижения его отца – Р. В.) [С. 39]; «...с горделивой скромностью...» [С. 53]; «...- Я тоже, например, считаю, что бежать в Америку из отечества – низость, хуже низости – глупость. Зачем в Америку, когда и у нас можно много принести пользы для человечества? Именно теперь. Целая масса плодотворной деятельности...» (эти слова Коли, друга Илюши, говорят о том, сколько пользы могли бы принести благородные люди, вроде Илюши, которые вместо этого умирают от унижения – Р. В.) [С. 59]; «...- Ура! Вы пророк! О, мы сойдемся, Карамазов. Знаете, меня всего более восхищает, что вы со мной совершенно как с ровней. А мы не ровня, нет, не ровня, вы выше! Но мы сойдемся» (обращение Илюши к Алексею Карамазову – Р. В.) [С. 64]; «...- Илюшечка, сыночек мой: «Папочка, папочка, как он тебя унизил? У камушка произнес. Теперь помирает-с...» [С. 204].

«Все молча остановились у большого камня. Алеша посмотрел, и целая картина того, что Снегирев рассказывал когда-то о Илюшечке, как тот, плача и обнимая отца, восклицал: «Папочка, папочка, как он унизил тебя! – разом представилась его воспоминанию» [С. 334]. Именно Алеше Карамазову доверил Ф. М. Достоевский завершить своими словами роман. Эти слова Алеша сказал на могиле Илюши – и невольно возникает символическая ассоциация, мысль об еще одном возможном русском богатыре на новой ниве труда, однако преждевременно убитом беспощадным унижением: «...- Он был славный мальчик, добрый и храбрый мальчик, чувствовал честь и горькую обиду отцовскую, за которую и восстал. Итак... будем помнить его, господа, во всю нашу жизнь. И хотя бы мы были заняты самыми важными делами, достигли почестей или впали бы в какое великое несчастье, – все равно не забывайте

никогда, как нам было раз здесь хорошо, всем сообща, соединенным таким хорошим и добрым чувством, которое и нас сделало на это время любви нашей к бедному мальчику может быть лучшими, чем мы есть в самом деле» [57, С. 335].

Итак, в конце романа звучит мысль: через унижение и страдание – к возвышению и радости! Если же попытаться подвести философский итог романа, то он может быть выведен из такого духовного расклада между братьями: Дмитрий олицетворяет чувство Любви к Красоте, Иван – Надежду на Истину, а Алеша – Веру в Добро. В конце романа чувство Любви к Красоте оказываются вместе с Дмитрием на каторге. Иван впадает в безумие – Надежда на Истину скомпрометирована и унижена. Лишь Алеша, олицетворение Веры в Добро, остается жить вместе с народом. Вера и Добро поднимаются до высоты идеала жизни. За ними будущее. Так утверждает Ф. М. Достоевский. Последующие полтора века существования России и человечества подтверждают правоту этой пророческой мысли гения.

В фантастическом рассказе «Кроткая» (1976 год) [57, С. 378–419], вошедшем в «Дневник писателя» (1873–1880 гг.) [С. 339–459 – здесь и далее по 57], на наш взгляд, высказывается наиболее пессимистический взгляд пророка на будущее человечества – через художественное изображение трагедии униженной «цивилизацией» в своем достоинстве женщины, загнанной в тупик, получившей смертельную, самоубийственную дозу такого унижения в семье – от свою очередь необратимо униженного бесчестьем мужа.

Фабула рассказа исчерпывающе представлена смысловыми рефлексиями, аксиологическими «мыслями в точку» овдовевшего мужа, который ходит вокруг гроба с телом жены, выбросившейся перед тем из окна. Собственно, этими мыслями и раскрывается анатомия «унижения» и трагедии героев рассказа. Приведем их: «...Ряд вызванных им (вдовцом – Р. В.) воспоминаний неотразимо приводит его наконец к *правде*; правда неотразимо возвышает его ум и сердце...» [С. 379]; «...Зол был. Она опять вспыхнула, выслушав это *для вас*, но смолчала, не бросила денег, приняла, – то-то бедность! А как вспыхнула! Я

понял, что уколол. А когда она уже вышла, вдруг спросил себя: да неужели же это торжество над ней стоит двух рублей? Хе, хе, хе!...» [С. 381]; «...Я являлся как бы из высшего мира: все же отставной штабс-капитан блестящего полка, родовой дворянин, независим и проч., а что касса ссуд, то тетки (жены героя-Р. В.) на это только с уважением могли смотреть. У теток три года была в рабстве, но все-таки где-то экзамен выдержала, – успела выдержать, урвалась выдержать, из-под поденной безжалостной работы, – а это значило же что-нибудь в стремлении к высшему и благородному с ее стороны! Я ведь для чего хотел жениться?...» [С. 385–386]; «...Тут же у ворот, ей, изумленной уже тем, что я ее вызвал, при Лукерии, я объяснил, что сочту за счастье и за честь... Все это сказано было с особенного рода гордостью – известно, как это говорится. Конечно, я имел настолько вкуса, что, объявив благородно мои недостатки, не пустился объявлять о достоинствах: «но, дескать, взамен того имею то-то, то-то и это-то...» [С. 386–387]; «...- Ну, гордая! Я, дескать, сам люблю горденьких. Гордые особенно хороши, когда... ну, когда уж не сомневаешься в своем над ними могуществе, а? О, низкий, неловкий человек! О, как я был доволен! Знаете, ведь у ней, когда она тогда у ворот стояла задумавшись, чтоб сказать мне да, а я удивлялся, знаете ли, что у ней могла быть даже такая мысль: «Если уж несчастье и там и тут, так не лучше ли прямо самое худшее выбрать, то есть толстого лавочника, пусть поскорей убьет пьяный до смерти!» [С. 388]; «...- Нравились мне тоже разные мысли, например, что мне сорок один, а ей только что шестнадцать. Это меня пленяло, это ощущение неравенства, очень сладостно это, очень сладостно»,...- и теткам оказано было надлежащее. Я даже подарил этим тварям по сто рублей и еще обещал, ей, разумеется, про то не сказавши, чтобы не огорчить ее низостью обстановки. Тетки тотчас же стали шелковые» [С. 389]; «...- Видите ли: молодежь великодушна, то есть хорошая молодежь, великодушна и порывиста, но мало терпимости, чуть что не так – и презрение»; «...- а я, так сказать, действовал гордостью, говорил почти молча. А я мастер молча говорить, я всю жизнь мою проговорил молча и прожил сам с собою целые трагедии молча. О, ведь и я же был несчастлив!» [С. 390]; «...- почему

молчал? А как гордый человек. Я хотел, чтоб она узнала сама, без меня, но уже не по рассказам подлецов, а чтобы *сама догадалась* об этом человеке и постигла его! Принимая ее в дом свой, я хотел полного уважения. Я хотел, чтоб она стояла предо мной в мольбе за мои страдания – и я стоил того. О, я всегда был горд, я всегда хотел или всего или ничего!» [С. 391].

В этом месте рассказа у читателя может появиться мысль, что Ф. М. Достоевский возвращается на 30 лет назад к своему роману «Бедные люди» (1846 г.), и как бы завершает судьбу Макара Деушкина и Варвары Доброселовой. Писатель с грустью констатирует, что при жизни одного поколения ничего не изменилось к лучшему в жизни бедных людей, напротив – их унижение катастрофически углубляется и в конце концов приводит к смерти наиболее важное звено семьи – жену. Он подчеркивает, что реальная «экономическая организация» семейной жизни доминирует над ее природными основами и означает экономическое ее унижение и уничтожение. Об этом красноречиво свидетельствуют следующие отрывки из текста рассказа: «...- Еще невесте, ей было объяснено, что она займется приемом закладов и выдачей денег, и она ведь тогда ничего не сказала (это заметьте)... Видите-с: была не бедность, а была экономия, а в чем надо – так и роскошь, в белье, например, в чистоте» [С. 392–393]; «...- Вот почему и гордое молчание, вот почему и сидели молча...» [С. 394]; «...- Все было ясно, план мой был ясен, как небо: «Суров, горд и в нравственных утешениях ни в чьих не нуждается, страдает молча». Так оно и было, не лгал, не лгал! «Увидит потом сама, что тут было великодушие, но только она не сумела заметить, – и как догадается об этом когда-нибудь, то оценит вдесятеро и падет в прах, сложа в мольбе руки». Вот план. Но тут я что-то забыл или упустил из виду. Не сумел я что-то тут сделать. Но довольно, довольно. И у кого теперь прощения просить? Кончено, так кончено. Смелей, человек, и будь горд! Не ты виноват!...» [С. 394–395].

Мужу казалось, что в семье двух унижений установился какой-то порядок, баланс отношений обиженных достоинств: «...- Привычная же к разврату душа, напротив, всегда смягчит, сделает гаже, но в виде порядка и приличия, который

над вами же имеет претензию превосходить» [С. 397]. Однако, это состояние «стабильности» семьи оказалось шатким и не выдержало воспоминания о бесчестии в прошлом одного из ее членов. Это произошло после вопроса жены к мужу: «...- А правда, что вас из полка выгнали за то, что вы на дуэль выйти струсили?». В ответ на это муж опрометчиво признался, что да, хотя и пояснил, что отказ от дуэли «...- значило высказать гораздо более мужества, чем в какой хотите дуэли..., а ей только этого и надо было, этого нового моего унижения...» [С. 397].

Уже по логике развернувшейся между супругами беспощадной борьбы достоинств молодая жена добивала вопросами своего мужа: «...- А правда, что вы три года потом по улицам в Петербурге как бродяга ходили и по гривеннику просили, и под биллиардами ночевали?», «...- Да, правда; в моей жизни было потом, после полка, много позора и падения, но не нравственного падения, потому что я сам же первый ненавижу мои поступки даже тогда. Это было лишь падение воли моей и ума и было вызвано лишь отчаянием моего положения. Но это прошло...

– О, теперь вы лицо – финансист!

То есть это намек на кассу ссуд. Но я уже успел сдержать себя. Я видел, что она жаждет унижительных для меня объяснений и – не дал их...

И что ж: вышло то (я к чести моей говорю это), вышло точь-в-точь то, что я предчувствовал и предполагал, хоть и не сознавая, что я предчувствую и предполагаю это...

Вот что вышло. Я слушал целый час и целый час присутствовал при поединке женщины, благороднейшей и возвышенной, с светской развратной, тупой тварью, с пресмыкающеюся душой...» [С. 397–398]. «...- Повторяю, этот шут (муж о жене – Р. В.) под конец совсем осовел и сидел нахмурившись, едва отвечая, так что я даже стал бояться, чтоб не рискнул оскорбить ее из низкого мщения. И опять повторяю: к чести моей, эту сцену я выслушал почти без изумления» [С. 399]; «...- Говорят, что стоящие на высоте как бы тянутся сами книзу, в бездну. Я думаю, много самоубийств и убийств совершилось потому

только, что револьвер уже был взят в руки. Тут тоже бездна, тут покатошь в сорок пять градусов, о которую нельзя не скользнуть, и вас что-то вызывает непобедимо спустить курок...» [С. 401].

Вдовец подробно рассказывает о случае в полку, в результате которого им была потеряна в глазах товарищей офицерской честь: «...- Видите: в моей жизни была одно страшное внешнее обстоятельство, которое до сих пор, то есть до самой катастрофы с женой, каждый день и каждый час давило меня, а именно – потеря репутации и тот выход из полка. В двух словах: была тираническая несправедливость против меня. Правда, меня не любили товарищи за тяжелый характер и, может быть, за смешной характер, хотя часто бывает ведь так, что возвышенное для вас, сокровенное и чтимое вами, в то же время смешит почему-то толпу ваших товарищей. О, меня не любили никогда даже в школе...» [С. 404]; «...- в буфете из нашего полка был только я один, и когда гусар А-в дерзко отнесся о капитане Безумцеве, то я не подошел к А-ву и не остановил его замечанием...», «...- Между тем офицеры начали находить, что дело было не личное, а касалось и полка, а так как офицеров нашего полка тут был только я, то тем и доказал всем бывшим в буфете офицерам и публике, что в полку нашем могут быть офицеры не столь щекотливые насчет чести своей и полка. Я не мог согласиться с таким определением. Мне дали знать, что я могу еще все поправить, если даже и теперь, хотя и поздно, захочу формально объясниться с А-м. Я этого не захотел и так как был раздражен, то отказался с гордостью. Затем тотчас же подал в отставку, – вот вся история. Я вышел гордый, но разбитый духом. Я упал волей и разумом... Итак – стыд так стыд, позор так позор, падение так падение и чем хуже, тем лучше, – вот что я выбрал...»; «...- Тем не менее мрачное прошлое и навеки испорченная репутация моей чести томили меня каждый час, каждую минуту. Но тут я женился... Но, вводя ее в дом, я думал, что ввожу друга, мне же слишком был надобен друг», «...- и вот она все узнала; она узнала по крайней мере, что несправедливо поспешила присоединиться к врагам моим...» [С. 405–406], «...- Напротив, в моих глазах она была так побеждена, была так унижена, так раздавлена, что я мучительно

жалел ее иногда, хотя мне при всем этом решительно нравилась иногда идея об ее унижении. Идея этого неравенства нашего нравилась...» [С. 407].

Мы видим в рассказе, как старое унижение офицерской чести мужа накатило трагическим колесом на его отношения с женой, привело к новому унижению, которое добавилось к предшествующим унижениям ее чести и достоинства, суммарного бремени которых она уже не могла выдержать, вследствие чего и погибает.

Главный герой рассказа вскрикивает у гроба жены: «...- О, дико, дико! Недоразумение! Неправдоподобие! Невозможность!» [С. 416] – и вопрошает: «...- для чего она умерла?...» [С. 417]. Его ответы поучительны и одновременно парадоксальны: «...- А так она была слишком целомудрена, слишком чиста, чтоб согласиться на такую любовь, какой надо купцу, то и не захотела меня обманывать. Не захотела обманывать полулюбовью под видом любви, или четверть-любовью. Честны уж очень, вот что-с! Широкость сердца-то хотел тогда привить, помните? Странная мысль.

Ужасно любопытно: уважала ли она меня? Я не знаю, презирала ли она меня, или нет? Не думаю, чтоб презирала. Странно ужасно: почему мне ни разу не пришло в голову, во всю зиму, что она меня презирает? Я в высшей степени был уверен в противном с самой той минуты, когда она посмотрела на меня тогда со *строгим удивлением*. С *строгим*, именно. Тут-то я сразу и понял, что она презирает меня. Понял безвозвратно, навеки! Ах, пусть, пусть презирала бы, хоть всю жизнь, но – пусть бы она жила, жила!...» [С. 419]. Но в том-то и дело, что без чести невозможно жить, честь оказалась выше самой жизни и ее потеря означает потерю жизни.

Ф. М. Достоевский вкладывает в уста своего буквально разодранного бесчестьем героя слова отчаяния: «...- Опоздал!!!!...

...- Бред, бред, вот где бред! Измучил я ее – вот что!

Что мне теперь ваши законы? К чему мне ваши обычаи, ваши нравы, ваша жизнь, ваше государство, ваша вера? Пусть судит меня ваш судья, пусть приведут меня в суд, в ваш гласный суд, и я скажу, что я не признаю ничего.

Судья крикнет: «Молчите, офицер!» А я закричу ему: «Где у тебя теперь такая сила, чтобы я послушался? Зачем мрачная косность разбила то, что всего дороже? Зачем же мне теперь ваши законы? Я отделяюсь. О, мне все равно!...

Косность! О, природа! Люди на земле одни – вот беда! «Есть ли в поле жив человек?» – кричит русский богатырь. Кричу и я, не богатырь, и никто не откликается. Говорят, солнце живит вселенную. Взойдет солнце и – посмотрите на него, оно не мертвец. Все мертво, и всюду мертвецы. Одни только люди, а кругом них молчание – вот земля! «Люди, любите друг друга – кто это сказал? чей это завет? Стучит маятник бесчувственно, противно. Два часа ночи. Ботиночки ее стоят у кровати, точно ждут ее... Нет, серьезно, когда ее завтра унесут, что ж я буду?» [57, С. 418–419].

Итак, тема человеческой чести и бесчестия, достоинства и недостойности приобрела в этом рассказе своего максимального драматического звучания. Человек беспомощно стоит перед проблемой чести и достоинства, он не осознает сполна сложности этого феномена и поэтому становится жертвой запоздалых уроков поражения чести и достоинства, но уже требует от своего ограниченного сознания постижения этой тайны. Можно сделать, вслед за Ф. М. Достоевским, вывод, что проблема чести и достоинства не вошла еще в достаточной степени в человеческую культуру, более того, человека нужно учить самой культуре чести и достоинства своей личности!

Фантастический рассказ «Сон смешного человека» (1877 год) [57, С. 420–441] также входит в «Дневник писателя» и по своей аксиологической сути является художественной попыткой рассмотреть проблему возвышения и унижения чести и достоинства человека во всемирном масштабе. С горечью говорит писатель о том, что тот человек (имея ввиду прежде всего самого себя), который ставит эту проблему, воспринимается человечеством, которое гибнет от все более господствующего бесчестья и недостойности, как смешной и даже ненормальный: «Я смешной человек. Они меня называют теперь сумасшедшим. Это было бы повышение в чине, если б я все еще не оставался для них таким же смешным, как и прежде...» [С. 420 – здесь и далее по 51]; «...Но не знали они

никто и не догадывались о том, что если был человек на земле, больше всех знавший про то, что я смешон, так это был сам я, и вот это-то было для меня всего обиднее, что они этого не знают, но тут я сам был виноват: я всегда был так горд, что ни за что и никогда не хотел никому в этом признаться. Гордость эта росла во мне с годами... Но с тех пор, как я стал молодым человеком, я хоть и узнавал с каждым годом все больше и больше о моем ужасном качестве, но почему-то стал немного спокойнее. Именно почему-то, потому что я до сих пор не могу определить почему. Может быть, потому, что в душе моей нарастала страшная тоска по одному обстоятельству, которое было уже бесконечно выше всего меня: именно – это было... одно убеждение в том, что на свете везде *все равно*» [С. 421]; «Господа, ведь вам, говорю, все равно» [С. 422].

Мы относим это «*все равно*» прежде всего к паритету чести и достоинства всех людей, впрочем это можно, судя по некоторым местам рассказа, воспринимать и как «*равнодушие*», в его неоднозначном смысле, один из которых означает именно равенство душ.

Писатель проводит ужасающий по своей парадоксальности умственный эксперимент, ставя себя во сне на место самоубийцы и мертвеца (не к этому ли приводит осмеивание гордым человечеством своего прозревающего в понимании проблемы чести и достоинства сына?!), которого зарывают в землю и он лежит в гробу один одинешенек в сырости и холоде... И в этих условиях он утверждает, «...что никогда и никакому мучению, какое бы ни постигло меня, не сравниться с тем презрением, которое я буду молча ощущать, хотя бы в продолжение миллионов лет мученичества!» [С. 428–429].

Ф. М. Достоевский продолжает этот кошмарный эксперимент: «...И вот вдруг разверзлась могила моя. То есть я не знаю, была ли она раскрыта и раскопана, но я был взят каким-то темным и неизвестным мне существом, и мы очутились в пространстве. Я вдруг прозрел: была глубокая ночь, и никогда, никогда еще не было такой темноты! Мы неслись в пространстве уже далеко от земли. Я не спрашивал того, который нес меня, ни о чем, я ждал и был горд...» [С. 429]; «...совершалось все так, как всегда во сне, когда перескакиваешь через

пространство и время и через законы бытия и рассудка, и останавливаешься лишь на точках, о которых грезит сердце... И вот я в руках существа, конечно не человеческого, но которое *есть*, существует: «А, стало быть, есть и за гробом жизнь!», – подумал я с странным легкомыслием сна, но сущность сердца моего оставалась со мною во всей глубине: «И если надо *быть* снова, – подумал я, – и жить опять по чьей-то неустрашимой воле, то не хочу, чтоб меня победили и унизили!» – «Ты знаешь, что я боюсь тебя, и за то презираешь меня», – сказал я вдруг моему спутнику, не удержавшись от унижительного вопроса, в котором заключалось признание, и ощутив, как укол булавки, в сердце моем унижение мое. Он не ответил на вопрос мой, но я вдруг почувствовал, что меня не презирают и надо мной не смеются, и даже не сожалеют меня и что путь наш имеет цель неизвестную и таинственную и касающуюся одного меня» [С. 429–430], «...И вдруг какое-то знакомое и в высшей степени зовущее чувство сотрясло меня: я увидел вдруг наше солнце! Я знал, что это не могло быть *наше* солнце, породившее *нашу* землю, и что мы от нашего солнца на бесконечном расстоянии, но я узнал почему-то, всем существом моим, что это совершенно такое же солнце, как и наше, повторение его и двойник его. Сладкое, зовущее чувство зазвучало восторгом в душе моей: родная сила света, того же, который родил меня, отозвалась в моем сердце и воскресила его, и я ощутил жизнь, прежнюю жизнь, в первый раз после моей могилы» [С. 430].

«...И мой спутник указал мне на звездочку, сверкавшую в темноте изумрудным блеском. Мы неслись прямо к ней» [там же]; «...Но спутник мой уже оставил меня. Я вдруг, совсем как бы для меня незаметно, стал на этой другой земле в ярком свете солнечного, прелестного, как рай, дня... О, все было точно так же, как у нас, но, казалось, всюду сияло каким-то праздником и великим, святым и достигнутым, наконец, торжеством... И, наконец, я увидел и узнал людей счастливой земли этой. Они пришли ко мне сами, они окружили меня, целовали меня. Дети солнца, дети своего солнца, – о, как они были прекрасны!... О, я тотчас же, при первом взгляде на их лица, понял все, все! Это была земля, не оскверненная грехопадением, на ней жили люди не согрешившие,

жили в таком же раю, в каком жили, по преданиям всего человечества, и наши согрешившие прародители, с тою только разницею, что вся земля здесь была повсюду одним и тем же раем... они, зная столь много, не имеют нашей науки... Но знание их было глубже и высшее, чем у нашей науки; ибо наука наша ищет объяснять, что такое жизнь, сама стремится осознать ее, чтобы научить других жить; они же и без науки знали, как им жить, и это я понял, но не мог понять их знания» [С. 432–433]; «...Порою я спрашивал себя в удивлении: как могли они, все время, не оскорбить такого, как я, и ни разу не возбудить в таком, как я, чувства ревности и зависти?» [С. 433]; «...У них была любовь и рождались дети, но никогда я не замечал в них порывов того жестокого сладострастия, которое постигает почти всех на нашей земле, всех и всякого, и служит единственным источником почти всех грехов нашего человечества» [С. 433–434]; «...Скорби, слез при этом я не видал, а была лишь умножившаяся как бы до восторга любовь, но до восторга спокойного, восполнившегося, созерцательного... У них не было храмов, но у них было какое-то насущное, живое и непрерывное единение с Целой вселенной; ...По вечерам, отходя ко сну, они любили составлять согласные и стройные хоры... Да и не в песнях одних, а, казалось, и всю жизнь свою они проводили лишь в том, что любовались друг другом. Это была какая-то влюбленность друг в друга, всецелая, всеобщая... Я часто говорил им, что... я предчувствовал всех их и славу их в снах моего сердца и в мечтах ума моего, что я часто не мог смотреть, на земле нашей, на заходящее солнце без слез... Что в ненависти моей к людям нашей земли заключалась всегда тоска...» [С. 434–435]; «...Пусть это сон, но все это не могло не быть. Знаете ли, я скажу вам секрет: все это, быть может, было вовсе не сон! Ибо тут случилось нечто такое, нечто до такого ужаса истинное, что это не могло бы пригрезиться во сне... О, судите сами: я до сих пор скрывал, но теперь доскажу и эту правду. Дело в том, что я... развратил их всех!» [С. 436].

«Да, да, кончилось тем, что я развратил их всех! Как это могло совершиться – не знаю, но помню ясно. Сон пролетел через тысячелетия и оставил во мне лишь ощущение целого. Знаю только, что причиною грехопадения был я... Я

заразил собой всю эту счастливую, безгрешную до меня землю. Они научились лгать и полюбили ложь и познали красоту лжи... скоро, очень скоро брызнула первая кровь: они удивились и ужаснулись, и стали расходиться, разъединяться. Явились союзы, но уже друг против друга. Начались укоры, упреки. Они узнали стыд и стыд возвели в добродетель. Родилось понятие о чести, и в каждом союзе поднялось свое знамя. Они стали мучить животных, и животные удалялись от них в леса и стали им врагами. Началась борьба за разъединение, за обособление, за личность, за мое и твое... Когда они стали преступны, то изобрели справедливость и предписали себе целые кодексы, чтоб сохранить ее, а для обеспечения кодексов поставили гильотину. Они чуть-чуть лишь помнили о том, что потеряли, даже не хотели верить тому, что были когда-то невинны и счастливы. Они смеялись даже над возможностью этого прежнего их счастья и называли его мечтой... как дети, обоготворили это желание, настроили храмов и стали молиться своей же идее, своему же «желанию», в то же время вполне веруя в неисполнимость и неосуществимость его, но со слезами обожая его и поклоняясь ему... и если б кто вдруг им показал его (состояние счастья – Р. В.) вновь и спросил их: хотят ли они возвратиться к нему? – то они наверно бы отказались» [С. 436–437].

Ф. М. Достоевский гениально воспроизводит в предложенном им умственном эксперименте противоречивую историю человечества, приводя в качестве иронического оправдания этой противоречивости следующие аргументы: «...Пусть мы лживы, злы и несправедливы, мы *знаем* это и плачем об этом, и мучим себя за это сами, и истязаем себя и наказываем больше, чем даже, может быть, тот милосердный судья, который будет судить нас и имени которого мы не знаем. Но у нас есть наука, и через нее мы отыщем вновь истину, но примем ее уже сознательно, знание выше чувства, сознание жизни – выше жизни. Наука даст нам мудрость, премудрость откроет законы, а знание законов счастья – выше счастья» [С. 437–438].

Писатель выдвигает свою версию возникновения феноменов унижения и возвышения личности: «...Каждый стал столь ревнив к своей личности, что изо

всех сил старался лишь унижить и умалить ее в других, и в том жизнь свою полагал. Явилось рабство, явилось даже добровольное рабство: слабые подчинялись охотно сильнейшим, с тем только, чтобы те помогли им давить еще слабейших, чем они сами. Явились праведники, которые приходили к этим людям со слезами и говорили им об их гордости, о потере веры и гармонии, об утрате ими стыда. Над ними смеялись или побивали их камнями. Святая кровь лилась на порогах храмов... Но чувство самосохранения стало быстро ослабевать, явились гордецы и сладострастники, которые прямо потребовали всего или ничего. Для приобретения всего прибегалось к злодейству, а если оно не удавалось – к самоубийству. Явились религия с культом небытия и саморазрушения ради вечного успокоения в ничтожестве. Наконец эти люди устали в бессмысленном труде, и на их лицах появилось страдание, и эти люди провозгласили, что страдание есть красота, ибо в страдании лишь мысль. Они воспели страдания в песнях своих» [С. 438]; «...Увы, я всегда любил горе и скорбь, но лишь для себя, для себя, а об них я плакал, жалея их. Я простирал к ним руки, в отчаянии обвиняя, проклиная и презирая себя. Я говорил им, что все это сделал я, я один; что это я им принес разврат, заразу и ложь! Я умолял их, чтоб они распяли меня на кресте, я учил их, как сделать крест!» [С. 439]; «...Знаете, я хотел даже скрыть, вначале, что я развратил их всех, но это была ошибка – вот уже первая ошибка! Но истина шепнула мне, что я *лгу*, и охранила меня и направила. Но как устроить рай – я не знаю, потому что не умею передать словами. После сна моего потерял слова» [С. 440]; «...Главное – люби других как себя, вот что главное, и это все, больше ровно ничего не надо: тотчас найдешь, как устроиться. А между тем ведь это только – старая истина, которую биллион раз повторяли и читали, да ведь не ужилась же! «Сознание жизни выше жизни, знание законов счастья – выше счастья» – вот с чем бороться надо! И буду. Если только все захотят, то сейчас все устроится» [51, С. 441]. Этот вывод заслуживает внимания современных мыслителей.

В очерке «Пушкин» (1880 год) [57, С. 442–459], завершающем «Дневник писателя», Ф. М. Достоевский, за несколько месяцев до своей смерти,

последовавшей 28 января 1881, как бы отчитывается перед духом великого русского поэта – непревзойденным образцом национальной чести России XIX века. Пораженный в январе 1837 года, как и вся передовая Россия, гибелью после дуэли поэта, «невольника чести», Ф. М. Достоевский, по нашему убеждению, каждым своим произведением отзывается на эту трагедию. Он гениально исследует художественными средствами проблему чести и достоинства человека, его унижения и возвышения, которая впервые в русской литературе была отчетливо поставлена именно А. С. Пушкиным. Вспомним в этой связи его эпиграф «Береги честь смолоду» к повести «Капитанская дочка», как и смысл самой этой повести. Вся жизнь великого русского поэта была исполнена служением чести, а сам трагический ее конец – попыткой ее защитить ценой этой же высокой жизни.

Ф. М. Достоевский приводит строфы из поэмы А. С. Пушкина «Цыганы»:

Оставь нас, гордый человек;

Мы дики, нет у нас законов,

Мы не терзаем, не казним.

Писатель подчеркивает, что «Все это, конечно, фантастично, но «гордый-то человек» реален и метко схвачен. В первый раз схвачен он у нас Пушкиным, и это надо запомнить» [С. 445 – здесь и далее по 57].

Ф. М. Достоевский находит у А. С. Пушкина и первое решение «вопроса гордости человека» и более того – продолжает его решения своим художественным творчеством: «...Тут уже подсказывается русское решение вопроса, «проклятого вопроса», по народной вере и правде: «Смирись, гордый человек, и прежде всего сломи свою гордость. Смирись, праздный человек, и прежде всего потрудишься на родной ниве», вот это решение по народной правде и народному разуму. «Не вне тебя правда, а в тебе самом; найди себя в себе, подчини себя себе, овладей собой, и узришь правду. Не в вещах эта правда, не вне тебя и не за морем где-нибудь, а прежде всего в твоём собственном труде над собою. Победишь себя, усмиришь себя – и станешь свободен, как никогда и не воображал себе, и начнешь великое дело, и других свободными сделаешь, и

узришь счастье, ибо наполнится жизнь твоя, и поймешь, наконец, народ свой и святую правду его» [С. 446].

Ф. М. Достоевский подчеркивает решающее значение русской женщины в решении этого вопроса. Он обращается к образу Татьяны Лариной в «Евгении Онегине» как к «апофеозе» русской женщины, которая способна «...пожертвовать обаянием почестей, богатства, светского своего значения, условиями добродетели...» ради своего мужа, «...честного человека, ее любящего, ее уважающего и ею гордящегося...», чтобы «...быть честною женой его...». Она понимает, что «...счастье не в одних только наслаждениях любви, а и в высшей гармонии духа. Чем успокоить дух, если назади стоит нечестный, безжалостный, бесчеловечный поступок (Евгения Онегина – Р. В.)?» [С. 449]. Именно так решает Татьяна, «...с ее высокою душой, с ее сердцем, столько пострадавшим...» [С. 450].

Ф. М. Достоевский верит в свой народ, который «...несомненно уже ощутив своим предчувствием... некоторую дальнейшую, несравненно более высшую цель, чем ближайший утилитаризм, – ощутив эту цель опять-таки, конечно, повторяю это, бессознательно, но, однако же, и непосредственно и вполне жизненно»; «...Мы не враждебно..., а дружественно, с полною любовью приняли в душу нашу гении чужих наций, всех вместе, не делая преимущественных племенных различий, умея инстинктом, почти с самого первого шагу различать, снимать противоречия, извинять и примирять различия, и тем уже выказали готовность и склонность нашу... ко всеобщему общечеловеческому воссоединению со всеми племенами великого арийского рода» [С. 457]; «...Знаю, слишком знаю, что слова мои могут показаться восторженными, преувеличенными и фантастическими. Пусть, но я не раскаиваюсь, что их высказал. Этому надлежало быть высказанным, но особенно теперь, в минуту торжества нашего, в минуту чествования нашего великого гения, эту именно идею в художественной силе своей воплощавшего... Что же, разве я про экономическую славу говорю, про славу меча или науки? Я говорю лишь о братстве людей и о том, что ко всемирному, ко всечеловечески-братскому

единению сердце русское, может быть, изо всех народов наиболее предназначено, вижу следы сего в нашей истории, в наших даровитых людях, в художественном гении Пушкина. Пусть наша земля нищая, но эту нищую землю «в рабском виде исходил благословляя Христос» [57, С. 458–459].

Ф. М. Достоевскому принадлежит множество глубоких мыслей, тонких характеристик чести и достоинства как ключевых феноменов поведения своих героев, в которых он раскрывает причины появления и течения болезней унижения и возвышения ценности человека в обществе. Например, как утверждает В. Ермилов, писатель развивает в своих произведениях «...истину о том, что буржуазное общество означает господство *ординарности*, посредственности, бездарности, что царство денег нивелирует людей и несет с собою *всеобщее понижение способностей...*» [48, С. 59], «уравнение таланта и ничтожества на основе всеобезличивающей власти денег» [48, С. 64], «враждебную человеку нивелировку личностей, вытекающую из власти денег» [48, С. 65], а присущие ему противоречия подавляют человеческую личность.

Вместе с тем, писатель с надеждой изображает «...образ народа, чей характер *искажен* чудовищными муками, унижением; и все же *народ* предстает перед нами, – при всех, часто страшных недостатках, слабостях, пороках людей,... мудрым, сильным, талантливым, обаятельным, призванным к совершенно иной, справедливой, разумной жизни...» [48, С. 37].

Таким образом, Ф. М. Достоевским создана настоящая художественная энциклопедия чести и достоинства человека, и на ее основе – поучительная для всего человечества и каждого человека философия и психология чести и достоинства личности. А это заслуживает значительно большего внимания представителей разных наук – с целью дальнейшего культурно-психологического, аксиопсихологического исследования феноменов чести и достоинства человека в их унижении и возвышении, вследствие чего может быть получена их более точная научная, системная, динамическая, логическая, процессуальная, субъектно-деятельностная характеристика.

1.6. Характеристика чести и достоинства личности в произведениях философов, психологов, педагогов и деятелей искусств

В художественной характеристике феноменов чести и достоинства человека, его унижения и возвышения, осуществленной Ф. М. Достоевским, среди различных ее аспектов, отчетливее всего выступает культурно-психологический, точнее – аксиопсихологический аспект. Он особенно четко представлен в таких произведениях писателя, как «Бедные люди», «Село Степанчиково», «Униженные и оскорбленные», «Записки из мертвого дома», «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Подросток», «Братья Карамазовы» и др. Уникальный материал художника о феноменах чести и достоинства личности требует своей научной интерпретации, т.е. аксиопсихологического объяснения сути данных феноменов, прежде всего, их атрибуции, классификации, систематизации и т. д. Попытки такой интерпретации предпринимались ранее в науке и искусстве.

В этой связи, нельзя не упомянуть о том внимании, которое уделял феноменам чести и достоинства известный американский философ и психолог У. Джемс. Еще в 1892 году он писал в своих «Принципах психологии»: «Добрая или худая слава человека, его честь или позор – это название для одной из его социальных личностей» (заметим, что ученый выделял три «составные элементы» личности: физическую, социальную и духовную – Р. В. [46, С. 82, 85]). Он понимал честь как «своеобразную общественную личность человека» и отмечал, что «...представление, которое складывается о человеке в глазах окружающей его среды, является руководящим мотивом для одобрения или осуждения его поведения, смотря по тому, отвечает ли он требованиям данной общественной среды, которые он мог бы не соблюдать при другой житейской обстановке. Так, частное лицо может без зазрения совести покинуть город, зараженный холерой, но священник или доктор нашли бы такой поступок

несовместимым с их понятием о чести. Честь солдата побуждает его сражаться и умирать при таких обстоятельствах, когда другой человек имеет полное право скрыться в безопасном месте или бежать, не налагая на свое социальное «я» позорного пятна.

Подобным же образом судья или государственный муж в силу своего положения находит бесчестным заниматься денежными операциями, не заключающими в себе ничего предосудительного для частного лица... Всегда и всюду кодекс чести фешенебельного общества возбранял или разрешал известные поступки единственно в угоду одной из сторон нашей социальной личности. Вообще вы не должны лгать, но в том, что касается ваших отношений к известной даме – лгите, сколько вам угодно; от равного себе вы принимаете вызов на дуэль, но вы засмеетесь в глаза лицу, низшего по сравнению с вами общественного положения, если это лицо вздумает потребовать от вас удовлетворения...» [46, С. 85]. Ученый отмечает, что «социальная личность в ее целом стоит выше материальной личности в ее совокупности. Мы должны более дорожить нашей честью, друзьями и человеческими отношениями, чем здоровьем и материальным благополучием» [46, С. 95–96].

У. Джемс связывал честь с самооценкой, которая бывает, по его мнению, двух родов – самодовольства или недовольства собой. Самодовольству соответствуют такие состояния и свойства личности, как гордость, высокомерие, суетность, самопочитание, заносчивость, тщеславие и т. д. Недовольство собой может быть представлено скромностью, униженностью, смущением, неуверенностью, стыдом, унижением, раскаянием, сознанием собственного позора, отчаянием и т. п. [46, С. 86]. Он связывает самодовольство с самоуважением и предлагает известную формулу последней [46, С. 91].

По этой формуле «наше довольство собой в жизни обусловлено всецело тем, к какому делу мы себя предназначим. Самоуважение определяется отношением наших действительных способностей к потенциальным, предполагаемым – дробью, в которой числитель выражает наш действительный успех, а знаменатель – наши притязания:

$$\text{Самоуважение} = \frac{\text{успех}}{\text{притязания}}$$

При увеличении числителя или уменьшении знаменателя дробь будет возрастать. Отказ от притязаний дает нам такое же желанное облегчение, как и осуществление их на деле, и отказываться от притязания будут всегда в том случае, когда разочарования беспрестанны, а борьбе не предвидится исхода» [46, С. 91]. Заметим, что значение этой формулы еще в полной мере не оценено современными психологами и психотерапевтами. На наш взгляд, она может успешно использоваться в целях психологической профилактики как слишком завышенного, так и слишком заниженного самоуважения, а вслед за этим – дисгармонично развитой чести и достоинства личности.

У. Джемс приводит примеры того, как «человек, понявший, что его ничтожество в какой-либо области не оставляет для других никаких сомнений, чувствует странное сердечное облегчение. Неумолимое «нет», полный, решительный отказ влюбленному человеку как будто умеряют его горечь при мысли о потере любимой особы... Как приятно бывает иногда отказаться от притязаний казаться молодым и стройным!... Всякое расширение нашего «я» составляет лишнее бремя и лишнее притязание...» [46, С. 92].

По мнению ученого, значительна роль чести, точнее честолюбия, по мнению ученого, в учебе. Он рассматривает честолюбие как центральный элемент в ряду инстинктивных наклонностей человека, таких как подражание, соперничество, упорство и гордость, которые переходят друг в друга. У. Джемс объединяет эти склонности в одну группу взаимно переплетающихся факторов, названной им побуждением, мотивом честолюбия.

Он отмечает, что гордость и упорство в своих высших и благороднейших формах (хотя наряду с ними существуют и недостойные формы, которые не следует вызывать в детях) играют как в школе, так и вообще в воспитании «важную роль, а для некоторых натур они служат самыми могущественными

побуждениями, заставляющими делать усилия. Задор не надо представлять себе только в его физической форме – в виде любви к дракам. Его можно понимать и как нежелание примириться с мыслью о том, что не можешь преодолеть какие-нибудь трудности. Именно это чувство поддразнивает и подталкивает нас, когда мы слышим рассказ о смелых поступках; оно присуще всякому человеку со смелым и предприимчивым характером» [45, С. 52].

В отличие от так называемой «мягкой педагогики», которая устраняет трудности в обучении детей и лишает их «животворного кислорода напряжения», «часто надо прямо-таки возбуждать задор» у ученика. У. Джемс предлагает пробуждать «в нем задор и его гордость, и он набросится на трудности с той злобой против самого себя, которая является одним из его лучших нравственных свойств. Победа, одержанная при таких условиях, окажется поворотным пунктом в формировании его характера. Она покажет высший предел его способностей и послужит ему затем образцом для подражания самому себе. Учитель, никогда не возбуждающий в своих учениках задора этого рода, упускает одно из лучших средств, которые находятся в его распоряжении» [45, С. 53]. Отметим, что это средство может быть сознательно использовано учителем для достижения успеха, если он хорошо понимает, что каждый ученик имеет свою честь и достоинство.

Вслед за У. Джемсом проблема чести и достоинства личности была поставлена австрийским психиатром А. Адлером в его индивидуальной психологии и психотерапии комплекса неполноценности и превосходства, чему посвящен один из последующих разделов нашей книги [3].

Приведенные труды У. Джемса и А. Адлера не могли не повлиять на создание соответствующей атмосферы в западном обществе и на появление определенных этико-психологических систем, в которых учитывается животворный потенциал феноменов чести и достоинства личности. Приведем в качестве примера одну из таких систем. В 1936 году в США вышла книга Дейла Карнеги «Как приобретать друзей и оказывать влияние на людей», которая стала весьма популярной среди широкой публики и специалистов, занимающихся

проблемами улучшения взаимоотношений между людьми, организацией публичных выступлений, деловых переговоров, предотвращением конфликтов и т. д. Сам Д. Карнеги пришел «к способу помочь людям проявить, развить и с пользой для себя использовать многочисленные скрытые и проигнорированные ими ценности» еще в годы учебы в педагогическом колледже, когда ему приходилось преодолевать комплекс неполноценности, более того – даже преодолевать мысли о самоубийстве... Ему помогли в этом занятия красноречием и неожиданные победы в конкурсах по ораторскому искусству [73, С. 3]. Постепенно складывалась определенная система, значение которой выходит, на наш взгляд, за рамки только налаживания человеческих контактов. Рассмотрим кратко предложенные Д. Карнеги идеи, делая акцент именно на аксиологические, ценностные их аспекты, опираясь на их изложение в одной из его книг [73].

Ключевым для системы Д. Карнеги являются следующие положения: «В своих взаимоотношениях с людьми не забывайте, что имеете дело не с логично рассуждающими созданиями, а с созданиями эмоциональными, которые исполнены предрассудков и двигаются в своих поступках гордыней и тщеславием» [с. 5 – здесь и далее по 73].

Д. Карнеги приводит в этой связи слова профессора Джона Дьюи о том, что глубочайшим стремлением, которое присуще человеческой природе, является «желание быть значимым», и Уильяма Джемса – что «глубочайшим свойством человеческой природы является страстное стремление людей быть оцененными по достоинству» [С. 6]. К этому же ряду ключевых положений Д. Карнеги относит утверждение Чарльза Шваба относительно самого себя: «Самым ценным своим качеством я считаю умение вызывать у людей энтузиазм и развивать то, что есть лучшего в человеке посредством признания его достоинства и поощрения.

Ничто другое так сильно не бьет по честолюбию человека, как критика со стороны начальников. Я никого никогда не критикую. Я верю в действенность поощрения человека на работе. Поэтому мне очень хочется хвалить людей, и я

терпеть не могу их ругать. Если мне что-то нравится, то я чистосердечен в своей оценке и щедр на похвалу» [С. 7].

Автор системы, которая несомненно основана на возвышении и утверждении чести и достоинства человека, указывает также, в качестве примера, на один из секретов успеха Рокфеллера в отношениях с людьми – на его умение искренне ценить их. Он говорил: «Мы поддерживаем физическое состояние наших детей, друзей и служащих, но как редко мы поддерживаем их самоуважение! Мы даем им жареное мясо с картофелем для поддержания их сил, но мы не заботимся о том, чтобы выразить им добрые слова признания, которые, подобно музыке утренних звезд, будут звучать в их памяти на протяжении долгих лет» [там же].

Д. Карнеги приводит также слова Эмерсона: «Каждый человек, которого я встречаю, в каком-то отношении превышает меня, и в этом смысле я могу у него поучиться», – и делает из них следующий вывод: «Если это было справедливо по отношению к Эмерсону, то, вероятно, это еще в тысячу раз справедливее по отношению ко мне и к вам. Давайте перестанем думать о собственных достижениях, о своих желаниях. Попробуем оценить положительные стороны других людей. После этого забудем о лести. Честно и искренне высказывайте свое одобрение. Будьте «искренни в своей оценке и щедрны на похвалу», и люди будут в памяти хранить ваши слова, дорожить ими и повторять их в течение всей жизни – повторять через много лет после того, как вы их уже забудете» [С. 8].

Но одновременно, как замечает Д. Карнеги, не следует забывать и о себе и здесь поможет мудрый совет Элберта Хаббарда, который нужно не просто прочесть, но и применить на практике: «Всегда, когда вы выходите из дома, подтяните подбородок, держите высоко голову и наполните легкие воздухом; жадно впитывайте солнечный свет», приветствуйте своих друзей улыбкой и вкладывайте душу в каждое рукопожатие. Не бойтесь, что вас неправильно поймут, и не теряйте ни минуты на размышления о своих врагах. Попробуйте твердо решить в уме, что вы хотите сделать, а потом, не отклоняясь, двигайтесь прямо к цели. Думайте о больших и замечательных делах, которые вы хотите

осуществить, и тогда со временем вы откроете, что бессознательно хватаетесь за все возможности, необходимые для выполнения вашего желания... Мысленно нарисуйте перед собой портрет того одаренного, серьезного и процветающего человека, которым Вы хотите быть, и ваши мысли время от времени будут превращать вас в такого человека. Мысль – величественная сила. Сохраняйте надлежащее душевное состояние – будьте всегда мужественными, искренними и в хорошем настроении. Правильно мыслить – значит создавать. Все осуществляется через желания, и каждая искренняя просьба выполняется. Мы становимся похожими на то, к чему влекут нас наши сердца. Держите подбородок подтянутым, а голову высоко. Потенциально каждый из нас мог бы стать богом» [С. 14].

Исходя из этих положений, Д. Карнеги предлагает шесть правил, соблюдение которых позволит выразить свое восхищение честью и достоинством людей и понравиться им [С. 17]:

1. Искренне интересуйтесь другими людьми.
2. Улыбайтесь.
3. Помните, что имя человека – это самый сладкий и самый важный для него звук на будь-каком языке.
4. Будьте хорошим слушателем, поощряйте других говорить о самих себе.
5. Говорите о том, что интересует вашего собеседника.
6. Внушайте вашему собеседнику сознание своей значимости и делайте это искренне.

Этот список может быть дополнен двенадцатью более конкретными рекомендациями технологического плана, соблюдение которых, по мнению Д. Карнеги, позволит склонить людей к вашей точке зрения [С. 20]:

1. Единый путь победить в споре – это уклониться от него.
2. Проявляйте уважение к мнению вашего собеседника. Никогда не говорите человеку, что он не прав.
3. Если вы не правы, признайте это быстро и решительно.
4. С самого начала придерживайтесь дружелюбного тона.

5. Заставьте вашего партнера по общению сразу же ответить вам «да».
6. Пусть значительную часть времени говорит ваш собеседник.
7. Пусть ваш партнер по общению полагает, что данная мысль принадлежит ему.
8. Искренне старайтесь смотреть на вещи с точки зрения вашего собеседника.
9. Относитесь сочувственно к мыслям и желаниям других.
10. Ищите благородные мотивы.
11. Драматизируйте свои идеи, подавая их эффектно.
12. Бросайте вызов, хватайте за живое.

Чтобы влиять на людей в процессе общения, не оскорблять их честь, не вызывать у них чувство обиды, а возвышать их достоинство, Д. Карнеги предлагает придерживаться следующих девяти советов [С. 22]:

1. Начинайте с похвалы и искреннего признания достоинств собеседника.
2. Указывайте на ошибки других не прямо, а вскользь.
3. Вначале поговорите о собственных ошибках, а потом уже критикуйте своего партнера по общению.
4. Задавайте собеседнику вопросы вместо того, чтобы ему что-то приказывать.
5. Давайте людям возможность спасти свой престиж.
6. Выражайте людям одобрение по поводу малейших их удач и отмечайте каждый их успех. Будьте искренни в своей оценке и щедры на похвалу.
7. Создавайте людям добрую репутацию, которую они будут стараться оправдать.
8. Прибегайте к поощрениям. Старайтесь вызвать впечатление, что ошибка, которую вы хотите видеть исправленной, легко исправляется: делайте так, чтобы то, к чему вы побуждаете людей, казалось им нетрудным.
9. Стремитесь к тому, чтобы люди были рады сделать то, что вы предлагаете.

Отдельные правила рекомендуются Д.Карнеги тем, кто хочет сделать семейную жизнь счастливее [С. 22–23]:

1. Не надо придирааться.
2. Не пытайтесь переделать своего супруга.
3. Не критикуйте.
4. Выражайте друг другу свою искреннюю благодарность.
5. Показывайте друг другу небольшие знаки внимания.
6. Будьте любезны.
7. Прочитайте хорошую книгу о сексуальной стороне супружеской жизни.

В конце этого короткого очерка об этико-психологической, аксиопсихологической системе улучшения межличностных отношений приведем следующие слова Д. Карнеги: «Много лет назад я прочитал небольшую книгу, которая оставила неизгладимый след в моей жизни. Она называлась «Как человек думает». Автор ее Джеймс Лейн Аллен, и вот что там сказано:

«Человек обнаружит, что когда он меняет свое отношение к вещам и к другим людям, они тоже меняются относительно него... Как только человек радикально меняет свои мысли, он с удивлением видит, как быстро меняются материальные условия его жизни. Люди притягивают к себе не то, что они хотят, а то, чем они есть... Божество, определяющее наши судьбы, находится в нас самих. Оно – это ваша настоящая сущность... Все, чего человек достигает, является прямым результатом его собственных мыслей. Человек способен подняться, одержать победу и достичь успеха, только возвышая свои мысли. Он может остаться слабым, жалобным и несчастным, если откажется возвысить свои мысли».

Так будем бороться за наше счастье!» [73, С. 25].

Не вызывает сомнения, что сформулированные Д.Карнеги и его женой еще семьдесят лет назад морально-психологические установки по улучшению межличностных отношений имеют очевидное психопрофилактическое значение, поскольку заранее устраняют факторы возникновения проблемных,

конфликтных, в частности, суицидальных ситуаций, внутриличностных и межличностных кризисов и нормализуют взаимоотношения между людьми. Поэтому многие элементы системы Д. Карнеги вошли в практику работы современных консультантов и психотерапевтов. Психологическое значение аксиологической системы Д. Карнеги для утверждения чести и достоинства личности и профилактики и преодоления деструктивных тенденций во взаимоотношениях между людьми не вызывает сомнений.

В отечественной художественной литературе тридцатых годов прошлого века также прозвучал, но остался незамеченным до сих пор (!) призыв к обществу повернуться лицом к проблеме чести и достоинства человека. Мы имеем в виду последнюю повесть выдающегося украинского педагога и писателя А. С. Макаренко «Честь» (1937–1938 гг.) [100, С. 7–308], которую он планировал переделать позже в роман.

Приведем последовательно те фрагменты текста повести, в которых автором используются термины чести и достоинства и тем самым раскрывается их понимание. Это следующие фрагменты: «...отвечали с достоинством» [100, С. 11]; «-...Какая честь тебе в том: сидишь и надуваешься!» [С. 21]; «-...Вы думаете, у меня действительно никакой чести нет?» [С. 22]; «...товарищи считали долгом чести...» [С. 29]; «...ответить с таким же достоинством...» [С. 32]; «...мы чествуем...», «-...Честь имею!», «-...Честь у тебя должна быть, а у тебя есть честь? – Честь у меня, Алексей Семенович (обращение к одному из главных героев повести – Р. В.), всегда была. Была честь куска хлеба не есть. А теперь тоже не без чести: если поймаю кого, по чести и поблагодарю» [С. 64]; «...все было ясно: главное и первое – дисциплина и война, его человеческая честь, его достоинство и уважение к себе... И Алеша привык гордиться этой своей гордостью и привык взнуздывать себя, когда начинали гулять нервы» [С. 73]; «-...Как у вас дело с честью обстоит? – С какой честью? – С обыкновенной человеческой честью? – Не понимаю...» [С. 75]; «-...а не будешь знать, какая бывает рабочая честь...» [С. 85]; «-...Не нужно нам таких, чересчур честных...» [С. 86]; «...и... долг свой выполнил честно, а вышло действительно деваться

некуда...» [С. 97]; «- Да. Раз офицер, должен себя поддерживать, честь должен сохранять. – Честь? Что же это за такая глупая честь?» [С. 100]; «...святую обязанность все наши помышления и силы отдать на дело скорейшего возрождения и восстановления славного русского воинства и воинской чести у истинно преданных родине сынов ее...» [С. 107]; «-...С кем имею честь?» [С. 108]; «-...единственные люди, которые еще не потеряли чести, которые могут еще попытаться спасти родину, – это офицеры...» [С. 110]; «-...Я боюсь, что при помощи остроумия вам не удастся прикрыть недостаток чести!» [С. 111]; «-...Ваша честь... господа офицеры, продана...!» [С. 112]; «-...какая там честь!» [С. 113]; «-Таких гостей провожали с честью!» [С. 142]; «...подошел,...отдал честь» [С. 161]; «И вот сейчас народ поднял честное свое трудовое лицо и требует справедливости» [С. 192]; «-...я хочу почувствовать, как может обыкновенный человек жить с честью...» [С. 204]; «-...в этом, понимаете, больше достоинства и, как бы это сказать... чести, чем... вы же понимаете» [С. 228]; «-...А я тебе скажу: честь имею явиться!» [С. 230]; «-...У меня, думаешь, чести нет?» [С. 236]; «В чем здесь дело? Может быть, в нервах, а может, вот в той самой чести, к которой Степан относится, собственно говоря, индифферентно...

В представлении Алеши и победа крепко связывалась с вопросом о цене человека... Человек должен быть здоровым во всех отношениях, в том числе и в нравственном, в том числе и в своем достоинстве, – вот и все» [С. 239]; «А может быть, достоинство и должно заключаться в том, чтобы искать для себя достойное поле сражения? Не смешно ли было ему, Алеше, сочинять для себя достоинство, смысл которого был так наивен: защищать бесцельность и пустоту своего героизма?» [С. 242]; «-...Этот про свою честь думает, сдохнет, а не уступит...» [С. 243]; «...новые начала достоинства...» [С. 245]; «-...Если ты с народом идешь, тогда можно гордиться, и честь тогда у человека...» [С. 253]; «-...Но русские люди остаются русскими, а они вовсе не безразличны к чувству чести. А у кого чувство национальной чести стоит на первом плане, за теми и пойдет народ. Вот видите, нас десять офицеров, десять людей, которые не так

легко расправляются с честью, и за нами народ уже идет. Один полк, один полк, ощущающий честь, сильнее и благороднее какой-угодно толпы, рвущейся к так называемому счастью. Это потому, что честь выше счастья. Я уж не знаю, как это располагается на ступенях культуры, но это очень высоко, а для некоторых даже и недоступно высоко... (утверждение полковника Троицкого – Р. В.)» [С. 304]; «- А о чести, поверьте, я больше вашего знаю. Я был в боях, был ранен, контужен. Я знаю, что такое честь, господин Троицкий. Честь – это как здоровье, ее нельзя придумать и притянуть к себе на канате, как это вы делаете. Кто с народом, кто любит людей, кто борется за народное счастье, у того всегда будет и честь. Решение вопроса чрезвычайно простое (слова Алексея Семеновича Теплова – Р. В.) [100, С. 306].

Повесть «Честь» можно считать своеобразным педагогическим и гражданским итогом жизни А. С. Макаренка, определенным программным пониманием им перспективы развития общества. Заметим, что повесть вышла в СССР в то время, когда происходило тотальное унижение чести и достоинства личности в масштабах целой страны.

Знаменательно, что в это же время выдающийся польский педагог Я. Корчак выдвигает свое принципиальное положение о «Праве ребенка на уважение» в одноименной книге (сравните это с известным нравственным постулатом А. С. Макаренка: «Как можно больше требовательности к человеку и как можно больше уважения к нему») с семью принципами – «Уважайте: 1) Незнание ребенка; 2) Труд его познания; 3) Его неудачи и слезы; 4) Его собственность и бюджет, 5) Его тайны и отклонения в тяжелой работе роста; 6) Сегодняшний день, текущий час и каждую отдельную минуту жизни ребенка; 7) Уважайте, если не почитайте, чистое, ясное, непорочное святое детство!» [84, С. 14–22]. В этой книге Я. Корчак показывает возвышающее, развивающее действие таких человеческих качеств ребенка, как чувство гордости, уважения, восхищения, почтения к большому, сильному, взрослому, к святыням гордого разума, к уму, знаниям, смекалке и т. п. Он призывает взрослых не пренебрегать детьми, не применять по отношению к ним свое высокомерие, недоверие,

снисходительность, презрение, неприязнь, подозрение, обвинение, запрещение, принуждение и другие унижающие, разрушающие детскую психику действия [84, С. 4–14].

Удивительно, что таким же своеобразным педагогическим завещанием, как для А. С. Макаренка повесть «Честь», стало для Я. Корчака его последнее произведение «Слава» [84, С. 448–475]. В основу его сюжета польский педагог и писатель положил создание детьми «Союза рыцарей чести» – со специальным уставом и обязательным его выполнением. Исследователи вполне обоснованно подчеркивают главную мысль педагогики Я. Корчака – «Ребенок равный нам – ценный – человек» [84, С. 485].

Показательно, что именно Я. Корчак всей жизнью показал, до какой степени самоотверженно нужно любить детей – и не только в своих произведениях, но и в реальности – он не бросил своих учеников в беде и вместе с ними пошел на смерть в фашистском концлагере Трешлинка...

Такую же принципиальную позицию занимает и выдающийся украинский педагог В. А. Сухомлинский, который обозначил ее уже в названии своей известной статьи «Человек – высшая ценность» (1970 г.). Он фактически предложил систему педагогического возвышения личности ребенка, ее чести и достоинства, в процессе всестороннего, умственного, нравственного, патриотического, альтруистического, трудового, эстетического, эмоционально-чувственного, физического ее развития – на основе любви к ребенку и обеспечения его счастья [167; 169].

Подобные взгляды высказывают в последнее время многие украинские психологи и педагоги – В. Г. Кремень, И. А. Зязюн, С. У. Гончаренко, И. Д. Бех, Г. А. Балл, В. А. Моляко, С. Д. Максименко, Н. Г. Ничкало, В. Г. Панок, Н. В. Чепелева, З. С. Карпенко, В. В. Крыжко, И. П. Маноха, В. Ф. Моргун, Э. А. Помыткин, М. И. Варий, А. В. Фурман и др. Продуктивно работают в этом направлении российские психологи А. Г. Асмолов, Л. П. Буева, В. И. Гарбузов, польский педагог Я. Зимний др.

Остановимся, в этой связи на взглядах Санкт-Петербургского психотерапевта В. И. Гарбузова, который в своей монографии «Инстинкт и судьба человека» (2006 год) [35] наиболее отчетливо среди российских психологов показал исключительную роль феноменов чести и достоинства в жизни человека. В предложенной им «фундаментальной психологии» рассматриваются такие глубинные истоки психики, индивидуальности, как инстинкты (от латин. *instinctus* – побуждение).

Среди восьми базовых инстинктов – свободы, агрессивности, доминирования, исследовательского, самосохранения, продолжения рода, сохранения достоинства, альтруизма, сексуальности – только два, то есть инстинкты альтруизма и сохранения достоинства, характеризуют духовную сущность человека. Более того, как отмечает автор теории, «Без сохранения достоинства человек – не личность» [35, С. 7]. Вспомним, что и У.Джемс также связывал свое представление о социальной личности именно с инстинктом чести, честолюбием, с побуждениями честолюбия [45; 46].

Знаковым является утверждение В. И. Гарбузова о том, что именно с появлением инстинкта сохранения достоинства филогенетически и онтогенетически начинается настоящий человек: «Когда же антропоид созрел до восприятия инстинкта сохранения достоинства, ему были дарованы основы практического разума, и он стал *Homo sapiens* – неантропом (человеком!), и это был «кроманьонец», приобретший физический облик современного человека, но не ведавший альтруизма, а потому не имевший «души» [тут и далее – по 35, С. 11].

Чудо возникновения человека, генетический скачок преобразования кроманьонца в настоящего человека произошли, по убеждению В. И. Гарбузова, 8 тысяч лет назад – именно тогда, когда возникли «духовные инстинкты – сохранения достоинства и альтруизма» [С. 64]. Ученый несколько раз повторяет именно эту дату – 8 тысяч лет назад, которая, по мнению ряда российских и украинских историков и археологов, совпадает с историческим периодом

появления и расцвета трипольской культуры и первого в мире государства Аратта [187].

Вот как В. И. Гарбузов реконструирует этот исторический момент: «...«кроманьонец» – Homo sapiens – познал переживания, связанные с актуализацией инстинкта сохранения достоинства. Возникла личность! Возникли личностные притязания. Это был уже неантроп. Он познал зависть к сородичу, более сильному, удачливому, и ненависть к оскорбившему, унизившему его. Боевая дубина стала решать межличностные конфликты внутри рода, племени. Резко усложнились взаимоотношения, иерархия не только в доминировании, но и в ранге достоинства, достижений, возникла потребность в славе, в уважении, в сохранении чести, в праве на отличие во внешних атрибутах раскраски, одеяний, в вооруженности, в ритуалах и обрядах, в оттенках сохранения достоинства» [С. 109].

В. И. Гарбузов утверждает, что инстинкт сохранения достоинства у ребенка питается любовью матери: «От матери, если она любит ребенка, уделяет ему много внимания, восхищается им, исходит энергетика, питающая инстинкт сохранения достоинства. При этом достоинство формируется естественно, оно здоровое. Оно – спокойное и естественное, оно – достоинство истинного аристократа. Достоинство, сформированное без любви матери, или богатством, знатностью, успехами, трансформируется в гордыню, оно – больное, оно – от комплексов. Любовь матери формирует достоинство полное, цельное, и все другие влияния на него, в том числе суетные, уже не исказят это истинное достоинство.

А достоинство в человеке не только основное мерило того, личность он или не личность, не только основное условие его достойной судьбы, но и необходимое условие развития альтруизма, развития у него инстинкта альтруизма, а с этим – и гармоничности инстинктивной сферы. А если у него подавлен инстинкт сохранения достоинства, подавлен и инстинкт альтруизма, искажены проявления инстинктов свободы, исследования, агрессивности,

самосохранения и продолжения рода? Ребенок в таком случае не реализует дарованный ему потенциал» [С. 70].

В этом месте мы можем добавить, что В. И. Гарбузов стоит лишь в одном шаге от прямого признания указанного потенциала чрезвычайной ценностью личности, который выступает в качестве основы самого достоинства – когда ребенок осознает свою уникальную социальную и индивидуальную ценность. А это действительно является настоящим ценностным «ключом» развития всей личности человека. Несмотря на то, что ученый не обращается непосредственно к толкованию ценностно-рефлексивно-креативной основы достоинства, он в целом правильно понимает его огромное значение для филогенетического и онтогенетического становления личности.

В пределах своей оригинальной концепции инстинктов как ядра фундаментальной психологии ученый предлагает соответствующую типологию личностей на основе доминирования того или иного инстинкта. Таким образом среди 8 их типов он выделяет так называемый «дигниофильный» (от лат. *Dignitas* – достоинство) тип и дает ему исчерпывающую характеристику. В предложенном им далее так называемом «инстинктивном профиле личности» инстинкт сохранения достоинства чаще всего занимает первую верхнюю позицию в иерархии инстинктов, а в других случаях – не может опускаться ниже пятого уровня.

Для случая, когда инстинкт сохранения достоинства занимает в типологической иерархии высшую позицию и тем самым характеризует «дигниофильный» профиль, такой личности присущи определенные признаки [С. 103–105]: «Инстинкт сохранения достоинства – высший инстинкт развития «Я», индивидуализма. Он более всего характеризует человека как личность и по праву может быть назван «инстинктом сохранения личности». Если бы профилям личности присваивали «титул», то это был бы «дворянский, графский инстинкт». У викингов чисто дигниофильными качествами обладали «орлы», хозяева боевых драккаров (кораблей), владельцы прославленных мечей. Это были абсолютно «маскулинные» люди, бесстрашные, гордые, свободные, и если

они относились к «доминантным», – это были безупречные вожди, а если – рядовые, то верные клятве, как своему мечу...

Инстинкт продолжения рода у них свят, а дети – гордость, надежда, бессмертие «дигнифильного». Дети для «дигнифильного» – это он сам в своих предках и в своих потомках» [С. 103–104].

В. И. Гарбузов выделяет определенные тенденции проявления инстинкта сохранения достоинства в генетической программе «дигнифильного» типа личности, например: «Честь и достоинство – превыше всего!», щепетильность в отношении к личной и родовой чести, бескомпромиссность и бесстрашие в вопросах сохранения достоинства; аристократизм в поведении и благородство помыслов; презрение к приспособленчеству; склонность к аскетизму, интравертивности (замкнутости); безукоризненность внешнего облика; верность долгу, клятве, присяге.

При этом, в связи с альтруизмом, инстинкт сохранения достоинства порождает феномен «башни достоинства»; в соединении с доминированием – тенденцию к сохранению достоинства и чести перед любым человеком и в любых условиях. «Дигнифильный» отвергает социально-статусное доминирование и равнодушен к власти; ему присуща потребность в самоактуализации, в самостоятельности и независимости мышления, без чего не может быть настоящего достоинства. Ему свойственна агрессивность в защите и сохранении собственного достоинства; святым для него является сохранение бессмертия родовой чести. Принципиальным для «дигнифильного» является приоритет «Я» и родовой чести над потребностью в адаптации, приоритет чувства над рационализмом; оптимизм уверенной в себе и неустранимой личности; приоритет императива «надо» – ответственности и долга; равнозначность прошлого, настоящего и будущего с позиций сохранения достоинства; отношение к себе – с верой в себя и с достоинством, а к другим – благожелательное, но отгороженное, выборочное в общении при жестком разделении людей на «благородных, порядочных, сохраняющих достоинство вопреки всему и уважающих достоинство других, и на «потерявших

достоинство», на «попирающих достоинство других» с отнесением последних к своим «врагам». Их отношение к жизни – оптимистическое, но весьма сдержанное и аскетическое, безразличное к материально-бытовым благам, социально-статусному самоутверждению, к чувственным удовольствиям и т. п. [С. 104–105].

В. И. Гарбузов, как психотерапевт, дает, на основе собственного многолетнего профессионального опыта, тонкую и точную, чрезвычайно полезную для практических психологов и социальных педагогов характеристику «дигниофильного» типа личности. По его убеждению, для этого типа свойственны почти акцентуированные черты характера: «Инстинкт достоинства – высшее производное от инстинкта «Я», но он настолько специфичен, что для сохранения индивидуальности он отвергает физическое самосохранение и личное благополучие... Его девиз прямо противоположен девизу самосохранения и гласит: «Сохранение любой ценой чести и достоинства!...В профессии они («дигниофильные» – Р. В.) ищут достоинство, не терпят постоянного контроля, опеки, группирования... И все «дигниофильные» избегают политики, бизнеса, карьеры и всего, от чего пахнет нечистоплотностью в делах и жадой наживы. Поэтому среди них много несостоявшихся в социально-статусном самоутверждении, но несостоявшихся – по мнению других, а не по их собственной оценке своих достижений.

«Дигниофильные» – как «инопланетяне» среди людей, как «особая раса». Они – «избранный народ». От них так и веет чуждостью. Рядом с ними неуютно. Так бывает, когда в привычном круге обычных поселяется «необычный». Он безупречен, но всем становится легче, когда он исчезает.

И у «дигниофильных» – «все не так». Интеллект служит приспособлению к жизни. А у них – отгороженности от нее. Они интравертивны, флегматичны, чужды прагматизму, рассудочности, логичности и осторожности, терпеливости. Но они чужды импульсивности, непредсказуемости. Они не возбудимы, не агрессивны, как холерики, и генетически чужды сангвиничности.

Они не прощают оскорбившему их, хотя способны в раскаянию. Они способны к добру, но презирают слабых... У них два самых принципиальных чувства: восхищение героями и презрение к трусливым. Для них стыдно – это испытывать страх и слабость – духовную и физическую. Для них непоколебима верность слову, договоренности и присяге. Больше всего их раздражает хитрость...

«Дигнитофильные» узнают себя в вопросе: «С раннего детства вы отличались тем, что не терпели грубого или пренебрежительного отношения к себе, малейших попыток унижить вас и считались гордецом?»

Инстинкт сохранения достоинства можно назвать «инстинктом благородства». Он был востребован для всех в первобытном обществе, для воинов, рыцарей – в феодальном обществе и подавляется в капиталистическом обществе. Но, потеряв «дигнитофильных», человечество станет в целом беднее, как обеднеет природа, если исчезнут ее «цари»: львы, тигры и орлы.

Для чего «дигнитофильные» в этом чуждом им мире? А для того, чтобы люди, во многом отказавшиеся от свободы, не потеряли свое достоинство!» [С. 148–152].

Заслуживают внимания и другие черты «дигнитофильных», рассыпанные по всему тексту книги В. И. Гарбузова. Так, характеризуя их в контексте связи с «исследовательским профилем» личности, он отмечает, что «неотъемлемая способность «дигнитофильного»... – служить истине, сохраняя ее, как свое достоинство и как право на достоинство...». Он подчеркивает, что «нет достоинства без мужества», что «величайшее испытание для «дигнитофильного» – сохранение достоинства его потомками», что «дигнитофильные» суровы и требовательны к своим детям, хотя любят их, как и все отцы, но не прощают им бесчестие», что «...нет другого типа личности по инстинктам, кто так бесстрашно и достойно уходит из жизни. Самое жесткое отношение «дигнитофильного» к чему-то или к кому-то – презрение. «Дигнитофильный» презирает трусость и страх смерти» [С. 177–178].

Интересны приведенные ученым девизы личности с доминирующим инстинктом сохранения достоинства, как «ядра личности», связанным им с другими инстинктами: с инстинктом доминирования – «Честь и достоинство – превыше всего!», с инстинктом самосохранения – «Храни свое достоинство!», с инстинктом альтруизма – «Храни свое достоинство как зеницу ока, но не ущемляя достоинство других» [С. 317]. К этому следует добавить еще один девиз – «Знать во всем меру, быть гибким и, оставаясь абсолютно свободным, властвовать над своей свободой, сохраняя свое достоинство, не становясь рабом своего достоинства» [С. 351–353].

В. И. Гарбузов отмечает также и свое отношение к собственному достоинству, которое предстает как его личное кредо: «Я оптимист. Мое отношение к жизни – отважное. Я жизнелюб. Я отвергаю гордыню и высокомерие...

Я не поступаю своим достоинством и своей свободой, но лучше поступлю ими, чем ущемлю достоинство и свободу других. Я прощаю другим все, что простит им Бог, и я горестно раскаиваюсь во всем без исключения, что сотворил против других» [С. 367].

Эти и подобные им мысли исследователя чести и достоинства приводят его в конце концов к следующему определению личности: «Итак, личность – высшее развитие в человеке его инстинкта сохранения достоинства, проявляющееся в фундаментальной установке этого инстинкта: «честь и достоинство превыше всего, превыше благополучия, безопасности, самоутверждения, личных достижений, превыше самосохранения и самой жизни, выше страха перед смертью». А в целом можно говорить о личности, если человек прожил жизнь, сохранив свою «Самость» – свое лицо, свою честь, свое достоинство, сохранил себя как личность и не дрожал всю жизнь от страха...

Личность – это инстинктивная установка прожить жизнь, не поступаясь достоинством, не будучи поработанным страхом, выполнив свой долг человека перед Богом, людьми, близкими, перед семьей и детьми, избежав одиночества, жгучего стыда и неотмолимого чувства вины. И уйти в урочный час с миром в душе...» [С. 398–399].

Ученый добавляет к этому очень важный тезис: «В Декларации прав человека основополагающий постулат гласит: люди рождаются равными и свободными. Равными – это о достоинстве. И достоинство, свобода – высшие ценности человека и жизни. Нет достоинства без свободы и нет истинной свободы без достоинства. Самое невыносимое для человека – ущемление его достоинства и свободы. Первый крик новорожденного – провозглашение своего достоинства и свободы, он с этим рождается. Истинное самоутверждение человека – в способности отстоять и сохранить свое достоинство и в достижении независимости – свободы. Не достиг этого – не достиг ничего. Человечество, не обеспечившее человеку достоинство и свободу, не имеет права на существование. Один униженный и оскорбленный человек – оскорбленное и униженное человечество. Народ, равнодушный к унижению и порабощению другого народа, как и своего народа, не имеет прав на достоинство и свободу. И, как правило, не имеет ни того, ни другого...

Когда я пишу об инстинкте сохранения достоинства, я пишу об инстинкте, превратившем чудесно животное в человека, познавшего чувства гордости, чести, самоценности и ставшего подобным Богу, победив в себе страх смерти! Инстинкт сохранения достоинства создал человеку как личность!» [С. 403–404].

Как психотерапевт, он отмечает, что потеря достоинства может привести недостойного человека к тяжелым проблемам, к трудноизлечимым болезням. В таком случае болезнь становится платой «за притязания, превышающие возможности их реализации, платой за тщеславие, честолюбие, гордыню. Она расплата за желание быть как все, в то время, как люди отличаются друг от друга по своей природе, адаптивности, склонностям и способностям.

Болезнь может быть результатом терзаний зашедшего в жизненный тупик человека, запоздалого понимания им ложности ценностей, которыми руководствовался, целей, которым следовал...

Болезнь – расплата за чрезмерные... страсти, за озлобленность, за подавляемый гнев и протест, за позволение унижать свое достоинство и ущемлять свою свободу» [35, С. 9].

В. И. Гарбузов лучше среди современных ученых понял значение феноменов достоинства и чести для человека, его развития и жизни. И на это следует обратить внимание теоретическим и практическим психологам, педагогам и социальным работникам, чтобы существенно улучшить свою профессиональную деятельность.

В последние годы в украинской психологии и педагогике разворачиваются исследования достоинства и чести в воспитательном контексте. Мы имеем в виду прежде всего работы академика И. Д. Беха, посвященные изучению роли чувства достоинства и чести в духовном развитии личности [16, С. 17–30]. Исследователь рассматривает прежде всего понятие достоинства человека, видя в нем «ведущую ценность среди высших морально-духовных ценностей, что является обязательным условием личностного продвижения человека». Ученый осмысливает понятие «достоинство» как феномен, который достигает сферы человеческой морали с такими ее базовыми образованиями, как справедливость, уважение к жизни других людей, доброжелательность, благородство и др. Достоинство является традиционной духовной ценностью, однако ее конкретное понимание и роль в развитии личности исторически претерпело существенные изменения» [С. 17 – здесь и далее по 16].

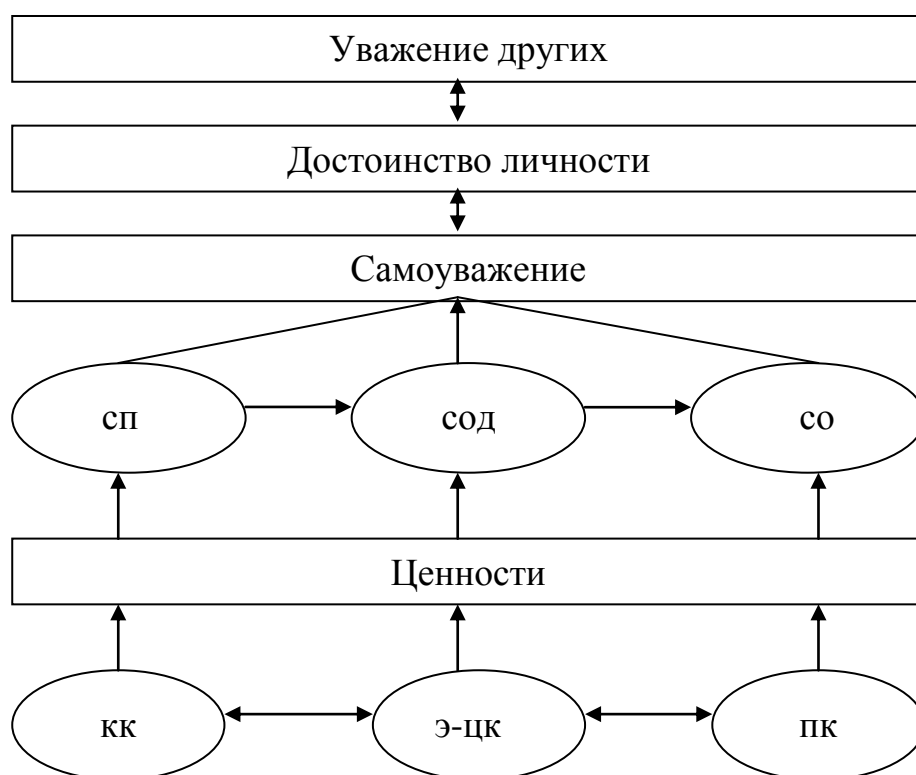
Сущность этих изменений заключается в том, что «постепенно понятие «достоинство» как моральное отношение личности к миру людей и миру вещей трансформировалось в отношение личности к себе, то есть превратилось в самоотношение». Из этого следует научное психологическое определение И. Д. Бехом чувства достоинства, как «...осознания и переживания личностью самой себя в совокупности духовно-нравственных характеристик, вызывающих уважение окружающих» [С. 19].

Важным является рассмотрение ученым уважения со стороны окружения как обратной связи между объектом и субъектом достоинства. «Эту обратную связь можно трактовать как уважение, то есть отношение объекта достоинства к ее субъекту является обязательным в концептуализации чувства достоинства.

Когда объект достоинства не проявляет уважения к субъекту достоинства, он вынужден защищать соответствующими гуманными способами свое право на заслуженное уважение, то есть осуществлять воспитательное воздействие.

Достоинство личности воплощается в осанке, походке, речи. Они формируются под воздействием нашего взаимодействия с социальным пространством, которое может быть пространством уважения или презрения. В воспитании важнее внутреннее измерение чувства достоинства, которое видится в самодостаточности и смысле жизни личности.

Понимание достоинства как отношения личности к себе в контексте ее уважения другими является действенным основанием для раскрытия процесса его воспитания в сущностных показателях. Этот процесс можно представить схематично на рис. 4 [С. 19].

кк – когнитивный компонент;

э-цк – эмоционально-ценносный компонент;

пк – поведенческий компонент;

→ – логика связи

сп – самопознание;

сод – самоодобрение;

со – самооценка;

Рис. 4. Структурная модель воспитания в личности чувства достоинства.

Содержательной основой чувства достоинства является совокупность нравственных характеристик личности, которые должны подняться до ранга соответствующих ценностей как безусловных смыслоутверждающих импульсов морально-духовной активности личности. Процессуальный механизм их формирования состоит в овладении личностью когнитивным компонентом, который должен приобрести субъективную значимость на основе влияния эмоционально-ценностного компонента. В своем единстве эти компоненты содержат знания (понятия) об определенной этической норме и ее желательности для личности и в такой целостности предстают как мотив для соответствующего поступка (реализации поведенческого компонента). Путем практического упражнения этот мотив трансформируется в конкретную морально-духовную ценность» [С. 18–20].

Важно утверждение И. Д. Беха о наличии у субъекта достоинства внутренней деятельности с ценностями, «вектор которой задается фактом отношения личности к себе. Эта внутренняя деятельность проходит следующие этапы:

1) концептуальное познание собственных ценностей личности, вошедших в ее внутренний опыт и ставших мотивационными ориентирами ее духовно-практической деятельности. Ведущим психологическим механизмом для достижения этой цели является *объектная рефлексия* – мышление, которое выделяет определенную ценность из ряда других и превращает ее в непосредственный предмет осмысления...

2) одобрение моральной ценности, наделенной смысловыми преимуществами по сравнению с другими ценностями, которые входят в нравственно-духовные системы личности...

3) развертывание самооценивания личности, содержательным основанием которого является нравственная ценность, осознаваемая личностью на предыдущих этапах. Самооценка как результат процесса самооценивания имеет свою специфику, обусловленную материалом, который подлежит оценке, то есть морально-духовной ценностью. В отличие от обычной самооценки,

которая должна обеспечить объективность измерения личностью собственных возможностей и качеств, морально-духовная самооценка предопределяет, кроме этого, положительно эмоциональное отношение личности к себе» [С. 21].

Что же касается чести, то И. Д. Бех рассматривает ее «в структуре чувства достоинства» как «нравственное отношение личности к миру людей и миру вещей, которое связано с соответствием составляющих «Я-образа» личности и ее профессиональных способностей требованиям общественной деятельности, которая приобретает признаки смысло-жизненного устремления.

Понятия «достоинство» и «честь» разграничиваются, что обусловлено утверждением достоинства не как нравственного отношения, наряду с другими отношениями-ценностями, а как духовного самоотношения (рефлексивной черты, по Б. Г. Ананьеву) [С. 22].

По мнению И. Д. Бега, «исторические факты свидетельствуют об отсутствии оснований для приравнивания традиционной этики чести (даже в современных вариантах, например, профессиональной чести) к этике достоинства, то есть отношения личности к себе. Совокупность конкретных положительных моральных ценностей (в традиционном их понимании), которые культивируются этикой чести, могут быть элементом содержательной основы современной этики достоинства. То есть традиционная этика чести в пределах общественно значимых ценностей, в том числе стремление к славе, величию и власти, является основой воспитания достоинства, а, соответственно, и этики достоинства, как важной составляющей человеческой культуры» [С. 24].

Продолжая свои рассуждения, И. Д. Бех выдвигает важное положение о культуре достоинства как цели личности. По его убеждению, «благородная идея о человеке как наивысшей ценности может реализоваться только в практическом утверждении культуры достоинства, которая понимается как «жизнь личности в соответствии с высшими духовными приоритетами, которые выступают основой его самооценности» [С. 24].

Эта жизнь в культуре достоинства означает, как считает ученый, что содержательной основой достоинства как интегральной ценности становится

мораль благотворительности, которая как некий закон достоинства выполняет функцию регулятора поведения всей жизни человека. «В таком понимании достоинство фигурирует как сверхценность, как морально-духовное образование высшего порядка; все остальные ценности считаются конкретными. Достоинство, как сверхценность, причастна к формированию каждой конкретной ценности, поскольку их смысл связывается с достоинством как сверхмотивом. В речевом выражении это можно представить так: «Я приобретаю ценность-душевность и выполняю соответствующее действие ради моего достоинства. Однако это не означает, что при этом нивелируется мотив безусловной значимости той или иной конкретной ценности. Речь идет только о расширении мотивационной основы конкретных ценностей. Ведь прежде чем формировать чувство достоинства, следует сформировать конкретную ценность, а далее трансформировать ее в достоинство как сверхценность... С расширением содержательного диапазона чувства достоинства и повышением устойчивости оно приобретает возможность непосредственно побуждать личность к овладению конкретной ценностью. Поэтому ценностнопорождающая функция чувства достоинства личности как надценности должна быть согласована с добродетельностью как иерархизированной системой общественно значимых ценностей, диапазон которых определяется ее возрастными психологическими возможностями» [С. 24–25].

И. Д. Бех подчеркивает, «что достоинство как сверхценность, если человек ей решительно предан, является доминантным признаком его личности. В таком статусе достоинство целесообразно трактовать как показатель высшего нравственного самосознания, до которого должна подняться личность» [С. 25–26].

Однако, этическому мировоззрению человека культуры достоинства могут быть свойственны внутренняя противоречивость, напряженность, конфликтность и тогда «достоинство как сверхценность не только оценивается выше других ценностей, но и в некоторых случаях может ставить под сомнение и отрицать другие ценности. Новая моральная траектория, которая связывается

с этикой достоинства, утверждается путем переоценивания существующих ценностей.

Достоинство в высшем духовном статусе не только является стандартом, на основе которого формируется суждение относительно других ценностей, но и часто радикально меняет представления об их общественной значимости, иногда отвергая прежний идеал и клеймя его как искушение. Культура достоинства еще с большей силой освещает лично развиваемые негативы Эго-ценностей, в которые часто «ныряет» современный человек, ограничивая свое развитие удовольствием преимущественно жизненных потребностей» [С. 26].

Ученый выдвигает концепцию культуры достоинства, которая «постулирует сознание и самосознание как психологический источник этого чувства, а его носителя – как рационального деятеля... В этой концепции активность является целесообразнейшей, учитывая морально-духовные цели, реализации которых она должна способствовать. На этом основании субъекта культуры достоинства классифицируют как рационального деятеля. Характеристика рационального деятеля неотделима от его способности к рациональному контролю, что означает постоянное действие ради достижения общественно значимых целей, не попадая в зависимость от исхода конкретных действий. Поэтому основным критерием сформированности субъекта культуры достоинства должна быть его психологическая готовность к рациональному поступку. Рациональность в поступках возвращает ее субъекта в плоскость нравственной рациональности, когда он ориентируется на свои ценностные достояния, которые также обязывают его быть настолько интеллектуально рациональным, насколько это возможно. Именно так должна быть организована жизнь людей в культуре достоинства: быть трудолюбивыми и рациональными в удовлетворении собственных потребностей-ценностей и через личностное совершенствование, которое из этого следует, помогать удовлетворять разумные потребности других.

Человек культуры достоинства – самодостаточная личность. Она полагается только на себя, на свой внутренний зов, а не на других, не на то, что они думают о ней, чего от нее ожидают, чем восхищаются в ней, или что в ней

презирают, за что награждают или наказывают. Воля такого человека не поддается искажениям, зависимости от других и их намерений, она – целостная, независимая» [С. 27].

Поэтому, как отмечает И. Д. Бех, достоинство выступает основой духовной свободы личности, которую ученый предлагает понимать именно как независимость субъекта, как определение им собственных целей без препятствий со стороны внешнего авторитета, как самодетерминации. «Однако до сих пор остается необходимость ответить на вопрос: в каком направлении личность должна себя самодетерминировать, то есть с чем она должна связывать свою свободу. Очевидно, с духовным самоопределением. Это и будет вектором ее личностного развития» [С. 28]. Движущей же силой свободного личностного развития, его системообразующим психологическим фактором как раз и выступает чувство достоинства как самоотношение, как духовная сверхценность. «Ведь она обладает глубинным личностным смыслом, который определяет духовную природу личности, а не только ее ситуационное функционирование. Движущая сила достоинства как источника развития объективируется структурными компонентами этого новообразования: самоуважением и уважением со стороны других... Личность стремится к неограниченному росту в своем достоинстве, расширяя диапазон активности в поступках. Это стремление становится реальным при условии удовлетворения неограниченного желания заслуженного уважения со стороны социального окружения. Такое стремление не является удовлетворением Эго-влечения к славе (как это наблюдается в традиционной этике чести). Это – средство саморазвития для того, чтобы лучше служить людям, принося им всяческую пользу.

Чувства достоинства просвещает силой своего смысла и энергетики все производные от него образования (идеалы, мотивы, стремления и т. п.), наделяя их большей движущей потенцией. Вследствие этого они могут сполна выполнить свое личностно развивающее назначение.

...Чувство достоинства в этой связи должно быть присущим современному человеку, оно не должно терять смысл. Его жизнь в культуре достоинства будет тем духовным течением, которое возвеличит человека как в своих глазах, так и в глазах всего общества, погрузит в пространство свободы и любви» [16, С. 29–30].

Приведенные выше исследования убедительно свидетельствуют о том, что современная психология и педагогика должна более интенсивно ассимилировать и развивать идеи, которые уже не одно столетие провозглашают мировая философия и отечественное искусство, в частности, литература и поэзия. Вспомним в связи с этим имена А. С. Пушкина, Ф. М. Достоевского, Т. Г. Шевченка, Л. Н. Толстого, И. Я. Франка, Л. Украинки, А. П. Чехова, А. С. Макаренка, О. Т. Гончара, П. М. Загребельного и многих других.

Пожалуй, лучшим итогом мыслей и переживаний тех украинских художников, кто поднимал на вершину своего художественного таланта понятие «честь» и «достоинство», можно считать стихотворение современного украинского, одесского поэта Валентина Леонидовича Мороза «И честь Украины...», которым он открывает свой сборник избранных стихов и тем самым придает этим феноменам масштаб идеалов целой страны [111, С. 17]:

От века бытуют в народе
Не громкая фраза, не жест –
А лишь идеалы свободы,
И честь Украины, и честь.

За них через горы и воды
Шли люди, числа им не счесть,
В сердцах – идеалы свободы,
И честь Украины, и честь.

Всю жизнь не корысть, не мода
На труд нас зовут и протест,
А те ж идеалы свободы,
И честь Украины, и честь.

И станет наградой народу –
Нести на Голгофу свой крест,
А там – идеалы свободы,
И честь Украины, и честь...

Итак, как свидетельствуют приведенные данные, проблема чести и достоинства вновь возвращается в психологию и педагогику, она снова становится интересной и нужной для общества и личности, ведь ее понимания и решения требует сама жизнь. Это осознают и работники психологической службы Украины. Ее руководитель, доктор философии в области психологических наук, В. Г. Панок, активно поддерживает проведение исследований в этом направлении и внедрение их результатов в психологическую практику. Тем более, что в последние годы украинские психологи стали лучше понимать, что основной причиной академической неуспеваемости, отклонений в поведении и даже участвовавших случаев суицида среди учащихся выступают различные формы унижения ценности ребенка, его чести и достоинства.

Важно то, что сами дети требуют (в частности, в ответах на вопросы специальных анкет) значительно большего уважения и любви к себе, чем те, на которые способны учителя и родители. Они жалуются, что взрослые часто не ценят их, пренебрегают их личностью, унижают их достоинство и т. д. Они все чаще негативно характеризуют и не принимают традиционную систему обучения с ее фактически репрессивной процедурой оценки знаний, несоизмеримой с ценностью их личности и т. д. Возникает острая потребность в разработке новых теоретических и методологических подходов к пониманию

феноменов чести и достоинства, а фактически – в создании психологии и педагогики чести и достоинства личности. К числу ключевых проблем такой психологии и педагогики относятся вопросы более адекватного научного осознания атрибутики, состояний, динамики феноменов чести и достоинства личности, о чем будет идти речь в следующих разделах книги.

1.7. Диалектика и аксиодинамика чести и достоинства личности в условиях межличностной и внутриличностной аксиопсихологической активности

Представленные выше данные свидетельствуют о важной роли феноменов чести и достоинства в жизни человека и общества. Говоря о психологических характеристиках данных явлений, отметим, что на них переносятся те общие свойства, которые перечислены в разделе 1.2 о ценности и самооценности личности. Вместе с тем, существуют и специфические их признаки, которые целесообразно показать в виде определенной классификации видов чести и достоинства. Итак, можно выделить следующие их виды:

- Национальная честь и достоинство;
- Социальная, ролевая честь и достоинство гражданина, общественного деятеля, политика, руководителя, менеджера и т. п.;
- Личностная, индивидуальная честь и достоинство;
- Профессиональная честь и достоинство работника, офицера, предпринимателя, ветерана труда и т. д.;
- Гендерная – мужчины и женщины, отца и матери, сына и дочери, девушки и юноши – честь и достоинство;
- Возрастная честь и достоинство ребенка, подростка, юноши, молодого и взрослого человека, человека пожилого возраста, пенсионера, честь и достоинство человека старческого возраста и долгожителя.
- Формальная и содержательная честь и достоинство;

- Настоящая и мнимая честь и достоинство;
- Бесчестие и недостойность;
- Открытая и скрытая, демонстративная и замаскированная честь и достоинство;
- Абсолютная и относительная честь и достоинство и т. д.

При этом не следует забывать, что в перечисленных диадах честь характеризует преимущественно социально-психологическую, а достоинство – индивидуально-психологическую сторону этих феноменов.

Аксиопсихологические отношения превосходства, равенства и ничтожества, отображаемые понятиями чести и бесчестия, достоинства и недостойности, пронизывают все отношения человека с другими людьми во всех измерениях – пространственном, то есть вертикальном (выше – ниже) и горизонтальном (равный – неравный), возрастном (старшие – ровесники – младшие), временном (в прошлом, настоящем и будущем, одновременно и последовательно, циклично и равномерно), динамическом, то есть энергетическом (сильный – слабый) и скоростном (быстрый – медленный), результативном (успешный – неудачный) и т. д. Следовательно, имеется определенное аксиопсихологическое пространство и время, в котором сознательно или бессознательно существует личность как субъект и объект ценностного взаимодействия и деятельности.

В целом, можно говорить о диалектике состояний, диспозиций и динамики чести и достоинства, их унижении, уравнивании и возвышении, которые могут быть рассмотрены в определенном общественном и личностном масштабе в широком диалектическом контексте бытия личности – в соответствии с известными законами Гегеля, такими как:

а) единство, борьба и уравнивание аксиологических противоположностей – оценивания и обесценивания личности, возвышения и унижения ценности личности, борьбы и уравнивания ее чести и достоинства в межличностных отношениях, иначе говоря – обеспечение стабильности, устойчивости ценности личности, ее аксиотенция в динамическом равновесии.

б) отрицание отрицания ценности одной личности ценностью иной личности, развитие аксиопсихологической составляющей межличностных отношений, то есть осуществление аксиогенеза личности;

в) переход количественных признаков в качественные в процессе развития и рефлексии субъектом ценности другой личности и самооценности собственной личности, непрерывное усложнение и синергетическое функционирование чувства чести и достоинства личности в их аксиоортогенезе.

Честь и достоинство, как субъективное осознание и переживание личностью своей объективной ценности и самооценности имеют определенные социально-психологические и индивидуально-психологические особенности в их разнообразных параметрах.

Так, по показателю унижения-возвышения некоторые человеческие сообщества и группы традиционно, социально, экономически, политически, нравственно, психологически определенным образом унижают честь и достоинство одних своих членов и чрезмерно возносят других. К числу униженных относятся, особенно в слаборазвитых странах, субкультурные группировки, неустойчивые семьи, бедные люди, а в число возвышенных – особенно в странах с устойчивыми демократическими традициями, политические элиты, художественные круги, христианские общины, счастливые семьи, властные и богатые люди и т. д. Соответственно этому, члены данных противоположных групп имеют или униженную или возвышенную честь и достоинство.

Осознание и переживание своей ценности и самооценности в форме чести и достоинства в значительной степени относительно и зависят от того, на каком уровне общественной иерархии находится человек – или в так называемом «высшем свете», в «Олимпии» (по выражению Ф. М. Достоевского), или в «низшем мире» (мире «подполья» – смотрите у того же писателя). Уровень чести и достоинства человека зависит также от степени непосредственности или опосредствованности нормами, ценностями (материальными или духовными)

определенных кругов общества, от «живого» или «книжного» отношения к жизни человека (человека как вершины природы или «человека из бумажки»).

Социально- и индивидуально-психологические особенности чести и достоинства зависят от стилей общения (авторитарного, демократического, либерального), наличного у человека смысла жизни и перспективных планов, черт характера, рефлексивных способностей (степени осознания или самоосознания своей ценности и самооценности), опыта и мудрости, интеллекта, психофизиологических качеств и т. д.

Честь и достоинство человека могут быть скрыты от окружающих или экспрессивно выражены мимическими (выражение лица, взгляд, улыбка, высокая осанка головы, опущенный или поднятый подбородок и т. п.) или пантомимическими (расположение рук, ног, подтянутость, поза, общая осанка фигуры, грация и др.) средствами, общим видом, одеждой и особенно – интонационными, словесными, смысловыми, индивидуальными особенностями речи, стилем общения, характером поведения, продуктивностью деятельности человека.

Разумеется, о чести и достоинстве личности красноречиво свидетельствуют все психологические и психические процессы и свойства личности, которые могут быть возвышенными или пониженными, раскрытыми или свернутыми. Честь и достоинство личности проявляются в ее особом внимании и памяти, ощущениях и восприятиях, логике мышления и воображения, индивидуальном стиле деятельности и манере поведения, реакциях на события и факты, в уважении и почитании других людей, в этике и эстетике поступков и действий, в положительной, комплиментарной настройке на человека, в особой моторике движений, ритуалах приветствия и прощания, технике возвышения иной личности и самовозвышения, но без излишней амбициозности, превосходства, тщеславия, нескромности и т. д. Чувство чести и достоинства выступают настоящим ключом, регулятором актуализации и самоактуализации творческого, продуктивного потенциала личности, сосредоточенных в ее свойствах как ценностях.

Внешние и внутренние диспозиции и состояния настоящей, нормальной чести и достоинства личности, при всей осознанности ее ценности и самооценности, лишены таких нежелательных аксиологических эмоций, как, с одной стороны, высокомерие, презрение, гордыня, тщеславие, торжество над другими, а с другой – чувство самоуничижения, ничтожества, зависимости, рабства, зависти, ревности, льстивости т. д. Такая личность не кичится, не считает других ниже себя, не надсмехается над другими, не пытается властвовать над душами окружающих, подчинять их себе, позорить, конфузить перед людьми и т. д. Все это вмещается в кодекс чести и достоинства человека, о котором будет сказано далее.

Среди указанных характеристик чести и достоинства личности важнейшими являются, на наш взгляд, динамические их свойства, то есть возвышение, уравнивание и унижение, которые заслуживают более подробного рассмотрения. Заметим, что эти свойства пока ждут своего исчерпывающего освещения в науке, хотя важные сведения о них уже содержатся в существующих источниках. Так, в «Философском словаре» под редакцией И. Т. Фролова понятие «возвышенное» как эстетическая категория выражает «сущность явлений, событий, процессов, имеющих огромную общественную значимость, оказывают влияние на жизнь людей, на судьбы человечества. События и явления, которые оцениваются как возвышенные, эстетически воспринимаются человеком как противостоящие всему низкому и будничному. Возвышенное вызывает в человеке особые чувства и переживания, которые поднимают его над всем ничтожным и посредственным, ведут к борьбе за высокие идеи. Возвышенное тесно связано с прекрасным, являясь воплощением передового эстетического идеала. Особенностью возвышенного (по сравнению с прекрасным) является его принципиальная нацеленность на познание безграничных возможностей и на осуществление грандиозных задач, которые открываются перед человеком в процессе овладения им окружающего мира. При этом предполагается, что масштаб этих возможностей настолько велик, а уровень поставленных задач настолько высок, что их полная реализация – не

мгновенный акт, а результат длительного исторического процесса... В этом смысле возвышенное близко к категории героического. Возвышенное в искусстве проявляется через показ лучших человеческих призваний и дерзаний, а также в решении тех чувств восхищения и вдохновения, которые они вызывают [176, С. 69].

В современном «Философском энциклопедическом словаре» под редакцией В. И. Шинкарука возвышенное также признается эстетической категорией, «которая характеризует эстетическую ценность вещей и явлений, освоенных человеком не практически, а духовно. Обычно речь идет о вещах и явлениях как природного, так и общественного происхождения, которые превосходят могущество и силы человека и требуют от него чрезвычайных, предельных усилий. Чувство возвышенного возникает при условии духовно воображаемого, нравственного преодоления каких-либо значительных, грозных сил природы или общественных явлений, несоизмеримых с силой, энергией и физическими возможностями человека. Если в отношении к прекрасному человек практически свободен, то в отношении к возвышенному свобода имеет только духовный, моральный характер. Духовное преодоление неподвластных человеку явлений создает особое состояние эстетического переживания, которое порождает чувство восторга от радости осознания безграничных возможностей человека» [175, С. 478].

В этом философско-эстетическом определении четко выступают такие аксиопсихологические признаки возвышенного, как ценность, духовность, нравственность, переживания, чувства восхищения и радости, осознание безграничных возможностей человека, универсальность. К сожалению, мы не нашли полного определения альтернативного возвышенному понятия униженного, низкого, хотя частично это понятие все же освещается в контексте указанной характеристики возвышенного как противоположного ему.

Для нас важным является обращение именно к универсальности культурно-психологических атрибутов понятий возвышенного и униженного, возвышения и унижения, подъема и падения. В этом плане полезными являются научные

работы Н. А. Бернштейна об иерархических уровнях построения движений и А. Н. Ткаченко о методологических уровнях психической регуляции. Их идеи помогают лучше представить вероятный психологический механизм осуществления процессов возвышения и понижения ценностного потенциала личности, их общую сущностную психологическую модель.

Так, в исследованиях проблем физиологии активности Н. А. Бернштейном [13] было показано, что построение движений, действий человека осуществляется на четырех иерархических уровнях: А, В, С, Д – в зависимости от сложности решаемых задач. При этом усложняющиеся задачи требуют повышения уровня организации от самого низкого уровня тонуса (А) через уровень мышечно-суставных согласований (В) и уровень пространства (С) до самого высокого уровня действий (Д). Ученым не исключались и более высокие уровни организации сложных действий, собственно деятельности, однако он не оставил описания этих уровней, на которых достигается наилучшее качество деятельности при решении сложных задач.

В исследованиях А. Н. Ткаченко предложена трехуровневая модель осуществления психической регуляции деятельности и поведения субъекта, которая может условно, с целью осуществления общего целостного психологического моделирования процессов возвышения и унижения, дополнить иерархическую схему Н. А. Бернштейна. Так, на уровне I (организма) осуществляется психическая регуляция актов жизнедеятельности (это рефлексy, инстинкты, навыки), на уровне II (индивида) – усвоение ценностей культуры и их репродуктивное использование, а на уровне III (личности) происходит создание субъектом ценностей культуры и собственной личности как высшей ценности [172].

Мы можем условно объединить иерархическую схему психической регуляции поведения и деятельности, предложенную А. Н. Ткаченко, с иерархической схемой организации движений и действий, разработанную Н. А. Бернштейном, чтобы скомпоновать общую векторную психофизиологически-психологическую модель того механизма возвышения-

унижения, который может ориентировочно объяснить сущность указанных феноменов. Она представлена ниже на рис. 5:

-
7. III – уровень личности (создание культурных ценностей и самой себя).
 6. II – уровень индивида (усвоение и воспроизведение культурных ценностей);
 5. I – уровень организма (рефлексы, инстинкты, навыки);
 4. Д – уровень действий;
 3. С – уровень мышечно-суставных согласований;
 2. В – уровень пространства;
 1. А – уровень тонуса.

Рис. 5. Ориентировочная векторная схема психофизиологически-психологического механизма возвышения-унижения уровня психической регуляции поведения и деятельности

Конечно, эта схема не отражает в достаточной мере всей сложности процессов возвышения и унижения ценности личности, но она необходима для исходного понимания функционального «скелета» этих процессов, который еще должен быть наполнен сложным социально-психологическим «телом» и индивидуально-психологическими «органами» их осуществления. О масштабе и сложности процессов возвышения и унижения свидетельствует их предварительная классификация, которая уже сейчас может быть предложена на материале изучения доступных источников. Это такие их виды, как:

- цивилизационное и варварское;
- антропологическое и животное;
- культурное и субкультурное;
- социальное и индивидуальное;
- духовное и бездуховное;
- нравственное и аморальное;
- религиозное и атеистическое.
- патриотическое и ностальгическое.
- ролевое и деперсонализированное;
- эстетическое и уродливое.

- художественное и обыденное.
- семейное и «одиочное» (безбрачное);
- творческое и рутинное;
- интеллектуальное и инстинктивное;
- чувственное и аффективное;
- настоящее и псевдо;
- естественное и искусственное.
- артистически-игровое и обыденно-бытовое;
- успешно-результативное и неудачно-праздное;
- прекрасное и уродливое;
- здоровое и болезненное;
- мотивационно-смысловое и спонтанно-бездумное;
- добровольное и принудительное;
- альтруистическое и эгоистическое и т. д.

Если же рассматривать возвышение в философско-психологическом плане как переход от униженного к возвышенному, то можно выделить следующие его виды, связанные с движением от:

- низкого к высокому;
- простого и спонтанного к сложному и организованному;
- минимума к максимуму;
- хаоса к порядку;
- гадкого к прекрасному;
- пустого, нулевого к содержательному, насыщенному;
- «минуса» к «плюсу»;
- негатива к позитиву;
- слабости к силе;
- возлежания к стоянию;
- сна к бодрости и т. д.

Очень важным представляется процессуальный аспект изменения ценности личности как основы чести и достоинства человека. Оно может происходить в

различных ситуациях циклически, например, в течение часа, суток, недели, месяца, года, возрастных периодов жизни. Опираясь на существующие научные, художественные и экзистенциальные данные, мы можем представить в самых общих чертах этот колебательный процесс схематически на рисунке 6. Согласно этому представлению, ценность и самооценность, как главные атрибуты чести и достоинства личности в сознании людей и самосознании личности могут изменяться в широком диапазоне – от аксиокульта к аксиоциду. Обе эти позиции являются крайними и неоднозначными для общества и личности.

В одной, крайней верхней позиции аксиокульта (аксиофеоза) ценность личности может увеличиться до такой чрезмерной степени, что это может трансформировать обычную честь и достоинство человека в комплекс превосходства, высокомерия, амбициозности, превратить нормальную честь и достоинство человека в культ личности. Мы называем это явление в процессуальном плане аксиокультивацией (аксиофезацией) и связываем его с таким гипервозвышением ценности личности, которое часто приводит к тщеславию, ложному превосходству, высокомерию, презрению и, как следствие – к унижению, уничтожению такой слишком возвышенной личностью других людей, а в крайних своих формах – к их психическому и физическому уничтожению. Примером такого явления является пресловутый культ личности, который был присущ Ю. Цезарю, А. Гитлеру, И. Сталину и многим другим историческим личностям.

Во второй, крайней нижней позиции, ценность личности в ее осознании и самоосознании может снизиться до такого уровня, когда можно говорить о ее гипоунижении, т. е. почти полном уничтожении для общества и человека. Такое явление было удачно названо аксиоцидом кандидатом психологических наук, доцентом Запорожского национального университета имени Богдана Хмельницкого Евгенией Николаевной Калюжной после нашего доклада на международной научно-практической конференции 19 мая 2009 г. в этом университете, за что мы искренне благодарны ей. С аксиоцидом, то есть с гипоуниженной честью и достоинством личности связаны разрушительные для

человека субдепрессивные и психотравматические, летальные и суицидальные тенденции

Между этими крайними позициями находятся диапазоны более или менее нормальных изменений ценности и самооценки личности. Так, вокруг так называемого аксиоцентра располагаются диапазоны нормального возвышения и понижения чести и достоинства, ограниченные пределами «аксионорма+» и «аксионорма-». В этих пределах происходят нормальные, обычные для человека колебания осознания и переживания социально-психологической ценности и индивидуально-психологической самооценки собственной личности, то есть часто не замечаемые и безвредные для нее изменения чести и достоинства как в сторону подъема, так и в сторону падения. Они могут быть последствиями привычных и ожидаемых успехов и неудач, мелких достижений и поражений, малых увлечений и ссор, духовных подъемов и физиологических спадов в состояниях, эмоциональной сфере, настроениях, отношениях, поведении, профессиональной деятельности и т. д. Человек адаптируется к этим нормальным колебаниям ценности и самооценки и не чувствует никакого дискомфорта. Чем ближе к аксиоцентру амплитуда этих колебаний, тем больший аксиопсихологический комфорт он переживает в душе.

Ближайшими к границам нормального диапазона изменений чести и достоинства личности выступают диапазоны аксиовосхода и аксиопада, которые уже ощущаются личностью, соответственно, как положительные (благоприятные) или негативные (неблагоприятные) изменения, то есть восхождение или падение своей социальной или индивидуальной ценности, чести и достоинства. Акты аксиовосхождения и аксиопадения уже привлекают внимание человека, вызывают удовлетворение или тревогу. При этом личность может самостоятельно использовать или преодолеть положительные или отрицательные возможности этих изменений в состоянии своей чести и достоинства.

Очень важным для интенсивного развития личности является подъем чести и достоинства личности до уровня диапазона аксиолерата в процессе ее

аксиоляции. Этот уровень чести и достоинства соответствует тому, что У. Джемс назвал в свое время побуждением честолюбие, а каждый учитель ощущает как наиболее благоприятный мотивационный комплекс, обеспечивающий развитие ребенка (и не только ребенка, но и взрослого – тоже!). когда он успешно учится и работает без всякого принуждения, самостоятельно, эффективно. Именно для этого случая известный педагог-новатор Б. П. Никитин сформулировал свое положение: «На похвалах дети учатся, как на дрожжах». Чтобы создать в ситуации обучения такой побудительный, а лучше было бы сказать – самостимулирующий мотивационный комплекс, учителю, равно как и психологу, следует иметь особую психолого-педагогическую подготовку, мастерство, обладать высоким искусством работы с честью и достоинством ребенка или клиента.

Именно такое мастерство пропагандирует в своей этико-психологической системе Д. Карнеги. Заметим, что образцы подобного искусства свойственны для влюбленных или друзей, для состояний творческого вдохновения выдающихся ученых или художников в моменты создания шедевров культуры и т. д.

Противоположной описанной является ситуация, присущая уровню аксиодепрессии, т. е. такого унижения ценности или самоуничижения самооценности личности, ее чести и достоинства, когда она тормозится, самоблокируется, впадает в ступор, становится анемической, пассивной, в буквальном смысле депрессивной.

Рис. 6. Схематическая модель колебания ценности и самооценки личности в ее осознании и переживании в форме чести и достоинства.

По данной схеме, ценность и самооценку отдельной личности, ее чести и достоинства, может колебаться в широких пределах, но личность пытается удержаться в нормальном диапазоне, защищает, стабилизирует свою ценность в этом диапазоне, обеспечивает ее устойчивость (аксиотенцию – по предложению Е. Н. Калюжной). Фактически это диапазон аксиопсихологического комфорта

для личности, в котором ее ценность поддерживается, укрепляется, утверждается, фиксируется – авторитетом, репутацией, наградами, поощрениями, премированием, престижем, имиджем, похвалой, чувством собственного достоинства и чести, любви к себе и другим, полученными в актах эпизодического подъема в ситуациях творческого взлета, жизненных и профессиональных достижений, удач и т. д. Личность стабилизирует в пределах нормального диапазона также временные акты унижения, например, в ситуациях необходимого отправления физиологических, органических и функциональных потребностей, случайных неудач и поражений и т. п. Главное, чтобы эти акты постепенно помещались в нормальную зону и были соразмерны с проявлениями чести и достоинства других людей.

И, наоборот, за пределами этого нормального диапазона, особенно за пределами уровней аксиолерата и аксиодепрессии, могут появиться негативные тенденции – аксиопсихологическое напряжение, стресс и дистресс (аксиостресс), презрение и зависть, озлобленность и ненависть, чувство превосходства или ничтожества, агрессивность и подлость, склонность к войне чести и достоинства, компрометации других и себя, призрачные аксиопсихологические победы и реальные поражения чести и достоинства, моральное уничтожение и самоуничтожение, аксиопсихологические травмы, летальные и суицидальные тенденции, конфликты и брань, матерщина и драки и т. д. Так появляется особый тип аксиопроблемной личности.

В отличие от нее, аксионормальная личность заботится о своей интересубъективной ценности, то есть чести, и о своей интрасубъективной самооценности, т. е. достоинстве, уважая честь и достоинство других, устанавливая уравновешенные аксиопсихологические отношения с окружающими, не выставляя внешне свои достоинства, проявляя скромность, вежливость, уважение к чести и достоинству каждого человека.

В воспитательных и профилактических целях педагог, психолог, родители должны стремиться удерживать ценность и самооценность, честь и достоинство ученика в центральном диапазоне «Аксионорма+ – Аксиоцентр – Аксионорма-»,

понимая, что достижение наилучших результатов возможно в более высоком диапазоне «Аксионорма+ – Аксиовосход – Аксиолерат», в котором создаются лучшие условия для возвышения как фактора развития юной личности.

Наихудшие условия для учебно-воспитательной деятельности складываются в диапазоне «Аксионорма- – Аксиопад – Аксиодепрессия», в котором ситуации и состояния унижения тормозят указанную деятельность и приводят к возникновению отклонений в поведении. Особенно опасным является попадание и пребывание учеников в диапазоне «Аксиоцид», в котором возникают экстремальные ситуации унижения, уничтожения личности, следствием чего могут стать несовместимые с нормальным воспитанием и обучением конфликтные и агрессивные, в частности, летальные и суицидальные тенденции в поведении. В таком случае возникает необходимость в проведении аксиопсихопрофилактической работы педагогов и психологов по переводу экстремально униженного ребенка из нижнего диапазона аксиоцида и дальше – из диапазона аксиодепрессии – в верхние диапазоны аксионормы-, аксиоцентра и аксионормы+. Для этого следует избегать таких экстремальных ситуаций унижения, как: необоснованные возражения (особенно публичные), запрещения, критика и обвинения; несправедливая негативная оценка; безосновательные подозрения в плохих намерениях и поступках; публичные обвинения, оскорбления и осуждения; равнодушие к достижениям и успехам. неблагодарность; недоверие; ненависть; обида; резкий отказ в симпатии и любви; издевательства; обзывания; публичный конфликт; брань и физическое насилие; несправедливость; авторитарное поведение; деспотизм; манипулирование; нивелирование, приравнивание успешного, одаренного, способного к неудачнику, посредственности, бездарности; ограничение прав и свобод; несправедливое наказание; грубость и вандализм; хронические неудачи и провалы; измена и коварство; отторжение и одиночество в коллективе; резкая депрессия и болезнь; пренебрежение и зависть; тревога, страх, дистресс; публичное пренебрежение, неуважение и подавление личности и т. д. Все эти ситуации можно обобщить в понятии фактора унижения – F_{down} .

Для превентивной профилактики аксиопсихологических отклонений в поведении униженного ребенка и взрослого человека следует создавать ситуации адекватного возвышения ценности личности учащихся, защиты, поддержки и утверждения их чести и достоинства, которые строятся путем исключения, предотвращения, преодоления, снятия указанных экстремальных ситуаций унижения и перехода к ситуациям возвышения личности. Для создания таких ситуаций следует использовать хорошо знакомые психологам и педагогам средства развития личности, формирования позитивного социально-психологического климата, актуализации позитивных эмоций и чувств, достижения успеха, стимуляции и организации творчества, радостной совместной работы, соблюдения этических правил и т. д. Речь идет об использовании фактора возвышения F_{up} .

Могут быть применены и дополнительные «возвышающие» системы, например, уже упоминавшиеся этико-аксиопсихологическая система Д. Карнеги, методы воспитания личности в коллективе А. С. Макаренка, педагогика уважения и любви Я. Корчака, принципы школы радости и счастья В. А. Сухомлинского, философия, педагогика и психология добра и культуры И. А. Зязюна, философия человекоцентризма В. Г. Кременя, система воспитания личности И. Д. Беха, новаторские разработки Ш. А. Амонашвили, Е. Н. Ильина, В. Ф. Шаталова и многих других специалистов.

Целесообразно также обратиться к социально-психологическим и психологическим тренингам, тренингам общения, к интеллектуальным и творческим тренингам, например, к творческому стратегическому тренингу КАРУС академика В. А. Моляко, большинство из которых имеет очевидную аксиоинтерактопсихологическую направленность.

В острых проблемных случаях, с целью преодоления критических ситуаций унижения чести и достоинства личности, следует использовать технологии аксиологической психотерапии, в частности, психотерапии А. Адлера, а также предложенной нами психотерапии клиентов с критически униженной честью и достоинством – через возвышение ценности личности.

При этом необходимо чувствовать меру и не превозносить личность до уровня аксиокульта, поскольку на этом уровне у учеников могут появиться новые проблемы, связанные с высокомерием, чувством превосходства, презрением к товарищам, нарциссизм, «звездная болезнь» и т. д. Об этом мы поговорим в одном из последующих разделов.

Конечно, нарисованная здесь картина аксиодинамики чести и достоинства личности должна быть уточнена, поскольку в реальной аксиопсихологической жизни человека, которую так талантливо описал Ф. М. Достоевский, все может быть гораздо сложнее. Требуют изучения такие аспекты возвышения, уравнивания и унижения человеческой чести и достоинства, как их абсолютность и относительность, индивидуальный профиль чести и достоинства, процессы адаптации и дезадаптации к изменениям в соответствующих состояниях. В частности, достаточно актуальны вопросы трансформации и деформации чести и достоинства личности в ситуациях чрезмерного возвышения властью, богатством, успехом, славой и т. д. Ведь именно там скапливается наиболее творческий или разрушительный для общества и отдельной личности аксиопсихологический потенциал, который может выступить катализатором положительных или детонатором негативных процессов – вплоть до высочайшего уровня благополучия или низжайшего уровня несчастья отдельных личностей или целых стран.

Следует отметить, что непростыми представляются и взаимосвязи между самими честью и достоинством как различными сторонами единого аксиопсихологического феномена отдельной личности. Уже в произведениях Ф. М. Достоевского, например, в романе «Подросток», показаны неоднозначные взаимоотношения между честью и достоинством одного человека, когда, например, честь (связанная с высоким положением лица в обществе) может возносить его достоинство (в случае «неблагородного» происхождения) или, наоборот, когда бесчестье может унижать унаследованное в семне высокое достоинство человека. В других случаях, наоборот, достоинство может облагораживать или оскорблять честь одного и того же человека и т. д. Именно

такие комбинации взаимоотношений между честью и достоинством могут образовывать сложную мотивацию поведения человека, которую часто бывает невозможно понять, не вводя в анализ рассмотренные выше аксиопсихологические понятия как диалектически противоположные и одновременно тесно взаимодействующие.

В целом, следует констатировать наличие особой аксиопсихологической активности, деятельности, детерминированной или направленной на феномены чести и достоинства личности. В указанном диалектическом контексте данная активность может рассматриваться как такая, что относится нами к особому типу деятельности, к так называемой аксиоинтераутопсихологической деятельности, спецификой которой является то, что она предусматривает как межличностное аксиопсихологическое взаимодействие (поэтому в данном названии стоит термин «интер»), так и внутриличностное аксиопсихологическое самодействие (термин «ауто»). Рассмотрим подробнее компонентный состав и стратегии этой деятельности.

1.8. Компоненты и стратегии аксиопсихологической деятельности по возвышению, уравниванию и понижению чести и достоинства личности

Приведенные выше данные свидетельствуют о наличии особой аксиопсихологической деятельности, которая выступает или как отдельная, основная и сознательная деятельность, либо как составная, вспомогательная и бессознательная (или мало осознаваемая) метадеятельность, как совокупность определенных действий в составе другой деятельности, способствующих или блокирующих ее осуществление в межличностных отношениях и во взаимодействии с окружающей действительностью.

Заметим, что этот тип деятельности был издавна знаком людям. Мы можем вспомнить в этом плане один из советов из «Наставления сынам» князя Владимира Мономаха: «...глаза держать книзу, а душу вверх...». Как основная, аксиопсихологическая деятельность четко выступает в искусстве, особенно в поэзии (например, в лирической, романтической и патриотической), в героической прозе (мифологии, эпосе, романе, драме), в музыке (это прежде всего гимн – от греч. «*hymnos*» – в древней Греции торжественная, хвалебная песня в честь богов и героев, в настоящее время – это музыкальное произведение, песня торжественного характера как символ государственного единства) и т. д. Эта деятельность является основной в ритуале знакомства, поздравления (особенно на Востоке), в счастливых семейных отношениях, в дружбе, в дипломатическом этикете.

Чаще такая аксиопсихологическая активность все же выступает как вспомогательная метадеятельность или совокупность действий, которая включается в состав прочих предметных деятельностей – трудовой, политической, идеологической, дипломатической, военной, экономической, спортивной, повышая или снижая их эффективность. В таком случае она либо пронизывает своими элементами все эти виды деятельности, или используется в их начале, выполняя стартовую возвышающе-побуждающую функцию. Скажем, это поединок между богатырями перед сражением в прошлые века, это флаг во главе колонны атакующих воинов, это американское приветствие «Хай» (английскими буквами – «*Hi*»), которое звучит так же, как слово «*high*», что означает в переводе «высокий, возвышенный, выше, высоко, сильно, высшей мерой»). Это также реклама товаров или коммерческое соглашение о намерениях сторон и т. д. Аксиопсихологические элементы могут быть поставлены в середину профессиональной деятельности (авансовая зарплата, письма с благодарностью, корпоративные банкеты, фуршеты и т. п.) или на этапе ее завершения (в виде награждения, премирования, морального поощрения, мер общественного признания по определенным номинациям и т. п.).

Учитывая направленность такой деятельности на возвышение или унижение чести и достоинства других людей в межличностных отношениях либо на самовозвышение или самопонижение собственной самооценности в самосознании и переживании, более точным можно считать ее название именно как аксиоинтераутопсихологическая деятельность. Понятия же аксиологической или аксиопсихологической деятельности являются более широкими, которые включают в себя направленность и на другие ценности.

Аксиопсихологическая деятельность в своем полном составе имеет определенную структуру, которая, на наш взгляд, содержит следующие компоненты (этапы), такие как: 1. потребностно-мотивационный; 2. информационно-познавательный; 3. целеобразующий; 4. операционно-результативный и 5. эмоционально-чувственный [142].

В соответствии с этим, во-первых, основной потребностью и мотивом аксиоинтераутопсихологической деятельности является улучшение (ухудшение) субъектом аксиопсихологического статуса другой или своей личности в межлических отношениях – согласно ценностным эталонам общественного или собственного сознания. Этот компонент деятельности определяется наличием у субъекта установки на аксиопсихологическое взаимодействие с личностью по изменению ее или своей чести и достоинства в конкретной ситуации.

Во-вторых, необходимым условием развертывания аксиоинтераутопсихологической деятельности является наличие или поиск информации о ценностном статусе личности или групп людей, сильных и слабых сторон этого статуса, самопознание ценности собственной личности, что обеспечивается чувствительностью к вопросам чести и достоинства, способностью к ориентации в этих вопросах, соответствующим опытом и т. д.

В-третьих, целью конкретной аксиоинтераутопсихологической деятельности является возвышение, сбалансирование или понижение ценности, чести и достоинства другого человека или своей личности и тем самым -улучшение, а иногда и ухудшение его или своего положения в обществе, позиции во взаимоотношениях. На этом этапе формируется особая аксиопсихологическая

задача на необходимые изменения в осознании и переживании ценности, чести и достоинства другой или своей личности.

В предварительном плане, можно наметить следующие задачи аксиоинтераутопсихологической деятельности:

- подъем критически униженной ценности, чести и достоинства другой или своей личности;

- понижение избыточной ценности, чести и достоинства другой или своей личности;

- соотнесение и уравнивание своей чести и достоинства с честью и достоинством другого человека;

- защита своей чести и достоинства от угрозы их унижения;

- защита чести и достоинства другой личности от угрозы их унижения;

- проверка адекватности своей чести и достоинства, по сравнению с таковыми у других;

- адаптация своей чести и достоинства к аксиопсихологическим требованиям других в новых ситуациях, например, в ситуациях знакомства, сотрудничества, достижения успеха, получения поощрения, награды, приспособления к неожиданной славе и т. п.;

- уравнивающее понижение или подъем собственной чести, в соответствии с собственным достоинством в экстремальных ситуациях;

- уравнивающий подъем или понижение чести иной личности, в соответствии с ее достоинством в ситуациях экстренной необходимости;

- вход в ситуацию резкого изменения аксиопсихологического статуса личности и выход из нее;

- предотвращение межличностной конкуренции, соревнования, борьбы и войны чести и достоинства разных людей и переход к аксиопсихологическому миру;

- предупреждение или преодоление внутриличностного конфликта между различными модальными ценностями своей чести и достоинства и между своей честью и достоинством в целом;

– сохранение аксиопсихологического баланса в отношениях между собственными честью и достоинством и между ними и честью и достоинством других и т. п.;

– нахождение такого соотношения между уровнем подъема и падения ценностных потенциалов личности (своей или другой), которое бы обеспечивало наивысшую эффективность творческой, продуктивной деятельности и т. д.

В-четвертых, продолжая говорить о компонентах данной деятельности, при реализации ее операционально-результативного компонента используются различные средства, действия и операции, обеспечивающие достижение предусмотренного целью желаемого результата этой деятельности. Таким результатом как раз и должен выступать объективно и субъективно необходимый уровень возвышения или понижения, уравнивания ценности личности, ее чести и достоинства. Важным результатом предстает взаимное уравнивание ценности личностей, их достоинств и чести в непрерывном потоке отношений. Однако в определенных случаях целесообразным результатом аксиоинтераутопсихологической деятельности может быть определенное понижение слишком возвышенной чести и достоинства (особенно в избыточных субъективных их формах – амбициозности, гордыни, тщеславии, нарциссизма, культа личности, фетишизации и т. п.).

Вместе с тем, результатом указанной аксиоинтераутопсихологической деятельности может стать адекватная и быстрая комплексная компенсация резкого, чрезмерного, неожиданного, преднамеренного или непреднамеренного, спонтанного или целенаправленного, деструктивного или конструктивного возвышения или унижения ценности и самооценности, чести и достоинства личности, чего следует избегать, ведь это может привести к резкому включению агрессивных, летальных или суицидальных тенденций.

Отдельным продуктом аксиоинтераутопсихологической деятельности выступает устранение (реже – образование) противоречия между честью и достоинством отдельной личности в пределах одного комплекса осознания и переживания ею своей социально-психологической ценности и индивидуально-психологической самооценности, когда одна сторона этой

аксиоинтераутопсихологической диады явно доминирует над другой или подчиняется ей, поскольку недостаточно развита или плохо обнаруживается.

Приведем здесь предварительный перечень средств повышения ценности личности, утверждения ее чести и достоинства. К ним относятся такие, которые уже сейчас можно рекомендовать практическим психологам:

- Актуализация и самоактуализация духовных стремлений человека к Добру, Красоте и Истине, к Вере, Надежде и Любви.

- Смысловое поощрение, положительное стимулирование и значимое мотивирование личности;

- Внимание и интерес к личности, ее увлечениям и пристрастиям, уважение к ее свойствам;

- Высказывание восхищения человеком, определенное ее возвышение в положительных оценках, одобрениях, аплодисментах и т. п.;

- Добродетельность относительно человека, благоговение перед ним, поддержка его добрых поступков, согласие с ним, благодарность ему, высказывание о нем оптимистических мыслей, впечатлений и др.;

- Приоритетное выявление и уважение положительных свойств личности;

- Акцентирование положительных аспектов прошлого, актуального состояния и перспектив жизни личности – упоминание добрых времен в истории и биографии, подчеркивание удовлетворения нынешней жизнью в целом и отдельными ее сторонами (которые всегда есть!), обсуждение перспектив завтрашней радости, средних и дальних перспектив счастья (по А. С. Макаренко);

- Внимание к успехам, их своевременная и адекватная положительная оценка, обоснование их значения для личности и людей;

- Своевременное и адекватное признание, одобрение, поощрение, восхищение, похвала, благодарность, достойная награда личности за успешность ее действий и поступков;

- Умеренные и справедливые комплименты относительно достоинств личности, ее красоты, похвала и одобрение конкретных успехов и достижений в прошлом, настоящем и ожидаемом будущем;

– Положительное эмоциональное отношение к личности как к высшей ценности, как носителю духовных, нравственных, эстетических и интеллектуальных ценностей, восхищение ее достоинствами;

– Уважение и благоговение перед личностными свойствами человека – через одобрительное отношение, высказывания, жесты поддержки, выражение лица, телесные проявления и т. п.;

– Акцентирование интереса к красоте и привлекательности отдельных свойств личности и личности в целом;

– Относительное возвышение собеседника через определенное сокрытие, умолчание, даже некоторое понижение собственных достоинств;

– Избегание критики и осуждения, конструктивный диалог с личностью;

– Духовные, реальные и символические, подарки человеку;

– Искренние поздравления и пожелания здоровья, благополучия, счастья;

– Демонстрация естественного чувства симпатии, доброты, любви к личности, светлого юмора и т. п.;

- В работе практического психолога целесообразно акцентированно использовать некоторые простые приемы подъема ценности личности, такие как:

а) первоочередная и систематическая, в начале осуществления любых профессиональных мероприятий, позитивная оценка личности в целом и определенных личностных свойств человека – на основе их предварительного выделения в комплексной визуальной и тестовой психологической ее характеристике;

б) техника раппорта и «якорения»;

в) накопление согласия и положительных чувств в общении;

в) использование возвышающих психологических тренингов, игр, упражнений, приемов и т. п.

Важно владеть средствами уравнивания чести и достоинства разных людей, к которым относятся: диалог, партнерство, переговоры, компромисс, взаимоуважение, техника дебатов, равноправное взаимодействие, сотрудничество, кооперация, согласование и справедливое распределение прав и обязанностей,

способность к взаимным уступкам и прощению, умение управлять и подчиняться, способность к диалектическому пониманию преимуществ и недостатков собственной и иной личности, понимание взаимозависимости в системе распределения общественного труда, осознание истинного значения силы и слабости человека, его безграничных свойств и локальных ограничений, взаимная симпатия и эмпатия, истинный демократизм в межличностных отношениях и т. п. Фактически здесь речь идет о факторе уравнивания чести и достоинства – *Fparitas*.

Этот перечень средств может быть дополнен за счет тех, которые перечислены в предыдущих и последующих разделах пособия.

В-пятых, на последнем, эмоционально-чувственном этапе аксиоинтераутопсихологической деятельности происходит закрепление ее результата в виде устойчивого положительного чувства собственной чести и достоинства личности, которое не подвергается сомнению, соизмеримо с такими же чувствами других людей относительно собственной чести и достоинства и выступает эффективным фактором достойной жизни личности. Особое значение среди всех позитивных чувств приобретает на этом этапе любовь в широком ее понимании, о чем речь пойдет далее.

Следует отметить, что многие аспекты указанных компонентов аксиоинтераутопсихологической деятельности личности еще требуют своего более глубокого изучения и понимания. Но уже сейчас можно утверждать, что эта деятельность реально существует и подчиняется определенной аксиопсихологической логике, обслуживающей жизнь личности, ее бытие как чрезвычайной ценности, что по-разному, часто неадекватно осознается людьми и самой личностью. В этой связи можно говорить о стратегическом значении этой деятельности, о наличии определенных стратегий ее организации и осуществления.

На данном этапе постижения проблемы мы рассматриваем, по критериям наличия определенной мотивации, ориентации, знания, цели, средств ее продуктивного достижения и чувств, пять главных стратегий

аксиоинтераутопсихологической деятельности одного человека относительно другого человека, то есть в пределах субъект-объектного варианта преимущественно гуманистического воздействия (например, психотерапевта на клиента):

1. Стратегия нормализующего возвышения одной личностью чести и достоинства другой личности.

2. Стратегия нормализующего понижения одной личностью чести и достоинства другой личности.

3. Стратегия уравнивания чести и достоинства другой личности с честью и достоинством собственной личности.

4. Стратегия целесообразного самовозвышения чести и достоинства собственной личности по отношению к чести и достоинству другой личности.

5. Стратегия целесообразного самопонижения чести и достоинства собственной личности по отношению к другой личности.

Каждая из данных пяти стратегий может делиться на три подстратегии – по дополнительным критериям взаимной относительности или одновременности действий – тогда мы получим пятнадцать следующих подстратегий:

1.1. Подстратегия абсолютного повышения ценности другой личности при стабильности собственной самооценности.

1.2. Подстратегия относительного повышения ценности другой личности через определенное незначительное и безопасное понижение самооценности собственной личности.

1.3. Подстратегия одновременного повышения и понижения чести и достоинства другой личности при доминировании возвышения.

2.1. Подстратегия абсолютного понижения ценности другой личности при стабильности собственной самооценности.

2.2. Подстратегия относительного понижения ценности другой личности через определенное незначительное и безопасное повышение самооценности собственной личности.

2.3. Подстратегия одновременного понижения и повышения ценности другой личности при доминировании понижения.

3.1. Подстратегия адекватного уравнивания самооценности своей и ценности другой личности через последовательное, тактичное, осторожное, эквивалентное самопонижение и иноповышение определенных параметров ценности обеих личностей и установление межличностного баланса чести и достоинства обеих сторон.

3.2. Подстратегия адекватного уравнивания самооценности своей и ценности другой личности через последовательное, тактичное, осторожное, эквивалентное самовозвышение и инопонижение определенных параметров ценности обеих личностей и установление межличностного баланса чести и достоинства обеих сторон.

3.3. Подстратегия взаимного адекватного уравнивания самооценности своей и ценности другой, иной и своей личности – через одновременное, тактичное, осторожное, эквивалентное самопонижение и иновозвышение, самоповышение и инопонижение определенных параметров ценности обеих личностей и установление межличностного баланса чести и достоинства.

4.1. Подстратегия целесообразного абсолютного самоповышения самооценности, чести и достоинства собственной личности при признании стабильности ценности другой личности.

4.2. Подстратегия целесообразного относительного самоповышения самооценности собственной личности при признании несколько пониженной ценности другой личности.

4.3. Подстратегия одновременного самоповышения и самопонижения самооценности собственной личности при доминировании самоповышения по одним параметрам над самопонижением по другим параметрам своей чести и достоинства.

5.1. Подстратегия целесообразного абсолютного самопонижения самооценности, чести и достоинства собственной личности при признании стабильности ценности другой личности.

5.2. Подстратегия целесообразного относительного самопонижения самооценности, чести и достоинства собственной личности при признании несколько возвышенной ценности другой личности.

5.3. Подстратегия одновременного самопонижения и самоповышения самооценности собственной личности при доминировании самопонижения.

Главное для этих стратегий и подстратегий является то, что они могут выступать сознательными личностными средствами повышения, уравнивания и понижения ценности и самооценности человека в определенных ситуациях ее осознания и переживания в форме чести и достоинства, в частности, в проблемных аксиопсихологических ситуациях, что особенно важно для практических психологов. При этом важнейшей для современного демократического образа жизни общества и общежития его граждан является стратегия уравнивания ценности и самооценности, чести и достоинства людей в повседневной жизни.

Интересным примером уравнивания ценности и самооценности личностей, чести и достоинства в демократическом козацком сообществе является процедура выбора кошевого атамана в Запорожской сечи. Она предусматривала три этапа [106].

На первом этапе козацкое собрание просит определенного козака-кандидата (и тем самым оно несколько унижает перед ним свою честь) стать атаманом (что повышает его честь). При этом кандидат должен обязательно отказаться и тем самым показать, что он не выше предложенной ему честью чести других козаков (таким образом козак поднимает ценность сообщества и несколько уравнивает ситуацию). Это подстратегия 1.2.

На втором этапе предложение и ответ повторяются во всех своих предыдущих проявлениях, закрепляя результат предыдущего ценностного уравнивания сторон на более высоком уровне эквивалентности. Это также подстратегия 1.2.

На третьем этапе община просит козака-кандидата еще раз о том же, опять вроде бы унижая свою честь, но уже до предельно возможного уровня. Если же

кандидат откажется и тем самым еще больше углубит «падение» общины, то это может закончиться для него наказанием, даже смертью. Поэтому он соглашается, но, чтобы при таком резком его возвышении над обществом он не «задавался», знал меру своего превосходства-равенства – его голову посыпали грязью. Таким образом ситуация снова уравнивалась и избранный таким способом атаман верно служил казакам за оказанную ему высокую честь. Это сочетание подстратегии 1.2. с подстратегией 3.3.

Не о подобном ли соблюдении закона чести писал в своем романе «Идиот» Ф. М. Достоевский, когда советовал князьям и другим представителям высшего света «служить, чтобы остаться старшинами»? Отметим, что этому совету последовали лишь граф Л. Н. Толстой и немногочисленные представители дворянства, которые пытались сравниться с собственным народом, принять его образ жизни...

Мы останавливаемся пока лишь на указанных выше пяти стратегиях и пятнадцати подстратегиях, не забывая при этом, что в данном случае подразумевается простейший вариант аксиоинтераутопсихологической деятельности субъекта (аксиатора) в отношении объекта (аксидента). Ситуация значительно усложняется, когда происходит взаимная аксиоинтераутопсихологическая содеятельность двух субъектов как взаимных аксиаторов. В этом случае нужен дополнительный анализ более сложных аксиопсихологических взаимоотношений, в частности, имеющих признаки, например, агрессивной или защитной, демонстративной или скромной, доминирующей или подчиненной, властной или исполнительской, разбалансированной или синергетированной аксиоинтераутопсихологической межличностной содеятельности и поведения.

Следует учитывать также, насколько сознательно или бессознательно осуществляется аксиоинтераутопсихологическая деятельность, насколько ее компоненты выполняются механически и поэтому не очень эффективно, а какие – осознаются глубже, то есть регулируются рефлексивно, имеют форму и содержание деятельности и поэтому приводят к более адекватному утверждению

ценности и самоценности личности, уравниванию ее чести и достоинства с таковыми другой личности. Конечно, не следует забывать, что эффективность и результативность аксиоинтераутопсихологической деятельности зависят от существующей философии, мировоззрения, моральных устоев субъекта и объекта такой деятельности. Поэтому, в зависимости от этого, она может стать либо утонченным аксиопсихологическим оружием всеразрушающей войны чести и достоинства, либо действенным гуманистическим средством установления нормальных, мирных, гармоничных отношений между людьми с взаимно согласованной, сбалансированной честью и достоинством, более того – средством создания соборной личности, общества чести и достоинства, а если говорить о всем народе – то об утверждении его национальной чести и достоинства.

9. Честность и правдивость личности как духовная основа ее исканий истины, служения правде, противодействия лжи и несправедливости

Важность рассмотрения феноменов честности и правдивости личности перед людьми и перед самой собой демонстрируется всей историей человечества, которая содержит бесчисленное множество примеров героических и драматических исканий Истины и жертвенной преданности Правде, благодаря которым и происходит прогресс человечества. Эти примеры представляют собой высочайшие образцы человеческого духа, которые являются ценностными ориентирами для современной одаренной молодежи. Последняя, движимая близкими ее природе духовными идеалами в своей жизни, не может не заметить ожесточенной борьбы между носителями истины и лжи, правды и несправедливости в окружающем ее социуме и оказывается перед выбором – либо служения истине и правде или уступок и прислуживания лжи и несправедливости.

В связи с этим, сошлемся на приведенные академиком И. А. Зязюном в монографии «Философия педагогического действия» бессмертные слова Аристотеля «Платон мне друг, но истина дороже! (в других источниках – «...но истина – еще больший друг!») – [66, С. 174]) и признание Иисуса Христа, сделанное им на допросе у Понтия Пилата незадолго до своего распятия: «Я для того и родился и в мир пришел, чтобы открыть истину!», – на что тот задал ему вопрос: «Что такое истина?» Под знаком этого вопроса развивается уже несколько тысячелетий, как считает И. А. Зязюн, европейская культура, наука, образование. За истину и правду отдали свою жизнь тысячи известных и еще больше неизвестных мыслителей, начиная от Сократа и Джордано Бруно до Николая Вавилова и Андрея Сахарова.

Честность и правдивость личности относится к числу тех ключевых человеческих качеств, от которых, по утверждению члена Римского клуба Аурелио Печчеи, в конечном счете зависит спасение самой цивилизации, оказавшейся перед лицом порожденных ею же драматических вызовов – со стороны экологического, экономического, нравственного кризиса, терроризма, угрозы ядерного самоуничтожения. Подтверждением этому фатальному противостоянию истины и лжи являются многочисленные высказывания ряда мыслителей и народная мудрость, например:

- «Аще же любишь неправду, ненавидишь твою душу». – Г. Сковорода [26, С. 39];
- «Ложь, как известно, есть мать всех пороков». – М. Салтыков-Щедрин [26, С. 203];
- «...Ложь скоро умирает: она носит сама в себе смерть с минуты своего рождения, – а истина остается». – В. Белинский [26, С. 23];
- «Скажешь правду – достигнешь славы, неправду скажешь – кровью захлебнешься» (узбек.) [26, С. 82];
- «...Следует, как злейших врагов человеческого рода, избегать неправды, лжи, предрассудков и прочих зол...». – А. Дистервег [26, С. 31];
- «Что лживо, то и гнило» [26, С. 75];

• «Если наживешь барыш ложью, в конце концов будешь в убытке; если потеряешь убыток от правды, в конце концов будешь в барыше» (казах.) [26, С. 83].

• «Лучше горькая правда, чем красивая ложь» [26, С. 61];

• «Мир только правдою держится» [26, С. 51];

• «И день идет, и ночь идет,
За голову схватившись в муке,
Все думаешь, когда ж придет
Апостол правды и науки!». – Т. Шевченко [26, С. 48];

• «Чья правда, того будет и сила». – Леся Украинка [26, С. 47];

• «... Истина дороже жизни...». – А. Герцен [26, С. 26];

• «Ценна только правда на свете,
И правду должны мы поднять». – П. Тычина [26, С. 46];

• «Все лучшее, что есть в нашем народе: трудолюбие, честность, правдивость, беспредельная доброта, художественная одаренность». – О. Гончар [26, С. 30];

• «Правда людская – наша мать». – Л. Костенко и др.

Так что же такое истина и правда, честность и правдивость, а с другой стороны – ложь и неправда, лживость и несправедливость, от которых зависит сама жизнь и смерть человека и человечества? Как они появляются, как существуют сами по себе, как соотносятся друг с другом и как становятся предметом выбора одаренной молодежи во имя спасения и процветания. В связи с этим, обратимся к общепринятым определениям этих понятий в философии, психологии, педагогике, начиная с истины и правды, и заканчивая ложью и неправдой.

Так, в философском словаре под редакцией И. Т. Фролова утверждается, что **истина** – это «верное, правильное отражение действительности в мысли, критерием которого является практика. Характеристика истинности относится именно к мыслям, а не к самим вещам и средствам их языкового выражения». В материалистической философии при обосновании понимания истины

рассматриваются такие ее диалектические аспекты, как объективный и субъективный, абсолютный и относительный, конкретный и абстрактный, выделяются теоретические и практические критерии истины [176, С. 176].

Известный украинский педагог, академик С. У. Гончаренко говорит об **истине**, как об «адекватном отображении в познании объективной действительности, воссоздании ее такой, какой она существует вне и независимо от сознания. Проверка истины осуществляется путем сравнения ее с практикой, опытом (практическая проверка), а также другими истинными утверждениями (логическая проверка)» [39, С. 150–151].

Развернутое определение **истины** дается в современном украинском философском энциклопедическом словаре, составленном под редакцией В. И. Шинкарука, в котором утверждается, что истина как «философская категория, вместе с категориями добра, красоты и свободы отражает глубинный смысл человеческого мироотношения и постижения бытия, поисков человеческого духа и создания гуманистических идеалов; выражает сущностное содержание и непосредственную цель познавательного процесса и характеризует его результат – знание как адекватное отображение субъективной и объективной реальности в сознании человека. Истина устанавливается посредством определения соответствия познавательного образа, знания реальному состоянию вещей в действительности, что придает истине по своему содержанию независимость от субъекта. Однако это соответствие не рассматривается как полное совпадение познавательного образа и объекта, поскольку последнему присуща познавательная неисчерпаемость, а процесс познания всегда обусловлен исторически, ограничен в своих познавательных возможностях, зависит от уровня развития познавательного инструментария. На каждом конкретном уровне познавательный образ относительно верно отображает объект, но с развитием познания пополняется новыми качественными определениями предмета, все точнее его отображает. Поэтому истина не есть что-то статичное и неизменное, а рассматривается как непрерывный процесс последовательного приближения к полноте воссоздания... В процессе познания

истина реализуется через следование принципу объективности, что требует рассматривать объект таким, каким он есть на самом деле, в объективной реальности; всесторонности, когда объект должен рассматриваться во всей его многосостоятельности, качественном разнообразии, во взаимосвязях и опосредствованиях; принципу доказательности, когда за достоверное принимается лишь знание, которое имеет достаточное теоретическое и эмпирическое, логическое и практическое обоснование. Тем самым категория истины отсекает от настоящего познания различного рода его суррогаты. Будучи продуктом познания, истина в сфере культуры приобретает ценностное значение. Определение смысла познавательной деятельности как служения истине придает категории истины нравственное звучание. Противоположными категории истины выступают понятия «обман», «заблуждение», «недостаток», «обманчивость», «неточность», «ошибка», «погрешность», «оплошность», «промах», «упущение», «пробел». П. Елон [175, С. 252–253].

Выделим эти принципы познания истины вместе с их антиномиями: это принципы объективности (субъективности), всесторонности (односторонности), доказательности (бездоказанности), а также абсолютности (относительности), конкретности (абстрактности), – что важно для наших дальнейших рассуждений.

Как утверждается в «Философском энциклопедическом словаре», правда (от праслав. *prav* – правило, присяга, закон, договор) – это «особая форма соединения истины с жизненными нормами человека. Правда – это истина, которая стала принципом жизни. Поэтому не может быть универсальной правды, поскольку не существует универсального человека. Благодаря тому, что правда требует определенных форм соединения истины с жизнью, она является многоипостасной, может приобретать разные виды, в то время как истина одна относительно определенной предметной области. Правда строится, истина открывается, истина доказывается, а правда утверждается жизнью или личным примером. Категория правды особенно важна в художественном познании, в частности, в литературе, в произведениях которой каждый герой может иметь свою правду. Эта множественность правды лишь подтверждает

художественность произведения, ибо освещение жизни предусматривает многообразие состояний ее адекватного осуществления или отображения. Но при всей многоипостасности правда включает нормативный аспект, идеал. В этом понимании она соединяется с идеей справедливости, которая имеет интерсубъективное значение» [175, С. 506–507].

В этом определении дается ссылка на славянское происхождение понятия правды, в связи с чем сошлемся на написанную еще в XI столетии «Русскую правду» Ярослава Мудрого, в которой приводится первый письменный свод прав, законов, фактически правовой кодекс Киевской Руси. Интересно, что содержание «Русской правды» отражает суровую реальность того времени и регламентирует поведение сторон в экстремальных ситуациях, в основном, в вопросах возмещения сторонами ущерба в случаях убийства, ранения, обмана и т. д. Позже, в известной Конституции прав и вольностей Войска Запорожского Филиппа Орлика, составленной в 1710 г., устанавливались более универсальные правовые нормы функционирования государства и общества, например, предусматривалась независимость судебной власти, обозначались основы местного управления, правила выбора гетмана запорожского войска, другие стороны организации казацкой республики. Эта Конституция, как известно, никогда не вступала в силу, но заложенные в нее нормы в значительной мере де факто, практически применялись в суровое время борьбы за независимость Украины.

В современной Конституции Украины утверждаются уже демократические права человека – на равенство всех граждан перед законом, уважение человеческого достоинства, свободу мысли и слова, мировоззрения и вероисповедания, на свободное и всестороннее развитие личности, на гражданство, жизнь, охрану здоровья, образование и т. д. То есть, за тысячелетие понятие правды, составляющих ее прав и обязанностей кардинально изменилось – гуманизировалось, персонализировалось. Честность и правдивость стали принципиальными качествами человека, обеспечивающими его переход от

состояния варварства в более цивилизованное современное состояние гражданства строящегося правового демократического государства.

Роль **правдивости** в жизни человека подчеркивал И. Кант, который в конце XVIII века определял ее следующим образом: «...правдивость во внутреннем признании перед самим собой, а также в отношениях с каждым другим, если она стала высшей максимой, – вот единственное доказательство сознания человека, что у него есть характер; а так как иметь такой характер – это минимум того, чего можно требовать от разумного человека, а вместе с тем и максимум его внутренней ценности (человеческого достоинства), то принципиальность (обладание определенным характером) должна быть доступна самому обыденному человеческому разуму, и в смысле достоинства она ставит такого человека выше самого большого таланта» [72, С. 390].

В этом же смысле высказался позже Л. Толстой: «Степень правдивости человека есть указатель степени его нравственного совершенства» [190, С. 333]. О значении правды для человека точно сказал Дж. Лондон: «...правда величайшая в мире вещь. Хочешь быть великим, будь правдивым. Если ты подавляешь правду, если ты прячешь правду, если ты не поднимаешься и не высказываешься начистоту..., если, выступая, ты говоришь **не всю** правду, тогда ты менее правдив, чем **правда**, и настолько ты менее велик...» [115, С. 34].

Современные психологи понимают **честность** как «моральное качество личности, которое выражается в верности долгу и своим убеждениям, в умении добросовестно относиться к порученному делу», а **правдивость** – как «позитивное нравственное качество, выражающееся в том, что слова человека соответствуют его мыслям, чувствам и не расходятся с делом» [165, С. 209, 122]. Интересно, что подчеркиваемое во втором определении соответствие служит, по данным психологов, в частности К. Роджерса, фактором успеха деятельности, здоровья личности, а несовпадение или так называемая неконгруэнтность – причиной ее расстройства, невротизации, болезни.

Стремление к истине и правде, честности и правдивости настолько важно для существования человечества, что в мировом сообществе постепенно были

созданы и успешно функционируют специальные институты открытия, установления, хранения и усвоения истины в виде образующих ее точных знаний, научных законов, правовых норм, правил поведения, фактологической информации и т. д. Это, прежде всего, институт науки, о глобальной многоотраслевой, интернациональной организации которой говорил еще в первой половине XX века первый президент Украинской академии наук В. И. Вернадский. К числу таких институтов Истины и Правды относятся система правового законодательства, судебная система и правоохранительные органы, призванные защищать права граждан, искусство в своей функции эстетического познания и утверждения правды жизни человека, разведывательные службы государств, государственные и частные бюро расследований, разнообразные музеи и архивы и т. д.

Наиболее организованной и эффективной в поисках Истины является наука, которая может быть образцом в этом отношении для остальных институтов человечества. Свидетельством этого является сама процедура строгого объективного познания Истины в форме специально организованного научного исследования. Существует как общая нормативная организация научной деятельности, так и специальные ее формы для различных наук. Поскольку данная книга посвящена психологии развития творчески одаренной личности, то мы приведем здесь пример организации научного исследования в области психологии, конкретно – педагогической и возрастной психологии, в которой преимущественно работает автор данной книги. При этом мы будем ориентироваться на общую схему научного исследования, приведенную известным организатором психологической и педагогической науки академиком С. У. Гончаренко [40]. В соответствии с этим, в психологическом исследовании можно выделить семь этапов.

1. Психолого-педагогическое исследование начинается с определения его замысла, который вытекает из необходимости, актуальности рассмотрения некоторого противоречия в картине изучаемого психического явления, что

диктует формулирование определенной проблемы и цели психологического познания этого явления, выражающееся в теме исследования.

2. Проводится теоретический анализ имеющихся научных данных по выбранной проблеме или состояния ее разработки, для чего изучается научная литература по выбранной или смежным проблемам.

3. Формулируются гипотеза и задачи исследования, определяется методологический подход к нему, то есть принципы, рабочие понятия, план, программа, структура, стратегия исследования.

4. Выбираются адекватные (цели и задачам) методы исследования – теоретические и эмпирические: сравнительный анализ и синтез, систематизация и классификация, индукция и дедукция, абстрагирование и конкретизация, моделирование и концептуализация; наблюдение в необходимых и адекватных его формах и видах, опрос, беседа, пилотажный, констатирующий и формирующий эксперимент, разнообразные виды тестирования и т. д.

5. Проводится исследование на всех его этапах – теоретическом, констатирующем и формирующем, сбор и фиксация в протоколе данных исследования.

6. Осуществляется интерпретация полученных протокольных данных с помощью приемов количественного (статистические методы оценки средних, распределения, корреляционный, факторный, регрессивный анализ и т. п.) и качественного (описание, сравнение, систематизация, оценка и т. д.) анализа, комплексная качественно-количественная интерпретация данных и формулирование выводов.

7. Результаты исследования оформляются в виде отчета, диссертации, автореферата, монографии, статьи, текста доклада и публичной их презентации на заседании лаборатории, ученого совета, семинара, конференции, защиты на ученом специализированном совете, перед научным сообществом, в научной прессе и т. д. – с указанием теоретического и практического значения, достоверности, новизны, данных об апробации, экспертизе в виде рецензий коллег, внедрении, получаемом при этом эффекте и т. п.

Объективность, достоверность, теоретическое и практическое значение результатов исследования обеспечивается также этическими нормами научной деятельности. Значение этических основ осуществления научного исследования хорошо осознается организаторами науки в современной Украине – в условиях переходного периода, когда увеличилось число «заказных» исследований с заранее готовыми, «нужными» результатами, предопределенными личными интересами недобросовестных политиков, предпринимателей, выгодой корпораций и фирм. Результаты этих исследований часто далеки от истины, они содержат элементы фальсификации, преднамеренного искажения правды, а то и откровенную ложь, опасную для общества и его членов, что дискредитирует науку и власть, снижает доверие населения к продекларированным целям построения правового, демократического, социально справедливого государства.

В связи с этим, правомерным стало появление Этического кодекса ученого Украины, принятого 15 апреля 2009 г. на Общем собрании НАН Украины, опубликованного в том же году и перепечатанного через два с половиной года в Бюллетене ВАК Украины [61, С. 7–10]. Основной задачей данного кодекса является «придание приоритета нравственным измерениям науки и социальной ответственности научного сообщества и каждого ученого в отдельности» [61, С. 7]. В нем содержатся 53 пункта, сгруппированные в 7 групп, такие как: 1) Общие положения; 2) Научные исследования; 3) Ученый как автор; 4) Ученый как руководитель; 5) Ученый как преподаватель; 6) Ученый как консультант и эксперт; 7) Ученый как гражданин.

Учитывая доступность этого Этического кодекса для читателей и его значительный объем, мы приводим здесь близкий к нему вариант кодекса ученого, систематизированный нами на основе предложенного академиком С. У. Гончаренко варианта, в котором с разрешения автора выделено 25 пунктов [39, С. 26–33].

Этический кодекс ученого

1. Служение Истине является высшим долгом и обязанностью ученого перед обществом и самим собой.

2. Научная деятельность должна быть полезной для общества и людей, улучшать их жизнь.

3. Ученый ответственен перед обществом за объективность и истинность результатов своего научного исследования.

4. Утверждение достоинства и суверенности разума является основой научного познания.

5. Ученый исходит из универсальности научных знаний, их доказанности и независимости от личности автора.

6. Научному работнику должен быть присущ организованный скептицизм, критическое отношение к своим работам и исследованиям других авторов ради утверждения Истины.

7. Полученные ученым знания должны быть коммуникативными и презентуемыми научному сообществу для их оценки специалистами.

8. Ученый обязан быть абсолютно честным и правдивым по отношению к результатам исследования, даже если они противоречат его ожиданиям и исходной концепции, особенно если эти данные оказываются ошибочными, тогда следует признаться в ошибке и принять противоречивое знание как Истину.

9. Научный сотрудник должен соблюдать права авторства, полностью исключать плагиат и любые формы фальсификации научных данных.

10. Ученый должен быть компетентным в проблеме исследования, в ее предпосылках, уметь соотносить свои научные данные с трудами коллег и перспективами развития науки.

11. Настоящему исследователю присущи профессиональная независимость в постижении Истины и стремление обогатить науку новыми знаниями, а не финансовые, карьерные или честолюбивые интересы.

12. При поиске Истины ученый должен быть готов к восприятию нового, к сомнениям, риску, быть смелым, открытым к появлению неожиданных результатов, применять железную логику, а где необходимо и здравый смысл, фантазию, уметь вживаться в проблему. При этом не вредить репутации коллег,

быть порядочным, стремиться к объективной оценке их поисков в ходе дискуссии, противодействовать распространению недостоверной информации, препятствовать экспансии лжи, псевдонауки и ненаучных знаний.

13. Научные издания трудов и выступления ученого на научных форумах, преподавательская работа и просветительская деятельность через средства массовой информации должны быть безупречными в этическом плане, содержать достоверную объективную научно-практическую информацию и исключать какую-либо рекламу, саморекламу и элементы недобросовестной конкуренции.

14. Научная этика предполагает неукоснительное соблюдение авторских прав своих коллег, включение в число соавторов всех лиц, принимавших участие в исследовании и написании научной работы, равно как и невключение в круг соавторов лиц, не имеющих к делу никакого отношения.

15. Недопустимым считается как равнодушное отношение ученого к искажению научной истины или утаиванию ее от членов научного сообщества, так и сокрытие ошибок и погрешностей научного исследования.

16. Ученый может и обязан выступать экспертом при анализе других исследований лишь в рамках своей компетентности и придерживаться при этом уважительного отношения к их исполнителям, не допуская никакой дискриминации к ним по национальному, половому, расовому, политическому, культурному, социальному признаку, высказывая свое мнение честно, непредвзято и четко, избегая как чрезмерно хвалебных и льстивых, так и пристрастно негативных высказываний.

17. Ученый несет персональную ответственность за честную и объективную оценку кандидатских и докторских диссертаций, выступая в качестве официального или неофициального оппонента при их публичной защите, при написании отзывов на автореферат, а также рецензировании научных отчетов, монографий, пособий, рекомендаций, программ других авторов. Во всех этих случаях, особенно при высказывании критических

замечаний, ученый как эксперт должен исходить из принципов фактологического обоснования, достоверности, независимости, равноправия.

18. В научных дискуссиях или конфликтах ученый должен ставить общие интересы науки выше собственных или корпоративных интересов.

19. Вся деятельность ученого осуществляется в условиях четкой системы организации и управления наукой как важнейшим социальным институтом и одновременно – свободы индивидуального научного творчества, мысли и слова – на основе высокого профессионализма, соблюдения этических норм научного производства новых идей и общения, соотнесения результатов своих научных поисков с данными других исследователей.

20. Ученый должен следовать высшим профессиональным стандартам планирования и проведения научного исследования на основе знания достижений мировой и национальной науки в определенной ее области, экономического обоснования путей изучения выбранной проблемы, объективности, логической и фактологической аргументации, исключения субъективизма и неправды.

21. Ученый честно и безупречно служит объективной истине, категорически отбрасывая слепую веру в авторитеты, мошенничество, фабрикацию и фальсификацию данных, научное пиратство и плагиат, предвзятое отношение и влияние других лиц на характер получаемых данных и выводов.

22. Недопустимыми являются попытки руководящих научных кадров преднамеренно влиять на характер получаемых в исследованиях данных и выводов. Научный руководитель формирует исследовательский коллектив на основе беспристрастной оценки интеллектуальных, этических и личностных качеств его членов, противодействуя всем проявлениям протекционизма, коррупции и дискриминации, взаимодействуя с сотрудниками на принципах справедливости, доброжелательности, поддержки, помощи в профессиональном становлении, объективности, содействия в служебном продвижении в соответствии с ростом их профессиональной квалификации и добросовестного отношения к труду.

23. Руководитель научной школы не перекладывает на своих сотрудников выполнение заданий, которые он должен выполнять сам, он обязан обосновывать, а не навязывать своим ученикам и членам научной школы собственное видение решаемой проблемы.

24. Глава научной школы должен с уважением относиться к свободному и критическому мышлению членов школы, к их личности, не препятствовать общению своих учеников с другими учеными и научными коллективами, с участниками других научных школ, уважать их право на свободное объединение, самоуправление и членство в коллегиальных академических организациях, прислушиваться к мыслям представителей научного сообщества о тематике, методах и формах проведения исследований.

25. Научный работник не должен заниматься в рабочее время политической, националистической, религиозной агитацией и пропагандой, побуждать коллег и своих учеников к действиям и поступкам, несовместимым со званием ученого [39, С. 26–33].

Следование этим этическим нормам способствует высокому качеству выполнения научных исследований и успешному внедрению их результатов в жизнь общества.

Честность и правдивость как качества личности не даются свыше, а целенаправленно формируются, начиная с детского возраста, при опоре на знание природы ребенка. Важной для педагогов является известная позиция И. Г. Песталоцци в этом вопросе: «Всякая истинная правда совершенно очевидно заложена внутри человека, и поэтому только она истинна... в глубине нашей души... Вообще необходимо добиваться такого положения, при котором стало бы невозможным, чтобы ребенок выиграл что-либо ложью; наоборот, быть пойманным во лжи должно представлять для него существенную опасность...» [26, С. 38].

Большое внимание воспитанию указанных качеств у детей уделяли выдающиеся украинские педагоги А. С. Макаренко и В. А. Сухомлинский,

которые считали открытие истины и утверждение правды, противодействие лжи и несправедливости одной из главных задач работы школы с детьми.

Так, А. С. Макаренко исходил из того, что «честность нужно воспитывать с самого раннего возраста. Если вы к пяти годам это дело запустили, будет очень трудно исправить запущенное...

Честность всегда начиналась со слов «не хочу» – не хочу чужого, не хочу лишнего, не хочу неправильного.

Наша честность всегда должна быть активным требованием к себе и к другим: хочу и требую от себя и от других внимания полного к общим интересам, полного рабочего времени, полной способности отвечать за свое дело, полного развития сил, полного знания, хочу и требую наиболее совершенных, наиболее правильных действий» [Цит. по 26, С. 35].

В. А. Сухомлинский в своей статье «Воспитание в духе правдивости и честности» советовал воспитателям: «Больше всего опасайтесь фальши, «раздвоения» души, сосуществования двух «правд»: одной для повседневной жизни, а другой для выступлений на собраниях, для передовых статей в стенгазету; опасайтесь лицемерия, очковтирательства, равнодушия, лжи, прикрываемых какими-то мнимо высокими целями» [168, С. 202]. Человек своего времени, выдающийся учитель предупреждал власть имущих: «Чтобы молодежь верила в коммунистические идеи (а он понимал их, в значительной мере, как близкие к вековечным народным, общинным идеалам – Р. В.), чтобы коммунистические убеждения стали для них столь же дорогими, как личная честь, необходимо говорить ей честно и прямо всю правду и учить ее говорить только правду» [там же].

Как директор знаменитой Павлышской средней школы, В. А. Сухомлинский стремился вместе с педагогическим коллективом «духом правдивости, честности, непримиримости к злу, неправде, обману, фальши, очковтирательству... наполнить всю жизнь школы...». Он подчеркивал, что «весь уклад школьной жизни у нас продуман так, что ученик на каждом шагу соприкасается с ценностями, принадлежащими коллективу.

В обстановке использования материальных ценностей для удовлетворения духовных запросов коллектива нечестный, предосудительный поступок сразу же встречает общее осуждение.

На отношении личности к интересам коллектива проверяется, утверждается честность и правдивость.

Дух правдивости, честности, непримиримости к фальши и обману пронизывает и труд наших учеников...» [168, С. 202–203].

Очень важным условием воспитания молодежи в духе честности и правдивости В. А. Сухомлинский считал «право юношей и девушек говорить то, что они думают, без опасения встретить окрик вместо терпеливого разъяснения и помощи...» Молодым присуще побуждение «утвердиться в истинности, справедливости того, что мы, воспитатели, раскрываем перед сознанием наших воспитанников как святыню.

Мы, люди старшего поколения, стремимся отвечать на вопросы юношей и девушек, спорить с ними так, чтобы они сами находили жизненные факты, убеждающие в том, ...что миссия настоящего человека не пассивное наблюдение, а борьба, преодоление трудностей во имя правды и справедливости» [168, С. 206].

Эти мудрые советы педагога, как и других честных людей, не были услышаны властью имущими и случилось в очередной раз то, что и должно было случиться и случалось не один раз с обещанной страной.

В современной психолого-педагогической науке существует ряд конкретных методик формирования честности у учащейся молодежи. В связи с этим, сошлемся на прикладные исследования молдавского педагога О. Д. Стаматиной, которая рассматривает воспитание у подрастающего поколения честности как важное условие становления этического компонента внутренней регуляции деятельности и поведения, как средство профилактики таких негативных качеств, как «раздвоение морали, двоедушие и искоренения таких нередко бытующих в нашей жизни... уродливых пережитков прошлого, как приспособленчество, попытки прикрыть свое бездействие громкими

фразами, взяточничество, стяжательство, стремление урвать побольше от общества, ничего не давая ему взамен, бесхозяйственность и расточительство» [163, С. 126]. Речь идет о реалиях так называемого «развитого социализма», но как похожи эти реалии на состояние современного общества, в котором данные явления проявляются в еще более массовом, практически ничем не ограниченном виде...

И сейчас, возможно, будут полезны те рекомендации, которые дает ученый в своей методике формирования честности у старшеклассников, которая предполагает три последовательно сменяющие друг друга этапа, образующие определенное единство и являющиеся в то же время качественно своеобразными.

Их единство определяется тем, что учащиеся на каждом этапе должны были включаться «в такие виды и таким образом организованную коллективную деятельность, которые обеспечивали каждому постоянно усложняющуюся активную, самостоятельную позицию борца за осуществление, утверждение и отстаивание честности, требующую значительных физических и нравственных усилий. Качественное отличие данных этапов заключается в первую очередь в уровне саморегуляции честного поведения учащихся, в том смысле, который для них оно приобретает, в специфике побуждающих его мотивов и появляющихся новообразований личности» [163, С. 105–106].

Первый этап предполагает создание условий необходимости функционирования честности во всех сферах жизни и деятельности и формирования новых, социально более ценных мотивов, что может быть достигнуто, если [163, С. 106]:

- на реальное честное поведение мобилизуются все актуально действующие мотивы учащихся, включая социальные, личные, индивидуалистические;
- честное поведение становится необходимым условием и результатом выполнения поставленных школьникам задач, независимо от уровня сформированности у них данной черты, а нечестность незамедлительно

отрицательно сказывается на благополучии как ответственных, так и виновных;

- старшие школьники получают удовлетворение не от реализации мотивов, которые побудили их действовать, а непосредственно от совершаемых ими честных поступков, от честно выполняемого долга, то есть от мотивов, характерных главным образом для второй стадии сформированности данной черты.

Как подчеркивает О. Д. Стаматина, «задачам первого этапа наиболее адекватно отвечает недостаточно престижный для школьников, но высоко значимый для общества, требующий значительных нравственных и физических усилий, общественно полезный труд, в процессе которого между учащимися создаются отношения взаимной зависимости и ответственности, взаимного руководства и подчинения» [163, С. 106].

Второй этап воспитательного процесса предполагает появление «возможности и целесообразности включения старшеклассников в деятельность, которая своим содержанием и организацией требует от них честных поступков в ситуациях, когда нечестность не затрагивает непосредственно их интересов и одновременно стимулирует самовоспитание данного качества у школьников» [163, С. 106–107].

На третьем этапе создаются педагогические условия, когда «старшие школьники могут и должны занять позицию борца, проявить устойчивое, честное поведение и в случаях, когда оно может иметь для личности частные, но значительные отрицательные последствия. На этом этапе целесообразно включить старших школьников в деятельность, направленную на преодоление еще имеющих место фактов нечестности во внешкольной жизни, которая своим объективным содержанием и организацией позволяет»:

- познать диалектику соотношения добра и зла, старого и нового, природу, источники и корни бесчестности, убедиться в ее беспочвенности и нежизненности в окружающей действительности,

усвоить пути преодоления данного, чуждого природе жизни и личности, явления;

- накопить значительный опыт отрицательных переживаний, связанных с нечестностью, сформировать у себя иммунитет к имеющимся недостаткам в отношениях между людьми;
- подняться до истинно ценностного отношения к честности, возвышенности исследуемой черты, слияния нравственного и эстетического в отношении к данному качеству;
- придать своему честному поведению устойчивый характер [163, С. 107].

Формирование автором честности у старшеклассников по данной методике проводилось во взаимосвязи с другими свойствами личности. Это повысило эффективность их развития, поскольку сама природа честности исключала искривление процессов обучения и воспитания, обеспечивала более полное и однозначное использование потенциала этих качеств, точно также как и сама деятельность и поведение, регулируемые этими качествами, становились значительно более эффективными и результативными, чем если бы они строились на безнравственной основе.

В связи с указанными положениями и тенденциями гуманизации и демократизации системы образования, современный философ, психолог и педагог, академик И. А. Зязюн считает, что основной сквозной идеей гармонического развития личности в системе образования является ее воспитание «на основе Истины, Добра, Творчества, Свободы путем целеполагания исторических и новейших образовательных парадигм посредством философского любомудрия, с использованием психолого-педагогических и дидактических закономерностей» [66, С. 609]. Дополним это положение мыслью Г. Гейне: «Глубочайшая истина расцветает лишь из глубочайшей любви» [26, С. 173]. Любовь к истине выступает один из главных мотивов познания человеком природы и общества.

Утверждение истины и правды, формирование честности и правдивости личности в реальной жизни общества происходит в условиях непрерывного противостояния, противодействия честности и правдивости личности одних людей лживости и несправедливости других. Борьба Истины с Ложью осуществляется конкретными их носителями, имеющими такие черты личности, как: альтруизм и эгоизм, щедрость и жадность, ответственность и безответственность, собственно честность и лживость, правдивость и несправедливость и т. п. И в этом противостоянии творчески одаренная личность должна сделать свой выбор и занять свое достойное место. Трудно себе представить, что такая личность может выбрать себе в качестве идеала ложь и несправедливость, и тем более – борьбу за них. Фактически это означало бы разрушение самой личности, ее творческой одаренности.

Однако такая личность вынуждена порой жить, как об этом сказал американский психолог Пол Экман, в буквальном смысле, в «стране лжи» [188], имея в виду не только самое демократическое государство в мире – США, но и многие другие страны, с их лживыми руководителями, коррумпированными чиновниками, бизнесменами, политиками, военными, если рассматривать их поведение с этой неприглядной стороны. Жить в такой стране можно лишь при условии, когда знаешь природу лжи, понимаешь ее причины, умеешь распознавать ложь и неправду в поведении людей, изобличать лжецов, давать им оценку и призывать к ответу, и в то же время – предоставлять лжецам шанс на честное и правдивое поведение, побуждать людей жить по законам истины и правды.

Так что же такое **ложь**? Обратимся к мнению специалистов. Под данным понятием философы имеют в виду «высказывание, искажающее действительное положение вещей». Природу лжи «определил еще Аристотель, который считал ложным то, что находится в противоречии с действительностью: если суждение соединяет то, что разъединено в действительности, или разъединяет то, что в действительности соединено, то оно ложно. От лжи следует отличать бессмысленницу или абсурд. С психологической и этической точки зрения

следует различать ложь сознательную и ненамеренную», то есть заблуждение [188, С. 245].

В психологии **ложь** рассматривается как «феномен общения, заключающийся в намеренном искривлении действительного положения вещей; чаще всего она проявляется в содержании речевых сообщений, немедленная проверка которых затруднительна или невозможна. Она представляет собой осознанный продукт речевой деятельности, имеющий целью ввести реципиентов (слушателей) в заблуждение.

Как правило, ложь появляется благодаря жажде добиться личных или социальных преимуществ в конкретных ситуациях. Характерно, что индивид неосознанно расценивает свою ложь как нечто неустойчивое и временное, отсюда вытекает интенция первоначально измышлять ей новые подтверждения, а позже – полностью замалчивать. Если социально-психологически ложь всегда является средством, то в сфере психопатологии она выступает как цель мифоманов – психопатов, испытывающих удовлетворение от самого процесса введения окружающих в заблуждение» [188, С.218]. Существует и так называемая патологическая ложь, «обычно сопряженная с некритической верой в реальность выдуманного. Дифференциация лжи и оценка ее конкретных проявлений возможна при условии правильного понимания мотивов и причин этого явления» [там же].

Педагоги выделяют также понятие детской лжи – как «сознательное искажение детьми действительности, уклонение от истины. Не все случаи искажения детьми истины могут считаться ложью. Особым видом утверждения неправды является псевдоложь, то есть ложь лишь по видимости. Характерным проявлением ее есть детская псевдоложь, когда ребенок высказывает что-то, не имея намерения кого-то обмануть и веря в то, что так есть на самом деле. Обычно детская ложь является следствием суровой, грубой, деспотической системы воспитания, которая основывается на запугивании, давлении с использованием физических способов влияния или наказания, которые унижают достоинство ребенка» [4, С. 44–45].

В «Психологическом словаре», изданном под редакцией В. П. Зинченко и Б. Г. Мещерякова рассматривается также такое качество личности, как **лживость**, то есть «форма вербального и/или невербального поведения, заключающаяся в намеренном создании искаженного представления о действительности ради достижения желаемой цели или стремления избежать нежелательных последствий. Оно перекрывается по значению словами «ложь», «обман».

В тех случаях, когда лживость становится привычной формой поведения, она закрепляется и превращается в качество личности.

Следует различать лживость и детское фантазирование (связанное с воображением – Р. В.). Ребенок часто склонен изображать события не такими, какими они были на самом деле, а какими ему хотелось бы их видеть, ребенок фантазирует, играя или отождествляя себя с персонажами сказок. Такие искажения действительности можно назвать мнимой лживостью. Проявляется она довольно часто у детей 4-5 лет и обычно с возрастом проходит.

Лживость часто возникает в семьях, где слишком много запретов или где ребенку предъявляются непосильные для него требования. Можно выделить некоторые главные мотивы детской лживости: чувство стыда, когда ребенок стремится скрыть свой неблагоприятный поступок; страх перед наказанием (наряду со лживостью, в этом случае формируется лицемерие, приспособленчество, озлобленность), стремление к самоутверждению – в этом случае лживость может быть следствием желания привлечь к себе внимание, вызвать удивление окружающих или утвердиться в желаемой позиции. Лживость, связанная с хвастовством, может возникнуть и как защитный механизм, когда ребенок в ответ на недооценку его окружающими людьми стремится преувеличить свои достоинства. Способность к обманным действиям в естественных условиях демонстрируют и некоторые животные, например, шимпанзе» [131, С. 189–190].

В приведенных выше определениях истины и правды, лжи и неправды (ложь часто ассоциируют с неправдой) открывается сложный мир отношений

человека к действительности как истинной и правдивой или лживой и несправедливой, требующей адекватной оценки, чтобы действовать правильно и безошибочно, эффективно и без потерь. Этот мир сложен, прежде всего, своим трудно понимаемым сочетанием этих понятий. Уже с детства человек вынужденно выступает в этом мире как истец или фальсификатор, как правдоискатель или мистификатор, как верификатор или софист и т. д. В сложнейших запутанных ситуациях жизни человек часто должен, но не может занять категорическую позицию яростного истца или непримиримого правдоискателя. С точки зрения приведенной в этих определениях гаммы признаков истины и лжи, люди могут одновременно выглядеть и невинными лжецами, и спешащими на защиту правды Дон-Кихотами. Разумеется, что истину и ложь, правду и кривду отделяет какая-то особая и непростая черта, содержащая в себе какую-то меру относительности, субъективности, абстрактности, заинтересованности, доверительности, полезности, интеллектуализма, гуманизма, которую трудно точно описать, но можно интуитивно почувствовать. Существует, по-видимому, какой-то договорный, общепринятый, корпоративный, статистически средний эталон, порог честности и правдивости, ниже которого – ложь и несправедливость, а выше – истина и правда. При этом у истины и лжи данные пороги более жесткие, чем у правды и кривды.

К тому же само понятие истины, в широком смысле, как чего-то целостного, бесконечного, закономерного, однозначного, последовательно раскрываемого, к чему постепенно приближается познающее сознание, заставляет рассматривать ее как разворачивающееся в пространстве и времени, как пространственно-временное явление, когда фрагментарно познанный наукой беспредельный и вечный мир одновременно является и частично истинным, и частично ложным в своей познанности и непознанности. Вкусив от «древа познания», которое к тому же само разрастается в ходе эволюции природы и исторического развития общества, человек имеет дело с бесконечным и вечным процессом постижения истины о мире, в котором он живет и который преобразует.

В связи с этим, вспомним законы механики И. Ньютона, на которых основывалось миропонимание в средние века и которые как недостаточно истинные в конце позапрошлого и начале прошлого века сменили более точные законы математики, физики, химии, теории относительности А. Эйнштейна и другие законы, которые, в свою очередь, позже сами уже подвергаются сомнению, уточняются или заменяются новыми. Именно к этому относится парадоксальное, но в сущности верное утверждение Д. Джеральда: «Абсолютной истины не существует – такова абсолютная истина» [190, С. 173]. Можно сказать и иначе – за любой относительной истиной стоит настолько же относительная ложь, поскольку такая истина относится лишь к открытой части действительности, относительно же другой ее части ничего не известно и, возможно, эта другая часть может опровергнуть эту относительную истину об известной ее части, превратив ее в ложь. Исторический процесс познания истины изобилует подобными примерами.

И, наоборот, в своей жизни человек нередко как бы вынужден двигаться от очевидной, но необходимой, субъективной, абстрактной, относительной лжи и неправды к более объективной, конкретной, относительной истине и правде и наоборот. Достаточно только вспомнить волшебный и поучительный мир детской сказочной истины-лжи, в который невозможно не поверить («Сказка – ложь, да в ней намек, добру молодцу урок!») или защитный мир святой материнской правды-неправды с совершенно убедительной аргументацией, иногда дополняемой слезами и уговорами («Не говори об этом папе, иначе он будет недоволен!»), когда неправдивая правда приобретает статус странного, но необходимого для ребенка спасительного и даже воспитательного средства. Как часто в повседневной жизни совершаются поступки, следующие странному здравому смыслу, утверждающему, что «разумная ложь лучше глупой правды» [115, С. 64], хотя и известно, что «и в бедах люди живут, а в неправде пропадают» [115, С. 68].

Почему, продолжим эту тему, признается необходимым, например, тем же кандидатом на выборах в парламент ложное обещание, которое никогда не будет

выполнено, но которому верят избиратели, как бы добровольно договариваясь с таким лгуном и что-то получая от этой корыстной лжи во имя удовлетворения маленького, но конкретного интереса? Ведь общеизвестно к тому же, что «лгун сначала себя обманывает» [115, С. 84], а потом обманывает других. Может быть, маленькая ложь приносится здесь в жертву во имя какой-то большой правды? Где здесь проходит разделительная черта между истиной и ложью, правдой и неправдой? Возможно, она должна проходить с учетом реальной или мифической опасности или безопасности, заинтересованности или равнодушия человека, на основе какого-то важного консенсуса, договора в отношении правды и неправды?

Или же рассмотрим, например, искусство, в отношении которого однажды резко и парадоксально высказался Ж.-Ж. Руссо, утверждавший, что «искусство ведет человека к гибели»... Что имел в виду известный просветитель в этом высказывании, может быть, то обстоятельство, что оно имеет дело с художественным вымыслом, который в контексте рассматриваемой здесь проблемы можно назвать и эстетической правдой-ложью? Приведем здесь и другое, уравнивающее в какой-то мере указанное высказывание великого просветителя, выражение Ж. Ренара: «Правда не всегда искусство. Искусство не всегда правда, но правда и искусство имеют точки соприкосновения» [190, С. 332].

Для примера, рассмотрим театральное искусство, когда зритель знает, что изображаемое на сцене действие во многих отношениях является искусной ложью, отражающей определенную правду жизни. Чувствует ли себя в роли профессионального лгуна актер, мучается ли он угрызениями совести, обманывая зрителя, или же обожает искусство художественного обмана как необходимое для изображения правды жизни? О молчаливом согласии на очевидный взаимный обман артисты и зрители как бы уже давно договорились и испытывают от него огромное удовлетворение, оплачивая или получая за это деньги.

А поэзия и литература, как искусное сочинение красочного мира человеческой души, а иногда – фантастическое описание счастья, которое чаще всего никогда не сбывается. Чем искуснее такая договорная правда-ложь, тем оказывается опаснее она для самого автора – вспомним жизненный финал А. Пушкина, М. Лермонтова, В. Маяковского, С. Есенина, В. Высоцкого и других поэтов. Их лишь временно спасало (но не спасло в конечном счете...) от мук такого искусственного правдиво-ложного творчества только столь же искренне-лживое признание восторженных и завистливых друзей и публики, предательски превозносящих их до неправдоподобных высот в случае успеха или отворачивающихся от них в случае неудачи. Вполне возможны и другие объяснения «поэтической трагедии» их жизни, но тогда какие из них могут выдержать строгую научную верификацию, рискуя оказаться софизмом или нарративом? Но, может быть, следует все же признать верным мнение о роли лжи в жизни и искусстве такого всемирно известного писателя и тонкого психолога, как А. Чехов: «Тля ест траву, ржа – железо, а лжа – душу» и, добавим, – личность человека [190, С. 204]. Ложь и неправда унижает человека, поражает его честь и достоинство, уничтожает его ценность и самооценку.

То же самое относится и к некоторым жанрам изобразительного искусства, особенно к абстрактной живописи, как будто специально расчленившей образ человека и его внутренний мир на безжизненные элементы и тем самым превратившей утвердившийся в классической живописи истинный (по Аристотелю) целостный образ человека в ложные препарированные безжизненные его символы.

А некоторые жанры современного музыкального поп-искусства, разрушающего высокую истину симфонического образа человека и превращающего его в обезображенную низменную ложь похотливых эмоций и инстинктов, которые в естественном состоянии никогда в таком массовом количестве и таком децибельном грохоте не встречаются – может быть, именно такими искусственными средствами, под фонограмму («фанеру»), субкультура помогает естественному отбору быстрее отсортировать наиболее болезненную

часть человеческой популяции от ее здоровой части и выводить за пределы жизни?

А что говорить о синтетических искусствах – кино и телевидении – содержание которых в условиях так называемой «свободы творчества» (или точнее – «свободы лжи и неправды»?!) превратило его наиболее низкопробные образцы в настоящий полигон лжи, цинизма, зла, ненависти, убийства, где изображаются и отрабатываются откровенные образцы и средства маргинализации человека? Вспомним, что первые кадры кинематографа вызывали жуткий страх у целомудренного и честного обывателя, но со временем и он согласился с условностями нового вида искусства, выработав в себе условный рефлекс на искусную ложь с экрана, убивающую правду непосредственных образов жизни. Не зря же для продвижения этих «самых важных для народа искусств» так старается та реклама, что преуспевает в хорошо оплачиваемом мастерстве превращения лжи в правду и становится пособницей развращения эстетических вкусов людей. Может быть, именно в этом смысле был прав Ж.-Ж. Руссо?

Надежды Ф. Достоевского на то, что красота, как эстетическая основа искусства, «спасет мир», не оправдываются. Так, две мировые войны беспрепятственно прокатились по молчаливым архитектурным и историческим шедеврам Европы, Африки и Азии, разрушаемым под звуки военных маршей. Вместе с тем, классическая музыка европейских оперных театров спокойно освящала своим вечным духом миллионы озверевших убийц в солдатской форме, не отказавшихся ни по этой причине, ни по другим, умерщвлять десятки миллионов людей. А тот факт, что А. Гитлер был, как утверждают его биографы, неплохим художником, а И. Сталин – поэтом, делает такое художественное искусство союзником военного искусства, помогая превращать организаторов войны в настоящих фанатиков смерти, кровавой бойни миллионов людей... Эта странная многофункциональность искусства делает его равнодушным свидетелем борьбы между добром и злом, с которыми соотносятся истина и ложь, правда и кривда, жизнь и смерть...

Постоянство, с которым само искусство художественно правдиво, почти протокольно точно «отражает» войну и мир, жизнь и смерть, добро и зло, истину и ложь, лишь консервирует, сохраняет проблему, но отнюдь не решает ее...

Искусство, так же, как и отображаемая им жизнь, оказалось само беззащитным перед злом. Так же, как и жизнь, оно легко раздирается ложью на куски, а в уродливых своих формах становится искусным мастером пропаганды с экранов современных кинотеатров и телевидения, страниц газет и журналов, сайтов и блогов Интернета, маргинальных тенденций... Гуманизирующие и маргинализирующие роли искусства уже давно исполняются одновременно, нейтрализуя друг друга, утверждая и Добро и Зло, и истину и ложь, и правду и бесправие. А если прибавить сюда еще и роль денег, до которых искусство оказалось таким падким, то нельзя не согласиться с мнением Жорж Санд о том, что приписываемая искусству «честность умирает, когда продается» [26, С. 525]. Но при этом не будем столь категоричными в отношении всего искусства и примем самокритично к сведению утверждение В. Пекарского о том, что иногда невольно «бывают ложные доказательства истины» [190, С. 173].

Конечно же, не все искусство грешит указанным выше художественным обманом. Важно отметить вечные жизнеутверждающие шедевры народной музыки, архитектуры, классической живописи, литературы, поэзии, духовной музыки, вершины театра, кинематографа, танца, балета и т. д. , которые доказали свою необходимость для культурного развития человека. Речь идет о суррогатном болезнетворном искусстве различных жанров, которое сверх всякой меры захлестнуло человечество и полезно, может быть, только какой-то его части, но не всем, и от которого здоровое большинство должно быть защищено. И тут позиция некоторых заангажированных искусствоведов или критиков не только не защищает широкую публику от указанной опасности, но нередко сама потакает такому смертельно опасному лживому искусству. Жаль, что известные работы К. И. Станиславского по психологии «работы актера над собой» (в его системе проблема достоверности образа занимала главное место в подготовке артиста) и интересная докторская диссертация Л. С. Выготского по психологии

искусства (в которой среди различных проблем рассматривались вопросы опосредствования художественного образа) не получили должного развития и не привели к появлению практической психологии искусства, занимающейся профилактикой лживости и утверждением правдивости в изображении художником жизни. Искусство тогда является верным, правдивым, жизнеутверждающим, когда отражаемая им Красота тесно связана с Добром и Истиной, с Верой, Надеждой и Любовью, этими испытанными жизнью основаниями духовности.

Сложные взаимоотношения между истиной и ложью пытается познать формальная логика, которая пользуется вроде бы четкими критериями определения истинности и ложности понятий, утверждений, умозаключений. Например, критерием выведения истины в ходе умозаключения являются: а) истинность исходных положений или предпосылок; б) законы и правила логической связи предпосылок в процессе рассуждения с логическими выводами [96, С. 14]. Но кто может проверить абсолютную истинность или ложность далеко не всегда формализованных предпосылок и правил самого процесса логического вывода с его субъективной психологией истины и лжи или парадоксальностью мышления, колеблющегося между противоречивыми полюсами правильного или неправильного в одном и том же положении?

Вспомним, что еще Аристотель утверждал в своем трактате «О душе», что учение о неделимом относится к той области, где нет ложного. А ложность и истина появляется там, где уже имеется сочетание мыслей, составляющих как бы одно целое [7, С. 436]. Он утверждал, в связи с этим, что «всякое высказывание истинно или (и – Р. В.) ложно. Между тем, не всякий ум таков: ум, направленный на существо предмета как суть его бытия, истинен [всегда]; ум же, касающийся чего-то [другого], – не [всегда], то есть может быть и истинным и ложным [7, С. 437]. Это высказывание древнегреческого мыслителя содержит идею о том, что в каждом утверждении есть и истина и ложь, а также о том, что стремящийся к познанию сути целого ум тенденциозно, вероятно истинен, прав, в отличие от индифферентного, застывшего ума, довольствующегося

ложью, адаптированного к ней и принимающего ее за правду. Можно высказать предположение о том, что существует какое-то третье, промежуточное верификационное отношение к действительности – «ни истины – ни лжи», «и истина – и ложь» или «ложь–истина», «истина–ложь».

Может быть, таким диалектическим понятием, образующим единство и в то же время дифференцирующим понятия лжи и истины, является «логос» (в котором палеолингвисты выделяют около 30 значений!?), от которого явно произведены понятия «логика», «логистика». В последнем из них можно вычленить два корня (лог-истика), созвучные с понятиями «ложь» и «истина»... Во всяком случае такое промежуточное понятие («Истина – в середине» – М. Маймонид [190, С. 173]) стучится в дверь верифицирующего сознания.

Нельзя не отметить и тот факт, что возможность и невозможность полного познания и использования знаний о целой, бесконечно протяженной как вовнутрь, так и вовне, действительности, вытекает как из безграничных возможностей науки, так и ограниченности функций мозга человека как исследователя, ограниченности, порождающей предельность сознания личности и средств компенсации этой предельности (в наших исследованиях этот ограничивающий фактор назван оперативным объемом действия), которые формируются в процессе филогенеза и онтогенеза и хронически не поспевают за расширяющимся в сознании миром. Именно это обуславливает сосуществование в процессе изучения действительности истины и лжи именно как результата такой функциональной недостаточности средств осуществления деятельности человека. Последняя связана поэтому с постоянно меняющимся в процессе непрерывного познания, преобразования и использования действительности соотношением между истиной уже открытой ее сущности и ложью еще скрытой неизвестности. Такое вынужденное (от относительного бессилия интеллекта) «умолчание» делает познавательную диаду «истина-ложь» «естественной», объяснимой, понимаемой, и поэтому легко принимаемой, обуславливаемой, подменяемой другими объяснениями и мнениями, например, восхваляющими

науку при ее очевидной верификационной недостаточности или забегающими вперед псевдообъяснениями, фантазиями, экстрасенсорными обещаниями.

Парадоксы, которые издавна привлекают мыслителей, чаще всего являются как раз таким трудно разрешимым сочетанием истины и лжи в одном теоретическом положении, когда при сохранении логической правильности суждения оно характеризуется формально-логическим противоречием. «Парадокс возникает тогда, когда два взаимоисключающие (противоречащие) суждения оказываются в равной степени доказуемыми..., например...: «Деревенский парикмахер бреет всех тех и только тех жителей своей деревни, которые не бреются сами. Должен ли он брить самого себя?»... В теории, в которой появляется парадокс, доказуемо любое, как истинное, так и ложное, предложение» [154, С. 355].

В логике специально выделяются такие противоречивые феномены, как паралогизмы и софизмы, в которых истина и ложь сосуществуют на определенном доказательном уровне. Так, софисты Древней Греции публично соревновались в доказательстве истинности ложных утверждений и, наоборот, ложности истинных. К таким случаям относятся, по-видимому, те, которые предполагаются в утверждении Архесипая: «Ничего нельзя увидеть в истине такого, чего не было бы также и во лжи» [190, С. 174]. Не является ли осужденная наукой позиция софистов в сущности честной, хотя и утрированной и неоднозначной в самом искусстве доказательства истины и лжи?

Если еще раз вернуться к парадоксам, то следует помнить, что для творчески одаренной личности создаваемые ею новые идеи являются более истинными, чем уходящие в прошлое несовершенные и устаревающие идеи, субъективно осознаваемые как недостаточные и ложные? Так, в математике законы Эвклида со временем уступили место законам Лобачевского. Есть некоторая аналогия между развитием истинности научных представлений и «взрослением» честности ребенка, преодолевающего многочисленные ложные мифологические, сказочные, игровые, имитационные представления детства и заменяющего их более истинными научными представлениями школьных

предметов (может быть, еще и потому, что ложь и неправда в силу своей множественности и неоднозначности более доступна и легка в использовании, чем однозначная и труднодоказуемая истина?).

Так молодость в своем стремлении к новым истинам стремится заменить старость (с возрастом – и в себе тоже) с ее устаревающими догмами и присущей им истиной-ложью... «Что нового?» профилактически вопрошают друг друга люди при каждой следующей встрече, как бы требуя обновления отраженной в правде и истине меняющейся на глазах жизни... Как удачно сказал Т. Бурек: «Правда всегда находится в пути»... Может быть, в ощущении этого генезиса лжи-истины и неправды-правды кроются настоящие корни познания? Может быть, действительно правы Г. Гегель, утверждавший, что «истина рождается как ересь и умирает как заблуждение» [190, С. 174], К. Берне, сказавший, что «истина – это заблуждение, которое длилось столетия» [190, С. 173] и дополнивший их, уже в наше время, Р. Акутагава почти теми же словами: «Ложь – это вчерашняя правда» [190, С. 203].

Человека, особенно юного, например, школьника подстерегает еще одна верификационная проблема доверия к окружающему миру, связанная с тотальной абстрагированностью и опосредованностью усваиваемых научных знаний, умений, навыков. Так, почти все научные понятия характеризуются высокой степенью отвлеченности от естественных явлений, когда они охватывают большое и трудно осознаваемое количество объектов по ограниченному числу так называемых существенных признаков. Речь идет о том, что такие понятия имеют большой формальный объем и маленькое «сущностное» содержание, что можно рассматривать как основание для своеобразной односторонней «сущностной» истины в рассматриваемом объекте и одновременно – как предпосылку такой же зеркально своеобразной относительно нее многоаспектной лжи, стоящей за скрытой истиной в его понимании. Такое же уменьшение истинности, а еще больше – правдивости (с ее значительно большей многозначностью) в представлении о сложной действительности происходит при ее опосредствованном, схематическом

понимании с помощью средств анализа и синтеза, индукции и дедукции, систематизации и моделирования – при использовании указанных выше абстрактных понятий и концептуальных средств. По-видимому, это имел в виду великий русский поэт А. Тютчев в своей парадоксальной, на первый взгляд, строчке: «Мысль изреченная есть ложь...» и А. Доде: «Всякая правда, стоит ее высказать, теряет свою несомненность, приближается ко лжи» [190, С. 331]. Возможно, в самом «из-ложе-нии» мысли кроется какой-то момент ее «ис-каже-ния», требующий ее «ис-прав-ления» и этот момент следует подвергнуть внимательному и непредвзятому изучению?

Эти выражения об «изложенной» истине и правде можно было бы считать метафорами, если не принять во внимание тот факт, что точно отобразить действительность в словах не так уж просто. Обычно это сопряжено с индивидуальными вариациями такого отображения, а то и явными ошибками обычных «выразителей» правды жизни. Для доказательства этого можно обратиться к простому эксперименту, попросив участников одного и того же события, например, просмотра только что показанного фильма, кратко описать, устно или письменно, его содержание. В итоге мы получим столько «правдивых» его содержаний, сколько было опрошенных лиц. Кого из них можно в таком случае считать истинным или насколько они лживы относительно сценария самого фильма? В науке, например, в астрономии аналогичное явление известно как индивидуальная ошибка восприятия при наблюдении за космическими объектами, которая зависит от личного времени реакции астронома.

Исходя из признания ошибки синонимом лжи, что утверждается в некоторых ее определениях, можно даже измерить такого рода ложь в баллах – так, как это делается при написании диктанта в школе и оценке грамотности пишущих его учеников. Таким образом проявляются люди с разной степенью грамотности, которая может интерпретироваться как различная истинность по отношению к правилам грамматики. Подобным же образом можно отчасти трактовать и результаты некоторых тестов, хотя в них для определения

склонности к искренности или неправдивости используются специальные шкалы контроля этих качеств (например, в известном личностном опроснике Г. Айзенка).

С недостаточной грамотностью людей связан еще один возможный источник лжи, что особенно ощущается в тех случаях, когда у руководства различными важными общественными процессами стоят малограмотные, некомпетентные люди, которые мало того, что генерируют ложь в силу своего дилетантизма, но и вынуждены, как правило, скрывать свою некомпетентность, обращаясь к изощренным средствам утаивания правды о себе путем мимикрии, маскировки, дезинформации, то есть еще одной лжи. Метко сказал по этому поводу Ф. Ницше: «Мы очень мало знаем и плохо учимся: потому и должны мы лгать» [190, С. 204].

Указанная неточность отображения людьми действительности в слове, предложении, текстовом сообщении как источник и проявление многоликой непреднамеренной неправды или осознаваемой лжи, требует появления искусства мастера слова, который имел бы способность подниматься над посредственностью житейской полуправды и представлять публике образцы высокохудожественной правды, не лишенной, однако, и некоторой толики лжи. Последнее происходит вследствие определенной заангажированности таких мастеров искусств идеологическим (соцреализм или «желтая» пресса), политическим (идеализация власть имущих), коммерческим (реклама непотребной продукции) или мировоззренческим (не всегда высокого уровня) заказом.

В таких и подобных им случаях и возникает массовая парадоксальность, неоднозначность осознания действительности: «Поскольку любая теоретическая система имеет ограниченную сферу действия своих базовых принципов, то использование последних не может быть абсолютно универсальным. Таким образом, для любой системы знания существуют предметные пределы, вне которых ее исходные положения перестают быть мерилем различения истины и лжи. Поэтому указанное “функциональное вынесение” выводных способов

теории во внепредметную область позволяет вывести как утвердительные, так и противоречивые выводы относительно одной и той же мысли...» [175, С. 266-467]. Парадоксальность и неоднозначность человеческого мышления относится не только к теориям, законам, категориям науки, прежде всего к понятиям повседневной жизни. Некоторые исследователи считают, что в повседневных межличностных взаимоотношениях с ложными и неправдивыми проявлениями связаны около 60–70 % всех высказываний и поступков...

Можно представить себе, как из сферы нечестного и неправдивого социального управления и насыщенных обманом житейских взаимоотношений ложь и неправда переползают в сферу труда. Принятие и исполнение профессиональных решений происходит в таких случаях в значительной мере на неточной, ошибочной, неправильной основе. Какой может быть эффективность такого труда и его результаты, очевидно: низкая производительность трудовой деятельности, некачественные и неконкурентоспособные товары, брак, аварии, травматизм, жертвы на производстве и на транспорте, о чем свидетельствует неутешительная статистика. А если к этому добавить и то, что общеизвестно всем: «Кто лжет, тот и крадет», – лежащее в основе коррупции, то становится понятной необходимость принятия мер по охране жизни и труда от лжи и неправды.

Труд по своей созидательной природе настоятельно требует истины и правды, о чем справедливо пишет В. А. Сухомлинский: «Правдивость и честность, непримиримость ко лжи и обману идут от великой правды труда, недаром старинная украинская мудрость говорит: правдивое слово у того на языке, у кого на ладонях мозоли. Сердце труженика восстает, возмущается против лжи и неправды» [168, С. 43]. Именно поэтому в сфере труда введены стандарты качества, которые сдерживают в какой-то степени поток лжи и неправды со стороны некоторых его недобросовестных организаторов и исполнителей. Хотя проблема значительно шире («Беда на свете, если нет правды» [168, С. 61]) и требует принятия и осуществления продуманных

тотальных правовых, организационных, экономических, психологических и педагогических мер, например, на основе закона о честности и правдивости.

Парадоксальное «истинно-ложное» и «правдиво-неправдивое» (с его более слабыми критериями верификации, чем в первой диаде) мышление возникает в общественном познании в массовом порядке также в силу специализации профессиональной подготовки и управления узкими специалистами универсальными социальными и производственными процессами. В таком случае интеграционные тенденции науки и жизни, проявляющиеся в развитии комплексного, системного, синергетического подходов, не успевают за действием тенденций дифференциации научного и житейского знания, остающегося недостаточно целостным и поэтому не всегда истинным до конца. Поистине прав в этом плане Ф. Ницше, высказывая подходящий к данной ситуации пессимистический парадокс: «В мире, который по сути ложен, правдивость была бы противоестественной тенденцией» или «Правдивый человек, в конце концов, приходит к пониманию, что он всегда лжет» [190, С. 331–332]. К этому же можно добавить еще более резкое утверждение Дона-Аминадо: «Взаимное понимание требует взаимной лжи» [190, С. 203], которое верно хотя бы по отношению к людям, разговаривающим на разных языках (но кивающим друг другу в знак «понимания») людям и к тем, кто, вступая в диалог на одном и том же языке, исходит из разных мировоззренческих позиций, традиций, этнических норм, взглядов и т. п.

Можно согласиться также с Ф. Достоевским, который утверждал в «Заметках из подполья», что вся парадоксальность унижения и возвышения человека ложью и неправдой его эпохи порождалась чрезмерной опосредованностью человеческого сознания, слишком «усиленным сознанием» человека, что он считал настоящей болезнью. Для нормального человеческого обихода достаточно было бы, по его мнению, половины, четверти того опосредования, что дало человеку девятнадцатое столетие. Он даже предлагал вернуться к нормальному «непосредственному человеку», завидуя этой его непосредственности... Особенно опасным, по его убеждению, стало

чрезмерное опосредствование человека вещами и деньгами, которые, являясь, в сущности, средствами существования человека, заняли в обществе непомерно доминирующее над человеком положение. Цель и средство в таком обществе поменялись местами и поэтому вещи и деньги не только не обеспечивают нормальное существование человека, но и убивают в нем человеческое, а часто и его самого, что писатель художественно верно показал в своих произведениях.

Можно спорить с этими мыслями гениального писателя и философа, но не это ли непомерно разросшееся опосредствование («овеществление» и «оденежвление») сознания человека привело уже в следующем веке к его катастрофическому обесцениванию и как следствие – к необдуманным глобальным социальным экспериментам (необходимость которых была выведена из ложных посылок известного экономиста, основанных на ограниченной трактовке понятий «товар–деньги–товар» и т. п.), к двум мировым войнам (за обладание жизненным пространством), к экологическому кризису, Чернобылям, массовому терроризму, к угрозе тотального ядерного самоуничтожения?

Не следовало ли бы в таких случаях больше внимания обращать на звучащие в современной психологии рекомендации, например, на положение известного психолога и эпистемолога Ж. Пиаже о том, что одним из важнейших критериев сформированности мыслительной операции является ее обратимость, как возможность возвращения к исходному этапу ее развития. К этому же ряду относится и один из советов инженерных психологов диспетчерам сложных дистанционных систем управления, например, железнодорожными перевозками, – время от времени отрываться, с целью профилактики ошибочности восприятия действительности, от своих мониторов и возвращаться, в буквальном смысле выходить в конкретные полевые условия, где осуществляются реальные процессы, которыми они управляют.

Упомянем в этом месте и такую форму парадоксального мышления, как юмор, предельные формы и средства которого способны разрушать самые серьезные категориальные и понятийные представления о действительности.

Являясь, по сути своей, оздоровительным и реконструктивным, юмор, однако, в его предельных массовых и назойливых формах воздействия может не оставить камня на камне от серьезных и необходимых теоретических и эмпирических построений именно благодаря своим парадоксизмам.

Проблема нередко уродливого соотношения между истиной и ложью, правдой и кривдой имеет к указанным выше катастрофическим тенденциям прямое отношение, однако оказывается на периферии человеческого сознания и человеку приходится решать ее уже в критических ситуациях, с опозданием, путем интуитивных проб и мучительных ошибок и потерь. А не проще ли было бы вынести проблему истины и лжи, правды и несправедливости в центр общественного сознания, учить ее решению уже в школе, полагая ее центральной проблемой воспитания и обучения, вводя для этого в качестве основных такие учебные предметы, как «Истина и ложь», «Правда и несправедливость», «Добро и зло», «Жизнь и смерть»... Интересно, что последняя в этом списке проблема, известная в богословии под названием эсхатологической, и являющаяся, в сущности, главной для человека проблемой, так и не стала в центре светского образования, тогда как в религиозном занимает одно из главных мест. Не является ли это (и не только это!) фактом утаивания истины и «маленькой» лжи, правды и неправды со стороны «научно» обоснованного обучения и воспитания, закрывшего «двери» образования и изгнавшего данную проблему из учебного содержания? И не потому ли проблема жизни и смерти стучится и рвется теперь во все «окна», например, средств массовой информации, отражающей реальное балансирование человека между жизнью и смертью в действительности и виртуальности?

В этом смысле целесообразным представляется издание учебников, пособий, журналов, разработка программ средств массовой информации под названием «Истина», «Правда», «Справедливость» и т. п., которые могут способствовать ориентации миллионов людей в сложном мире верификации действительности.

Конечно, рассмотренные выше виды истины-лжи являются в своем большинстве непреднамеренными (как сказал бы П. Таранов: «Человек никогда не лжет; он просто избегает нежелательной правды»). Это не прямое корыстное убеждение в неправде или прямой обман, дезинформация или фальсификация с целью получить выигрыш за счет другого, это не хитрость или хитромудрость, ложь во спасение во имя сохранения статус-кво в отношениях, это не ложь-ошибка или невинная ложь как намеренно скрытая малозначимая истина, не имеющая негативных последствий в сознательно ограниченной ситуации «тут и теперь», это не ложь-измена или подлое предательство с задачей ослабить или устранить партнера как ненужного свидетеля или чересчур честного «препятствия» на пути к выигрышу, это не ложь-полуправда или маленькая ложь в полной мере, – конечно же, но что-то от этого все же есть в такой беспомощной истине-правде и непреднамеренной лжи-неправде? И за это человечество и человек платят такую же непреднамеренную цену в виде утраты благополучия, здоровья, а то и жизни. Не об этом ли говорит Вольтер, утверждая, что «Ложь бывает пороком лишь тогда, когда она делает зло, но когда она творит добро, тогда она – великая добродетель» [190, С. 203].

В своем бытии человек как бы обречен паутиной иногда неразрешимо запутанных повседневных отношений обращаться ко лжи и неправде и двигаться от нее к истине и правде. И, наоборот, – демонстрировать чудеса адаптации, конформизма, мимикрии и гамму других свойств своей личности, обеспечивающих ей более или менее сносное существование в пространстве отношений с полярными координатами «истина-ложь», «правда-неправда», тем более, что существует на этот случай целая система оправдания, аргументирования, извинения и прощения как перед самим собой, так и перед людьми.

Ну как устоять, например, слабому человеку перед сладкой ложью-лестью, в которой ведь содержится какая-то правда, ну пусть преувеличенная, но надо же и подпитывать собственное самолюбие, которое готово оправдать эту маленькую приятную ложь, тем более, что в нее верится больше, чем не верится.

Какими же психологически непреодолимыми бывают ситуации инверсии, оборачивания ценности истины в сознании человека, замены истины ложью, о чем так точно написал А. Пушкин: «Тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман...»

Поэтому логично в некоторых случаях говорить о «мирном» сосуществовании истины и лжи, честности и лживости как в одном человеке, так и в отношениях между людьми – часто в силу их личностного своеобразия, нравственной, духовной слабости. Вспомним определение личности Н. Я. Гротом как «сверхиндивидуального, божественного, творческого начала в человеке» [17]. Борьба истины с ложью в самом человеке и в обществе доступны, по-видимому, лишь сильной личности, в частности, творчески одаренной личности, стремящейся к успеху, который не совместим с ложью и неправдой, но часто при условии, что истина и правда будут поддержаны сильным в личностном отношении, духовно развитым обществом. Однако не исключен и какой-то вариант конформизма или компромисса личности со слабым, инфантильным обществом и даже вариант временного «верификативного договора» с обществом, пораженным болезнью лжи и неправды во имя выживания личности в таких условиях.

И наоборот, слабый в личностном отношении человек и слабое по уровню утверждения в нем истины и правды (прав человека) общество обречены оставаться посредственными в политическом, социальном, экономическом, научно-техническом и других отношениях. Решающим, в конечном счете, является реальный выбор людьми и обществом в пользу истины и правды и их доминирования над ложью и бесправием.

Можно говорить и о необходимой диалектике сосуществования истины и лжи, что делает верификационную полярность мира в определенной степени «естественной» и неистребимой. Эта диалектика может быть осуществима в разных целесообразных осознаваемых формах, например, в той же форме высокого доминирования истины над ложью или, наоборот, в форме низкого противостояния доступной вначале малой истины неустрашимой и необходимой

большой лжи и наоборот. Или же бывают случаи, о которых сказал В. Бертошевский: «Иногда ради точности к правде добавляют мелкую ложь» [190, С. 203].

В таком случае «внизу» истина и ложь могут сосуществовать сначала в режиме враждебного сосуществования или стремления к взаимному уничтожению их носителей, угрозу которого, однако, часто снимает (а иногда и не останавливает – тогда конфликт, война!?) инстинкт самосохранения, когда ложь как бы временно побеждает истину, но в стремлении человечества «вверх», к жизни, в ходе естественного сотрудничества и перетекания первой во вторую, в процессе противоречивого развития, когда, например, ложь нужна для лучшего осознания истины, происходит утверждение истины через отрицание лжи. В таком случае относительная и субъективная ложь психологически трансформируется, оборачиваясь через отрицание в относительную и объективную правду, а иногда и в истину. Критерием, мерой здесь выступает человеческое благополучие, счастье человека. Примеров этому – множество, особенно во взаимоотношениях сторон любви, партнеров финансового благополучия, субъектов жизненного успеха (об этом говорят пословицы: «Кто любит и счастлив, тот всегда прав», «Кто богат, тот и прав», «У кого сила, у того и правда»; к этому же подходит утверждение Марка Твена: «Правда – наше самое драгоценное состояние. Давайте бережно с ней обходиться» и т. д.).

Что же является главным критерием истины? Этот вопрос следует, на наш взгляд, переформулировать! Не что, а кто! Критерием истины и особенно правды является сам человек, в котором последовательно концентрируются все истины и права, накопленные человечеством за всю его историю и актуализируемые таким конкретным истинным и правдивым человеком в ситуациях его жизни. Вспомним пророческие слова Протагора: «Человек есть мера всех вещей: существующих, что они существуют, не существующих, что они не существуют». Как человек формирует и актуализирует примеряемые к своей сущности личные и общечеловеческие стандарты истины и правды, делающие его гармоничным, внутренне целостным, всемогущим в природе и обществе?

Многое в таком истинном и правдивом человеке еще непонятно, но и то, что уже известно, свидетельствует о том, что истина и правда образует уникальный по своей силе нравственный, эстетический, интеллектуальный ресурс, потенциал, который придает личности невиданную силу.

Человек является многомерным поликритерием истины и правды в силу своего опыта общения, мотивации, своеобразия характера, самоорганизации, компетентности, интеллекта, психофизиологических свойств. Его научная компетентность, способности, одаренность и талант, жизненная мудрость, определяющие успешность его личной жизни и социального поведения, помогают ему отделять истину и правду от лжи и неправды или устанавливать между ними приемлемые соотношения. Такой человек сам является высшей истиной и правдой в своем труде, творчестве, бытии. В случае же каких-либо сомнений в истине он может обратиться к авторитету науки, а в случае сомнений в правде – к общественному мнению, к решению суда или к вере в человеческих богов – Иисуса Христа, Аллаха, Мухаммеда и др. В последнем случае баланс между правдой и неправдой устанавливается с помощью веры в оправдавшие себя постулаты религии, например в заповеди христианской религии, одна из которых прямо призывает «не лжесвидетельствовать», что признается грехом. Религия возвышает значение правды, которая имеет божественное происхождение, усваивается истинным и праведным человеком по образу и подобию Бога, стремится сделать его гармоничной в верификационном отношении божественной личностью как вершиной развития человеческого духа – в Вере, Надежде, Любви.

Однако эта важная сторона развития человека не изучается в достаточной степени ни человековедением, ни персонологией! Более того, общественное и бытовое нивелирование, сокрытие, низ-ложение идеала честной, правдивой личности лишает конкретного человека силы честности и правдивости, служит причиной унижения его чести и достоинства, обесценивает в глазах общества и собственном самовосприятии, приводит к появлению зла и несчастий и

избавлению его от того, о чем сказал Ж. Ренан: «Честность есть истинный аристократизм нашего времени» [190, С. 525].

Другое дело, насколько много людей счастливы, любимы, успешны и в каком окружении они правы и истинны или вынуждены быть лживыми и несправедливыми. Здесь снова права народная мудрость: «Ложь хоть и принесет тебе сперва пользу, зато потом вредом обернется; а правда, если и причинит тебе поначалу вред – потом пользой станет» (узбек.) [115, С. 82];

В подобных случаях движение от большой Лжи и Неправды через маленькую ложь и неправду, истину и правду, к большой Истине и Правде и наоборот можно условно представить в виде следующих простых формул:

Л↔Л-и↔л-и↔л-И↔И и **Н↔Н-п↔н-п↔н-П↔П**

Когда Истина и Правда побеждают ложь и бесправие, то она высока, добра и прекрасна, она обеспечивает прогресс жизни и такая жизнь сама по себе выступает критерием истины и правды. Встреча с истинными носителями высокой истины обнадеживает и возвышает и автор этих строк убеждался в этом не один раз в жизни. Последняя такая встреча с настоящим искателем и открывателем истины состоялась осенью 2011 г. на защите кандидатской диссертации по философии права молодым ученым А. Т. Сила аргументов, глубина обоснования, полнота доводов и системность мышления соискателя были настолько достоверны, убедительны, что это буквально потрясло всех членов ученого совета. Автор этих строк не мог отрешиться от впечатления, что произошло явление настоящего мессии научной истины в данной области науки. Официальные оппоненты практически признались в ненужности критики, а члены совета пожалели о том, что соискателю нельзя сразу присвоить степень доктора наук, а всего лишь кандидата. Свет Истины витал тогда в конференц-зале, философия права переживала торжественные минуты своего славного существования, верилось в Истину и Правду человечества, в царство разума и света на земле, в божественность науки. Это был убедительный пример того, как выбор одаренным мыслителем пути искания истины и служения правде сразу поднял его авторитет ученого, сделал его талант непререкаемой ценностью,

необходимой для открытия глубин Истины и достижения еще больших высот Правды. Это ощущение подтвердили и отзывы студентов в Интернете об А. Т. как о преподавателе. В этих отзывах перед людьми предстала духовно полноценная личность во всей своей преданности Добру, Красоте и Истине.

В связи со сложной картиной взаимоотношений между истиной и ложью, правдой и неправдой, возникает вопрос об этических и психологических возможностях человека в осуществлении честного и правдивого поведения и противодействии лжи и неправде в окружающем его «мире истины и лжи». В этом смысле обращает на себя внимание так называемый верификационный принцип, разработанный в философии науки, и рекомендованные американским психологом Полом Экманом средства опознания и изобличения лжи [188].

Верификационный принцип (от латин. *verus* – истинный и *facio* – делаю) – это «принцип философии науки, согласно которому определяется истинность или ложность научных теорий, выясняется, какие эмпирические составляющие научных теорий подтверждают или опровергают теоретическую составляющую науки, а также, имеют ли рационально-познавательный смысл «метафизические» утверждения в философии науки. В широком спектре в понимании верификационного принципа воплотились разные методологические установки: как такие, согласно которым содержание научных теорий может быть сведено, «редуцировано» к содержанию эмпирического знания, так и такие, согласно которым теоретическая составляющая науки лишь опосредовано может быть подтверждена или опровергнута эмпирической верификацией...» [188, С. 76].

Верификационный анализ наиболее важен при решении научных, политических, экономических, медицинских, инженерных, технологических, а также многих семейных, бытовых и житейских проблем, когда скрытая истина или преднамеренная ложь может дорого стоить людям.

Поэтому и осуществляется научное открытие истины, судебное расследование преступлений против нарушения прав человека, художественное постижение правды жизни, религиозные наставления против лжесвидетельствования, тайные разведывательные действия по установлению

скрытых сведений, экспертиза событий на соответствие нормам истины, монашеское служение божественным каноническим истинам, юношеское постижение правды, правозащитная деятельность, подвижничество правдоискателей, засекречивание важных сведений, маскировка истинных намерений, скрытые тайные операции, музейная консервация исторических истин, сохранение документальной правды в архивах и человеческой памяти – все это специфические виды искания, защиты и служения истины.

В дополнение к научной философской верификации теоретических положений науки, существует также и повседневная, личностная верификация человеком тех или иных высказываний его партнеров по общению, когда человек может выступать с позиций как полного доверия к ним, как абсолютно правдивым, так и с позиции подозрения в их ложности. Такого человека можно рассматривать, вслед за Полом Экманом, в качестве верификатора с тем или иным отношением и теми или иными средствами установления истинности или ложности высказываний [188].

Одной из важнейших причин сосуществования в человеке истины и лжи, истинности и лживости, правдивости и неискренности является, как мы уже говорили, функциональная ограниченность его психики. Она проявляется в:

- недостаточной его социальности и индивидуальности;
- сравнительной слабости и односторонности личности;
- преобладающей заземленности его мотивации;
- эгоизме;
- неразвитой рефлексивности и самоорганизованности;
- консерватизме опыта;
- несистемности интеллекта по отношению к многообразию задач (многие из которых не замечаются или сознательно игнорируются субъектом);
- отсутствии адекватных интеллектуальных средств решения задач;
- бессознательном отношении как к позитивным, так и к негативным свойствам своей нервной системы.

В частности, многие люди фактически не знают о существовании собственного темперамента, предпочитая иногда даже иронизировать по поводу его типов, чем четко знать, что некоторые собственные ошибки, болезни прямо связаны с его неосознаваемым наличием и влиянием. Многообразие личностных свойств человека предопределяет субъективный характер и своеобразие осознания истины и правды, лжи и неправды в каждом конкретном случае.

В связи с этим, следует признать, что существуют, по-видимому, индивидуально-типологические предпосылки выбора между истиной и ложью, правдой и неправдой – в зависимости, например, от типа темперамента и вида функциональной асимметрии полушарий головного мозга, от типа интеллекта («мыслители» или «художники», логики или интуитивисты), опыта (консервативного, индифферентного или инновационного), характера (интровертированного или экстравертированного, честного или склонного к обману, педантичного или неорганизованного, трудолюбивого или ленивого, требовательного к себе и людям или снисходительного, принципиального или индифферентного к вопросам морали, эгоистического или альтруистического, эгоальтруистического или альтруистоэгоистического и т. д.), мотивации (склоняющей к значительным достижениям или довольствующейся малым, целеустремленной или безвольной и т. п.), стиля общения (авторитарного, либерального или демократического). Еще П. Чаадаев заметил, что «есть умы столь лживые, что даже истина, высказанная ими, становится ложью» [190, С. 205], а А. Адлер утверждал: «Ложь связана с отсутствием смелости сказать правду» [190, С. 204].

По нашим наблюдениям, некоторые холероиды склонны к чрезмерному оптимизму, прожектерству и соответствующему их типу предпочтения правды или лжи, сангвиноиды – к амбициозно-высокомерной собственной правде-лжи как безапелляционной и единственно возможной, равновесные – к конкретной правде и лжи в ограниченной ситуации «здесь и теперь», меланхолоиды – к принципиальной истине и правде или же к неправде от страха и тревоги или же ко лжи от усталости-истощения, флегматоиды – к «естественной» полуправде и

оправданной лжи – в силу негативизма, нигилизма и склонности к протесту. К этому следует добавить своеобразное (пренебрежительное или подозрительное) отношение к истине или правде со стороны людей с признаками амбициозности, нарциссизма, гордыни, культа собственной личности или, наоборот – униженности, оскорбленности, находящихся в состоянии эмоционального напряжения, стресса, раздражения, возбуждения, вдохновения, любви или, напротив, неприязни, ненависти и т. д. Проблема субъективного характера отношения личности к истине и правде, лжи и неправде требует, конечно, более глубокого исследования.

В зависимости от профессии, доминирующих занятий и мировоззрения личности, истина и правда могут быть соответствующих видов (расположим их в порядке убывания жесткости критериев верификации): научная (математическая, физическая, химическая, биологическая, экологическая и т. д.); философская; логическая; медицинская; психологическая; педагогическая; общественная; политическая; рыночная; торговая; супружеская; житейская; гендерная; бытовая и т. д. Могут быть рассмотрены и такие виды истины, как предполагаемая (гипотеза), вероятностная истина, пост-истина, прото-истина, ретро-истина, вымышленная правда, истина о лжи, правда о неправде и т. п. Следует признать, что существуют временные колебания интенсивности истины и правды и, напротив, лжи и неправды, связанные, например, с радостной эйфорией или глубокими кризисами, как об этом выразился, например, канцлер Германии О. фон Бисмарк: «Никогда столько не лгут, как во время войны, после охоты и до выборов» [190, С. 204], когда, по выражению Теренция, «одна ложь родит другую» [там же].

Верификационная деятельность в широком понимании состоит не только в поиске и обосновании истины, утверждении и служении правде, но и в изобличении и противодействии лжи и несправедливости. Следует учитывать трудности, проблемы верификации, определяемые сопротивлением лжецов, противоречивыми интересами сторон, стереотипами убеждений в истине или

лжи, застоём мысли, заблуждениями, установками, верованиями, фанатизмом и мн. др.

Проблеме верификации фактически посвящена уже упоминавшаяся книга известного американского психолога Пола Экмана «Психология лжи». В ней лейтмотивом проходит мысль о том, что в «стране лжи», каковой автор аргументировано называет США, все же, несмотря на то, что ложь и неправда нередко проявляются даже на высшем уровне руководства, истина и правда все же остаются жизненно важными и необходимыми ценностями, во имя которых ведется борьба с ложью и бесправием [25]. Для обоснования понятия «страна лжи» он обращается к многочисленным примерам «высокопоставленной» лжи в США – лжи президента Джонсона о вьетнамской войне, Уотергейтском скандале с ложью президента Буша, обману президентом Рейганом американского народа в деле Иран-контрас, лживому поведению сенатора Эдварда Кеннеди, подозреваемого в смерти его подруги в Чапаквидике, плагиату сенатора Байена, лжи бывшего сенатора Гери Харта во время кампании по выборам президента в 1984 г., касающейся его тайного романа, к многочисленным случаям лжи в деловом мире, спорте и т. д.

П. Экман рассказал также о своем пребывании в СССР в 1989 г., когда ему сообщили о том, что советская страна живет в атмосфере лжи вот уже 70 лет, когда власти скрывали, например, истину о внутривластной борьбе, интригах руководства, правду о судебных процессах, репрессиях, голодоморе, огромных потерях советского народа во время Великой Отечественной войны и многом другом. При этом люди всегда знали, что им лжет партия и правительство о многих событиях истории и перспективах развития. Ложью руководства, в частности, Генерального секретаря ЦК КПСС М. Горбачева сопровождалась Чернобыльская катастрофа, когда намеренно скрывались факты и преуменьшалась опасность радиации для рядовых граждан, тогда как семьи руководителей страны были заблаговременно эвакуированы из Киева. Пол Экман утверждает в своей книге, что «Россия стала страной, в которой ложь и мошенничество превратились в норму и все знали о коррумпированности

системы и несправедливости законов» [188, С. 287]. К чему это привело – общеизвестно: огромная страна распалась под тяжестью лжи и неправды.

То же самое, к сожалению, можно сказать и о современной независимой Украине, которую в мире считают одной из самых коррумпированных стран, где простые граждане выбирают во власть лживых политиков, обкрадывающих своих избирателей. Лгут многие (к счастью – не все!) кандидаты и депутаты, юристы и экономисты, судьи и правоохранители, производители и продавцы некачественных товаров, врачи и журналисты, мужья и жены, взрослые и дети. Причем врут по убеждению, принципиально, умея обосновывать ложь не хуже, чем это делали древнегреческие софисты... Создается впечатление, что лжемания захлестнула значительную часть людей, предпочитающих жить в «мире лжи и бесправия», чем в «мире истины и правды». И чтобы преодолеть это, необходимо, но уже недостаточно, лишь воспитывать у людей честность и правдивость уже с детства, следует учить их распознавать и изобличать повседневную ложь и неправду, бороться за истину и правду, что означает борьбу за Добро против Зла, ибо «Благочестием держава сильна!»

П. Экман утверждает: «Нация не может выжить, если никто не верит ни одному из своих лидеров!» Творчески одаренная молодежь, претендующая на лидерство, должна сделать свой выбор в пользу Истины и Правды, честности и правдивости – чтобы выжить перед лицом серьезных нравственных вызовов человечеству, самым опасным среди которых является вызов со стороны лжи и неправды.

Очевидно, что истина и правда доминируют в человеке на высшем уровне его развития – личности, которая конструктивно, творчески, гуманистически обращена во внешнюю окружающую и внутреннюю образующую ее действительность, то есть в социум, ноосферу, космос, в микромир своего организма и в самую себя. В этом сложном многомерном, иерархическом, динамическом мире даже при истинном и правильном его понимании очень нелегко сориентироваться. Но при наличии лжи и неправды – еще труднее, а порой и невозможно. Ложь и неправда, как кривое зеркало, всегда создавали и

все еще создает в сознании человека ложный и опасный мир с тупиками и провалами, из которых часто нет выхода и возможности возврата в исходное положение. Человек живет в таких случаях в виртуальном мире мифов, нарративов, теряет адекватную ориентацию в действительности, жизненные смыслы, интересы, утрачивает перспективы самой жизни, о чем свидетельствуют, в частности, народная мудрость и выдающиеся мыслители.

Пол Экман предлагает целый ряд приемов изобличения лжецов. Оказывается, уже одно обнаружение и предание гласности лжи ставит ее носителей вне этических норм, вне кодекса чести общества, за чем следует моральная и правовая ответственность за нее. Стремление людей к истине и правде, к честности и правдивости поддерживается Конституцией большинства стран, гражданскими, уголовными, административными, корпоративными кодексами, следование которым обеспечивают гражданский мир и благополучие людей. Следует учитывать, что ложь и неправда коренятся не только в лгунах, но и в тех, для кого они лгут, с кем разделяют ответственность за консенсус между ложью и правдой. Как правильно сказал по этому поводу Дж. Битти: «Никто не станет врать, если никто не слушает» [190, С. 204]. Лживость и неправдивость – это не только индивидуальное, но и социальное явление, закономерности которого следует изучать комплексно.

Ложь и несправедливость не так уж и сильны, поскольку чаще всего действуют в условиях нравственного «подполья», маскируясь, прикрываясь истиной и правдой. Приведем краткое изложение некоторых положений теории и практики изобличения лжи по П. Экману. Так, он определяет ложь «как действие, которым один человек вводит другого человека в заблуждение, делая это умышленно, без предварительного уведомления о своих целях и без отчетливо выраженной со стороны жертвы просьбы не раскрывать правды» [188, С. 32]. Он выделяет две основные формы лжи: умолчание (сокрытие правды) и искажение (сообщение ложной информации), и несколько других разновидностей лжи, таких как сокрытие истинной причины эмоций, сообщение правды в виде обмана; полуправда и сбивающая с толку увертка.

Можно дополнить эту классификации видов лжи и неправды еще несколькими, такими как: мифологическая, бытовая ложь, клевета, наговор, псевдонаучная ложь, интригующая ложь, сплетня, умная ложь, глупая ложь, ложь-неверие, заблуждение, намеренная и случайная ложь, неточность, мнимая и псевдоложь, хвастовство, лесть, лицемерие, ошибка, ложь о правде и правдоподобная ложь, спасительная ложь, убедительная ложь, предвыборная ложь, дезинформация, имитация, погрешность, софизм, парадокс, сладкая ложь, обман, самообман, полезная, рациональная, случайная ложь, скептическая, нигилистическая и негативистическая ложь, безобидная ложь, рекламная ложь, протестная ложь, пробел, фантастическая ложь, лесть, преувеличивающая достоинства и преуменьшающая недостатки ложь, любовная ложь, похвальба, ложь о лжи, лживая ложь, нужная ложь, маленькая ложь, упущение, промах, хитрость, грезы, мечтательная ложь, раздвоение души, хитромудрость, циничная ложь, промах, индивидуальная и массовая ложь, ранящая и убивающая ложь, самоубийственная ложь и т. д. Ложь настолько распространена, что у каждого человека в ходе жизни накапливается опыт как порождения лжи и пользования ею, так и ее выявления на основе знания особенностей, признаков ее применения другими людьми.

Признаками обмана П. Экман признает ошибки в поведении лжеца, связанные с нечаянной утечкой информации и собственно информацией о наличии обмана, хотя такие ошибки случаются не всегда, поскольку лжец часто ведет себя безупречно [188, С. 32–33]. Автор выделяет такие ошибки лжеца, когда его ложь не удается, как неудачная линия поведения (в силу необходимости обдумывать, подбирать каждое слово, прибегать к паузам, напряжению мышц лица, особой жестикულიции), ложь в чувствах (поскольку их трудно фальсифицировать), собственно чувства лжи, связанные с боязнью быть раскрытым, например, страхом разоблачения, муками совести, восторгом надувательства и т. д.

Ложь можно обнаружить также в словах, в голосе (хотя и менее вероятно), в пластике движений, в проявлениях вегетативной нервной системы (покраснение

или побледнение кожи), что требует, однако, дополнительных исследований, ввиду их неоднозначности. Так, скрыть что-то или исказить истину при помощи слов проще всего, хотя при этом и случаются ошибки, в основном, из-за беспечности лгуна – оговорки, тирады, а также уклончивые ответы или увертки [188, С. 78].

Мимика лица также может быть информативной при выявлении признаков обмана. Об этом могут свидетельствовать микровыражения, смазанные выражения лица, расширение зрачков, слезы, румянец и бледность, асимметрия выражений, их излишняя длительность и несвоевременность, фальшивая улыбка – «некоторые из этих признаков выдают скрываемые чувства, другие свидетельствуют о самом факте утаивания чего-либо, третьи же – просто говорят о том, что выражение лица является фальшивым» [188, С. 139].

Учитывая искусность лжецов и неопытность их жертв, Пол Экман говорит также об основных ошибках самих верификаторов в их подозрениях о наличии лжи и мерах предосторожности, необходимых при истолковании поведенческих признаков обмана. Он утверждает, что «верификатору нужно постоянно оценивать вероятность того, насколько жест или выражение лица может говорить о лжи или правде: полная уверенность возможна очень редко. Подозреваемый обычно осознается как лжец только в том случае, когда противоречивые эмоции явно читаются на его лице (микровыражения) или часть скрываемой информации прорывается в тираде» [188, С. 162–163]. Ученый дает верификатору специальные рекомендации для повышения вероятности изобличения лгуна. Не будем приводить их полностью, ограничимся лишь пятью из десяти предложенных автором [188, С. 163–164]:

1. Попытайтесь точно осознать основания любых ваших догадок или интуитивных предчувствий о том, лжет ли вам человек или говорит правду.

2. Помните, что при обнаружении обмана существует две опасности: неверие правде (когда говорящего правду принимают за лжеца) и вера лжецу (когда лжеца считают говорящим правду) – необходимо рассмотреть последствия каждой из этих ошибок (учитывая и то обстоятельство, что, с одной

стороны, «нет глупее лжи, чем неправильно понятая истина» 190, С. 204], а, с другой, – что «ложь тем опаснее, чем правдивее» [190, С. 204].

3. Внимательно поразмыслите, нет ли у вас каких-либо предубеждений в отношении подозреваемого во лжи, и если они имеются, то подумайте, как они могут помешать вынесению правильного суждения. Не пытайтесь признать человека лгуном, если вы охвачены ревностью или подверглись вспышке ослепления.

4. Поразмышляйте и о том, знает ли человек о подозрениях в свой адрес или нет, и не забывайте, что потери и приобретения будут неизбежны в обоих случаях.

5. Никогда не делайте окончательного вывода о том, лжет человек или нет, только на основании собственной интерпретации поведенческих признаков обмана – следует обратиться к более подробной информации и более глубокому расследованию. Поведенческие признаки, как и показания детектора лжи, никогда не могут быть абсолютными доказательствами сами по себе.

В связи с этим, Пол Экман обращается к возможностям использования детектора лжи в качестве средства верификации. Рассмотрев разные случаи применения этого технического средства, он приходит к некоторым выводам о точности его работы [188, С. 184]. По его мнению, большой вес должен придаваться тем испытаниям на детекторе лжи, которые предполагают, что подозреваемый говорит правду, а не тем, которые предполагают обман с его стороны.

Когда результаты испытания на детекторе лжи предполагают ложь, то это вовсе не должно рассматриваться как достаточный повод для обвинения в обмане. Подтвержденный испытаниями на детекторе обман должен считаться лишь основанием для продолжения следствия. Другими словами, детектор лжи не дает однозначных свидетельств о лжи, ограничиваясь вероятностными гипотезами о ее наличии.

И все же детектор лжи, дающий лишь вероятностную ее оценку, используется в США при приеме на работу, в полиции, для выявления шпионов,

при проверке сотрудников, для обнаружения источника утечки информации и для устрашения. Он добавляет свои специфические основания для комплексной оценки поведения истца. Не все случаи лжи снабжены поведенческими признаками. В некоторых случаях обман совершается настолько легко, что не оставляет в поведении никаких следов, в других же – их хоть отбавляй. Поэтому Пол Экман предлагает специалистам свою технику обнаружения лжи, которая «позволяет человеку, подозревающему обман, оценить, насколько основательны или безосновательны его подозрения... Эта техника может быть полезной и для самого лжеца: указать ему, что на этот раз обстоятельства против него, и не дать ему пуститься во все тяжкие, удержать от дальнейшей лжи. Или же наоборот – лжец может воодушевиться той легкостью, с какой он уворачивается от ловушек, и сосредоточить все свое внимание на том, как избежать их в дальнейшем» [188, С. 212–213].

В основе предложенной П. Экманом техники изобличения лжи лежит анкета [188, С. 299–302], почти половина вопросов которой (18 из 38) помогает определить, «намерен ли лгущий скрыть или исказить эмоции, лжет ли он относительно чувств и какие именно чувства он при этой лжи испытывает» [188, С. 242]. Данная техника, как и вся книга П. Экмана, должна помочь верификаторам, а не лжецам. Если можно так выразиться, его подход основан на презумпции истины в верификационной оценке человеческих взаимоотношений. П. Экман признает, однако, что иногда в политике, сфере безопасности, дипломатии, военном деле, в некоторых ситуациях жизни ложь в виде хитрости, умения хранить тайну иногда полезна и даже необходима – тогда можно говорить о лжи во благо, в отличие от лжи во зло. Но в науке, политике, медицине, управлении обществом ложь чаще всего аморальна, опасна и недопустима. Он приводит слова Т. Джеферсона: «Искусство управления есть искусство честности». Творчески одаренная личность как лидер, публичный политик, исследователь, инженер, должна владеть искусством честности, исключая любую ложь.

Важным компонентом этого искусства должна стать способность к верификационной деятельности по установлению истинности или ложности, правдивости или неправдивости той или иной теории, концепции, системы понятий, утверждений, мнений и т. п. Можно самым приблизительным образом представить верификационный путь к истине и правде. Путь к истине предполагает последовательность действий по:

- а) формулированию гипотезы как предположения об истине;
- б) доказательству гипотезы об истине – экспериментальному, логическому, фактологическому;
- в) собственно формулированию истины, составлению ее формулы;
- г) проверке формулы истины в ходе той или иной деятельности и жизнедеятельности.

Путь к правде лежит через:

- а) доверие к утверждению;
- б) аргументирование утверждения в соотнесении с критериями жизненности, а также духовными ценностями Добра, Красоты и Истины;
- в) принятие формулы правды к сведению;
- г) проверку формулы правды поступками, общественным поведением, жизнедеятельностью и путем соотнесения с этическим кодексом.

Впрочем, служение личности Истине и Правде не такое уж простое и легкое дело. Поэтому, возможно, в этом деле ей может оказать помощь специальная философская, психологическая, педагогическая служба консультативной поддержки честности и правдивости личности в конкретных верификативных проблемных ситуациях, от решения которых могут зависеть жизнь, здоровье, благополучие, счастье человека и его окружающих. В центре внимания этой службе должна стоять психологическая истина и правда о личности, которая далеко еще не раскрыта для человека. Как показывает опыт работы традиционной психологической службы, личностные проблемы, с которыми обращаются в нее за помощью клиенты, часто связаны именно с

психологической ложью и неправдой о человеке и его взаимоотношениях с другими людьми.

Проблема истины и правды, честности и правдивости в их противодействии лжи и неправде, лживости и несправедливости еще должна быть поставлена как глобальная общечеловеческая и личностная проблема и решаться с привлечением лучших мыслителей и специалистов. Исходным при этом является опора на духовность, согласно которой Истина образует единство с Добром и Красотой, а Вера – с Надеждой и Любовью, осуществляемыми в условиях Свободы и Справедливости. Безусловно важно учитывать особенности менталитета, которые способствуют или затрудняют выполнение существующих законов, кодексов, правил поведения, норм следования истине, правде и защиты прав человека. Служение Истине и Правде предполагает также преданность общечеловеческим и национальным ценностям, среди которых базовыми являются ценность и самоценность личности каждого человека, его честь и достоинство.

Поучительным для творчески одаренной личности примером решения указанной проблемы искания истины и служения правде может быть жизнь многих известных мыслителей человечества, в частности, таких гениальных физиков XX века, как А. Эйнштейн и А. Сахаров.

Величайший открыватель истины А. Эйнштейн, создавший общую и специальную теорию относительности, открыл физикам путь к познанию атомного ядра, освобождению ядерной энергии и созданию атомной бомбы. Ученый понимал значение ядерного оружия для противодействия фашистской агрессии и сделал все для того, чтобы оно попало в надежные руки, которые распорядились бы им по справедливости. Поэтому 2 августа 1939 г. он с группой физиков обратился к президенту США Ф. Рузвельту с призывом развернуть работы по созданию атомной бомбы. Через шесть лет такая бомба была создана и была готова к использованию против Японии. Однако при этом могли пострадать тысячи мирных жителей. Когда такая угроза стала реальностью, А. Эйнштейн, осознавая катастрофические последствия использования ядерного

оружия реакционными политиками, выступил против его применения. Поэтому он вместе с другими физиками направил президенту Ф. Рузвельту 12 апреля 1945 г. еще одно письмо, пытаясь предотвратить тогда уже не столь необходимую атомную бомбардировку Японии. Но было уже поздно – в этот день Ф. Рузвельт ушел из жизни, а следующий президент США Г. Трумэн не остановился перед атомными ударами по двум японским городам – Хиросиме и Нагасаки, в результате которых были уничтожены сотни тысяч людей. Это стало личной трагедией А. Эйнштейна, которому было присуще острое чувство моральной ответственности за использование своих научных достижений.

Биографы ученого выделяют в его мировоззрении гуманистические убеждения в предназначении науки: «Для Эйнштейна наука была синонимом свободной мысли, служащей чему-то надличному и рациональному. Наука служит практическим интересам, не изменяя своему рациональному смыслу и выявляя этот смысл наиболее полным образом, если практические интересы состоят в рациональном, основанном на разуме и науке, а следовательно, на истине и справедливости, переустройстве общества и природы» [90, С. 373–374].

Именно поэтому А. Эйнштейн занял непримиримую позицию по отношению к реакционным политикам США, использовавшим ядерное оружие для угрозы миру и осуществляющим милитаризацию науки. Он выступил со своей позицией по телевидению в феврале 1950 г., а через три года, в разгул репрессий против свободы мысли в стране опубликовал в газете письмо, в котором призвал интеллигенцию встать на «революционный путь неповиновения в духе Ганди» власти, которая, подобная инквизиции, «оскверняет дух конституции. Если достаточное число людей вступит на этот тяжелый путь, он приведет к успеху. Если нет – тогда интеллигенция этой страны не заслуживает ничего лучшего, чем рабство» [90, С. 375].

Почти через 45 лет после этого выступления другой гениальный физик, создатель советской водородной бомбы, академик Андрей Сахаров, повторил путь А. Эйнштейна и выступил против авторитарной системы правления в СССР, возглавив движение в защиту прав человека, свободы мысли, за

утверждение демократии и социальной справедливости. Его гражданская позиция состояла в убеждении о необходимости конвергенции, то есть объединения всего лучшего, истинного и справедливого, что есть в странах с противоположными политическими системами. Эта мудрая позиция встретила противодействие со стороны власти, отправившей ученого в ссылку. Честная позиция Андрея Сахарова вызвала яростное противодействие и во время перестройки, когда он отстаивал ее во время своих выступлений в качестве народного депутата и в какой-то момент сердце правозащитника не выдержало... «Свет истины часто обжигает руку того, кто его несет» (П. Буаст) [190, С. 174].

Эти два гения человечества, так же как и тысячи других подвижников прогресса цивилизации, показали пример принципиальности и последовательности в искании, утверждении и служении Истине и Правде, чему следует вся честная и правдивая часть человечества. К этому же стремится и творчески одаренная молодежь, которая четко осознает необходимость развития и применения своего гуманистического, духовного, интеллектуального потенциала в неутомимом открытии истины, отстаивании правды и решительном противодействии лжи и несправедливости.

Часть II. РОЖДЕНИЕ, РАЗВИТИЕ И УТВЕРЖДЕНИЕ ЦЕННОСТИ И САМОЦЕННОСТИ, ЧЕСТИ И ДОСТОИНСТВА ЛИЧНОСТИ В СЕМЬЕ И СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ

2.1. Рождение и возвышение ценности и самоценности личности ребенка в семье любовью и трудом матери и отца

Роль родителей и прежде всего матери в становлении ребенка как человека, личности, высшей ценности общепризнанна, она исключительна, первична и конституциональна по отношению к другим факторам очеловечивания новорожденного человеческого существа. Мы хотим прикоснуться в этой связи к образу главного существа, от которого преимущественно зависит судьба ребенка – к личности матери, ее способностям как источнике гуманизации, персонализации, аксиологизации ребенка. Сам же ребенок в первые годы своей жизни, примерно до 3–6 лет, как правило, лишен четких и полноценных воспоминаний (тем более – понимания) о том титаническом труде, который выполняет ради него самое близкое и родное для него существо – его мать.

Природа как будто специально покрывает пеленой забвения эти годы и включает сознание, «Я» маленького человека, лишь в конце этого дошкольного периода, через несколько лет после его рождения, как бы скрывая некую тайну этих лет, чтобы подольше сохранить какой-то секрет природы, какое-то волшебство существования в те годы уникальной общности матери и ребенка, которой присуще почти полное отсутствие антагонизма, более того – наличие самой искренней взаимной любви, позволяющей матери без каких-либо помех совершать загадочное главное действие и передавать родившемуся из своего тела ребенку, до появления его сколько-нибудь заметной автономности, сознательной саморегуляции, как можно больше человеческих ценностей, гуманистических эталонов развития личности.

Недаром ведь еще Л. С. Выготский утверждал, что новорожденный человек обладает максимальной социальностью и, добавим, гуманностью, духовностью – в своей абсолютной зависимости от человеческой культуры и в своей уникальной ангельской готовности ассимилировать, освоить и развить все человеческое, социальное, личностное.

Представляя всю сложность характеристики личности матери, мы не претендуем на ее полноту в нашем изложении. Разрабатывая ее некоторый вариант вслед за другими исследователями этой тайны, мы ограничиваем свою задачу попыткой сбора и первичной группировки имеющихся в нашем распоряжении сведений о психологических качествах женской личности как матери, особенно тех, которые характеризуют ее в акмеологическом плане. Ведь известно, к сожалению, что, наряду с талантливими матерями, а их подавляющее большинство, существуют и такие, которые по ряду причин уже при рождении отказываются от своих детей, а также те, что исполняют свой материнский долг явно неудовлетворительно. На их фоне, а также на фоне тех случаев, когда ребенок остается без матери и попадает в маргинальную среду или даже в звериные стаи (известны многочисленные примеры этого в Европе и Азии), навсегда утрачивая возможность стать человеком, миссия нормальной и выдающейся матери в очеловечивании ребенка, превращении его в человеческую личность особенно отчетлива. Именно эти примеры находятся в поле нашего внимания. Нас интересует способная, одаренная, талантливая мать как источник гуманизма, как созидатель, творец одаренности ребенка, превращения его в человека, в личность. Эта связь между одаренностью матери и одаренностью ребенка очевидна, но природа ее не столь понятна, даже таинственна.

Мы используем при этом данные педагогов и психологов, наших коллег и данные собственных наблюдений и размышлений, опыт сына моей любимой мамы и отца троих детей, помогавшего их матерям в становлении детей как личности. Однако, при всем желании сына, мужа, отца сына и двух дочерей, а также опыта педагогического и практического психолога системы образования –

всего этого явно недостаточно, чтобы эмпатически встать на место матери, осознать и пережить ее собственный опыт и описать его. Но некоторые такие эмпатические попытки все же полезны для понимания данной проблемы и мы также будем на них опираться.

Учитывали мы и то обстоятельство, что материнство, при всем своем очевидном значении для очеловечивания ребенка и формирования его как личности, остается и, по-видимому, всегда будет, а может быть и должно оставаться в достаточной степени тайной, трудно постигаемой прагматичной и не всегда этичной наукой и праздным любопытством публики и поэтому тщательно охраняемой от нас природой. И еще одно – своей попыткой поиска некоторой психологической характеристики свойств личности матери мы хотели бы высказать благодарность своей маме – Анне Ивановне Рыбалке, в девичестве Нижегородцевой, которая родила меня и мою сестру Тамару, вырастила и воспитала в нас, а позже – уже в наших детях и внуках, то человеческое, духовное, творческое, что говорит сейчас и благодарно просится на страницы. Наша мама успела успешно передать нам и нашим детям и внукам свою душу и хранимые в ней духовные ценности нашего народа в труднейшие послевоенные годы и в годы лукавых социальных экспериментов дилетантов, опираясь на помощь нашего отца, фронтовика Рыбалки Василия Федосеевича. И она ушла в мир иной на наших руках с улыбкой удовлетворения от выполненной ею миссии, посылая всему своему потомству последний духовный, зримый знак материнской доброты, красоты и истины, а также – веры, надежды, любви... Поэтому многие черты моей мамы будут приводиться далее как самые достоверные, не искаженные научной рефлексией, самые убедительные факты, относящиеся, по нашему глубокому убеждению, к сущности материнства.

Автору хотелось бы рассматривать эти строки также как своеобразную благодарность всем матерям, с чьими детьми, моими сверстниками, посчастливилось жить в одно время, матерям моих детей – за главный труд их жизни, моим дочерям и их подругам – юным и молодым женщинам, которым предстоит стать матерями. Возможно, некоторые слова этого раздела будут хоть

в какой-то степени полезны нашему достойному материнству, в неутомимых трудах создающему наш удивительный народ.

Мы попробуем контурно систематизировать имеющиеся в нашем распоряжении данные о личности матери на основе авторского представления об общей трехмерной психологической структуре личности, систематически используемого в ходе организованной ею рефлексии. Вначале будут сгруппированы имеющиеся личностные данные о маме в рамках первого социально-психолого-индивидуального измерения и его семи подструктур: общения, направленности, характера, самосознания, опыта, интеллекта, психофизиологии ее личности. На следующем этапе мы рассмотрим личность мамы как уникального деятеля – в рамках второго, деятельностного измерения, с его пятью основными компонентами-этапами выполняемой ею созидательной деятельности: потребностно-мотивационным, информационно-познавательным, целеформирующим, операционально-результатирующим, эмоционально-чувственным. И, наконец, в своем третьем, генетическом, возрастном измерении свойства мамы предстанут в своем развитии и в его результатах – собственно как задатки, способности, одаренность, талант, гениальность, экстраспособности. Речь идет, другими словами, о сложнейшей системе надежно хранимых, пробуждающихся и развертывающихся в нужное время материнских инстинктов и рефлексов, актуализируемых и формирующихся потребностей, навыков, знаний, умений, живительных эмоционально-чувственных комплексов, материнских стилей рефлексии, материнских черт характера, особых устремлений и намерений матери, уникальных форм общности с ребенком, которые в совокупности обеспечивают гарантированный успех ее высокой материнской миссии, берут свое начало в этом уникальном существе – человеческой матери – и имеют своим результатом человеческую личность ребенка! Таким образом, рискуя впасть в некоторую формализацию неформализуемых свойств личности матери, мы все же, как ученый, прибегаем к использованию определенных формальных средств для получения содержательной психологической характеристики свойств личности матери.

Рассмотрим эти свойства прежде всего в рамках первого, социально-психолого-индивидуального измерения личности, в которое входят такие основные свойства, как психосоциальность, общение, направленность, характер, самосознание, опыт, интеллект, психофизиология, психосоматика.

Психосоциальность выступает в момент зачатия, в процессе вынашивания и рождения ребенка в виде ощущений и восприятий самого первичного для него социума, которое образуется в самом начале его жизни лишь матерью и самим ребенком. Как первичные ощущения плодом изнутри матери образуют все усложняющиеся протосоциальные восприятия – еще предстоит изучить пренатальной психологии, но то, что психосоциальность впитывается всем растущим организмом еще не рожденного ребенка через живительные соки пуповины, с ее питательными, кровеносными и нервными магистралями – не вызывает сомнений. И резкий отрыв ребенка от организма матери во время родов, и резкий его крик при этом – все это громкое явление маленького существа в социальный мир и своеобразная декларация о его социальной зависимости, социальности, как об этом точно сказал Л. С. Выготский. Ребенку еще предстоит пройти большой путь от матери к обществу и он это сделает при поддержке матери, отца, ближайших родственников, соседей, друзей и других членов расширяющегося социального мира. Но в самом начале были, конечно, мама и поддерживающий ее и бесценного для них ребенка папа.

Общение матери с ребенком, способность к нему – важнейшая характеристика личности мамы. Мы начнем постижение этой главнейшей способности матери не с фрагментарного описания ее эмоционально-телесного общения с только что родившимся младенцем, а несколько раньше – с периода зачатия и вынашивания плода ребенка. В начале всех начал, благодаря любви девушки и особому общению с любимым юношей создается ее удивительная общность с избранником, которая превращает его из влюбленного в жениха, затем в молодожена, в мужа и отца их общего ребенка. Начиная с так ожидаемого момента зачатия, в контексте этой парной любовной общности постепенно происходит формирование новой общности «мама – ребенок».

Вначале это генетическая, биохимическая, органическая, а затем – психофизиологическая и психологическая общность. Последняя возникает позже, проходя, по-видимому какие-то бессознательные стадии, а вначале, когда появляется уверенность в факте беременности (это сопровождается, как известно, определенными изменениями в самочувствии, например, поташниваниями, головокружениями, изменениями в аппетите, появлением новых вкусов, неизвестных ранее мироощущений, взглядов на жизнь и т. д.). Специалисты рассматривают эти изменения как признаки появления новой жизни в жизни матери, которой постепенно передаются новые предпочтения. Сама же женщина, осознавшая факт своей беременности, испытывает настоящий взрыв чувств и переживаний, меняющий ее сущностное представление о себе и своей жизни – с этого момента она как будущая мать все подчиняет своему главному предназначению.

В пренатальный период единство матери с плодом абсолютно – так как если бы они образовывали один организм. Ведь это так и есть, хотя можно предположить и другую формулу такой общности – плод становится особым органом материнского тела, который живет в период беременности за счет ее ресурсов, по законам ее организма. В пренатальный период единство матери и ребенка абсолютно еще и потому, что растущий из оплодотворенной яйцеклетки плод находится в теле матери, является как бы ее своеобразной органической частью, тесно связанной с другими ее составляющими через кровеносную, гуморальную, нервную, мышечную и т. д. системы материнского организма. Это имеет, по-видимому и психологические последствия, во всяком случае в этой органической общности не может не брать свое начало последующее общение матери с родившимся ребенком.

Например, мама относится к плоду ребенка и как к самой себе, и как к новому существу, признавая его своей органической собственностью и в то же время – чувствуя его определенную автономность, самостоятельность внутри себя – ощущая его движения, какие-то не совсем «свои» эмоциональные

состояния, изменения в органах чувств, всплесках радостной эйфории или же, наоборот, какого-то тревожного дискомфорта и т. д.

Организм матери выступает в качестве первичной внутренней колыбели, о которой нужно особым образом заботиться, создавать в ней благоприятные условия для жизни плода. В этот удивительный период пренатального созревания плода происходит становление черт личности матери ребенка, таких как заботливость, осторожность, осмотрительность, преданность ребенку, конечно же на основе центрированности, переориентированности матери на потребности и состояния ребенка как частицы себя, вырастающей в особую собственную сущность вне себя.

И когда происходит рождение ребенка, отпочкование его из внутренней телесной оболочки матери, изменение органического характера общности, то с необходимостью развивается новая, уже психологическая общность в форме специфического общения между матерью и ребенком. У матери уже есть развитые внутренние ощущения и чувства общности с плодом, на основе которых быстро формируются внешние формы ощущения, восприятия и переживания существования только что родившегося ребенка. Происходит некоторое отвыкание от пренатальных форм общения и привыкание к новым новорожденным формам общения, но при сохранении определенной преемственности между ними. На почве этой внутренней органической подкладки разрастается новый опыт общения с младенцем – в виде различных форм телесного контакта и новых эмоций и чувств. Появляются новые нежные, ласковые проявления вкусового, тактильного, зрительного, слухового, обонятельного, словесного и несловесного контакта. Автор этих слов никогда не забудет признания своей мамы в том, что: «когда ты родился, сынок, то не было таких ласковых слов, которые бы я тебе не сказала в первые дни твоей жизни...».

Такого опыта нет ни у кого, кроме матери, например, опыт отца является принципиально иным, чисто внешним и поверхностным, более умозрительным и формальным, что может послужить причиной определенного недопонимания им природы происходящего в общении матери с ребенком. Допускаемое сейчас

присутствие отца при родах и появлении на свет ребенка производит переворот в его понимании и ребенка и матери, осознании ценности самых близких ему существ.

Это общение матери с ребенком меняется еще и в том отношении, что это уже общение не с существом в своем существе, а общение с существом, выделившимся из материнского существа. Каковы закономерности такого раздвоившегося, но не потерявшего своей целостной природы общения? Возможно предположить, что именно в такой целостной двойственности с изменившейся центрацией зарождаются основы самосознания, рефлексии, интегративного отделения «Я» ребенка от «Я» мамы («Я» и «не-Я»). Каковы особенности такого рефлексивного общения и насколько оно передается ребенку и становится через подражание основой зарождения его «Я»? Мы знаем только то, что такое рефлексивное общение осуществляется вначале на, так сказать, эмоциональном, телесном, вкусовом, обонятельном, зрительном, слуховом материале, прежде чем насыщается и опосредуется более емкими, сжатыми во времени и пространстве, все более всеохватывающими значениями и смыслами вербальными средствами, когда становится возможным смысловое объединение таких противоположных, но единых сущностей, как «Я» и «не-Я». Возможно, это «Я» остается в ребенке как необходимый центр расширяющейся вокруг него и окружающей его действительности?

Движения самосознания матери, сконцентрированные на ребенке и на себе, образуют психологическую базу для последующей гуманизации матерью новорожденного ребенка через себя. Ведь она единственная по близости и органическому единству с ребенком, кто в состоянии предоставить ему целиком себя и на своем чувственном материале, через себя осуществить процесс очеловечивания своей отделившейся части. Заменить ее в этой функции просто невозможно в силу непреодолимости этими процессами значительно большей дистанционности по отношению к ребенку позиций других людей и близких родственников, например, нянь и бабушек, хотя у последних наибольшие шансы для этого. Нарушение этих приуроченных к определенному возрасту матери и

ребенка материнских процессов общения и развития общности между ними становится неисправимым и невосполнимым ничем, что проявляется в неполноценности последующего психического развития таких неодаренных требуемым качественным, но на деле, ущербным материнским общением детей.

Следует отметить, что начиная с первых дней рождения, у ребенка, «отпочковавшегося» от матери актом рождения-автономизации, действует мощный механизм подражания эмоциональным, поведенческим, вербальным проявлениям матери. На это событие можно посмотреть и с эгоцентрической точки зрения наличия сущностных, генетических сил организма самого ребенка. Он ведь не зря ставится матерью в центр ее интересов, поскольку с позиций требований будущего популяции он уже подчинил себе поведение многих взрослых людей, начиная с матери и отца, бабушек и дедушек, близких родственников – стоит только посмотреть на начавшееся радостное движение всего рода по случаю рождения наследника. Поэтому именно младенец, несмотря на его нынешнюю физическую слабость, властвует над ситуацией и требует передачи ему всех физических, физиологических, психологических ресурсов предыдущих поколений и главным образом – через мать и как можно скорее.

В этом месте мы не можем не обратить внимание на некоторое удивительное преобразование личности матери, обеспечивающее развитие личности ребенка. Речь идет о том, что точно так же, как биологическое развитие плода в утробе матери образует необходимое единство с ее организмом, так и психическое развитие личности ребенка происходит в форме соразвития с личностью матери. В ходе последнего осуществляется непосредственная и опосредствованная передача ребенку базовых свойств личности матери, которая находится на самой близкой и эффективной по отношению к нему дистанции психологического влияния, ближе и действеннее которой у ребенка никогда не бывает. Эта форма сомато-психофизиологического и психологического единства и взаимодействия между женщиной и ее ребенком образует исходные условия для наиболее эффективного соразвития их личности,

с которым следует считаться последующим социальным формам развития детской личности – дошкольной, школьной и далее – вузовской, профессиональной, акмеологической и т. п.

В ходе такого соразвития происходит, в частности, существенная трансформация личности женщины, для которой присуща актуализация тех ее качеств, которые наиболее адекватно усваиваются психикой ребенка, наиболее успешно «перетекают» из личности матери в личность ребенка. Личность матери трансформируется, как бы предельно ориентируясь и концентрируясь на созревании, возрастном развитии личности ребенка, приспособляясь к его возрастным возможностям усвоения ее человеческих качеств в процессе организуемых ею ведущих деятельностей детства. Это внешне происходит в форме своеобразного омоложения ее психологического возраста, некоторого падения «взрослости» женщины, так называемой «одетизации» ее личности, и ее повторного, с момента рождения ребенка, постепенного, опережающего детское развитие «взросления», подчиненного потребностям возрастного становления личности ребенка. Такой уникальной способности в полноценном ее виде нет ни у отца, ни у родственников молодой мамы и в этом ее особая ценность, требующая особого понимания и принятия!

По-видимому, это явление «одетизации» женской личности, ее всецелой направленности на ребенка, приспособленности, уподобленности и преобразованности своей личности по образу ребенка послужило примером для введения в психотерапию такого сильного инструментального средства, облегчающего психотерапевтический процесс, как раппорт, сущностью которого является максимальное смысловое, мотивационное, характерологическое, интеллектуальное, моторное уподобление психотерапевта своему клиенту в стартовый период оздоровительной работы. Мать сущностно преобразует свою личность, меняя ее на-встречу ребенку. Это надо знать окружающим молодую мать людям, прежде всего родственникам, чтобы воспринимать это явление не как примитивизацию женской личности, не как ее «впадение в детство», не как

определенное неудобство в общении с другими взрослыми, а как великую миссию материнства, без которой невозможно становление личности ребенка.

Этот коренной конституциональный процесс следует учитывать на всех последующих стадиях социализации, развития психики ребенка как тесно сопряженный с ними. В противном случае, могут появиться отклонения, которые, в силу игнорирования этого исходного базового процесса, могут ложно объясняться другими причинами и понятиями, а поэтому и не решаться адекватно, приводя к необъяснимым пожизненным проблемам, неэффективной жизнедеятельности, девиациям поведения и т. п. Ориентируясь на такую еще больше помолодевшую, ставшую благодаря этому еще ближе к нему маму, ребенок более успешно проходит все последующие фазы возрастного развития своей личности. Мы вполне согласны с мнением профессора В. Ф. Моргуна о том, что личностное развитие ребенка, особенно на стадии новорожденности можно обозначить понятием «оматеризации» его духовной, душевной и телесной сущности, без которой, по-видимому, невозможно его нормальное личностное становление. Можно предположить, что в явлениях «одетизации» и «оматеризации» женской и детской личности в процессе их соразвития берут свое начало известные философам и психологам процессы опредмечивания и распредмечивания человеком природы и общества, одной личностью другой, явления персонализации и т. п.

Вспомним в этой связи, что в первые годы жизни у ребенка в процессе его «оматеризации» проявляется встречное движение к маме, например, актуализуются все главные сензитивные периоды наследования и усвоения им культурных, духовных ценностей, тех душевных новообразований, которые обеспечивают создание этих духовных ценностей, тех высоких антропологических телесных новаций, которыми человек выгодно отличается от приземленных животных. Эти сензитивные периоды ориентированы прежде всего на мать, как на самое доверительное и авторитетное для него существо. В этом смысле мать обязана и она стремится всеми силами своей любви к ребенку попасть в эти сензитивные временные периоды и в процессе общения передать

ему прямо и непосредственно, как можно быстрее и эффективнее, те культурные ценности, которые усвоены ею в предшествующий период ее становления как личности. И у нее, вероятно, также активизируются свои, уже материнские сензитивные периоды такой эффективной передачи указанных ценностей.

Понятно, что успех такой передачи зависит от воспитания, от культуры матери, от уровня ее развития как личности. Обеспечивается такой успех и тем, как организуется вокруг матери круг ее общения с отцом, с бабушками и дедушками, с тетями и дядями, другими близкими и далекими родственниками, друзьями семьи и представителями различных государственных институтов, а также... с другими мамами. Известно, как активизируется общение молодой мамы с другими мамами и таким образом происходит лавинообразное увеличение материнского опыта общения с ребенком. Можно утверждать, что, наряду с материнской школой для ребенка, открывается также неформальный материнский университет, где мама проходит интенсивную подготовку. Передача актуального опыта от мамы к маме превосходит по своей эффективности подготовку в других учебных заведениях, которые приходится оставить в этот декретный период, хотя эта общая подготовка впрямую тоже необходима будущим матерям.

Для общения мамы с ребенком свойственна особая аффилиация, то есть глубинная потребность в общности с ребенком, в общении с ним как с самой собой, ведь это частица ее тела, особый орган ее материнского организма и с помощью общения она не прерывает связи с ним. Поэтому язык ее общения наиболее понятен ребенку, поскольку он опирается на ощущения и эмоции, пронизывавшие его в утробе матери и потому он принимает ее ласки, нежные прикосновения, звуки, интонации, улыбки, взгляды, поцелуи как живительные силы развития.

Мама понимает его лучше других, как саму себя, и поэтому наиболее правильно оценивает его гуление, крики, плач и гримасы и сразу же удовлетворяет встающие перед ним потребности. Вслед за аффилиацией, коммуникацией, перцепцией осуществляется взаимодействие, интеракция с

новорожденным – все они также являются органически слаженными актами общения между матерью и ребенком. Это целостное сотрудничество двух существ на основе сопряжения их инстинктов, рефлексов, первичных навыков, все возрастающего фонда привычек, которые опираются на эмоциональное сопереживание между ними... Нельзя не отметить, что материнская эмпатия и симпатия в этот период детства достигают максимума и полностью сосредотачиваются на ребенке.

Мама демонстрирует настоящее искусство общения со своим дитем и если проследить всю онтогенетическую цепочку коммуникативных способностей и дарований молодой матери, начиная с ее собственного детства, то это скорее напоминает своеобразную эстафету различных видов общения. Это прежде всего общение с собственной матерью и отцом, бабушками и дедушками, игровое общение с куклами и детьми, воспитателями и учителями, общение с первой любовью, любовное общение с избранником, будущим отцом ребенка, семейное общение с ним на первом этапе создания очага, общность соития с отцом ребенка, общение с еще только зачатым и все более заметно растущим плодом как с частью самой себя (здесь появляется целая гамма ощущений и переживаний общности с плодом в теле – от особых признаков изменения самочувствия до одобрительных переживаний от движений плода в утробе и эмоций удовлетворения, гордости за себя и любви к ожидаемому новорожденному ребенку), это, наконец, после тревожных ожиданий родов – неповторимый эмоциональный взрыв обожания к только что родившемуся младенцу как оправдавшейся надежде, как к своей родившейся заново сути, что коренным образом меняет жизнь, рождает новую жизнь – и ребенка и матери.

Эта очередная перестройка общения на живительной основе инстинктов защиты ребенка от непривычной новой среды, инстинкта питания сначала грудью, а позже специальным порционным питанием с ложечки, ухода – с бесчисленными прикосновениями рук, например, с укачиванием на руках или свертывания и развертывания пеленок, омовения теплой водой, поцелуями всего тела – как сигналами жизни, здоровья, роста. Это страстные взгляды и улыбки,

моления о здоровье и быстрейшем росте, прибавлении в весе, все более новых и успешных координаций движений и т. д. Другая сторона общения – слезы и рыдания матери в случае неудач, минутной беспомощности, болезней, ушибов, страхов, провинностей, шалостей, криков ребенка, непонятных изменений в его поведении, внешности и т. п.

Общение матери с ребенком выполняет, наряду с мотивационной, коммуникативной, понимающей, разъясняющей, организующей, сотрудничающей, эмоциональной, еще и особую развивающую миссию – всем своим мастерством, искусством общения мать как бы страстно призывает: расти мое любимое дитя, скорее ставай на ноги, не болей, будь здоровым, сильным, добрым, умным, достойным – об этом говорит каждый жест, каждый взгляд, каждое слово, каждый шаг мамы. И ребенок не может не откликнуться на этот призыв...

Не следует забывать, что в период новорожденности и дошкольного детства сознание и подсознание матери переполняется также воспоминаниями собственного детства, отрочества, юности, картинками ухода за ней и воспитания ее собственной мамой, она вспоминает детский опыт «кукольного» материнства, приобретаемый в играх с ровесниками. И если ее мать, уже бабушка, рядом, то этот опыт становится неоценимым для развития ребенка и внука. Объединение сил молодой мамы и опыта бабушки в определенный династический материнский союз часто становится решающим для становления личности ребенка на этом ключевом этапе его детства. Вот почему к общению мамы с ребенком в этот возрастной период следует готовиться заранее, как это происходило раньше в институтах благородных девиц (какое точное название!). Сейчас это вполне может быть Институт Мамы, являющейся самым главным действующим лицом в воспитании ребенка как личности.

Естественной в процессе общения матери и ребенка является передача ему основ родного языка, материнское обучение ребенка тончайшим нюансам этого языка, овладение с его помощью основами народной культуры. Речевое общение матери и ребенка – это и совершеннейшее эмоциональное интонационное

кодирование языка, что происходит в процессе пения перед засыпанием ребенка и во сне колыбельных (чем не гипнопедия!) песен, рассказывания сказок (чем не театр!), исполнения народных песен и танцев (чем не концерт!), выполнения обрядов и народных обычаев (чем не праздник!), приготовления народных блюд (пиршество детства!) и т. д. Так, ребенок никогда не забудет слов матери и бабушки во время приготовления разнообразных каш, аромата домашнего хлеба и борща, парного молока и киселя, вкуса пирожков и печенья в форме птичек и зверушек, запаха цветов и вишен возле дедовой и бабиной хаты, видения цветущих яблонь и акации и т. д.

Даже если материнское общение происходит в городской квартире, все равно позже даже бетонные или кирпичные стены грезятся и звучат в памяти ребенка, подростка, юноши фоном для восприятия лица и голоса матери, предназначенными только для своего ребенка словами, интонациями, даже многозначительным молчанием мамы. Лишь гораздо позже родная живая мамина речь в ребенке встречается с более общей, формальной, абстрактной речью воспитателей, учителей, руководителей, но это уже не страшно – основа родного языка уже заложена и готова к отражению разнообразных речевых эксцессов отчуждения, безразличия, противостояния, конфликтов и т. д. Каким сладостным для юного человека становятся воспоминания о сказочном общении с мамой как с образцом человечности, доброты, любви, признания своей исключительности, уникальности в этом мире и многом другом сокровенном...

Общение с мамой происходит непрерывно в течение многих лет – явно и даже в ее отсутствии. Много будет ярчайших и интереснейших собеседников позже на жизненном пути ее ребенка, но нет и никогда не будет в его жизни такого неутомимого и заинтересованного собеседника, как мама, так глубоко интуитивно и точно понимающего его сущность, переживания, страдания, надежды, разочарования, удовлетворение и т. д. И сколько раз прозвучит в жизни ее ребенка призывное слово «Мама!», когда не с кем будет поговорить в труднейшие моменты жизни: вспомнится тогда сам дух общения с мамой, выручающий в самых неразрешимых ситуациях и коллизиях судьбы.

Направленность личности мамы, ее желания и намерения как закон определяют будущее ребенка. Еще Я. А. Коменский (1592–1670) в своих советах матери [178, С. 11] утверждал, что главной целью семейного воспитания является высокое создание – разумная душа ребенка. Поэтому наибольшего ухода заслуживает душа, как главная часть человека, чтобы она могла пребывать в теле как можно лучше украшенной. «...А об теле следует заботиться для того, чтобы оно стало жилищем, пригодным и достойным бессмертной души». Он утверждал, что мать, желающая видеть своих будущих детей живыми, здоровыми и сильными, должна заботиться об этом уже во время беременности, то есть быть сдержанной и рассудительной, не объедаться, не принимать алкоголя, избегать поста, очищения, кровопускания, простуд, не истощать свои силы тяжелым трудом – и не ослаблять тем самым своего ребенка. Другими словами, она должна избегать любых чрезмерностей, пока она беременна. К этому можно добавить и другие требования современной пренатальной медицины, психологии и педагогики.

Так, очень важно для будущего развития ребенка сразу же после рождения прикладывать его к своей груди, не прерывать этого естественного способа питания и продолжать кормление грудью как можно больше – один-два-три года (отец автора этих строк, родившийся и проведший свое детство в селе, нередко вспоминал, как в три-четыре годика забегал между играми в хату и просил у своей мамы грудь с таким нежным молочком...). Это важное условие во многом обеспечит не только здоровье, но и нормальное физическое и психическое развитие ребенка и матери. А для этого мать сама должна быть обеспечена нормальным питанием и поддержкой в этом вопросе со стороны мужа и близких.

Говоря о целях воспитания детей родителями, Я. А. Коменский советовал устанавливать тройственную цель, состоящую в воспитании благочестия, добронравия и знания языков и наук. И все это именно в указанном порядке, а не наоборот: «Прежде всего следует приучить детей к благочестию, потом – к добрым нравам или достоинствам и наконец – к наиболее полезным наукам». Необходимым условием для этого является приобщение к посильному труду.

Вспомним, в связи с этим, что основой украинской народной педагогики составляло воспитание ребенка матерью в этом направлении! Историки так пишут об этом: «В волшебном мире, который создавала в семье украинская женщина-мать, брали свое начало идеалы народной педагогики, в основе которой было воспитание любви к труду и чувства человеческого достоинства, У мальчика, будущего казака, воспитание этих черт, а также таких, как отвага, самоотверженность, смелость, осуществлялось на гуманистической почве, которая создавалась матерью в семье с помощью песни и эстетического содержания быта» [106, С. 158–159].

Какие же желания присущи матери в воспитании своего ребенка? Это, по мнению Я. А. Коменского [178, С. 12–15], стремление привить ему такие свойства, как:

- а) умеренность в еде и питье;
- б) опрятность в уходе за телом, во время еды и в одежде;
- в) уважение к старшим, к их словам, взглядам и действиям;
- г) любознательность и исполнительность;
- д) способность говорить только правду;
- е) справедливость;
- ж) благотельность;
- з) привычка к труду;
- и) умение не только говорить, но и молчать там, где это надо;
- й) умение терпеть и обуздывать свои страсти;
- к) деликатность (гуманность) и готовность слушать старших;
- л) утонченность манер, умение приветствовать, подавать руку, сгибать колени, благодарить за услугу;
- м) умение держать себя с достоинством, вести себя сдержанно и скромно и т. д.

В отношении так называемых вольных искусств (и наук) Я. А. Коменский давал следующие советы – одни искусства и науки знать, другие «делать», а о

третьих уметь говорить и лучше всего – знать, делать и говорить все, кроме плохого [178, С. 13].

Я. А. Коменский справедливо указывал, что в уходе за младенцем матери следует соблюдать осторожность и постепенность, учитывая малость, слабость и хрупкость тела и души ребенка, последовательно переходя от простого к более сложному, от естественного к искусственному во всем – в еде, учебе, лекарствах, одежде, обучении, контактах с чужими людьми. Он говорил об этом так: «ребенок – сокровище драгоценнее золота, однако он более хрупкий, чем стекло, легко может поддаться сотрясению и оказаться покалеченным, а вред от этого может быть неисправимым» [178, С. 16]. Все это выдвигает свои требования к матери, которые она должна соблюдать, чтобы сохранить здоровье ребенка.

Но, помимо здоровья и физического роста ребенка, мать стремится раскрыть перед ним мир вещей, явлений и человеческих отношений, сначала путем прямого показа, затем словесного указания на них, их названия, значения, осмысливания, постепенного расширения актуального рационального их круга, приучая все более самостоятельно действовать в этом многослойном и по-разному психологически дистанцированном мире. Вот тут-то и формируется направленность на этот внешний предметный и человеческий мир через всю многосложность потребностей в нем, интересов, мотивов, смыслов, стремлений, намерений, целей, планов, программ, проектов освоения этого мира и жизни в нем. Этот расширяющийся, возвышающийся и углубляющийся вовне и вовнутрь мир потребностно и мотивационно ассимилируется ребенком под маминым руководством, он влечет к себе бессознательно и сознательно как предстоящее. Понятно, что в таком мотивационном осознании мира ребенок как бы все больше забегает во времени вперед, в будущее, живет в нем в каждый текущий момент настоящего больше, чем в прошлом, но опираясь на это прошлое. Очень точно сказал в этом плане о памяти профессор Г. К. Серeda, выделив как ведущую ее футурогенную функцию – память существует для будущего, как и все интеллектуальные процессы (принцип детерминизма,

прогнозирования будущего). Ведь и герои детских сказок и игр говорят ребенку своим пережитым в прошлом опытом преимущественно о счастливом будущем.

Мама терпеливо и целенаправленно помогает осваивать ребенку этот предметный и человеческий мир как опытный учитель, практически и теоретически намечая и овладевая перспективные линии поведения ребенка. Это прежде всего орудийная линия в сфере самообслуживания, например, овладения ложкой, чашкой и другими инструментами. Это важная линия ухода за ребенком, переходящая в самообслуживание, например, при овладении одеждой – от пеленок, распашонок, чепчиков и штанишек до обуви, платья, брючек, фуражек и школьных костюмчиков. Ребенок как космонавт осваивает все усложняющиеся элементы своего своеобразного скафандра, необходимого для все более дальнего и длительного выхода в космос предметного и социального мира... Это также линия все более «взрослеющей» еды – от маминого молочка, молочных смесей, отваров и каш до порционных блюд и все более усложняющегося кулинарного мира растущего организма и... связанная с ней линия подгузников, горшков и унитазов, успешное овладение которой проходит также при непосредственной руководящей роли и при нескрываемом одобрении мамы как «менеджера роста» ребенка и организатора движения по этой непрерывной и самой длинной, в жизнь человека, линии.

Мама налаживает порядок следования по каждой линии развития, оснащая ребенка соответствующими первичными желаниями, знаниями, умениями, навыками, чувствами. Каждая перспективная линия начинается, если надо, с показа, затем реализуется и отрабатывается в совместной деятельности и лишь потом осуществляется ребенком, при утверждающем одобрении мамы, самостоятельно. Это вроде бы незаметное искусство овладения через содеятельность предметным миром нормальными детьми под руководством матери выпукло выступает в других, по-настоящему драматических случаях, например, в развивающих занятиях специалистов со слепоглухонемыми детьми, лишенными зрения, слуха, немыми от рождения...

Мама выступает первым учителем, наставником, тренером, воспитателем в этом марафоне накопления ребенком опыта жизни во всех ее сферах. Разве можно отрицать, и об этом правильно сказал все тот же Я. А. Коменский, что мама, реализуя одну из самых перспективных линий, каковой является линия познания, становится первым учителем и руководителем познавательных действий своего ребенка в таких науках, как физика (сколько зацеловано ею шишек, синяков и ошпаренных по незнанию пальчиков, что сопровождает овладение ребенком свойствами познаваемых таким способом через себя предметов), химия (воздух и вода, молоко и каша, сахар и соль, хлеб и масло во всем их вкусовом и обонятельном своеобразии, вызывающем любознательность юного химика, которую во многом удовлетворяет первый и самый авторитетный учитель химии – мама).

Такое материнское введение в науки происходит и по линии биологии (домашние любимцы – собачки, кошки, хомячки, мышки, птички), арифметики (счет предметов, прибавление в весе и росте, убывание изношенной и порванной одежды, количество подарков, кукол и игрушек и т. д.), геометрии (размеры, формы, устройство кровати, комнаты, квартиры, дома, хаты, двора, улицы, города и т. д.), географии (поездки из города на дачу, в село, в другие города и страны вместе с мамой и папой), астрономии (солнце и луна, день и ночь, недели и месяцы, календарь и расписание занятий, годы и десятилетия, небо и звезды, Млечный путь и падающие метеориты и т. д.), оптики (бабушкины очки и папин бинокль, подзорная труба деда и дядина линза), истории (прошлое семьи, рода, общины, народа, страны, мира, представленное в таких важных и интересных рассказах мамы и папы, дедушки и бабушки), экономики (семейный и карманный бюджет, копилка, деньги в кредит, долги и т. д.), политики (обсуждение в семье поведения кандидатов на выборах и действий избранной власти, положения в стране и мире, домашняя и школьная демократия и т. д.), психологии (свое «Я» и «Я» других, взаимоотношения между людьми), педагогики (родительские «углы размышлений» на коленях о своем поведении, «кнуты и пряники» учителей, идеалы и разочарования, воспитание и

самовоспитание, школьный опыт, проблемы поступления в вуз и профессионального становления, непрерывное образование и совершенствование всю жизнь...) и т. д.

Начала начал всех наук, как оказывается, пройдены и освоены еще до детского садика и школы при участии все той же мамы и папы, каждое слово которых весомо и буквально приковывает внимание ребенка к тем или иным наукам, становится исходным пунктом интеллектуального развития юного исследователя в определенном направлении познания мира.

Отметим, что мама организует познание мира в доступной и понятной для ребенка форме, подводя его к открытию первых закономерностей окружающего его мира, расширяя горизонты его познания до возможных для его понимания пределов, для чего используются все средства – от логики до интуиции, от очевидных форм демонстрации фактов до таинственных фантастических предположений и идей, от уговоров и слез до поцелуев и денежных премий. Благодаря этому, некоторые мамы выступают для ребенка в качестве мудрого философа, подлинного «научного руководителя», профессора, обучающего его в диалоге домашней диалектике, с присущим ей искусством задавать вопросы и давать ответы на них, различать добро и зло, понимать истину и ложь, и разрешать противоречия, конфликты и проблемы. Мама буквально за руку, одним прикосновением ладони, чарующим взглядом, волшебными звуками голоса, нежным поцелуем вводит своего ребенка в мир науки и искусства – через колыбельные и народные песни, сказки и былины, любимые книги и поэзию, кружение в танце и радостное пританцовывание от своего материнского счастья...

Желания мамы в отношении ребенка растут вместе с ним, вырастают из усмотрения и понимания его желаний и вновь переходят в детские желания, опережая развитие ребенка своими мечтами и надеждами на счастье родного сыночка или доченьки, они всегда опираются на существующие и растущие детские потребности – естественные и культурные, материальные и духовные.

Характер мамы может быть настоящим собранием высших добродетелей человечества, обращенных к ребенку, поскольку она реализует всю благодатную, гуманистическую, развивающую сущность человеческого характера на благо жизни, здоровья, развития, счастья ребенка. С рождением ребенка мама, телесно отделяясь, дистанцируясь относительно новорожденного, обращается к новым средствам интеграции с ним, роль которых выполняют также и ее характер как система отношений к природе и обществу, к труду и отдыху, к вещам и идеям, к людям и к себе, но главное – отношением к своему ребенку как центру ее бытия. Ради этого происходит определенная поляризация черт ее чарующего характера, когда одна, наиболее гуманизирующая новорожденное существо их группа, концентрируется и прямо обращается к ребенку, а другая – к остальным людям, прежде всего – к близким. Это особенно ощущают старшие дети мамы, которые с появлением новорожденного братика или сестрицы чувствуют вначале себя несколько обделенными ее вниманием, поскольку она охвачена новыми материнскими чувствами, обращенными к только что родившемуся ребенку. В число таких обделенных прежним вниманием мамы могут попасть и отец, и бабушка, и дедушка, дяди и тети – но они относятся к этому с пониманием.

Можно перечислить черты интенсивно гуманизирующего младенца характера мамы. Это доброжелательность, внимательность, ласковость, нежность, честность, терпимость, трудолюбие, преданность, верность, мудрость, неутомимость, ответственность, жертвенность, безграничная любовь к своему ребенку. Черты характера матери – как система ее отношений к миру, к природе, к обществу, к людям, к детям, к себе, к вещам, к труду – концентрируются в главном теперь для нее отношении к ребенку и становятся постоянно действующим фактором очеловечивания, развития ребенка, своеобразной матрицей репродуцирования ее собственных черт характера и всех других свойств ее нежной и мудрой личности в личность ребенка. Характерологическая одаренность матери, проявляющаяся в силе и глубине отношений к миру через

черты характера, его действенность, стабильность, интенсивность, устойчивость, становится источником характерологической одаренности ребенка.

Характер матери в этот период и позднее, всегда наиболее благосклонен по отношению к своему ребенку, его потребностям и состояниям. К характеру, к личности мамы ребенок всегда может обратиться за защитой, за душевным комфортом, за силой, за ориентирами, за ответами на любые вопросы, не требуя на это разрешения и согласия самой матери. Этот материнский характер как кладезь жизненной силы всегда открыт для ребенка, рассматривающего его как абсолютную собственную душевную опору на жизненном пути.

Эта характерологическая миссия матери должна быть глубоко осознана другими членами семьи и близкими, оказавшимися на другом, более охлажденном, полюсе характерологических влияний матери – они должны помочь ей пониманием и принятием ее великой миссии, согреть, подпитать ее позитивными чувствами, советами, помощью, сотрудничеством. Другими словами, ими должна быть поддержана эта характерологическая, личностная колыбель, в которой растет, очеловечивается ребенок, питаясь живительными эмоциональными соками жизни, источаемыми личностью мамы.

Самосознание, внутреннее «Я» мамы, ее рефлексивная одаренность определяется тем уникальным обстоятельством, что после рождения ребенка они хотя и становятся более автономными по отношению друг к другу существами, но обращаются к новым средствам интеграции между ними. Как ближайшее к своему новорожденному ребенку существо мама лично и личностно наиболее ответственна за его жизнь, здоровье и развитие – даже при полной поддержке и ответственности других членов семьи и общества. Она ближе всех к ребенку и теснее всех соприкасается с ним, наиболее влиятельна по отношению к нему, максимально самостоятельна и поэтому полагается на свое «Я».

Мать воспитывает дитя по своему образу и подобию, продолжая в этом смысле путь его рождения из себя, опираясь в этом на чрезвычайно развитую у ребенка способность к подражанию – сначала телесному, состоящему во все более полном уподоблении всей двигательной системе матери (от подражания мимике,

движениям тела, рук до подражания стоянию, прямохождению, более сложным инструментальным движениям и обращению с предметами). Поэтому так важно родовое физическое и психологическое развитие будущих матерей как будущих «моделей» для подражания детьми. Об этом свидетельствует программа обучения девушек в уже упоминавшихся институтах благородных девиц.

О взаимном уподоблении двух самых близких существ свидетельствует и подобие в красоте лиц матери и ребенка, так хорошо выступающее на картинах Рафаэля, Леонарда да Винчи, Т. Шевченка и других живописцев. Можно предположить, что подобная будущему ребенку ангельская красота юной женщины вначале специально предназначена для его будущего отца, который в любви к этой красоте его матери может увидеть и принять образ своего будущего ребенка. После же его рождения эта красота достается уже самому ребенку. Мать своей красотой как бы представляет будущему отцу его ребенка и эмоционально-эстетически договаривается посредством своеобразного любовного согласия с ним о его совместном зачатии, рождении и воспитании... Поэтому красота матери является для ребенка и его отца абсолютным эталоном на всю жизнь.

Для нас в этом месте важно то, что мать рефлексивует (отражает) свою сущность в ребенка и в этом берет, по нашему убеждению, свое начало самосознание ребенка – поскольку и он подражает этому процессу, в котором постепенно возникает и его собственное, данное от мамы, «Я».

Рефлексивная деятельность матери связывает нарастающее и вначале элементарное неразвитое внутреннее субъективное «Я» ребенка (через естественную передачу ему «Я» матери) с более масштабным, удаленным, и поэтому почти невидимым, макромиром и менее масштабным, но таким же трудноразличимым внутри себя и предметов таким же невидимым микромиром. С помощью такой двойной (за себя и за ребенка) рефлексии матери («Делай как «Я»!) ребенок постепенно овладевает своей точкой зрения на макро- и микромир и собственной промежуточной Я-позицией взаимодействия между этими мирами...

Опыт, искусство быть матерью являются уникальными среди всех видов человеческих искусств. Что может делать мама? С точки зрения ребенка – все! Она обладает всеми нужными для ребенка желаниями, знаниями, умениями, навыками, стойкими и надежными эмоциями и чувствами! Мама:

- искренне желает ребенку добра, здоровья, мудрости, успешного взросления, счастья и действеннее всех стремится к исполнению этих желаний;

- для этого она знает все на свете и удовлетворяет все познавательные запросы и интересы растущего ребенка, а если сама не может ответить на его вопросы, то передоверяет его папе, бабушке, дедушке, другим заслуживающим доверия экспертам;

- умеет все делать как настоящая хозяйка дома, такого уютного и теплого, защищающего ребенка от непогоды и опасностей, согревающего душу и тело, где со временем у ребенка появляется сначала свой уголок, комната, а затем и весь дом становится родным, родительским домом, центром малой и большой Родины, Вселенной;

- умеет все готовить – такие вкусные каши, супы, компоты, кисели, оладьи, жареную картошку, пироги, торты «Наполеон» (оставляя крем от него специально для маленького сладены), консервировать и мариновать, делать варенье и многое другое – самое вкусное в мире;

- умеет купать тебя, постирать, посушить, погладить твою одежду и сделать так, что ее ребенок на улице, в детском садике, в школе, в институте и на работе будет выглядеть лучше всех, быть аккуратным, опрятным, одетым по детской и взрослой моде и т. д.;

- умеет пожалеть, выслушать, вытереть слезы и нос, сама всплакнуть, понять, посоветовать, поддержать, напутствовать, проводить в дорогу и ждать возвращения своего ребенка (сколько бы ему не было лет) всю жизнь;

- умеет помочь решить любую задачу, понять труднейшую проблему, пожалеть при неудаче, воспрянуть духом перед трудным выбором;

- умеет защитить от всех неудобств и угроз, готовая полностью пожертвовать собой, всей своей жизнью, любым органом своего тела ради благополучия и здоровья ребенка;

- имеет неценные навыки общения, труда, заботливого ухода, гостеприимства, создания домашнего уюта, комфорта во всем, не требуя за это никакой благодарности, но счастливая от благодарного отношения к ней ребенка;

- обладает навыками сопереживания и любви к ребенку без всяких условий и просьб и т. д.

Мама любит своего ребенка больше всего на свете и может отдать свою жизнь и здоровье ради его жизни и здоровья и в этом ей нет равных по самопожертвованию.

Ни один человек из окружения ребенка, кроме матери, не выполняет без устали в течение многих лет и всей жизни столько работы для ребенка, обеспечивая его вынашивание, рождение, кормление, уход за ним, сотрудничая, общаясь с ним, осуществляя воспитание, обучение, лечение, наставление, защиту так, что ребенок не может не быть обязанным ей на всю жизнь. И в трудные минуты жизни, в мгновения опасности с надеждой на спасение и защиту призывно звучит его обращенное к самому родному существу заветное «Мама!»

Интеллект мамы определяется необходимостью решать разнообразные проблемы своего ребенка, связанные с созданием благоприятных условий для его развития как человека и устранением угроз для его жизни и здоровья. Мотивационный интеллект, ощущения и восприятия, внимание и память, мышление и воображение, практический и эмоциональный интеллект матери предельно актуализированы насущными задачами обеспечения нормальных условий жизнедеятельности вначале совершенно беспомощного существа, полностью зависящего от взрослых и, прежде всего – от матери. Своим интеллектом мать должна на несколько шагов опережать развитие ребенка и подготавливать заранее благоприятные условия для его нормального роста как организма, развитие его психики как индивида и формирование основ становления его личности.

У мамы естественно обостряется чувствительность ощущений и восприятия ребенка, точность понимания его потребностей и реакций, она пользуется особым языком сигналов о благополучии или неблагополучии ребенка, умеет принять правильное решение о необходимых в той или иной ситуации мерах, благодаря своему интеллекту она адекватно реагирует на поведение ребенка, используя как общие, так и интеллектуальные эмоции и чувства, чтобы поддержать ребенка, направить его творческую активность в нужное русло или затормозить некоторые нежелательные виды активности. Своим интеллектом мама всегда рядом или даже внутри ребенка, например, она знает, когда у него расстроен желудочек, что его беспокоит, чему ребенок отдает предпочтение в питании, в общении, в интересах, в симпатиях и антипатиях. В этом, конечно, сказывается ощущение единого организма, сформированное во время беременности, чувство психологической общности, возникающее после рождения ребенка и опыт всестороннего общения с ним в последующие возрастные периоды его жизни. Мы можем утверждать на основании наблюдения за интеллектом мам, что он состоит из трех разнонаправленных во времени видов – праматеринского интеллекта (впитывающего в себя опыт предыдущих поколений матерей), ситуационного (здесь и теперь) материнского интеллекта и проматеринского интеллекта (устремленного в будущее ребенка): благодаря этому перекрывается ретроспектива, настоящее и перспектива жизненного пути растущей под интеллектуальным покровительством мамы детской личности.

Все проблемы ребенка являются проблемами мамы и она решает их максимально синергетически, однако не абсолютизируя свои решения, сменяя их в случае необходимости более удачными находками других мам, врачей, педиатров, педагогов, детских психологов. В интеллектуальном плане мама обнаруживает полное отсутствие категоричности, но иногда проявляет удивительную настойчивость в достижении успеха. Для нее истинным является все, что полезно ребенку. Именно поэтому многие привычные для взрослых абстрактные истины теряют свое значение для мамы как не соответствующие потребностям детства и, к удивлению, например, папы, низвергаются до

положения псевдоистин. Он вначале борется с этим, но потом соглашается под влиянием нового убедительного критерия материнских истин – благополучия ребенка. Именно поэтому мама иногда выглядит как молчаливый нигилист в мире взрослых норм и научных истин, игнорируя их в интересах своего ребенка.

Тот же Я. А. Коменский отмечает своеобразную диалектику мышления матери, подчиненную благополучию ребенка, которая берет свое начало в ее и ребенка многочисленных вопросах и ответах на поток трудных ситуаций в жизни ребенка. Сначала она задает их молча, потом вслух, затем – прислушиваясь к «своим» вопросам в устах ребенка и отвечая им, а затем – и к ответам ребенка на них. Сам диалог с ребенком пронизан такими вопросами к «себе-ребенку» и ответами-решениями на них. Не берет ли свое истинное начало в таком «разделенно-объединенном» диалоге, в диалектическом мышлении «матери-ребенка» взрослое мышление человека?

Вот где действительно находится истинный кладезь познания ребенком мира – в интеллекте мамы. Это уже доказано исследованиями о зависимости интеллекта ребенка от интеллекта мамы, а также папы, от их интеллектуальных установок, от их внимательности и понятливости, размышлений и фантазирования, ощущений и восприятий, равноправно разделенных с ребенком. Ребенок чувствует интеллект матери, подражает ему, повторяет тысячи интеллектуальных решений мамы, тем более, что они касаются его лично и проникнуты любовью к нему, понимая, что предметом материнского интеллектуального искания истины является самая главная из них – он сам как высшая истина! И любовь к такой истине не может не остаться на всю жизнь – и у мамы и у ребенка! И чем успешнее рост ребенка, удачнее его судьба, тем ярче проявляются стоящие за ними интеллектуальные способности, интеллектуальная одаренность и талант матери.

Особый расцвет материнского и детского интеллекта проявляется с постепенным вхождением слова, словесных сочетаний, предложений, литературных произведений, например, сказок, рассказов в общение матери с ребенком. При этом какой бы сюжет ни затрагивался, ребенок всегда в центре

воображаемых событий, среди сказочных героев, он общается, взаимодействует с ними, решает совместно с ними общие проблемы, развивая свое собственное мышление и воображение. Ну как тут не появиться, рядом с маминым «Я» и «Я» воображаемых героев, «Я» ребенка как диалогического, диалектического отклика на сияние яркого материнского солнца. Не это ли таинственное «Я» матери интериоризируется, присваивается ребенком в детстве и потом всю жизнь считается человеком своим неповторимым уникальным собственным «Я»?

Не в интеллектуальном ли общении с матерью постепенно складывается первичная способность маленького существа к обмену мотивами, знаниями, умениями, навыками, эмоциями, к пониманию на этой основе других людей, к взаимодействию с ними, к симпатии и эмпатии, способности любить людей и через эту любовь и любовь к самому близкому к нему среди людей человеку, матери, – любить себя, свое «Я»?

Таким же образом, через интеллектуальное общение, через его «материализованную» аффилиацию, коммуникацию, перцепцию, интеракцию, аттракцию, передаются ребенку от матери базовые мотивы, интересы, смыслы, цели, планы, интенциональные чувства и т. д. Призывное и спасительное слово «Мама!» вновь и вновь звучит при каждом обострении жизненной ситуации, в каждой неожиданно возникающей острой проблеме, неудаче, трагедии, появлении угрозе жизни. Оно появляется как первое и главное слово-заклинание к абсолютному авторитету любимого человека, готового прийти на помощь и отдать всю себя ребенку. Оно может быть и последним для человека, когда его уход из жизни, сама потеря жизни становится сопоставимой с утратой самого дорогого в жизни существа – матери, то есть почти что себя, ибо мама – самая ценная собственность ребенка, мама, которая всей своей жизнью показала, что ее ребенок – самая ценная ее собственность!

Автор этих строк никогда не забудет последних слов своей умирающей на 88-м году жизни матери, бабушки и прабабушки своих детей, внуков и правнуков, последний раз обратившейся за три дня до своего ухода с прощальным плачем к своей маме: «Мамочка, возьми меня к себе, к своим косточкам!» Никто не мог ей

помочь встретить последнюю минуту забвения жизни, кроме ее собственной матери, образ которой прожил в ней до самых последних дней ее жизни и облегчил горе угасания... Эти слова к нашей прамати всколыхнули тогда всех присутствующих рядом родных и близких нашей родной мамы... Собственно, эти слова и заставляют думать без лишнего теоретизирования об исключительной роли матерей в судьбе всех последующих поколений. Ведь мы, все присутствовавшие в тот момент рядом с нашей мужественно уходящей мамочкой, с рыданиями увидели в своем растревоженном воображении образ нашей многопоколенной Праматери, не ошибусь, если скажу – Богоматери...

Индивидуальность матери, представленная неисповедимыми глубинами ее **психогенетической, психофизиологической природы**, не поддается какому-либо точному научному анализу, она может быть лишь поверхностно обнаружена в некоторых чувствах и эмоциях. Очевидно, что в период вынашивания, рождения, ухода и воспитания собственного ребенка у мамы актуализируются уникальные материнские инстинкты, рефлексy, привычки, обостряется психофизика, появляется особая чувствительность нервной системы ко всему комплексу ощущений и восприятий, эмоций и моторики ребенка. Более того, появляются, по-видимому, какие-то неведомые науке экстраспособности, которые действуют потом всю жизнь и проявляются в отношениях с людьми как паранормальные в их восприятии способности, за что некоторых матерей (и их дочерей и внуков) называли в темные времена то ли колдуньями, то ли ведьмами, а сейчас – экстрасенсами – таков, по-видимому, сохраняющийся на всю жизнь эффект материнского усиления чувствительности, интуиции, воображения, возможно – умножающегося и передаваемого в ходе наследования от матери к дочери, от бабушки к внучке опыта многих поколений матерей. Об этом свидетельствуют наблюдения философов и поэтов (вспомним «принцип матерей» Гейне и сотни тысяч невинных в своих экстраспособностях, но сожженных инквизицией в средние века ведьм и колдуний!?). Вспомним также возшедших на мраморный пьедестал античного монументального искусства Венеру Милосскую, Артемиду, Мнемозину и других богинь, отраженных в полотнах эпохи

Возрождения и Просвещения мадонн Рафаэля, Леонарда да Винчи, Микельанджело, Рубенса и др., воспетую в музыке Аве Марию, опозитизированную Шекспиром Джульетту и т. д. Утвердившийся благодаря религии и искусству культ Матери становится самым заслуженным и незапятнанным из всех порожденных человеческой культурой культов личности!

Мама, опираясь на свою индивидуальность, на бездонные ресурсы своей живительной природы, осуществляет, как это очевидно, уникальное очеловечивающее, гуманизирующее, одухотворяющее воздействие на своего ребенка. Возможно, к периоду материнства относятся особые сензитивные проявления женской личности, усиливающие ее гуманистический потенциал как не принадлежащий лишь ей, а щедро передаваемый ребенку и являющийся совокупной собственностью этих двух родственных существ. Вопросы, вопросы, вопросы об этой тайне индивидуальности личности мамы... Один из них мы не можем не поставить – он касается целебной силы мамы как целителя детского тела, души и духа. По-видимому, можно говорить об особой коренной материнской терапии, душевной и духовной маматерапии, раскрытие тайны которой может способствовать совершенствованию существующей психотерапии. То, что истоки медицины, психологии, педагогики, почти всех наук, находятся в материнской личности, не вызывает сомнений...

Мы не говорим здесь о роли типа темперамента матери и ребенка, которые могут совпадать и тогда наблюдается замечательнейшая из психофизиологических гармоний в общности «мама и ребенок». Но они могут и не совпадать – тогда мама проявляет удивительнейшую по своей мудрости толерантность к различиям между их темпераментами, снимая противоречие между ними своей любовью... Любовь мамы спасает и объединяет ее с ребенком и в случае других различий между ее индивидуальностью и все более проявляющейся индивидуальностью ее дитя – по полу, возрасту, интересам, чертам характера, проявлениям интеллекта, по всем другим различиям, выступая в условиях их действия главным фактором формирования общности между различными по своим психологическим и другим особенностям людьми.

Психосоматический фактор в отношениях между матерью и ребенком является в определенной мере базовым, учитывая описанную ранее связь между организмом матери и ребенка и то обстоятельство, что лучше матери никто не знает и не любит тело своего малыша в процессе его роста, начиная от зачатия до становления и как ребенка, и как взрослого человека. И никто не ценит его больше, чем мать.

Деятельностное измерение жизненной миссии матери, вечный труд мамы по утверждению жизни в ее детях – уникальное явление в человеческой популяции и обществе. Мать – это неутомимый труженик, влюбленный в свой труд, в его предмет – ребенка, стремящийся к успеху и только к успеху, считающий, что ее ребенок – самое лучшее и прекрасное творение и поэтому она готова к любому рабскому труду ради его счастья. Так что же такое мама, готовая почти в одиночку, не отвергая конечно помощи близких и общества, как богиня создать из ребенка-ангела взрослого человека, гражданина, героя, бога...

Повторим еще и не один раз, что божественная созидательная сущность матери издавна нашла свое отражение в искусстве, науке и религии. Так, почти во всех религиях мира есть богородицкие праздники, посвященные Богоматери, например, в православии из 12 важнейших религиозных праздников 4 посвящены Божьей Матери, а всего в его церковном календаре насчитывается 262 праздника, связанные с ее именем. Матери посвящены величайшие памятники архитектуры, например, собор Парижской Богоматери, библейские сказания, духовные музыкальные гимны, не говоря уже об увековечивании образа матери в народном творчестве, в прозе и поэзии, в театре и кинематографе.

Мать неустанна в своих ежедневных и еженощных созидательных усилиях и трудах во имя жизни ребенка. С его же стороны действует на нее какой-то божественный эликсир молодости и силы, когда она встает в заботе о нем раньше всех и ложится спать позже всех, а иногда и не спит ночами возле больного ребенка и при этом – от нее не услышишь ни одной жалобы на судьбу. Вся подвижническая деятельность матери как бы пронизана действием некоего катализатора, содействующего выполнению ею великой миссии становления

ребенка, его взросления на «дрожжах» любви, она особым образом мотивирована, активирована общением с ребенком, соотнесена с ним своим материнским характером, организована материнской рефлексией, уникальным материнским опытом, практическим жизнотворческим интеллектом, особой психофизиологией материнской души. И за свою божественную деятельность она не требует ничего, кроме одной награды – здоровья, благополучия и счастья своего ребенка.

Возрастное измерение жизни материнской личности удивительно проявляется в том, что в восприятии детей, внуков и правнуков она всегда, на всех возрастных этапах жизненного пути, остается юной и молодой. Она сама, конечно, была младенцем, малышкой, девчонкой, подростком, девушкой, невестой, молодой женой, но стала мамой, авторитетной матерью семейства, бабушкой, прабабушкой, вручающей дар жизни последующим поколениям своего рода, и поэтому, даже после ухода в мир иной, остается в памяти поколений дольше, чем кто-либо из близких людей. Именно поэтому реальный родовой, семейный матриархат всегда был и поныне остается гендерной доминантой жизни – и не зря на заре человечества, в трудные, холодные и голодные, опасные и тревожные тысячелетия его становления именно матриархат был спасительной основой жизни человеческих родов и племен. Весь праматеринский опыт и возрастной опыт мамы положены к ногам последующих поколений детей, внуков, правнуков. Мать выступает гениальным изобретателем, конструктором, технологом, работником, хранителем жизни. Говоря словами С. Лема, мама владеет всей суммой технологий воссоздания и утверждения жизни, тканя непрерывного полотна жизни ребенка (и не одного – ведь еще столетие назад количество детей в семье ничем не ограничивалось и нередко достигало десяти и больше), а труд самого многочисленного класса (цеха) матерей создает основу разрастания жизни целостной человеческой популяции, цивилизации, общества, человечества. Классический труд матерей на протяжении всего жизненного пути, подготовка к нему на ранних стадиях и осуществление его позже в различных формах и видах включается в вечный и бессмертный жизненный трудовой путь всего человечества, на котором матери выступают как верные служительницы

жизни, благодаря чему и жив род людской, за что великая им благодарность от человечества!

Понятно, что все другие члены семьи должны понимать эту святую миссию матери и всецело помогать ей в ее осуществлении. Это относится, прежде всего, к ее мужу и отцу их общих детей, который должен всемерно обеспечивать эту миссию, помогать матери, защищать ее от внешних неблагоприятных влияний, которые могут принимать иногда самые неожиданные формы, например, советов даже от самых близких родственников отказаться от кормления грудным молоком младенца – напротив, это кормление должно быть как можно более длительным, в чем состоит одно из главных условий здоровья детей. Отец должен принимать участие во всех бытовых заботах матери о детях, помогать в профилактических мерах по сохранению здоровья матери и ребенка, формированию и поддержанию здорового образа жизни семьи. Отец может очень многое сделать в психическом, интеллектуальном, личностном развитии ребенка, в частности, с помощью рассказывания старых и сочинения новых сказок, хитроумных игр с различными предметами, первого опыта в рисовании, пении, выполнении простых физических упражнений, формировании привычки к аккуратности, точности, организованности в действиях, первых трудовых навыков, элементарных нравственных поступков, проявляя верность, уважение, любовь к матери и детям.

Что же касается научной проблемы выявления материнских задатков, способностей и талантов, то главный критерий их определения очевиден – это мамы дети, их жизненное, гражданское и профессиональное благополучие, способности и одаренность!

Разумеется, описанный здесь в самой общей форме процесс соразвития личности женщины и ее ребенка требует более глубокого изучения в различных аспектах, но прежде всего – в главном аспекте признания материнства и детства базовым психологическим феноменом, с которого начинается отсчет психического развития личности ребенка.

Материнские задатки и таланты женской личности – главный источник жизненных способностей и одаренности ребенка! Честь и слава нашим матерям!

2.2. Психолого-педагогические и аксиопсихологические аспекты теории и практики воспитания всесторонне развитой, счастливой, достойной личности школьника как высшей ценности в образовательной системе В. А. Сухомлинского

При ознакомлении с произведениями В. А. Сухомлинского (28 сентября 1918 г. – 2 сентября 1970 г.) у читателя может возникнуть правомерный вопрос – в чем корни педагогических идей выдающегося воспитателя, откуда начинают свое движение животворные источники его уникальной педагогической системы воспитания всесторонне развитой, достойной личности и какое психолого-педагогическое и аксиопсихологическое значение она имеет? Мы проанализировали в этом плане содержание всех пяти томов избранных произведений выдающегося ученого, философа, психолога, педагога и нашли, как нам кажется, один из наиболее вероятных ответов на этот вопрос. Он содержится в его статье «Человек – высшая ценность», опубликованной в 1969 г. в 6-ом номере журнала «Наука и религия» [169, С. 471-498].

В этой статье В. А. Сухомлинский возвращается мыслями в те, еще военные сороковые годы, когда он вернулся в только что освобожденное от фашистских захватчиков родное село Васильевку на Кировоградщине, где стал работать в сельской школе классным руководителем, воспитателем. По его убеждению, это слово (по-украински – *в ы х о в а т е л ь*) «очень удачно передает тончайшие оттенки высокой миссии воспитателя – оберегать, охранять маленького человека». Он был воспитателем «одного из самых трудных классов, где почти все дети были обездолены войной: отцы погибли на фронте, у трех мальчиков и двух девочек не было ни отца, ни матери, у одного мальчика все родственники пропали, он жил у меня, и я, проснувшись ночью, часто не мог заснуть до утра, думая о судьбе Коли» [С. 471 – здесь и далее по 169].

Василий Александрович вспоминает случай с матерью Мариной, односельчанкой, которая потеряла еще в начале войны, в ходе эвакуации, при

переправе через Днепр, троих детей, а после освобождения села от оккупантов вернулась домой. И тут она узнала, что на фронте погиб и ее муж, и два брата. Мать Марина вроде надеялась на чудо и ждала возвращения из небытия своих детей и родных, но чуда не произошло и тогда она в состоянии отчаяния бросилась в реку, однако вода не приняла ее. В этот трагический момент вблизи случайно оказался В. А. Сухомлинский со своим классом и они спасли бедную женщину от гибели.

Педагог вспоминает в этом месте статьи, как в те тяжелые дни в селе открылась церковь и мать Марина, как и многие другие несчастные женщины, вдовы, «нашла утешение и забвение в молитве, стремясь постигнуть какой-то тайный, неземной смысл в проповедях старого древнего батюшки, отца Спиридона, которого женщины называли «н а ш батюшка». Он признавался в откровенной беседе, что плохо помнит священное писание, даже многие молитвы п о р а с т е р я л, но, обладал удивительной душевной способностью: умел понять, почувствовать духовный мир каждого пришедшего к нему человека, знал, «какая у кого рана и что у кого болит», умел находить простые, душевные, утешающие слова. Я много раз беседовал с отцом Спиридоном, слушал его бесхитростные проповеди и видел, что он, будучи верующим, не навязывал своей веры другим, но, умело вставляя слово божье в обычные человеческие слова, излечивающие человеческие раны, связывая религию с добром, умел делать ее привлекательной... Вскоре он умер; и вот что интересно: на похороны 80-летнего отца Спиридона верующие женщины решили не приглашать никого из служителей церкви, обрядили и похоронили по-своему, по-домашнему... Знакомство и беседы – многочасовые, увлекательные – с отцом Спиридоном открывали мне глаза на многие недостатки не только атеистического воспитания, но и вообще на слабости и пороки воспитания человеческой души. Ведь большинство верующих не пошли бы к отцу Спиридону, а пошли бы к образованным, интеллигентным людям – к педагогам (прежде всего), умным пропагандистам, если бы мы научились тонко, тактично, душевно, бережливо, сочувственно, дружелюбно, по-доброму, без какого бы то

ни было предубеждения к верующему проникнуть в духовный мир, поддержать человека, утвердить в нем мысль о подлинном бессмертии человеческого духа, человеческой души. Я понял, что именно эту цель и надо ставить в воспитательной работе с людьми – от младенца до глубокого старика, от того, кто вступил в мир и изумленно познает его, удивляется ему, до того, кто собирается оставить его и с болью и страданием смотрит на мир, размышляя философски о нем и о себе. В этом убедили меня беседы со многими людьми – и верующими, и атеистами, и людьми с абсолютно пустой душой (к большому своему удивлению, я убедился, что есть люди... с пустой душой, иногда они с университетскими дипломами и, что еще страшнее, по долгу службы воспитывают других людей... Перед смертью каждый человек, независимо от того, кем он был,... становится философом, мысль о смерти и бессмертии, если она до этого по-настоящему никогда не приходила в голову, озаряет, как молния, его сознание; многие в эти мгновения по-настоящему, по-человечески осознают, что они могли сделать в жизни и не сделали, что делали не так, как надо было делать.

Все эти рассуждения представляются мне исключительно важными в системе нравственного воспитания молодежи – утверждения в юных сердцах мысли о том, что Человек – высшая ценность, что человеческий дух бессмертен, что в величии, полноте, моральном богатстве жизни заключается цель, к которой настоящий человек стремится всю жизнь» [С. 473-474].

Эти рассуждения привели тогда еще молодого воспитателя к основополагающим истинам, важнейшей среди которых была одна: «подлинное воспитание – это творение счастья другого человека. Мой долг и моя ответственность воспитателя – долг и ответственность творца счастья. В нашем обществе счастье человеческой личности – а в этом подлинный смысл жизни, подлинная радость бытия – зависит от воспитания и самовоспитания, точнее, от того, как видит человек человека, как он относится к нему: как к величайшей ценности или же как к источнику собственного благополучия и только. Стремление к счастью – извечное человеческое стремление. Как важно для нас,

воспитателей – а воспитатели это не только педагоги, но и все, кто, соприкасаясь в повседневной работе с людьми, прикасается к святой святых человеческой личности, тому уголку сердца, где живет стремление к счастью, – как важно для нас умение беречь, хранить, лелеять, развивать, укреплять это стремление. Как важно для нас, воспитателей, – эту истину я тоже постиг в дружбе с матерью Мариной и другими матерями – умение видеть человека. Всякий раз, когда я вижу радостные, ликующие или грустные, страдающие человеческие глаза, мне вспоминаются слова Генриха Гейне: «Каждый человек – это мир, который с ним рождается и с ним умирает. Под каждой могильной плитой лежит всемирная история» (вспомним также соответствующие идеи И. В. Гете, в частности, его принцип матерей – Р. В.). Становление человеческого – неповторимого и несопоставимого – мира в наших руках, в руках тех, кто народом и обществом уполномочен творить человеческое счастье, то есть воспитывать по-настоящему» [С. 478].

Отметим, что в этих словах В. А. Сухомлинского миссия воспитателя (а это касается и психолога) детской личности приобретает всемирный масштаб – как творца Вселенной в детской душе. Именно поэтому детская личность должна быть счастливой, а благодаря этому – должно быть счастливым и все сообщество человеческих душ. Альтернативой этому, как показывает история и человеческие биографии, могут стать катастрофы мирового и индивидуального масштаба. Поэтому рассуждения выдающегося педагога приводят к принципиально новому, всеобъемлющему пониманию назначения воспитателя – творения всесторонне развитой счастливой достойной личности как центра Вселенной.

Вот почему, по твердому убеждению выдающегося педагога, на каждом уроке «должно наиболее полно и ярко раскрываться отношение человека к человеку как к высшей ценности» [С. 481].

Василию Александровичу принадлежит, возможно, самое глубокое философско-педагогическое понимание сущности счастья, которое вытекает из его «принципа высшей ценности человека»: «С каждым годом я все больше

убеждался в том, что творение счастья является и целью воспитания, и в то же время счастье – это душевное состояние, о котором можно говорить как о способности быть воспитуемым, поддаваться воспитательному влиянию педагога. Без этого душевного состояния просто невозможно воспитание. Здесь надо сделать оговорку и уточнить: счастье – это не беззаботность. Счастье – это *гармония чувства собственного достоинства* (выделено нами – Р. В.), радости и полноты творческой жизни, с одной стороны, и долга – сознания и чувства долга перед другими людьми, перед коллективом, перед обществом – с другой. Отношение к человеку как к высшей ценности предполагает утверждение в нем чувства ответственности за каждый свой поступок, за свое поведение. Счастье – не бездумное потребление ласки, доброты, сердечности. Счастье лишь тогда нравственно, когда человек, образно говоря, греясь у костра и подкладывая поленья, сушит топливо для того, чтобы разжечь костер завтра. Если нет этого душевного состояния, не может быть способности поддаваться таким сильным, могучим средствам влияния на человеческую душу, как слово, одухотворение примером и красота... моим вечным исканием является забота о том, чтобы эти три инструмента воспитания были могучими и всесильными, и я убедился: если нет душевного состояния счастья и у родителей, и у ребенка, то эти инструменты становятся бессильными» [С. 481-482].

Счастье детской личности необходимо еще и для того, чтобы правильно относиться, помогать человеку преодолевать страдания, озлобление, равнодушие, явное и неявное многоликое горе, которое время от времени встает перед каждым человеком и особенно – в конце жизни его близких, в его последний предсмертный час. Великий педагог приводит показательные в этом плане примеры.

Так, в семье одной из лучших его воспитанниц – Нины – случилось большое горе: раненый на фронте, безнадежно больной отец угасал с каждым днем, приближаясь к смерти. В. А. Сухомлинский не один час беседовал с матерью Нины, вместе с ней искал и думал, «как помочь этому чуткому, нежному сердцу,

чтобы горе, которое вот-вот свалится, не сломило человека? Как творить счастье э т о г о ребенка, если он знает, что скоро умрет самый дорогой для него человек? Таких случаев в моей практике было немало, и хотя каждое человеческое горе уникально, я всегда стремился к тому, чтобы понимание жизни и смерти, чувство и переживание ни с чем не сравнимой потери возвышало маленького человека, умудряло его, вносило в его мысли и сердце гражданскую зрелость, воспитывало великое умение дорожить людьми, относиться к ним как к величайшей ценности. Как воспитатель, обязанный оберегать, хранить детскую душу, я стремился к тому, чтобы, познавая все радости коллективной жизни, ребенок в то же время знал и о человеческом горе. До последней минуты жизни отца я поддерживал в душе девочки надежду на то, что он будет жить, но когда произошло неотвратимое, моя воспитательная миссия заключалась уже в том, чтобы ребенок задумался, что такое жизнь, какая величайшая ценность дается человеку и как ее надо беречь...» [С. 482-483].

В. А. Сухомлинский считал важным, чтобы благородное человеческое страдание, связанное с потерей близких и родных, которое переживает едва ли не каждый ребенок, «стало для маленького человека как бы первым испытанием, открывающим перед ним смысл жизни и величие человеческих ценностей. Очень важно, чтобы благородное страдание потрясло детскую душу, сделало чуткое детское сердце тонким, восприимчивым, настроило его на переживание радостей и горестей близких и «дальних» людей, открыло перед ребенком высший критерий измерения человеческого счастья» [С. 483].

Педагог приводит разительный по своей животворной силе, более того – по настоящему психотерапевтическому потенциалу, пример отношения одного из своих воспитанников, десятилетнего Мити, «сорванца, шалуна и выдумщика различных «хитростей», к своей 90-летней бабушке. «Однажды она сказала дочери: чует мое сердце, приближается последний час, постели мне постель в боковушке, оставьте меня одну. Дочь заплакала, но волю матери исполнила. Митя почувствовал сердцем приближение неотвратимого. «Бабушка, дорогая, не умирайте, – просил он, и, плача, припадая к груди бабушки, смотрел на нее

своими ясными, добрыми глазами. – Вы живите, живите, бабушка: ведь я же люблю вас, люблю больше речки и солнца, больше леса и зеленых лугов... Ну, скажите же хоть слово, бабушка, дорогая...»

И бабушка, уже морально настроившаяся на смерть, заплакала...

«Да, я заплакала, – рассказывала мне потом бабуся Мити. – Что-то перевернулось в моей душе, и я вдруг почувствовала частое, сильное биение сердца. Я уже отреклась было от всего, одной ногой была уже там... А тут вдруг стало жалко, так жалко эту живую крошечку. Как же ее оставишь? В моей душе, уже безразличной ко всему, пробудилось страдание. Наверное, это страдание и подняло меня с постели».

Была теплая осень, вместе с бабушкой Митя шел на луг, усаживал ее под вербой на маленьком стульчике, бабушка грелась на солнышке, а мальчик лазил по деревьям, придумывал с друзьями новые «хитрости». Когда лучи вечернего солнца уже не грели, Митя отводил бабушку домой.

Бабушка Мити прожила еще четыре года...» [С. 485].

Этот пример заслуживает внимания не только воспитателей молодежи, но и современных геронтологов и психотерапевтов, работающих с людьми старческого возраста. Можно предположить, что в этом примере воспитательная система В. А. Сухомлинского показала свое преимущество над природными силами старения и ухода человека в небытие, которые специалисты связывают с генетической программой развертывания и свертывания жизни человека в потоке поколений.

Великий педагог приводит слова Митиной бабушки, п р а м а т е р и, через четыре года, когда действительно пришел ее смертный час, как настоящее завещание всем живым: «Прощай, Митя. Ты дал мне четыре года жизни. Спасибо тебе. Помни, что самое дорогое в мире – человек. Человек могуч. Он могущественнее бога. Бог не мог дать мне четырех лет жизни, а вот ты, мальчишка, дал. Люби мать, береги ее здоровье, храни ее красоту. У тебя будет жена, будут дети. Помни, Митя: великая это мудрость – уметь оставить себя в человеке... Уметь вложить в человека свой ум, свою любовь, свое сердце, свою

верность. Бессмертен тот, кто оставил себя в другом человеке. Вот ты до смерти не забудешь меня и внукам своим обо мне расскажешь – значит, я стану бессмертной... Не боюсь я теперь смерти...»

Обращаясь ко мне, она сказала:

«Больше всего опасайтесь, чтобы не было в душе ваших питомцев беззаботной и бездумной радости. Радость должна быть мудрой. Наставляйте и умудряйте своих питомцев так, как Митю. Это будет хорошо, ой как хорошо. Митина душа – это моя великая радость. Творите такие души...»

Это были ее последние слова. Мы сложили на груди бабушкины руки, закрыли ее глаза, постояли минуту над телом. В те мгновения меня поразила, потрясла мысль: да ведь это же так и должно быть, чтобы столетний мудрец, уходя из жизни, передавал свои сокровенные желания, свои мысли, свое напутствие внуку и правнуку. Ведь в слове умудренного жизненным опытом человека заложены великие нравственные ценности» [С. 486].

В. А. Сухомлинский считает, что в этом процессе «духовного общения, в котором человек отдает свои богатства, свою внутреннюю красоту другому человеку, как раз и начинается творение человека человеком. В том, что частица его души отдается кому-то, принадлежит кому-то, человек видит огромное счастье. Дать это счастье каждому, не оставить никого одиноким среди людей – вот важная задача воспитания...

Входя разумом и сердцем в судьбы многих своих питомцев, их отцов и матерей, дедушек и бабушек, я с каждым годом все больше убеждался, что нравственная способность человека **относиться к себе как к величайшей ценности, чувство собственной чести и достоинства** (выделено нами – Р. В.), стремление к идеалу – все это зависит от того, какую человеческую красоту открыл в другом человеке маленький гражданин в детстве, чему он удивлялся и изумлялся. От этого в огромной мере зависит и то, как человек нравственно подготовлен к возмущениям и сомнениям отрочества, к утверждению и одухотворению юности.

...Я всегда стремился, чтобы с детского возраста в душе человеческой утверждалось первое среди благородных желаний – желание чувствовать *свое достоинство* (курсив наш – Р. В.), желание быть лучше, совершеннее. Вот это желание и рождается там, где маленький человек, познавая человеческую красоту, открывая подлинно человеческое, с радостью отдает свои душевные силы другому человеку. Чем больше он отдал духовных сил, тем дороже становится для него тот, в кого вложены эти силы...» [С. 488].

Очень важным, на наш взгляд, является то, что великий педагог сознательно использует понятия возвышения и унижения одним человеком чести и достоинства другого человека и своего собственного – как важные моменты воспитания и взаимоотношений между ними. При этом он подчеркивает: «Какие бы грани человеческой воли и разума, сердца и мудрости ни открывались в вашей личности перед ребенком: одобрение, похвала, восхищение, гнев, негодование, порицание (да, на эти чувства воспитатель тоже имеет право, он не бестелесный ангел), – любая из этих граней должна открываться на фоне главного – **уважения человеческого достоинства, возвышения Человека**» (выделено нами – Р. В.) [С. 490-491].

В. А. Сухомлинский раскрывает в ходе своих бесед с детьми по вопросам человековедения психолого-педагогический смысл и механизм этого центрального явления в воспитании гражданина: «Возвышает человека только великая идея, но и она остается звонкой фразой, если не открывается перед разумом и сердцем в ярких человеческих страстях и не пробуждает столь же яркие, глубокие страсти в тех, кого мы воспитываем. Возвышение человека я представляю себе как глубоко нравственную работу разума и сердца, смысл этой работы состоит в том, что человек готовится духовно, морально к самовыражению, к тому, чтобы раскрыть себя. Эта работа начинается с познания величия, красоты, благородства идеи, того, во имя чего человек отдает свою жизнь...

...Именно благодаря верности этой идее человеческая жизнь и предстает перед юным сердцем как величайшая ценность, а верность идее приобретает

огромную воспитательную силу. Донося эту идею до юных сердец, чтобы там началась большая внутренняя работа по духовному самовыражению, поднимая человека на ту точку, с которой для него открывается собственное, личное видение мира, я становлюсь для своих питомцев их воспитателем, их в ы х о в а - т е л е м, храню и оберегаю их от горя, страданий, оберегаю тем, что закаляю их сердца, помогаю постигнуть величие жизни, учу их дорожить жизнью как богатством, ценность которого раскрывается только тогда, когда оно измеряется служением Родине» [169, С. 492-493].

В этих мыслях Василия Александровича – сущность его теории и практики воспитания всесторонне развитой счастливой достойной личности, получивших всемирное признание. В этих словах украинского гения отражается в значительной мере смысл благородного труда педагогов, психологов, социальных работников, консультантов и психотерапевтов по предотвращению проблемных, конфликтных, кризисных ситуаций в жизни юной и взрослой личности, их решающая роль в противодействии несчастью, болезням и смерти, в сохранении и утверждении человеческого в человеке. Ценность личности, ее честь и достоинство, выступают в его трудах главной целью воспитания счастливого человека. Поэтому можно утверждать, что именно В. А. Сухомлинский заложил основы построения школы чести и достоинства личности!

2.3. Духовно-креативный анкетинг для возвышения чести и достоинства старшеклассников путем самоактуализации их стремления к Добру, Красоте, Истине

Опыт диагностической работы психологов и педагогов свидетельствует о том, что проведение традиционного анкетирования не ограничивается лишь сбором информации о личности, но оказывает на нее заметное активирующее,

развивающее и креативное влияние. Респонденты часто сообщают в своих отчетах, что вопросы анкет (особенно закрытых) часто вызывают у них большой интерес и желание давать значительно более развернутые ответы, чем это предполагается инструкцией для опрашиваемых, то есть давать на них лишь краткий ответ. Невысказанные субъективные ответы опрашиваемых на вопросы анкет часто бывают более оригинальными по смыслу и полнее по своему содержанию и объему, чем ожидаемая от них формальная краткая информационная реакция. Учет этой особенности опроса может стать основанием для преобразования анкетирования в интересный творческий метод.

Для усиления креативной функции анкетирования следует несколько изменить инструкцию, содержание и объем вопросов, дополнить базовые вопросы такими, которые прямо побуждают к творчеству в определенном направлении. Это можно осуществить путем инициирования, интенсификации и пролонгации творческой активности опрашиваемых учеников в ходе специально организованного открытого анкетирования, которое органично переходит в форму творческого тренинга, которую мы и называем анкетингом. В таком случае может разворачиваться творческий процесс, отвечающий пониманию творчества Н. А. Бердяевым как «ответа человека на запрос, на требование Бога» [10].

Следует отметить, что стимулирование творчества вопросами не является чем-то принципиально новым для специалистов. Вспомним известные в этом плане методы, такие как «Список контрольных вопросов» Э. Крика и похожий на него список Т. Ейлоарта [137, с.198], «Самоопросник для организации умственного эксперимента» Г. Я. Буша [137, С. 199] и др. Успешно использует вопросы специальной анкеты в авторском творческом тренинге КАРУС академик В. А. Моляко [107]

Мы же прибегаем к «анкетингу» для того, чтобы придать процессу анкетирования значительно более творческий характер, целенаправленный с самого его начала и связанный с самоактуализирующей способностью процедуры опроса. Это обеспечивается такой особенностью анкетирования, как

целенаправленное и систематизированное мотивирование опрашиваемых респондентов, особенно если они подвергаются непосредственному устному опросу в группе. В этих условиях специальный открытый групповой опрос может значительно интенсивнее стимулировать и организовывать творческий процесс (опираясь на элементы внушения, соревнования и взаимного обмена образцами творчества в реальном масштабе времени), чем индивидуальная спонтанная творческая деятельность. А это может обеспечить и, как показывает наш опыт, реально обеспечивает большую творческую мотивацию, активность, продуктивность и презентабельность процесса и результатов творчества учащихся.

Итак, когда специально организованное, пролонгированное в указанных выше функциях анкетирование перерастает в творческий тренинг, тогда мы и называем его анкетингом. Этот анкетинг в нашем случае является духовно-креативным, поскольку по своему содержанию направлен на творческую самоактуализацию естественного для ребенка стремления к Добру, Красоте и Истине как основы духовности человека.

Заметим, что данная форма инициирования и организации творческого процесса возникла и была апробирована нами в декабре 2009 года, когда мы находились в составе делегации научных сотрудников Института педагогического образования и образования взрослых АПН Украины, во главе с его директором, академиком, доктором философских наук, профессором Иваном Андреевичем Зязюном, на научно-практической конференции в нашей родной школе – Новомосковском коллегиуме № 11 Днепропетровской области (автор учился в ней в V-VIII классах в 1959-1962 годах). На конференции неожиданно возникла необходимость в проведении автором этих строк, по просьбе академика И. А. Зязюна, коллективного занятия по эстетическому воспитанию со старшеклассниками коллегиума в течение одного урока. В этих обстоятельствах и была выбрана и реализована схема духовно-креативного анкетинга группы учащихся, которая приводится далее.

В начале занятия, после короткого приветствия и констатации положительного впечатления от знакомства с колледиумом (а он входит в 100 лучших общеобразовательных учебных заведений Украины!), с его талантливыми учителями и одаренными колледиантами, мы предложили детям осуществить на одном уроке короткую творческую работу на основе их ответов на 12 вопросов. Эти ответы следовало записывать на листе или в тетради под номерами от 1 до 12. На каждый вопрос и ответ дается в среднем 2-3 минуты. Вопросы должны иметь краткую и одновременно более развернутую (чем в обычной анкете) форму и сопровождаться лаконичными комментариями и рекомендациями ведущего. Вот эти 12 вопросов.

1. Какая идея, проблема, задача более всего беспокоит, волнует тебя в последнее время, над которой ты, возможно, размышляешь днем и ночью и даже сейчас? Возможно, ты пытался решить ее в разговорах с людьми, изложить в виде письменного сочинения, годовой или курсовой работы в колледиуме, записей в дневнике и т. п.?

Напиши краткое название этой проблемы в виде коротенькой, но насыщенной смыслом, темы творческой работы, которую ты должен сделать на этом уроке. При этом это может быть предварительный вариант формулировки темы, которую ты позже можешь исправить, улучшить, переформулировать, для чего надо оставить определенное место в листе. Желательно, чтобы эта тема была по возможности доброй, красивой и умной! Подумай 2-3 минуты над этим вопросом и запиши свой ответ. Помни, что правильно сформулированная тема, как задача творческой работы, означает половину ее решения.

2. Что доброго, полезного для людей и себя ты хотел бы сделать своей творческой работой по выбранной теме? Какой, например, добрый поступок ты мог бы совершить в контексте решения обозначенной тобой в теме проблемы? Учти при этом, что добрых поступков может быть очень много. Так, академик Иван Дмитриевич Бех предлагает определенный список таких нравственных поступков, например, такие как патриотические, служения людям, преданности, верности, сохранения чести, почитания, благодарности, отзывчивости,

самоотверженности, самостоятельности, скромности, утешения, сплоченности, самосохранения, примирения, посвящения, милосердия, искренности, исполнения, благородства, благоговения, великодушия, опеки и т. п. [15].

Запиши свой ответ одним предложением за 1-2 минуты.

3. Что красивого, прекрасного может появиться на свет в процессе выполнения творческой работы по определенной тобой теме? Сможешь ли ты, а я верю, что сможешь, написать, например, коротенький стих, новеллу, сказку, эссе, нарисовать маленький рисунок и т. д. на выбранную тему в течение этого урока? Сможешь ли ты, а я в этом не сомневаюсь, в конце или даже по ходу урока презентовать свое произведение, прочитать, показать его нам, своим друзьям, одноклассникам, учителям, которые верят в твой талант?

Напиши ответ одним предложением за 2-3 минуты и начни писать свое эстетическое произведение.

4. Какую интересную для людей истину, разумную идею, высказывание, положение ты хотел бы найти в ходе этой творческой работы, сформулировать, представить и подарить присутствующим или даже человечеству?

Можешь сформулировать желательные рациональные признаки данной истины, составить перечень интересных назначений этой идеи, ожидаемых эффектов от ее применения, вытекающие из нее возможности использования людьми в различных областях культуры, науки, техники. На это дается 2-3 минуты.

5. Какой собственный творческий вопрос ты можешь задать себе по теме работы, в котором бы содержались гипотеза, предположение, предсказание относительно нравственного, эстетического или интеллектуального решения выбранной тобой темы, проблемы?

Запиши этот (или эти) вопрос в течение 2-3 минут. Можешь, если остается время, вернуться к предыдущим пунктам работы и внести уточнения, изменения в формулировку предложенных ранее ответов, продолжить писать стихотворение, сказку, новеллу, эссе, рисунок и т. д.

6. Какой ответ на свой собственный вопрос ты можешь дать в ходе размышления над ним, в том числе – своим запланированным добрым поступком, своим эстетическим произведением, своей рациональной идеей?

Запиши его в листе в сжатой форме за 2-3 минуты, с учетом текущей работы над проектом поступка, эстетического произведения и формулировкой идеи.

7. Какой вывод ты можешь сделать уже сейчас относительно значения своей творческой работы на предыдущих 6-ти этапах? Еще раз повтори начало, процесс и проверь результаты своей творческой работы на этих этапах и, если считаешь нужным, то внеси текущие уточнения, редактирования, переформулирования рабочих положений в них в течение 2-3 минут.

8. Продолжая работу над проблемой по всем трем направлениям, укажи в коротеньком списке, кому из родителей, родственников, друзей, учителей, знакомых ты мог бы рассказать о своем предстоящем добром поступке, о своем эстетическом произведении и о своей сокровенной мысли – чтобы они порадовались вместе с тобой.

Напротив каждой фамилии кратко напиши, что бы они посоветовали тебе в творческой работе над темой. На запись фамилий твоих доверителей и советников и их возможных советов дается 2-3 минуты.

9. Кто из известных тебе выдающихся философов, художников, ученых, педагогов, деятелей истории, мудрых людей родной страны и мира мог бы стать для тебя идеалом, экспертом, авторитетом (своими поступками, произведениями, мыслями и т. д.), надежным союзником при выполнении запланированного тобой собственного нравственного поступка, при завершении твоего художественного произведения и при формулировании твоей собственной оригинальной идеи по теме творческой работы, с помощью которых ты, возможно, мог бы продолжить начатое этими мудрецами дело?

Запиши по одной фамилии и совету (возможно, в форме сентенции, известного афоризма, высказывания) по каждому из трех направлений твоих поисков в течение 2-3 минут. Сопоставь их с результатами своего творчества.

10. Можешь ли ты вспомнить соответствующие народные песни, сказки, исторические персонажи, пословицы, соответствующие духу и букве твоей творческой работы, которые помогали бы тебе в ее осуществлении или которые ты мог бы развить, продолжить своим нравственным, эстетическим и интеллектуальным творчеством на данном занятии?

Напиши на листе то, что ты вспомнил в этом плане за 2–3 минуты и, если считаешь целесообразным, то учти это в своей творческой работе.

11. Завершил ли ты описание краткого плана своего нравственного поступка, оформление своего собственного художественного произведения и формулирование своей собственной идеи по теме творческой работы?

Если нет, то на завершение, окончательное оформление и подготовку к презентации результатов твоего творчества дается 3–4 минуты.

12. Сможешь ли ты презентовать свое нравственное, эстетическое и интеллектуальное произведение тем, кого ты наметил в пункте 8, или публично представить его сейчас одноклассникам? Если да, то прошу выступить с ним сейчас. Если же на это не хватило времени, то закончи его дома и представь своим родителям, родственникам, друзьям, учителям в ближайшее время. Поблагодарите тех, кто рядом с вами, за доброжелательное отношение друг к другу на этом занятии и в жизни. Благодарю вас за активное участие в занятии, за интересную творческую работу и ее замечательные результаты! Можете продолжить ее дальше и действовать уже самостоятельно по данному сценарию, внося в него собственные творческие коррективы.

Предлагая ученикам презентовать собственные нравственно-эстетически-интеллектуальные произведения, следует активно демонстрировать им свое доброжелательное отношение и ожидание их выступлений, чувство радости от их привлечения к творчеству, выражать свое одобрение, похвалы, комплименты выступающим, поддерживать позитивные оценки со стороны учащихся выступлений своих одноклассников, аплодировать вместе с ними после декламации ими собственных стихов, спрашивать, это первое ли их стихотворение или это продолжение начатого ранее цикла стихов и т. п. Все это

обеспечит создание праздничной атмосферы в ходе и финале занятия. В завершение следует обязательно лично похвалить и поблагодарить за участие в занятии тех детей, которые проявили наибольшую активность и выступили публично со своими произведениями перед аудиторией.

В результате проведения автором данного творческого урока в форме духовно-креативного анкетинга с 60–70 учениками IX, X, XI классов Новомосковского колледжиума № 11, 4 декабря 2009 г. два ученика зачитали свои стихи (о семье и о честности) уже после четвертого и восьмого пунктов анкетинга, а третий ученик представил свое стихотворение (о любви к родному городу Новомосковску) – после двенадцатого пункта. Занятие длилось ровно 45 минут. Как это ни удивительно, большинство из примерно двух третей учащихся, которые написали на уроке стихи, признались, что сделали это впервые в жизни. Треть учеников написали коротенькие тематические рассказы, сказки, новеллы, эссе, показали рисунки.

На следующий день некоторые учителя колледжиума и даже родители колледжиантов лично передали ведущему свои впечатления и благодарность – за возвышенную творческую атмосферу на уроке, за огромное удовольствие детей и учителей, присутствовавших на занятии. Они особенно отмечали, что дети были горды от того, что творчески поработали, увидели плоды своего творчества, подняли свою честь и достоинство на новую высоту, утвердили ее через самоактуализацию своего искреннего стремления к Добру, Красоте и Истине.

Приведем некоторые результаты творческой работы – вывод и стихи – некоторых старшеклассников Новомосковского колледжиума № 11, полученные в ходе проведения духовно-креативного анкетинга.

Старостенко Яна, 9 а: «Достичь своей цели можно только тогда, когда остаешься собой, остаешься человеком».

Хочу верить в себя,
Хочу верить в тебя.
В тебя, жизнь,
Окунуться хочу

И тебя не отпущу.
Почему? Почему?
Но ответа не найду.
Ведь жизнь постепенно
Сама все расскажет
И главный смысл мне покажет!

4 декабря 2009 г.

Заболотный Влад, 9 а: «Чтобы быть по-настоящему трудолюбивым человеком, нужно иметь ответственность и честность»:

Праця – це наше буття.
Праця – це наше здоров'я.
Це те, що нас годує усе життя,
Завдяки чому ми пізнаємо все більше і більше,
Вчимося на своїх помилках,
Знаходимо собі нових друзів.
Праця – це наше життя!

4 декабря 2009 г.

Дядюра Екатерина, 9 б: «Не загрязняйте наш родной край»:

Україно, ненько мила.
Ти страждаєш через нас.
Байдуже всім стало.
Не піклуються всі про тебе.
А ти завжди допомагаєш нам.
І вродючим урожаєм...
І степами, і гаями.
Час і нам за розум взятись,
Час тобі допомогти!

4 декабря 2009 г.

Задержка Дарья, 9 б: «...Многие хотят жить в хорошем обществе, но мешают этому очень гордые люди»:

Рівність людей – це велика проблема,
Кожен хоче її розв'язати,
Але це, на цей день, поки неможливо
Тому, що люди згубили себе!

4 декабря 2009 г.

Врублевская Анна, 9 б: «Я считаю, что самое главное в нашей жизни – это делать добро людям»:

Что в жизни предстоит пройти? Не знаю.
Но твердо знаю истину одну:
Дорогу верно в жизни выбирает
Лишь тот, кто служит правде и добру.

Тернист мой будет путь и долог
И много испытаний меня ждет.
Но в душу не хочу пускать я холод,
Пусть в душе всегда весна цветет.

4 декабря 2009 г.

Лысогор Юлия, 10 а: «Я приложу максимум усилий, чтобы найти человека, который станет для меня настоящим другом»:

Дружба – это счастье,
Когда рука в руке.
И твои секреты у него в душе.
Друг друга поймет всегда
И никогда не будет в душе пустота.

4 декабря 2009 г.

Самойленко Мария, 11 б: «Решению экологической проблемы, то есть проблемы сохранения жизни, мешает то общество, которое не ценит жизнь и живет только для получения материальных ценностей»:

Людино!...

Зупинись, озирнись – адже плаче Земля,
І розгублений люд, і голодне маля,
Плачуть трави шовкові, столочені в полі,
Плаче птаха невинна – вона у неволі.
Не дивися байдуже, не хитай головою,
Та ж усім нам єдине Сонце радісно світить,
І усім нам дарує виногради і квіти, -
Не ламай їх, Людино, не витоптуй ногами:
Все, що станеться з ними, то завершиться з нами,
Не губи ні пташину, ні зайча: все – живе,
І пощади благає, і до щастя пливе.

4 декабря 2009 г.

Итак, созданные в ходе духовно-креативного анкетинга идеи и стихи (а мы привели лишь малую часть из них) свидетельствуют о мудрости украинских школьников, об осознании ими ценности жизни и своей ценности в ней. Высказанное ими поражает глубиной понимания и переживания острейших проблем современности, среди которых важное место занимает проблема чести и достоинства личности. Старшеклассники Новомосковского колледжума № 11 подтвердили своим участием в этой неожиданно предложенной им специфической форме духовного творчества свое право быть достойными наследниками духа знаменитой Запорожской Сечи. Ведь недалеко от колледжума находится единственный в Украине древосрубный (без единого гвоздя!), Девятиглавый Новомосковский Свято-Троицкий Собор, построенный в 1778 г. во исполнение решения запорожской рады козаков под руководством мастера-самоучки Якима Погрибняка. Через два столетия после возведения храма

козаками он был воспет Олесем Гончаром в романе «Собор». А в двух километрах от коллегиума, в лесистых плавнях реки Самары, на мало заметном острове, и по сей день стоит Самарский Пустынно-Никольский монастырь, при котором в начале XVII века была открыта сечевая школа (таких школ было 44 на Сечи), в которой козацкие дети и джура учились письму, церковному чтению, пению и музыке... [91, С. 244]. Новомосковские коллегианты оказались достойными наследниками своих талантливых предков!

2.4. Культурно-психологическое развитие и саморазвитие личности студента как ценности в условиях системы образования: теоретические предпосылки и экспериментальные подходы

Развитие личности как ценности явно или косвенно рассматривается научной психологией как объективный, системный процесс, который имеет своей целью последовательное включение человека в культуру, в определенную совокупность социально-предметных деятельностей по созданию материальных и духовных ценностей – во взаимодействии с другими людьми и объективным миром. При этом уже со второй половины XIX века все отчетливее звучит мысль о личности как ценности, как о высшем уровне психической регуляции, как о субъекте, осознающем свою ценность, имеющем собственное достоинство и честь. Именно об этом свидетельствуют работы известных психологов У. Джемса, А. Адлера, В. М. Бехтерева, А. Ф. Лазурского. В педагогике об этом публично заявили в тридцатые годы XX-го столетия А. С. Макаренко и Я. Корчак.

Фундаментальные положения культурно-исторической теории Л. С. Выготского о развитии *высших* (подчеркнуто нами – Р. В.) психических функций как ядра личности свидетельствуют о действии, наряду с другими, и аксиопсихологических механизмов культурогенеза личности. Понятно, что

подобные исходные классические положения вызывают многочисленные теоретические и практические вопросы, касающиеся закономерностей культурогенеза, социогенеза и аксиогенеза, соотношения общекультурного, культурно-психологического и аксиопсихологического развития личности и требуют адекватных к ним конкретных ответов об аксиопсихологических особенностях процесса обучения и воспитания в школе.

О том, что эти стороны развития интегрируются в становлении личности, образуя гармоничное и одновременно противоречивое единство, свидетельствуют труды различных исследователей и, прежде всего, патриарха украинской психологии Г. С. Костюка. В разрабатываемом им принципе развития в психологии утверждается, что природа человеческого индивида биосоциальна. «Онтогенетическое развитие человека – целостный процесс, выражающийся в различных формах (морфологической, физиологической, психической, социальной)... Различные формы онтогенеза не рядоположны, они не просто «параллельны» друг другу, а генетически и функционально связаны между собой» [86, С. 108–109].

По данным Г. С. Костюка, онтогенез человеческого организма определяется биологической наследственностью, онтогенез личности – социальной наследственностью. Такого же мнения придерживаются и генетики, в частности, Н. П. Дубинин. Эти две детерминанты тесно связаны в процессе развития человека. Биологическая наследственность имеет своим источником генетический аппарат человека, геном, который сформировался в процессе биологической эволюции и определяет развитие его организма с огромными возможностями очеловечивания. Социальная наследственность представлена совокупностью культурных ценностей человечества, накопленных в процессе его исторического и общественного развития. Так что можно говорить об интеграции собственно антропологической культуры *homo sapiens* и социальной по своей сути, духовной и материальной культуры человеческого общества.

Приведенные выше идеи характеризуют детерминацию культурного развития личности как со стороны внешних социокультурных факторов, так и со

стороны внутренних антропокультурных предпосылок. Вместе с этим, со временем появляется новый мощный развивающий фактор – сама личность, как уникальное психологическое новообразование, которое как субъект все больше определяет путь своего культурного становления. Этот аспект психического развития личности наиболее четко выступает именно в «принципе развития в психологии», разработанном Г. С. Костюком. На наш взгляд, на высшем своем уровне этот принцип проявляется в психологической культуре развития личности.

Как отмечает Г. С. Костюк, социальные факторы действуют на психическое развитие личности через собственную деятельность ребенка, благодаря чему им осваивается социальный опыт, происходит «врастание в жизнь общества», обеспечивается переход внешних, интериндивидуальных, отношений во внутренние, интраиндивидуальные, свойства личности. Этот процесс зависит от субъективных условий – от отношения личности к этой деятельности, ее внутренней позиции, смысла деятельности и т. д. Поэтому одинаковые внешние обстоятельства могут по-разному влиять на развитие личности. Именно в этой связи можно говорить не только о социальном и индивидуальном, но и о собственно психическом развитии личности. Г. С. Костюк подчеркивает, что психическое развитие личности осуществляется как в игровой, учебной, так и в трудовой, профессиональной деятельности. С возрастом значение и соотношение этих видов деятельности меняется – постепенно на первый план, наряду с усвоением, выступает создание общественных ценностей. Итак, психическое развитие личности охватывает весь жизненный путь человека, оно осуществляется в ходе непрерывного обучения и воспитания, на собственном опыте и опыте других, но ведущую роль играет при этом личная деятельность, направленная на создание материальных и духовных ценностей. В процессе такой деятельности осуществляется не только воспроизведение, повторение видовых личностных свойств человека, но и их дальнейшее развитие в личности.

Г. С. Костюк отмечает, что психическое развитие личности хотя и руководится извне, направляется обществом, но осуществляется как процесс,

который саморазвивается в ходе внутренне необходимого движения, «самодвижения», проходя путь от низших до высших уровней развития. Он предостерегает, что, рассматривая диалектику внешнего и внутреннего в ходе развития личности, необходимо преодолевать механистическое понимание детерминизма и спонтанности. Ключевым в его взглядах на этот процесс является утверждение, что «источником самодвижения личности являются возникающие в ее жизни внутренние противоречия» [86, С. 115].

Итак, одним из центральных в принципе развития Г. С. Костюка является диалектическое в своей сущности положение о движущих силах, согласно которому «личность развивается в связи с возникающими в ее жизни внутренними п р о т и в о р е ч и я м и. Они обуславливаются ее отношениями к окружающей среде, ее успехами и неудачами, нарушениями равновесия между индивидом и обществом» [86, С. 123]. Противоречия как движущие силы развития личности касаются как отдельных ее сторон, так и всей психической жизни в целом.

Как отмечает исследователь, в истории индивидуального развития личности одни тенденции отживают, другие появляются, укрепляются. Это движение происходит в диалектической взаимосвязи старого и нового, прогресса и регресса. При этом новое рождается в старом, сохраняя в себе многое из старого, и одновременно содержит в себе новые черты и возможности [86, С. 126].

В этом месте изложения логично было бы спроектировать теоретические рассуждения классиков отечественной психологии на практическое состояние современного образования именно в ценностном контексте, наметить те проблемы, которые затрудняют процесс его аксиологизации. В этой связи, могут быть высказаны некоторые соображения. Так, одним из главных аксиологических противоречий традиционной системы образования является, на наш взгляд, несоответствие между возвышенным ценностным содержанием усваиваемого учебного материала, в основе которого лежат ценности человеческой культуры, и преимущественно унижающей, обесценивающей

учащегося формой усвоения этого содержания. Речь идет о преимущественно унижающих принудительных, директивных методах обучения, о доминирующем авторитарном стиле изложения учебного материала, о подавляющей личностной системе оценивания знаний, о антиинновационном характере обучения и т. д. Вспомним, что еще совсем недавно в некоторых вполне добропорядочных странах учебный процесс буквально подстегивался розгами, а психологические рудименты такого унижающего обращения с субъектом учебной деятельности еще не выкорчеваны повсеместно до сих пор.

Если в отношении возвышенного и возвышающего характера содержания обучения и воспитания, то есть научных, эстетических, моральных знаний, умений и навыков, являющихся ценностями цивилизации и человеческой культуры, нет особых сомнений (некоторые сомнения вызывает лишь то, что в содержании образования в условиях его нынешней коммерциализации и коррупционализации попадают элементы субкультуры и даже антикультуры), то об унижающих формальных сторонах образования могут свидетельствовать как исследователи его проблем, так и сами учащиеся. Последние могут вспомнить унижительный страх перед принуждением к обучению со стороны учителей и родителей, перед пугающей абстрактностью, непонятностью и явной ненужностью большинства знаний для жизни, перед монологизмом и категоричностью поведения большинства учителей, перед угрозой наказания за малейшие школьные провинности и конечно же – страх перед негативной оценкой и даже перед возможностью неполучения позитивной оценки – школьная оценка явно выполняет функцию своеобразного кнута и пряника и т. д.

В отличие от этого, в предлагаемых педагогами-новаторами новых методах обучения и воспитания преодолевается именно это аксиопсихологическое противоречие. Так, Е. Н. Ильин в своем последовательном индуктивно-дедуктивном методе преодолевает порок заабстрагированности и фрагментарности знаний, их оторванности от жизни. В.Ф.Шаталов не начинает использование своих опорных сигналов, пока не вызовет у учеников любовь к предмету. И. А. Зязюн предлагает формировать уже у будущих учителей

педагогическое мастерство, одухотворяя, возвышая его связью с искусством, с этикой, в соответствии с этим им предложено целое направление – педагогика добра. Ш. А. Амонашвили предлагает, как и многие другие педагоги-новаторы, отказаться от унижающей достоинство ученика и учителя оценки и широко использовать индивидуализированные формы общения между ними, основанные на взаимном уважении.

Возвращаясь к аксиопсихологическому смыслу указанного выше противоречия традиционного образования, подчеркнем ту мысль, что оно настойчиво предлагает ученику усвоение возвышенных культурных, научных, эстетических, нравственных ценностей, созданных яркими творческими личностями всех времен и народов (и их усвоение предполагает именно личностный уровень обучения), но само обучение, напротив, осуществляется с помощью преимущественно унижающих личность ученика (и понижающие уровень его психической регуляции до уровня индивида и организма – см. у А. Н. Ткаченка) педагогических способов – авторитарных, директивных, репрессирующих, устрашающих, в целом – унижающих человеческое достоинство. А ведь человек-организм и даже человек-индивид значительно хуже усваивают высокие достижения творческих личностей, чем человек-личность!!! В этом состоит аксиопсихологический смысл введения личностного подхода в образование.

Необходимость преодоления указанного выше противоречия сознательно или бессознательно осуществляется в отечественной и зарубежной педагогике. Укажем в этой связи на интересный опыт обучения, полученный еще в пятидесятые годы минувшего столетия известным американским психотерапевтом Карлом Роджерсом. Он изложен автором в разделе «Обучение, центрированное на учащемся. Опыт его участника» книги «Взгляд на психотерапию. Становление человека» [146, С. 358–375]. В этом разделе он ссылается на отчеты студентов, на их «листки обратной связи», но главным образом – на личные записи и письма доктора философии, опытного ученого и педагога Самюэля Тененбаума, который лично участвовал в его

четырёхнедельном курсе «Процесс изменения личности», проведенном летом 1958 года в университете Брандайс. Этот курс состоял из двухчасовых лекций, читаемых три раза в неделю. Группа из 25 слушателей состояла из учителей, аспирантов-психологов, консультантов, нескольких священнослужителей, частнопрактикующих психотерапевтов, школьных психологов [здесь и далее по 146, С. 358].

С.Тененбаум называет метод К. Роджерса «недирективным» обучением. Уже в этом названии можно усмотреть самый главный аксиопсихологический аспект этого вида обучения, исключаящего какие-либо формы подавления, унижения личности студента. Как философ, С. Тененбаум особенно отмечает свободный подход преподавателя к слушателям. Так, «занятия начались после того, как доктор Роджерс спокойно и дружелюбно уселся вместе со студентами вокруг большого стола и сказал, что было бы неплохо, если бы каждый представился и рассказал о своих целях». После этого сначала робко и медленно, а затем все смелее и быстрее поднимались руки и звучали выступления студентов. Но «ни разу Роджерс не настаивал, чтобы кто-то выступил» [С. 361].

Преподаватель сообщил студентам, что принес много материалов – ксерокопий, брошюр, статей, книг, список книг, магнитофонные записи психотерапевтических сеансов, кассеты с художественными фильмами. У него была лишь одна просьба – «не пожелает ли кто-нибудь из студентов разместить этот материал в специальной комнате, закрепленной за студентами нашего курса? Сразу же вызвалось двое студентов... Это вызвало сильное оживление, и студенты спросили, смогут ли они их посмотреть и послушать (фильмы и записи – Р. В.), и доктор Роджерс ответил «Конечно» [С. 361–362].

После этого последовало четыре, как пишет С.Тененбаум, тяжелые и бесполезные занятия, на которых, как казалось, группа никуда не продвинулась. Студенты беспорядочно высказывали все, что им приходило в голову, что казалось хаотичным, бессмысленным – то обсуждая какой-то аспект философии Роджерса, то уходя в другое направление, то игнорируя первое и второе, утверждая что-то совсем иное. Преподаватель же «слушал всех с одинаковым

вниманием и доброжелательностью. Он не считал выступления одних студентов правильными, а других – неправильными.

Группа не была готова к такому абсолютно свободному подходу. Они не знали, что делать дальше. С раздражением и недоумением они потребовали, чтобы преподаватель играл привычную традиционную роль, чтобы он авторитетно объявил им, что правильно и что нет, что хорошо и что плохо... Разве их не будет обучать правильной теории и практике сам великий человек, основатель учения, которое носит его имя? Тетради для записей были заранее открыты, они ожидали наступления важнейшего момента, когда оракул объявит самое главное, но тетради по большей части оставались нетронутыми.

Странным, однако, было то, что с самого начала, даже в гневе члены чувствовали свое единство; и вне занятий они ощущали *подъем* (курсив наш – Р. В.) и возбуждение... Группа оказалась объединенной общим, необычным опытом. На занятиях у Роджерса они говорили то, что думали; слова не были взяты из книг и не отражали мыслей преподавателя или какого-либо другого авторитета. Это были их собственные мысли, эмоции и чувства; и этот процесс нес с собой освобождение и *подъем* (выделено нами – Р. В.).

В этой атмосфере свободы, на которую они не рассчитывали и к которой не были готовы, студенты высказывались так, как это редко делают учащиеся...» [С. 362–363].

Студенты постепенно стали понимать, что К. Роджерс хочет, чтобы они глубоко задумались о самих себе, надеясь, что это может привести к изменению личности в том смысле, который в этот термин вкладывает Дьюи: перестройка мировоззрения, установок, ценностей, поведения. Это была бы настоящая перестройка прошлого опыта, это было бы подлинным обучением» [С. 363]. Именно поэтому Роджерс придавал такое большое значение поощрению мышления. Этому способствовало то предпочтение, которое преподаватель решительно отдавал обсуждению материалов курса самими студентами, а не собственному их изложению в форме лекции. Это и привело к тому, как пишет С. Тетенбаум, что «к пятому занятию произошли вполне определенные сдвиги,

это было совершенно очевидно... Студенты разговаривали друг с другом и не обращались к Роджерсу. Студенты требовали, чтобы их слушали и хотели быть услышанными. То, что раньше представляло собой собрание неуверенных в себе, заикающихся, застенчивых людей, превратилось во взаимодействующую группу, совершенно новое сплоченное единство, действующее особым образом, члены которого были способны на такие обсуждения и размышления, которые ни одна другая группа не могла ни воспроизвести, ни повторить. Преподаватель также принимал участие, но его роль, хотя и более важная, чем любая другая в группе, в какой-то степени слилась с группой, и именно сама группа, а не преподаватель, стала центром, основой деятельности» [С. 366].

Важным для «недирективного» обучения К. Роджерса является, по мнению С. Тетенбаума, феномен принятия личности – «ведь если человека принимают, принимают полностью, и в таком принятии нет рассудочной критики, а только сочувствие и симпатия, то индивид может достичь согласия с собой, иметь мужество отбросить свои «средства защиты» и обратиться к своему настоящему «Я»... После четвертого занятия и далее члены этой группы, волей случая соединенные вместе, стали все более близки и проявились их истинные «Я». Во время взаимодействия отмечались случаи инсайта, озарения и взаимопонимания, которые вызывали почти благоговейный страх. Они были тем, что, как мне кажется, Роджерс назвал бы «моментом психотерапии», теми плодотворными моментами, когда вы видите, как душа человека раскрывается перед вами во всем своем захватывающем величии; а после этого – почти благоговейная тишина охватывает класс. И каждый член группы был окутан теплотой и участием, граничащим с мистикой. Я сам (уверен, что и остальные тоже) никогда не испытывал ничего подобного. Это было обучение и психотерапия, я не имею в виду лечение болезни, а то, что можно было бы назвать здоровой переменной в человеке, увеличение его гибкости, открытости, желания слушать других. В процессе этого мы все чувствовали себя *более возвышенными* (курсив наш – Р. В.), свободными, более восприимчивыми к себе и другим, более

открытыми для новых идей и очень старались понять и принять... Может быть, именно таким образом человек обучается лучше всего» [С. 367–368].

С. Тетенбаум добросовестно отмечает, что описанный им метод недирективного обучения К. Роджерса не претендует на 100 %-й успех. В этой группе три-четыре студента из 25 находили саму идею такого обучения неприемлемой. Более того, как считает философ образования, «этот метод может испугать человека авторитарной ориентации, который верит в тщательно разложенные по полочкам факты, на таких занятиях он не получает никакой поддержки, а сталкивается лишь с открытостью, изменчивостью, незавершенностью» [С. 369].

И все же эта новая методика, основанная на свободе и принятии человека, на поощрении мышления и творчества, на доброте и дружелюбии, на общении и сотрудничестве, является, по убеждению С. Тетенбаума, «настолько творческим развитием метода, радикально отличающимся от старого... он способен затронуть человека, сделать его свободнее, восприимчивее, разностороннее. ...Недирективное обучение имеет такие глубокие последствия, которые в настоящее время еще не в полной мере могут быть осознаны даже его сторонниками. ...Разве есть метод, который мог бы лучше изменить индивида: научить его делиться с другими своими идеями и чувствами в обучении, разрушать барьеры, разъединяющие людей в этом мире, где, чтобы быть умственно и физически здоровым, человек должен научиться быть частью человечества» [С. 370–372].

Следуя методу недирективного обучения К. Роджерса, С. Тетенбаум так характеризует свой собственный опыт его применения в работе со своими студентами, что, на наш взгляд, отражает его глубинную аксиопсихологическую суть. Он пишет об этом в своем письме к К. Роджерсу: «...Я ...думаю, что мне удалось в значительной степени разбудить в каждом ученике *чувство достоинства* (выделено нами – Р. В.), уважения и принятия себя. Меньше всего я намеревался проверять, оценивать и ставить им отметки. ...Во время проведенного мною курса я почувствовал то, что испытал при обучении у Вас. Я

обнаружил, что люблю именно этих студентов так, как никогда не любил ни одну другую группу, и они – как они сами это выразили в выпускных работах – начали чувствовать больше тепла, доброты и симпатии по отношению друг к другу» [С. 374]. Нужно ли еще какие-либо доказательства гуманистической природы недирективного обучения К. Роджерса, основанного на возвышении личности, ее чести и достоинства...

С этими мыслями С. Тетенбаума о методе К. Роджерса созвучны теоретические идеи отечественных психологов, хотя и выдвинутые в известных исторических, социальных и политических условиях, но тем не менее важные именно в аксиопсихологическом аспекте.

Так, важным в этом плане является мнение А. Н. Леонтьева о том, что личность формируется не столько как «продукт биографии», сколько как субъект, творец собственной жизни. Ученый подчеркивает эту мысль следующим образом: «Личность создается объективными обстоятельствами, но не иначе, как через целокупность ее деятельности, которая осуществляет ее отношение к миру» [93, С. 218]. Вспомним также прогноз А.Н.Леонтьева о том, что психология XXI века станет аксиопсихологической наукой.

Как справедливо отмечает С. Л. Рубинштейн, в характеристике истории, жизненного пути личности важно то, что человек усвоил в ходе обучения по результатам культурного, исторического развития человечества и что она внесла в это развитие, как она включилась в наследственную связь этапов исторического прогресса. Если, включаясь в историю человечества, отдельная личность совершает исторические дела, она становится исторической личностью. Однако, каждый человек имеет собственную историю, которая включается в историю человечества – именно поэтому человек и становится личностью. Эта индивидуальная история имеет свои узловые события, поворотные этапы жизненного пути, когда принимаются важные решения, определяющие длительные периоды жизненного пути человека [149, С. 247–248].

Общая логика развертывания жизненного пути личности хорошо выражена в формулировке А. Н. Ткаченко принципа развития психики, согласно которому развитие личности определяется прежде всего преобразовательной, культуротворческой деятельностью человека, связанной, как с предпосылками, с созреванием организма, его психофизиологических структур и развитием индивида в процессе деятельности по усвоению ценностей культуры [172].

Умение принимать жизненно важные решения, способность самостоятельно строить свою жизнь, принципиально, сознательно организовывать свой жизненный путь в соответствии с «кардинальным направлением», фундаментальными гуманистическими ценностями, К. А. Абульханова-Славская называет стратегией жизни. Стратегия определяется ею и как способность строить жизнь в соответствии со своей индивидуальностью, типом личности, и как способ разрешения противоречий между внешними и внутренними условиями реальной жизни, в которой внешние условия, к сожалению, не всегда соответствуют и способствуют потребностям, способностям, интересам данного человека [2, С. 290].

Стратегия предусматривает, по К. А. Абульхановой-Славской, способность личности к диалектическому взаимодействию с обществом, благодаря чему человек получает и потребляет общественные блага и одновременно отдает ему свои силы, труд, способности, а также – способность к организации времени жизни, социально мыслить, «теоретически определять свое место в мире сложных человеческих взаимоотношений, находить адекватный реалистический образ самой себя» [2, С. 290].

Наличие стратегии, стратегического плана жизни, ее замысла, «дизайна», картины жизни, по мнению исследовательницы, является своеобразной формой активного осознания и конструктивной организации будущего, когда выстраивается последовательная связь сегодняшних и завтрашних жизненных задач, определяются принципы их решения. В этом и состоит суть стратегии, ее конструктивность и наконец – творческая активность личности. Согласно этому,

качество, перспективность, оперативность принятия жизненных решений отличает стратега от тактика [2, С. 291–292].

Приведенные выше теоретические положения выдающихся отечественных и зарубежных философов и психологов поднимают понятие психического развития и жизненного пути личности до уровня универсальных методологических категорий, исследование которых должно быть продолжено в современной научной психологии именно с аксиологических позиций. Понятие личности как объекта и субъекта психического, социального, культурно-исторического, всемирно-эволюционного развития предстает как фундаментальная, центральная категория психологической науки, требующей своего аксиопсихологического раскрытия. Заметное движение в этом направлении осуществляется и в украинской психологии и педагогике, в частности в исследованиях З. С. Карпенко и В. В. Крыжко [76; 89].

Важным детерминирующим аспектом психического развития личности является, по нашему мнению, развитие ее психологической культуры. В этом понятии отображается ценностная сторона становления личности, то есть то, что определяет необходимость, потребность, мотивацию, смысл ее развития как культурного, ценностного феномена. Психологическая культура выступает при этом как интимная составляющая общей и профессиональной культуры личности, поскольку основывается на все более осознаваемом усвоении, формировании и реализации психологических знаний, умений, навыков, способностей к эффективной психологической деятельности. Психологическая деятельность все отчетливее выступает как внутренне необходимая для эффективной организации любой другой деятельности и в этом плане действительно является основой психологической культуры личности, как это справедливо утверждает Я. Л. Коломинский [80]. Именно поэтому свойства личности и, наконец, сама личность, как субъект психологической деятельности, постепенно воспринимается все возрастающей ценностью – особенно в экстремальных ситуациях, требующих актуализации ее глубинных психологических ресурсов.

Можно систематизировать психологические ценности личности в соответствии с каждой из ее структурных элементов, которым соответствует свой вид психологической культуры.

Так, психологическая культура общения презентуется такими вершинными качествами личности, как коммуникабельность, способность к взаимопониманию, самовыражению и творческому взаимодействию, толерантности и сопереживанию и т. д. – в их рефлексии личностью как ценности.

Мотивационно-смысловая культура включает в себя значимые для личности гуманистические мотивы и интересы, склонности к духовным ценностям (Добро, Красота, Истина), нравственные идеалы, смыслы и цели жизни, стремление к гармонии мира и личности, преданность творческой проблеме и т. д.

Характерологическая культура личности предполагает признание ею ценности таких черт характера, как инициативность, доброта, любознательность, честность, целеустремленность, смелость, настойчивость, аккуратность, организованность, трудолюбие, остроумие, дисциплинированность, требовательность к себе, чувство здравого смысла и внутренней свободы, оптимизм, ответственность, совестливость, преданность психологическим ценностям и т. п.

Рефлексивную культуру образуют такие свойства личности, как способность к адекватному самопознанию и самооценке, к волевой саморегуляции, самоорганизации, самосовершенствованию и самоактуализации собственной личности, чувство собственного достоинства, альтруистический эгоизм. Благодаря рефлексии психологические ценности в своем развитии перемещаются в центр сознания личности, закрепляются, становятся устойчивыми, значимыми, действенными регуляторами творческой, продуктивной профессиональной деятельности.

Опытная, образовательно-психологическая культура представлена желанием личности к непрерывному образованию на протяжении жизни,

психологической образованности личности, к наличию научного мировоззрения, обучаемостью, воспитываемостью (как способностью к личностному саморазвитию), профессиональной компетентностью (система психологических знаний, умений, навыков), жизненным опытом, мудростью поступков и действий, ценность которых для личности не вызывает сомнения.

Интеллектуальная культура личности включает в свой состав такие ценности, как интеллектуальная инициатива, способность воспринимать новизну, наблюдательность, диалектическое и системное мышление, изобретательность, оригинальность, нестандартность мышления, творческое воображение, фантазия, интуиция, критичность ума, теоретическое и практическое мышление, стратегичность мышления, чувство нового, гармонии и единства мира, любовь к истине – то есть все те способности, которые обеспечивают эффективное познание, исследование и преобразование предметного мира и усовершенствование собственной личности как ценности.

В состав психофизиологической культуры входит ценностное осознание личностью таких своих свойств, как чувствительность сенсорных органов, подвижность, пластичность нервной системы, ее работоспособность, уравновешенность, исполнительность, эмоциональность, представленные в типе темперамента как психофизиологическом фундаменте личности.

Подчеркнем, что опыт цивилизации, научные и жизненные данные свидетельствуют о том, что указанные личностные свойства обеспечивают успешность, эффективность, производительность, креативность человеческой деятельности, отчего и осознаются как необходимые для эффективной деятельности и поведения психологические ценности. Они детерминируют и проявляются в определенных вершинных ситуациях, видах деятельности и социального поведения, общественных актах и поступках. Мы можем привести этот ряд видов акмеологической активности человека, которые образуют ситуации проявления его психологической культуры и личностной ценности. Это героические гражданские поступки, научные открытия, изобретательство, квалифицированный производительный труд, самопожертвование духовных

подвижников, проявления таланта в искусстве, творческий труд, дружба и любовь, честное, гуманистическое, альтруистическое, нравственное лидерское поведение, спортивные достижения, благотворительность, педагогическое новаторство, психологическая помощь людям, положительное правовое поведение, счастливая семейная жизнь – то есть все то, что обеспечивает прогресс человечества и благополучие каждой личности.

Эти проявления психологической культуры в ценностных качествах личности и в вершинных жизненных ситуациях противостоят противоположным качествам деградирующей личности и ситуациям неоварварства, свойственных уголовному миру и некоторым средствам массовой информации, которые в погоне за сенсацией сознательно и несоразмерно потребностям общества демонстрируют сцены насилия, разврата, ненависти, эксплуатации, преступности, наркомании, проституции, современного рабства, терроризма и т. п.

Совокупность вышеперечисленных ценностей психологической культуры должна рассматриваться (особенно на фоне массовых проявлений бескультурья и разрастания различных псевдо- и субкультур) как концентрированное выражение и одновременно – как идеальная цель обновления содержания образования, в частности, профессионального образования. В закономерностях развития психологической культуры целесообразно распознавать истоки новых культурно-психологических методов и технологий профессиональной подготовки учащейся молодежи.

Все это свидетельствует о необходимости разработки и широкого внедрения в систему общего и профессионального образования новых культурно-психологических, ценностно-рефлексивно-креативных методов и технологий. Последнее может осуществляться путем еще более интенсивного, непосредственного и тотального включения культурных ценностей в систему образования, а среди них прежде всего – ценностей психологической культуры. Одним из перспективных направлений в этом процессе может стать ассимиляция педагогическими кадрами, методологией, содержанием и методами системы

образования качеств психологически культурной личности и моделирование в различных формах, видах и методах воспитания и обучения указанных выше вершинных культурологических ситуаций. Соответствующей перестройки и культуротворческой трансформации требуют традиционные формы учебно-воспитательной работы учителей и преподавателей (урок, лекция, самостоятельная работа, практические занятия, семинары, индивидуальные беседы, консультации) и виды деятельности практических психологов всех уровней (дошкольного, общеобразовательного, высшего) системы образования – психологическое просвещение, психодиагностика, консультация, реабилитация, психокоррекция, психотерапия, психотренинговая развивающая работа. После экспериментальной обработки психологами культурно-психологические методы и технологии могут быть переданы педагогам.

В наших исследованиях определяются принципы развития психологической культуры личности учащейся молодежи, среди которых можно выделить:

а) принцип аксиологизации личности ученика, признание ее чести и достоинства, их поддержка на основе сознательного усиления целесообразности, личностного смысла, значимости усвоения и использования системы психологических знаний, умений, навыков, способностей как особых ценностей – с целью улучшения общеобразовательной, профессиональной подготовки и трудовой деятельности молодежи;

б) принцип рефлексивности, т. е. осознание всеми участниками учебно-воспитательного процесса психологических знаний, умений, навыков, способностей как приоритетных личностных ценностей;

в) принцип креативности – достижение личностью уровня вершинных проявлений в собственной деятельности именно через усвоение, развитие, продуцирования и творческое использование психологических ценностей и посредством этого – возвышения своей собственной личности, ее чести и достоинства;

г) принцип преемственности проявлений психологической культуры в непрерывном потоке поколений и включения учащихся в бесконечный процесс культуротворчества;

д) принцип психолого-педагогического моделирования вершинных ценностно-рефлексивно-креативных ситуаций в условиях общеобразовательной и профессиональной подготовки и деятельности личности, в которых проявляется ее ценность, честь и достоинство;

е) принцип трудового, патриотического, нравственного, эстетического, чувственного возвышения и эмоционального закрепления культуротворческих процессов и результатов в ходе общеобразовательной и профессиональной подготовки личности учащейся молодежи.

На основе этих принципов может быть разработана концептуальная модель культурно-психологических занятий с учащимися, которая предусматривает определенное преобразование традиционной постановки учебного процесса. Данная модель предусматривает развитие личности ученика как ценности – посредством усвоения, самоактуализации и продуцирования ими психологических ценностей, путем создания творческих ситуаций, использования и обогащения психологических знаний, умений, навыков, способностей как личностных ценностей, эмоционально-чувственного, эстетического насыщения образовательного процесса различными ценностями культуры и в итоге – развитие и утверждение чести и достоинства учащегося.

В соответствии с этим, нами разработаны и апробированы некоторые экспериментальные методы культурно-психологической и аксиопсихологической трансформации системы образования, совершенствования в этом плане таких форм занятий со студентами по психологии, как лекция, самостоятельная научная работа, семинарское занятие, консультация, зачет и т. д.

Так, при проведении лекционных занятий со студентами и аспирантами психологической специализации по спецкурсам «История психологии» и «Проблемы личности в современной психологии» особое внимание уделялось, в

отличие от традиционной схемы передачи студентам знаний, умений, навыков из учебника, на творческий характер подачи материала усвоения – прежде всего как творческих достижений, личностных вершин конкретного ряда персоналий из непрерывного и поэтому незавершенного процесса научного творчества многих поколений ученых-психологов. В этом непрерывном потоке создания психологических знаний как ценностей предлагается занять место и студентам-психологам. При этом они побуждаются к выдвижению вопросов, идей, формулированию проблем и задач как составляющих этого процесса, создаются условия для включения студентов в самостоятельную творческую научную работу. Особое значение придается актуализации студентами вопросов, трансформации их в проблемные ситуации, задачи, темы самостоятельной научной работы. Иначе говоря, лекции должны выступать источником не только получения имеющихся знаний, но и стимулом к научно-психологическому созданию студентами новых знаний как ценностей, что обеспечивает рост ценности их личности как субъекта созидания этих ценностей.

Технология выполнения творческой научной работы предусматривает самостоятельное (при стимулирующей помощи преподавателя) осознание и формирование познавательной мотивации, определение темы работы, систематический поиск информации по определенной тематике (чему тоже нужно учить), формулирование цели и задач исследования, достижение новых научных результатов и оформление основных этапов процесса и результатов исследования в виде научной статьи (согласно существующим ее стандартам как способам научной коммуникации). Особое внимание уделяется нами средствам возвышения и закрепления положительного отношения к процессу и результату исследовательской деятельности как ценностей – посредством творческого эстетического дополнения, в качестве которого выступают собственные стихи, эссе, новеллы, сказки, рисунки студентов по теме работы. Это творческое дополнение может опережать, по инициативе студентов, проведение самостоятельной научной работы и тем самым поднимать ее субъективную и объективную ценность.

При проведении лекционных и семинарских занятий по «Истории психологии» со студентами-психологами нами использовалась также авторская методика так называемого рефлексивно-историко-ролевого тренинга. При подготовке к нему, в процессе определения темы самостоятельной научной работы, каждый из студентов должен был выбрать себе любимого деятеля отечественной или зарубежной психологии, изучить биографические и научные аспекты его творчества и непосредственно во время занятия временно воплотиться в образ этого деятеля. По сценарию тренинга предусматривалось выступление каждого студента-«деятели», выдвижение вопросов к нему, творческое обсуждение участниками игры этих вопросов в широком историческом контексте и т. д.

Такая форма проведения семинарских занятий, как правило, вызывает живой интерес у студентов, повышает их познавательную и творческую активность, обеспечивает более глубокую рефлексию качеств личности творца этих знаний как ценностей, облегчает непосредственное присвоение их как собственных ценностей и возвышение своей личности как уникальной ценности. По результатам психодиагностики с использованием специальной анкеты, в начале и в конце занятий, такая организация семинаров повышает на 2-5%, в ходе одного занятия, уровень психологической культуры студентов. Подобный педагогический эффект достигается и в случае насыщения семинарских занятий тренингами общения, интеллектуальными и креативными тренингами.

В период зачетной сессии практикуется, при возможности, не простой ответ на вопрос билета, а творческое ассоциирование определенных достижений психологической науки с личными вершинными переживаниями, творческими ситуациями, будущими творческими успехами, собственными проектами и т. д. Лучшие творчески-эстетические дополнения к самостоятельной научной работе – собственные литературные и художественные произведения – зачитываются, демонстрируются авторами студентам группы, интерпретируются ими. Часто такие эстетические психологические произведения посвящаются родным,

друзьям, любимым преподавателям, известным психологам, что способствует росту в сознании студентов собственной ценности, чести и достоинства.

Рассмотрим более подробно некоторые специфические культурно-психологические особенности таких форм профессиональной подготовки студентов-психологов, как лекция, самостоятельная творческая научная работа, семинар, зачет.

Так, в лекционной работе преподавателем психологических дисциплин, в контексте личностного, ценностно-рефлексивно-креативного подхода, развитие психологической культуры студентов обеспечивается, как уже указывалось выше, определенной организацией занятий. Например, при преподавании студентам 3-го курса Киевского национального лингвистического университета спецкурса «История психологии» мы пытались реализовать такие тенденции, как персонифицированность достижений психологической науки, непрерывность процесса научного творчества, его незавершенность, проблемность, спиралеподобность и т. д. Использовался, в частности, прием воспроизведения исторических линий становления психологических идей, понятий, представлений, теорий и т. п. Нами проработаны, конкретно, исторические линии научного исследования проблем темперамента, души, рефлекса, поведения, деятельности, сознания, самосознания, личности. При этом подчеркивается ценность усваиваемых знаний, их значимость для профессиональной деятельности студентов как будущих психологов.

Например, историческая линия становления понятия темперамента начинается с первоначальных представлений древних китайских, греческих и римских врачей, в частности, Гиппократ, Галена, и продолжается презентацией соответствующих положений работ И. Канта, П. Ф. Лесгафта, И. П. Павлова, Шелдона, Кречмера, Б. М. Теплова, В. Д. Небылицина, Я. Стреляу, Г. Айзенка, Б. И. Цуканова. Особенно стимулируются и поощряются оригинальные вопросы студентов относительно закономерностей, строения, становления психологических явлений, процессов – в контексте определенных исторических линий. Так, за три проблемных (а не информационных!) вопроса преподавателем

ставится студенту положительная оценка. Таким образом, на основе вопросов, проблем у студентов постепенно складывается творческий подход к формулировке темы самостоятельной научной работы.

На лекционных, а впоследствии и на семинарских занятиях студенты выбирают наиболее интересных, значимых, ценных для себя деятелей психологической науки и конкретизируют тему своей научной работы. Она, конечно, не сводится к описанию биографии и достижений ученого, а предусматривает анализ и обязательно – оценку его творческих идей, сравнение их с идеями других ученых, выявление таким путем новых граней в творчестве любимого психолога.

Можно привести сформулированные таким образом (студентами третьего курса факультета английского языка и литературы) темы научных работ:

- «Зигмунд Фрейд – мой любимый психолог» (П. А.);
- «К. Г. Юнг – принц психологии» (М. Ю.);
- «Плутарх и наука о психическом» (А. Н.);
- «Взгляды С. Л. Рубинштейна на личность и ее место в мире» (Г. М.);
- «История развития гипноза» (Б. В.);
- «Зигмунд Фрейд как гуманистический психолог» (С. А.);
- «Роль женщины-психолога в становлении современной психологии (Б. В. Зейгарник)» (П. А.);
- «Стадии развития детерминистических взглядов И. М. Сеченова» (С. И.);
- «Тау-тип и акцентуации характера и связь между ними» (Г. А.);
- «Сократ и Платон: идеалисты античности о человеке» (К. А.);
- «Гомеровская психология» (Ю. И.);
- «Историческая линия понимания потребностей личности в работах выдающихся психологов (Аристотеля, Ламетри, Т. Брауна, К. Халла, Э. Фромма, К. Левина, Д. Н. Узнадзе, А. Маслоу)» (Р. А.);
- «Историческая линия понимания темперамента: от древнекитайских медиков до Б. И. Цуканова» (М. М.);
- «Проблема свободы личности во взглядах Э. Фромма» (Ж. О.)

«Роль полемики в становлении научных взглядов Л. С. Выготского или как воспитать творческую научную личность» (З. О.);

«Как я понимаю неопределенность Карен Хорни» (С. М.);

«Эрик Фромм: концепция разрушительного в человеке, феномен исторической дегуманизации» (Б. Т.);

«Культурно-исторический психолог Л. С. Выготский» (Е. Т.);

«Женский взгляд Карен Хорни на проблему женской субъективности» (Г. Т.);

«Последняя тайна жизни (Иван Петрович Павлов)» (Д. Ю.);

«Эрнест Кречмер – в колыбели темперамента» (В. Н.);

«Л. С. Выготский и дальнейшие исследования в возрастной психологии» (С. А.);

«Научное творчество выдающегося психолога Платона» (Я. А.) и т. д.

Приведенные темы (а их список можно продолжить) свидетельствует о неисчерпаемости аспектов и свежих точек зрения студентов на творческий процесс в психологии, который продолжается на протяжении тысячелетий, на непрерывность и бесконечность этого процесса в настоящем и будущем и на его причастность к созданию специфических психологических ценностей.

Выполнение самостоятельной научной работы начинается с определения темы, что образует потребностно-мотивационный этап исследовательской деятельности студента по поиску ценной для него проблемы. Этот этап может продолжаться неделю, месяц, а в отдельных случаях – почти весь семестр. Важно, чтобы тема была сформулирована студентом максимально самостоятельно, свободно и при этом он обнаружил свою истинную приверженность искомой теме как наиболее значимой для себя.

На информационно-познавательном этапе проводится поиск исчерпывающих данных по теме, то есть научной литературы и ее обработки. Преподаватель знакомит студентов с правилами библиографического поиска в разных библиотеках (включая частные), в Интернете, в списках использованной литературы в научных работах и диссертациях, с приемами обработки текстов,

составления конспектов научных данных, их анализа, синтеза, систематизации, обобщения – для того, чтобы определить объект, предмет исследования значимой для них проблемы.

Предварительный этап переходит в целеформирующий, на котором формулируется цель, гипотеза, задачи, план и программа исследования этой проблемы.

На операционно-результативном этапе студентом осуществляется теоретический анализ и синтез, сравнение и оценка, обобщение и конкретизация, экспериментальное изучение значимой для него проблемы с помощью анкет, интервью, беседы и т. д. и формулируются выводы исследования. На этом же этапе материалы исследования оформляются в виде научной статьи и проводится подготовка к презентации результатов научной работы.

На эмоционально-чувственном этапе завершенная в научном плане работа выступает предметом художественно-эстетического осмысления и возвышения – через создание стихов, философских эссе, сказок, рисунков, портретов и т. п. по разрабатываемой проблеме. Некоторые студенты даже начинают научную работу уже на этапе определения его темы, с эстетического приложения, проводя поиск направления исследования именно в пространстве возвышенных художественных ассоциаций. Но большинство все же делает это на завершающем этапе работы, чтобы выразить ее содержание, процесс и результаты в художественных образах, возвышая их прежде всего в собственном сознании до уровня личностной ценности, а позже – в сознании своих однокурсников. Приведем несколько примеров таких эстетических приложений в виде стихов студентов.

Так, студентка III курса факультета английского языка и литературы КНЛУ Надежда Бондарь эстетически отразила свою научную работу «Философское и психологическое наследие Г. С. Сковороды» в таких стихах (приводим стихи студентов тут и далее на языке оригинала):

Г. С. Сковорода

Усе життя людини – суперечність.
І маємо ми досягти гармонії.
І виникає певна необхідність –
У задоволенні.

А ми вбачаємо у дійсності –
І макрокосм, і мікркосм, і символічний світ.
Хоча все підлягає сумніву,
То де ж знайти той справжній щастя цвіт?

Людина за своєю сутністю
Тотожна Богові, і пізнаючи,
Шукає корінь щастя в спокої
Малим не задовольняючись.

(2004 р.)

Студент того же курсу и факультета КНЛУ Тарас Ефименко дополнил свою творческую научную работу «Культурно-исторический психолог Л. С. Выготский» собственноручно нарисованным портретом ученого (который, кстати, существенно отличается от настоящего его вида) и следующими стихами:

* * *

Багато психологів – мало сердець,
Що рвуться до неба птахом,
Під білим папером – тонкий олівець,
Халупа під срібним дахом.

Та мало колодязів чистих
Для дітей, щоб подати води,
Виготського думки – немов намисто,
Від яблуні спілі плоди.

І хай залишаться у душах,
Потоки чистого тепла,
Бо чисте зроду не задушиш,
Брудне – все зникне, як зола.

* * *

На жовтих аркушах століть
Залишилися печаті.
Життя для когось – мимохідь,
З метою промовчати,
А хтось горлав, бо у душі
Симфонія кричала,
І народились так думки,
Шалених мрій причали.

(2004 р.)

Студентка Оксана Роман с того же курсу и факультета КНЛУ откликнулась на собственную творческую научную работу об известном российском психологе и психиатре «Б. В. Зейгарник: мое видение ее жизненного пути» таким стихом:

Патологія

Бажання зірвалися криком,
до крові розбивають очі,
але не виходить ніщо
поза скло розуму,
хоча й дуже хоче.
Хоча й сама з себе регоче,
кусаються самі зуби,
колюче цілуючи губи,
пошепки озиваються друзі:
лінія звуку
в голові – центрифусі.

Бажання – покарання
не можна позбутись ніяк,
крізь них лежить шлях,
скрізь вони, на всіх вустах,
це розвиток, вдосконалення,
боротьба суперечностей,
суперництво з собою,
що по-різному сприймається
соціальною юрбою!

Пошук саме тих якостей,
які кольорово малюють, їм не треба грати –
вони є самі собою,
добре, якщо схожі з тобою.
Особисте розуміння,
незалежність як фах.
Також шаленість у снах
та зоряна роса на очах.

(2004 р.)

Эти и другие эстетические дополнения заслушивались на последних занятиях семестрового курса психологии или непосредственно на зачетной сессии. Конечно, такое научно-эстетическое сопровождение проведения и защиты собственного исследования часто заслуживало аплодисменты однокурсников, которые часто звучали в аудитории и способствовали чувственному подъему и эмоциональному закреплению психологического материала научных работ как личностной и общественной ценности.

В последнее время нами предлагалась студентам и магистрам так называемая «десятичная» система культурно-психологического выполнения научных работ. Самому написанию научной работы предшествует самостоятельное или с консультативной помощью лектора, определение проблемы и темы работы в ходе иницилирующих лекций и семинарских занятий на протяжении 1-го месяца семестрового курса. Лектор помогает также определить источники поиска научных данных по проблеме в библиотеке, домашних фондах, книжных магазинах, Интернете. Им предлагается целостная технология написания работы, которая предусматривает 10 этапов:

1. Оформление титульного листа из 10 пунктов (название учебного заведения, ведомства – в «шапке», фамилия, имя, отчество автора и научного руководителя, тема работы, город и год ее написания).

2. «Содержание» из 10 пунктов – вступления, разделов и подразделов, заключения, списка использованной литературы.

3. Вступление из 10 пунктов – актуальность темы, проблема, предмет, цель, задачи, методика, основные положения, их новизна, теоретическое значение, практическое внедрение.

4. 10 ключевых положений по теме из обработанной литературы или 10 принципиальных цитат из произведений ученых, занимавшихся данной или близкой к ней проблемой.

5. 10 комментариев к ключевым положениям.

6. 10 вопросов к обработанным материалам.

7. 10 ответов на свои вопросы.

8. Выводы из 10 пунктов.

9. Список из 10 (не меньше) использованных источников.

10. Стихи по теме научной работы (минимум 10–12 строчек) или рисунок, обобщающий или иллюстрирующий содержание работы (не менее 10 элементов).

Содержание работы должно быть изложено не менее (и не более) чем на 10 страницах. Все указанные элементы выполнения научной работы должны были интенсифицировать, актуализировать личностный потенциал автора, а стихи – поднять ценность его деятельности, честь и достоинство личности студента.

Наряду с лекционными занятиями и самостоятельной творческой научной работой, заметный культуротворческий потенциал могут иметь и семинарские занятия со студентами и аспирантами, но при определенной их организации. Последняя предусматривала включение в семинарское занятие специальных психологических тренингов.

При проведении семинарских занятий по «Истории психологии» со студентами КНЛУ и других высших учебных заведений нами использовалась авторская методика так называемого рефлексивно-историко-ролевого тренинга. Как уже указывалось ранее, при подготовке к нему, в процессе определения темы самостоятельной научной работы, каждый из студентов выбирал себе любимого деятеля отечественной или зарубежной психологии, изучал

биографические и научные аспекты его творчества и на время занятия воплощался в образ «своего» деятеля.

Остановимся подробнее на технологии проведения такого семинарского занятия.

Рефлексивно-историко-ролевой тренинг имеет две части: подготовительную и основную. Подготовительная часть, как уже указывалось, включена в лекционно-семинарские занятия, когда студенты побуждаются к поиску в учебном материале наиболее интересных, любимых и ценных для них деятелей науки, техники, культуры, изучают в ходе подготовки к семинарам их биографии, творческие достижения, анализируют их в ходе написания научных работ.

Основная же часть тренинга проводится в течение одного-двух семинарских занятий (2–4 часа) в виде собеседования студентов, которые воплощаются в образ «своего» творческого деятеля и общаются от его имени. Тренинг проводится поэтапно, в 5 шагов:

1. Дается инструкция, создается активный круг непосредственных участников ролевой игры и менее активный круг наблюдателей, которые могут, при согласии первых, задавать вопросы; устанавливаются правила их взаимодействия и возможных взаимопереходов из одного круга участников в другой по ходу тренинга.

2. Осуществляется последовательное вхождение представителей активного круга в роль избранных творческих личностей, сопровождающееся обязательным фразой «Я, студент (Ф.И.О.), беру на себя роль моего любимого деятеля (Ф.И.О.) на одно занятие и обещаю активно сотрудничать с другими партнерами по общению». Так говорит каждый представитель активного круга, каждый ученик-«деятель». Если при этом или по ходу тренинга кто-то из представителей круга наблюдателей изъявляет желание включиться в собеседование, то он обязательно должен провозгласить описанную фразу.

3. Каждый из участников поочередно называет себя именем выбранного деятеля и кратко, в течение 3–5 минут, рассказывает о «своей» биографии,

ключевых событиях жизни и творчества, раскрывает «свои» основные творческие достижения. После этого другие студенты-«деятели» предъявляют свои вопросы данному участнику и выслушивают его ответы. Через некоторое время выступает и отвечает на вопросы следующий студент-«деятель» и т. д.

4. Последовательно в роли выступающего и интервьюируемого перебивают все участники активного круга и, если есть время и согласие этого круга, то и некоторые члены второго круга – наблюдателей. Желательно записывать вопросы и ответы на магнитофон.

5. За 5–7 минут до окончания занятия каждый студент-«деятель» выходит из своей роли с обязательным провозглашением фразы: «Я, студент (Ф.И.О.), выхожу из роли избранного мною «деятели» (Ф.И.О.). Мои впечатления об участии в тренинге (коротко излагает свои впечатления)»

На следующем занятии наиболее активные студенты-«деятели» могут выступать в качестве тренера-ведущего и самостоятельно проводить тренинг.

Студенты выбирали для тренинга таких деятелей, как М. Фестингер, А. Миль, К. Хорни, В. Шелдон, Э. Берн, А. Ю. Артемьева, А. Адлер, М. Люшер, С. Гроф, О. Ранк, М. Мэйсон. Среди вопросов, которые студенты-«деятели» задавали друг другу, были такие: «Э. Берн» – «А. Адлеру»: «Почему вы так резко разорвали отношения с З. Фрейдом?», «К. Роджерс» – «М. Люшеру»: «Вы сказали, что не создали ничего нового, так что же, вы украли эту теорию? А вы на себе испытали свой цветовой тест? Влияет ли цвет обоев в спальне на личность ребенка?», «В. Шелдон» – «А. Маслоу»: «Зависит ли иерархия потребностей личности от типа темперамента?», «К. Хорни» – «А. Маслоу»: «Может ли хроническое неудовлетворение потребностей вызвать невроз?», «М. Фестингер» – «В. Шелдону»: «Как сотрудничают между собой представители разных типов темперамента?», «А. Адлер» – «И. П. Павлову»: «Влияет ли формирование новых условных рефлексов на психическое здоровье животных и человека?», «З. Фрейд» – «И. П. Павлову»: «Что будет с рефлексом при его задержке?» и т. д. Вопросы вызывали иногда интересные обсуждения, дебаты между участниками – тогда бурлили страсти, которых обычно не бывает

на традиционном семинаре. Хотя работа в ходе тренинга проходила интенсивнее, чем на обычных семинарах (одних вопросов задавалось на порядок больше), однако никто не уставал, наоборот, звучали просьбы провести такой же тренинг в следующий раз.

Из приведенных вопросов и ответов видно, что в ходе тренинговой игры студентов как «выдающихся психологов» каждый из них находил для себя или дарил другому оригинальные идеи, темы и не только для творческой научной работы, на что часто обращал внимание студентов ведущий, а и для серьезных научных исследований в перспективе. Как правило, творческий процесс проходил непрерывно и безостановочно, студенты не замечали время, более того – дискуссии иногда приходилось принудительно прекращать уже в конце перерыва между парами. Обязательным, по окончании тренинга, был «выход из роли» и самоотчет каждого участника. При этом он должен был обязательно называть свою фамилию и имя (чтобы надежно самоидентифицироваться) и высказывать свои впечатления от тренинга. Как правило, это были положительные отзывы: «Роль творца развивает студента», «Это очень полезно!», «Не просто идеал, а удвоение собственной личности», «Очень интересно!», «Впечатления очень положительные, поскольку идеи моего любимца мне очень близки, они как мои собственные», «Тренинг позволяет глубже, страстно усвоить материал» и т. д. Негативные чувства касались лишь нехватки времени, из-за чего не все участники даже активного круга имели возможность побывать в центре игры.

Итак, в предложенном варианте организации семинарского занятия воплощаются все перечисленные ранее принципы культурно-психологической подготовки учащейся молодежи: а) аксиологизации; б) рефлексивности; в) креативности; г) преемственности; д) эстетического возвышения и эмоционально-чувственного закрепления, утверждения культуротворческих процессов и результатов как ценности и ценности личности студента, его чести и достоинства.

Так, принцип аксиологизации реализуется в самом факте добровольного выбора студентом любимого психолога, выдающегося, признанного деятеля мировой или отечественной психологии, творческие достижения которого заняли свое место в системе психологических знаний. Студенты в ходе дискуссии демонстрируют преданность этим знаниям как собственным достояниям, ценностям, защищают научную честь и человеческое достоинство избранных деятелей как свою собственную и тем самым поднимают ее и т. д.

Принцип рефлексивности проявляется в самом процессе ролевой идентификации студента и выхода из него, возвращения к состоянию первоначальной самоидентификации. Ведь студент должен был, по инструкции, говорить: «Я, Зигмунд Фрейд, считаю, что...», «Я, Борис Цуканов, хочу задать вопрос З. Фрейду» и т. д. Благодаря воплощению студента в образ выдающегося деятеля действительно происходил процесс рефлексивного «удвоения личности», когда молодой психолог интенсивно переживает судьбоносные моменты жизни мэтра психологической науки и как следствие – надолго запоминает свое пребывание в образе творца психологических знаний, формирует дополнительные мотивы и стимулы для своего собственного творческого становления как психолога, утверждая его и собственную честь и достоинство.

Принцип креативности реализовывался в самой развивающей обстановке общения между творцами психологической науки. Перечислим вновь наиболее интересные творческие идеи студентов-«деятелей», генерируемые ими в виде вопросов друг к другу:

«Лоуэн» – «А. Пизу»: «Была ли женская личность причиной вашей научной деятельности?»;

«Лоуэн» – «А. Пизу»: «Является ли сознание препятствием для жестикуляции?»;

«З.Фрейд» – «А. Пизу»: «Существуют ли кросскультурные различия в жестах разных народов?»;

«Э.Фромм» – «К. Хорни»: «Почему женщина признается носителем вторичной греховности?»;

«З. Фрейд» – «К. Хорни»: «Чем женщина психологически отличается от мужчины?»;

«К. Хорни» – «А. Пизу»: «Имеет ли жестикуляция половые признаки?»;

«Б. И. Цуканов» – «З. Фрейду»: «Могут ли родители смягчить конфликты детей?», «Передается ли конфликтность от родителей к детям?»;

«Б. И. Цуканов» – «К. Хорни»: «Зависит ли тип невроза от типа темперамента?»;

«З. Фрейд» – «К. Хорни»: «Почему вы меня предали?»;

«Р. Мэй» – «Э. Фромму»: «Не является ли концепция свободы бегством от смерти?»;

«А. Адлер» – «К. Юнгу»: «Не болели ли вы шизофренией?»;

«А. Маслоу» – «Р. Мэю»: «Есть ли в одиночестве счастье?» и т. д.

Принцип преемственности воплощается в самом наборе фамилий выдающихся психологов, который «перекрывает», как правило, несколько десятилетий или даже столетий становления научной психологии. В ходе тренинга моделируется процесс плотного, сжатого в два часа, общения нескольких поколений творцов психологических идей, которые вовлекаются в процесс обсуждения студентами их идей, оживляются молодым поколением психологов как вечные ценности научной психологии.

Принцип эстетизации, эстетического подъема и эмоционально-чувственного, то есть ценностного утверждения культурно-психологических процессов и результатов тренинга ярко проявляется в том удовольствии, которое испытывали студенты от своей актерской игры, вообще от участия в научно-историческом спектакле, от активного прикосновения (может быть, впервые в жизни) к театральному искусству. О высоких эмоциях и чувствах свидетельствуют оценочные отзывы студентов в конце рефлексивно-историко-ролевого тренинга:

«Мне понравилась эта форма инновационной работы»;

«Я готовилась к сухому докладу, а участвовала во вдохновенной импровизации»;

«Мне очень приятно, что все заинтересовались обсуждаемыми проблемами»;

«Как студентка я довольна не меньше, чем сама К. Хорни»;

«Приятно, что вопросы были такими интересными!»;

«Как студентка я чувствую родство с К. Юнгом»;

«Очень интересно! По-другому начинаешь понимать психологию» и т. д.

На зачетно-экзаменационной сессии нами практиковался метод творческого ассоциирования. Так, в одном случае, когда выяснилось, что студент мало ходил на семинарские занятия из-за рождения сына, не написал научной работы с эстетическим дополнением, ему была предоставлена возможность выбрать ее тему и кратко раскрыть ее на самом зачете. Эта тема была связана им с психологическими особенностями развития своего ребенка-новорожденного – по результатам его родительских наблюдений за сыном и матерью. Он успешно выполнил эту работу за время приема зачета в группе по «Возрастной и педагогической психологии». А в качестве творческого эстетического дополнения – написал стихи о своем сыне и жене, что он сделал, как оказалось, впервые в жизни. Эти стихи были зачитаны им студентам и были одобрительно приняты ими – громкими аплодисментами. Так появился еще один поэт! Достоинство личности студента в трудном для него положении было защищено и укреплено.

Таким образом, реализация личностного, ценностно-рефлексивно-креативного подхода в развитии психологической культуры студентов стимулирует рост их культурно-психологического потенциала как будущих профессионалов и граждан, обеспечивает получение яркого ценностного опыта творческой самоактуализации возможностей собственной личности. При этом психологические знания, умения, навыки, способности действительно становятся личностными ценностями, а сам студент лучше осознает ценность собственной личности, свою профессиональную, гражданскую честь и человеческое достоинство.

2.5. Аксиопсихологическое влияние традиционных тренингов и упражнений на возвышение и утверждение ценности и самооценности личности, ее чести и достоинства

По нашему мнению, любой психологический тренинг имеет аксиологическое значение, поскольку возвышает в определенной степени ценность личности в целом или в определенном ее аспекте. Поэтому среди всего многообразия видов тренинга выделим прежде имеющие ярко выраженное или очевидное аксиопсихологическое предназначение и наиболее эффективные в возвышении достоинства и чести личности. Для примера приведем перечень и краткую функциональную характеристику некоторых конкретных тренингов, упражнений, которые способствуют достижению именно этой цели. Рассмотрим их характеристику, отдавая предпочтение тем из них, которые автор лично использовал в своей практике, или близким к ним.

Так, среди игр и упражнений, приведенных в методических рекомендациях Е. А. Лещинской для использования в психологическом кружке для учащихся 4–6 классов «Учимся общению» можно выделить для указанных целей следующие [95, С. 9–20]:

а) игра «Ассоциация», в которой ребенок, сидящий в центре круга, поочередно сравнивается другими участниками с каким-либо добрым животным, растением, явлением природы и т. п., отчего в нем подчеркиваются лучшие, самые ценные свойства его личности и поведения;

б) игра «Что говорит тебе кукла?», в ходе которой кукла, которая передается последовательно в руки каждому участнику, его же устами должна произнести одобрительные фразы относительно важных, ценных черт его характера;

в) игра «Разбор», в которой утверждается значимость в глазах группы каждой личности – для этого одна половина группы говорит поочередно каждому из участников игры о его положительных качествах и поступках, а вторая группа – о проблемных его свойствах и действиях, но не увлекаясь этим, подчеркивая, как осуществить эти действия иначе, опираясь на лучшие черты личности каждого участника игры;

г) игра «Домашнее задание», согласно которому каждый из учеников пишет дома небольшое сочинение о другом ученике в виде фантастического рассказа или сказки, изображая положительный образ избранного сверстника как ценного для него и общества;

д) игра «День рождения», в которой разыгрывается мнимая ситуация праздника дня рождения по разным ролям: именинника, тамады, друзей, оригинала, всезнайки, дискуссионта и т. п., и во взаимоотношениях между ними отрабатываются правила хорошего тона – эта игра особенно возвышает достоинство юной личности;

е) игра «Мысль», в ходе которой поочередно высказывается впечатление всех членов группы о душевном богатстве, ценности, достоинстве каждого из участников игры;

е) игра «Безлюдный остров», в ходе которой лучше осознаются ценность человеческого общения, плодотворность сотрудничества и взаимовыручка между членами группы, которые мысленно оказались в экстремальной ситуации пребывания на острове.

Указанные и последующие игры и упражнения могут использоваться как в своем оригинальном виде, так и после определенной аксиопсихологической модификации, которая предусматривает значительно большее возвышение ценности личности ребенка и его свойств. В учебном пособии С. А. Ефремцевой, предназначенном для развития способности старшеклассников к общению, могут быть выделены в указанном выше аксиопсихологическом аспекте такие игры и упражнения, как [62, С. 15–61]:

а) «Твое имя»: подросткам нужно повторить поочередно по кругу имя каждого участника игры в различных его позитивных вариантах, в том числе и ласкательных;

б) «Ассоциации»: каждому из присутствующих последовательно сообщаются всеми членами группы ассоциации, которые он вызывает и которые связаны с определенными предметами, растениями, животными, песнями, художественными образами, крылатыми фразами, афоризмами и т. п.;

в) «Откровенное мнение»: на листе расположен перечень качеств личности (искренность, способность нравиться, чувство юмора, сила характера, умение поддерживать другого, потребность в поддержке себя, интересная личность). Надо оценить их наличие у каждого из присутствующих, проранжировать и расположить в определенном порядке, сформировав определенный аксиопсихологический портрет личности и обсудить его.

г) «Передача жестом» чувств радости, восторга, привлечение внимания, дружеского расположения, признательности, победы, похвалы, примирения, признания и т. п., используя жесты рук, движения тела, головы, но без слов и мимики, которые органично выступают средствами возвышения ценности, чести и достоинства юной личности;

д) «Интонация как средство общения» – демонстрация умения выразить с помощью интонации различные чувства, например, радости, уверенности, удовлетворения, убежденности, извинение и др.;

е) «Покажи чувства» – показать мимикой стремление к контакту, положительные чувства торжества, увлечения, чувства чести и достоинства;

е) «Накопление согласия» – обучение умению ставить такие закрытые вопросы (предусматривающие ответ «да» или «нет»), на которые должен быть обязательно дан положительный ответ «да»;

ж) «Подарки» – с помощью воображения, фантазии подарить друг другу воображаемый подарок, вежливо презентовать его;

з) «Искусство комплимента», то есть умение похвалить, выразить одобрительную реплику в адрес внешнего вида, черт характера, поведения, деловых качеств, значимости, ценности личности – по определенным правилам (со смыслом, без гипербол, с высокой мыслью, без претензий и наставлений, без приправ, на фоне антикомплимента себе, искренне и т. п.).

В книге А. Гольдштейна и В. Хомика [38, С. 40–430] приведены интересные в указанном выше смысле аксиопсихологические упражнения на возвышение ценности личности посредством формирования у проблемных американских подростков умений общения, позволяющих:

а) выражать благодарность;

- б) представиться;
- в) представить других;
- г) делать комплименты;
- д) просить о помощи;
- е) присоединяться к группе;
- е) просить прощения;
- ж) вознаграждать себя;
- с) просить разрешения;
- а) делиться с другими;
- и) помогать другим;
- и) приходить к согласию;
- к) постоять за друга;
- л) определять черты характера, которые ценятся в других людях;
- м) выявлять своих почитаемых героев;
- н) мысленно общаться с героями каждый день;
- о) ставить в центр внимания поступки героев;
- п) составлять коллаж героев;
- г) определять, какие ценности воплощают герои и героини;
- с) выявлять эмпатию к людям;
- т) кооперироваться с другими;
- в) дарить счастье и т. д.

Целесообразно было бы разработать и добавить к приведенному перечню еще и тренинги чести и достоинства, честности и правдивости, благотворительности и искренности, славы и ответственности, сотрудничества и толерантности, радости и счастья и т. д. Эти упражнения точно соответствуют исключительному значению личности в становлении культуры и общества, что все больше осознается теоретиками и практиками воспитания и обучения. Этому отвечает, например, и абсолютно точное и справедливое обращение к каждому ученику, украшающее вход в некоторые американские школы: «Ты – ценность!» [184]. Иначе и быть не может, если представить себе беспрецедентный в живой природе по своей продолжительности срок накопления, наращивания, рост

культурной ценности, богатства человеческой личности в каждом человеке в первой трети ее жизни – сначала в течение 6 лет раннего воспитания малышей в утробе и на руках матери, в семье и дошкольных учреждениях, затем на протяжении 11 лет обучения подростков и юношей в общеобразовательных учебных заведениях и далее – 5 лет профессиональной подготовки молодежи в вузе и позже – на протяжении всей жизни, – в ходе непрерывной переподготовки, самосовершенствования, обретения взрослыми до самой старости профессионального, гражданского и жизненного опыта и мудрости.

С точки зрения все возрастающей ценности, чести и достоинства юной личности существующая в общеобразовательной и высшей школе система оценивания выглядит как анахронизм и средство торможения и подавления личности. Ведь она действует вопреки объективной глобальной культурно-исторической ценности личности, поскольку основывается на ограниченных бытовых взглядах на человека, на легкомысленной личностной слепоте в отношении взрослых в отношении к молодежи. Это уже поняли передовые психологи и педагоги, например, Б. Г. Ананьев, В. А. Сухомлинский, Ш. А. Амонашвили, И. А. Зязюн и другие, которые предлагают отказаться от этой архаичной системы оценивания-подавления личности и перейти к другой, которая основана на признании личности феноменальным культурным явлением и позволяет положительно отнестись к попыткам молодежи встать на путь личностного роста и успешно пройти этот путь. Психологические тренинги фактически компенсируют то негативное влияние на аксиопсихологическое развитие юной личности, которое оказывает указанная система оценивания.

Аксиоразвивающее влияние психологических тренингов на честь и достоинство личности можно усилить, если должным образом улучшить инструкции и процедуры их проведения. Вместе с традиционными средствами утверждения чести и достоинства личности целесообразно разрабатывать и использовать новые методы, один из которых приводится в следующем разделе.

2.6. Семинарское занятие-тренинг по формированию чести и достоинства личности педагогических работников и их учеников

Наш опыт выступлений перед педагогическими и психологическими работниками с лекциями по проблеме чести и достоинства свидетельствует о необходимости перехода от информационно-монологических к интерактивным методам работы, благодаря которым лучше актуализируется огромный опыт учителей, преподавателей вузов и практических психологов системы образования в данной сфере. Поэтому нами был разработан и апробирован несколько раз в Украине и Польше сценарий специального семинарского занятия-тренинга по формированию действенных знаний, умений и навыков утверждения чести и достоинства у педагогических работников и учащихся.

В данном разделе приводятся: а) тематический план, вопросы и задания для участников семинара-тренинга и б) комментарии ведущего семинара-тренинга к каждому вопросу, что позволит читателю получить достаточно полное представление о сущности данной работы.

А. Тематический план, вопросы и задания для участников семинара-тренинга

Вступление. Инструкция ведущего, этические принципы работы, организация общения в «круге», рефлексия опыта участников семинара-тренинга и его презентация другим. Работа семинара-тренинга предполагает обсуждение следующих 15 вопросов.

1. В чем вы видите ценность человека, ребенка, свою ценность? Приведите по одному примеру признания ценности или обесценивания человека из собственного жизненного и профессионального опыта.

2. Как вы понимаете понятие чести и достоинства личности – своей, ребенка, учителя (преподавателя), практического психолога, отца и матери

ребенка? Запишите в своем листе по 5–7 признаков чести и достоинства личности (на это дается 3–5 минут).

3. Вспомните собственный опыт возвышения и самовозвышения, унижения и

самоунижения своей чести и достоинства – расскажите членам группы об одном случае (из четырех возможных), характеризуя соответствующую ситуацию, ее факторы, действия других и свои реакции, эмоции.

4. Приведите по одному примеру возвышения или унижения Вами других людей – своих коллег, родителей, детей, близких, учеников. Выберите себе среди присутствующих партнера и обсудите с ним самые памятные случаи, а позже – презентуйте участникам семинара один из самых интересных из них.

5. Что означают слова Януша Корчака: «Ребенок равный нам (взрослым – Р. В.) – ценный – человек»? Почему? Что из этого следует для педагога и психолога? Можете ли Вы вспомнить примеры такого равенства? Выскажите поочередно от каждой пары (объедините свои усилия с одним из соседей по кругу) по одному примеру равенства своего достоинства с достоинством ребенка.

6. Как бы вы повели себя в следующей ситуации: девушка, старшеклассница 16 лет, влюбилась весной в юношу. Сначала ее любовные отношения с ним казались взаимными. Но осенью юноша внезапно бросает девушку. Она тяжело переживает эту ситуацию, попадает в состояние острой депрессии и, не видя выхода из глухого, как ей кажется, тупика, сообщает подругам о своем намерении покончить с жизнью. Подобная ситуация случилась в моей школьной психологической практике и позже я расскажу вам о своих действиях, приведших к отказу девушки от попытки самоубийства. А какими были бы ваши действия в таком случае? Обсудите в парах в течение 5 минут эту ситуацию, выработайте общую позицию и выскажите ее другим участникам семинара через представителя пары.

7. Какой любовью учитель и психолог может любить своих учеников и их родителей? Вспомним труды Я. Корчака и В. А. Сухомлинского с похожими

названиями «Как любить детей?» Обсудите этот вопрос в паре. Признайтесь в симпатии и любви друг другу – как к представителям своей пары, так и к тем участникам круга, кто вызывает у вас наибольшую симпатию. Расскажите об используемых вами видах любви к людям и детям, к участникам семинара, предварительно записав их на бумаге.

8. Как вы проявляете симпатию и эмпатию и блокируете антипатию и апатию в отношениях с детьми и их родителями. Запишите с партнером по одному лучшему способу на каждый из четырех видов указанных коммуникативных эмоций и расскажите о них через своего представителя от пары.

9. Вспомните, какие виды похвалы и комплимента вы обычно используете, одобряя своих коллег, друзей, родителей, детей, родственников, учеников в случаях совершения ими добрых поступков, успешной деятельности. Запишите их в свой лист – они будут вам полезны на следующем этапе.

Разбейтесь на тройки, выберите себе роль в триаде «ученик – один из родителей (мать или отец) – учитель». Сделайте друг другу по комплименту (всего их должно быть в триаде не менее 6 – соответственно трем ролям). Презентуйте участникам семинара от каждой тройки по одному из лучших комплиментов – к ученику, к родителям, к учителю.

10. Как вы проявляете уважение к личности ребенка в случае незнания или неумения его на уроке (например, в случае неожиданного получения плохой оценки), его неудач и слез, отклонений в поведении и бездарности по отношению к некоторым предметам – чтобы не унизить его ученическую честь и человеческое достоинство. В каждой тройке поочередно примите на себя роль такого ребенка и выскажите свое уважение к нему с позиций роли отца и учителя – в этих ролях должны поочередно побывать все члены триады. Презентуйте участникам семинара два лучших варианта решения этого вопроса в каждой тройке (с позиций родителей и учителей относительно ученика).

11. Представьте себя в роли эксперта по вопросам педагогической этики. Работая в тройках, или, если участников семинара много, в четверках или

пятерках (пригласите, например, в свою тройку по одному из членов соседних троек или передайте им своих членов), присвойте своей экспертной группе имя одного из выдающихся деятелей культуры своей страны или мира, которого вы считаете абсолютным нравственным лидером, авторитетным для себя и чьи этические, эстетические, научные взгляды разделяете. В группах педагогов и психологов Украины и Польши, где мы проводили данный семинар-тренинг, предлагался следующий перечень лидеров, людей чести и достоинства: Я. Мудрый, А. С. Пушкин, Т. Г. Шевченко, А. Мицкевич, Ф. Шопен, П. И. Чайковский, В. И. Вернадский, А. С. Макаренко, Я. Корчак, В. А. Сухомлинский, С. Лем, Иоанн Павел II, Алексей II, Ш. А. Амонашвили, Н. М. Амосов и др.

Принимая во внимание их нравственные принципы и собственный опыт, составьте перечень основных положений, максимов, правил кодекса чести и достоинства учителя и ученика современной школы или школы будущего. После 10–15-ти минут работы в пятерках над кодексом презентуйте его участникам семинара. В его схеме, записанной на большом листе бумаги, должны быть четыре колонки – по две (честь и достоинство) для учителя и для ученика. При устном изложении правил кодекса можно сопровождать его презентацию выходом группы в центр круга, пантомимой, коротким театральным спектаклем.

12. Представьте себе, обмениваясь мнениями в своей экспертной группе, какой должна быть Школа чести и достоинства личности? Составьте на большом листе схематический проект такой школы, состоящий из уже разработанного ранее кодекса чести учителей и учеников, из соответствующего ему устава (принципов работы и отношений в школе и вне ее), из дополнительных учебных или воспитательных дисциплин в каждой из трех ступеней школы (начальной, средней и старшей), из специальных форм и методов воспитания честной и достойной личности и т. д. Что бы вы взяли в Школу чести и достоинства из традиционной школы, а что оставили бы в прошлом?

На создание схематического проекта Школы чести и достоинства предоставляется 15–20 минут. Презентацию проекта на большом листе

осуществляют поочередно «директор школы», его «заместитель по воспитательной работе», «учитель-новатор», «школьный психолог» и «авторитетный в вопросах чести и достоинства ученик школы». Если есть время, то по просьбе группы ее проект подвергается экспертной оценке со стороны рецензента из другой группы, выступающего с позиций «отца» (по вопросам чести) и «матери» (по вопросам достоинства) одного из учеников школы. Презентация может происходить в виде педагогического или психологического спектакля, с включением поэтических, изобразительных и других экспромтов.

13. Что является реалистическим и фантастическим в обсуждении участниками семинара-тренинга вопросов чести и достоинства личности детей, родителей, учителей, школьных психологов? Учтите реальное состояние проблемы в обществе. Как пройти путь от школы чести и достоинства учителя и ученика к обществу чести и достоинства гражданина и наоборот? Обсудите и выскажите свое мнение по этому вопросу через своего представителя (его роль в ходе семинара выполняется поочередно каждым членом группы).

14. Ваши впечатления, оценки, благодарности и пожелания – свободные выступления участников семинара (без принуждения, без плана, только по желанию и зову души, даже если для этого необходимы длительные паузы).

15. Подведение итогов семинара и благодарности со стороны ведущего.

Б. Комментарии ведущего семинара-тренинга к каждому вопросу

Примечание: Содержание, очередность комментариев, их приведение до, в процессе или после обсуждения каждого пункта плана – определяются ведущим ситуационно, в зависимости от текущих обстоятельств, но в любом случае – на основе соблюдения правила равенства чести и достоинства всех участников.

Вступление ведущего.

Цель нашего семинара-тренинга – достижение лучшего осознания, посредством рефлексии собственного и коллективного опыта и включения в свою профессиональную деятельность знаний об уникальном этико-психологическом и

аксиопсихологическом явлении – осознании и переживании ценности своей или иной личности в форме феноменов чести и достоинства. Для этого нам придется обсудить ряд вопросов и решить несколько задач. Мы будем работать по принципам Этического кодекса психолога и правилам проведения психологического тренинга: компетентности, ответственности, защиты интересов всех участников семинара, равенства позиций, признания личностного стиля общения каждого участника тренинга, интеллигентности, чувства профессиональной чести и человеческого достоинства, добровольности и конфиденциальности, доверительности в общении, гибкости ролевого поведения, творческой активности, обратной связи, переживания событий «здесь и теперь», групповой кооперации, рефлексии собственного опыта, открытости, экспрессивности, корректности, безопасности и защищенности от оскорблений, одобрения и взаимной поддержки друг друга и т. д. Участники семинара-тренинга располагаются по кругу на стульях или креслах, лицом друг к другу, они обеспечиваются бумагой (крупного, плакатного размера, и маленького, формата А-4), ручками и фломастерами, настраиваются на сотрудничество и искреннее общение со всеми участниками семинара, заботятся о положительном психологическом климате в группе.

1в (буква «в» после номера означает нумерацию комментариев ведущего). Яркими примерами понимания и утверждения ценности человека являются известные идеи Конфуция, Протагора, И. Канта, Ф. М. Достоевского, А. А. Потебни, Н. Я. Грота, В. М. Бехтерева, У. Джемса, А. Адлера, В. И. Вернадского, А. С. Макаренко, В. А. Сухомлинского и многих других представителей философии, психологии, педагогики, других наук, искусства, религии.

Объективным свидетельством моей профессиональной ценности стал интерес коллег ко мне как к ученому, к моим научным работам, наличие нескольких наград – наиболее весомым для меня в этом плане является признание победителем в общественной акции газеты «Психолог» в номинации «Академическая психология» в 2006 году.

Однако, жизнь нередко поражает вопиющими случаями обесценивания человека и личности. Так, некоторые родители и, что особенно удивляет – некоторые матери, бросают своих детей уже при рождении. Они оставляют на произвол судьбы своих чад, уезжая на заработки за границу (деньги оказываются ценнее родных детей!?). Дикими являются факты насилия в семье в отношении ее членов – детей, женщин и даже мужчин. Об обесценивании людей уже в XXI веке свидетельствуют факты торговли людьми, женское рабство, нищета значительной части людей, детская беспризорность, уличная и бытовая преступность, болезни, массовые случаи одиночества людей преклонного возраста и стариков, убийства, войны, пиратство, терроризм, эксплуатация людей, ложь лидеров, массовый обман людей политиками и т. д.

Пожалуй, впервые меня вознесла на невиданную высоту как наивысшую ценность моя мать, когда я только родился. Значительно позже, уже через десятки лет, она рассказала мне, что в момент моего рождения я был для нее самым дорогим в мире существом и «... – Не было таких нежных и ласковых слов, которые я не сказала бы тебе тогда, в первые дни твоей жизни, мой сынок...». Нежные взгляды, поцелуи, прикосновения, улыбки, все нежные проявления любви моей мамочки пронизывали тогда все мое существо и возвышали меня тогда до высоты парящего в небесах счастливого ангела – судя по фотографиям той поры, так оно и было. И потом, на всех этапах жизни, вплоть до нынешних времен, черпал я из этого кладезя любви силы и вдохновение в ответ на все вызовы судьбы.

Как и все люди, я переживал потом многочисленные случаи своего обесценивания и, наоборот – оценивания. Один из первых таких случаев унижения случился тогда, когда за мелкую провинность меня и мою сестру наказала дорогая мамочка (мне тогда было 5–6 лет) – она поставила нас на колени по разным углам комнаты. Однако, через несколько минут пришел дед и решительно поднял меня с колен и категорически приказал матери никогда этого не делать с его внуком как будущим мужчиной. А за мою сестру тогда вступилась бабушка. Я был благодарен деду и чувствовал себя гордым и готовым делать для

него все, что угодно. И я действительно помогал ему во всем – ездил с ним на мельницу на груженных мешками с зерном возах (до сих пор помню «Цоб-цобе!» деда, погоняющего волов), сторожил коней и коров на выпасе в степи, шелушил кукурузные початки, ловил рыбу въятерами и т. п. Я благодарен деду до сих пор – за то, что с «дедовским подъемом» брался потом за все свои дела. Так утверждалось и закалялось с детства мое человеческое достоинство... (Этот случай был разыгран на семинаре-тренинге для педагогов 5-го декабря 2009-го года членами театральной студии моего родного Новомосковского колледжиума № 11).

Один из последних случаев моего явного обесценивания и унижения произошел недавно, когда в мою скромную квартиры, заложенную книгами, зашел известный предприниматель, миллионер (он очень просил меня выступить на семинаре, который спонсировал) и, встав посередине комнаты, начал громко смеяться над бедностью украинского профессора, доктора психологических наук...

2в. Важный для меня случай осознания профессиональной чести связан с рукописью моей первой книги «Психология развития творческой личности», которую я подарил Институту педагогики и психологии профессионального образования АПН Украины в 1995 году – как «вступительный взнос» при зачислении в докторантуру. Эта книга была опубликована в 1996-м году благодаря поддержке академиков И. А. Зязюна и Н. Г. Ничкало.

Чувство собственного достоинства особенно обострилось еще раньше, весной 1975 года, когда я, находясь в аспирантуре Института психологии Украины, прочитал в библиотеке института книгу (имя автора сейчас не помню и саму книгу уже не смог найти) британского историка и археолога, который предложил читателю провести интересный умственный ретроспективный эксперимент. Он попросил представить себе, что прослеживает, шаг за шагом, свое генеалогическое дерево, начиная с настоящего времени до зарождения первой живой клетки, наследником которой являются все живущее сейчас на земле, то есть на 3-4 миллиарда лет назад, до самого начала эволюции живых

существ. При этом следовало каждый раз делать шаг на сто лет назад. И уже через 10 шагов ($100 \text{ лет} \times 10 = 1000 \text{ лет}$) вы мысленно оказываетесь среди своих предков, например, в Киевской Руси, через 20 шагов – среди скифских воинов или древних греков Причерноморья, через 30–80 шагов – среди трипольцев, через 90 – 180 шагов – среди жрецов Каменной Могилы около Мелитополя в Запорожской области или древних жителей Мезинской стоянки на Черниговщине, через 190–300 шагов – среди древних племен и родов Европы, Азии, Африки и т. д.

Наконец, путешествуя таким образом в историческом и эволюционном времени на 5000000 лет, мы «встречаемся» с нашими предками-гоминидами где-то в Африке, а на временном расстоянии в десятки, сотни и тысячи миллионов лет – побываем в «шкуре» древнейших животных и растений, простых и простейших живых существ и, наконец (в начале всех начал жизни), 3–4 млрд лет назад – окажемся среди первых живых клеток океана и еще ранее – сложных биохимических соединений и минеральных молекул геохимической массы веществ планеты Земля! Какое молекулярное и генетическое, наследственное богатство всех (!!!) наших предков (выживших в этот ошеломительный несколькомиллиардолетний период в этом опасном мире!) мы несем в себе и должны передать следующим поколениям! И, конечно, это богатство не могло не зафиксироваться в мозгу животных и сознании людей. На наш взгляд, именно это наследственное богатство образует ту ценность, которая является основой человеческого достоинства. И прав в этом плане Санкт-Петербургский психолог и психотерапевт В. И. Гарбузов, когда среди восьми базовых инстинктов человека считает главным инстинкт сохранения (именно сохранения!) его достоинства (остальные семь – инстинкты свободы, агрессивности, доминирования, исследования, самосохранения, продолжения рода, альтруизма).

Чувство же национальной чести многие украинцы ярко осознали в XVI–XVIII веках в период борьбы запорожских козаков за свою Родину, а в современную эпоху – в ноябре-декабре 2004 года на Майдане, когда вместе переживали свою духовную, моральную ценность, стремление к честности,

справедливости, ответственности власти... А после этого – унижение своей чести, уже из-за очередного обмана чиновниками своих надежд на лучшее...

Онтогенетически, чувство собственного достоинства вырастает из любви матери и отца, дедов и родственников, из осознания своей уникальности как центра мира, «Я», из признания своей силы и победы над непреодолимыми вроде бы обстоятельствами жизни, из своей способности любить себя и людей, из ценности первой детской, подростковой, юношеской и последующей молодой, взрослой, пожилой, стариковской любви...

3в и 4в. Собственный опыт возвышения и унижения чести и достоинства каждого человека велик. Один из них у меня относится к тому времени, когда мой юношеский дневник со стихами, в том числе посвященными первой любви, нашел товарищ по общежитию в Днепропетровском техникуме автоматике и телемеханики, одобрил их и одновременно осторожно посоветовал отказаться от этой романтической любви к однокурснице (Т. Б.), поскольку у девушки был любовник – значительно взрослее меня и значительно опытнее...

Ярким было чувство возвышенности и гордости от вступления с первого раза на факультет психологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (при конкурсе 12 абитуриентов на одно студенческое место!) Значительно позже произошел подъем профессиональной чести, когда я сдал в 1981 году в Московском институте психологии АН СССР на «пятерку», уже после окончания аспирантуры, экзамен кандидатского минимума по психологии солидной комиссии из шести известных психологов, профессоров, докторов психологических наук... Настоящим праздником моей чести и достоинства стал духовный подъем после доклада и благодарного рукопожатия и поддерживающей меня улыбки осенью 1981-го года патриарха украинской психологии академика Г. С. Костюка – за несколько месяцев до защиты моей кандидатской диссертации.

Незабываемо возвышали честь и достоинство эрудиция, внимание ко мне как к слушателю на лекциях и методологическом семинаре академика Н. М. Амосова, его слова приветствия и лучистые взгляды при случайных

встречах в Киеве. Возвышение моего достоинства связано с рождением сына и двух дочерей, с заботой о них, с собственными развивающими занятиями с ними – в помощь усилиям их матерей. Особенно укрепляли мою честь и достоинство успехи в учебе моих любимых дочерей, сначала в гимназии, а позже – на факультете психологии университета, на который они поступили абсолютно самостоятельно и, отвечая за свой выбор, серьезно отнеслись к профессиональной подготовке, получая удовольствие от учебного труда и отличных оценок... Ни один заметный успех дочерей не остался без моего одобрения. Сам же я от своего отца получил лишь одну запомнившуюся похвалу в жизни – когда, за три дня до своей смерти, он взял в руки предпоследний вариант моей докторской диссертации и сказал, что это действительно большое дело его сына... Бывший фронтовик, артиллерист, прошедший курсантом и офицером всю войну в зенитных войсках и пехоте, повидал столько человеческой крови и смертей, что имел право по-своему осознавать действительную цену человеческой жизни и не быть слишком щедрым на похвалу даже своим детям...

Множество событий в моей жизни связаны хотя и не с жизненно опасными для меня, но все-таки запомнившимися на всю жизнь унижениями чести и достоинства. Одно из них, всплывающее в памяти – когда отец, приехавший в отпуск из армии в родное село, встретил меня, пятилетнего мальчишку, шедшего домой с идущими с рынка соседскими женщинами у ворот двора с ремнем в руках. Так он хотел наказать меня за то, что я вместе с ребятами "отведал" на дедушкином огороде участок с молодым зеленым горохом. С рыданиями публично униженного и оскорбленного бежал я тогда по пятихатской улице села Котовки, пока меня не остановили и не успокоили люди...

Во время учебы в МГУ я был унижен до психотравмы и поэтому не пошел в первую же сессию на экзамен по математике, когда совершила самоубийство одна из лучших студенток нашего курсового потока М.С. Она не понимала высшую математику в том виде, как ее преподавала первокурсникам на нашем психологическом факультете профессор механико-математического факультета. И это произошло с девушкой, которая, сдавая вступительный экзамен по

математике, решила самые трудные (даже не решаемые заурядными абитуриентами) задачи в уме (!), не сделав никаких записей, что и зафиксировала приемная комиссия, приняв ее после этого автоматически на факультет (девушка закончила школу на «золотую» медаль)...

Особенно болезненными для меня были случайные и непреднамеренные унижения мною родных людей. Так, я глубоко оскорблял мою маму, когда еще юношей в очередной раз признавался ей в своей новой (и как выяснилось позже – опять несчастной) любви. Выслушивая каждый раз меня внимательно, она однажды тихо ответила: «А у меня, сыночек, твой папа – единственный и любимый на всю жизнь!»

Несправедливыми были неосознанные вовремя «ролевые» унижения мною, как заведующим институтским отделом и научным руководителем, сотрудников и аспирантов (как точно выразилась однажды одна из моих коллег, я держал тогда в руках «лезвие державы» и не всегда осторожно пользовался им, однако, справедливости ради, следует сказать, что редко кто из них не гнушался воспользоваться своим доминированием над моим слабым меланхолическим темпераментом и добротой...), за что я извинился перед каждым из них, попросил прощения, когда уходил на пенсию и решительно отказался от заведования отделом и председательства в специализированном ученом совете по защите диссертаций...

5в. Равенство достоинств ученика и учителя может объясняться тем, что все люди, как члены человеческой популяции и общества, имеют примерно равный филогенетический (эволюционный и исторический) возраст. Поэтому их относительно короткий онтогенетический возраст, и тем более – разница между ними в возрасте, относительно ничтожны и не могут давать оснований для существенного неравенства достоинств. То есть продолжительность жизни одного человека неизмеримо мала по сравнению с продолжительностью жизни человечества. Равенство между взрослыми и детьми основывается также на примерном равенстве суммы актуального (пережитого) и потенциального (того, что еще надо пережить) времени – в пределах средней продолжительности жизни,

которая, кстати, последовательно возрастает при переходе от поколения к поколению. А с ростом этой продолжительности жизни растет и уровень жизненной достоинства каждого следующего поколения – в этом плане и филогенетически и онтогенетически дети ценнее для популяции и для своих родителей...

бв. Вы, как участники семинара выразили различные мнения относительно девушки, которая в случае из моего личного опыта работы школьным психологом в лицее, имела суицидальные намерения. Мое общение с этой девушкой имело определенную логику, которая совпадает с мнением участников тренинга, предлагавших разговаривать с ней лишь на актуальную для нее тему, ни в коем случае не избегать ее. Но при этом следовало делать упор на ее ценность для человечества, народа, родителей, наконец, для юношей, достойных этой ценности. Самым лучшим средством возвышения ценности этой девушки, ее достоинства и чести, стала в конечном счете обновленная любовь к ней в ее новых переживаниях и ожиданиях. Особенно действенной (для нас, психологов – еще и психотерапевтической!) может стать любовь с нашей стороны к ученикам, конечно, с определенными психологическими, педагогическими, возрастными оговорками. Этот случай описан в моей книге «Психологическая профилактика суицидальных тенденций проблемной личности» (Киев: Школьный мир, 2009). Рекомендую обратиться к ней (можно рассказать подробнее об этом случае по просьбе участников семинара, делая ударение на огромную животворную, психотерапевтическую силу любви). После этого логично перейти к следующему вопросу.

7в. Феномен любви хорошо описан в произведениях художников и ученых, но до сих пор она остается самой большой тайной человечества. Нам, конечно, тоже не удалось ее раскрыть, но в контексте темы семинара и конкретного вопроса о видах любви к людям и детям мы можем привести интересные данные. Так, Платон выделял четыре ее вида – страстную любовь, любовь-дружбу, семейную любовь, совершенную любовь. У Ф. М. Достоевского мы находим

мечтательную и деятельную любовь, а у В. А. Сухомлинского – инстинктивную и мудрую.

Подлинной поэтической энциклопедией любви является книга стихов современного украинского философа, математика и поэта Ярослава Николаевича Николайчука (псевдоним – А. Ян) «Девственная Любовь в дали Мирозданья: Поэтическая повесть – Тернополь: Экономическая мысль, 2005. – 384 с.» [193]. Автор является доктором технических наук, профессором, директором Карпатского государственного центра информационных средств и технологий Национальной академии наук Украины, автором компьютерной математической модели генома. Одновременно, как современный украинский Байрон, он поэтически исследует тайну любви в масштабе планеты Земля и Вселенной. Мы осмеливаемся лишь выделить, с разрешения автора, подарившего нам в феврале 2009 года свою уникальную книгу, те виды любви, которые названы А.Яном, чтобы показать всеохватность, бесконечность и вечность этого чувства.

Вот этот список в оригинальной формулировке и последовательности приведения в тексте книги: «девственная любовь [193, С. 1]; антиобщественная или тайная любовь; точно правдивая Любовь восточных женщин; Любовь-Судьба; Любовь земных мужчин и их демонических начал; Любовь – нетронутая, непорочная, независимая от общественных основ; скрытая любовь Востока; неземная любовь; Любовь заплатанная-разодранная и сведенная на нет; Вечная Любовь; воспаленная разъяренная любовь; мерцающая любовь; скрытая Любовь».

Приводим тут, временно прерывая это перечисление, оригинальное поэтическое определение А. Яном самого явления любви [С. 34 – здесь и далее по 193]:

«Я скажу тобі про Любов – це Дух,
Таємних думок Душі розмова,
Його немає в грошах
і трамвайний рух не містить
– це неземна основа».

Продолжим дальше список видов любви: «Тайная исчезающая Любовь ко мне; прошлая любовь; новая любовь; Любовь несказанная; Моя Любовь к тебе – Демоническая; Любовь одинокая; Любовь светлая и высокая; Любовь моя – космическая сила; четвертая уже Любовь; Твоя Любовь; Безграничная моя к Тебе Любовь; Любовь моя, Моя искренняя Любовь – неземная; Моя Любовь – моя печаль; Моя Любовь – исчезаю сам; Любовь в Тебя; Святая светлая Любовь; Любовь искренняя; Любовь моя – безграничная; В отдалении – Любовь моя, Любовь эта – неодолимая; Духовная Любовь; Любовь зеленая; Неземная Любовь; Любовь лишь Душ – восставшая».

И снова – поэтическое определение любви, теперь уже в связи с волей –

Дамо їм наше відкриття:

Основи Душ – кохання.

Для них неволя – забуття,

А Воля оживання! [С. 119].

Далее – «Любовь – моя безграничная; весенняя Любовь; чистая Любовь; Любовь Бога; Символ Любви – Любовь моя – Это неугасимая страстная любовь!; Единая Ты моя любовь, незримая, буйно-невероятная; Мне Любовь эта – Богом данная; Одна Любовь у меня – Ты Глубин мнений – Души единение; Любви волк голодный. Твоя Жизнь – Любовь; Подлинная и настоящая Любовь; Любовь зеленой Фатимы; Любовь манящая; Любовь возникшая; Любовь лишь наивная; Твоя Любовь; Нет Любви – без ласки; Нет чувства Любви – в маске; Любовь большая; Любовь нежная; Любовь – надежда; Любовь жаждущая; Любовь твоя; Любовь моя ненасытная; Дух Светлой Любви; Осуществление и будущее любви; невероятная любовь; Демон Черной Любви; Демон Светлой Любви; Любовь скрытная; Коллапс Тайной Любви; черные миры скрытой Любви; Бешенная Любовь; Трепет скрытой Любви; ласки искренней Любви; Любовь без двусмысленностей и масок; Любовь бездонная; Любовь кровавая; наша Любовь – иллюзия для меня глупого; тайная Любовь; Демон очень скрытой Любви; Демон священной Любви; Демон Любви-судьбы; Демон Любви; Демон Светлой Любви; Демон скрытной Любви; Демон искренней Любви; Демон Большой Любви;

Демон нашей Любви; сверхсекретная Любовь; Тайная дальняя дорога Любви; ужасная, тайная Любовь; тайная, безмерная, чудовищная любовь; свободная любовь; неземная и вечная любовь моя древняя; Любовь в коллапсе искренняя и безопасная; Священная Любовь; Прекрасная Любовь; Любовь безмолвная; Любовь одинокая и бездомная; Любовь-крепость-замок; Истинная Любовь. Сияющая, ласковая и всеобъемлющая любовь; кара-Любовь; пылкая Любовь Священная; Праздники Любви на Воле; напряжение-Любовь; бесплотная наша Любовь; Эта любовь опасная; Любовь волшебная в этом мире; Любовь этих демонов; Любовь восставшая; Любовь исчезающая в небе; Любовь моя – тебя люблю;

Люби мене, Любов моя,

Ти моя радість – моя Мрія! [С. 252].

Прекрасное состояние Любви-Силы; секретно-ужасная любовь; Ужасно таинственно-неземная Любовь. Тайная плачущая Любовь; Любовь безумно-трудная;

Я твій, іду в любов,

як на війну! [С. 289];

Цілюються Душі – в Любові... [С. 291].

Запрещенная – окаменевшая Любовь;

Цілюються Душі – тільки щирі

В любові і бажаннях,

Хай буде їх ласка в мирі,

В земнім безкінечнім коханні [С. 292];

Любовь вечная; Ревнивая Любовь; Любовь-огонь неодолимый; Любовь пылкая; Любовь трепетная, словно свет женщины-Кометы; исчезнувшая Любовь и новая любовь; искренняя демоническая Любовь; лжи Любовь, коварная Собою; чудовище Любви, Не простая Любовь; Любовь-совершенная; земная Любовь; своя Любовь света; настоящая Любовь; Любовь-Судьба, «такая Любовь»; зверская Любовь; Любовь-страсть; Любовь милая; Партизанская Любовь; Любовь Праздники; Первая Любовь-часто трагическая; буйная, с опасным концом

Любовь; Любовь Демоническая, с тайным ужасным лицом; Вторая Любовь семейная; Эта Любовь практическая, елейная; Третья Любовь – платоническая в символах радости или ненависти становится; другие Любви – вполне тайные. Хитрые, вероломные, своевольные, пылкие. Людям они особенно приятны; есть еще Любовь – сверхсекретная. Партизанской называется она, отдельная с трудным началом, совершенная, ловкая, профессиональная, сознательная, хитрая, почтенная, величественная, достойная, взаимно уродливая и бесстыдно-простая; Эта Любовь не губит Семейную Любовь, она сосуществует с тайною любовью пылкою, она зараза какая-то сверхприятная; ужасным своим содержанием таким и развитием коротких любовных событий стремительных; своевольная Любовь Галатеи; Любовь к Ней (Галатее) – вся бесполезная; Тайная ужасная Любовь; Такая Любовь – как чертополох. земная любовь; Любовь моя пылкая; земная разнузданная Любовь; Любовь – Галатея» [193, С. 363].

Мы можем добавить к этому списку и такие виды любви, как материнская и отцовская, сыновья и дочерняя, романтическая и реалистическая, слепая и зрячая, бабушкина и дедушкина, патриотическая и ностальгическая любовь и т. д. Существует также педагогическая и психологическая любовь. Вы можете продолжить этот список далее... Таким образом можно содержательно ответить на вопрос, поставленный в названии книги Я. Корчака «Как любить детей?» и в названной таким же образом статье В. А. Сухомлинского.

Значение любви для утверждения ценности жизни человека, его чести и достоинства очевидно. Сошлемся на один пример. Так, американские врачи провели достаточно простой эксперимент с несколькими сотнями учащихся колледжей. На первом этапе они выяснили в беседе с ними, любили или не любили их в детстве их родители и ощущали ли они эту любовь или нелюбовь. Их ответы, а также данные о состоянии здоровья были занесены в экспериментальные протоколы. Через 35 лет они снова встретились со своими испытуемыми и выяснили статистически достоверный факт, что среди тех, кого любили родители, было много успешных людей и всего 25 % имели хронические болезни. В другой же группе, которых родители не любили, успешных в жизненной судьбе и карьере оказалось значительно меньше, а хронические

болезни оказались у 87 % опрошенных. Соответствующими этим процентам были и переживания членами указанных групп чувства чести и достоинства личности.

Вот почему, у человека должна быть возможность выбора своего вида любви среди всей огромной гаммы проявлений этого животворного чувства и использования его на всех этапах и во всех ситуациях жизненного пути.

Ведь, как утверждает французский философ Марсель в своей книге о природе любви, сказать человеку «Я люблю тебя!» означает уверить его: «Ты никогда не умрешь!» (Из телепередачи 1-го канала России «Тайны любви» 8.XI.2009 года). По моему убеждению, практический психолог должен не просто испытывать так сказать профессиональный пиетет перед личностью клиента, но и естественно прибегать на этой основе к использованию разных видов любви, разумеется – в рамках этического кодекса психолога.

8в. У меня есть несколько простых приемов проявления симпатии и эмпатии к человеку – они связаны с максимальным акцентированием интереса, внимания, уважения к человеку. Когда я преподавал студентам университетов психологию, то пытался самым внимательным образом вслушиваться в их ответы на семинарах, даже иногда прикладывая ладонь к уху. В условиях господства формализма в отношениях между преподавателями и студентами, этот и подобные ему приемы поражают молодежь – студенты не могут поверить, что профессор так интересуется их мнением, так откровенно пытается быть на высоте человеческой чести и достоинства – своей и студента.

В отношениях со своими дочерьми я использую отцовский прием похвалы в форме заслуженного их успехам в учебе поцелуя в лоб, но не часто. Он должен быть именно заслуженным, справедливым и свидетельствовать об искренней любви отца к своим детям.

9в. Относительно способов выражения похвалы и комплимента существуют различные рекомендации. Мы можем добавить к ним еще и такие, как систематичность, искренность, естественность, справедливость, взвешенность, символичность и т. д.

10в. В этом случае следует понять, что сумма жизненных успехов многократно превосходит сумму жизненных неудач и поэтому, когда ребенок проявляет отдельное незнание или неумение, то это всего лишь мизерная толика,

которая ни в коем случае не может быть непомерно негативно оценена и публично осуждена. Негативная оценка реальных неудач должна быть по своей форме рабочей, конфиденциальной и такой же мизерной, лучше – почти нулевой. Вообще, оценка знаний личности должна быть не количественной, а качественной и иметь больше положительных градаций, чем отрицательных. Показательно в этом плане, что старая пятибалльная шкала школьных оценок включала в себя больше негативных (0-1-2-3), чем позитивных (4-5) градаций. Вузовская же шкала оценивания уже имеет равное количество положительных и отрицательных степеней (отлично, хорошо – удовлетворительно, неудовлетворительно). А в современной 12-балльной шкале школьного оценивания положительных градаций уже больше, чем негативных, что является более справедливым по отношению к личности ученика как ценности.

Количественная оценка должна найти свое узкофункциональное, коррекционное, локальное место в глобальном реестре оценивания успехов и осторожно высказываться только после констатации этих успехов. В случае же, когда ученик сам понимает причины своей неудачи или ошибки, то следует поддержать, а иногда даже инициировать его движение к самостоятельному исправлению ситуации и достижению успеха. Кроме того, количественная оценка целесообразнее не в детском, а в юном, молодом и взрослом возрасте, когда человек психологически к ней больше готов. Именно поэтому в общеобразовательной школе Финляндии, система образования которой признана лучшей в мире, оценка в традиционном виде не применяется, чем снимается действие одного из унижающих, а иногда психотравмирующих факторов образования.

11в. В семинарской группе педагогов и психологов, работавшей в августе 2009 года в рамках проведения летней психопрофилактической школы «Смотри иначе!» в Борках возле польского города Кельце, почти все экспертные подгруппы присваивали себе имя папы Иоанна Павла II, чей нравственный авторитет очень высок в Польше. При разработке кодекса чести педагога и ученика лучшим оказался тот вариант, который предусматривал перечень правил честного и достойного поведения, но не отдельных для учителя и школьника, а общих для них, направленных на гармонизацию отношений между ними, на

взаимное уважение, взаимное утверждение и поддержку чести и достоинства всех участников учебно-воспитательного процесса.

12в. При разработке проекта Школы чести и достоинства целесообразно использовать опыт построения и успешного существования школ известных отечественных и зарубежных педагогов – Я. Корчака, М. Монтессори, А. С. Макаренка, В. А. Сухомлинского, Ш. А. Амонашвили, И. А. Зязюна т. д. Так, заслуживает внимания опыт работы колонии и коммуны А. С. Макаренка (максимум уважения и максимум требовательности к ученику), школы радости и счастья ребенка В. А. Сухомлинского (с моральным, умственным, мировоззренческим, патриотическим, трудовым, творческим, эстетическим, волевым возвышением достоинства учащихся в ходе их всестороннего воспитания), Полтавского педагогического института во времена ректорства И. А. Зязюна, современных школ нового типа. В основу проекта следует положить кодексы чести, разработанные ранее участниками семинара, образцы жизни выдающихся деятелей культуры, духовных лидеров народа и мира, свой опыт возвышения чести и достоинства и т. д.

13в. При оценке фантастического и реалистического в идеях, которые обсуждались на семинаре-тренинге, следует учитывать, что прогресс системы образования фактически происходит через перетекание именно таких фантастических на первый взгляд, даже абсурдных, парадоксальных идей в актуальное поле обсуждаемых в психологическом и педагогическом сообществе положений и их последующее инновационное усвоения учителями, психологами, учениками, родителями.

14в. При выражении впечатлений о проведенном семинаре-тренинге следует придерживаться стиля непринужденности, актуальности, добровольности, естественности, вдумчивости, возвышенности, праздничности, даже «умственного молчания» и т. п.

15в. Итоги работы семинара-тренинга должны утверждать атмосферу высокой чести и достоинства всех участников семинара и определять перспективы эмиссии, переноса обсуждаемых идей в те отрасли системы образования и психологической практики, в которых работают члены тренинговой группы.

2.7. Личность учащегося и педагога как индивидуальное и социальное богатство и инновационная психологическая культура его сохранения, возрастания и самоактуализации в Школе чести и достоинства

Современное общество и система образования, как его главный конституирующий, развивающий институт, в своем демократическом развитии в условиях правового, демократического, социально ориентированного государства должны лучше осознавать ценность личности гражданина, педагога и, главное, ученика как своего самого большого богатства. Постепенно в сознании граждан такого общества должна реально утвердиться иерархия ценностей, на вершине которой стоят не средства существования человека, то есть деньги, вещи, власть, а цель, то есть человек, личность как высшая ценность. При этом следует исходить из того, как во все времена возвышали и возвышают ценность человека и личности выдающиеся деятели культуры, науки, религии и искусства, благодаря которым собственно и прогрессирует современная цивилизация. Существует еще один институт – нормальная семья, в которой как эталон все еще возвышается ценность ребенка, ценность матери и отца, родных и близких, что образует своеобразную матрицу возвышения ценности человека, личности в прилегающих к такой семье слоях общества.

Как свидетельствуют исторические данные, а мы уже приводили не один раз в предыдущих главах многочисленные мнения известных творческих личностей и сейчас продолжим их перечень, признание ценности личностного потенциала человека всегда было присуще выдающимся художникам, творцам, мастерам культуры, в частности, духовным, интеллектуальным, научным лидерам человечества. Это касается, прежде всего, выдающихся писателей, ученых, инженеров, изобретателей XIX и XX века – А. С. Пушкина, Ф. М. Достоевского, Ч. Дарвина, И. М. Сеченова, Ф. У. Тейлора, А. Эйнштейна, Н. Бора, К. Э. Циолковского, В. И. Вернадского, П. Т. де Шардена, Г. С. Альтшуллера и многих других. В собственных научных, философских,

мемуарных трудах эти мыслители неоспоримо отдавали должное, выражали признательность собственному творческому, личностному, психологическому потенциалу как высшему богатству, благодаря которому были сделаны великие научные открытия и осуществлены фундаментальные научно-технические проекты. Именно эти и другие деятели воспринимались современниками и будут приниматься следующими поколениями как образцы чести и достоинства. Они образуют ценнейший честный и достойный слой человеческой цивилизации, выступая ключевыми факторами ее прогрессивного развития.

В этом плане можно вспомнить об изданной еще в 1928 году работе К. Э. Циолковского «Руководители человечества», в которой автором теории космонавтики были намечены... черты творчески мыслящих личностей, названных им «двигателями прогресса», ведущими цивилизацию к счастью, радости и познанию. Таких людей он считал «наиболее драгоценными» для человечества, поскольку от них зависит судьба цивилизации.

А выдающийся украинский ученый-естествоиспытатель В. И. Вернадский даже создал учение о ноосфере, т. е. сфере разума планеты Земля, согласно которому предполагается появление новой геологической эпохи – психозойской эры или эры Разума. Таким образом, психика человека, человеческая личность, как самое ценное творение природы, вселенной, была вознесена им на высшую, надземную, ноосферную высоту. Отметим, что значительно раньше на эту же небесную высоту религией был вознесен сам Бог, в облике которого сконцентрированы лучшие человеческие качества... И религия уже давно выполняет эту миссию возвышения человека, человеческой личности, опираясь на искусство – архитектуру, живопись, музыку, монументальное искусство. Именно классическое искусство, пронизанное религиозными мотивами, остается до сих пор образцом служения идее ценности человека. При этом, следует отметить, что и в современном «светском» искусстве, с его противоречивыми тенденциями, наиболее значимой для людей является та его часть, которая продолжает следовать этой миссии.

Таким образом, наука, учением В. И. Вернадского и Пьера Терьера де Шардена, вслед за религией и искусством, стремится наиболее возносит учением В. И. Вернадского и Пьера Терьера де Шардена человека, личность на космическую вершину, достойную ее подлинной ценности.

Общим для приведенных примеров (а их число можно умножить) является признание того факта, что необходимым условием творческого труда выдающихся деятелей человечества является своеобразный феномен рефлексии собственной психики как высшей ценности, умение накапливать, хранить и эффективно актуализировать эту ценность на основе высокой психологической культуры.

Следовательно, уровень развития психологической культуры личности как ключевой составляющей общей культуры человека, определяет степень овладения ею собственной психикой как условием достижения высоких результатов в своей деятельности.

Человеческие, психологические, личностные качества приобретают в наше время еще большую ценность, они еще отчетливее предстают как ведущие по отношению к другим, по сути производным от них, качествам, таким как материальные, экономические, эстетические и т. д.

Подчеркивая этот аксиологический аспект психологического развития личности, выдающийся психолог XX века Л. С. Выготский в своей культурно-исторической теории развития психики говорил именно о «высших психологических функциях» как результате и факторе филогенеза и онтогенеза человека, а появление личности связывал именно с овладением человеком своей психикой, своими высшими психологическими функциями посредством самосознания. Великий мыслитель сформулировал даже законы развития человеческой психики – социализации, опосредования и интериоризации – согласно которым это развитие не имеет пределов. А вместе с этим беспредельным является возрастание ценности личности. И это возрастание происходит отнюдь не без противоречий, которые, как показал Ф. М. Достоевский, часто приобретают драматический характер. Может быть,

именно это имел в виду ученик и последователь Л. С. Выготского, выдающийся отечественный психолог А. Н. Леонтьев, когда утверждал, что психология XXI века будет аксиологической!...

Ведь именно на высшие психические качества своих лучших представителей как реальную верховную ценность может рассчитывать человечество в решении разнообразных острых конфликтов и драматических проблем (экономических, материальных, финансовых, медицинских, экологических, в целом – проблем выживания людского рода). На это обстоятельство, как бы перекликаясь с Л. С. Выготским, указал в 70-е годы прошлого века в своей известной книге «Человеческие качества» член Римского клуба Аурелио Печчеи: «При всей той важной роли, которую играют в жизни современного общества вопросы его социальной организации, его институты, законодательство и договоры, при всей мощи созданной человеком техники, не они в конечном счете определяют судьбу человечества... Проблема в конечном итоге сводится к человеческим качествам и путям их совершенствования. Ибо только через развитие человеческих качеств и человеческих способностей можно добиться изменения всей ориентированной на материальные ценности цивилизации и использовать весь ее огромный потенциал для благих целей» [121, С. 14].

А. Печчеи неоднократно подчеркивает мысль: «...единственный путь к спасению лежит через то, что я называю человеческой революцией – через новый гуманизм, который ведет к развитию высших человеческих качеств...» [121, С. 209–210].

Собственно, на утверждение высших человеческих, личностных качеств как безусловных абсолютных ценностей человечества направлены научные поиски таких деятелей отечественной и зарубежной гуманистической философии, педагогики и психологии, как А. Маслоу, К. Роджерс, А. С. Макаренко, В. А. Сухомлинский, Ю. Козелецкий, Г. С. Костюк, И. А. Зязюн, В. Г. Кремень, С. Д. Максименко, В. А. Моляко, Н. Г. Ничкало, Г. А. Балл, И. Д. Бех и мн. др.

Однако, наиболее прагматичная часть человечества, его политическая, экономическая, финансовая, техническая и технологическая элита еще недостаточно осознает важность проблемы ценности личности и надлежащего отношения к ней как к главному источнику прогресса и процветания общества. К сожалению, следует констатировать недостаточное внимание к этой проблеме и низкую методологическую и методическую готовность к ее решению и со стороны нынешней системы образования.

В этой ситуации современная школа, которая готовит молодежь к жизни в условиях рыночной экономики и правовой демократии, встает перед принципиальным выбором: чему отдать предпочтение в исповедуемой ею философии образования, если делать выбор среди крайних вариантов понимания человека – как цели или средства, что было предложено еще И. Кантом? Как относиться к ребенку, к юному человеку – как к цели, то есть как к личности, как к субъекту своей судьбы, как к приоритетной высшей ценности, или как к средству пополнения человеческой ресурсной массы, как к средству, подчиненному достижению других прагматических целей – политических, идеологических, экономических, финансовых, общественных?

Отметим, что такой проблемы выбора не существует для церкви, в которой человек предстает как высшая божественная ценность, как образ Божий. В этом плане, подчеркнем еще раз, с церковью солидарно классическое и современное гуманистическое искусство, в центре которого находится человек, с его поисками и проблемами, который борется за свою ценность, отстаивает ее в соотношении с другими, порожденными им ценностями, отодвигающими его на второй план и в конце концов – утверждает свою гуманистическую ценность. Такова позиция прогрессивных художников и их многочисленных сторонников.

Следует обратить особое внимание на этот испытанный человечеством путь утверждения ценности человека, его чести и достоинства, которым уже тысячелетия идет религия и классического искусства. Неудивительно, что эти два института общества в своей истории и в современном своем существовании буквально пронизывают друг друга. Так, христианскую церковь, в частности,

католическую и православную, невозможно представить без изобразительного (иконы Рублева, росписи Врубелем стен храмов, картины с религиозными сюжетами Леонардо да Винчи, Рафаэля, Рубенса, Иванова, Серова и др.), музыкального (вспомним возвышающие дух церковные песнопения, органные фуги Баха, музыкальные произведения Березовского, Бортнянского, Бетховена, Шопена и других композиторов), театрального (церковные ритуалы, службы, деяния священнослужителей и др.), архитектурного (устремленные ввысь соборы, минареты, синагоги), монументального (скульптуры мифологических героев и жреческих богов Аратты, Ариана, Древней Греции, Рима, христианских, исламских, буддийских божеств и Учителей человечества) искусства. Даже современные модернистские виды искусства не могут обойтись без эстетического изображения уже давно освоенных религиозным и классическим искусством духовных, экзистенциальных проблем человека, значительно ранее поставленных в Библии и религиозных произведениях святых отцов церкви.

Если же говорить о науке, то ее направленность на человека одновременно как на цель, так и на средство свидетельствует о неоднозначности ее стремления к возвышению ценности, чести и достоинства личности. Более заметно это стремление проявляется в гуманитарных науках, в значительно меньшей степени – в естественных и технических науках.

Приведенные в нашей книге данные свидетельствуют о том, что современная педагогическая наука и школа в своем выборе между человеком-целью и человеком-средством должны отдать предпочтение первому. Может ли она откровенно заявить, что относится к ребенку не как к цели, а как к средству? Средства чего, для чего, для кого? Можем взять на себя ответственность за единственно возможный ответ – нет, поскольку это было бы откровенной дискредитацией школы и она действительно дискредитирует себя, когда реально относится к ребенку и к учителю как к средству.

Мы стоим, всем содержанием данной книги, на стороне тех учебных заведений, на фронте которых, как в некоторых американских школах, может

быть начертан обращенный к его педагогам, учащимся и родителям лозунг – «Ты – ценность!». Хотя в украинской педагогике и существует достойный значительно большего внимания мудрый призыв В. А. Сухомлинского: «Человек – высшая ценность!», однако он не стал реальной основой учебно-воспитательного процесса. Поэтому в контексте нашей книги может быть предложена еще более настойчиво обращенная к современной школе максима – «Честь и достоинство личности – превыше всего!». Компетентное соблюдение и воплощение этой максимы в повседневной работе учителей и психологов может постепенно превратить ее в школу чести и достоинства личности!

Что может быть присуще такой школе? Попробуем очертить наше психологическое видение школы чести и достоинства личности. Ею должны быть осознаны особые аксиопсихологические цели, задачи, принципы, концепция обучения и воспитания, освоены специальные аксиопедагогические и аксиопсихологические методы. Коснемся только отдельных принципиальных установок деятельности педагогических работников указанной школы чести и достоинства.

Ее целью является воспитание высококультурной, честной и достойной личности гражданина демократического, правового, человеко-центрированного (см. у В. Г. Кременя [88]) и социально-ориентированного государства. Речь идет о гражданине, готовом включиться в культурный, духовный, нравственный, эстетический, интеллектуальный, социальный, психологический, политический, экономический, научно-технический прогресс собственного народа и человечества в целом.

Школа чести и достоинства личности ставит перед собой следующие основные психолого-педагогические задачи:

– Организация воспитания и самовоспитания у учащихся качеств честной и достойной личности как субъекта познания, творчества, трудовой деятельности и общественного поведения, направленного на утверждение чести и достоинства окружающих людей, на усвоение и обогащение себя и других прежде всего

духовными ценностями Добра, Красоты, Истины – и на уважение национальных и общечеловеческих ценностей;

– Постановка обучения и самообучения учеников на принципах природо- и культуросообразности, обеспечивающих гармоническое вхождение молодежи в ценностное пространство природной среды и человеческой культуры, приобретение знаний, умений и навыков морально, эстетически и научно взвешенного использования, сохранения и приумножения природных и культурных ценностей, в центре которых стоит человек как высшая ценность, как личность чести и достоинства;

– Формирование у учащихся ценностного, нравственного, эстетического и научного отношения к своей роли в эволюционном, историческом и генеалогическом процессе, предусматривающего уважительное отношение к прошлому, настоящему и будущему, к непрерывному чередованию человеческих поколений, составляющих народ, в существовании которого ведущую роль занимает собственная семья, семьи других людей, выступающие генетической основой достоинства и чести личности;

– Создание такой ценностной общественно-образовательной среды, в которой юная личность имела бы возможность для полноценной самоактуализации своего познавательного, творческого, продуктивного, гражданского, профессионального, в целом – культурного потенциала как личности чести и достоинства – через благотворительные действия и поступки, эстетические произведения, творческие научные проекты, учебно-производительный труд.

Вся учебно-воспитательная и креативно-инновационная деятельность педагогов и учеников школы чести и достоинства базируется на определенных исходных принципиальных положениях:

– В центре внимания педагогов и учеников должна стоять личность чести и достоинства как созидатель ценностей человеческой культуры и среди них высшей ценности – личности, как своей, так и другого человека;

– В школе должны царить уважение и самоуважение к чувству чести и достоинства каждого ученика и каждого педагога, каждой семьи и всей школы;

– В основу взаимоотношений между всеми учащимися и педагогами должен быть положен кодекс чести и достоинства, в котором эти ключевые феномены личности были бы представлены всеми своими атрибутами и условиями их развития, сохранения, утверждения и использования в условиях школы и семьи;

– Из учебно-воспитательного, познавательного, творческого, общественно-профессионального и поведенчески-деятельностного процесса исключаются любые формы унижения чести и достоинства (особенно – действие аксиопадения, аксиодепрессации, аксиоцидации) личности, и, наоборот – создаются всеми возможными методами, педагогами и самими учениками, условия возвышения ценности, чести и достоинства личности (до уровня аксионормы+, аксиовосхода и аксиолерата) и одновременно осуществляются аксиопсихопрофилактические меры с целью избежания и самопреодоления негативных состояний аксиокульты – амбициозности, высокомерия, нарциссизма, комплекса «сверхчеловека», «звездной болезни», культуры личности;

– Утверждается аксиопсихологическое равенство, паритетность, эквивалентность чести и достоинства личности каждого и всех учащихся, педагогов и родителей;

– Особое внимание уделяется созданию наилучших условий обучения и воспитания, самообучения и самовоспитания – путем возвышения и удержания личности учащихся и педагогов в диапазонах аксиовосхода и аксиолерата;

– Дети и взрослые учатся защищать честь и достоинство окружающих людей и свою собственную честь и достоинство духовными средствами;

– Воспитывается чувство аксиопсихологической толерантности, терпимости к заслуженным проявлениям чести и достоинства личности у выдающихся людей;

– Учащиеся и педагоги учатся избегать излишней дифференциации неизбежно существующих личностных различий и отдавать предпочтение

интеграции людей с разным, но заслуженным аксиопсихологическим статусом, проявлениями высокой чести и достоинства личности;

– Следует отдавать предпочтение качественной положительной оценке личностного роста, возвышенности чести и достоинства ученика, перед количественной оценкой, которая может унижить ребенка, затормозить его развитие и поэтому должна применяться в исключительных случаях, как можно мягче и обязательно – после положительной оценки ученика как личности.

– Ученики и учителя совместно формируют и придерживаются общего, постоянно совершенствуемого и непрерывно согласовываемого с другими, коллективно-индивидуализированного кодекса чести и достоинства, постоянно изучают основы этики, эстетики, «теоретики» и воплощают их в моральном, художественном и научно-техническом творчестве;

– В школе функционирует социально-психологическая и индивидуально-психологическая служба, которая строит свою работу на принципах развития психологической культуры всех участников учебно-воспитательного процесса, в центре которой стоят вопросы формирования, утверждения, сохранения и защиты ценности, чести и достоинства учащихся, педагогов, родителей;

– Функционирует целостная психолого-педагогическая система всестороннего возвышения ценности личности, ее чести и достоинства, на основе усвоения, интеграции и применения личностью моральных, эстетических, научно-технических, трудовых, патриотических, интеллектуальных, этнокультурных, поликультурных, семейных, валеологических ценностей;

– Налаживается честное и достойное общение, взаимодействие между всеми членами ученического и педагогического коллективов в их равноправных, толерантных, интерактивных, трудовых, гражданских, демократических видах, таких как диалог, дебаты, кооперация, сотрудничество и т. п., при этом минимизируются те формы общения, которые могут провоцировать конфликт, войну достоинств – дискуссии, споры, полемика и т. д.

Может возникнуть вопрос, а не многовато ли чести и достоинства в описываемой школе? На наш взгляд, чести и достоинства, если она находится в

пределах аксионормы и лишь эпизодически целесообразно достигает диапазонов аксиовосхода и аксиолерата, никогда не может быть слишком много. Тем более, что существует реальная жизнь человеческого общества и популяции с его спонтанным кругооборотом различных видов и форм унижения и возвышения ценности и самооценности, чести и достоинства личности.

Следует признать, что создать общество чести и достоинства значительно сложнее, чем школу чести и достоинства. В реальной жизни, которую никогда не удастся полностью контролировать и ограничивать как свободное и независимое от всякого принуждения, всегда будет происходить спонтанное «броуновское» движение в координатах унижения-уравновешивания-возвышения. Именно аксиопсихологической устойчивости и готовности к безопасной встрече с возможными, в том числе и крайними движениями в этом общественном аксиопсихологическом пространстве и должна учить школа чести и достоинства личности.

Указанные принципиальные положения построения школы чести и достоинства личности должны быть согласованно интегрированы в систему других методологических принципов и подходов современной психологии и педагогики, такими как гуманистический, личностно ориентированный, аксиологический и т. д. А это, конечно, предусматривает проведение специальной методологической и дидактической работы по их согласования, взаимной адаптации друг к другу и т. д. Важным при этом является формирование у педагогов профессиональной, психологической, аксиопсихологической культуры, в центре которой должна стоять личность чести и достоинства – как высшая ценность.

Такой школе пригодится уже имеющийся отечественный и зарубежный опыт, представленный в педагогических системах А. С. Макаренко, Я. Корчака, В. А. Сухомлинского, Ш. А. Амонашвили, В. Ф. Шаталова, Е. Н. Ильина, И. А. Зязюна и многих других педагогов-новаторов, талантливых учителей школ нового типа, а также – опыт внедрения аксиопсихологических тенденций в

лучших образовательных системах зарубежных стран, например, Финляндии, Швеции и т. д.

Исходя из своей профессиональной компетенции, как представителя теоретической, прикладной и практической психологии, мы можем предложить собственный проект кодекса чести и достоинства практического психолога системы образования и тем самым предложить психологическому сообществу приступить к обсуждению данной проблемы и сотрудничеству в этом направлении. Вот этот проект.

Кодекс чести и достоинства личности практического психолога системы образования

1. При осуществлении любых профессиональных действий практическому психологу следует всегда помнить, что личность ребенка, родителей, педагогов является наивысшей в мире ценностью, наибольшим богатством общества и самой личности, которое должно достойно восприниматься, уважаться, утверждаться, сохраняться, наращиваться и раскрываться всеми возможными средствами – способность к этому является главным атрибутом психологической культуры педагогического работника и мегатехнологией деятельности практического психолога.

2. Каждая детская и взрослая личность имеет огромную социальную и индивидуальную ценность, которая осознается и переживается ею в феномене чести и достоинства и проявляется в каждом акте восприятия, внимания, мышления и воображения, в каждом поступке и действии и должна быть учтена, поддержана, обогащена в пользу юной и зрелой личности и всего общества как настоящее богатство.

3. Помните, что каждый ребенок и юноша имеют свою неповторимую честь и достоинство, которые генетически вырастают из чести и достоинства их родителей, семей, общин, народа, родины, человечества и выявляются, обогащаются и сосуществуют во взаимодействии с ними.

4. Практический психолог должен заботиться о чести и достоинстве школы, педагогического и ученического коллектива, каждого ученика, родителя и педагога, о собственной чести и достоинстве, своей профессиональной репутации и собственном авторитете, защищать их от посягательств со стороны кого-либо. В отношениях с детьми следует вести себя настолько достойно и честно (но без излишней амбициозности и надменности и ненужного самоуничижения), чтобы дети и взрослые воспринимали Вас с уважением, доверием, надеждой и тянулись к Вам за советом и помощью в трудные минуты жизни – в такие моменты Ваша честь и достоинство, престиж и авторитет будут определяющими факторами успешной помощи проблемной личности.

5. Зная, что честь чести верит на слово, следует держать всеми силами данное учащимся, родителям и педагогам слово, никогда не говорить неправды, лучше промолчать, если это позволяет ситуация, а само молчание не воспринимается двусмысленно.

6. Следует относиться к ценности, чести и достоинству ребенка, родителей и педагогов так же, как Вы желали бы, чтобы относились к Вашей ценности, чести и достоинству, то есть уважительно, бережно, с огромным интересом, вниманием, придавая им исключительное значение в обучении и воспитании как их необходимому условию.

7. Практический психолог должен быть активным защитником, поборником, проводником идей и дел чести и достоинства в учебном заведении, зная, что сама атмосфера признания чести и достоинства учащегося и учителя способствует успешности учебно-воспитательного процесса и формированию честной, достойной, нравственной, прекрасной, творческой, интеллектуальной личности.

8. Нельзя проходить мимо проявлений бесчестия и недостойности, быть равнодушным к любым бесчестным поступкам и недостойным действиям в школе, они должны быть осуждены и подвергнуты бойкоту, независимо от того, кем они были вызваны.

9. Следует проводить систематическое предупреждение появления ситуаций унижения, обесценивания чести и достоинства всех участников учебно-воспитательного процесса, осознавая, что именно в таких ситуациях может снижаться успешность обучения, тормозиться личностный рост, зарождаться девиантное поведение, агрессия, конфликты, суицидальные тенденции.

10. Не теряйте возможности возвышать честь и достоинство ребенка, его родителей и учителей похвалой, комплиментом, поощрением, добрым словом и жестом и т. д. Тем самым Вы повышаете веру личности в себя, способствуете разворачиванию процессов личностного саморазвития, самоактуализации нравственного, эстетического, интеллектуального, творческого потенциала ученика и педагога.

11. Значительное место в деятельности практического психолога должна занимать профилактика ростков и проявлений амбициозности, высокомерия, нарциссизма, «звездной болезни», комплекса сверхчеловека и культа личности любого из членов педагогического и ученического коллектива, что позволит заблаговременно устранить факторы унижения, обесценивания, подчинения, эксплуатации, уничтожения одной, слишком возвышенной, личностью других личностей и прекратить так называемую «войну достоинств».

12. Уважайте личность детей, родителей и педагогов и одновременно не теряйте самоуважения к себе, берегите самоуважение своих подопечных как основу их человеческого достоинства – для этого отдавайте предпочтение средствам признания, утверждения достоинства учеников, родителей и учителей, что является наилучшим ключом для включения доверия, установления атмосферы сотрудничества в развитии личности и решении ее психологических проблем.

13. Никогда не обижайте человеческое достоинство и честь несправедливой оценкой, мнением, замечанием, упреками, недостойным обзыванием, угрозой наказания, прямыми и публичными оскорблениями – лучше раз и навсегда отказаться от них.

14. Все профессиональные обязанности, психообразовательные, психодиагностические, психоразвивающие, психокоррекционные, психореабилитационные, психотерапевтические мероприятия начинайте со стартового возвышения чести и достоинства клиентов – ребенка, родителей, учителей – и возвышайте его каждый раз, когда для этого есть повод при обсуждении различных свойств и действий их личности в прошлом, настоящем и будущем. Особенного возвышения и поддержки заслуживают все успешные моменты взаимодействия между Вами и клиентом. Используйте для этого собственные, проверенные опытом формулы приветствия, похвалы, комплимента, поощрения, раппорта, позитивной эмоциональной оценки и чувственной инициации, доброй улыбки, однако зная при этом индивидуальную меру, всегда помня слова Ф. М. Достоевского о том, что похвала должна быть добродетельной, целомудренной.

15. Следует учиться умениям и навыкам целесообразного возвышения, одобрения, поощрения, поддерживающего комплиментирования, высокого экспертного оценивания успехов детей и взрослых в личностном росте и самоактуализации во всех их видах и формах – коллективных, публичных, индивидуальных, интимных, вербальных, мимических, зрительных, слуховых, жестовых, кинестетических, прикосновенных, атенционных, коммуникационных, мотивационных, характерологических, рефлексивных, компетентностных, интеллектуальных, психофизиологических и др. И – отучиться от всех противоположных указанным способам унижения и оскорбления человека во всех ситуациях повседневной жизни.

16. Честно и достойно презентуйте и применяйте свое гуманистическое мировоззрение и соответствующие профессиональные установки, взгляды, принципы, правила собственного кодекса чести и достоинства, умения и навыки, стратегии принятия решений и одновременно – принимайте и поддерживайте соответствующую достойную жизненную позицию других.

17. Никогда не забывайте, что честь и достоинство школы состоит из ученической чести и человеческого достоинства каждого школьника,

общественной чести и семейного достоинства всех родителей, профессиональной чести и личного достоинства педагогов, равно как и Вашей чести и достоинства – все это является уникальным духовным, культурным, человеческим капиталом, с которым надо честно и достойно работать.

18. Отношения чести и достоинства с учениками, их родителями и учителями предусматривают сотрудничество с ними психолога на принципах равенства, как с равными партнерами школьной жизни со своим своеобразным статусом чести и достоинства личности. Однако при этом следует не забывать, что от практического психолога ожидают особого профессионального отношения к достоинству, ценности проблемной личности, определенного, отличного от педагогического и житейского (на основе здравого смысла), достойного, научно взвешенного решения сложной психологической проблемы, которую, кроме него не может решить никто из представителей других профессий. Поэтому он должен в полной мере проявлять свой профессионализм и ответственность и утверждать свою профессиональную честь и человеческое достоинство.

19. Будьте честными, искренними перед людьми и правдивыми перед собой, избегайте двойной морали, как бы Вам ни хотелось видеть психологическую действительность и свою личность в ней лучше или хуже, чем они есть на самом деле.

20. Следует всегда беречь память о чести и достоинстве прошлых поколений, быть честным и достойным в отношении своих современников и все делать для становления и утверждения чести и достоинства будущих граждан общества.

Можно продолжить этот перечень правил кодекса чести и достоинства личности практического психолога, дополняя его специфическими моментами в соответствии с типом учебного заведения – внешкольного, дошкольного, общеобразовательного, профессионально-технического, высшего. Все это могут сделать сами практические психологи конкретного звена и уровня системы образования. Этот перечень может быть большим или меньшим по количеству

правил, включать известные максимы и советы выдающихся философов, ученых, литераторов, а также собственные, учительские, родительские и ученические мысли и пожелания и т. д. Вместе с тем, возможно предельно сократить этот перечень – к одному или нескольким выразительным девизам, которые можно представить на видных местах в психологическом кабинете, коридорах, классах, фронтоне здания школы.

Если же попытаться обобщить приведенный выше перечень правил кодекса чести и достоинства практического психолога системы образования, то мы можем сделать это в виде пяти принципиальных положений.

I. Личность клиента психологической службы, кем бы он ни был – ребенком или взрослым, учеником, отцом или учителем – является наивысшей общественной и индивидуальной ценностью, которая образуется его личностным потенциалом, способностью к творческой, продуктивной, нравственной, эстетической, в целом – духовной самоактуализации. Эта ценность заслуживает вашего особого интереса, внимания, ее следует уважать, утверждать, хранить, возвышать, раскрывать и актуализировать в условиях учебного заведения как высший ценностный приоритет – всеми доступными Вам профессиональными средствами деятельности практического психолога, демонстрируя при этом высокий уровень психологической культуры.

II. Честь и достоинство личности как феномены приоритетного осознания и переживания ею своей ценности – главный предмет деятельности практического психолога, главная цель всех его профессиональных и общественных мероприятий и действий в учебном заведении, достижению которой должны подчиняться все его методические средства – психодиагностические, образовательно-психологические, консультативно-психологические, психокоррекционные, психореабилитационные, психотерапевтические и т. д.

III. Возвышение, утверждение, сохранение, развитие и актуализацию чести и достоинства каждой юной и взрослой личности в учебном заведении следует осуществлять до такого уровня, чтобы это обеспечивало наилучшие условия для учебно-воспитательной работы ученика и учителя, включало внутренние

побудительные, ценностно-смысловые механизмы роста и самоактуализации личности, о которых известно еще со времен У. Джемса («побуждения честолюбия ученика»), а в наше время – из некоторых высказываний Б. П. Никитина: «На похвалах дети растут как на дрожжах».

IV. Практический психолог должен осторожно предупреждать и устранять факторы и проявления как чрезмерного подъема чести и достоинства личности, то есть амбициозности, высокомерия, нарциссизма, «звездной болезни», сверхчеловечности, культа личности, так и чрезмерного унижения чести и достоинства личности, например, до уровня самоуничужения, аксиодепрессии, аксиоцида, применяя все возможные аксиопсихопрофилактические средства, осознавая при этом, что указанные чрезмерные, аномальные проявления чести и достоинства могут вызвать очень сложные проблемы личности.

V. Лучшая стратегия профессиональной деятельности практического психолога в повседневной работе в учебном заведении заключается в установлении аксиопсихологического равенства, паритетности чести и достоинства между личностями учащихся, учителей и родителей – как равноправных и свободных членов педагогического и ученического коллектива школы, общины, региона, страны и мира.

Часть III.

ПСИХОДИАГНОСТИКА, КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ, ПРОФИЛАКТИКА И ПСИХОТЕРАПИЯ КЛИЕНТОВ С РАЗНЫМИ ПРОЯВЛЕНИЯМИ ЦЕННОСТИ И САМОЦЕННОСТИ, ЧЕСТИ И ДОСТОИНСТВА ЛИЧНОСТИ

3.1. Комплексное психодиагностическое изучение личности как ценности и консультативно-аксиопсихологическая интерпретация тестовых данных о ее чести и достоинстве

Эмпирическое исследование конкретной личности тесно связано с ее концептуальным структурным пониманием, которое выполняет роль методического плана психологического обследования человека как ценности. Наличие концептуальной схемы, структуры личности выдвигает принципиальные требования к построению, методическому составу и процедуре изучения личности. Они могут быть сформулированы в виде следующих принципов:

1. Принцип личностного подхода, согласно которому личность понимается, изучается и развивается как целостное структурно-психологическое образование и все действия по психодиагностике, интерпретации и составлению личностной характеристики человека осуществляется на основе психологической структуры свойств личности как ценности.

2. Принцип комплексности психологического обследования, т.е. перехода от монодиагностики к оперативной полидиагностике, охватывающей по возможности все базовые подструктуры и компоненты личности: для этого используется соответствующий структурированный комплекс методов; этому принципу в современных условиях наиболее соответствует комплексная компьютеризированная психодиагностика, дополняемая наблюдением, опросом, беседой с обследуемым и т. д.

3. Принцип системной концептуальной аксиопсихологической интерпретации массива психодиагностических данных, при которой учитываются не только все отдельные фрагменты этого массива, но и осуществляется их сопоставление между собой в контексте задач обследования, консультирования, психологической коррекции, реабилитации, психотерапии, тренинга и т. п.; в ходе такой интерпретации в первую очередь выявляются и характеризуются наиболее развитые, ценные свойства личности.

В соответствии с этими принципами, нами была разработана комплексная компьютеризированная методика психодиагностики личности, которая описывается далее. Психодиагностика личности строится в соответствии с трехмерной, поэтапно конкретизированной психологической структурой личности как ценности (эта структура приведена в первой части пособия). Нами использовались несколько вариантов комплексной компьютеризированной психодиагностики личности, которые последовательно разрабатывались с 1989-го по 1999-й год под нашим научным руководством в сотрудничестве с директором Киевского естественно-научного лицея № 145 МОН Украины Н. Н. Левтиком и заместителем директора, заведующим кабинетом информатики и вычислительной техники лицея Л. А. Федоровом. В вариант компьютерного психодиагностического комплекса КПДК-99, который применяется в последние годы в нашей работе, были включены следующие методики (см. далее на рис. 7 карту тестирования для учащейся молодежи):

1. Опросник направленности учебных и профессиональных интересов ОДАНИ (полное название – «Ориентировочно-диагностическая анкета интересов»), созданный С. Я. Карпиловской на основе модификации анкеты интересов А. Голомштока и А. Мешковской [127]. Он состоит из 30 шкал, которые сгруппированы нами в три профиля: а) гуманитарные интересы – Мгс, б) научно-технические интересы – Мнтс и в) практически-профессиональные интересы – Мппс. В карте тестирования этот метод носит название Тест-10, в котором число 10 означает порядковый номер его прохождения в последовательности из 12-ти тестов комплекса. Характеристика направленности

личности проявляется в специфике интересов (например, к физической культуре, спорту – Ф и С), а также – в степени их развития – от -100 % до +100 %).

2. Опросник направленности профессиональных интересов – тестовая таблица интересов Е. А. Климова – в КПДК-99 он носит название Тест-9 и включает в себя 31 вопрос, которые соответствуют пяти типам профессий [69]. Это профессии «Человек-Знак» (Зн.), «Человек-Человек» (Чел.), «Человек-Художественный образ» (Худ.), «Человек-Природа» (Пр.), «Человек-Техника» (Тех.) [79]. В тесте 9 уровень проявления интересов также изменяется в диапазоне от -100 % до +100 %.

3. Личностный опросник для молодежи С. Е. Айзенк JEP1 – Тест 3д, с помощью которого получают данные о таких чертах характера личности, как экстравертированность (интравертированность), эмоциональная стабильность (нейротизм), склонность к правде (лжи) у детей и подростков в возрасте от 7 до 15 и более лет. Тест содержит 56 вопросов, из которых 22 направлены на выявление экстравертированности (или интравертированности), еще 22 – эмоциональной устойчивости (или нейротизма), а с помощью 12 вопросов определяется тенденция давать правдивые (или ложные) ответы, то есть показывать себя несколько с лучшей стороны, чем это есть на самом деле. Работа с опросником не требует много времени (8–10 минут), не вызывает у учащихся трудностей [104]. Заметим, что такую черту характера, как «экстравертированность» мы интерпретируем и как склонность к общению, общительность, а «интравертированность» – к замкнутости, некоммуникативности, то есть эти черты характера относятся также к подструктуре общения личности. Интенсивность проявления этих черт изменяется от 0 % до 100 %.

4. Модифицированный опросник для идентификации типов акцентуаций характера у подростков Тест-1, предложенный С. И. Подмазиним [124] как модификация теста А. Е. Личко, предусматривающего выявление таких типов его акцентуации, как гипертимный (Г), циклоидный (Ц), лабильный (Л), астено-невротический (А-Н), сензитивный (С), тревожно-педантичный (Т-П),

интравертированный (И), возбудимый (В), демонстративный (Д), неустойчивый (Н). Этот тест позволяет выявить патопсихологические тенденции, которые находятся на грани между нормой и патологией в подструктуре характера личности. Конечно, психодинамика гипертимной, возбудимой, демонстративной акцентуаций выше, чем астено-невротической, интравертированной и неустойчивой, особенно в случаях, когда превышает порог (см. далее в карте тестирования для теста 1 число баллов рядом с буквой).

5. Для презентации уровня учебного опыта школьника или студента в карту тестирования включена таблица учебных оценок за последнюю четверть или семестр по основным дисциплинам по 12-балльной системе оценивания.

6. Следующие шесть тестов касаются определения уровня развития интеллекта по шести видам интеллектуальных способностей – пять тестов взяты из батареи южнокалифорнийских тестов на дифференцированную проверку интеллекта ДАТ, а один – из батареи по определению структуры интеллекта Р. Амтхауэра [24].

Так, под названием Тест-7 (Т7) в КПДК-99 включен субтест на проверку способности к пониманию речевых связей, взятый из батареи ДАТ. В комплекс была привлечена половина этого субтеста – как и других субтестов батареи ДАТ – для того, чтобы приблизить продолжительность его предъявления и объем (30 минут и 50 задач – полный состав) к продолжительности работы и объему субтеста на выявление способности к абстрактному мышлению на числовом материале (10 минут и 20 заданий) из батареи Р.Амтхауэра. Такое сокращение объема пяти субтестов батареи ДАТ не сказывается на точности тестирования, но дает возможность существенно снизить затраты времени и сил учащихся при работе со всем психодиагностическим комплексом из 12 методик (общая продолжительность тестирования достигает 3–4 часов). Тест-7 в сокращенном виде (15 минут и 25 заданий) позволяет выявлять способность к логическому мышлению на речевом материале (в этом тесте нужно определить пары слов, заполнение которыми пустых мест в предложениях придает им определенный смысл.)

7. Субтест Тест-6 (Т-6) на проверку способности к абстрактному мышлению в процессе поиска закономерностей в числовых рядах (10 минут на 20 заданий) из батареи тестов структуры интеллекта Р. Амтхауэра – IST, адаптированного в Киевском государственном университете им. Т. Г. Шевченко Л. И. Марисовой.

Данный субтест включен в комплекс с целью дополнения группы интеллектуальных субтестов из батареи ДАТ. С его помощью появляется возможность сгруппировать шесть субтестов в две подгруппы, которые позволяют выявлять два когнитивных стиля личности – аналитический (более социализированный, связанный преимущественно с абстрактными, понятийными, мыслительными операциями) и синтетический (более индивидуализированный, связанный с конкретными, образными, имагинативными операциями).

Благодаря этому появляется возможность вычислять относительную оценку развития того или иного когнитивного стиля в виде коэффициентов E_a и E_c , которые определяются как сумма баллов, полученных при проведении двух групп интеллектуальных тестов Т7-Т6-Т4 и Т12-Т8-Т11. Дополнительно рассчитывается суммарный балл E по всем шести тестам. Максимально возможные баллы по тестам такие: $E_a = 65$ (25 +20 +20), $E_c = 89$ (30 +25 +34), $E = 154$ (65+89). Для сравнения двух стилей одновременно подсчитываются проценты правильно решенных тестовых заданий, в сопоставлении с максимально возможными. Поскольку все тесты стандартизованы, то в некоторых случаях возможен перевод процентных оценок в коэффициенты интеллектуальности – как точно, по специальным таблицам, так и приблизительно – увеличивая вдвое имеющиеся процентные оценки.

8. Субтест Т8 на проверку способности к абстрактному мышлению на материале поиска закономерностей в геометрических рядах взят из батареи ДАТ (25 задач за 12,5 минут) [24].

9. Субтест Т4 на проверку математических способностей из батареи ДАТ состоит из 20 заданий на выполнение в течение 15 минут арифметических и

других математических действий, требующих не столько определенных знаний, умений, навыков, сколько сообразительности, находчивости [24].

10. Субтест T11 на проверку способности к пониманию механических связей – из батареи ДАТ. Он включает в себя 34 разнообразных физических, механических задач, решение которых (в течение 15 минут) требует определенного уровня технического мышления с развитыми образными, понятийными, практическими элементами [24].

11. Субтест на проверку способности к пространственному воображению из батареи ДАТ T12 [24], суть которого заключается в том, чтобы по раскрытой в плоскости фигуре найти соответствующую ей объемную фигуру среди нескольких предложенных. После уменьшения объема теста вдвое его продолжительность равна 12,5 минутам, а количество заданий – 30.

12. Опросник структуры темперамента В. М. Русалова T5д, который предназначен для выявления таких психологических свойств типа темперамента (фактически же, по опыту его одновременного использования вместе с объективным методом определения типа темперамента по Б. И. Цуканову – черт характера) личности, как социальная и предметная ергичность (работоспособность сенсорных систем), социальная и предметная пластичность (способность к гибкому изменению программ деятельности и поведения), социальный и предметный темп (усердие в выполнении дел), социальная и предметная эмоциональность (как показатель обратной связи при достижении результата деятельности, его закрепления). Предусмотрена также шкала лжи. Опросник включает в себя 105 вопросов.

13. Экспериментальная методика для объективного определения типа темперамента (хронометрические проба), предложенная Б. И. Цукановым – Тест 2 [142; 181; 183]. В таблицу этого теста в карте тестирования заносятся тау-тип (показатель типа темперамента), σ – среднее квадратическое отклонение (точность измерения) и K_v – коэффициент вариации (т.е. σ в процентах по отношению к тау-типу). Этот метод приводится далее в разделе, посвященном теории Б. И. Цуканова.

Процедурой компьютерного тестирования предусмотрено применение психогигиенических пауз, чтобы предотвратить преждевременную усталость, снижение работоспособности подростков и юношей (КПДК может использоваться для психодиагностики испытуемых в возрасте от 10 до 30 и более лет). Такие профилактические перерывы делаются через каждые три теста, то есть после 3, 6, 9 и 12-го тестов и имеют продолжительность 4–7 минут (при необходимости можно продолжить перерыв или перенести тестирование на следующий день). Паузы предусматривают активный отдых и включают в себя некоторые физические упражнения для мышц глаз и тела, которые выполняются как самостоятельно, так и при помощи практического психолога, присутствующего на тестировании.

В начале тестирования на экране монитора компьютера поочередно предъявляются инструкция к каждому тесту, контрольные задания и вопросы. В конце каждого теста компьютером автоматически подсчитываются и представляются на экране результаты проверки, которые следует записать в соответствующую таблицу бланка карты тестирования (см. далее). Точность записи результатов тестирования в карту контролируется дежурным психологом.

После тестирования компьютер знакомит клиента с предварительными результатами анализа тестовых данных и формулирует некоторые рекомендации, в частности, относительно профессионального самоопределения личности. В случае необходимости компьютер может предложить ученику и его родителям обратиться к психологу-консультанту.

Кроме компьютеризированного, может быть использован и бланковый вариант психодиагностического комплекса, который целесообразно комплектовать из: а) теста коммуникативных и организационных склонностей КОС-1 Б. А. Федоришина и В. В. Синявского [127]; б) опросника интересов ОДАНИ в модификации С. Я. Карпиловской [127]; в) тестовой таблицы Е. А. Климова [79]; г) личностного опросника С. Е. Айзенк [104]; д) теста Г. Айзенка [5] на определение интеллектуальных способностей, е) модифицированного опросника для идентификации типов акцентуации

характера у подростков, модифицированного С. И. Подмазиным [124] и обязательно – ж) объективного метода определения типа темперамента по Б. И. Цуканову [142; 183]. Именно использование этого метода и, в целом, теории темперамента Б.И.Цуканова, в контексте предложенной нами культурно-психологической концепции личности и ее центральной составляющей – трехмерной, поэтапно конкретизированной психологической структуры личности, позволило, при сопоставлении психодиагностических данных по определенной процедуре, выйти на специфический тип психологических проблем личности, связанных с ее психодинамической неконгруэнтностью [139].

В целом, данный компьютеризированный психодиагностический комплекс предоставляет возможность работникам психологической службы осуществлять целый ряд мероприятий:

а) выявлять в первую очередь среди примерно 100 тестируемых параметров и предъявлять клиенту уже на начальном этапе интерпретации психодиагностических данных наиболее развитые у него и ценнейшие свойства его личности; таким образом осуществляется стартовая аксиологизация личности клиента, поддержка его чести и достоинства в референтном окружении, что способствует установлению доверительных отношений между ним и консультантом и в конце концов – лучшему решению проблемы, если она есть;

б) проводить вступительное тестирование, консультирование и отбор абитуриентов при зачислении в школу нового типа на основе выявления их «вершинных» способностей. При поступлении в Киевский естественно-научный лицей № 145 эти данные использовались для определения личностных возможностей учащихся к адаптации и овладению интенсивным профильным обучением. В Киевской гимназии № 178 массив психодиагностических данных использовался для проведения психолого-педагогического консилиума с целью получения психологической характеристики личности старшеклассников;

в) использовать комплекс при проведении психологического отбора кандидатов юного и молодого возраста на определенные профессии, в частности, воспитателей детских садов и т. п.;

г) осуществлять работу по оценке личностной исключительности, способностей, одаренности старшеклассников, что важно для их жизненного и профессионального самоопределения, самоактуализации и дальнейшего развития у них качеств творческой личности, например, при выполнении так называемых личностных творческих проектов, индивидуальных программ становления творческой личности [137];

д) выделять в ходе интерпретации тестовых данных наиболее развитые качества личности ученика, которые выступают для него, его родителей и учителей свидетельством наличия способностей, одаренностей, перспектив и явно характеризуют его ценность для него самого и для его окружения. В таком случае происходит так называемое аксиопсиходиагностическое возвышение личности ученика, утверждение его чести и достоинства. Возможность для такого возвышения предоставляет сама комплексная психодиагностика, в структуру которой входит около 100 показателей, среди которых всегда можно выделить высшие и лучшие проявления свойств личности, на которые следует обращать первоочередное внимание ученика и его родителей в ходе интерпретации тестовых данных в условиях консультирования. Такое возвышение способствует установлению доверия к консультанту со стороны клиента, возносит последнего на личностный, более успешный уровень взаимодействия между ними при решении проблемы.

д) выявлять явление патогенной психодинамической неконгруентности как фактора появления целого ряда личностных проблем, психосоматических отклонений и болезней, что стало основой для разработки авторской технологии консультирования, о которой говорится дальше.

е) проводить психологические консультации учащейся молодежи – с целью ее личностного, жизненного и профессионального самоопределения.

Фамилия, имя Д.М. СШ № 143 класс 8-В
 Область _____ Район _____ Город Киев
 Дата рождения (число, месяц, год) 24.08.1990 г.
 Дата тестирования (число, месяц, год) 23.04.2004 г.

Тест 10. (А.Голомшток, А.Мешковская, С.Карпиловская) Тест 9. (Е.Климов)

ВиС	Ист	Лит	Жур	Суд	Пед	ЮрП	СОТ	Иня	СцМ	Мгс		Зн	Чел			
33	-8	0	8	-16	8	8	-8	-25	33	3.30		30	-37			
Био	Ггф	Глг	Физ	Хим	Тех	ЭРТ	Мат	Экн	ИВТ	Мнтс	МЕС		Худ	Пр	Тех	
-16	-8	-16	41	-16	33	25	58	-16	25	11.00	6.40		62	-57	50	
Мед	ЛХП	Мет	Дер	СТР	Трт	АвМ	Обр	Муз	ФиС	Мппс						
-25	-8	-8	0	33	0	16	41	0	0	4.90						

Тест 3д. (С.Айзенк) Тест 1. (А.Личко-С.Подмазин)

Екс	Инт	Эмс	Эмл	К	Г-10	С-8	Т-п-9	В-9	Д-9	М-8,9						
77%	23%	36%	64%	25%	11	7	3	4	9	6,3						
Ц-8	Л-9	А-Н-8	И-9	Н-10	К-4											
4	5	7	6	7	6											

Оценки по учебным дисциплинам за последнюю четверть или семестр (академический опыт)

УкрЯ	УкрЛ	РусЯ	РусЛ	Ист	Геог	ИноЯ	Мсо									
10	9	9	9	10	10	7	xx									
Алге	Геом	Физи	Хими	Биол	Инфо	Физк	Мпо	Мср								
11	11	10	9	9	11	10	xx	xx								

Инт. сп.

А	Т7	20	80%	Т6	15	75%	Т4	16	80%
С	Т12	25	83%	Т8	21	84%	Т11	24	71%
Еа	51	78%							
Ес	70	79%	Е	121	79%				

Тест 5д. (В.Русалов) Тест 2. (В.Цуканов)

СЭр	СПл	СТ	СЭм		t	б	Kv			
67	58	67	33		0,69	0,04	5,76			
Эр	Пл	Т	Эм	К						
25	67	83	8	22						

Рис. 7. КАРТА ТЕСТИРОВАНИЯ.

Применение этого психодиагностического комплекса оказалось настолько продуктивным, что мы временно отказались от создания новых комплексов, которые бы полнее и конкретнее охватывали подструктуры и компоненты личности. Последнее образует дальнейшую перспективу работы в этом важном направлении разработки средств личностно ориентированной психодиагностики.

3.2. Опросник для ориентировочного определения проявлений чести и достоинства в поведении и деятельности личности

Для практических психологов и социальных работников важно иметь психодиагностические средства для непосредственного определения проявлений чести и достоинства конкретной личности. К сожалению, в современной психодиагностике пока отсутствуют подобные методики. Поэтому мы предприняли попытку разработки опросника для ориентировочного определения проявлений чести и достоинства личности – через самооценку самим субъектом наличия этих проявлений в его деятельности и поведении. На данном, начальном, этапе работы речь идет именно об ориентировочном определении, о приобретении начального опыта такой психодиагностической работы, на базе чего в дальнейшем может быть разработан полноценный тест.

Итак, мы представляем сейчас фактически первоначальный проект такого теста. В его основу положены высказанные в предыдущих разделах теоретические и методологические взгляды на феномены чести и достоинства – им как раз и отвечают представленные в пунктах опросника качества личности. Этот перечень проявлений чести и достоинства личности не является исчерпывающим, хотя и достигает количества 40 свойств.

Вопросы данной ориентировочной анкеты объединены в пять групп – в соответствии с нашим представлением о компонентном составе деятельности, что зафиксировано в деятельностном измерении трехмерной, поэтапно

конкретизированной психологической структуры личности. Речь идет о потребностно-мотивационном, информационно-познавательном, целеформирующем, операционно-результативном и эмоционально-чувственном компонентах деятельности [138; 145]. Вместе с тем, вопросы анкеты приводятся в порядке поочередной принадлежности либо к проявлениям чести (нечетные номера), либо к проявлениям достоинства (четные номера). Напомним, что мы понимаем честь и достоинство как феномены сознания, то есть мотивирования, информирования, целеполагания, продуцирования и эмоционально-чувственного переживания субъектом своей социально-психологической и индивидуально-психологической ценности – при различении «Я» от «не Я». Поэтому, в перечни характеристик чести и достоинства включено по 20 вопросов.

Для самооценки клиентом проявлений чести и достоинства своей личности используется полярная пятибалльная шкала отрицательных и положительных оценок, что дает возможность субъекту определять степень негативного (-5, -4, -3, -2, -1), индифферентного (0) или положительного (1, 2, 3, 4, 5) отношения к наличию в его поведении и деятельности соответствующего проявления запрашиваемого качества личности. Опросник рассчитан на юношеский, молодой и взрослый возраст обследуемых.

Работа с опросником не ограничивается во времени, но предварительный опыт показывает, что на его проведение достаточно от 20 до 30 минут. В начале опроса испытуемые знакомятся с нижеследующей инструкцией.

Опросник проявлений чести и достоинства личности

Инструкция: Внимательно прочитайте каждый вопрос и ответьте на него, подчеркивая тот балл в полярной пятибалльной шкале, который точнее всего характеризует, по Вашему мнению, степень проявления указанного в вопросе свойства в деятельности и поведении Вашей личности. Если это качество присутствует у Вас, то следует подчеркнуть, оценивая степень ее проявления, соответствующий балл в правой половине шкалы (1, 2, 3, 4, 5 – чем выразительнее такое проявление, тем выше балл), если же это качество

выражается нейтрально или Вы ничего не можете сказать о его проявлении – то поставьте 0. Если же у Вас имеется в наличии противоположное указанному в пункте опросника качество или Вы негативно относитесь к этому указанному качеству, то подчеркните соответствующий балл в левой части шкалы (-5 -4 -3 -2 -1 – чем выразительнее такое проявление, тем ниже балл). Если Вы хотите дать, в дополнение к количественной оценке, еще и словесный ответ, то вкратце запишите его слева или справа от строки балла.

1. Нуждаетесь ли Вы в уважении к себе со стороны других людей, в признании своей ценности обществом и насколько?

_____ -5 -4 -3 -2 -1 0 1 2 3 4 5 _____

2. Насколько Вам необходимо самоуважение к своей личности, осознание своей самоценности.

_____ -5 -4 -3 -2 -1 0 1 2 3 4 5 _____

3. Необходимо ли Вам признание, одобрение людьми своего общественного значения, своих трудовых или иных заслуг перед обществом, государством в виде каких-либо наград или поощрений?

_____ -5 -4 -3 -2 -1 0 1 2 3 4 5 _____

4. Насколько Вам нужна вера, убежденность в собственной значимости для себя, членов семьи, ближайших родственников и близких?

_____ -5 -4 -3 -2 -1 0 1 2 3 4 5 _____

5. Важно ли для Вас и насколько мнение людей, их отношение к Вам как к человеку чести, имеющему определенную репутацию и престиж в обществе?

_____ -5 -4 -3 -2 -1 0 1 2 3 4 5 _____

6. Насколько значимо для Вас позитивное самоотношение к себе как к достойному человеку и возвышенное переживание своего достоинства?

_____ -5 -4 -3 -2 -1 0 1 2 3 4 5 _____

7. Является ли весомым для Вас общественное внимание, чествование людьми каким-либо образом положительных результатов Вашего гражданского поведения и трудовой деятельности?

_____ -5 -4 -3 -2 -1 0 1 2 3 4 5 _____

8. Присуща ли Вам гордость за себя как за человека, имеющего благородное происхождение, достойных предков, родственников и благодаря этому - имеющего неоспоримое достоинство?

_____ -5 -4 -3 -2 -1 0 1 2 3 4 5 _____

9. Насколько честными в отношениях с людьми Вы считаете себя?

_____ -5 -4 -3 -2 -1 0 1 2 3 4 5 _____

10. Свойственна ли Вам и насколько такая черта личности, как правдивость перед самим собой?

_____ -5 -4 -3 -2 -1 0 1 2 3 4 5 _____

11. Согласны ли Вы с утверждением окружающих, что Вам присущи черты нравственного, порядочного, честного человека?

_____ -5 -4 -3 -2 -1 0 1 2 3 4 5 _____

12. Правильно ли и насколько мнение окружающих о Вас как о добросовестном человеке?

_____ -5 -4 -3 -2 -1 0 1 2 3 4 5 _____

13. Признают ли Вас другие человеком чести и насколько?

_____ -5 -4 -3 -2 -1 0 1 2 3 4 5 _____

14. Осознаете ли Вы себя достойным человеком?

_____ -5 -4 -3 -2 -1 0 1 2 3 4 5 _____

15. Считают ли Вас другие высокомерным, надменным человеком и насколько?

_____ -5 -4 -3 -2 -1 0 1 2 3 4 5 _____

16. Чувствуете ли Вы себя гордым, амбициозным человеком?

_____ -5 -4 -3 -2 -1 0 1 2 3 4 5 _____

17. Присуще ли Вам стремление к цели утверждения творческими достижениями и благотворительными поступками своей общественной и профессиональной репутации и престижа среди коллег, знакомых, друзей?

_____ -5 -4 -3 -2 -1 0 1 2 3 4 5 _____

18. Стремитесь ли Вы к цели поддержания своего авторитета в семье, среди родственников, в своих собственных глазах благородными поступками и действиями?

_____ -5 -4 -3 -2 -1 0 1 2 3 4 5 _____

19. Есть ли у Вас устойчивые намерения всегда выполнять свои обязательства перед людьми, контролировать их выполнение?

_____ -5 -4 -3 -2 -1 0 1 2 3 4 5 _____

20. Присуще ли Вам сознательное намерение сохранять неприкосновенным собственное достоинство, осуществлять самоконтроль, быть достаточно самоуверенным в трудных, экстремальных ситуациях?

_____ -5 -4 -3 -2 -1 0 1 2 3 4 5 _____

21. Стремитесь ли Вы к славе и наградам?

_____ -5 -4 -3 -2 -1 0 1 2 3 4 5 _____

22. Пытаетесь ли Вы иметь устойчивый статус достойного человека, неоспоримое достоинство?

_____ -5 -4 -3 -2 -1 0 1 2 3 4 5 _____

23. Стремитесь ли Вы всегда следовать нравственным нормам общества, принципам кодекса чести в своих рассуждениях, целях и планах?

_____ -5 -4 -3 -2 -1 0 1 2 3 4 5 _____

24. Пытаетесь ли Вы всегда быть требовательным к себе при формировании целей, задач, планов, проектов жизни и т. п.?

_____ -5 -4 -3 -2 -1 0 1 2 3 4 5 _____

25. Способны ли Вы публично защитить честь другого человека и свою честь от посягательств и клеветы со стороны кого-либо?

_____ -5 -4 -3 -2 -1 0 1 2 3 4 5 _____

26. Способны ли Вы отстаивать свое достоинство, благородство с помощью достойных действий и поступков в отношениях с родными и близкими?

_____ -5 -4 -3 -2 -1 0 1 2 3 4 5 _____

27. Имеете ли Вы собственный кодекс чести в качестве основы своей репутации и престижа среди коллег и знакомых и придерживаетесь ли его правил в своем общественном поведении и профессиональной деятельности?

_____ -5 -4 -3 -2 -1 0 1 2 3 4 5 _____

28. Беспокоят ли Вас муки совести за совершенные недостойные поступки и действия и в какой степени?

_____ -5 -4 -3 -2 -1 0 1 2 3 4 5 _____

29. Как правило, Вы возвышаете, утверждаете честь других людей?

_____ -5 -4 -3 -2 -1 0 1 2 3 4 5 _____

30. Обычно ли то, что другие люди возвышают, отстаивают Ваше достоинство?

_____ -5 -4 -3 -2 -1 0 1 2 3 4 5 _____

31. Подчеркиваете ли Вы свою честь с помощью особой интонации голоса, выражения лица, осанки, манер, социального стиля общественного поведения или каких-либо приемов профессиональной деятельности и т. д. ?

_____ -5 -4 -3 -2 -1 0 1 2 3 4 5 _____

32. Выражаете ли Вы собственное достоинство в определенных особенностях интонации, взгляда, прикосновений, индивидуального стиля поведения и деятельности?

_____ -5 -4 -3 -2 -1 0 1 2 3 4 5 _____

33. Как часто Вы переживаете чрезмерно возвышенное чувство чести, честолюбие?

_____ -5 -4 -3 -2 -1 0 1 2 3 4 5 _____

34. Переживаете ли Вы в данный момент слишком возвышенное чувство собственного достоинства, самолюбия?

_____ -5 -4 -3 -2 -1 0 1 2 3 4 5 _____

35. Является ли обычно Ваше чувство чести слишком униженным?

_____ -5 -4 -3 -2 -1 0 1 2 3 4 5 _____

36. Бывает ли Ваше чувство собственного достоинства чересчур униженным?

_____ -5 -4 -3 -2 -1 0 1 2 3 4 5 _____

37. Уравновешены ли проявления Вашей чести с честью других людей в реальных межличностных отношениях?

_____ -5 -4 -3 -2 -1 0 1 2 3 4 5 _____

38. Чувствуете ли Вы во взаимоотношениях с людьми равенство в проявлениях собственного достоинства с достоинством других?

_____ -5 -4 -3 -2 -1 0 1 2 3 4 5 _____

39. Способны ли Вы самостоятельно справиться с чувством своей чрезмерно возвышенной чести (в виде тщеславия, амбициозности, нарциссизма, комплекса «сверхчеловечности», «звездной болезни», культа собственной личности) или, наоборот, чрезмерно униженной чести (в виде уничижения, пренебрежения, презрения, уничтожения)?

_____ -5 -4 -3 -2 -1 0 1 2 3 4 5 _____

40. В состоянии ли Вы лично преодолеть свое чрезмерно возвышенное достоинство, чрезмерное самолюбие, ложное благородство, высокомерие, гордыню или, наоборот, чрезмерно униженное чувство собственного достоинства?

_____ -5 -4 -3 -2 -1 0 1 2 3 4 5 _____

Ответы опрошенных заносятся в специальный бланк, который приведен в таблице 4.

**Бланк сводных ответов и шкалы оценок поведенческих и
деятельностных проявлений чести и достоинства личности**

Честь			Достоинство			Компонентно- деятельностные проявления чести и достоинства личности	
№п/ п	Баллы	Короткий словесный ответ	№ п/п	Баллы	Короткий словесный ответ		
			2			А-потребностно- мотивационные проявления (средние баллы)	
3			4				
5			6				
7			8				
9			10			Б-информационно- познавательные проявления (средние баллы)	
11			12				
13			14				
15			16				
17			18			В – целевые проявления (средние баллы)	
19			20				
21			22				
23			24				
25			26			Г – инструментально- продуктивные проявления (средние баллы)	
27			28				
29			30				

							СТВО
31			32				
33			34			Д – эмоционально-чувственные проявления (средние баллы)	
35			36				
37			38			честь	достоинство
39			40				
N=20 ... – средний балл			N=20 ... – средний балл				

При интерпретации результатов самооценки опрашиваемыми проявлений собственной чести и достоинства следует отдавать предпочтение качественному анализу перед количественным. Можно также подсчитать средние оценки по каждой из шкал, сравнивая между собой как отдельные оценки проявлений каждого единичного свойства, так и их группы по 2, по 8, по 16, по 24, по 32 и по 40 свойств. При этом следует выявлять не столько абсолютно точные данные, сколько тенденции проявления чести и достоинства в поведении и деятельности субъекта. Важным является постепенное приобретение исследовательского опыта использования этого ориентировочного вопросника, учитывая перспективы его доработки, корректировки, доформулирования каждого вопроса, дополнения анкеты новыми вопросами.

Для ориентировочной количественной интерпретации полученных оценок следует сопоставить их с диапазонами возвышения-понижения ценности личности, ее чести и достоинства, приведенными на рисунке 8.

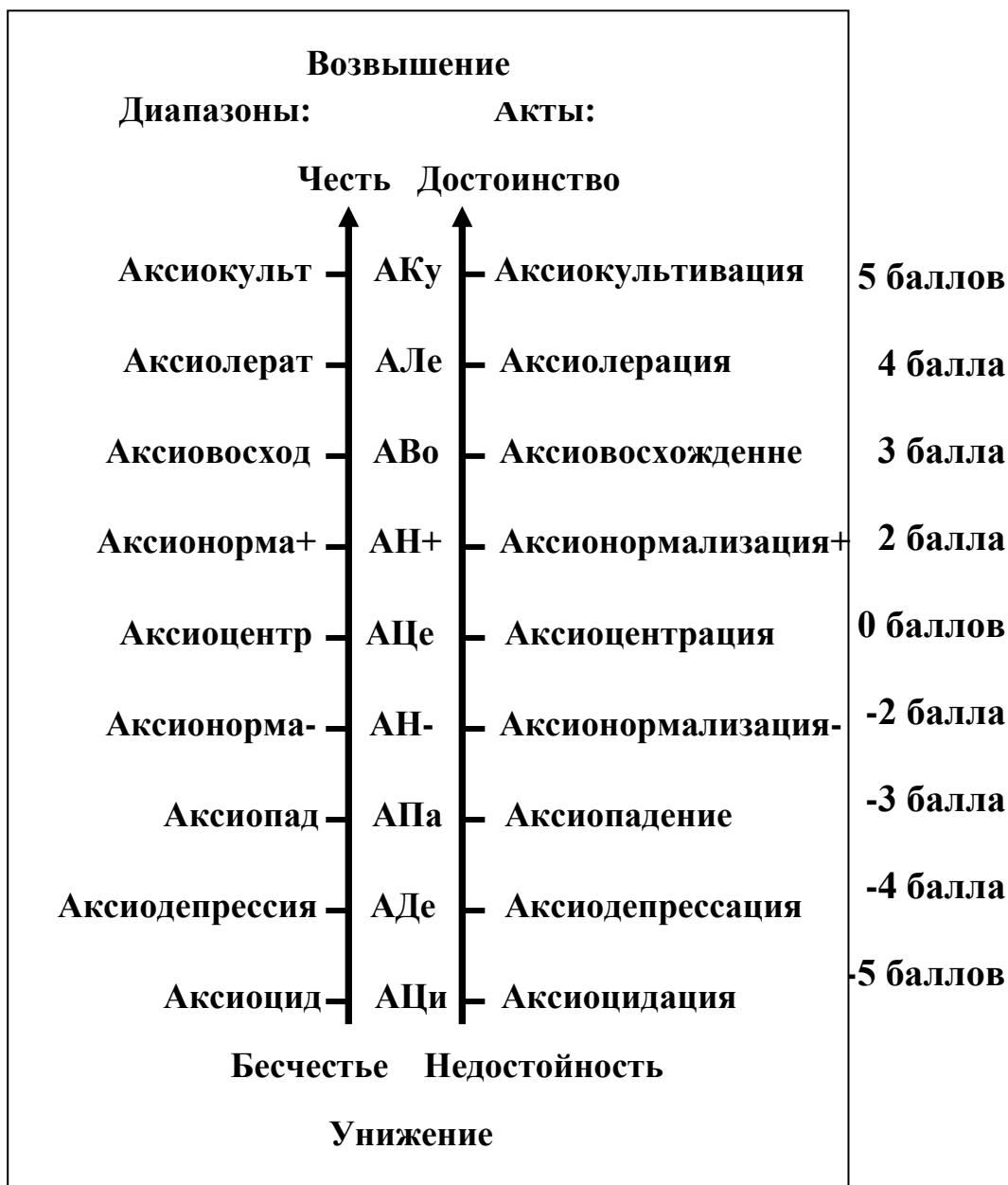

Рис. 8. Схема сопоставления количественных оценок с диапазонами возвышения-унижения ценности личности, ее чести и достоинства

Автор провел начальную апробацию данного опросника и, в целом, получил подтверждение правильности построения выбранной схемы и принципов интерпретации данных. Дальнейшее совершенствование опросника может происходить в ходе поиска путей его использования как концептуально-методической основы определения индивидуального профиля чести и достоинства личности – в процессе его параллельного применения совместно с

планомерным (по структуре анкеты как по плану) наблюдением за соответствующими проявлениями в поведении и деятельности респондентов. На основе полученных в ходе опроса и наблюдения данных могут проводиться уточняющие консультативные беседы с обследуемыми.

Следует подчеркнуть еще раз предварительный характер предложенного автором ориентировочного опросника по определению проявлений чести и достоинства личности. Мы надеемся на то, что накапливаемый собственный опыт его использования и возможный опыт заинтересовавшихся им читателей позволят со временем получить более валидный, надежный и точный способ психодиагностики феноменов чести и достоинства личности.

В этих же целях целесообразно использовать существующие психодиагностические методы, выявляя их косвенные возможности в получении аксиопсихологической характеристики личности. К ним относятся прежде всего методы определения типа темперамента, которые в значительной мере характеризуют психофизиологический, психодинамический фундамент личности, те задатки, на основе которых формируются личностные новообразования, выступающие естественной основой достоинства и чести человека. Мы имеем в виду прежде всего такие психодинамические задатки становления соответствующих личностных свойств, как сила и слабость нервной системы, их доминирование или уравновешенность, подвижность и медлительность, эмоциональная стабильность или нейротизм, которые могут определять в конечном счете те или иные проявления чести и достоинства в поведении и деятельности личности.

Эти общие рассуждения неожиданно нашли свое конкретное подтверждение в нашем опыте использования современных методов диагностики темперамента, к которым относится объективный метод определения типа темперамента по Б. И. Цуканову. Автор пособия имел уникальную возможность наблюдать почти с самого начала, на протяжении почти двадцати лет, процесс создания оригинальной концепции темперамента и метода его определения одесским психологом Б. И. Цукановым, использовать

его теоретические и экспериментальные разработки при непосредственной консультативной помощи со стороны профессора, создать со своими коллегами в Киеве один из первых компьютеризированных вариантов этого метода и, наконец, – получить во многом поучительный опыт его применения в собственной теоретической и практической психологической деятельности. Поэтому считаем необходимым представить в следующем разделе краткий очерк теории времени в психике индивида, в контексте которой и разработаны указанные концепция и метод. Этот очерк получил положительную оценку самого профессора Б.И.Цуканова еще при его жизни и может рассматриваться как своеобразный памятник талантливому ученому.

3.3. Концепция времени в психике индивида и объективная методика Б.И.Цуканова по определению типа темперамента как совокупности психодинамических задатков развития свойств личности, ее чести и достоинства

3.3.1. Открытие собственной единицы переживания времени – « τ -типа» – как ключевого параметра временной организации психики индивида и личности

Опираясь на анализ и обобщение полученных в мировой и отечественной психологии времени данных, профессор Одесского национального университета им. И. И. Мечникова Б. И. Цуканов (18.X.1946 г. – 25.XII.2007 г.) разработал, в ходе осуществляемых им в течение двадцати лет оригинальных теоретических и экспериментальных исследований, дифференцированную картину временной организации психики индивида и личности, которая включает в себя:

– Собственную единицу переживания времени – τ -тип – как исходную в определении целостной структуры типов темперамента;

– Типологически (темпераментально) обусловленную организацию задатков и психологических свойств индивида и личности;

- Соответствующие типу темперамента психогенетические диспозиции рождения и психического развития индивидов в системе «родители-дети»;
- Закон циклоидного изменения динамики жизнедеятельности и временной периодизации развития индивида и личности;
- Закономерности влияния временных, типологических характеристик психики на усвоение и осуществление различных видов деятельности и поведения человека;
- Патопсихосоматические проявления временных типологических характеристик индивида;
- Технологии психологического сопровождения и терапии личности с типологически обусловленными отклонениями в здоровье и т. д.

Фактически, впервые в мировой психологии индивид и личность были научно обоснованно представлены в аспекте своей целостной временной организации, а само время – в аспекте своей личностной ценности.

Учитывая то обстоятельство, что личность реально существует в пространстве и времени, все ее характеристики, в том числе культурно-психологические и аксиопсихологические, должны быть рассмотрены в контексте указанных философских категорий. И наоборот, пространственно-временные атрибуты личности должны быть представлены в культурно-психологическом и аксиопсихологическом плане.

Начав свои экспериментальные исследования в области психологии восприятия времени под руководством классика отечественной психологии профессора Д. Г. Элькина, Б. И. Цуканов постепенно и целенаправленно погружался в сложную проблематику психологии времени, в его проблемы и парадоксы, гипотезы и идеи. Физик по образованию, психолог по призванию, он имел возможность критически оценить естественно-научные и философские взгляды на сущность времени и сформулировать собственную оригинальную позицию в этом вопросе: «Проблема физического времени неразрывно связана с познающим субъектом, ибо объяснение течения времени, его направления и необратимости следует искать в свойствах человеческой души, разума, сознания, о чем говорили Августин, Декарт, Лейбниц, Кант, Бергсон. Не является ли этот

вывод столь неожиданным для здравого смысла? Вовсе нет, если подойти к субъекту-наблюдателю как к системе с особым уровнем организации, открытой термодинамической системе, удаленной от состояния равновесия... Именно в таких системах, исходя из особенностей второго закона термодинамики, возникает внутреннее время, оно начинает течь и становится необратимым...

Физика неизбежно пришла к тому, что время – ключ к пониманию природы... Но этот ключ находится не в физическом мире, а в человеке» [183, С. 18].

Из этих положений ученого следует следующее: «Вся событийность психической жизни характеризуется длительностью, последовательностью и ритмической структурой. Метрика и топология переживаемого времени обнаруживается в любом психическом акте, начиная с простейшего. Время является фундаментальной составляющей всего отображательно-поведенческого взаимодействия человека с окружающим миром. Накопленные данные позволяют говорить о временной организации всей психики, начиная с ощущений и кончая личностью» [с. 19 – тут и дальше цит. по 183].

Б. И. Цуканов тщательно анализирует существующие взгляды известных физиков, философов, психологов на проблему времени и формулирует свой собственный методологический подход к ней: «Чтобы понять действительную природу времени, необходимо принципиально признать, что время как реальность существует в виде непосредственно переживаемой индивидом длительности. Именно благодаря этой реальности время становится объектом... для личности. То, что дано непосредственно индивиду, "объективируется" во внешний мир, и человек начинает думать, что он существует в объективном времени. На самом же деле объективность "реальности особого рода" (т.е. времени – Р.В.) проявляется в том, что личность субъективно отражает свойства времени, которые скрыты в реальных особенностях индивидуально переживаемой длительности» [С. 31].

Для профессора Б. И. Цуканова свойственна постановка именно новых принципиальных вопросов по проблеме времени, что обеспечивает революционный прорыв в ее решении. Одним из важнейших в психологии время

он считает «вопрос об индивидуальных пределах длительности настоящего у представителей различных типологических групп. Подобные пределы, несомненно, существуют, ибо каждый человек обладает собственным индивидуальным временем, которое зависит от самого человека, от его мозга..., выполняющего роль главного часового механизма... Вопрос об индивидуальной мере времени – длительности "действительного настоящего" – является стержневым в общей организации психики субъекта» [С. 31–32].

Ряд последующих вопросов приводит исследователя к логическим шагам в определении этой индивидуальной меры времени: «...Если индивидуально переживаемое время человека зависит от его мозга, то вполне вероятно, что и собственный временной масштаб личности и ее собственный интеллектуальный уровень организации должен зависеть от качества хода собственного часов индивида» [С. 33]. Это фундаментальное положение ученого определяет пути поиска наиболее адекватного метода исследования времени, переживаемого индивидом. Как таковой Б. И. Цуканов, после основательного теоретического анализа и тщательной экспериментальной проверки, выбирает разработанный еще в 1864 году А.Норингом метод воспроизведения длительности времени.

Процедурная сторона метода заключается в том, что субъекту предъявляются два последовательных звуковых (зрительных, кинестетических) сигнала, обозначающих начало и конец промежутка длительности в секундном диапазоне (от 1 до 6 секунд), что переживается (t_0). От субъекта требуется воспроизвести такой же промежуток как можно точнее (см. далее описание методики). Многочисленные эксперименты свидетельствуют о том, что между заданным промежутком (t_0) и воспроизведенным промежутком (t_s) времени у большинства субъектов существуют различия, которые могут быть зафиксированы в виде определенной «ошибки» [С. 33]. Эта «ошибка» однако не стала предметом специального психологического анализа специалистами. Профессор же Б. И. Цуканов, напротив, провел тщательный анализ этого явления, что и привело к открытию единицы переживания субъектом длительности времени. Рассмотрим логику этого открытия более подробно.

Временная «ошибка» может быть представлена либо как абсолютная величина $\Delta = t_o - t_s$, или как относительная величина $E = t_s : t_o \times 100 \%$. Оценивая полученную исследователями относительную временную ошибку E , Б.И.Цуканов обратил внимание на то, что она примерно одинакова у разных авторов: у Вудроу на промежутках от 2 сек. до 30 сек. она равна 16–17 %, у Кольмана на промежутках до 3 минут $E = 15 \%$, Фресс получил $E = 14–16 \%$. При этом исследователи установили, что существуют субъекты, которые недоотмеривают и переоценивают указанные промежутки времени, и субъекты, которые переотмеривают и недооценивают данные промежутки времени.

В ходе дальнейших исследований ученые получили еще один парадоксальный результат, который заключается в том, что средний коэффициент воспроизведения временных промежутков в большой выборке испытуемых (если этот коэффициент подсчитывать как отношение суммы всех воспроизводимых интервалов к сумме заданных экспериментатором интервалов, т. е. $\tau = \sum t_s : \sum t_o$) равен не 1,0, как это следовало бы ожидать с точки зрения здравого смысла, а 0,9. Другими словами, «среднегрупповой субъект» запрограммирован на более быстрое воспроизведение временного сигнала, нежели тот, что задан, то есть этот «субъект» имеет определенный «запас» времени для реагирования.

Б. И. Цуканов провел собственное исследование «ошибки» воспроизведения интервалов $t_o = 2, 3, 4, 5$ сек. (с участием 190 испытуемых в возрасте от 17 до 28 лет и с использованием механического хроноскопа «ХР-1» первого класса) и подтвердил данные, полученные несколько десятилетий назад Вудроу, Кольманом, Фрессом. Анализ экспериментальных данных свидетельствует, по мнению ученого, о том, «что методом воспроизведения длительности исследуется жесткий, врожденный механизм хода собственных часов индивида, измеряющий течение переживаемого времени» [С. 39].

При этом возникает вопрос о происхождении данной «ошибки» воспроизведения длительности. Б. И. Цукановым было установлено, что длительность интервала воспринимается и воспроизводится испытуемыми как определенная последовательность отдельных дискретных единиц времени, из

которых состоит этот интервал. Он утверждает, что «так как расхождение между t_0 и t_s в зоне длинных интервалов характеризуется условием $\Delta = \text{const}$, то постоянство этой ошибки можно объяснить только тем, что отдельная единица времени субъекта должна быть жесткой величиной как в акте переживания заданного интервала, так и в акте его воспроизведения. Иначе говоря, у субъекта имеется собственная единица времени (τ), с помощью которой измеряется непосредственно переживаемая длительность» [с. 40].

Для обозначения собственной единицы времени индивида Б. И. Цуканов считает целесообразным использовать введенный Еренвальдом коэффициент $\tau = t_s : t_0$ сек., где t_0 – продолжительность заданного субъекту интервала, а t_s – продолжительность воспроизведенного субъектом интервала. Б. И. Цуканов рассматривает этот коэффициент не как безразмерный, а как такой, что выражается в секундах.

Согласно изложенным представлениям, всякая переживаемая индивидом длительность состоит из целого числа собственных единиц времени: $t_s = k \cdot \tau$, где $k = 1, 2, 3, 4...$

Всесторонний анализ Б. И. Цукановым результатов исследования особенностей воспроизведения длительности «среднегрупповым субъектом» (а именно о нем можно говорить, когда речь идет о средней «ошибке» в указанных экспериментах), позволяет выяснить общий механизм непосредственного переживания времени индивидом. «Суть его состоит в том, что непосредственно переживаемое время измеряется с помощью своеобразного “шага”, функцию которого выполняет собственная единица времени индивида» [с. 42]. То есть, конкретный индивид имеет свой индивидуальный «шаг», свою собственную единицу переживания времени... Все индивидуальные значения единицы времени конкретных субъектов размещаются в едином непрерывном диапазоне значений τ . На основе многолетних экспериментов Б. И. Цукановым было установлено, что спектр индивидуальных значений τ находится в стойких пределах $0,7 \text{ сек} \leq \tau \leq 1,1 \text{ сек}$. Исследователем построен график функции распределения "τ-типов" репрезентативной выборки, которая состояла из 1036 испытуемых в возрасте от 18 до 22 лет (рис. 9).

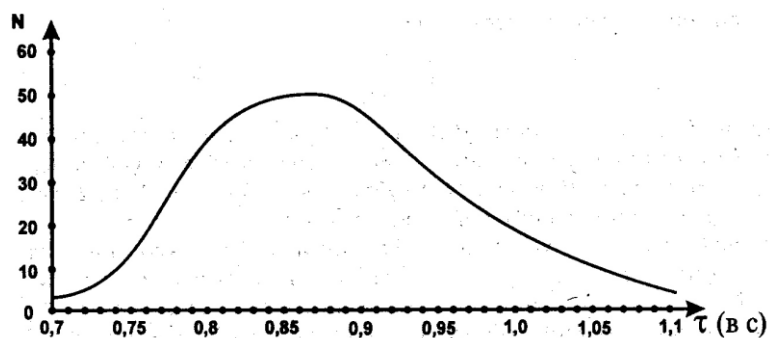

Рис. 9. Распределение «τ-типов» в человеческой популяции

Как отмечает Б. И. Цуканов, данная функция близка к функции Максвелла, описывающего распределение молекул по скоростям их движения. Эта тождественность позволила ученому ввести следующую аналогию: «...найденная функция в какой-то мере отражает плотность распределения в человеческой популяции индивидов с различными скоростными характеристиками поведения во времени. Распределение является асимметричным с правосторонней асимметрией... Из этого следует, что "спешащих" людей значительно больше, чем "медлительных" и "точных", поэтому величина "τ-типа" у "среднегрупповых субъектов" всегда меньше 1 сек. (как и в предыдущих экспериментах по данной выборке $\tau = 0,9$ сек). Вопрос об индивидуальных скоростных характеристиках поведения во времени стал предметом отдельного исследования и будет рассмотрен» далее [С. 43].

Следует подчеркнуть, что выводы относительно τ-типа как единицы переживания индивидом собственного времени, были Б. И. Цукановым многократно и тщательно проверены.

Во-первых, была надежно доказана высокая стабильность τ-типа в неоднократно повторенных в течение нескольких месяцев и лет его замерах у 39 субъектов в возрасте от 18 до 25 лет [С. 44–46]. Эти и другие экспериментальные данные убедительно свидетельствуют, что τ-тип действительно выступает жесткой константой и в течение жизни индивида не изменяется!

Во-вторых, было показано, что "целенаправленные двигательные акты, которые по своей длительности попадают в зону длительных интервалов (несколько секунд – Р. В.), состоят из целого числа собственных единиц времени индивида. Иначе

говоря, в зоне длительных интервалов должно иметь место закономерное условие квантования времени движений: $t_0 = k \cdot \tau$, где $k = 1, 2, 3, 4, 5...$

Последнее положение было проверено на материале графических движений: движения при рисовании фигур по образцу, при выполнении «теппинг-теста», при анализе поисковых действий по красно-черной таблице Ф. Д. Горбова, при оценке длительности дыхательного цикла.

Ритм	Частота ударов в минуту	Период (в сек.)
Maestoso	84	0.71
	83	0.72
	82	0.73
	81	0.74
Comodo	80	0.75
	79	0.76
	78	0.77
	77	0.78
Sostenuto	76	0.79
	75	0.80
	74	0.81
	73	0.82
Andantino	72	0.83
	71	0.84
	70	0.86
	69	0.87
	68	0.88
Andante	67	0.89
	66	0.91
	65	0.92
Largehetto	64	0.94
	63	0.95
	62	0.97
	61	0.98
	60	1.00
	59	1.01
Adagio	58	1.03
	57	1.05
	56	1.07
	55	1.09
	54	1.11

Рис. 10. Таблица музыкальных ритмов и соответствующих им длительностям периодов между ударами метронома [183, С. 65]

В-третьих, наиболее впечатляющим можно считать фактически полное совпадение всех значений τ -типа во всем их диапазоне от 0,7 сек. с шагом 0,01 сек. с рассчитанными Б. И. Цукановым периодами общепринятых в музыке ритмов от *Maestoso* к *Adagio* (табл. на рис. 10).

Следовательно, как подчеркивает Б. И. Цуканов, «полученное соответствие позволяет сказать, что существующее разнообразие ритмов, во-первых, определено спектром индивидуальных значений " τ -типов" в человеческой популяции. Во-вторых, у каждого индивида, как отмечают многие исследователи..., имеет место индивидуальный ритм движений, который, согласно полученным нами данным, во многом связан с его собственной единицей времени – " τ -типом"...

...Из наших исследований вытекает, что временная структура сложных движений... представляет собой последовательную цепь квантов времени. На пути к намеченной цели субъект, достигнув определенного результата в пределах одной собственной единицы времени, может сделать следующий шаг в другую единицу времени, ведя отсчет времени с конца предыдущего акта, как от собственного начала...» [с. 66].

Итак, по результатам проведенных исследований, Б. И. Цуканов делает общий вывод о том, «что у каждого человека собственная единица времени выполняет функцию индивидуального шага, которым измеряется непосредственно переживаемая длительность. Она определяет временную структуру различных движений человека и по ряду критериев полностью соответствует "действительному настоящему" на "стреле субъективного времени" в сознании индивида» [С. 74].

Очень метко сказал об этом открытии единицы собственного времени индивида известный отечественный психолог В. П. Зинченко в предисловии к книге Б. И. Цуканова «Время в психике человека»: «...субъект меряет длительность собой, как он меряет расстояние в локтях или шагах (ср. человек – мера всех вещей). Но для измерения времени он пользуется не внешними, а внутренними средствами, собственными, встроенными в него часами. Но

сложность и прелесть исследования состоит в том, что часы не одинаковы, они индивидуальны. И дальнейшие усилия автора направлены к тому, чтобы выявить индивидуальные метрические характеристики переживаемого временного шага. Поиск этих характеристик автор осуществляет, обращаясь к переживанию... На богатейшем экспериментальном, педагогическом, клиническом материале он показывает, как живет и работает выделенная им константа не только в переживании длительности, но и в поведении, действии, деятельности, здоровьи» [С. 10–11].

Выявление собственной единицы переживания индивидом времени, как мы увидим далее, открывает путь для переосмысления и более глубокого понимания временной характеристики всех психологических свойств и деятельности индивида и личности. Поэтому неудивительно, что Б. И. Цуканов обратился прежде всего к интерпретации в новом контексте такого индивидуально-типологического, психодинамического свойства индивида, как темперамент.

3.3.2. Собственная единица времени в психике индивида (τ-тип) – показатель типа темперамента как психодинамической основы личности

Одним из важнейших последствий открытия Б. И. Цукановым «τ-типа» как единицы переживания индивидом собственного времени стало теоретическое и экспериментальное обоснование его интерпретации как количественного показателя типа темперамента. Это обеспечило введение в экспериментальную психологию удобного объективного метода определения типа темперамента, который в значительной степени решил вопрос его точной количественной диагностики.

Тем самым профессор Б. И. Цуканов логически продолжил известную в истории физиологии и психологии научную линию изучения темперамента, но на этот раз – путем поиска взаимосвязей между типологическими особенностями высшей нервной деятельности человека и особенностями восприятия времени.

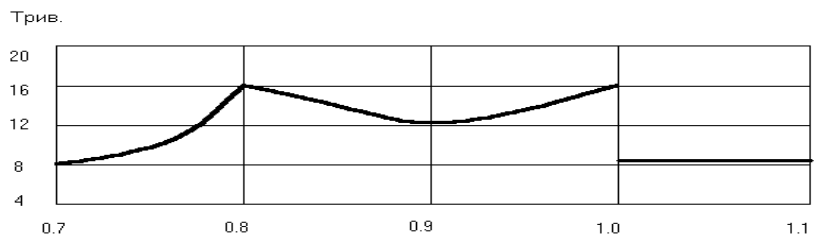
В своих дальнейших логических рассуждениях исследователь исходит из следующих положений: «Согласно полученному распределению... всех индивидов человеческой популяции по "τ-типу" можно расположить в пределах $0,7 \text{ сек.} \leq \tau \leq 1,1 \text{ сек.}$ Если исходить из условия, что минимум разрешающей способности человеческого сознания при решении задачи "раньше-позже" составляет 0,01 сек..., то, вычисляя собственные единицы времени индивидов... с точностью до 0,01 сек. и, располагая их в возрастающем порядке от одного края ($\tau = 0,7 \text{ сек.}$) до другого ($\tau = 1,1 \text{ сек.}$), не сложно получить сплошной линейный спектр "τ-типов" (всего 41 "τ-тип").

Собственная единица времени индивида обладает жесткостью, в течении жизни не изменяется и является одним из объективных показателей динамических свойств психики, называемых темпераментом. Чтобы найти соответствие между временными свойствами человека и его типом темперамента, необходимо, прежде всего, выяснить, в каком порядке располагаются известные типы темперамента в линейном спектре "τ-типов" человеческой популяции» [С. 75–76].

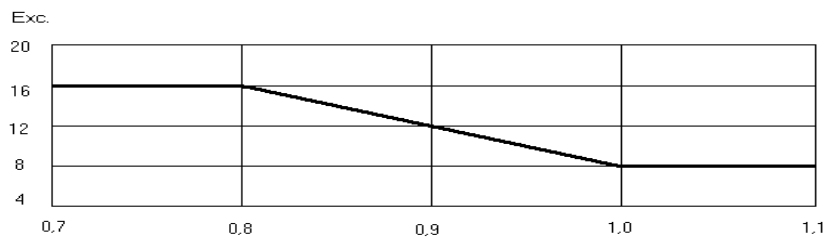
Отвечая на этот принципиальный вопрос, Б. И. Цуканов основательно анализирует линейные схемы расположения типов темперамента Гиппократом (холерик – сангвиник – меланхолик – флегматик), И. П. Павловым (холерик – сангвиник – флегматик – меланхолик), и круговую схему Г. Айзенка (холерик – сангвиник – флегматик – меланхолик – холерик), выбирая наконец порядок расположения, предложенный «древнегреческим гением» Гиппократом.

Для доказательства этого варианта расположения типов темперамента в сплошном спектре «τ-типов» Б. И. Цуканов проходит путь сопоставления степени «выраженности индивидуальных особенностей, обнаруживаемых с помощью личностных опросников и относимых к свойствам темперамента, с собственными значениями "τ-типов" индивидов. Исследование проводилось на двух независимых выборках здоровых субъектов в возрасте от 16 до 28 лет» [С. 78]. При этом использовались личностный опросник Г. Айзенка (E – I: экстраверсия – интроверсия; S – N: эмоциональная стабильность – нейротизм),

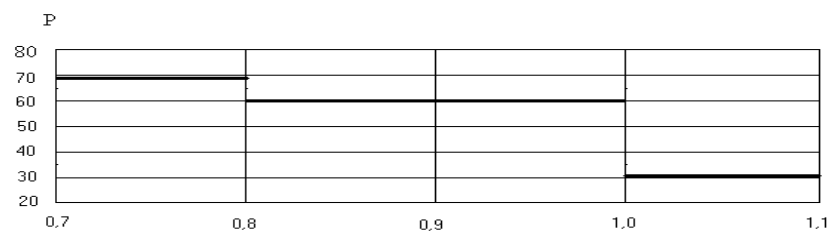
Тревожность
(по личностному
опроснику Г. Айзенка)
**Эмоциональная
стабильность**

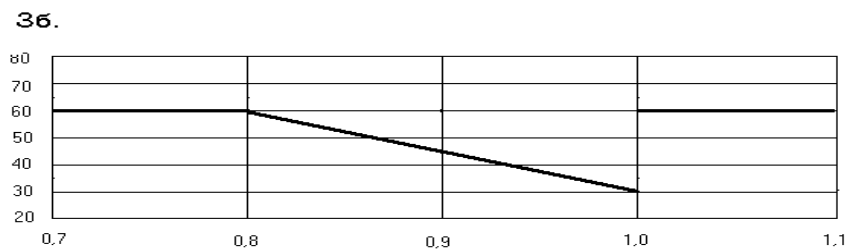
Экстраверсия
(по личностному
опроснику Г. Айзенка)
Интраверсия

Подвижность НС
(по опроснику
Я. Стреляу)
Инертность НС

**Сила возбуждения
НС**
(по опроснику
Я. Стреляу)

**Слабость
возбуждения НС**
Сила торможения НС
(по опроснику
Я. Стреляу)
**Слабость
торможения НС**

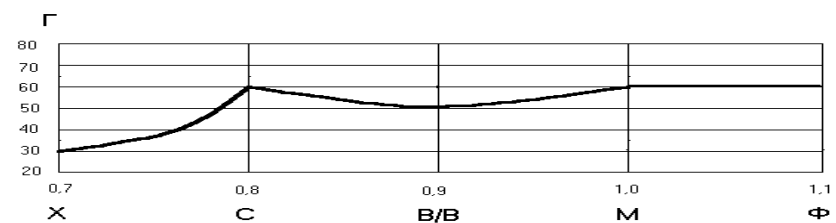

Рис. 11. Структура и динамика свойств НС личности и их взаимозависимость с типами темперамента (τ -типами) по теории Б. И. Цуканова

адаптированный Ленинградским НИПНИ им. В. М. Бехтерева, а также опросник Я. Стреляу (В – возбуждение; Т – торможение; П – подвижность), адаптированный на кафедре психофизиологии факультета психологии МГУ

им. М. В. Ломоносова. У каждого из 347 испытуемых определялся « τ -тип» по процедуре воспроизведения интервалов в 2, 3, 4, 5 сек. Для обобщения результатов строились графики, где на оси абсцисс откладывались значения « τ -типов», а на оси ординат – значения показателей E-I, S-N, B, T, П. – в баллах. Для обобщения поведения в сплошном спектре « τ -типов»: $E, I = f(\tau)$; N ; $S = f(\tau)$; $B = f(\tau)$; $T = f(\tau)$ и $\Pi = f(\tau)$ – использовался метод наименьших квадратов. Результаты обобщения представлены на рис. 11 [С. 79, 81].

Математическая обработка экспериментальных данных позволила Б. И. Цуканову выявить принципиальный факт: «В двух независимых выборках разные функции в пределах сплошного спектра " τ -типов" терпят разрыв и меняют направления в одних и тех же критических точках ($\tau_1 = 0,8$ сек. ; $\tau_2 = 0,9$ сек; $\tau_3 = 1,0$ сек). Обнаруженные точки имеют определенный психологический смысл: они делят сплошной спектр " τ -типов" в каждой выборке на четыре типологические группы, в пределах которых функции изменяются непрерывно и сохраняют соответствующую тенденцию. Не трудно видеть, что при переходе критических точек тенденции изменяются. Таким образом, нам на двух независимых выборках удалось доказать, что число типологических групп, равное четырем (а исходя из графиков функций, следует говорить именно о группах), реально существует в самой природе человеческой популяции... реальное существование четырех типологических групп в природе человеческой популяции приводило к тому, что каждый из исследователей темперамента, полагая в его основу те или иные типологические признаки, неизбежно приходил к обнаружению конечного числа этих групп, которые в большинстве теоретических схем соответствуют четырем классическим типам, связанным с именем Гиппократом» [С. 81–82].

Следовательно, исходя из полученных графиков в сплошном спектре « τ -типов», Б. И. Цуканов выделяет четыре « τ -типа», соответствующие четырем классическим типам темперамента. Он добавляет к ним еще один, промежуточный, средний, или, как он назвал его, «уравновешенный» тип. Эти пять типов удалены друг от друга на 0,1 сек. ($\tau = 0,7$ с; $\tau = 0,8$ сек; $\tau = 0,9$ сек; $\tau = 1,0$ сек; $\tau = 1,1$ сек.) У индивидов с такими значениями « τ -типов» степень

выраженности показателей «экстраверсия-интроверсия», «эмоциональная стабильность-нейротизм», «возбуждение-торможение», «подвижность-инертность» достигает большого, среднего или низкого уровня [С. 82].

Б. И. Цуканов дает каждому из указанных пяти « τ -типов» точную психологическую характеристику, относя каждый из них к «чистому» типу темперамента в классическом понимании (кроме уравновешенного).

Так, у индивидов крайнего типа с $\tau = 0,7$ сек. высокая экстраверсия и эмоциональная стабильность, а возбуждение вдвое превышает торможение, они целеустремленны и агрессивны в поведении. Индивиды с $\tau = 0,7$ сек. приближаются к «чистым» холерикам.

Индивиды с $\tau = 0,8$ сек. имеют высокую экстраверсию и нейротизм, высокий уровень возбуждения и торможения, которые уравновешивают друг друга, в поведении они отличаются веселостью, жизнерадостностью, оптимизмом, подвижностью. Индивиды с $\tau = 0,8$ сек. приближаются к «чистым» сангвиникам.

Индивиды с $\tau = 0,9$ сек. находятся как бы на условном нуле, на котором функции занимают средний уровень возбуждения и торможения, они проявляют себя как амбиверты. Индивиды с $\tau = 0,9$ сек. названы Б. И. Цукановым "уравновешенными". Кстати, к открытию этого типа темперамента, как считает Б. И. Цуканов, почти вплотную подошел И. П. Павлов, однако нарушение им естественного порядка следования типов темперамента не позволило открыть его.

Индивиды с $\tau = 1,0$ сек. имеют выраженную интроверсию и высокий нейротизм, а торможение вдвое выше возбуждения, они чувствительны, ранимы, со скрытой агрессивностью. Индивиды с $\tau = 1,0$ сек. приближаются к «чистому» меланхолику.

Индивиды крайнего типа с $\tau = 1,1$ сек. демонстрируют выраженную интроверсию и эмоциональную стабильность, высокий уровень возбуждения и торможения, уравновешивающие друг друга, их подвижность вдвое меньше, чем у всех других типов, они спокойны, невозмутимы, продуктивно работают в привычной обстановке. Индивидов с $\tau = 1,1$ сек. можно считать «чистыми» флегматиками.

Как утверждает Б. И. Цуканов, в пределах каждой типологической группы упомянутые функции сохраняют свою тенденцию поведения в определенном направлении. Если принять точку $\tau = 0,9$ сек. за условный ноль, то слева от нее, в диапазоне $0,8 \text{ сек.} \leq \tau < 0,9 \text{ сек.}$, находятся индивиды сангвиноидной группы (сангвиноиды), эта группа заканчивается "чистым" сангвиником. Справа от этой точки ($\tau = 0,9$ с), в диапазоне $0,9 \text{ сек.} < \tau \leq 1,0 \text{ сек.}$, располагаются индивиды меланхолидоидной группы (меланхолидоиды), эта группа заканчивается «чистым» меланхоликом. Аналогично, слева от сангвиноидной группы, в диапазоне $0,7 \text{ сек.} \leq \tau < 0,8 \text{ сек.}$, располагаются холероиды с крайним «чистым» холериком. А справа от меланхолидоидной группы, в диапазоне $1,0 \text{ сек.} < \tau \leq 1,1 \text{ сек.}$, находятся флегматоиды с крайним «чистым» флегматиком. Итак, сплошной спектр « τ -типов» состоит из четырех переходных типологических групп, порядок расположения которых может быть изображен графически на рис. 12 [С. 82–83].

Б.И.Цукановым был подсчитан количественный состав типологических групп. Больше всего в человеческой популяции оказалось сангвиноидов (включая «чистых» сангвиников) – 44 %. Вторая по численности группа – меланхолидоиды, которых насчитывается 29 %. Третья по объему группа – холероиды, их 14 %. Четвертая в этом ряду – группа флегматоидов – их 9 %. А наименьшей является группа уравновешенных, которых встречается всего 4 %. Можно считать, что эти числа указывают на вероятность встречи наблюдателя с представителями того или иного типа темперамента в репрезентативной человеческой выборке [С. 84].

Таким образом, Б. И. Цуканову удалось убедительно доказать «натуральный порядок индивидов в человеческой популяции», который «создала сама природа и именно в таком порядке впервые увидел расположение типологических групп "греческий гений в лице Гиппократ", сумевший уловить в массе бесчисленных вариантов человеческого поведения капитальные черты» [С. 84].

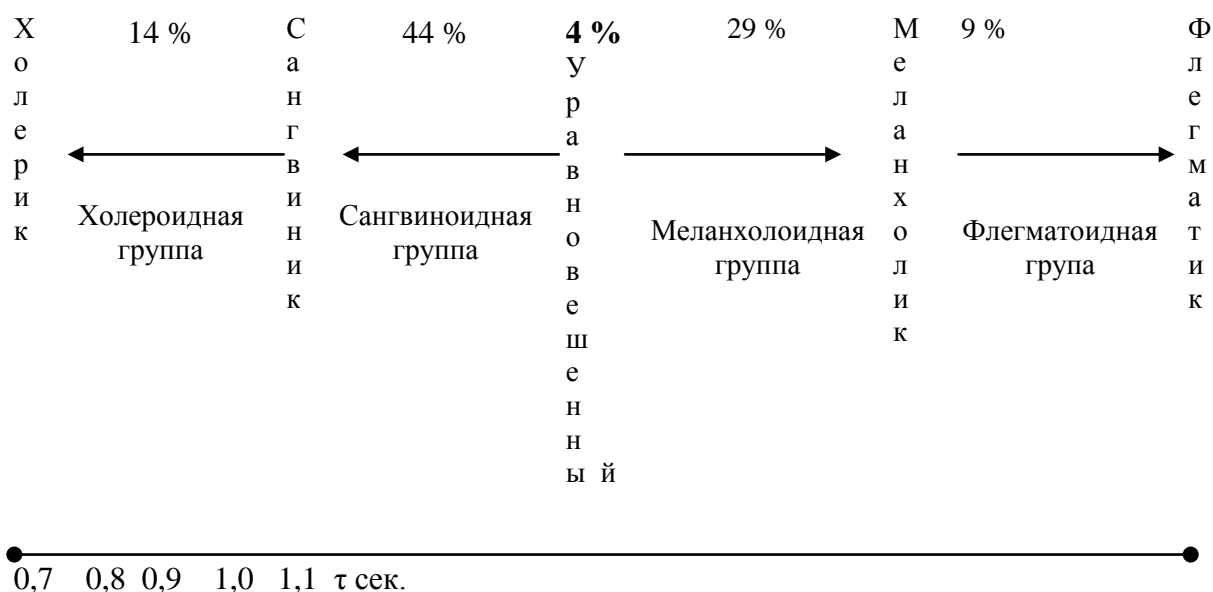

Рис. 12. «Чистые» и переходные типы темперамента и количественный состав типологических групп в человеческой популяции [183, С. 83]

Б. И. Цуканов выдвигает интересную гипотезу о механизме возникновения типов темперамента. Он связывает этот механизм с циклическими геофизическими условиями существования живых существ, начиная с первой клетки, на планете Земля. Ведь геофизике известен факт, что суточный цикл вращения Земли не всегда равнялся 24 часам, поскольку это вращение постепенно замедляется примерно на 0,0015 секунды в 100 лет. Поэтому главной, глобальной в прямом смысле, причиной дифференциации сплошного спектра «τ-типов» и его распределения на типологические группы Б. И. Цуканов признает «естественный процесс замедления вращения Земли вокруг собственной оси. Это замедление приводило к изменению», увеличению циркадианного, т.е. суточного, цикла (день-ночь) «существования живых систем в разные геологические эпохи». Например, живые существа (эукариоты) начала нижнего Рифея, т. е. 1,73 млрд лет назад, «существовали в суточном периоде 16,8 часов. Чтобы согласовать свой циркадианный период с периодом вращения Земли, у эукариотов должен быть “шаг” для измерения собственных суток, равный 0,7 сек. Спустя $576 \cdot 1000000$ лет ($1,15 \cdot 1000000000$ лет, Верхний протерозой) в механизме глобальных биологических часов появляются эукариоты, которые вынуждены измерять

период замедлившегося вращения Земли (19,2 часа) с “шагом”, равным 0,8 сек. Спустя еще $576 \cdot 1000000$ лет ($576 \cdot 1000000$ лет, начало Кембрия) период вращения Земли составляет 21,6 часа и появляются эукариоты, измеряющие свои сутки собственной единицей времени, уже равной 0,9 сек. Если учитывать замедление вращения Земли на каждую 0,01 сек., то легко получить весь спектр эукариотов в диапазоне $0,7 \text{ сек.} \leq \tau \leq 1,1 \text{ сек.}$ Как известно, человек относится к эукариотам наивысшей организации» [с. 191-192].

Понятно, что « τ -тип» выступает в таком случае еще и как показатель геофизико-биопсихической интеграции природы и человека, как механизм экологического единства человека с планетой Земля, на которой он находится. Геном человека судьбоносно адаптировался к изменению геофизических условий своего существования. Поэтому Б. И. Цуканов фактически предложил принципиально новую, глобально-генетическую гипотезу происхождения темперамента. С точки зрения этой гипотезы, самым древним среди четырех типов темперамента выступает холероидный тип, самым современным – меланхолоидный, а флегматоиды является футурогенным типологическим авангардом всего человечества, который адаптирует популяцию к дальнейшему замедлению вращения Земли. В одной из наших бесед с профессором он выразил свой пессимистический прогноз относительно возможностей существующей временной организации индивида выдержать деформирующее влияние дальнейшей глобальной временной динамики...

Итак, биологические существа, в том числе и люди, не могли не отреагировать в своей эволюции на изменение параметров вращения Земли. Ведь она определяет основной ритм жизнедеятельности всего живого на планете: день (активация всех процессов жизнедеятельности) – ночь (торможение этих процессов). За длительный период своей эволюции живые существа не только прошли поэтапную адаптацию к этому замедлению ритмики вращения Земли, но и продолжают адекватную упреждающую адаптацию к нему, в частности, создали тип темперамента, благодаря которому все живое готово к дальнейшему замедлению суточного цикла. Таким адекватным будущему замедлению типу и

является флегматик. Его можно считать «временным лидером» человеческой популяции. В этом плане группа холероидов и прежде всего «чистый» холерик выступает в качестве «временного аутсайдера». Он до сих пор сохраняется, возможно, потому, что человеческий геном «не исключает» варианта возвращения Земли к предыдущим параметрам вращения планеты (например, при столкновении с астероидом)... Итак, профессором Б. И. Цукановым поставлены новые оригинальные акценты в теоретическом взгляде на происхождение темперамента. Конечно, это порождает вопросы не только к философам, психологам, геофизикам, но и к генетикам, физиологам, педагогам и т. д.

Таким образом, проведенное Б. И. Цукановым исследование позволило дать принципиальные ответы на вопрос о количестве типологических групп (их четыре плюс «пятый» – «уравновешенный»), о порядке их расположения в человеческой популяции – он соответствует линейной схеме, предложенной Гиппократом (холероиды – сангвиноиды – уравновешенные – меланхолиды – флегматоиды). При этом исследователь делает оговорку для тех, кто пользуется личностным опросником Г. Айзенка при определении типа темперамента. Использование круговой схемы расположения типов темперамента не выдерживает критики. Об этом и других противоречиях применения этого теста Г. Айзенка как метода выявления типа темперамента украинский психолог неоднократно сообщал своему английскому коллеге, который в трех письмах в ответ от 17.04.1984 г., 08.03.1993 г. и 13.11.1993 г. высказал профессору Б. И. Цуканову «свое удивление и согласие» [с. 86]. Заметим, что наш опыт одновременного использования объективного метода Б. И. Цуканова для определения типа темперамента и личностного опросника Г. Айзенка как субъективного метода свидетельствует прежде всего о разной валидности этих методов. Первый метод действительно является валидным относительно типов темперамента, а второй – валидным относительно определенных черт характера. Определять тип темперамента по личностному опроснику Г. Айзенка некорректно. Впрочем, одновременное использование этих методов предоставляет другие возможности в работе

психолога, например, при определении так называемой психодинамической конгруэнтности или неконгруэнтности (см. в следующем разделе).

Б. И. Цуканов углубляет понимание «чистых» типов темперамента. По его убеждению, «естественный порядок расположения типологических групп позволяет придать понятию “чистого” типа определенный психологический смысл. Во-первых, каждый из четырех “чистых” классических типов является крайним в своей типологической группе. Во-вторых, два “чистых” типа (сангвиник и меланхолик) представляют собой своеобразную границу, на которой заканчивается одна типологическая группа и начинается следующая. Такую же функцию выполняет и “уравновешенный” тип, разделяя сангвиноидную и меланхолидную группы. Кроме того, “уравновешенный” тип является точкой, через которую проходит ось симметрии, разделяющая сплошной спектр “т-типов” на две большие группы инвариантных типов... Как видно, природа наделила “чистые” типы вполне конкретными функциями и четко определила для них точки локализации в линейном порядке расположения типологических групп» [С. 84–85].

Характеризуя далее «чистые» типы темперамента, Б. И. Цуканов добавляет, что «строго говоря, “чистый” тип в природе не существует, так как это всего лишь определенная абстракция. В природе существуют реальные индивиды, которые в той или иной мере приближаются к подобной абстракции. И чем ближе тот или другой конкретный человек к “чистому” типу, тем ярче он проявляет себя в избранном виде деятельности» [С. 85]. Исследователь ссылается на известные примеры выдающихся личностей, принадлежавших к «чистым» типам темперамента, а также приводит данные собственных исследований, подтверждающих это положение [С. 85–86]. Вместе с тем, высоких результатов достигают люди не только с «чистым» типом темперамента, но и те, кто имеет «качественные» часы, показателем чего, в частности, может быть точность измерения «т-типа», что отражается в среднем квадратическом отклонении «т-типа» в ряду замеров (см. далее описание методики Б. И. Цуканова). В этом месте своего исследования Б. И. Цуканов в

наибольшей степени приближается к ценностной, аксиологической характеристике темперамента, о чем мы скажем подробнее далее.

Итак, можно констатировать, что в экспериментальной психологии появился новый, объективный, оперативный, удобный метод определения типа темперамента. Поэтому считаем целесообразным привести в этом месте данный метод в технологически целесообразном виде, доступном для использования психологами, которые заинтересуются им.

3.3.3. Объективная методика определения «т-типа» как количественного показателя темперамента

Подчеркнем еще раз, что в ходе проведения оригинальных теоретико-экспериментальных исследований профессор Б. И. Цуканов установил, используя методику воспроизведения временных интервалов малой длительности (несколько секунд) в слуховом, кинестетическом и зрительном анализаторах, фундаментальный факт: представителям различных типов темперамента свойственны закономерные «ошибки», то есть отклонения в «точности» воспроизведения заданных интервалов времени. Хотя сама методика воспроизведения временных интервалов известна почти полтора века, но лишь Б. И. Цуканову удалось доказать связь ошибки воспроизведения длительности секундных интервалов с типом темперамента. Таким образом в распоряжении практических психологов появился научно обоснованный объективный метод определения типа темперамента. Им может овладеть каждый специалист психологической службы, но при соблюдении определенных правил.

Для этого необходимо иметь спортивный секундомер механического типа (электронный секундомер для этой цели мало подходит) и научиться точно отмерять временные интервалы длительностью от 1 до 5 секунд. Сама процедура тестирования состоит в том, что исследователь поочередно предъявляет в случайном порядке интервалы в 1, 2, 3, 4, 5 секунд, обследуемый же (методику можно использовать для определения типа темперамента уже у детей с 4–6 лет,

когда они могут держать в руке секундомер и нажимать на его кнопку пуска и остановки хода) должен каждый раз запоминать продолжительность соответствующего временного интервала, задаваемого экспериментатором щелчком кнопки секундомера в начале и конце интервала. Все интервалы, которые экспонируются, предварительно фиксируются в протоколе, а те, которые воспроизводятся – записываются в нем же напротив экспонируемых.

Психолог нажимает на кнопку пуска и остановки секундомера точно и четко, не называя продолжительности интервала. Затем он передает секундомер обследуемому и предлагает ему, не глядя на циферблат, нажать на кнопку так, чтобы между первым и вторым нажатием был воссоздан заданный и запомненный интервал. Затем секундомер снова берет психолог, записывает в протокол субъективно воспроизведенный клиентом интервал, возвращает стрелку секундомера в исходную позицию и предъявляет следующий интервал.

Такая процедура повторяется столько раз, сколько интервалов экспонируется и воспроизводится. Мы предлагаем проводить замеры в две серии. Первая, учебная, серия состоит из пяти экспозиций и воспроизведений (например: 4, 2, 5, 3, 1 секунда). В ней человек адаптируется к условиям тестирования и учится работать по названным правилам. Исследователь может предложить обследуемому вести счет в уме и таким образом более точно запоминать и воспроизводить интервалы. Однако можно работать и без устного счета, полагаясь на свои внутренние биологические часы для запоминания интервалов.

Вторая серия – контрольная (например: 4, 2, 5, 3, 1, 2, 4, 1, 3, 5 секунд). После поочередной экспозиции и воспроизведения всех интервалов подсчитывается показатель типа темперамента, то есть тау-тип (τ). Для этого определяется сумма предъявленных психологом интервалов (ΣT_o) и сумма воспроизведенных субъектом интервалов (ΣT_s). После этого вторая сумма делится на первую и получается тау-тип данного человека. Приведем, для примера, один из протоколов опыта.

Пробная серия					Контрольная серия										
№	1	2	3	4	5	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
T ₀	4	2	5	3	1	4	2	5	3	1	2	4	1	3	5
						ΣT ₀ =30 сек.									
T _s	3,1	2,9	3,9	2,4	0,9	2,4	2,0	6,1	3,2	1,1	1,9	2,8	1,2	2,7	6,1
	ΣT _s =29,5 сек.														

$$\tau \text{ (тау-тип)} = \frac{\sum T_s}{\sum T_0} = \frac{29,5}{30,0} = 0,98 \text{ сек}$$

Итак, в данном примере тау-тип испытуемого равен 0,98 сек.

Что это значит, станет понятным, если найти место величины 0,98 сек. в диапазоне тау-типов на рис. 13. У данного человека меланхолидный тип темперамента.

Рис. 13. Место подсчитанного тау-типа 0,98 сек. (меланхолид) в диапазоне тау-типов в человеческой популяции по методу Б. И. Цуканова

Как уже указывалось выше, в ходе тщательного изучения результатов экспериментов со многими тысячами испытуемых профессор Б. И. Цуканов установил, что «чистые» холерики «спешат» и воспроизводят временные интервалы скорее, их тау-тип равен 0,7 сек., «чистые» сангвиники тоже «спешат», но меньше, их тау-тип достигает 0,8 сек; «чистые» меланхолики воспроизводят временные интервалы точнее всех, их тау-тип равен 1,0 сек; «чистые» флегматики «опаздывают» – их тау-тип самый большой – 1,1 сек. Исследователь обнаружил также пятый, средний тип темперамента и назвал его уравновешенным (равновесным) – его тау-тип достигает 0,9 сек. Было

установлено, что в человеческой популяции тау-типы представителей «чистых» и «переходных» типов темперамента распределяются по всей шкале тау-типов между 0,7 секунды и 1,1 секунды равномерно.

При измерении тау-типа важно также учитывать меру точности воспроизведения обследуемыми интервалов или качество хода их «биологических часов». Для этого используется подсчет среднего квадратического отклонения по формуле:

$$\sigma = \sqrt{\frac{\sum (X_{Tsi} - X_{Toi})^2}{N}}, \text{ где}$$

X_{Tsi} – величины 10 субъективно воспроизводимых интервалов из ряда T_s протокола тестирования испытуемых, X_{Toi} – величины 10 объективно экспонируемых интервалов, а N – число измерений ($N = 10$). Для данного обследуемого $\sigma = 0,081$ сек. То есть он имеет биологические часы с посредственной точностью измерения времени, выступающей психодинамической предпосылкой, задатком развития посредственных интеллектуальных способностей.

В зависимости от того, какие величины σ получаются, можно выявить задатки одаренного ($\sigma \leq 0,05$), посредственного ($\sigma = 0,05-0,15$) и недостаточно ($\sigma \geq 0,15$) интеллектуально развитого человека.

Метод Б. И. Цуканова – чуть ли не единственный в экспериментальной психологии, который позволяет объективно измерять и количественно определять тип темперамента человека и производные от него качества индивида. Этот объективный метод имеет неоспоримые преимущества перед субъективными методами (например, опросниками), которые определяют не столько тип темперамента, сколько другие личностные, например, характерологические качества человека, которые формируются в процессе воспитания и самовоспитания и системно «надстраиваются» над темпераментом

как врожденным, неизменяемым базовым качеством личности. Поэтому определение типа темперамента по опросникам нельзя считать корректным.

Однако, как и у всякого метода, в тесте Б. И. Цуканова существует проблема точности измерения. Последнюю можно контролировать по показателю среднего квадратического отклонения σ или по коэффициенту вариации $K_v = \sigma : \tau \times 100 \%$. Наш опыт применения данного метода свидетельствует о том, что существуют субъекты (их около 10 %), которые систематически демонстрируют большую погрешность при измерении.

3.3.4. Структура τ -соответствующих, типологически обусловленных психологических свойств индивида и личности

Располагая таким уникальным количественным показателем степени переживания собственного времени и типа темперамента, как тау-тип, Б. И. Цуканов осуществил ряд экспериментальных исследований, в ходе которых открыл закономерности и особенности проявления различных психологических свойств индивида и личности в зависимости от изменения « τ -типа» во всем спектре его значений от 0,7 сек. до 1,1 сек. В результате проведения данного цикла исследований им была получена обобщенная структурная характеристика τ -соответствующих качеств индивида и личности.

Не вдаваясь в процедурные детали этого ряда исследований, представим краткое изложение их результатов.

Наиболее интересным можно считать полученные ученым с помощью авторской анкеты данные о психологической относительности течения времени в его переживании субъектом. Для этого Б. И. Цуканов обосновал распределение индивидов по всему спектру « τ -типов» на три неравноценные группы:

- 1) индивиды, которые «спешат»: $0,7 \text{ сек.} \leq \tau \leq 0,94 \text{ сек.}$ (Их 80 % от всей популяции).
- 2) «точные» индивиды: $0,95 \text{ сек.} \leq \tau \leq 1,0 \text{ сек.}$ (Их 12 %);
- 3) «медленные» индивиды: $\tau > 1,0 \text{ сек.}$ (Их 8 %).

Ученый выдвинул предположение, что те индивиды, которые «спешат», «точные» и «медлительные» индивиды существуют в различных временных условиях, поэтому у них должны иметь место существенные различия в оценке субъективной скорости течения переживаемого времени» [С. 112].

Так, экспериментатор задавал испытуемым с разными τ -типами (от 0,7 сек. до 1,1 сек.) вопрос: «Вам хватает времени в жизни?», который в некоторых случаях дополнялся вопросами: «Вы чувствуете ход времени? Оно идет быстро или медленно?»

В результате опроса было выяснено, что психологическая относительность хода времени может быть представлена следующим образом.

В группе предельно «спешащих» субъектов (холероидная группа) время «летит», в группе «спешащих» субъектов (сангвиноидная группа) время «бежит», в группе немного «спешащих» субъектов (около «равновесного» типа) время «движется».

В группе «не спешащих» субъектов (меланхолоидная группа) время «стоит, не двигается с места».

В группе «медлительных» субъектов (флегматоидная группа) время «движется шагом» [С. 117].

Б. И. Цукановым был сделан вывод, что «скорость течения переживаемого времени (V) обратнопропорциональна индивидуальной величине “действительного настоящего” (т. е. “ τ -типа”): $V \sim 1 : \tau$ »

Подставляя в эту зависимость значения « τ -типов», можно получить шкалу условных коэффициентов для субъективной оценки скорости течения времени. Так, для «спешащих» субъектов, у которых время «летит», этот коэффициент равен 1,4-1,3, для «точных» субъектов – 1, а для медленных субъектов – меньше единицы. То есть, «слева от субъектов, живущих в “неподвижном” времени, находятся субъекты с ускоряющимся течением времени, а справа находятся субъекты с замедляющимся течением времени» [С. 119]. В одной и той же ситуации представители крайних типов темперамента по-разному оценивают ход событий во времени, их оценки могут различаться в 1,5–2 раза, что следует

учитывать при организации различных, особенно быстротекущих видов деятельности человека.

Очень важными и новыми для экспериментальной психологии следует признать данные Б. И. Цуканова об особенностях переживания индивидами с разными « τ -типами» временной направленности в триаде «прошлое-настоящее-будущее». Для определения индивидуальных различий во временной ретро- и перспективе испытуемым, после замера их « τ -типов», задавались следующие вопросы: «Какое значение в Вашей жизни имеет прошлое, настоящее и будущее? Какое из этих времен Вас привлекает и почему?» Предлагалось давать ответы в свободной форме, начиная с наиболее значимого времени [С. 121–125].

Исследователем были получены впечатляющие данные, свидетельствующие о том, что у «разных» τ -типов «неодинаковое субъективное отношение к прошлому, настоящему и будущему... Судя по ответам, в диапазоне $0,70 \text{ сек.} \leq \tau \leq 0,86 \text{ сек.}$... находятся субъекты с четкой ориентацией в будущее. В диапазоне $0,86 \text{ сек.} \leq \tau \leq 0,94 \text{ сек.}$... для субъектов наиболее значимо настоящее. Субъекты, предпочитающие прошлое, находятся в диапазоне $0,94 \text{ сек.} \leq \tau \leq 1,11 \text{ сек.}$ » [С. 125–126].

Следовательно, принадлежность к тому или иному « τ -типу» распределяет всех субъектов на три группы с разными ориентациями во временной ретроспективе и перспективе. Согласно этому, «...реализованные, актуальные и потенциальные связи... приобретают у субъектов с различной временной ориентацией разную степень значимости, что... позволяет одним “жить в прошлом”, другим “жить в будущем”, а третьим ориентироваться на настоящее» [С. 129].

Определение Б. И. Цукановым временных особенностей индивидов с собственной скоростью хода времени и собственной временной перспективой (ретроспективой) позволило ему говорить о наличии в каждой типологической группе своего обобщенного временного профиля личности. Он приводит пять таких профилей для каждой из пяти « τ -типологических» групп – холероидов,

сангвиноидов, равновесных, меланхолидов, флегматоидов. Приведем подробную характеристику этих профилей [С. 130–131].

Так, представители холероидной группы являются предельно «спешащими», они живут в постоянном субъективном дефиците времени. Время кажется им таким, что «летит» и за ним надо пытаться успеть. Они направлены в будущее, скорее стремятся достичь поставленную цель. Как утверждает Б. И. Цуканов, И. П. Павлов справедливо называл их «безудержным» типом (рис. 14).

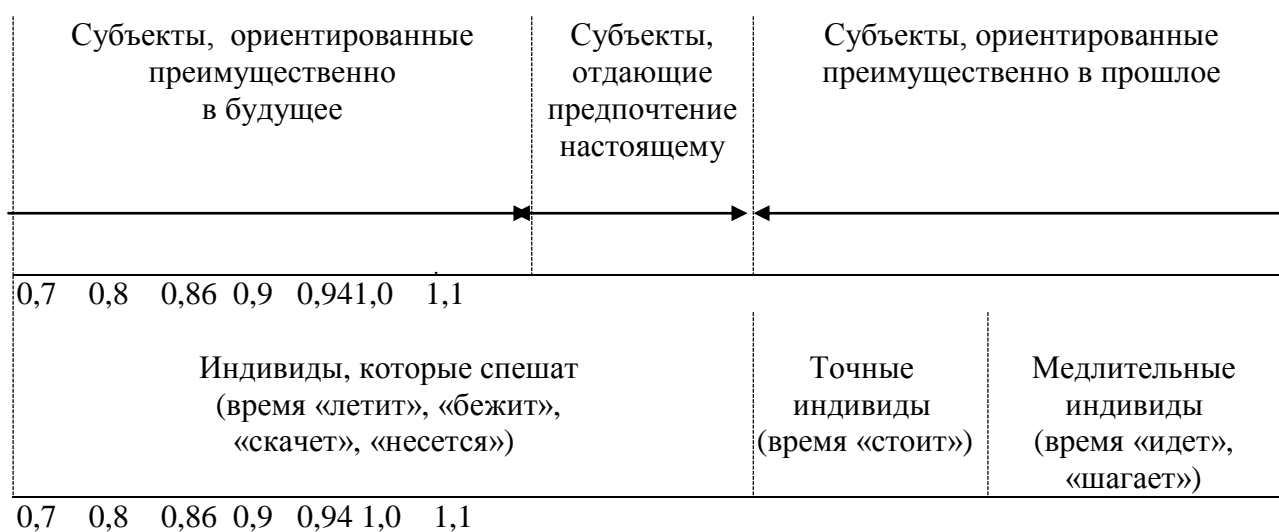

Рис. 14. Схема отношений индивидов ко времени

Индивиды сангвиноидной группы являются «спешащими», они также живут в субъективном дефиците времени. Для них время «бежит» и поэтому они боятся «не успеть». Будущее является желательным для них, интересным, его хочется быстрее приблизить, увидеть. И. П. Павлов характеризовал их как «живой» тип.

Для представителей уравновешенного типа время «течет не очень быстро», поэтому в жизни его «почти хватает». Они не имеют ориентации в будущее или прошлое, поэтому они предпочитают жизнь в настоящем («здесь и теперь»).

Индивиды меланхолидной группы не испытывают субъективного дефицита времени, время для них «стоит», они как бы заторможены и

обездвижены в нем. Они ориентированы в прошлое. Поэтому И. П. Павлов справедливо назвал их «тормозным» типом.

Представители флегматоидной группы не испытывают субъективного дефицита времени, они имеют «избыток времени» потому, что оно течет «медленно и равномерно», они привязаны к прошлому. И. П. Павлов точно назвал их «спокойным» типом.

Б. И. Цуканов отмечает, что данные профили обнаруживают себя как достаточно устойчивые образования, которые человечество в процессе воспроизведения сохранило в стойких пределах типологических групп на протяжении всей предыдущей истории. Поэтому индивидуально обусловленные особенности отношения к времени наложили свой отпечаток на деятельность субъектов, их философские обобщения, политические взгляды, поэтические произведения, что неоднократно отмечали исследователи проблемы времени... По мнению И. Г. Белявского..., «анализ таких отпечатков позволяет достаточно точно возродить индивидуальное своеобразие исторических личностей» [С. 130–131].

Одновременно, исследователь не соглашается с теми, кто пытается положить особенности переживания времени в основу типологии личности. Ведь «эти особенности, выдаваемые за временные свойства личности, связаны с врожденным механизмом собственных часов индивида. Бесспорно, индивид является носителем человеческой личности... и в онтогенезе у личности складывается определенное отношение к переживаемому времени, ход которого обеспечивает механизм индивидуальных часов. Но в онтогенезе время, как подчеркивал Фресс..., становится для личности и своеобразным “объектом” с определенной ценностью. Время можно “выигрывать”, “терять”, “дарить”, “отдавать”, “беречь”, “транжирить”, “прожигать” и т. д. Личность строит свое отношение ко времени в историческом и даже в космическом масштабе, включая в него и время жизни своего носителя – индивида. Поэтому между профилем индивидуально обусловленного отношения к переживаемому времени и временем личности нет линейной связи.

Некоторые исследователи психологического времени личности направляют свои усилия на то, чтобы помочь личности “овладеть временем жизни... изменять течение субъективного времени, сжимая его и растягивая, ускоряя и замедляя его”; научить личность “управлять собственным временем для наиболее полной творческой самореализации”... Решение такой задачи возможно при одном непрременном условии: нужно исходить из индивидуальных особенностей течения переживаемого времени, обусловленных ходом собственных часов индивида, а не игнорировать законы их хода. Чтобы владеть временем, надо, по меткому выражению Фресса, достигнуть “мудрости стариков” и принять время таким, каким оно дано каждому из нас, с его длиннотами, нехватками и ненадежностью... Время нельзя сжать спешкой и нельзя растянуть ожиданием, ибо скорость его хода у каждого индивида относительна. Истинная способность управлять временем открывается личности только тогда, когда она обретает умение приспособлять свою деятельность так, чтобы не попадать ни в ситуацию вынужденной спешки, ни в ситуацию вынужденного ожидания. В этом и заключается подлинное искусство владения временем, которое можно воспитать у каждой личности и довести до совершенства на основе знания об особенностях хода собственных часов» [183, С. 131–133].

В этом положении Б. И. Цуканова о времени жизни как о своеобразном «объекте» с определенной ценностью, как о настоящем богатстве, которым владеет личность и которое определяет ценность других ее свойств, и в целом – ценность самой личности, закладываются основы нового направления в науке – аксиопсихологии времени личности. Рассмотрим в этом плане следующие данные одесского профессора.

3.3.5. Психогенетический закон репродукции потомков и типологически определенных диспозиций рождения индивидов и психического развития личностей в системе «родители-дети»

Не менее важным, чем предыдущие, является открытие Б. И. Цукановым закономерности воспроизведения, рождения родителями детей с определенными «т-типами». Им было установлено, что воспроизведение «т-типов» при переходе от поколения к поколению является не случайным, а закономерным процессом.

Для выявления этой закономерности ученым было проведено обследование 50 семей, имеющих одного, двух, трех и более детей (сибсов). У родителей и детей (старше шести лет) измерялся «т-тип». Родители (отец – ♂, мать – ♀) и дети (первый ребенок – S₁, второй ребенок – S₂, i-й ребенок – S_i) размещались по своим индивидуальным значениям «т-типов» на линии сплошного спектра «т-типов». Проведенный после этого анализ соотношения «т-типов» отцов и детей позволил выделить три основных варианта комбинаций расположения родительских пар, в которых сохраняются устойчивые направления воспроизведения потомства (рис. 15) [182, С. 32-37].

Комбі-нація	Група				
	холероїдна	сангвіноїдна	меланхолоїдна	флегматоїдна	
I	1	♀ ♂	S ₁	S ₂	S ₃ →
	2		♀ ♂	S ₁	S ₂ →
	3	♀	♂	S ₁	S ₂ →
	4	♂	♀	S ₁	S ₂ →
II	1	← S ₃	S ₂	S ₁	♀ ♂
	2	← S ₂	S ₁	♀ ♂	
	3	← S ₂	S ₁	♂	♀
	4	← S ₂	S ₁	♀	♂
III	1	♀	S ₁	S ₂	S ₃ →
	2	♂ ← S ₃	S ₂	S ₁	♀
	3		♀	S ₁	S ₂ →
	4	♂ ← S ₂	S ₁	♀	

Позначення в таблиці: ♀ – мати, ♂ – батько, S₁, S₂, S₃, ... – сибси (діти).

Рис. 15. Направления репродукции тау-типов при рождении детей в зависимости от положения родителей в типологических группах по Б. И. Цуканову [182, с. 34]

I комбинация характеризуется тем, что родители, принадлежащие к холероидной и (или) сангвиноидной группам, стремятся воспроизвести потомков в направлении незанятых меланхолидной и флегматоидной групп.

II комбинация проявляется в том, что родители, которые относятся к меланхолидной и (или) флегматоидной группам, стремятся родить детей противоположным образом – в направлении незанятых сангвиноидной и (или) холероидной групп. «Иначе говоря, если родители находятся в типологических группах по одну сторону от оси симметрии, проходящей через точку “равновесного” индивида в сплошном спектре “т-типов”, то процесс воспроизводства потомства идет в направлении зоны свободных типологических групп» [183, С. 95].

III комбинация родительских пар и sibсов характеризуется тем, что «т-типы» отца и матери занимают противоположные относительно оси симметрии типологические группы. При этом выяснилось, что потомки по своим «т-типам» воспроизводятся в зонах свободных типологических групп, находящихся между родителями, и проявляют тенденцию приобретать «т-тип» в порядке от матери к отцу [183, С. 95].

Б. И. Цукановым было сформулировано общее правило воспроизводства «т-типов» в системе «родители-дети»: «направление репродукции sibсов любой родительской парой задается начальными условиями – положением (местом) родителей в типологических группах» [182, С. 35].

Из этого правила следует ряд важных последствий.

1. Одна и та же родительская пара репродуцирует потомков с разными типами темперамента («т-типами») в направлении, заданном начальными условиями (имеющимися у родителей «т-типами»).

2. Разные по начальным условиям (исходным «т-типам») родительские пары могут репродуцировать потомков одного типа темперамента, то есть так называемых «психодинамических близнецов» (с тождественными «т-типами»).

3. На процесс репродукции «т-типов» накладывается ограничение, которое проявляется в инверсии направления репродукции, обеспечивающей

вместе с предшествующими результатами, воспроизведение типологических групп в устойчивых границах. Это означает, что при условии, когда процесс репродукции потомков достигает крайней группы (это холероиды или флегматоиды), то дальнейшая репродукция идет в обратном направлении. Данный колебательный процесс наблюдается особенно отчетливо у многодетных родителей, родивших четверо и более детей.

Открытый Б. И. Цукановым механизм инверсии и колебательного процесса репродукции в рамках четырех основных типологических групп показывает, «что в принципе любая родительская пара потенциально способна родить представителей всех типологических групп» [182, С. 35].

Исследователь делает общий фундаментальный вывод, теоретическое и практическое значение которого для научной психологии, генетики и педагогики специалистам еще предстоит осознать в полной мере в будущем: «Если рассматривать три комбинации в целом, то репродукция индивидов в человеческой популяции представляет собой колебательный процесс, аналогичный колебаниям маятника. Эти колебания осуществляются от одного крайнего положения (“чистый” холерик) к второму крайнему состоянию (“чистый” флегматик), которые симметричны положению равновесия, находящемуся в точке “равновесного” типа. Нетрудно понять, что именно колебательный процесс репродукции способен обеспечить сохранение неизменного числа и состава типологических групп в непрерывном потоке поколений человеческой популяции.

В отличие от механических непрерывных колебаний маятника, колебания репродукции потомков представляют собой дискретный, квантованный процесс. Потомки, репродуцированные в направлении, заданном начальными условиями, разносятся по линии сплошного спектра индивидов по типологическим группам на фиксированные “расстояния”, как от одного из родителей, так и друг от друга. Таким фиксированным “расстоянием” между одним из родителей и первым ребенком, между первым и вторым ребенком и т. д. , является размер типологической группы» [182, С. 35-36].

Сформулированный Б. И. Цукановым «дискретный закон репродукции» имеет и другие последствия, которые позволяют понять природу продуцирования «т-типов» в человеческой популяции. Так, ученый утверждает, что «между психическими составляющими темперамента родителей и детей не имеется наследственной зависимости...» [182, С. 36]. Речь идет, конечно, не о прямой передаче одного и того же «т-типа» от родителей к детям. Исключения составляют только так называемые «психодинамические близнецы». Нетрудно заметить, что действие открытого ученым «психогенетического закона» удивительным образом соответствует закону эволюции Ч. Дарвина, по которому природный отбор обеспечивается наследственностью и изменчивостью. «Психогенетичний закон» воспроизведения потомства действует через сложный механизм закономерного заполнения всех типологических групп популяции в определенных количественных пределах (холероидов – 14 %, сангвиноидов – 44 %, «равновесных» – 4 %, меланхолидов – 29 % и флегматоидов – 9 %), а семей – представителями разных типологических групп по принципу дополнения. Вспомним, что термин «семья» можно трактовать и как «семь Я», из которых два «Я» – это родители, а пять «Я» – потомки, которые заполняют все пять типологических групп и делают такую полноценную семью уникальной популяционной единицей, способной адекватно, разнообразно реагировать на временные вызовы окружающей среды. Поэтому полноценные семьи тянутся именно к указанному в ее названии численному составу. Заметим, что такой же по составу является и семья одесского профессора, в которой пятеро детей...

Б. И. Цуканов, как настоящий ученый, констатирует, что «в психогенетическом законе репродукции много непонятного. Ясно только то, что главная роль в этом процессе отводится матери. Так, во всех трех комбинациях направление репродукции задается местом матери в линейном порядке типологических групп. Это наводит на мысль, что у матери существует своеобразный механизм “чувствительности” к направлению репродукции. Второй механизм можно назвать “послеродовой памятью матери”, в которой должно фиксироваться место предыдущего ребенка, чтобы следующий был

сдвинут на расстояние, определенное условиями квантования. Эти механизмы поднимают мать на уровень Геи-Реи-Кибелы, Праматери всех богов, культ которой еще у древних народов отображал великую силу материнства и великое таинство зарождения жизни» [182, С. 37].

Понятно, что открытый Б. И. Цукановым «психогенетический закон репродукции» должен быть самым тщательным образом учтен специалистами в области генетической, педагогической и возрастной психологии, стать одним из принципов развития нового научного направления – психогенетики.

3.3.6. Циклоидный характер динамики становления и жизнедеятельности индивида и личности

Следующий важный аспект теории Б. И. Цуканова о времени в психике индивида освещает закономерную связь «т-типа» с периодичностью, цикличностью разнообразных процессов жизнедеятельности человека. У таких высокоорганизованных существ, как человек, специалисты выделяют около 120 различных временных ритмов или циклов. Все они делятся на три большие группы: ультрадианные (с периодами менее 24 часов, т. е. часовые, минутные, секундные), циркадианные (околосуточные) и инфрадианные (с периодами более суток, то есть суточные, недельные, месячные, годовые). Совокупность ритмов определяется специалистами как такая, что является единой периодической системой колебаний жизнедеятельности организма. Впрочем, вопрос о механизме такой системности оставался открытым. Б. И. Цуканов поставил цель выяснить закономерности взаимосвязи между ультрадианными, циркадианными, инфрадианными ритмами и «т-типами».

Идея оправданном экспериментальным путем сопоставления индивидуальных значений «т-типа» с индивидуальными значениями периодов таких важных для жизнедеятельности организма ритмов, как ритм сердечной

деятельности (пульс), ритм дыхания, периоды бодрствования и сна и другие, он установил следующее.

Между периодом сердечной деятельности (т. е. временными интервалами между двумя ударами пульса) и « τ -типом» в выборке из 90 испытуемых существует очень высокая корреляционная связь (на уровне 0,98–0,99), а примерно у трети подопытных « τ -тип» совпадает с продолжительностью пульса (!). На основе этих данных Б. И. Цуканов делает вывод о том, что сердце с его пульсацией выступает в качестве своеобразного маятника биологических часов человека, тогда как мозг выполняет функцию измерения хода времени, переживаемого индивидуально [183, С. 136–139].

В другом эксперименте ученым было установлено, что продолжительность дыхательного цикла индивида определяется целым числом единиц переживания времени, т. е. « τ -типов», по формуле:

$$T_{\text{дых.}} = K \cdot \tau, \text{ где } K = 2, 3, 4, 5, 6.$$

При этом наблюдаются определенные особенности такой связи для различных типологических групп. Так, у индивидов холероидной группы коэффициенты « K » имели значения от 2 до 5, для представителей сангвиноидной и меланхолидной групп этот коэффициент был таким же, как и у равновесных, т. е. равным 4, хотя и встречались редкие исключения. Для представителей флегматоидной группы были присущи коэффициенты « K », равные 5 и 6. Б. И. Цуканов обращает внимание на то обстоятельство, что «среднегрупповые субъекты» демонстрируют закономерное соотношение длительности дыхания и « τ -типа», равное 4:1, что имеет большое значение для его дальнейших рассуждений.

Интересными и одновременно теоретически и практически значимыми оказались полученные Б. И. Цукановым экспериментальные данные относительно нормативных периодов бодрствования и сна для субъектов с разными « τ -типами». Эти данные разрушают некоторые ошибочные стереотипы здравого смысла, в частности, о необходимой продолжительности сна, которые могут привести к нежелательным последствиям в здоровье людей. Одним из них

является неправильное утверждение, что «холерики имеют малую продолжительность сна, а флегматики большую». Б. И. Цуканов доказал, что все обстоит как раз наоборот! Но он не остановился на этом и математически точно вычислил нормативную продолжительность сна для большинства « τ -типов», что, разумеется, имеет огромное гигиеническое значение. Статистическая обработка данных специального опроса (задавался вопрос: «Сколько часов в сутки Вам нужно, чтобы выспаться и хорошо себя чувствовать? Попробуйте определить количество времени с точностью до четверти часа») позволила сформулировать соответствующие функции для каждой типологической группы. Продолжительность сна T_m в часах может быть рассчитана по следующим формулам:

$$T_{m\text{хол}} = 10,6 - \tau \text{ (ч) для холероидов (0,7 сек.} \leq \tau \leq 0,79 \text{ с);}$$

$T_{m\text{санг-равн-меланх}} = 23,8 - 17,9 \tau \text{ (ч) для сангвиноидив, равновесных и меланхоидов (0,8 сек.} \leq \tau \leq 1,0 \text{ с).}$

$$T_{m\text{флегм}} = 9 - 4\tau \text{ (ч) для флегматоидов (1,01 сек.} \leq \tau \leq 1,1 \text{ с).}$$

Следовательно, наибольшая продолжительность сна у «чистого» холерика (~ 9,9 часа), средняя – у равновесного (~ 8 часов), а наименьшая – у «чистого» флегматика (~ 4,6 часа).

На основе этих функций Б. И. Цуканов построил график нормативной продолжительности сна (T_m , в часах) у индивидов в зависимости от их « τ -типа» (рис. 16) [С. 145].

Профессор дал логичное объяснение необходимой продолжительности сна, связывая ее с условной мощностью затраты энергии мозга у представителей разных типов темперамента. Так, у «чистого» холерика эта мощность примерно в 1,6 раза больше, чем у «чистого» флегматика. То, что он должен спать почти вдвое дольше, чем «чистый» флегматик, объясняется нелинейностью зависимости между условной мощностью затраты энергии и периодами сна, что требует дополнительных комплексных исследований с привлечением биофизиков и других специалистов [С. 147].

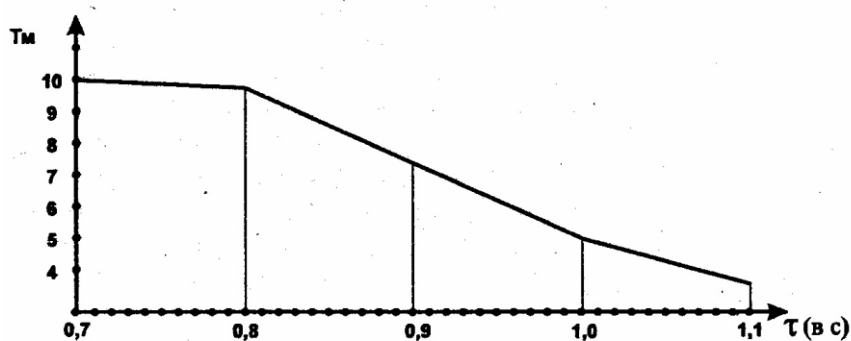

Рис. 16. Нормативная продолжительность сна (T_m) в часах у индивидов в зависимости от их « τ -типа» [183, С. 145].

Поиск следующих, важных для организма, индивида и личности биологических ритмов, Б. И. Цуканов связывает именно с « τ -типом» и так называемым передаточным числом, который заложен, по убеждению ученого, в ход биологических часов и равняется 1 : 4. Каждый следующий биологический цикл человека рассчитывается по формуле $T_n = 4 \cdot \tau \cdot T_{n-1}$, где T_n – период указанного цикла. Таким образом, им был вычислен, в частности, период бодрствования в течение суток для среднегрупповых субъектов, сангвиноидной и меланхолидной групп [С. 149], что совпало с величинами определенных по предыдущему методу периодов продолжительности сна.

Дальнейшее изучение инфрарадианных циклов привел Б. И. Цуканова (мы опускаем здесь и далее целую цепь основательных размышлений и расчетов исследователя) к открытию большого биологического цикла индивида, который рассчитывается по формуле $C = 8,51 \cdot \tau$ (лет) [С. 153].

Универсальность большого биологического цикла была подтверждена ученым путем его сопоставления с существующими системами возрастной периодизации таких известных специалистов, как Дж. Биррен, Д. Б. Бромлей, Г. Гримм и др., а также – при определении моментов обострения сердечно-сосудистых заболеваний в группах риска, о чем будет сказано далее [С. 153–157].

Большой биологический цикл индивида может быть представлен, по мнению Б. И. Цуканова, наглядно «в виде» следа «колеса, катящегося без скольжения. Суть этого представления состоит в следующем: «Из классической механики известно, что если зафиксировать точку на ободе колеса в момент ее соприкосновения с дорогой, то после завершения полного оборота колеса точка опишет арку циклоиды и снова соприкоснется с дорогой. Цикл завершится, а след между началом фиксации положения точки и конечным ее положением после полного оборота будет равен длине обода катящегося колеса» [С. 163]. Схема циклоидной модели времени, переживаемого в виде «катящегося колеса», т.е. большого биологического цикла, приведена на рис. 17.

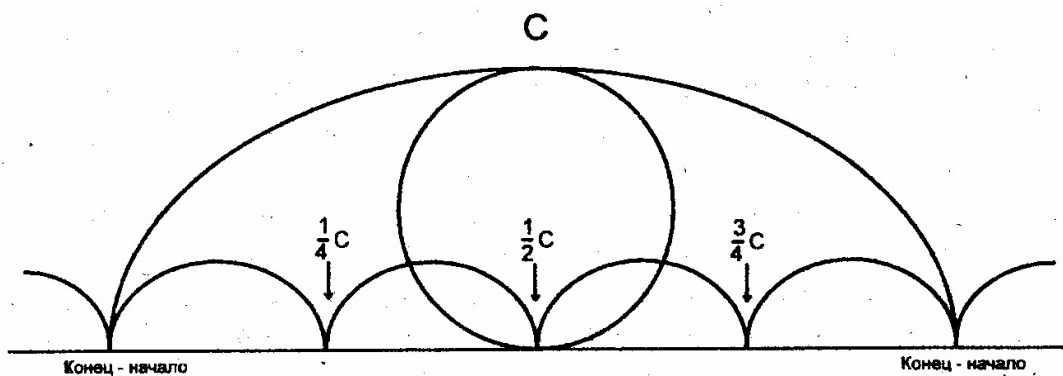

Рис. 17. Циклоидная модель времени, переживаемого индивидом [183, С. 164]

Итак, как подытоживает Б. И. Цуканов, «большой цикл “катится” из прошлого в будущее, а мозг, благодаря “обратному ходу” прокачивает переживаемую субъектом длительность, заключенную между началом и концом цикла, из будущего в прошлое. Используя образное сравнение Д. Гранина... мозг, как часовой механизм, прокачивает время, как насос воду. И каждый индивид, чувствуя работу своего “насоса”, понимает, что он живет во времени. Но как мозг инверсирует время? Этот вопрос пока остается величайшей загадкой» [С. 163].

Таким образом, результаты проведенных Б. И. Цукановым исследований свидетельствуют о том, «что собственная единица времени является шагом хода

центральных часов индивида. Роль главного маятника в этих часах выполняет сердце человека. Используя кратность отношения τ к длительности дыхательного цикла (1:4 для "среднегруппового субъекта – Р. В.)... удалось обнаружить аналогию хода центральных часов с механическими часами. В механизме центральных часов существует определенное передаточное число, которое позволяет установить связь между ультра-, цирка- и инфрадианными циклами жизнедеятельности организма индивида. Выделенный большой биологический цикл позволяет точно объяснить возрастную периодизацию, "психологические переломы", начало психосоматических срывов в жизни личности» [С. 166].

3.3.7. Качество хода собственных часов индивида и способность личности к усвоению и осуществлению различных видов деятельности

Важным аспектом разработанной Б. И. Цукановым теории времени в психике индивида является тесная связь между качеством хода собственных часов и успешностью (производительностью, оперативностью, точностью, эффективностью и т. д.) деятельности личности. Ему удалось найти убедительные доказательства того, что временная организация индивида и личности определяет успешность различных видов деятельности – спортивной, музыкальной, познавательной, интеллектуально насыщенной, что выступает психодинамической предпосылкой (задатком) развития дарований и способностей.

На этот раз ученый отыскивает показатели качества работы собственных часов индивида в самой процедуре определения « τ -типа», в его точности, стабильности при воспроизведении разных, как это видно из самого метода определения « τ -типа» (см. ранее в подразделе о методике определения типа темперамента) секундных интервалов (1, 2, 3, 4, 5 сек). Естественно, что при воспроизведении различных интервалов индивид может демонстрировать значения τ_i , отклоняющиеся от среднего значения « τ -типа». Степень же

стабильности « τ -типа» можно вычислить с помощью среднего квадратического отклонения σ . Понятно, что при минимальном значении σ показатель « τ -типа» демонстрирует большую стабильность, за чем стоит более высокое качество хода собственного часов, или, как говорит ученый, достигается аналог «хороших» часов. Последние должны удовлетворять двум следующим условиям [с. 168]:

$$1) \tau_i \rightarrow \tau = \text{const}; 2) \sigma \rightarrow 0.$$

Итак, для идеального варианта «хороших» часов свойственно условие $\sigma = 0$. Но в действительности оно не выполняется – из-за того, что «в психике индивида существует минимальный предел разрешающей способности, равный примерно 0,01 сек. Кроме того, не исключены систематические погрешности измерительной аппаратуры, применяемой в методе. Поэтому второе условие (условие низкой вариативности τ_i) следует рассматривать как индивидуальную меру, показывающую степень реального приближения к аналогу “хороших” часов (в пределе $\sigma = 0,01$ сек)».

Обнаруженные исследователем «закономерности воспроизводства “ τ -типов” в человеческой популяции показывают, что каждый индивид рождается со своим центральным часовым механизмом. Так как качество хода собственных часов зависит от врожденных возможностей индивидуального мозга, то вполне вероятно допустить, что в человеческой популяции существуют индивиды с аналогом “хороших” часов и индивиды с различными отклонениями от них» [С. 168].

В связи с этим, Б. И. Цуканов формулирует гипотезу о том, что «максимальное приближение к аналогу "хороших" часов должно иметь место скорее у тех индивидов, которые достигли высокой продуктивности в избранном виде познавательной деятельности" [с. 170].

Доказательство этой гипотезы осуществлялось путем измерения " τ -типа" и σ у представителей трех групп. Первые две группы составляли профессиональные работники и студенты с высокими показателями познавательной и учебной деятельности. В частности, в первую группу вошли

ученые – геологи, математики, физики, философы, химики, историки, психологи с ученой степенью кандидата или доктора наук, окончившие школу с золотой или серебряной медалью, а вуз – с "красным" дипломом. Как выяснилось, все они продемонстрировали стабильность свойственного им "τ-типа", а расхождения значений среднего квадратического отклонения не выходили за пределы $0,02 \text{ сек.} \leq \sigma \leq 0,06 \text{ сек.}$

У представителей второй группы – студентов разных факультетов Одесского государственного университета имени И.И.Мечникова (исследование проводилось в 1988 году), окончивших школу с золотой медалью и имевших высокий балл в аттестате (не ниже 4,8 по 5-балльной системе) – также оказался стабильный "τ-тип" во всех типологических группах со средним квадратическим отклонением в пределах $0,04 \text{ сек.} \leq \sigma \leq 0,08 \text{ сек.}$

В третью группу были включены учащиеся 8-10-х классов одной из школ г. Одессы с низким показателем успешности обучения (средний балл меньше 3,5). Они продемонстрировали примерное выполнение условия $\tau_i \approx \text{const}$ для разных типологических групп, а диапазон индивидуальных значений среднего квадратического отклонения был почти в 4 раза шире, чем в первых двух группах: $0,12 \text{ сек.} \leq \sigma \leq 0,28 \text{ сек.}$

Б.И.Цуканов провел также дополнительное исследование "τ-типа" у учеников с умственной отсталостью, обучавшихся в Одесской вспомогательной школе №75. Всего было обследовано 72 ученика со 2-го по 9-й класс с диагнозом "олигофрения в степени дебильности". В ходе исследования было установлено, что "в случае умственной отсталости собственная единица времени индивида не является стабильной, а меняется скачком в зависимости от глубины умственного дефекта. Иначе говоря, в силу имеющегося скачка, в психике олигофренов отсутствует собственная структура непосредственно переживаемого времени. Поэтому можно думать, что трудности с усвоением временных понятий, трудности с формированием представлений о метрических свойствах времени, нарушения ориентировки в прошлом и будущем у олигофренов во многом определяются отклонениями от аналога "хороших" часов" [с. 180-181].

На основе проведенного исследования Б.И.Цуканов делает вывод, что "продуктивность познавательной деятельности субъекта определяется не самой по себе принадлежностью к одному из пяти "чистых" типов, а качеством хода его собственных часов" [с. 174]. Тем самым было подтверждено выдвинутую гипотезу.

Ученый делает также следующий принципиальный вывод: "Самый высокий уровень способности к обучению и овладению закономерностями окружающей действительности, при прочих равных условиях, наблюдается у тех индивидов, субъективный ход времени которых максимально соответствует ходу "хороших" часов. Согласно полученным данным, в группу с высокими интеллектуальными задатками относятся те индивиды, у которых $\sigma \leq 0,05$ сек. Эти задатки в течение жизни могут превращаться в те или иные интеллектуальные способности" [с. 174].

И, наоборот, как утверждает Б.И.Цуканов, "к субъектам с ослабленным интеллектом могут быть отнесены те индивиды, у которых обнаруживаются большие вариации хода собственных часов ($0,1 \text{ сек.} \leq \sigma \leq 0,2 \text{ сек.}$) Судя по среднему баллу их успеваемости, способность к обучению у них невысока" [с. 175].

Одновременно, исследователь делает необходимое предостережение: "Мы не намерены сводить проблему интеллекта к часовому механизму. Аналог "хороших часов" следует рассматривать как одну из предпосылок высокого интеллекта. Если индивид родился с "хорошими часами", то у него есть потенциальная возможность проявить и высокий уровень понимания, и широту познания, и глобальную способность "правильно мыслить" в избранном виде деятельности. Монтень говорил, что мозг хорошо устроенный стоит больше, чем мозг хорошо наполненный... Мы будем недалеко от истины, если скажем, что мозг, устроенный подобно часовому механизму с высокой степенью организованности и упорядоченности (т.е. с минимумом вариаций собственного хода), обладает качеством производить высокоорганизованную и упорядоченную психическую функцию любого уровня. Поэтому вполне

возможно, что такие черты интеллекта, как легкость, изящность, тонкость, оригинальность, проявляющиеся в решении творческих задач, связаны с характеристиками хода "хороших" часов" [с 175].

Б.И.Цукановым было также проведено оригинальное исследование хода собственных часов у музыкально одаренных учеников Одесской специальной музыкальной школы имени П.С.Столярского. На основе расчета " τ -типов" и средних квадратических отклонений таких выдающихся исполнителей, выпускников этой школы, как Э.Гилельс, Л.Гилельс, М.Фихтенгольц (использовались данные обследования этих музыкантов Д.Г.Элькиным), ученый определил, что показателями музыкальной одаренности могут выступать, при наличии прочих равных условиях, таких как хороший мелодический слух, чувство ритма и др., следующие условия: $\tau \rightarrow 1,0$ сек. и $\sigma \rightarrow 0,01$ сек. Эти условия являются индивидуальной мерой приближения к аналогу очень "хороших" часов. Другими словами, это означает, что показателем музыкальной одаренности является принадлежность к "чистому" меланхолику как наиболее точному субъекту с максимально стабильным, т.е. качественным, ходом собственных часов [с. 182].

Разумеется, эти и рассмотренные ранее данные имеют огромное значение для дифференциальной психологии и психологической практики, для решения задач выявления, развития и поддержки одаренной молодежи, о чем мы подробнее скажем ниже. Очевиден и их аксиологический смысл, поскольку одаренность получает свою ценностную характеристику со стороны указанных особенностей временной организации индивида.

3.3.8. Патопсихосоматические проявления временных типологических характеристик индивидов и личностей

Один из наиболее интересных и практически значимых аспектов теории Б.И.Цуканова связан с идеей Гиппократов о "предпочитаемых" болезнях. Борис Иосифович возвращает нас к исходным положениям учения "древнегреческого гения" о психосоматическом единстве человека, по которому эти болезни

являются одним из объективных показателей принадлежности индивида к определенной типологической группы. Более того, Гиппократ определял типы темперамента не столько по известным жидкостям (желчь, кровь, черная желчь, лимфа), сколько по болезням, локализующимся в определенных типологических группах.

К числу "предпочитаемых" относятся хронические неинфекционные заболевания, среди которых первое место занимают сердечно-сосудистые болезни (ССБ), поскольку этими болезнями, по данным Всемирной организации здравоохранения, страдает одна четвертая часть взрослого населения планеты. Болезни сердца, в частности, ишемическая болезнь сердца (ИБС), выступают причиной каждой второй смерти, каждой третьей инвалидности, приводят к огромным экономическим потерям.

Б.И.Цуканов, исходя из собственной теории времени, обратил внимание на то обстоятельство, что ИБС является хроническим заболеванием, развитие и течение которого должно иметь временную развертку, а такая ее клиническая форма, как инфаркт, проявляется в определенном возрасте [с. 90].

Ученый выдвинул предположение, что в человеческой популяции существуют индивиды, которые "предпочитают" и болеют ИБС. Если такие индивиды или их группы существуют, то можно заранее выявить так называемые факторы риска появления этой болезни у данных индивидов. Конечно, было бы целесообразно искать эти факторы риска в самом факте принадлежности индивидов к определенным типологическим группам, в их расположении в определенных местах всего спектра «т-типов».

Б.И.Цуканов учел при этом то обстоятельство, что одним из главных факторов риска, который приводит к ИБС, в кардиологии признается артериальная гипертония. Поэтому в ходе специального эксперимента он определил систолическое артериальное давление (САД) и диастолическое артериальное давление (ДАД) у здоровых мужчин и женщин (всего 134 лица в возрасте от 19 до 26 лет) и свойственные для них "т-типы" и обнаружил зоны, в которых располагаются представители с гипо- и гипертонической тенденциями.

Им было установлено, что в холероидной ($0,7 \text{ сек.} \leq \tau < 0,8 \text{ сек.}$) и флегматоидной ($1,0 \text{ сек.} < \tau \leq 1,1 \text{ сек.}$) группах располагаются индивиды с гипотонической тенденцией, а в определенных подгруппах сангвиноидов ($0,8 \text{ сек.} \leq \tau \leq 0,86 \text{ сек.}$) и меланхолоидов ($0,94 \text{ сек.} \leq \tau \leq 1,0 \text{ сек.}$) содержатся индивиды с гипертонической тенденцией. Для равновесных индивидов свойственна среднестатистическая норма систолического и диастолического артериального давления ($p = 120/70 \text{ мм рт. ст.}$) [с. 90-91].

Когда же Б.И.Цуканов провел измерение "τ-типов" у 90 постинфарктных больных перед выпиской из отделения реабилитации 3-й городской кардиологической больницы г. Одессы, был обнаружен интересный факт. Все обследованные постинфарктные больные четко распределились на две группы по "τ-типам", которые были свойственны для выделенных ранее здоровых индивидов – сангвиноидов и меланхолоидов – с гипертонической тенденцией. Это распределение представлено на рис. 18 [с. 92].

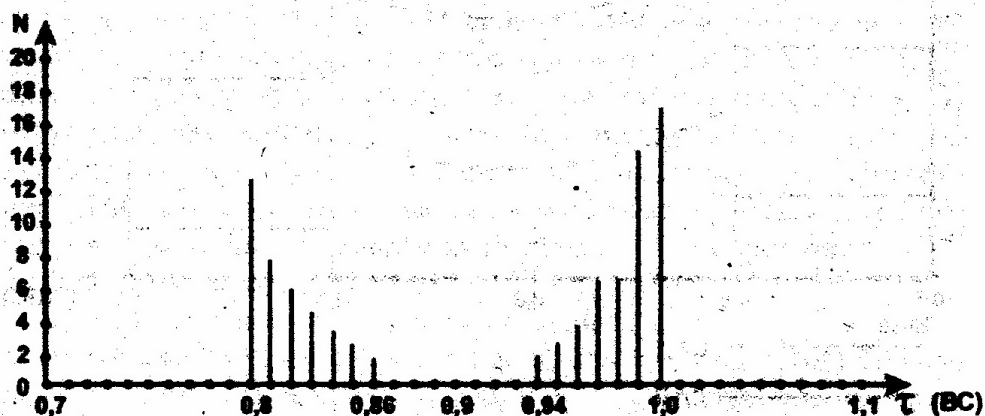

Рис. 18. Распределение количества постинфарктных больных (N – ось ординат) в сплошном спектре "τ-типов" (ось абсцисс) по Б.И.Цуканову [183, С. 92].

Таким образом, Б.И.Цуканову "удалось обнаружить весьма важный факт: ишемическая болезнь сердца локализуется в пределах только тех типологических групп индивидов, для которых она является "предпочитаемой", и за пределы этих групп не выходит. Сама болезнь очертила границы обеих

групп "чистыми" сангвиниками и "чистыми" меланхоликами, перенесшими инфаркт миокарда.

Между индивидами обеих групп имеется также ряд качественных отличий в протекании клинической формы болезни. Так, у индивидов сангвиноидной группы она носит резкий, острый характер. В этой группе преобладают трансмуральный и крупноочаговый инфаркты. Повторный инфаркт угрожающе опасен для жизни. Процесс восстановления у этих больных протекает медленно. У индивидов меланхоликоидной группы, наоборот, течение болезни отличается меньшей выраженностью. Здесь чаще встречается мелкоочаговый инфаркт. Больные могут перенести два-три и более инфарктов, но процесс их восстановления происходит быстрее" [159, С. 92-93].

Ученый рассчитал количество "τ-типов", содержащиеся в диапазонах 0,8 сек. $\leq \tau \leq 0,83$ сек. и 0,97 сек. $\leq \tau \leq 1,0$ сек., в которых сосредоточен основной массив постинфарктных больных, и получил "26% от общего числа индивидов, входящих в репрезентативную выборку "τ-типов" человеческой популяции (рис. 10). Это соответствует мировой статистике ССЗ, приведенной выше" [с. 93].

Б.И.Цуканов объясняет этот факт учением Гиппократов, по которому в психосоматической структуре одной четвертой части всех индивидов, относящихся к сангвиноидному и меланхоликоидному типам темперамента, имеется "место наименьшего сопротивления" именно по отношению к сердечно-сосудистым болезням.

Исследователь провел систематическое изучение собственной единицы времени у индивидов с другими хроническими неинфекционными заболеваниями – болезнями печени, почек, желудка и т. д. и получил данные об их локализации в определенных типологических группах сплошного спектра «τ-типов». Обследовались больные, которые лечились в городской клинической больнице и в международном центре здоровья г. Одессы. На рис. 19 приведена схема локализации "предпочитаемых" болезней в сплошном спектре "τ-типов" [с. 94].

Эта схема, в целом, соответствует тому, как Гиппократ объяснял происхождение болезней у представителей четырех типов темперамента преобладанием одной из четырех жидкостей в организме. Однако, принадлежность индивида к определенному типу темперамента с присущими ему "предпочитаемыми" болезнями не означает фатальной обреченности к заболеванию этой болезнью. Тип темперамента свидетельствует лишь о том, "что в организме данного индивида есть система, в которой в определенный период жизни может начаться развитие заболевания». Это "переоткрытие" Б.И.Цукановым внутрииндивидуальных факторов появления патогенных процессов позволяет психологам по-новому осмыслить механизмы детерминации психосоматических заболеваний. Понятно, что благодаря этому впервые появилась новая возможность определить группы риска возникновения тех или иных заболеваний у представителей определенных типологических групп.

Болезни печени и желчного пузыря (гепатит, холецистит)	Болезни сердечно- сосудистой системы (ишемическая болезнь сердца)	Болезни почек (пиелонефриты), воспаление легких, бронхиты, гипертония почечного типа, почечно- каменная болезнь)	Болезни сердечно- сосудистой системы и мозга (ИБС, инсульт)	Болезни желудка (язва желудка)
---	---	---	--	-----------------------------------

0,70,8 0,86 0,90,94 1,01,1

τ (сек.)

Холероиды Сангвиноиды Равно- Меланхолиды Флегматоиды
весные

Рис. 19. Схема типологических групп и соответствующих им "предпочитаемых" болезней в сплошном спектре "τ-типов" [183, С. 94].

Отметим, что ученый не ограничивается только этим аспектом патогенеза "предпочитаемых" болезней, но делает еще одно фундаментальное открытие,

доказав, что "проявление хронических неинфекционных заболеваний имеет временную развертку, определяемую ходом собственных часов индивида" [с. 94].

Ему удалось установить закономерности периодизации в процессе течения и обострения прежде всего сердечно-сосудистых заболеваний, связав ее с большим биологическим циклом. Было выдвинуто, а затем доказано предположение, что начало этих заболеваний совпадает или с концом текущего большого биологического цикла, или с концом его четверти. Для доказательства этого предположения ученым определялся "τ-тип" у 289 больных инфарктом (первый и повторный), мужчин и женщин и соответствующий ему индивидуальный большой биологический цикл, который сравнивался с возрастом сердечного приступа. Все количественные данные заносились в специальные таблицы и обобщались. Проведенное им «сравнение расчетных и статистических возрастов показывает, что у "среднегрупповых больных" (в соответствующих сангвиноидной и меланхолоидной подгруппах – Р.В.) болезни сердца начинаются в возрасте, определяемом через целое или дробное число прожитых больших биологических циклов, а начало болезней совпадает с концом текущего цикла, или с концом его четверти..." (рис. 20 и 21) [с. 157].

Б.И.Цуканов установил, что "для большинства обследованных больных общим является то, что гипертонические кризы, приступы стенокардии, инфаркты не только совпадают с концами четвертей текущих циклов, или с их концами, но и начинают повторяться с периодичностью $1/4C$, $1/2C$; $3/4C$; C ; $1\ 1/2C$ в зависимости от принадлежности к типологической группы и полу индивида. Болезнь приобретает хронический характер, иногда заявив о себе на ранних этапах онтогенеза..." [с. 160].

Ученый предупреждает, что "кроме индивидов, у которых конец текущего большого цикла проявляется в сердечных болях, имеется значительное число больных, у которых болезнь протекает бессимптомно, в скрытой форме. Это наиболее опасная форма, ибо она часто приводит к внезапной смерти" [с. 161].

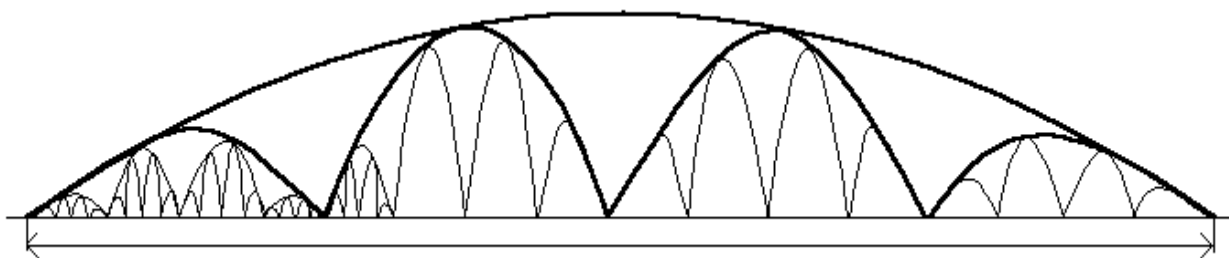

Рис. 20. Большой биологический цикл ($C = 8,51 \cdot \tau$ лет) и его дифференциация на четверти и т. п. по Б.И.Цуканову.

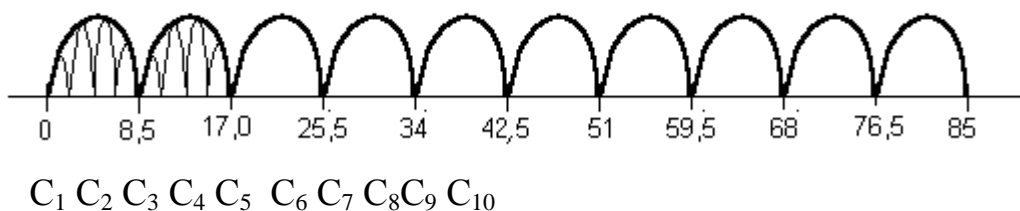

Рис. 21. "С-периодичность" ($C = 8,5$ лет) жизненного пути человека с $\tau = 1,0$ сек. ("чистый" меланхолик) по Б.И.Цуканову [183, С. 157].

По данным Б.И.Цуканова, встречается немало кардиологических больных, у которых каждая $\frac{1}{4} C$ делится на четыре части, в конце которых также происходят болезненные проявления. То же самое бывает и с делением каждой $\frac{1}{16}C$ на четыре части, когда $\frac{1}{64}C$ -периодичность является многосуточной и каждый цикл проявляется в резких перепадах артериального давления. У таких больных кризисы, приступы стенокардии или инфаркта могут повторяться, как бы чередуясь друг с другом [там же].

"С-периодичность" обнаружена ученым также и в процессе течения болезней почек у представителей "равновесного" типа и приближенных к нему сангвиноидов и меланхолоидов – в диапазоне $0,87 \text{ сек.} \leq \tau \leq 0,93 \text{ сек.}$ [с. 161].

Таким образом, Б.И.Цуканов математически точно описал фундаментальный факт проявления хронических неинфекционных "предпочитаемых" болезней с определенной "С-периодичностью", что имеет

очевидное прогностическое и профилактическое значение для практической психологии и психотерапии. Этот факт положен им в основу создания медико-психологической технологии кардиопсихотерапии, на основе которой предложена муниципальная программа преобразования Одессы в антиинфарктную зону.

Возможность расчета времени наступления фазовой сингулярности дает в руки психолога средство определения момента обострения «предпочитаемой» болезни клиента, а в некоторых случаях, более того – вероятного летального ее исхода. Так, мы обнаружили тот факт, что момент наступления смерти у некоторых остро неконгруэнтных взрослых, пожилых людей и, особенно, у людей старческого возраста часто совпадает с концом большого биологического цикла или концом его предпоследней четверти. Понятно, что в некоторых случаях метод Б.И.Цуканова дает возможность избежать смерти (это прежде всего относится к случаям так называемой «внезапной» смерти) – зная, что она может наступить в определенный момент и заблаговременно позаботившись о мерах по ее избежанию. Отметим, что сам Б.И.Цуканов безусловно обладал точной формулой расчета вероятного наступления такого момента. Об этом рассказали его ближайшие родственники, сообщившие, что профессор вместе со своим сыном за несколько дней точно предсказал мгновение наступления собственной смерти...

Б.И.Цуканов объясняет, углубляя взгляды Гиппократов, вероятный механизм "С-периодичности" процесса патогенеза хронических неинфекционных болезней таким образом. У каждого индивида, в соответствии с имеющимся у него типом темперамента, то есть "т-типом", в организме существует так называемое "место наименьшего сопротивления", которое становится уязвимым в конце текущего большого биологического цикла или текущей четверти. Поскольку при жизни человек переживает ряд больших биологических циклов, то на протяжении жизненного пути индивид проходит ряд критических возрастных точек, в которых и "наблюдается симптоматика хронических неинфекционных заболеваний" [с. 162].

Ученый дает объяснение этого явления, связывая природу темперамента с биоэнергетическими процессами в организме человека. Он подчеркивает, что эти процессы описываются законами термодинамики открытых систем, далеких от равновесия и обменивающаяся с окружающей средой веществом и энергией при осуществлении метаболических циклов. С точки зрения биофизики, основная задача организма при этом – сохранить себя в неуравновешенном состоянии за счет оттока энтропии в окружающую среду. "С точки зрения термодинамики метаболических циклов, после совершения одного оборота цикла через определенное время система (живой организм) снова возвращается в первоначальное состояние... Если любой метаболический цикл рассматривать с позиций биоэнергетических характеристик (термодинамический потенциал, энтропия системы), то организм действительно возвращается в первоначальное состояние, то есть цикл является замкнутым. Но если рассматривать любой цикл жизнедеятельности организма на «стреле внутреннего времени» (ведь от начала цикла до его завершения прошло время), то он не может быть замкнутым, ибо организм после завершения цикла уже будет в другом состоянии. Любой биоэнергетический цикл имеет развертку на «стреле внутреннего времени» организма, в котором начало и конец цикла разнесены на длительность его периода. За истекший период в организме происходит ряд тех внутренних изменений, которые, если говорить о человеке, приводят к тому, что он подрос, возмужал, созрел, состарился, что, собственно, и обнаружено в возрастной периодизации" [с. 162-163].

Использование циклоидной модели "катящихся колес" для описания времени, переживаемого индивидом, позволяет ответить на вопрос о начале "предпочитаемых" болезней. Б.И.Цуканов вновь обращается к аналогиям: "Арка циклоиды на нашей схеме отражает полный оборот "колеса" биологического цикла. Если площади под аркой придать смысл биоэнергетического потенциала индивида,... то начало хронических неинфекционных заболеваний будет совпадать с концом биологического цикла или с концом его текущей четверти, то есть с отдельными возрастными точками жизни, в которых этот потенциал

достигает минимума. Иначе говоря, в точках с биоэнергетическим минимумом место наименьшего сопротивления у того или иного человека становится наиболее уязвимым. И порой достаточно незначительного воздействия извне, чтобы заболевание проявилось. В точках биоэнергетических спадов у людей наблюдаются неприятности на работе, разлады в семье, заболевания. Однако это объяснение следует расценивать как предварительное, так как у нас нет количественных измерений биоэнергетического потенциала индивида. Кроме того, осуществление измерений в течение большого биологического цикла в силу известных причин весьма трудоемко и требует совместных усилий биофизиков, медиков, физиологов, психологов" [с. 165].

Б.И.Цуканов дает еще одно объяснение причин начала "предпочитаемых" болезней на основе представления о так называемой фазовой сингулярности, под которой понимается слияние временных фаз различных циклов в отдельной точке. Он говорит: "Согласно нашей модели (см. рис. 12 и 13), фазовая сингулярность (ФС) имеет место в точках, где конец предыдущего большого цикла сливается с началом следующего цикла (ФС-1). ...в пределах большого цикла есть еще несколько точек фазовой сингулярности...

Используя передаточное число в обратном порядке, можно показать, что в точках фазовых сингулярностей большого цикла сливаются концы и начала все меньших и меньших периодов " катящихся колес" вплоть до дыхательных циклов и циклов "действительного настоящего". Как видно, в отдельно взятой фазовой сингулярности множество концов и начал жизненных циклов индивида сжимаются в мгновения невероятно малых размеров. В этом и заключается главная опасность фазовой сингулярности, ибо в мгновение смены концов началами организм как бы гибнет и рождается вновь. Отметим, что еще Леонардо да Винчи предлагал рассматривать жизнь как непрерывный процесс "гибель-рождения»... Действительно, в ряде исследований установлено, что причиной внезапной остановки дыхания, фибрилляций сердечной мышцы, приводящих к смерти, является фазовая сингулярность... Статистика стенокардий и инфарктов, приведенная нами (см. в [183]), убедительно

показывает, что начало заболеваний совпадает с той или иной фазовой сингулярностью в пределах текущего большого биологического цикла индивида. Сравнение расчетных циклов с известными возрастными периодизациями также убедительно показывает, что фазовая сингулярность выполняет роль границы между сменяющимися друг друга периодами жизни индивидов. Фазовой сингулярностью можно объяснить возрастные поворотные пункты, в которых наблюдаются "психологические переломы" личности. В целом, циклоидная модель "катящихся колес" позволяет увидеть важную роль фазовых сингулярностей в жизнедеятельности организма индивида и в его субъективно переживаемом времени" [183, С. 165-166].

3.3.9. Интерпретация типа темперамента как совокупности психодинамических задатков развития дарований и способностей личности, ее ценности и самооценности, чести и достоинства.

В научных работах Б.И.Цуканова тип темперамента рассматривается как предпосылка осуществления поведения и деятельности субъекта с разными скоростными и энергетическими параметрами, то есть как совокупность психодинамических задатков развития способности индивида к выполнению человеческих форм активности, то есть деятельности и поведения, с определенным качеством. Так, он связывает принадлежность человека к «чистому» типу темперамента (с $\tau = 0,7; 0,8; 0,9; 1,0; 1,1$ сек.) как условие достижения человеком высококачественных результатов, то есть как один из важных показателей задатков одаренности.

Наличие у человека «хороших», высококачественного часов, с $\sigma < 0,05$ признается Б.И.Цуканов предпосылкой формирования высоких интеллектуальных способностей к обучению и познанию, которую мы можем интерпретировать как психодинамические задатки развития академической и умственной одаренности.

Ученый прямо говорит о том, что музыкально одаренные студенты и талантливые исполнители тяготеют к $\tau = 1,0$ сек. и $\sigma = 0,01$ сек., что проверено им на учениках и выпускниках одесских музыкальных учебных заведений.

Наш опыт работы с объективным методом определения типа темперамента по Б.И.Цуканову свидетельствует о необходимости и возможности расширения интерпретации типа темперамента как совокупности различных психодинамических задатков развития дарований и способностей личности. Тип темперамента естественно определяет возможность приобретения личностью психодинамического статуса «сильного-слабого», «быстрого-медленного», «эмоционально стабильного-эмоционально нестабильного, тревожного», «успешного-неудачного» и т. д. , который при сопоставлении между собой носителей различных типов темперамента при выполнении определенных видов поведения и деятельности могут оказываться или возвышенными, или униженными в своей ценности, достоинстве и чести, именно по причине своего психодинамического статуса. Для этого обратимся прежде всего к рисунку 11, на котором приведена структура и динамика свойств нервной системы личности в зависимости от типа темперамента.

Так, на изображенном на рисунке 11 графике динамики экстраверсии, в зависимости от тау-типа, видно, что наиболее экстравертированными являются холероиды, в диапазоне же сангвиноидов экстраверсия меняется от максимума у «чистых» сангвиников до среднего уровня амбиверсии в конце диапазона сангвиноидов. В точке перехода через уравновешенный тип появляется интраверсия меланхолоидов и флегматоидов. В диапазоне меланхолоидов интраверсия растет, достигает максимума в зоне «чистого» меланхолика и сохраняется на максимальном уровне во всем диапазоне флегматоидов вплоть до «чистого» флегматика.

Этот график свидетельствует о наличии задатков развития дарований и способностей к коллективным, коммуникативным, управленческим, экстраспективным, «открытым» к людям профессиям и видам деятельности у представителей первых двух типов темперамента – холероидов и сангвиноидов.

У представителей же других двух типов – меланхолоидов и флегматоидов – имеются задатки развития дарований и способностей к индивидуальным, кабинетным, рефлексивным, интраспективным, относительно «закрытым» от общества профессиям и видам деятельности. Подтверждением этого является то обстоятельство, что среди спортсменов, педагогов, менеджеров, артистов гораздо больше холероидов и сангвиноидов, чем меланхолоидов и флегматоидов, которых, в свою очередь, значительно больше среди философов, психологов, теоретиков, кабинетных ученых и т. д.

Если перейти к графику изменения подвижности нервной системы на рисунке 11, то она (подвижность) максимальна у холероидов, одинакова у сангвиноидов и меланхолоидов и минимальна у флегматоидов. А это образует задатки к овладению холероидами «быстрыми», а флегматоидами, наоборот, «медленными» видами деятельности, тогда как сангвиноиды и меланхолоиды имеют психодинамические предпосылки к выполнению "средних" по скорости видов деятельности.

При анализе следующего графика на рисунке 11, с изменением силы возбуждения нервной системы, при его сопоставлении с предыдущим графиком подвижности, очевидным становится преимущество холероидов и сангвиноидов по подвижности и работоспособности перед слабыми (хотя и сравнительно быстрыми) меланхолоидами и медлительными (хотя и сильными по возбуждению и торможению) флегматоидами. Первые два типа темперамента, то есть сильные и быстрые холероиды и сангвиноиды, явно обладают задатками к так называемой возрастной одаренности, поскольку по "психодинамическому возрасту" статистически значительно опережают слабых меланхолоидов и медлительных флегматоидов. По нашим данным, такое возрастное опережение может достигать одного-двух лет и поэтому в отдельных случаях дети холероидного и сангвиноидного типов темперамента могут быть отданы в начальную школу на эти же соответствующие два или один год раньше, чем дети меланхолоидного и флегматоидного типов. Такая возможность проверена опытом работы автора школьным психологом, в том числе и естественно

подтверждена примером собственных детей. При этом, однако, следует придерживаться гигиенических требований, в частности, увеличить продолжительность сна детей с холероидным и сангвиноидным типами темперамента, как это и рекомендуется теорией Б.И.Цуканова, и держать режим их жизнедеятельности и состояние здоровья под контролем.

Этот опережающе-возрастной эффект усиливается значительно меньшей силой торможения у холероидов, сангвиноидов и частично – у меланхолоидов и уменьшается значительно большей силой торможения – у флегматоидов, что является своеобразным задатком формирования у части последних различных форм негативизма и часто приводит к стойкой негативной, тормозящей, препятствующей мотивации, к непомерному личностному отрицанию, протестному поведению и в силу этого – к малопродуктивной деятельности. Это хорошо известно наблюдательным практическим психологам, использующим объективную методику Б.И.Цуканова для определения типа темперамента.

Если проанализировать рисунок 12 с данными о количественном составе типологических групп, а наиболее многочисленная среди них сангвиноидная (44% всей человеческой популяции), затем идет меланхолоидная группа (29%), то это дает основания для проявления определенных форм доминирования этих двух групп по таким качествам, как корпоративная солидарность, взаимная поддержка, групповая сплоченность и др. При этом группы холероидов (14%), флегматоидов (9%) и равновесных (4%) сознательно или бессознательно чувствуют себя более обособленными, менее уверенными, чем сангвиноидно-меланхолоидное «большинство». В некоторых динамических (быстротечных, напряженных, силовых и т. д.) ситуациях эта обособленность присуща и меланхолоидам с их слабостью, тревожностью, интравертированостью.

Сангвиноиды чувствуют себя более уверенно при выполнении любой деятельности, чем представители других типов, поскольку имеют очевидное преимущество перед ними – в силе, подвижности и уравновешенности процессов возбуждения и торможения нервной системы и соответствующих им лучших параметров деятельности. Поэтому в этой группе наиболее выражены и

аксиопсихологические свойства – сангвиноиды более амбициозные, самоуверенные, гордовитые среди всех типологических групп и поэтому часто доминируют над ними.

Анализ данных, представленных на рис. 14, дает основания для выявления преобладающих тенденций в ориентации холероидов и значительной части сангвиноидов в будущее, равновесных же (вместе с ближайшим к ним слоем в группах сангвиноидов и меланхолоидов – с тау-типом 0,9 плюс-минус 0,03 сек) – в ситуацию «здесь и теперь», а значительной части меланхолоидов и всех флегматоидов – в прошлое. Такая футурогенная, ситуационная и ретрогенная направленность, если она приобретает стойкость и действенность, становится фактором выбора соответствующих видов деятельности, профессий и занятий.

Например, первая группа (холероиды и часть сангвиноидов) обнаруживает склонность выбирать занятия и виды деятельности, связанные с освоением будущего через его предвидение, планирование, программирование, прогнозирование, проектирование, экстраполяцию с помощью преимущественно категориально-понятийных средств и воображения. Поэтому среди холероидов и части сангвиноидов так много руководителей, менеджеров, проектантов, «пророков», конструкторов, педагогов (как тех, кто формирует молодежь, т.е. будущее общества), фантастов, поэтов и т. д. На основе этих задатков у них часто формируются дарования и способности к опережающим видам деятельности. Об этом мы говорили ранее в связи с повышенной подвижностью холероидного и сангвиноидного типов темперамента, которые, с их энергичностью и скоростью, как будто пытаются выйти за пределы настоящего, которого им по этой причине мало, не хватает.

Противоположная к ним группа флегматоидов и большая часть меланхолоидов тяготеет к различным формам постижения прошлого, поэтому среди них так много историков, археологов, архивных работников, художников, писателей, философов, психологов и т. д. Представителям этих двух типов темперамента – части меланхолоидов с их слабостью, склонностью к переживаниям, стрессам, переутомлению и относительной медлительностью

нервной системы, и флегматоидам, с их медлительностью, склонностью к отставанию и запаздыванию, – присуще относительно ограниченное присутствие в настоящем. Им как бы слишком много настоящего, с которым они не могут полностью справиться. Неосвоенный в силу этого «остаток» настоящего с течением времени уходит, так сказать, в субъективное прошлое, в память, и становится предметом интеллектуального, преимущественно образного освоения.

В первом и втором случае постепенно складываются два своеобразных психологических механизма становления мышления. Один из них преимущественно направлен в будущее, на основе доминирующего использования холероидами и частью сангвиноидов категориально-понятийных средств, поскольку именно с их помощью можно лучше представить еще «не увиденное» будущее. Второй же механизм преимущественно направлен в прошлое, на основе доминирующего использования образно-представленческих средств, поскольку именно с их помощью можно лучше представить это уже «увиденное», но частично пережитое прошлое, которое, в силу слабости меланхолидов и медлительности флегматоидов, недостаточно освоено. Наличие таких интенционно-временных механизмов становления не только мышления, но и всего интеллекта (что конечно не отменяет действие других механизмов его развития) подтверждается нашей психодиагностической и консультативной практикой. В ее ходе отчетливо выявляется доминирование флегматоидов, например, среди историков, археологов и философов, а холероидов – среди проектировщиков и конструкторов.

Что же касается представителей равновесного типа темперамента с ближайшим к нему сангвиноидно-меланхолидным окружением, то они больше всего привязаны к ситуации «здесь и теперь», являются больше «ситуационистами» по своим пространственно-временным психодинамическим задаткам, поэтому среди них так много экономистов, хозяйственных работников и предпринимателей.

Итак, приведенные данные свидетельствуют о наличии типологически, «изнутри» определенной психодинамической дифференциации задатков развития дарований и способностей у представителей разных типов темперамента. Эта дифференциация становится фактором своеобразного «психодинамического смысла» выбора и осуществления людьми своего «сродного» (по Г.С.Сковороде) вида занятий и деятельности, который часто противоречит общественно определенному «здоровому смыслу» нивелирования и выравнивания людей, царящему в обществе с его нормами экономической, юридической интеграции через принцип равенства. Последние должны быть дополнены принципами психодинамической дифференциации. Ведь нарушение указанного выше «психодинамического смысла» приводит, как показано далее в пособии, к появлению так называемой психодинамической неконгруентности, к внутриличностной и межличностной напряженности и психосоматическим отклонениям и болезням. Зная тип темперамента, можно четко спрогнозировать появление в определенных случаях такой неконгруентности, «своих» психосоматических заболеваний, которые мешают развитию и самоактуализации дарований и способностей личности. Обратным образом, как на это указывал еще Гиппократ, по этим предпочитаемым болезням можно определять тип темперамента.

Указанные психодинамические свойства представителей разных типов темперамента могут как способствовать, так и мешать проявлению и развитию одаренности и способностей личности на основе указанных задатков. К примеру, сила и подвижность холероидов и сангвиноидов в нормальных, правильных условиях воспитания могут стать предпосылкой развития управленческих, организационных, педагогических дарований и способностей. Вместе с тем, в этом им могут мешать чрезмерная быстрота и импульсивность действий холероидов и амбициозность и самоуверенность сангвиноидов. Слабость, эмоциональность, утомляемость меланхолоидов и медлительность, склонность к запаздыванию, некоторой отстраненности от людей флегматоидов могут препятствовать формированию их способности к выполнению этих же видов

деятельности. Среднее положение равновесных, с их ситуационностью и необходимостью осуществления широких компромиссов в условиях существования между противоположными типологическими группами, может чрезмерно перегружать их своеобразными "некомпромиссными" противоречиями и поэтому затруднять развитие определенных дарований и способностей.

Если внимательно проанализировать межтипологические диспозиции индивидов с разными типами темперамента на рисунках 12 и 15 (мы можем опираться в этом на собственный опыт психодиагностики, семейного и группового консультирования представителей разных типов темперамента), то можно обнаружить многочисленные факты определенного межтипологического взаимодействия между ними. Это взаимодействие может носить как благоприятный, развивающий, так и неблагоприятный, тормозящий и даже блокирующий характер. В первом случае между представителями разных типов темперамента устанавливаются гармоничные отношения паритетности, взаимного дополнения, взаимопомощи, приводящие к коллективному и индивидуальному успеху.

Во втором же случае приходится сталкиваться с негативными межтипологическими отношениями, характеризующимися противоречиями и конфликтами именно интерпсиходинамического происхождения. Мы имеем в виду прежде всего явление психодинамического доминирования в отношениях между представителями некоторых типов, скажем больше – даже особой психодинамической дискриминации, ущемления представителями одних типов темперамента других типов, что может существенно ограничить развитие, деятельность и даже патологизировать последних.

Так, по параметрам «сила-слабость» холероиды, сангвиноиды и флегматоиды могут подавлять, унижать меланхолоидов, вводить их в состояние страха, дистресса, переутомления, нервного срыва, аксиопада и т. д.

По параметрам же «подвижность-медлительность» дискредитации со стороны доминирующих в этом плане холероидов и сангвиноидов могут

подвергаться уже флегматоиды и часть меланхолидов – с соответствующей реакцией унижения, сопротивления, агрессивной защиты, негативизма, ухода из ситуации с их стороны.

Специфические предпосылки для групповой дискриминации создает также численное доминирование сильного и подвижного холероидно-сангвиноидного «большинства» ($14\% + 44\% = 58\%$) над средним равновесным (4%), слабым меланхолидным (29%) и медлительным флегматоидным (9%) «меньшинством». Указанные случаи психодинамической дискриминации становятся более понятными при сопоставлении численности типологических групп, например, на рисунке 5.

Те или иные формы дискриминации могут возникать уже сразу же после рождения ребенка, в семьях, в тех случаях, когда родители занимают по отношению к своему ребенку противоположные типологические диспозиции. Об этом свидетельствует представленная на рисунке 15 матрица направлений репродукции тау-типов при рождении детей в зависимости от исходного положения родителей в типологических группах. Нами зафиксированы в ходе семейного консультирования острые случаи психодинамической дискриминации, например, матерью-холероидом сына-флегматоида, отцом-флегматоидом сына-холероида, родителями с холероидным и флегматоидным типами темперамента детей с равновесным типом и т. д. Во всех этих случаях, кроме открытых длительных конфликтных ситуаций, у детей наблюдались острые психосоматические заболевания (соответственно – язва желудка, холецистит, воспаление легких).

Подчеркнем, что именно этот стрессовый, конфликтный, дискриминационный, патогенный характер указанных межтипологических диспозиций может затормозить, деформировать нормальное развитие личности как ценности. Вызванные им ситуации выступают источником возникновения аксиопсихологических диспозиций типа «выше-ниже», "сильный-слабый", «уважительный-пренебрежительный», «доминирующий-подчиненный», "оцененный-обесцененный", «возвышенный-униженный» и т. д.

Такой дискриминирующий и тормозящий эффект может возрастать в условиях хронического несоблюдения психогигиенических требований к продолжительности сна и бодрствования (рис 16), в моменты вхождения индивида в фазы сингулярности, в которых вероятнее всего возникновение и обострение психосоматических отклонений, болезней и т. п. (рис. 19 – 21).

Итак, теория времени в психике индивида и объективный метод Б.И.Цуканова по определению типа темперамента открывают принципиально новые возможности для учета целой совокупности психодинамических задатков как предпосылок нормального или аномального развития личности, ее дарований и способностей, повышения или унижения ее ценности, чести и достоинства. Благодаря этим задаткам закладываются характеристики аксиопсихологического статуса личности, без которых трудно понять особенности развития, функционирования и взаимодействия феноменов чести и достоинства личности.

3.3.10. Понимание времени в теории Б.И.Цуканова как ценности личности и ценностной основы его достоинства и чести.

Известное выражение Л.Больцмана "Нет ничего практичнее доброй теории" в полной мере относится к теории времени в психике индивида и личности, созданной профессором Б.И.Цукановым. Уже разработанный им метод определения "τ-типа", как объективного количественного показателя темперамента, должен быть по достоинству оценен психологами, педагогами, медиками, социологами. Ведь те экспериментальные методики, в частности, опросники, используемые для определения типа темперамента, нельзя считать достаточно валидными, оперативными, точными, корректными. Метод Б.И.Цуканова открывает новые возможности для долгожданной и полноценной реализации индивидуального подхода в системе образования, которая до последнего времени остается декларативным пожеланием учителей и школьных психологов именно из-за отсутствия такого метода определения типа

темперамента. Теория Б.И.Цуканова позволяет лучше осознать ценность времени личности прежде всего в практическом своем значении для работников психологической службы.

Обоснованные ученым рекомендации по типологически соответствующей, нормативной продолжительности сна и бодрствования могут быть положены в основу уточнения и совершенствования психогигиенически целесообразного режима жизнедеятельности человека.

Определенные профессором Б.И.Цукановым критерии качества собственных часов – стабильность "τ-типа" и минимизация среднего квадратического отклонения – могут быть использованы для выявления задатков развития интеллектуально, академически и музыкально одаренной молодежи.

Огромное значение имеет знание "τ-типа" для профессиональной ориентации учащейся молодежи, в частности, на научные, спортивные профессии, профессии музыканта. Заметим также, что, по нашим данным, обнаруженная исследователем закономерная направленность субъекта в прошлое, настоящее и будущее представителей определенных типологических групп может рассматриваться как профессионально важное качество для таких профессий, как, соответственно, историк, артист, инженер, конструктор, политик и т. д.

Но наиболее впечатляющий эффект можно ожидать от массового применения разработанной Б.И.Цукановым в ходе длительных исследований медико-психологической технологии сопровождения и поддержки, кардиопсихотерапии больных инфарктом. Разработанный ученым научно-методический инструментарий позволяет не только констатировать принадлежность человека к наиболее уязвимым группам риска (в сангвиноидном и меланхолидном участках сплошного спектра «τ-типов»), но и предвидеть момент сердечного приступа, т.е. спрогнозировать момент, когда этот приступ может наступить и заблаговременно подготовиться к его благоприятному протеканию, что является краеугольным камнем профилактической кардиологии. Ученый обладает ноу-хау в этом ключевом звене помощи кардиологическим больным – алгоритмом точного определения этой группы риска и точного времени, когда может

наступить инфаркт у конкретного субъекта. Этот алгоритм проработан, он опирается на результаты многолетних исследований здоровых людей и практической работы с проинфарктными и постинфарктными больными в кардиологических клиниках. Это позволило психологу вместе с врачами-кардиологами осуществлять предупредительные меры: своевременно выделять клиентов кардиологического профиля, брать их под медико-психологический контроль, а перед точно спрогнозированным во времени сердечным приступом, то есть перед входом в "фазовую сингулярность", помещать их в клинику, где в контролируемых условиях инфаркт происходит... как закономерный физиологический процесс и не оставляет никаких патологических последствий, не говоря уже о летальном финале...

Подчеркнем, что разработанная и апробированная на сотнях инфарктных больных, медико-психологическая технология кардиопсихотерапии была обсуждена на ученом совете и одобрена специалистами Киевского института кардиологии имени Н.Стражеско и Одесского центра здоровья семьи. В конце 90-х годов эта технология была предложена в форме специальной муниципальной программы, которая предусматривала превращение Одессы в антиинфарктную зону. Что означает внедрение этой программы в масштабах города, страны, мира, трудно переоценить...

Б.И.Цукановым был также определен дискретный ход глобальных биологических часов в ходе эволюции жизни и открыт феномен "государственного группового субъекта" [183, С. 191], что позволило ретроспективно вычислить и уточнить даты выдающихся событий в истории человечества, а с другой стороны – точно спрогнозировать время некоторых драматических событий в новейшей жизни современных государств мира, например, России и Украины. Разработка такого прогностического инструментария и его внедрение в систему экономического, политического, социального и т. п. планирования может открыть новые перспективы достижения благосостояния, мира и благополучия народов планеты.

Итак, в ходе двадцатилетних научных исследований Б.И.Цуканову удалось, впервые в мировой психологии, раскрыть фундаментальные закономерности временной организации индивида и личности. Они представлены ученым через научно обоснованное определение метрики (длительности и скорости) и топологии (последовательности) переживания времени субъектом, т.е. его течения, направленности, необратимости, разделения на прошлое, настоящее и будущее, ритмической структуры, циклоидности, С-периодичности и т. п. Сама деятельность индивида и личности имеет квантовую временную структуру выполнения двигательных актов различной сложности, что зависит от "τ-типа" и его кратности [183, С. 189-190]. Природа времени понимается исследователем не как отдельный объект, а как свойство психики индивида, его разума, сознания, в целом – личности.

Украинский психолог имеет неоспоримый приоритет в открытии ряда базовых временных типологических особенностей психики человека, индивида, личности, детерминации воспроизведения типов темперамента в потоке смены поколений человеческой популяции, продолжительности фаз бодрствования и сна в суточном цикле жизнедеятельности человека, периодизации жизненного пути, хроники психосоматических "предпочитаемых" болезней, их обострения в точках фазовой сингулярности, создании нового подхода к определению интеллектуального потенциала личности, периодичности жизненных явлений и событий как отдельного индивида, так и группового и государственного субъекта, имеющих закономерно ориентированный во времени характер, которые определяются "τ-типом" как собственной единицей переживания времени субъектом, "шагом" хода его биологических часов и т. д.

Время, как философская и психологическая категория выступает грандиозным мега-фактором организации эволюционных, исторических и онтологических процессов, в том числе жизнедеятельности и психической деятельности человечества и отдельного человека.

Ученым было показано, что общее отношение личности к времени собственной жизни, его динамику "следует описывать не в масштабе прожитых человеком

лет, а в масштабе пережитых больших биологических циклов его организма", отвечающих С-периодичности [183, С. 195-196], в ходе которых человек должен осуществлять великие для каждого возрастного периода деяния.

Блестяще продолжая дело своего учителя, ученый построил новый этаж оригинальной научной школы Д.Г.Элькина-Б.И.Цуканова, дальнейшее развитие которой осуществляют его ученики и последователи – О.П.Виткова, А.И.Воронов, О.Е.Гуменюк, Т.В.Дедова, З.А.Киреева, С.Н.Коваль, А.В.Молдаванова, И.И.Павелко, Э.А.Помыткин, Л.В.Помыткина, В.Ф.Присняков, Л.М.Приснякова, В.В.Рыбалка, И.И.Савенкова, О.М.Сагайдак, И.А.Страцинская, М.Б.Цуканов, В.Б.Цуканова, Ю.Б.Цуканова, Н.Л.Шаргородская, И.А.Шеренговой, О.Ю.Шинкарева и др.

Таким образом Б.И.Цукановым проделана огромная работа по объединению и согласованию между собой в рамках единой теории разрозненных взглядов на природу времени. Как пишет сам ученый, "приняв... время, как реальность особого рода, данную каждому в механизме хода собственных часов, человек способен понять его загадочную природу и объяснить его свойства без Хроноса античных греков и двуликого Януса древних римлян" [159, С. 197]. Действительно, время в психике индивида и личности возведено в психологических исследованиях Б.И.Цуканова до высоты Времени, выступающего определяющим природным фактором человеческой жизни, который, перефразируя идеи Г.С.Сковороды, творит временное единство микромира, символического (библейского) мира и макромира через переживание человеком вечности жизни как божественной ценности.

Все это дает основание утверждать, что взгляд Б.И.Цуканова на время в психике индивида имеет неоспоримое аксиопсихологическое значение, ведь время выступает и как безусловная ценность личности, и как дополнительный существенный атрибут ценности самой личности, каким является для личности время ее жизни – в ее продолжительности и организованности. При этом ценность времени жизни личности зависит от степени осознания ею закономерностей временной организации жизнедеятельности, а потому – и от

степени овладения своим временем. Это полностью касается ключевой роли тау-типа в теории одесского профессора. Продолжая мысль В.П.Зинченко о уникальном значении тау-типа как своеобразного инструмента отмеривания времени (так же, как отмеряется человеком пространство некоторыми антропологическими единицами, например, расстояние – футами), можно утверждать, что тау-тип является уникальным средством отмеривания и использования личностью своего ценного богатства, которым является время жизни. Знаменательно и то обстоятельство, что тау-тип коррелирует с продолжительностью пульса, т.е. высшая ценность личности, время ее жизни, отмеривается именно сердцем человека! А это значит, что время жизни как ценность требует от человека сознательного, бережного, гуманного отношения, возможность для чего и предоставляется теорией профессора Б.И.Цуканова. Такое ценностно-временное отношение к своей жизни, к жизни своих предков и потомков выступает временной основой достоинства и чести личности.

Следует отметить также, что, благодаря данной теории (и разработкам других авторов в области психологии времени), ценность личности может быть содержательно представлена уже не только, так сказать, «пространственными», но и «временными» качествами психики. В связи с этим, перед мировой психологической наукой открывается перспектива перехода, как это присуще естественным наукам, в частности, физике и астрономии, от чисто «пространственной» к «пространственно-временной» психологии личности!

3.4. Личностно центрированное консультирование клиентов с патогенной психодинамической неконгруэнтностью как условие их адекватного, достойного вхождения в человеческую культуру.

Разрабатываемая нами культурно-психологическая концепция личности позволяет определять не только пути нормального культурного развития личности, но и выявлять определенные отклонения в нем, в функционировании личности в случае ее неправильного вхождения в культуру. В соответствии с этим, нами разработана специальная технология консультирования клиентов, которым присуща так называемая психодинамическая неконгруэнтность личности [139].

Основные положения предложенной технологии можно выразить в краткой форме следующим образом.

Каждый человек рождается с конкретным врожденным и поэтому неизменным типом темперамента, которому должны соответствовать определенные психодинамические показатели психической деятельности человека – сила, энергичность, работоспособность, интенсивность психических процессов, их подвижность, темп, скорость, эмоциональность и т. д. Тип темперамента определяет жесткие требования к психодинамическим характеристикам формирования, проявления и течения онтогенетически новых свойств личности. Последние формируются в процессе психического развития и саморазвития человека на постоянной природной психофизиологической основе с определенными возможностями и ограничениями. Но по ряду причин внешнего (различные факторы культурного, социального, профессионального нивелирования), внутреннего (незнание своей индивидуальности) и интегративного (неумение гармонично сочетать внешнее и внутреннее) планов, указанные психодинамические характеристики личностных новообразований часто и в массовом порядке не отвечают природно заданным, что бессознательно или сознательно игнорируется людьми.

Вследствие этого возникает внешне и внутренне детерминированная психодинамическая неконгруэнтность, противоречивость свойств личности, которая при определенных обстоятельствах закономерно приводит к типологически определенным психосоматическим отклонениям и болезням. Это заметил в свое время древнегреческий врач Гиппократ, а в наше время доказал профессор Б.И.Цуканов [183]. Такая неконгруэнтность и связанные с ней отклонения и болезни могут выступать факторами объективного и субъективного обесценивания личности, унижения ее достоинства и чести. Зная неадекватный в данном отношении образ жизни и психодиагностически определенный профиль психодинамически неконгруэнтной личности, укоренившийся в ее структуру, можно ослабить патогенное влияние психодинамической неконгруэнтности на психическое и соматическое здоровье человека, а потому и на его аксиопсихологический статус, в значительной мере избавить его от отклонений и болезней – если использовать специальные средства коррекции, компенсации, возврата такой личности в состояние конгруэнтности. Последнее будет выступать и фактором возвышения достоинства и чести личности. Можно предположить, что на психофизиологическом уровне, в частности, на уровне темперамента граничат, взаимодействуют между собой, гармонично или противоречиво, биологические и социальные факторы развития личности как ценности. Более того, биологическая, наследственная основа становления уникальных человеческих качеств как ценностей во многом предопределяет становление последних как собственно психологически и социально ценных качеств личности. По нашему предположению, на этом уровне в значительной мере формируется уже в раннем детстве, в условиях семьи и ближайшего родового окружения, осознание субъектом своего человеческого достоинства, а несколько позже, по мере вхождения в общество – и чести. Именно в таком теоретическом контексте мы рассматриваем аксиологические аспекты разработанной консультативной технологии.

Методологические предпосылки разработки и функционирования личностно-центрированного консультирования клиентов с патогенной психодинамической неконгруэнтностью состоят из ряда исходных принципов:

а) принцип личностного подхода как методологической основы осуществления всех этапов деятельности консультанта, он заключается в целостном понимании, изучении, коррекции, компенсации, гармоническом развитии личности – на базе культурно-психологической концепции личности, в центр которой положена трехмерная, поэтапно конкретизированная психологическая структура личности как наивысшей ценности (см. раздел 1.3);

б) принцип методологического единства объективной психодиагностики, интерпретации, коррекции и компенсации личностных отклонений неконгруэнтного клиента, межличностного взаимодействия психолога с заказчиками консультативного процесса и целостной последовательности этапов работы психолога;

в) принцип комплексной психодиагностики качеств личности клиента и его близких, особенно родителей, согласно указанной концепции личности, что обеспечивает процедуру психологического консультирования необходимой эмпирической базой – психодинамическими характеристиками таких подструктур личности, как психофизиология (темперамент), интеллект, опыт, самосознание, характер, направленность, общение;

г) принцип целостной концептуальной интерпретации упорядоченного, по культурно-психологической концепции личности, массива тестовых данных о личности, сравнение между собой стабильных, врожденных психофизиологических ее качеств (специфических для каждого типа темперамента) и приобретенных в ходе онтогенеза качеств (коммуникативных, мотивационных, характерологических, рефлексивных, образовательных, интеллектуальных, эмоциональных), которые, как показывает практика, у значительной части клиентов могут быть несколько психодинамически автономными и не отвечать первым. А это позволяет выявить внутриличностные патогенные противоречия (определенные разновидности психодинамической неконгруэнтности) и производные от них психологические и психосоматические отклонения, болезненные состояния личности, ее противоречивые отношения в семье, поведении и обучении;

д) принцип культурно- и природосоответствующей гармонизации психодинамической неконгруэнтной личности на основе специальной программы перехода от психодинамической неконгруэнтности к конгруэнтности личности и образа ее жизни. Средствами осуществления этой программы выступают или психологическая коррекция неадекватного соотношения между психодинамическими характеристиками качеств личности, элементов образа жизни и психодинамическим статусом, представленном в свойствах темперамента, или (и) психологическая компенсация (в случае невозможности полной коррекции) посредством амортизации, снятия последствий патогенного действия на человека психодинамической неконгруэнтности личности и образа ее жизни;

е) принцип гармонизирующей коррекции психодинамически неконгруэнтной личности и образа ее жизни, перевода ее в более конгруэнтное состояние средствами воспитания и самовоспитания, специального тренинга, проектирования нового образа жизни личности, в том числе и режима жизнедеятельности, отказа от неконгруэнтногенных и выбора более адекватных типам темперамента конгруэнтных занятий, профиля обучения, профессии и т. п., в целом – закрепления нового, конгруэнтного статуса структуры личности и ее способа жизнедеятельности, учебной и профессиональной деятельности;

ж) принцип психологической компенсации остаточной, застарелой, необратимой психодинамической неконгруэнтности личности специальными средствами снижения, снятия противоречий неконгруэнтности так называемыми социально-психолого-индивидуальными амортизаторами;

з) принцип целенаправленного межличностного взаимодействия в ходе консультативной работы практического психолога с клиентами, что имеет своей целью достижение достаточного уровня осознания последними закономерностей возникновения, течения и средств избавления от патогенных последствий психодинамической неконгруэнтности личности.

В соответствии с исходными принципами и теоретическим пониманием природы возникновения и течения патогенной психодинамической

неконгруэнтности, предусматривается следующая процедура личностно-центрированного консультирования:

1. Прием заказа от клиента и первоначальная идентификация личностной проблемы как конгруэнтно-психодинамической.

2. Проведение комплексного психодиагностического обследования личности клиента с помощью компьютеризированного или бланкового комплекса методик (см. в разделе 3.1).

3. Осуществление концептуальной интерпретации комплекса психодиагностических данных и сведений о здоровье клиента, идентификация конгруэнтной или неконгруэнтной личности.

4. Разработка в ходе консультирования программы коррекции психодинамических стереотипов образа жизни и проявлений свойств личности клиента с патогенной неконгруэнтностью и воплощение этой программы в жизнь. Проведение в случае необходимости специального тренинга по повышению уровня конгруэнтности личности и образа ее жизни.

5. Анализ в условиях консультации имеющихся у клиента и формирование более адекватных средств компенсации, амортизации патогенной неконгруэнтности и контроль за ее внедрением в жизнь проблемной личностью и ближайшим окружением.

6. Формирование и закрепление в целом здорового, конгруэнтного образа жизни и конгруэнтного статуса личности клиента.

Психоконсультативная работа с психодинамически неконгруэнтными клиентами и их близкими должна осуществляться в полном соответствии с указанными методологическими принципами и положениями Этического кодекса психолога об ответственности, компетентности, защите интересов клиента, конфиденциальности, утверждения его чести и достоинства и т. д. [118, С. 504-509].

В дополнение к комплексному психодиагностическому обследованию личности клиента используется также специальный опросник относительно состояния его здоровья.

Опросник относительно состояния здоровья клиента

1. Считаете ли Вы себя абсолютно здоровым человеком? Подчеркните:

Да Нет

2. Жалуетесь ли Вы на состояние собственного здоровья? Да Нет

3. Обращались ли Вы к врачу с жалобами на здоровье? Да Нет

4. Какими болезнями Вы болели в своей жизни? Перечислите и запишите ниже:

5. Были ли у Вас расстройства, отклонения в функционировании, болезненные проявления в работе таких органов, как:

а) печень и желчный пузырь (подчеркните тут и далее) Да Нет

б) сердце Да Нет

в) почки Да Нет

г) легкие Да Нет

д) мозг (эпизодические или хронические головные боли) Да Нет

е) желудок и кишечная система? Да Нет

6. Есть ли у Вас хронические болезни? Да Нет

7. Если есть хронические болезни, то какие? Напишите ниже:

8. Лежали ли Вы в больнице и с какой болезнью? Да Нет

9. Оздоровливались ли Вы в санаториях или специальных медицинских центрах (в каких) и от каких болезней? Да Нет

10. Хотите ли Вы улучшить состояние своего здоровья? Да Нет

Для выявления психодинамической конгруэнтности или неконгруэнтности следует осуществить специальный анализ, сравнение, сопоставление определенных фрагментов массива психодинамических данных в порядке, определяемом концепцией психологической структуры личности. При этом в центре такого сопоставления должны стоять свойства типа темперамента клиента и ожидаемые, зависящие от этого типа (но не только от него) психодинамические особенности других базовых подструктур личности. Ведь энергичность, интенсивность, подвижность, темп, цикличность, с которой происходит проявление свойств личности (они имеют процессуальную, а потому и психодинамическую природу) определяются в конце концов психодинамическими возможностями нервной системы, которые в значительной степени характеризуются типом темперамента.

В идеальном случае эти подструктуры личности – интеллект, опыт, самосознание, характер, направленность, общение – должны функционировать с той же энергией, скоростью, темпом, на которую генетически, врожденно запрограммирована нервная система определенного типа. Конечно, возможны некоторые временные отклонения, в ту или иную сторону, психодинамических проявлений этих подструктур, например, в случае мобилизации, интенсификации в экстремальных условиях и т. п. Но вслед за этим должны происходить демобилизация, релаксация, отдых, покой, возвращение к нормальному, типологически обусловленному уровню взаимосоответствия или конгруэнтности. Системным аргументом в пользу таких ожиданий выступает принцип целостности, единства личности. Однако такие ожидания не всегда оправдываются. Более того, часто наблюдается проявление неожиданных противоположных случаев.

В ходе концептуальной интерпретации массивов психодиагностических данных у значительной части клиентов, подростков, юношей, молодых людей обнаруживается наличие определенных устойчивых дисгармоний личности, которые относятся нами именно к типу психодинамической неконгруэнтности, т.е. заметного или контрастного несоответствия, по параметрам психодинамики,

между типом темперамента, как показателем генетически, врожденно заданной силы, подвижности, уравновешенности нервной системы человека, что является постоянным, практически неизменным психофизиологическим фундаментом личности, и другими ее психологическими подструктурами – интеллектуальной, компетентностной (опыт), рефлексивной, характерологической, мотивационной, коммуникативной. Например, флегматоид, который согласно всем ожиданиям должен быть интравертом, демонстрирует в поведении и в результатах тестирования экстравертный тип характера, а холероид, наоборот – интравертный.

Личностные новообразования могут приобретать в ходе неадекватного в этом отношении воспитания и выбора образа жизни противоречивые, относительно заданных типом темперамента, психодинамические свойства, что и приводит в конечном счете к стойкой неконгруэнтности и как следствие – к психосоматическим патопсихологическим, а вместе с ними и аксиопсихологическим отклонениям. Соответствующие тенденции впервые были замечены еще Гиппократом. В наше же время они подтверждены профессором Б.И.Цукановым, а также Санкт-Петербургским психотерапевтом В.И.Гарбузовым. Эти тенденции нашли свое объяснение, относительно вероятных психологических механизмов их возникновения, течения и патогенного действия, в наших исследованиях и практике консультативной работы. Рассмотрим этот вопрос подробнее.

Еще древнегреческий врач Гиппократ выделял четыре типа темперамента – холерический, сангвинический, меланхолический и флегматический. Заметим, что, как показал Б.И.Цуканов, порядок приведения типов в этом списке имеет принципиальный характер [183]. Холерический и флегматический темпераменты являются крайними типами в почти нормальном распределении количества представителей всех типологических групп и имеют противоположные психодинамические свойства и малую численность. Сангвиноидный, равновесный и меланхолоидный типы темперамента находятся внутри этого целостного диапазона типов темпераментов (рис. 11; 12).

Холероидам (их в человеческой популяции 14%) свойственна сильная нервная система, они наиболее подвижны, по сравнению с другими, импульсивные, неуравновешенные, с преобладанием возбуждательного процесса над тормозным.

Сангвиноиды (их 44%) – сильные, уравновешенные, подвижные, работоспособные.

Равновесные (их 4%) – средний, среди других, тип темперамента, для которого свойственны промежуточные между сангвиноидами и меланхолидами характеристики.

Меланхолиды (их 29%) – относительно слабые, с низким уровнем работоспособности, чрезмерно эмоциональные, склонные к переутомлению и стрессам, чувствительные, тревожные.

Флегматоиды (их 9%), хотя и имеют сильную нервную систему, но инертны и медлительны, и в этом отношении заметно уступают другим типам темперамента.

Подчеркнем, что приведенные психодинамические свойства нервной системы являются врожденными, стабильными, практически неизменными на протяжении жизни.

Обратим внимание на то важное обстоятельство, которое определяется расположением представителей разных типов темперамента в разных местах их непрерывного диапазона (см. рис 12). Данное обстоятельство имеет принципиальный характер, который, к сожалению, не осознается в полной мере современными психологами. Однако наш опыт свидетельствует о том, что между представителями разных типов темперамента в человеческом сообществе происходит определенное психодинамическое взаимодействие, которое вызывает различные нагрузки на нервную систему людей и, в целом, на личность.

Так, флегматоидам статистически противостоит преобладающая, более мобильная, чем они, часть популяции (91%), которая опережает их по темпу в совместной деятельности. Поэтому они, как правило, не успевают за другими

типологическими группами, впадают в хронический цейтнот и, как следствие – в соответствующий стресс.

Холероидам же, наоборот, противостоит почти такая же большая по численности часть человеческого сообщества (86%), которая медлительнее их и тормозит их врожденный, более быстрый темп жизнедеятельности. Это в конечном счете приводит к некоторой дезорганизации их поведения, к соответствующему напряжению и стрессам противоположного типа.

Повторим еще раз впечатляющие данные Б.И.Цуканова о количественном составе типологических групп. Среди 100 человек репрезентативной выборки 14 относятся к холероидной группе, 44 – к сангвиноидной группе, 4 – к группе равновесных, 29 – к меланхолидной, 9 – к флегматоидной типологической группе. Этот порядок и это количественное распределение представителей разных типов темперамента, повторяем, имеет принципиальный характер, из которого психологам, социологам, педагогам еще предстоит сделать соответствующие выводы.

Представим себе, что полем с утра идет рота солдат, в составе из 100 человек. Когда в обед, на остановке, расспросить их или объективно определить физическое и психическое состояние этих солдат, то мы можем увидеть ярко отличающуюся типологическую картину. Холероиды почти не устали и выражают недовольство от слишком медленного темпа ходьбы. Сангвиноиды довольны, поскольку темп движения в строю почти соответствует их подвижному, сильному, уравновешенному темпераменту. Равновесные несколько устали, но, в целом, чувствуют себя нормально. Меланхолиды же со слабой нервной системой выглядят наиболее уставшими и требуют продолжения отдыха, поскольку движение в общем строю для них оказалось слишком напряженным. Флегматоиды также демонстрируют усталость, но, главным образом, из-за чрезмерного темпа движения, который значительно превышает их «малоскоростные» возможности.

Если же таким «строим» представители указанных пяти типов темперамента движутся всю жизнь, то в конце концов выясняются интересные факты, которые

не осознаются до сих пор в полной мере ни педагогами, ни социологами, ни психологами, ни медиками, ни представителями других профессий. Мы можем утверждать, что такое тотальное нивелирование совокупного движения, существующее в человеческой культуре «равенства» жестко «давит» на психодинамические особенности общения, мотивации, проявления черт характера, самосознания, опыта, интеллекта представителей неоднородного по своим врожденным типологическим свойствам «сообщества». Среди последствий такого «давления», к сожалению, существуют и патогенные, выступающие определенной «ценой» психодинамического нивелирования культурного, социального поведения, трудовой и профессиональной деятельности, правил школьного поведения, семейной жизни и т. д.

В наших исследованиях обнаружено, что именно типологические группы флегматоидов и меланхолоидов испытывают наибольший «дискомфорт» в современном, чрезмерно динамичном водовороте жизни. Они чаще приходят на консультацию с определенными жалобами на здоровье, соответствующими указанным ранее взглядам Гиппократов и Б.И.Цуканова на психосоматические отклонения и «предпочитаемые» болезни, для каждого типа темперамента. И это начинается уже в младшем детском и школьном возрасте и особенно – в период личностного и профессионального самоопределения старших подростков, когда «культурное», социальное «давление» на учеников со стороны жизненных ситуаций и требований выбора и овладения профиля обучения или профессиональной подготовки резко усиливается. Заметим, что поступление в школу, обучение, личностное и профессиональное самоопределение учащейся молодежи образуют важные этапы ее вхождения в культуру человечества, общества, т.е. этапы культурогенеза.

Однако, с жалобами к психологу обращаются и холероиды и сангвиноиды. Эти два типа, имея лучшие психодинамические предпосылки для овладения заданной обществом и человеческой культурой совокупности нивелированных деятельностей, по сравнению с другими типологическими группами, в общей с ними активности несколько детренируются и поэтому могут снизить

эффективность своей деятельности, что при повышенной амбициозности приводит к парадоксальному, но реальному, стрессу дезорганизации у холероидов и стрессу неудовлетворенных амбиций у сангвиноидов.

Приведенные выше дисгармонии личности имеют устойчивый, хронический, даже пожизненный характер для значительной части представителей разных типологических групп. Мы и обозначаем проявления такой дисгармоничности, неадекватности, несоответствия культурно, социально, профессионально определенных форм активности и качеств личности, с одной стороны, и индивидуально, биологически заданных психодинамических свойств личности, прежде всего, темперамента, с другой, понятием психодинамической (психолого-типологической) неконгруэнтности. Этот термин использовал в свое время Л.С.Выготский, а несколько позже – известный американский психотерапевт К.Роджерс. Последний небезосновательно считал именно неконгруэнтность (в содержательном аспекте) между общением, самооценкой и опытом личности главным фактором возникновения некоторых неврозов.

Подчеркнем еще раз, что в наших исследованиях удивительным образом подтвердился тот исторический факт, что древнегреческий врач Гиппократ определял тип темперамента по наличию у человека тех или иных болезней. Еще 2400 лет назад они признавались им своеобразными «спутниками» людей с разными типами темперамента. В наше время этот «забытый» факт обнаруживается экспериментально и это убедительно доказал выдающийся одесский психолог Б.И.Цуканов: для каждого типа темперамента может быть присуща своя группа «предпочитаемых» болезней. При этом речь идет, прежде всего, о психосоматических болезнях, а не о наследственных, инфекционных, травматических, хотя, по нашим предварительным оценкам, подобная связь может распространяться и на эти группы болезней... Именно данное обстоятельство подразумевает народная пословица «Все болезни от нервов». Перечислим их еще раз, вслед за Б.И.Цукановым.

Для холероидов в неблагоприятных, неконгруэнтных условиях могут быть присущи такие болезни, как холецистит и гепатит, для сангвиноидов – инфаркт и

артрит, для равновесных – болезни легких и почек, для меланхоликов – инфаркт и инсульт, для флегматиков – язва желудка и т. д.

Понятно, что появление указанных болезней в течение жизни может происходить постепенно и четко проявляться во взрослом возрасте. Однако наша практика свидетельствует о том, что первые их признаки появляются уже в раннем детском, а более отчетливые проявления – в подростковом и юношеском возрасте, когда процесс личностного и профессионального самоопределения приобретает интенсивный характер («второе рождение человека»). По предварительным данным, острая неконгруэнтность в подростковом возрасте только начинает фиксироваться в качествах личности и потому в значительной степени носит обратимый характер.

Какие же комбинации качеств личности можно считать конгруэнтными, а какие – неконгруэнтными, угрожающими здоровью подростков, юношей, молодых людей в период жизненного и профессионального самоопределения, взросления, и какие профили и профессии способствуют этому в каждом типологическом случае.

Приведем пять групп этих качеств – соответственно пяти типам темперамента, хотя этих типов может быть значительно больше (до 41 типа, что определяется количеством шагов, в 0,01 сек., при определении тау-типов по методике Б.И.Цуканова во всем их диапазоне от 0,7 до 1,1 сек.)

Для выявления психодинамической неконгруэнтности необходимо сопоставить ожидаемые по имеющемуся типу темперамента конгруэнтные проявления личности с реальными, наблюдаемыми или протестированными психодинамическими характеристиками свойств личности. Чтобы избежать угрозы утонуть в «дурной бесконечности» эмпирических данных, рассмотрим лишь некоторые основные проявления психодинамической неконгруэнтности личности и образа ее жизни для каждого типа темперамента и постепенно раскроем процедуру выявления неконгруэнтности.

Так, для неконгруэнтных представителей холероидной группы обычно бывает присуща такая комбинация свойств личности, как амбиверсия-

интроверсия, узкая мотивация, эмоциональная лабильность для «чистых» холероидов и эмоциональная стабильность для тех холероидов, которые приближаются к граничащему с холероидной группой «чистому» сангвинику, низкий уровень развития коммуникативных и организационных склонностей.

Для неконгруэнтных представителей сангвиноидной группы это сочетание таких свойств, как интроверсия, суженная мотивация, эмоциональная стабильность, низкий уровень развития коммуникативных и организационных склонностей.

Для неконгруэнтных представителей меланхолидной группы присуща комбинация таких свойств, как экстраверсия, эмоциональная стабильность, широкая мотивация и развитые коммуникационные и организационные склонности.

Для неконгруэнтных представителей флегматоидной группы данная комбинация включает экстраверсию, эмоциональную лабильность, широкую мотивацию и развитые коммуникативные и организационные склонности.

Как уже указывалось, интересным, по экспериментальным данным Б.И.Цуканова, оказался факт доминирующей направленности во времени в будущее всех холероидов и примерно половины сангвиноидов и, наоборот, – направленности в прошлое всех флегматоидов и примерно половины меланхолидов. Понятно, что профессии и занятия, которые по своему предмету и средствам «направлены» в противоположное для указанных типов направление, могут выступать фактором мотивационно-типологической неконгруэнтности.

Исходя из приведенных выше данных, можно выделить профили занятий и профессии, которые является потенциально вредными, неблагоприятными в плане здоровья для представителей определенных типологических групп, и которые следует избегать ученикам, чтобы предотвратить ухудшение своего состояния.

Так, для холероидов таковы все профессии и занятия, связанные с малой подвижностью, суженным кругом общения, малой энергоемкостью, например,

профессии бухгалтера, диспетчера, художника и т. п., а наиболее благоприятными – профессии социолога, филолога, менеджера, хореографа, актера, педагога, спортсмена и т. д.

То же самое можно сказать и о представителях сангвиноидной группы, для которых благоприятными являются такие профили, как управленческий, бытового обслуживания, спортивный, лингвистический и т. д. Им не подходят должности подчиненных, управляемых, тех, кого ведут.

Для меланхоликов противопоказаны профессии, связанные с чрезмерной подвижностью, социальной активностью, публичным общением, ответственностью, конфликтами и т. д., то есть профессии педагога, актера, менеджера, экономиста, юриста, управленца и т. п. Наоборот, для них подходят «индивидуальные», «кабинетные», «сидячие» профессии – естественно-научного, гуманитарного, компьютерно-информационного, дизайнерского, искусствоведческого, художественно-эстетического профилей, народных ремесел и др., но при условии четкого соблюдения режима труда и отдыха.

То же самое можно сказать и о флегматоидах, для которых вредными являются «скоростные», «коммуникационные» профили, занятия, профессии, например, хореографа, менеджера, спортсмена, водителя, лектора т. д. Наиболее целесообразными для них являются профессии философа, психолога, историка, археолога, архивариуса, переводчика (письменного, а не разговорного плана), искусствоведа, кабинетного ученого и т. д.

Указанные выше виды комбинаций личностных качеств инверсивно, «контрастно» неконгруэнтных подростков и юношей могут быть дополнены вариантом так называемой пролонгированной личностной неконгруэнтности, когда присущие представителю того или иного типа темперамента свойства предельно усиливаются, обостряются. Например, флегматик становится еще более флегматичным, т.е. более замкнутым, более медленным, эмоционально инертным и т. д. В таком случае негативные патогенные тенденции приводят к еще большему несоответствию между предельными психодинамическими качествами таких индивидов и динамическими (скорость, энергетика)

требованиями профессии и жизни. На рис. 22 приведено графическое изображение зон инверсивной и пролонгированной характеро-типологической неконгруэнтности между экстраверсией (интраверсией) и типом темперамента.

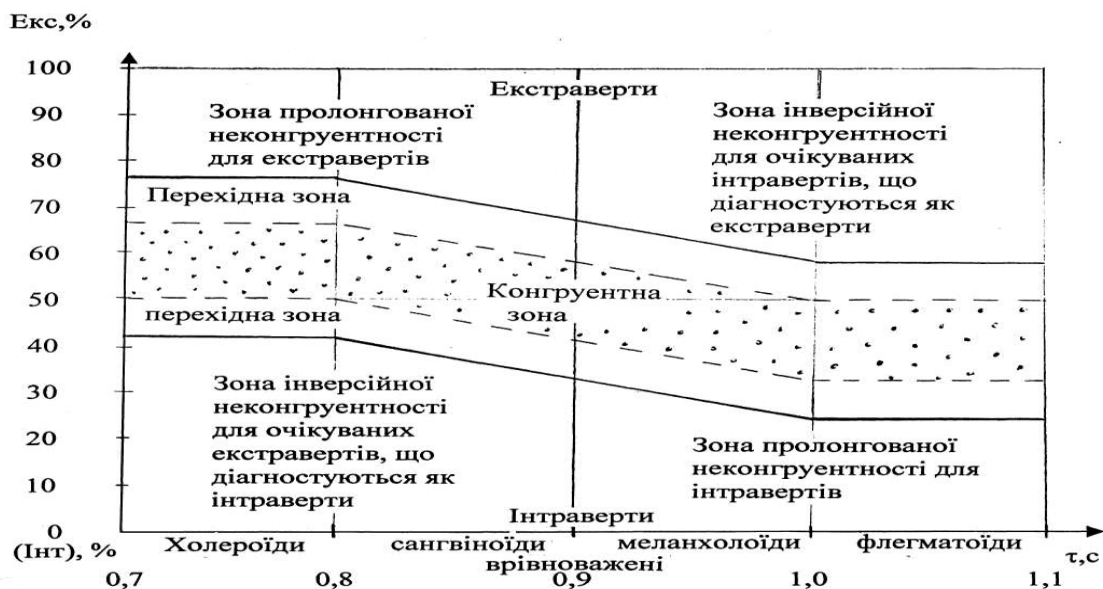

Рис. 22. Графическое изображение зон характеро-типологической конгруэнтности и неконгруэнтности личности по показателям экстраверсии (интраверсии).

Примечание: τ – показатель типа темперамента (τ -тип) по Б.И.Цуканову, в сек., Экс (Инт) – количественные показатели экстраверсии (интраверсии), в%.

Итак, ценой неправильного, с точки зрения реализации психодинамических возможностей конкретного типа темперамента, выбора подростком вида занятий, профиля обучения, а дальше, уже юношей, профессии, может стать появление риска и фактическое возникновение психосоматических отклонений и болезней. Повторим еще раз, что в соответствии с указанными неблагоприятными, неконгруэнтными условиями для некоторых неконгруэнтных холероидов могут быть присущи такие психосоматические болезни, как холецистит и гепатит, для сангвиноидов – инфаркт и артрит, для равновесных – болезни легких и почек, для меланхолидов – инфаркт и инсульт (а при особо неблагоприятных условиях, например, при генетически

унаследованной болезненности, худощавости и т. д. – болезни других типов темперамента), для флегматиков – язва желудка.

Добавим, что в нашей консультативной практике выявлен более широкий спектр болезненных отклонений, который концентрируется вокруг наиболее уязвимых для каждого типа темперамента органов: печени и желчного пузыря – для холериков; сердца и суставов – для сангвиников; легких и почек – для равновесных; сердца и мозга – для меланхоликов; желудочно-кишечного тракта – для флегматиков. Эти отклонения проявляются в широком диапазоне выраженности – от эпизодических до хронических, от функциональных расстройств и временных болей – до продиагностированных клинических форм болезней, с которыми клиент уже обращался к врачам и проходил курс лечения.

Однако роковой неизбежности появления таких болезней может и не быть, если правильно выбирать свои занятия, адекватно осуществлять личностное, житейское, семейное, профессиональное самоопределение. В этом человеку может помочь практический психолог.

По данным наших исследований, в том числе – проведенного в 2003 году с участием 174 старшеклассников, которые поступали в Киевский естественно-научный лицей №145 МОН Украины, более трети подростков (36,8%) имела на момент вступительного тестирования острую неконгруэнтность с явными психосоматическими отклонениями и болезнями. Они были сведены в кризисные группы, с которыми школьный психолог должен был работать после зачисления в лицей (Таблица 5).

При сравнении типологических групп между собой оказалось, что по результатам интерпретации тестовых данных количество неконгруэнтных среди холериков почти вдвое меньше, чем в других типологических группах (43,8% против 90,9% в сангвиницидной группе, 100% в равновесной группе, 89,8% – в меланхолицидной группе и 95,9% – в флегматицидной). Холериков пришло меньше на консультацию к психологу (всего 50% от общего их числа) и лишь каждый 8-й из них (12,5%) жаловался на здоровье.

Таблица 5.

Сводные данные по ученикам (VII-VIII-IX классы), протестированным при помощи КПДК-99 при поступлении в естественно-научный лицей №145 г. Киева и распределенным на типологические группы

Холероиды (14%)					Сангвиноиды (44%)					Равновесные (4%)				
Nx	К	HeK	ПрК	Ж-Б	Nc	К	HeK	ПрК	Ж-Б	Np	К	HeK	ПрК	Ж-Б
16	9	7	8	2	44	4	40	28	15	6	0	6	2	2
9,2	56,2	43,8	50,0	12,5	25,3	9,1	90,9	63,6	34,1	3,4	0	100	33,3	33,3
Меланхолоиды (29%)					Флегматоиды (9%)					Весь контингент (100%)				
Nx	К	HeK	ПрК	Ж-Б	Nф	К	HeK	ПрК	Ж-Б	N	К	HeK	ПрК	Ж-Б
59	6	53	36	24	49	2	47	27	21	174	21	153	101	64
33,9	10,2	89,8	61,1	40,7	28,2	4,1	95,9	55,1	42,8	100	12,1	87,9	58	36,8

Примечание: N – количество учеников (общая и в типологических группах, в верхней строчке – количество лиц, в нижней строчке – процент к количеству в общей или в типологических группах.

К – количество конгруэнтных учеников.

HeK – количество неконгруэнтных учеников.

ПрК – количество учащихся (родителей), пришедших на консультацию к психологу.

Ж-Б – количество учеников, которые жаловались на болезненность и имели продиагностированные болезни.

Больше всего жалоб на здоровье высказывали представители флегматоидной (42,8%) и меланхолоидной (40,7%) групп, что можно было ожидать, сопоставляя их психофизиологические возможности (слабость, чувствительность, тревожность, замкнутость, склонность к переутомлению меланхолоидов и медлительность, нехватка времени флегматоидов) с требованиями учебной деятельности (высокий темп, чрезмерные нагрузки и

т. п.). При переходе от предыдущего этапа общеобразовательной подготовки в обычной школе, на следующий этап, профильной подготовки в лицее, показатели неконгруэнтности и болезненности могут стать еще выше, если не осуществлять консультативную и коррекционную работу силами школьной психологической службы.

Следовательно, наличие в психодиагностическом комплексе методик, позволяющих объективно выявлять тип темперамента и такие качества личности, как экстраверсия-интроверсия, эмоциональная стабильность-эмоциональная лабильность, интересы и склонности к определенным дисциплинам, коммуникационные и организационные способности и т. д. , позволяет при определении острой неконгруэнтности, выявить у учащихся патогенные тенденции психосоматического плана.

Включение в состав психодиагностического комплекса модифицированного С.И.Подмазиным опросника для идентификации типа акцентуации характера у подростков позволяет также выявлять патопсихологические тенденции неконгруэнтных старшеклассников. Ведь известно, что выделенные К.Леонгардом типы акцентуации, как пограничные между нормой и патологией черты характера, выступают в виде определенных маркеров угрозы именно психических отклонений и болезней.

Так, гипертимный тип акцентуации характера обнаруживает тенденцию или, точнее, опасность возникновения гипоманиакальных состояний, циклоидный тип – маниакально-депрессивного психоза, астено-невротический тип – неврастении, сензитивный тип – возникновения комплекса неполноценности, тревожно-педантичный тип – психастении, интравертированный тип – шизофрении, возбудительный тип – эпилепсии, демонстративный тип – истерии, неустойчивый тип акцентуации – абулии, то есть слабоволия.

Среди протестированных нами старшеклассников почти 80% имели тот или иной тип акцентуации и примерно 40% этих акцентуаций совпадали с

острой психодинамической неконгруэнтностью между типом темперамента и другими базовыми свойствами юной личности.

Следовательно, использование предложенного нами психодиагностического комплекса в контексте личностного подхода и новейшей концепции темперамента Б.И.Цуканова позволило выявить возможный механизм возникновения патогенной психодинамической неконгруэнтности у подростков, юношей, молодых людей в период личностного и профессионального самоопределения. Этот механизм требует своего дальнейшего изучения, конкретизации и главное – поиска путей преодоления связанных с ним патогенных тенденций. Но уже на данном этапе работы могут быть намечены пути устранения указанных негативных тенденций специальными средствами деятельности практического психолога.

На протяжении 20 лет консультативной работы (продиагностировано около 4000 детей, подростков, юношей, молодых и взрослых людей в возрасте от 4 до 55 лет, из которых более 1500 обратились к нам за консультативной помощью), была накоплена определенная статистика и опыт концептуальной интерпретации различных видов неконгруэнтности, что позволяет осуществлять достаточно точную идентификацию психодинамической неконгруэнтности у клиента, если она у него имеется.

Основой для процедуры идентификации выступает классификация видов психодинамической неконгруэнтности по следующим основаниям, таким как:

1) Онтогенетические, в зависимости от возраста – ребенка, подростка или юноши, когда происходит зарождение и становление неконгруэнтности в условиях расширения референтной человеческой среды:

- 1-го рода, в возрасте от рождения до одного года жизни в системе «ребенок – мать – отец», особенно в тех случаях, когда ребенок рождается с типом темперамента, противоположным типам темперамента матери и отца;

- 2-го рода, в возрасте от 1 года до 3-6 лет жизни, в системе «ребенок – семья – род», особенно при оппозиции типа темперамента ребенка типам темперамента матери, отца, бабушки, дедушки, братьев, сестер;

- 3-го рода, в возрасте от 6 до 17 лет жизни, в системе «ребенок, подросток – группа, класс», при взаимодействии детей с противоположными, контрастными типами темперамента, с «контрастными» технологиями воспитания и самовоспитания;

- 4-го рода, в возрасте от 17-20 лет и далее по этапам жизни, в системе «человек – учебный или трудовой коллектив, профессия, общественная, спортивная и т. д. деятельность».

Указанные «роды» неконгруэнтности определяются различными онтогенетическими типологическими диспозициями, которые постепенно насыщаются и усложняются в течение жизни и нуждаются в квалифицированной и последовательной расшифровке в ходе консультации;

2) содержательно-психологические основания: коммуникативно-типологическая, мотивационно-типологическая, характеро-типологическая, рефлексивно-типологическая, компетентностно-типологическая, интеллектуально-типологическая, эмоционально-типологическая, физиолого-типологическая и т. п. виды неконгруэнтности;

3) качественно-ступеневая: начальная, обратимая, промежуточная с элементами обратимости и необратимости, окончательная или застаревшая необратимая форма неконгруэнтности;

4) по полярности несоответствия: пролонгированная, переходная или инверсионная неконгруэнтность – в зависимости от того, входят ли ее показатели в зону конгруэнтности, в переходную зону слабой неконгруэнтности или в зоны с острой неконгруэнтностью, т.е. с недомерным или чрезмерным развитием и проявлением неконгруэнтных свойств личности. Например, может быть конгруэнтный флегматоид с нормальным проявлением интравертированности, однако может быть флегматоид с пролонгированной неконгруэнтностью, т.е. с избыточной интравертированностью, но может быть и флегматоид с инверсивной неконгруэнтностью, для которого свойственна экстравертированность (см. рис. 22);

5) структурно-комбинированные основания: моно- или полинеконгруэнтность, представленная одним или комплексом родов, видов, форм, полярностей неконгруэнтности.

Отметим, что нашим опытом охвачены в разной степени лишь некоторые роды, виды, полюсы психодинамической неконгруэнтности личности. К тому же картина психодинамической неконгруэнтности может усложняться за счет наличия не только первичной неконгруэнтности между типом темперамента и другими базовыми свойствами личности, но и так называемой вторичной (третичной) неконгруэнтностью, в основе которой лежат сформированные в зрелом возрасте устойчивые новообразования, так называемые функциональные органы, которые становятся новыми, наряду с темпераментом, стереотипными центрами определения психодинамики поведения, с которыми также следует считаться.

В ходе концептуальной интерпретации комплекса психодиагностических данных о клиенте психолог дополняет в ходе собеседования с подростком, с его родителями эмпирические данные относительно него и родственников с целью идентификации той или иной разновидности неконгруэнтности и ее патогенных последствий (см. вопросник о состоянии здоровья клиента). На этой основе разрабатывается индивидуально и семейно ориентированная программа коррекции или компенсации последствий неконгруэнтности личности и дальнейшей гармонизации ее развития.

Рассмотрим, в качестве примера, карту тестирования ученика, приведенную в подразделе 3.1.

У подростка Д.М., 14 лет, «чистого» холерика, выявился в ходе концептуальной интерпретации целый «букет» неконгруэнтностей:

а) пролонгированная характеро-типологическая неконгруэнтность (экстраверсия на уровне 77%, что превышает конгруэнтное для холерика проявление экстраверсии – по тесту 3д). Об этом свидетельствует также наличие гипертимной, Г-10 < 11 баллов, и демонстративной, Д-9 < 9 +2 = 11 баллов, акцентуаций – по тесту 1;

б) Инверсионная эмоционально-типологическая неконгруэнтность, поскольку величина эмоциональной лабильности, 64%, выходит за пределы зоны конгруэнтности у холерика для этого показателя;

в) Инверсионная, физиолого-типологическая неконгруэнтность, проявляющаяся в безразличии мальчика к физической культуре и спорту, ФиС = 0% – по тесту 10;

г) Инверсионная, физиолого-типологическая неконгруэнтность по продолжительности сна – по данным родителей, сын спит 8-9 часов, не высыпается, а должен спать, по нормативам, установленным Б.И.Цукановым, 10-11 часов, в том числе и днем;

д) Инверсионная, мотивационно-типологическая неконгруэнтность, что проявляется в невысоком общем индексе направленности, МЕС = 6,4% – по тесту 10, что не соответствует конгруэнтному для холероидов уровню направленности, в том числе и в будущее (более 15-20%).

Свойственная подростку неконгруэнтность имеет комбинированную, промежуточную, с элементами обратимости и необратимости, 1-го, 2-го, 3-го рода, характеристику и может быть частично откорректирована по определенной программе. Как сообщили на консультации родители, у подростка выявлена хроническая болезнь – дискинезия желчных путей, он стоит на диспансерном учете, каждый год они всей семьей выезжают на минеральные воды в Моршин.

В соответствии с результатами идентификации неконгруэнтности личности подростка, ему и родителям, после продолжительной беседы с элементами рациональной психотерапии, была предложена программа изменения образа жизни, которая содержала, в частности, следующие рекомендации:

а) несколько уменьшить (на 10-20%) круг общения, но лучше его организовать (были жалобы родителей на неорганизованность, импульсивность, конфликтность отношений сына с окружающими и т. п.);

б) значительно лучше использовать гармонизирующие возможности занятий искусством: подросток уже начинал писать стихи, занимался музыкой, вокалом, но бросил;

в) найти и овладеть адекватным видом спорта, комплексом физических упражнений для ежедневных занятий физической культурой утром и вечером, чтобы увеличить моторную, двигательную нагрузку на организм и нервную систему;

г) увеличить до 10-11 часов продолжительность сна, ввести по возможности дневной сон в течение 1-2 часов;

д) найти тему собственного творческого личностного проекта в области научных дисциплин – физики (интерес к этой дисциплине достигает уровня 41% по тесту 10), техники (50%), математике (58%), изобразительного искусства (41%), чтобы лучше удовлетворить конгруэнтное для холерика устремление в будущее, а также – реализовать огромный потенциал интеллектуальной одаренности ребенка (суммарный IQ = 158%, при пороге одаренности в 140%).

Через несколько месяцев после консультации от родителей мальчика поступила информация о том, что физическое состояние и психическое самочувствие их сына значительно улучшились.

Программа психологической коррекции конкретной патогенной неконгруэнтности клиента предусматривает адекватные и действенные изменения в структуре личности, образе жизни, отношениях в семье и в референтном окружении. Стратегическое направление такой коррекции заключается в максимально возможном возвращении к состоянию конгруэнтности личности и ее взаимодействия с окружением. В случае необходимости, в такую программу включаются средства воспитания, самовоспитания, выбора (перевыбора) адекватных занятий и профиля обучения, профессиональной подготовки, трудовой и профессиональной деятельности, производится уточнение режимов жизнедеятельности. Такую же цель должны ставить и достигать психологические тренинги, элементы рациональной психотерапии и т. п., которые должны вывести показатели направленности, черт

характера, эмоциональности и т. д. из зоны неконгруэнтности в переходную зону и зону конгруэнтности и тем самым прекратить действие внутриличностных патогенных факторов.

Внутриличностная психодинамическая неконгруэнтность подростков и юношей, возникающая от неправильного выбора занятий, профиля обучения и профессиональной подготовки, может быть устранена в этом возрасте, если она не приобрела необратимого характера. Заметим, что на последующих возрастных периодах такая неконгруэнтность фиксируется, укореняется, застаревает и становится стойким внутренним фактором патологизации личности. В подростковом же возрасте неконгруэнтность может быть снята специальными средствами школьной психологической службы – психологическим консультированием, правильной профориентацией, коррекцией и т. д.

Повторим еще раз, что общее направление работы психолога в этом плане заключается в возвращении неконгруэнтной личности и ее социального поведения, учебной и профессиональной деятельности в русло конгруэнтности. Если же речь идет о психологическом консультировании старшеклассников, то в ходе его проведения ученику и родителям следует посоветовать тот профиль обучения или будущую профессию, в целом, образ жизни, который наиболее конгруэнтен типу темперамента юной личности. Советы этого плана в общем, схематическом виде приведены выше. В дальнейших исследованиях этот аспект проблемы гармонизации профессионального самоопределения юной личности должен быть уточнен и конкретизирован.

При наличии застарелой, необратимой неконгруэнтности, если конгруэнтно ориентированная коррекция затруднена или до конца невозможна, используются методы компенсации, так называемой амортизации патогенного действия неконгруэнтности. В качестве таковых выступает комплекс определенных социальных, психологических, поведенческих, биопсихологических амортизаторов.

Эти средства амортизации действуют в режиме динамического уравнивания, действуя параллельно и смягчая негативные последствия патогенной психодинамической неконгруэнтности.

Действие амортизаторов заключается в снятии свойственного для неконгруэнтности напряжения. В нашей консультативной практике постепенно определился ряд приемов амортизации. Как таковые мы выделяем случайные (находящиеся и используемые родителями и детьми интуитивно, спонтанно, путем «проб и ошибок») и систематические (что является результатом специальной целенаправленной работы родителей и самого ребенка, а также – психолога), псевдоамортизаторы (алкоголь, никотин, наркотики, девиантное поведение, секс и т. д.) и настоящие (любовь в большинстве ее проявлений, продуктивное творчество, высокое искусство, духовные поиски и находки, положительные эмоции и чувство удовлетворения от интеллектуального, трудового, профессионального успеха, юмор, адекватная для типа темперамента физическая культура, любимое хобби и т. д.), внешние и внутренние, неосознаваемые и осознаваемые, эпизодически и регулярно действующие, фрагментарные и комплексные, искусственные и естественные и т. д. Схематически система амортизаторов представлена в таблице 6.

В ходе компенсации следует осуществлять переход от искусственных к естественным, от псевдоамортизаторов к настоящим, от внешних к внутренним, от неосознаваемых к осознаваемым, от случайных к систематическим, от фрагментарных к комплексным, от эпизодических к регулярным амортизаторам.

Программа компенсации осуществляется в режиме разделения функций между психологом, клиентом, его родителями и близкими, с отработкой некоторых задач как в условиях непосредственной консультации, собеседования, так и в постконсультативном режиме – дома, в семье, в школе, внешкольных, высших учебных заведениях и т. д.

Социально-психолого-индивидуальные амортизаторы неконгруэнтности
личностного развития.

А	Б
Случайные амортизаторы, которые находятся родителями и детьми интуитивно, спонтанно, путем «проб и ошибок»	Систематические, являющиеся результатом целенаправленной работы психолога с родителями и самим ребенком
Псевдоамортизаторы: алкоголь, табакокурение, наркотики и т. п.	Настоящие: любовь в большинстве ее проявлениях, продуктивное творчество, духовные поиски, искусство, позитивные эмоции трудового, профессионального успеха, хороший психологический климат в семье, в школьном окружении, юмор, адекватная физическая культура, толерантность, любимое хобби и т. п.
Внешние: девиантное поведение, секс	Внутренние: наличие духовных личностных идеалов, в отдельных случаях – религиозность
Неосознаваемые: ТВ и компьютерная зависимость, увлечение псевдоидеалами	Осознанные: целенаправленно сформированный смысл жизни, высокая цель, гуманистические ценности, рефлексия, самопознание и самосовершенствование
Эпизодические, кратковременные и ситуационные	Регулярные, долговременные, которые действуют в течение всего жизненного пути
Фрагментарные, которые касаются отдельных родов, видов, форм и полярностей психодинамической неконгруэнтности	Комплексные, которые охватывают большинство определенных разновидностей психодинамической неконгруэнтности
Искусственные: химические и фармакологические (кофе, алкоголь, антидепрессанты, снотворные и другие медикаменты)	Естественные: здоровый конгруэнтный образ жизни со всеми его составляющими

Так, если молодой человек неправильно, но сознательно избрал «неконгруэнтную» профессию, не может от нее отказаться и обречен платить определенную патогенную «цену» за неадекватное его типу темперамента направление профессионального самоопределения, то ему следует посоветовать сознательно использовать тот или иной тип амортизатора, чтобы пожизненно динамически компенсировать негативное воздействие факторов неконгруэнтности. Следует отметить, что такой механизм снятия патогенного давления со стороны факторов неконгруэнтности, на наш взгляд, бессознательно используется в массовом порядке людьми, за что, в случае применения, например, псевдоамортизаторов (алкоголь, курение, наркотики и т. п.) человек расплачивается рядом новых болезней. Устранение с самого начала этого ряда причин и следствий в условиях личностного, профессионального, жизненного самоопределения молодых людей может сохранить их здоровье в будущем.

В случае необходимости, с клиентом и его близкими проводится тренинг по повышению уровня психодинамической конгруэнтности личности и ее образа жизни, который включает следующие этапы:

а) углубленное осознание клиентом и его референтным окружением необходимости психологического консультирования, коррекции и компенсации психодинамической неконгруэнтности личности;

б) предоставление клиенту конкретной информации о его психодинамическом неконгруэнтном состоянии, его причинах и патогенных последствиях в значимых для лучшего восприятия и понимания формах;

в) творческая разработка консультантом вместе с клиентом и его близкими плана первоочередных антипатогенных действий и перспективной программы саногенных мероприятий, проекта гармонической жизни;

г) определение конкретных условий, инструментальных средств, режимов эффективного воплощения плана, программы и проекта конгруэнтного образа жизни;

д) эмоциональный контроль и последовательное закрепление всех составляющих конгруэнтного образа жизни личности.

В целом, предложенный методологический подход к гармонизации личности устраняет или минимизирует патогенные риски, связанные с психодинамической неконгруэнтностью. Этот подход в значительной мере объясняет вероятные факторы некоторых «болезней цивилизации», которые берут свое начало в период первого и второго рождения личности – в дошкольном и подростковом возрасте, когда осуществляется интенсивное личностное и профессиональное самоопределение.

Раскроем еще раз в обобщенной форме суть предложенного подхода. Человек, по причине своей неполной осведомленности в мире занятий, профессий и особенно – по причине недостаточного понимания собственной личности, часто допускает неправильное, неадекватное самоопределение, не осознает несоответствия свойств своей личности требованиям жизни и профессии. Вследствие этого возникает неконгруэнтность между базовыми личностными качествами и типом темперамента, которая выступает источником патогенного процесса в определенном патопсихосоматическом и патопсихологическом направлении.

Чтобы остановить этот процесс, следует обратиться к комплексной психодиагностике, выявить характер патогенной неконгруэнтности, задействовать соответствующие консультативные, коррекционные, компенсационные меры – с целью возвращения личности и поведения клиента в конгруэнтное положение либо компенсировать, смягчить или снять негативное действие факторов неконгруэнтности с помощью адекватных амортизаторов.

Представленная технология личностно центрированного психологического консультирования проверена на протяжении почти двадцатилетней работы автора с детьми, подростками, юношами, студентами, молодыми и взрослыми людьми и продемонстрировала свою состоятельность и эффективность.

Однако, данная технология должна быть уточнена и усовершенствована в ходе дальнейших исследований, в том числе и в сотрудничестве с медицинскими и педагогическими работниками, с родителями и их детьми. Ее дальнейшее

улучшение может уменьшить угрозу для психического и физического здоровья клиентов с патогенной психодинамической неконгруэнтностью.

Рассмотрим несколько примеров острой психодинамической неконгруэнтности личности и консультирования на основе предложенной личностно-центрированной технологии.

Один из первых тяжелых случаев патогенной неконгруэнтности в нашей практике психологического консультирования был связан с девушкой С., 17 лет, выпускницей одной из физико-математических школ г. Киева. К нам обратилась ее мать, учитель физики этой же школы, с жалобами на ухудшение состояния здоровья дочери после выпускных экзаменов. Тогда, по данным медицинского обследования, ей был поставлен диагноз «вегето-сосудистая дистония циркуляторного типа». Из-за угрозы дальнейшего ухудшения здоровья врачи запретили девочке поступать в высшее учебное заведение, поэтому она устроилась на должность лаборанта в научно-исследовательский институт, потеряв надежду на продолжение обучения.

Девушке было предложено пройти комплексное психодиагностическое обследование в психологической службе школы по КПДК, в ходе которого было выяснено, что она принадлежит к меланхолическому типу темперамента (тау-тип по методу Б.И.Цуканова равнялся 0,98 сек.), имеет слишком высокий, как для меланхолика, уровень эмоциональной лабильности (81% по соответствующей шкале личностного опросника С.Е.Айзенк), интравертированности (94% по соответствующей шкале того же опросника), при индексе слабости нервной системы 60% (по используемому в то время опроснику ВНД). Девушка окончила школу на «четверки» и «тройки», имела индекс проявления интеллектуальных способностей ниже среднего уровня – IQ=88% (по батарее южнокалифорнийских тестов и тесту структуры интеллекта Р.Амтхауэра) при имеющемся по школе среднем индексе развития интеллекта учащихся IQ = 112%.

Для девушки были свойственны хроническое эмоциональное перенапряжение и переутомление. Ей было очень трудно учиться в школе,

конкурируя с более способными и успешными в обучении школьниками. Дополнительным негативным стрессором стало положение в семье, сложившееся после развода родителей. После окончания школы девушка потеряла интерес к жизни, сократила до минимума общение с людьми, замкнулась в себе, появились мысли о самоубийстве.

Данный случай был отнесен нами к острой психолого-типологической неконгруэнтности пролонгированного типа, присущей в неблагоприятных социальных условиях некоторым меланхоликам – с их высокой чувствительностью, слабостью нервной системы, склонностью к стрессам, истощением жизненных сил и т. п. Для них характерно обострение, пролонгация типичных личностных свойств, которые проявляются в том, что они становятся еще более замкнутыми, интравертированными, эмоционально напряженными, мотивационно и интеллектуально самоограниченными, малоуспешными в деятельности и т. д. При этом образуется своеобразный «психологический стрессовый котел», в котором почти в аутичном режиме кипят драматические переживания, о которых взрослые могут только догадываться, не имея возможности постичь их внутренний мир и оказать ребенку действенную помощь. С таким типом психолого-типологической неконгруэнтности мы сталкивались в работе с 5-7% всех детей, преимущественно с меланхолическим темпераментом.

В данном случае целесообразно было использовать стратегию психологической коррекции неконгруэнтной личности, ее деятельности, социального поведения, всего образа жизни в направлении возврата к статусу психодинамической конгруэнтности, свойственного представителям меланхолического типа темперамента. Поэтому была разработана и задействована определенная программа коррекции, которая отработывалась в процессе психологического консультирования матери девушки и осуществлялась преимущественно ею (напомним, что мать работала педагогом в этой же школе) под нашим контролем. Программа предусматривала следующие

мероприятия, которые отвечали разрабатываемой нами концепции психологической структуры личности:

1. Определенное увеличение уровня социальной активности, небольшое и постепенное расширение круга общения девушки (мать удачно нашла и познакомила ее с дочерью своей подруги и в ходе специальной «родительской операции» поддержала и развила дружеские отношения между ними), усвоение техники общения и т. д.

2. Коррекция представлений о смысле жизни на основе имеющихся интересов к собственной личности, к искусству, к медицине; постепенное формирование жизненной цели, связанной со служением близким людям, изменение оценок, отношения к жизни, работе, учебе, инициация постепенного процесса профессионального самоопределения, выбора профессии гуманитарного профиля, самоподготовка к поступлению в вуз.

3. Разработка программы самовоспитания, самосовершенствования характера на основе самопознания собственной личности, ее сильных и слабых сторон, изменения образа жизни, формирование оздоровительного, так называемого саногенного поведения, усвоение более адекватного для меланхолического типа темперамента режима труда и отдыха, в частности, конструирование качественного для девушки как меланхолика режима сна; привлечение ее к освоению посильных элементов физической культуры (но не спорта), что принципиально важно для меланхолика – в отличие, например, от сангвиника (которому можно было бы порекомендовать именно занятия определенным видом спорта); овладение рациональными приемами труда и отдыха, восстановления работоспособности.

4. Последовательная активизация интеллектуальной, творческой деятельности, сначала в сфере музыки (игра на гитаре, пение, которые были приостановлены ранее, в период напряженной учебы в школе), а со временем – в занятиях психологией и философией, собственным самооздоровлением; развитие в себе духовных, интеллектуальных качеств творческой личности.

5. Воспитание положительных чувств на основе более совершенного овладения «своим» жанром искусства – в активной форме исполнения или в пассивной форме восприятия. В данном случае это выразилось в усвоении классического и народного репертуара для гитары, в аккомпанировании себе при исполнении романсов и т. п.; в овладении чувством юмора – она начала вместе с мамой перечитывать комедийные произведения, коллекционировать анекдоты и т. п.; усвоение техники эмоциональной саморегуляции, аутогенной тренировки и т. д.

Данная программа постепенно уточнялась и конкретизировалась в ходе еженедельных психологических консультаций мамы в течение месяца и через нее была полностью реализована в общении с дочерью. Как педагог, она нашла на этой основе свои собственные коррекционные и компенсаторные подходы к дочери, увеличила внимание к ней. Изменения в личности и образе жизни девушки проходили на позитивном эмоциональном фоне углубленных отношений между матерью и ею. Как следствие, состояние здоровья девушки постепенно улучшилось, она «оживала», появился интерес к жизни, творчеству, профессиональному самоопределению и поэтому через полгода она поступила в высшее учебное заведение за рубежом, которое на данный момент закончила, и сейчас успешно работает в гуманитарной сфере.

Приведенный пример был одним из первых в нашей консультативной практике, на основе которого позже выкристаллизовалось личностно-центрированное консультирование детей и подростков с патогенной психодинамической неконгруэнтностью. При этом комплекс реализованных психологом вместе с матерью мер обеспечил возвышение личности дочери, что оказалось дополнительным оздоровительным фактором.

Интересный случай произошел несколько лет назад в консультативной практике нашей последовательницы, в то время психолога одного из районных центров социальных служб для молодежи г. Киева Виктории Валериевны Русовой, которая успешно использует разработанный нами подход в работе с клиентами разного возраста. К ней обратилась бабушка девочки О., 8 лет,

ученицы второго класса одной из киевских школ. Бабушка рассказала о тревожных и непонятных отклонениях в здоровье и поведении своей внучки. Они проявлялись в течение последнего года в сильных болях в желудке, тошноте и рвотных рефlekсах. Ребенок стал постоянно пребывать в состоянии тревожности, раздражительности, растерянности. Попытки близких выяснить у девочки причины болезненного состояния приводили к агрессивным реакциям с ее стороны, у нее появилась несвойственная для нее раньше злость. Однако медицинское обследование не выявило патологических нарушений в желудочно-кишечной сфере. Не дало долговременных и стабильных результатов пребывание девочки на лечении в отечественных и зарубежных клиниках, хотя и наблюдалось кратковременное облегчение...

Во время комплексной психодиагностики было установлено, что девочка относится к "чистому" флегматическому типу темперамента (тау-тип равен 1,1 сек. по методу Б.И.Цуканова). Вместе с тем было обнаружено, что ей присущи резкие личностные проявления инверсионной психодинамической неконгруэнтности по таким параметрам, как высокая эмоциональная лабильность и высокая экстравертированность (по личностному опроснику С.Е.Айзенк), что никак не может быть свойственно конгруэнтной личности «чистого» флегматика.

При собеседовании В.В.Русовой с учительницей девочки она была охарактеризована как отличница, старательная, дисциплинированная, умеет хорошо рисовать, легко идет на контакт со сверстниками, интересно рассказывает о прочитанных любимых книжках. Психолог использовала при психодиагностике ребенка дополнительные тесты, по которым она также показала высокий уровень личностной тревожности (по тесту Ч.Спилбергера). По опроснику В.Седнева девочка находилась на грани возникновения психосоматического заболевания, у нее были обнаружены признаки вегетативных нарушений.

Сопоставляя полученные при психодиагностическом обследовании и сборе анамнеза данные, было установлено очевидное несоответствие личностных

новообразований девочки, которые формировались в школе и семье в ходе неадекватной по своим психодинамическим параметрам социализации по принципу «как все», психофизиологическим возможностям ее нервной системы флегматика. Именно в таких ситуациях у флегматиков и могут возникать, названные Б.И.Цукановым «предпочтительными», психосоматические нарушения в желудочно-кишечном тракте. Рвота в данном случае имело именно психосоматическое происхождение.

Согласно обозначенному выше методологическому подходу, при данном виде психолого-типологической неконгруэнтности, необходимо было отыскать тот фактор, который непосредственно подтолкнул, на общем фоне инверсионной неконгруэнтности, патогенные процессы вплоть до их проявления в виде блевания, рвоты. Такой фактор был идентифицирован нами в собранных психологом данных анамнеза в виде неоднократно зафиксированной «любви девочки к физкультуре». Эту «любовь», как и сами занятия физкультурой, культивировала ее мать (для которой, по наблюдениям психолога, был присущ слишком динамичный и активный стиль жизни, свойственный холерикам или сангвиникам).

Мать и отец, которые имели близкий друг к другу психодинамический статус, невольно выступили постоянно действующим семейным фактором искусственно ускоряющегося давления на медлительную по типу темперамента дочь, что постепенно привело к психосоматическим отклонениям в желудочно-кишечной сфере девочки. «Любовь к физкультуре» сопровождалась, кстати, проявлениями негативизма и агрессивности девочки именно на занятиях физкультурой в школе – как средством определенной разрядки, защиты, избавления от напряжения и т. д. Данные проявления являются естественными, но патогенно угрожающими и не совсем эстетичными, видами амортизации неконгруэнтности. Вследствие этого установился определенный механизм реагирования, который, по нашему предположению, в конечном счете сказался в нарушениях иннервации перистальтики кишечника и имел своим выражением рвоты на уроках физкультуры и после них.

Поэтому практическому психологу было предложено начать коррекцию личности и поведения девочки именно с ограничения мотивации занятий физкультурой и формирования у нее как флегматика конгруэнтного в психодинамическом отношении образа жизни. Скажем сразу, что после принятия к выполнению этой рекомендации указанные негативные проявления полностью прекратились. Для закрепления более конгруэнтного статуса личности девочки ее бабушке и родителям были рекомендованы дополнительные меры, соответствующие концептуальной модели конгруэнтной личности флегматика:

1. В сфере общения осваивать прежде всего технику медленной, диалогической, опосредованной (в частности, литературной) коммуникации – при уменьшении удельного веса публичных и динамических ее форм.

2. В мотивационно-смысловом плане было предложено отдавать предпочтение направленности интересов, склонностей в прошлое, именно через которое целесообразно осваивать будущее с его целями и планами. Такая своеобразная организация мотивационной сферы личности флегматика опирается на естественную особенность его направленности, ведь он не успевает за темпом жизни, постоянно опаздывает и поэтому статистически привязан больше к прошлым событиям, которые для ребенка психологически еще не завершились и остаются предметом его анализа, обдумывания. Речь идет об анализе ближних и отдаленных фактов своей жизни, событиях в семье, истории общества, биологической эволюции жизни и т. д. Все это определяет в конечном счете мотивационно-смысловую переработку флегматиком актуального прошлого как первоначальной основы формирования вторичной футурогенной ориентации его личности. Этот замеченный нами, типичный для флегматиков, факт образует перспективный подход для понимания природы развития их мышления.

3. Для некоторого преодоления инертности эмоциональной сферы и негативизма было предложено развивать соответствующие черты характера девочки в процессе заботы и ухода за маленьким зверьком. Матери было

рекомендовано эмоционально «пригреть» свою дочь, принять ее психодинамический статус как естественный и неприкасаемый, что потребовало формирования особого, бережного отношения близких к ней.

4. На уровне самосознания девочка нуждается в подкреплении чувства самоуважения, поддержки ее самооценки, уважения ее чувства собственного достоинства, положительной оценки успехов в ее интеллектуальных, художественных, изобразительных занятиях, что потребовало ее зачисления в художественную школу.

5. Для роста компетентности, жизненного и учебного опыта целесообразно было рекомендовать девочке умеренный по времени (быстроте и ритму), но основательный подход к обучению, без установок на рекорды в успешности обучения, без давления в плане получения обязательно высоких оценок по учебным предметам и т. д. Следовало также способствовать лучшему использованию времени и ресурсов, посоветовать вести дневник.

6. Необходимо было также поддерживать интеллектуальное развитие девочки, делая упор на самоанализ, рефлекссию, на самостоятельное решение собственных личностных проблем, разрешение логических задач по предметам учебных программ и внепрограммных, внеурочных источников. При этом гуманитарные проблемы и задачи должны доминировать над техническими. Интеллектуализация учебной деятельности и жизнедеятельности должно осуществляться непринужденно, в равномерном, несколько замедленном темпе жизни и т. д.

7. Режим труда и отдыха девочки должен отвечать психофизиологическим нормам для флегматиков. В частности, можно было отказаться, по возможности, от дневного сна, а ночной сон в нормальных условиях иметь длительностью от 6-7 часов. Надо было избегать непрерывных интеллектуальных занятий, чередуя их с помощью родным по хозяйству. После выполнения уроков и обязательных занятий в рамках семейного распределения домашнего труда, можно было выделить время на чтение интересных книг, рисование, ведение дневника, что требует создания индивидуальных условий для этого, то есть отдельного уголка

или комнаты. Понятно, что снижение избыточного уровня динамизма (темпа, скорости) жизни, утверждение умеренности, обоснованности, рассудительности в делах, жизнедеятельности, учебной и творческой деятельности должны были стать для девочки стратегической линией формирования определенного психодинамического стиля на долгие годы жизни. И в этом случае сыграли свою оздоровительную роль меры по возвышению ценности личности девочки.

Драматический факт острой патогенной психодинамической неконгруэнтности был идентифицирован нами в ходе психологического отбора воспитателей в один из киевских детских садов. После обязательного тестирования на КПДК перед комиссией предстала молодая женщина 36 лет, которая предложила себя в качестве воспитателя-хореографа. По тесту Б.И.Цуканова у нее был определен тау-тип «чистого» флегматика – 1,1 сек. Однако интраверсия достигала 90%, эмоциональная лабильность – почти 100%, интерес к спорту равнялся 70%. На вопрос о здоровье (женщина сразу обратила на себя внимание бледным лицом) было сказано, что она полгода находилась в хирургическом отделении больницы после частичной резекции желудка. Выяснилось, что любовь к хореографии дочери привила мать, которая не смогла в свое время из-за травмы стать танцовщицей и последовательно воплотила свою мечту в профессиональном выборе дочери. Хотя функциональные расстройства в желудочно-кишечном тракте у женщины были и раньше, однако язва желудка появилась лишь после смерти матери, год назад, когда с ее уходом, на наш взгляд, был снят природный амортизатор напряжения (любовь к дочери, позитивное эмоциональное поощрение занятий танцами), вызванного психодинамической неконгруэнтностью вследствие неадекватного выбора профессии. После снятия этого семейного амортизатора патогенное давление неконгруэнтности уже ничем не сдерживалось, поэтому и произошло бурное обострение болезни желудка.

Конечно, женщине было отказано в просьбе о зачислении на должность хореографа в детский сад. С ней была проведена разъяснительная беседа с элементами рациональной психотерапии, которая полностью убедила женщину в

необходимости сменить профессию. Кстати, она призналась, что еще до разговора с психологом у нее усилилась боль в желудке, но после беседы – исчезла. Позже она благодарила нас за то, что полученная консультация избавила ее от повторной операции на желудке.

Еще один поучительный случай острой патогенной неконгруэнтности был обнаружен нами несколько лет назад, когда нам пришлось преподавать магистрам одного из лучших украинских университетов спецкурс «Психология труда личности». При изложении темы «Профессионально важные качества личности» нами было отмечено, что по теории времени в психике индивида Б.И.Цуканова в некоторых случаях можно определять тип темперамента по наличным у человека «предпочитаемым» болезням. При этом были названы желудочно-кишечные заболевания как возможный индикатор флегматоидного типа темперамента. Одна из студенток Х., имеющая болезнь язвы желудка, начала возражать против этого, поскольку ранее определила с помощью другого преподавателя свой тип темперамента как сангвинический. В качестве метода преподавателем использовался личностный опросник Г.Айзенка, который мы применяем для выявления черт характера, таких как экстраверсия – интроверсия, эмоциональная стабильность – эмоциональная лабильность. Мы обратили внимание девушки на то, что выявлять по этому опроснику тип темперамента можно лишь в случаях конгруэнтной личности. Фактически же в почти половине случаев, связанных с неконгруэнтностью, тип темперамента определять с помощью этого вопросника неправильно, некорректно. К сожалению, студентка не обратила внимания на наше утверждение и продолжала настаивать на том, что у нее сангвинический тип темперамента, но вместе с тем – и больной желудок. А это как бы отрицало положения Гиппократ и Б.И.Цуканова о том, что данная предпочитаемая болезнь может быть только у флегматоидов.

Каково же было ее удивление, когда по методу Б.И.Цуканова у нее был определен тау-тип флегматоида (1,09 сек). В ходе консультации выяснилось, что фактором ее неконгруэнтности стало участие в шоу-балете. Она призналась, что после каждого выступления у нее наблюдались обострения язвы желудка, а в

ходе последнего клинического обследования была обнаружена недоброкачественная опухоль... Несмотря на неоднократное повторение нами аргументов относительно причин патогенного процесса в ее желудочно-кишечном тракте и соответствующие предупреждения, клиентка после консультации отправилась на гастроли... Психологическая защита в виде высомерия и отрицания, негативизма и неприятия, нигилизма и игнорирования жизненно важных аргументов и рекомендаций консультанта, нередко встречаются в работе с клиентами флегматоидного типа...

В противоположность только что рассмотренному выше мы можем привести десятки примеров адекватного выявления и успешного преодоления теми же флегматоидами патогенных последствий психодинамической неконгруэнтности личности и гармонизации на этой основе ее развития и жизнедеятельности. Решение личностных проблем данного типа требует комплексного подхода, координированных усилий семьи, школы, учреждений и психологической службы, тесного взаимодействия клиента, его родителей, близких, педагогов, коллег с психологом, от чего в конечном счете зависит успех в нормализации развития его личности, улучшение его психического и физического здоровья, а потому – и счастье в жизни.

Приведем итоговые рекомендации психологам по осуществлению личностно центрированного консультирования клиентов с патогенной психодинамической неконгруэнтности.

Успешность осуществления предложенной схемы консультирования в значительной мере зависит от соблюдения методологических условий, представленных в исходных принципах, концепции психологической структуры личности, процедуре проведения комплексного психодиагностического обследования и концептуальной интерпретации данных, направлениях разработки и осуществления программы коррекции и компенсации патогенной психодинамической неконгруэнтности личности клиента, последовательности и качества выполнения всех этапов работы. Рассмотрим эти условия и рекомендации подробнее.

1. Исходные методологические принципы выполняют важную роль в определении основных направлений движения консультативного процесса, формирования ключевых аспектов концептуальной готовности к его осуществлению, поэтому необходимо тщательно усвоить эти принципы.

2. Концепция трехмерной, поэтапно конкретизированной психологической структуры личности выполняет роль «магического кристалла», с помощью которого организуется содержательное понимание личности и ее подструктур с конкретным психодинамическим потенциалом, логическое структурирование методов психодиагностического комплекса, порядок концептуальной интерпретации массива психодиагностических данных, выявление конгруэнтности и неконгруэнтности, путей ее коррекции и компенсации, гармонизации развития личности и ее образа жизни.

3. Предложенная схема консультирования невозможна без комплексной психодиагностики личности по определенному плану, который определяется структурой личности, при этом принципиальным является использование объективного метода определения типа темперамента и соответствующей теории темперамента Б.И.Цуканова в контексте разработанной нами концепции структуры личности; однако использование только одного метода определения типа темперамента для выявления психодинамической неконгруэнтности недостаточно – нужно перейти от монодиагностики к полидиагностике личности по ее структуре.

4. Концептуальная интерпретация массива психодиагностических данных предусматривает принятие четкой позиции относительно признания темперамента врожденным, стабильным, неизменяемым в течение жизни свойством личности (вопреки противоположному мнению некоторых психологов о том, что темперамент меняется в течение жизни – при этом смешивается темперамент и характер). Следует помнить, что конгруэнтные проявления психодинамических параметров других базовых свойств сосредотачиваются в зоне средних значений для презентативной выборки, а неконгруэнтные – выходят за пределы этой зоны в обе стороны, образуя

пролонгированную или инверсионную неконгруэнтность с вероятными патогенными психосоматическими последствиями, пропорциональными размеру отклонения от средней зоны; необходимо накапливать собственный статистический опыт психодиагностики и интерпретации данных обследования свойств личности клиентов с разными типами темперамента и отклонениями в психическом и физическом здоровье.

5. Разработка программы психологической коррекции и компенсации разновидностей неконгруэнтности должна базироваться на их идентификации по предложенной нами классификации, в выявлении собственных средств личности по коррекции и компенсации, которые следует либо сохранить, либо откорректировать или добавить к ним средства из рекомендованного в работе перечня приемов амортизации.

6. Следует проверять эффективность консультирования с помощью обратной связи с клиентом и при необходимости повторять весь консультативный цикл и закреплять положительный результат.

7. Необходимо помнить, что предложенная схема консультирования не является универсальным средством решения всех личностных проблем клиента, она касается именно психодинамических проблем в том понимании этого термина, который определяет силу, интенсивность, работоспособность, подвижность, скорость, темп, цикличность нервных процессов, лежащих в основе психических качеств, состояний, свойств личности. Поэтому следует сопоставлять возможности данной технологии с другими психотерапевтическими практиками и устанавливать целесообразные взаимосвязи между ними при решении личностных проблем.

Как и другие виды психотерапии, предложенная технология консультативно-психологической работы с неконгруэнтной личностью демонстрирует свою ценность и поэтому может свидетельствовать, при ее усвоении практикующим психологом, о росте его психологической культуры. Его профессиональная психологическая деятельность с использованием данной технологии обеспечивает значительно большую направленность на сохранение и

утверждение ценности здоровой личности, на ее защиту от унижения болезненным состоянием или болезнью. Личностно центрированное консультирование клиентов с патогенной психодинамической неконгруэнтностью как бы исправляет неоптимальность, некорректность спонтанного вхождения человека в культуру, когда он делает это в психодинамическом отношении неадекватно, ошибочно, неудачно, за что расплачивается психосоматическими отклонениями и болезнями. В перспективе можно ожидать, что предложенная нами схема консультирования трансформируется в превентивные виды обучения и воспитания, в более оптимальные формы личностного, жизненного, профессионального, социального, культурного самоопределения человека. Более конгруэнтное осуществление поведения и деятельности личности в условиях современной «нивелирующей» культуры позволит сохранить, укрепить ее ценность, достоинство и честь. В то же время и сама культура должна становиться более конгруэнтной по отношению к личности с ее столь дифференцированной индивидуальностью у разных людей.

3.5. Типология личностей на основе учета их базовых психодинамических особенностей и их типологическая аксиопсихологическая характеристика.

Наш опыт работы в качестве теоретического, прикладного и практического психолога свидетельствует о том, что типология личности должна базироваться на принципах учета наиболее стабильных, неизменных качеств личности, над которыми надстраивается «пирамида» ее менее постоянных, изменяемых свойств, то есть новообразований личности. Поэтому целесообразно обратиться к типологии, которая имеет в своей основе типы темперамента, на которых как

на психодинамическом фундаменте строится структура других «новообразуемых» качеств личности.

При построении такой типологии целесообразно опираться на комплекс относительно конгруэнтных свойств личности, который устанавливается, закрепляется в подростковом, юношеском, молодом возрасте и может выступать для каждого типа темперамента своеобразным эталоном, моделью ожидания, с которой должна соотноситься реальная психологическая характеристика личности. Поэтому считаем целесообразным предложить в качестве основы такой типологии личностей пять групп характеристик – в соответствии с пятью типами темперамента по теории Б.И.Цуканова, хотя, повторим это вслед за одесским профессором, таких типов может быть значительно больше.

Так, если обобщить типичное проявление личностных свойств у взрослых представителей **холероидной группы** (а их, по данным Б.И.Цуканова, 14% [183]), то можно представить такую общую их характеристику по подструктурам свойств личности:

- На психофизиологическом уровне – высокая сила процесса возбуждения при низкой (у «чистых» холериков и у большей части холероидов) силе процесса торможения, что определяет высокий уровень подвижности нервной системы с проявлениями непрерывной активности, несдержанной импульсивности, даже взрывчатости поведения. Эмоциональность колеблется от стабильности у чистых холериков к нестабильности и тревожности у холероидов, приближающихся к пределу, за которым располагается сангвинический тип темперамента (см. на рис. 12 в подразделе 3.3.2). Работоспособность холероидов по процессу возбуждения высока, а по процессу торможения низка. Из-за определенной неуправляемости поведения холероиды подвержены межличностным противоречиям и ошибкам в деятельности, в связи с чем часто возникают стрессы деструктивной импульсивности и поспешности, социальных конфликтов и неорганизованности деятельности; потребность в длительности сна достигает от 10,0 часов у «чистых» холериков до 9,5 часов у крайних

холероидов, приближающихся к «чистым» сангвиникам (см. рис. 16 в подразделе 3.3.6);

- На уровне подструктуры общения для холероидов присущи высокая активность, коммуникабельность, открытость, социальная валентность, широкий круг общения, склонность к вербальным, устным публичным формам коммуникации, но поверхностность понимания партнеров по общению, динамичность, импульсивность, быстротечность контактов, постоянная тенденция к доминированию, обострение отношений с окружающими, конфликтогенность.

- По подструктуре направленности холероидам свойственна преобладающая устремленность в будущее, склонность к экстраполяции, построению проектов и их навязыванию другим и т. д. Мотивация (интересы, стремления, склонности) часто бывает слишком динамичной, широкой, но поверхностной, недостаточно обоснованной, неустойчивой, противоречивой, иногда спонтанной;

- На уровне подструктуры характера холероидам свойственны неустойчивые, но консервативные черты характера, несдержанность, эгоцентризм, доминирование над другими, экстравертованность, проявления превосходства, экстернальный тип ответственности, демонстративный и гипертимный типы акцентуации характера, поверхностное правдолюбие, самоуверенность, амбициозность, самовлюбленность;

- Для самосознания холероидов присущи такие качества, как низкий уровень самопознания, но высокая самооценка, явный эгоцентризм, низкая способность к самоконтролю и саморегуляции, особенно в экстремальных и напряженных ситуациях, низкая способность к самоорганизации и самосовершенствованию, повышенное чувство собственного достоинства, они несколько надменны, вплоть до до проявлений агрессивности, а у некоторых из них – чрезмерно, акцентуированно развито чувство чести. Типичными психологическими защитами «Я» холероидов являются проекция, противодействие, рационализация, регрессия, отрицание;

- На уровне подструктуры опыта холероиды предпочитают гуманитарные, вербальные, абстрактные знания, они склонны к изучению иностранных языков, к занятиям литературой, менеджментом, экономикой, бизнесом. В учебе и труде они динамичны, продуктивны, но несколько поверхностны, непоседливы, нестабильны;

– В интеллектуальном плане холероидам свойственно быстрое переключение внимания, но они не в состоянии длительное время поддерживать его концентрированность, их память неустойчива и основывается преимущественно на хорошем запоминании абстрактно-концептуальных схем. Для их мышления присущ неглубокий, но быстрый анализ и синтез проблемных ситуаций, преобладание абстрагирования над конкретизацией, дедукции над индукцией. В предметах мышления доминируют вербальные схемы, прожекты будущего, не всегда достаточно обоснованные. Это образует интересный, но недостаточно изученный научной психологией механизм развития мышления.

Если обобщить типичные свойства конгруэнтной личности представителей **сангвиноидной группы** (их в человеческой популяции больше всего – 44%), то можно привести такие их типичные характеристики по базовым подструктурам:

– На уровне психофизиологической подструктуры – высокая сила процессов возбуждения и торможения, их уравновешенность, подвижность и работоспособность нервной системы. Выраженная эмоциональность у «чистых» сангвиников и средняя у тех, кто граничит с уравновешенным типом. Из-за значительной силы, подвижности и работоспособности нервных процессов сангвиноиды постепенно могут стать амбициозными, по сравнению с другими типами, при выполнении одних и тех же задач, легких для них, несколько самоуверенными, но и из-за этого – несколько детренированными, поверхностными и переживать в этих условиях, при больших ожиданиях, стресс неудовлетворенных амбиций; нормативная продолжительность сна для них от 9,5 часов (у «чистых» сангвиников) до 8,0 часов – у крайних сангвиноидов, граничащих с равновесными;

– На уровне подструктуры общения конгруэнтным сангвиноидам присущи активность, коммуникабельность, открытость, искренность, относительно широкий круг общения, склонность к вербальным, публичным формам коммуникации, однако недостаточное, поверхностное понимание партнеров по общению, тенденция к доминированию, подчинению и манипулированию ими;

– На уровне подструктуры направленности сангвиноиды демонстрируют преобладающую направленность в будущее (примерно половина из них, начиная с «чистых» сангвиников) и настоящее, склонность к прогнозированию и проектированию будущего; интересы, стремления, склонности, намерения могут носить широкий, энциклопедический характер, однако быть несколько поверхностными, противоречивыми;

– На уровне подструктуры характера сангвиноидам присущи эгоцентризм, чувство превосходства, экстравертированность, экстернальность в возложении ответственности, правдолюбие, самовлюбленность, самодовольство, гипертимный и демонстративный типы акцентуаций;

– Для самосознания конгруэнтных сангвиноидов свойственны средний уровень самопознания с высокой самооценкой, амбициозность, способность к самоконтролю и саморегуляции в напряженных ситуациях, повышенное чувство чести и достоинства; типичными психологическими защитами «Я» сангвиноидов являются рационализация, регрессия, проекция, противодействие, катарсис, идентификация, отчуждение, сублимация;

– На уровне опыта сангвиноиды проявляют склонность к формированию вербальных, абстрактных знаний, социальных, управленческих, стратегических умений, теоретических и практических навыков, к внушению и чрезмерному мудрствованию и т. п.;

– Интеллектуальная подструктура сангвиноидов имеет дело преимущественно с абстрактными, теоретическими понятиями, несколько отстраненными от жизни; мышление часто бывает поверхностным, но универсальным, широкоохватным, концептуализированным, системным; абстрагирование преобладает над конкретизацией, дедукция – над индукцией.

Им свойственна склонность к фантазированию, мнительности, подозрительности.

Для представителей **равновесного типа** темперамента, который был выделен Б.И.Цукановым (их всего 4% в человеческой популяции) присущи усредненные проявления свойств во всех подструктурах личности – они похожи на ближайших к ним представителей сангвиноидной и меланхолоидной групп [183]. Среднее расположение на шкале типов темперамента (см. на рис. 11 в подразделе 3.3.2) придает характеристике личности этого типа черты центрального, промежуточного, медиативного, переходного, опосредствованного, компромиссного, собственно «равновесного» вида в общении, мотивации, характере, рефлексии, опыте, интеллекте человека, действующего в ситуации «здесь и теперь». Нормативная продолжительность сна у них 8,0 часов. Успех или неудача в поведении и деятельности в значительной степени связаны у них с достижением или недостижением компромисса, баланса, уравниваемости между представителями противоположных, крайних типологических групп. В связи с этим, им может быть присущ очень опасный стресс невозможности компромисса, фрустрации, спорности, борьбы противоположностей в межличностных отношениях и т. д. На этом фоне развиваются усредненные проявления чести и достоинства их личности.

Если охарактеризовать типичные свойства конгруэнтной личности **меланхолоидов** (их 29%), то можно привести такие типичные их качества:

- Для подструктуры психофизиологии – низкая сила процессов возбуждения (в 1,5 раза меньше, чем у холероидов и флегматоидов) и процессов торможения (на 20% ниже у меланхолоидов, граничащих с равновесным типом), их подвижность – средняя, ниже, чем у сангвиноидов и выше, чем у флегматоидов; у них низкая работоспособность и значительная переутомляемость, склонность к глубоким устойчивым длительным переживаниям, страху, тревоге, стрессам, высокая чувствительность; потребность в качественном сне от 6,0 до 8,0 часов у крайних меланхолоидов;

- На уровне подструктуры общения конгруэнтные меланхолиды проявляют определенную замкнутость, склонность к интимным, камерным, диалоговым, письменным формам общения с глубокими внутренними переживаниями, эмоциональностью, стремлением к внешней бесконфликтности, склонность к симпатии и эмпатии к другим людям;

- Для их подструктуры направленности присуще наличие ориентации части меланхолидов в настоящее, а для тех, кто приближается к «чистому» меланхолику – в прошлое; мотивы, интересы, идеалы глубокие, выборочные, устойчивые, оптимистичные, романтические и, одновременно, тревожные, беспокойные, некоторые интересы переходят во внутренне устойчивые длительные планы, программы и проекты;

- Характер меланхолидов содержит такие черты, как инициативность, честность, принципиальность, замкнутость во внутреннем мире, доброта, мягкость, склонность к самоуничижению, пугливость, чувствительность, интернальность (они возлагают вину и ответственность на себя), обидчивость, им свойственны такие типы акцентуаций, как сензитивность, тревожная педантичность, циклоидность (эйфория периодически сменяется депрессией и наоборот), астено-невротичность, интравертированность;

- Самосознание конгруэнтных меланхолидов содержит такие качества, как глубокое, легко ранимое чувство собственного достоинства (со склонностью к обиде), определенную индифферентность в вопросах чести, эгоцентризм, увлеченность самоанализом, самовоспитанием, им присущи такие психологические защиты «Я», как отчуждение, регрессия, рационализация, уход из ситуации (ее обход, уклонение от входа в нее, переход, отход и т. д.), самоизоляция, катарсис.

- На уровне подструктуры опыта меланхолиды преданы гуманитарным дисциплинам, их знания, умения, навыки окрашены чувствами, насыщены переживаниями событий и взаимоотношений с людьми, человеческих проблем;

- Интеллектуальная подструктура меланхолидов связана с развитым внутренним миром, идеальным планом действия, в котором подвергаются

анализу, синтезу и систематизации образы и представления прошлого и настоящего с его противоречиями, тревожными ожиданиями; внимание и память, особенно вербальная, не очень развиты; преобладает интуиция, целостный охват действительности, творческое воображение и т. п.; интеллект привязан к определенным творческим идеям, планам, проектам и т. д.

Если проследить типичное, конгруэнтное проявление личностных свойств у представителей **флегматоидной группы** (их в человеческой популяции, по подсчетам Б.И.Цуканова, 9% [183]), то в указанных выше подструктурах их личности будем иметь такие типичные свойства:

- На врожденном психофизиологическом уровне (биологический фундамент личности) – высокая сила процессов возбуждения и торможения, но низкая подвижность и темп деятельности, что определяет высокую потенциальную работоспособность без переутомления, тщательность трудовой деятельности, но низкую ее производительность именно из-за медленного темпа нервной деятельности, с чем нужно непременно считаться при оценке результатов их труда; на этом же уровне проявляется низкая перцептивная чувствительность флегматоидов, их эмоциональная инертность и ригидность; при этом флегматоидам все же не удается избежать стрессов, среди которых самым распространенным следует считать стресс цейтнота – в условиях медлительности и запаздываемости деятельности и поведения; необходимая для них продолжительность сна – от 4,5 часов у «чистых» флегматиков до 6,0 часов у крайних флегматоидов, приближающихся к «чистому» меланхолику;

- Для подструктуры общения флегматоидов характерны замкнутость, склонность не к публичным, но к интимным, диалоговым формам вербальной коммуникации, опосредованной письменными, литературными средствами общения и т. д. ;

- На уровне подструктуры направленности для них очень важна преобладающая ориентация в прошлое, что выражается в преимущественной избирательной ориентации в историческую, биографическую ретроспективу, определенная противоречивость, негативизм, пессимизм, протестность мотивов,

интересов, идеалов, целей, склонностей, влечений и т. п.; из-за некоторого негативизма планы флегматоидов часто неэффективны, не выполняются или самоограничиваются как субъективно нецелесообразные, неприемлемые; мотивационная сфера иногда превращается в антистимуляционную, самотормозящую, саморазрушающую;

- На уровне характера флегматоидам свойственны стабильные, даже консервативные черты, общительность в узком кругу окружающих, честность до правдолюбия, но на фоне интравертированности и эмоциональной устойчивости, с элементами инертности, равнодушия, бесчувственности и негативизма, демонстративного проявления превосходства и т. п.; чаще всего они выступают яркими экстерналами, т.е. возлагают ответственность за свои заторможенные действия и неудачи на других, им свойственны такие типы акцентуаций, как интравертированность, возбудимость, неустойчивость и т. д. ;

- На уровне самосознания флегматоиды имеют повышенное и зачастую болезненное чувство собственного достоинства, в вопросах чести и ее защиты они часто подозрительны, проявляют крайний эгоцентризм, который тесно связан с негативизмом, чем оправдывается медлительность, склонность к запаздыванию, отставанию во времени, низкая производительность обучения и труда; им свойственны такие психологические защиты, как отрицание, давление, рационализация (оправдание), вытеснение, регрессия, отчуждение (вплоть до выхода из ситуации), протест, фальсификация, интрига, четко продуманное противодействие, конфликт и т. д. ;

- На уровне подструктуры опыта флегматоиды предпочитают гуманитарные дисциплины, в частности, системы знаний, умений, навыков, связанные с историей, архивным и музейным делом, литературой, иностранными языками, философией, психологией, в учебе и труде они хотя и медлительные и малопродуктивные, но усидчивые и добросовестные;

- На интеллектуальном уровне – у них прочная долговременная память, удерживающая ключевые события прошлого; в настоящем же времени флегматоид, в силу медлительности интеллектуальных процессов и цейтнота,

присутствует, так сказать, лишь частично, из-за чего он не успевает понять и принять ситуацию вовремя и полностью. Поэтому у флегматоидов очень развиты внутренне и ретроспективно ориентированное внимание, воображение, мышление, самоанализ, определенная интеллектуальная отстраненность; флегматоидам удобнее иметь дело с отраженной в понятиях и образах прошлой реальностью, зафиксированной в книгах, картинах, виртуальных средствах, с которой можно произвольно оперировать без ограничений в скорости и производительности; это образует интересный, но малоизученный психологами механизм развития их интеллекта.

Говоря о конгруэнтных свойствах личности с разными типами темперамента, можно утверждать, что они каждый раз отвечают нормальным, средним по своим психодиагностическим проявлениям уровням развития.

Данная психодинамическая типология личностей очень важна для проведения адекватного психологического анализа конкретной личности, ее поведения и деятельности. Собственно профессиональный психологический анализ человека должен начинаться, по нашему убеждению, именно с определения и интерпретации его типа темперамента и связанных с ним конкретных психодинамических проявлений других свойств личности.

В ходе такого анализа следует учитывать не только сам отдельный тип темперамента отдельной личности, но и характеристику взаимодействия между представителями разных типологических групп. Такое взаимодействие может быть гармоничным или дисгармоничным, в последнем случае могут наблюдаться проявления доминирования одного типа над другим, давления, подчинения, дискриминации, борьбы между типами, в контексте которых (что часто бывает скрыто от традиционных видов анализа) порождаются определенные, часто проблемные черты общения, мотивации, характера, рефлексии, опыта, интеллекта, эмоционального реагирования личности и т. д.

Наш опыт свидетельствует о заметном влиянии психофизиологических, собственно темпераментальных, качеств личности на осознание ею своей

ценности и, соответственно этому, – на переживание ею собственной чести и достоинства.

Завышенным является осознание чести и достоинства сильными и динамичными холериками и сангвиниками, которым часто бывает присуще чувство превосходства, высокомерия, самоуверенности, амбициозности, переходящее порой в слишком активные формы аксиологического поведения, включая акты подчинения и владычества над другими.

Меланхолики со своей относительно слабой нервной системой, склонностью к переутомлению, переживаниям, стрессам, избеганию острых и конфликтных отношений, часто недооценивают себя, ищут помощи, согласны на подчинение другим типам. Поэтому они часто теряют и в своих, а еще больше – и в чужих глазах, свою честь и достоинство, но, будучи чувствительными и принципиальными, борются за свое аксиологическое признание и, не получая его, часто впадают в состояние обидчивости. Этому способствуют и реальные ситуации их оскорбления, которые произвольно или непроизвольно создают представители других типологических групп, которые часто не могут сдержаться от этого, чувствуя свое превосходство в силе и не сдерживая, сознательно или бессознательно, демонстрируют свое психодинамическое доминирование над меланхоликами.

Флегматики, имея сильную, но медлительную нервную систему, осознают свою ценность с позиций негативистского, нигилистского превосходства, доминирования таким образом над представителями других типологических групп. На этом фоне их честь и достоинство может быть оскорбленной тем, что, из-за относительной медлительности, они не могут быстро достигать успеха, отстают от других и часто порицаются другими. Но, имея иные, отличные, хотя зачастую слишком скрытые достоинства, в частности, развитый интеллект, они склонны использовать для защиты своей чести и достоинства «камерные» «негативные» средства. У флегматоидов со временем развиваются как направленные наружу негативные аксиологические, так и аутонегативные аксиологические тенденции, проявляющиеся, в крайних случаях, в очень

выборочном протестном, отрицающем стиле общения, антимотивации, характерологических чертах превосходства, «целесообразном» предательстве, нечестности, заторможенности, медлительности, цейтнотности, заблокированности характера, самонегативизации, фронде и т. д.

Вместе с тем, указанные внешне выраженные, раскрытые (экспрессивные) и внутренне свернутые, закрытые (депрессивные) проявления чести и достоинства представителей разных типов темперамента могут быть сняты, особенно во внешнем плане, воспитанием, профессионализмом, искусством общения, работой над собой и т. п. – и относительно закрепиться в условиях нормальных отношений. В экстремальных же ситуациях общения часто происходит возврат к указанным экспрессивным, несдержанным, открытым темпераментально определенным формам поведения, что может привести к проявлению аксиопсихологического доминирования представителей одного типа темперамента над другими, их жесткому подчинению и эксплуатации, к комплексу неполноценности и превосходства (по А.Адлеру [3]), к конфликтам пораженной чести, к войнам достоинств.

Приведенная в данном разделе типология личностей может быть использована для лучшего понимания психотерапевтами психодинамических факторов проявления чести и достоинства, возможностей и ограничений в их возвышении или унижении у клиентов с разными типами темперамента, что зачастую не учитывается при решении аксиопсихологических проблем личности.

3.6. Индивидуальная психология А.Адлера и психотерапия личности с комплексом неполноценности и превосходства

Одним из первых, кто обратил профессиональное внимание на феномены ценности и самооценности, чести и достоинства личности и использовал специальные методы в работе с ними в своей психотерапевтической практике, был австрийский врач А.Адлер. Интересно то, что в становлении разработанного им направления явно ощущается влияние идей Ф.М.Достоевского. В основу своей индивидуальной психологии и психотерапии комплекса неполноценности и превосходства А.Адлер положил идею о том, «что человеческое устремление обусловлено сочетанием чувства общности и стремлением к личному превосходству. Оба этих основных фактора проявляются как социальные образования: первое как врожденное, укрепляющее человеческую общность, второе как приобретенное, вполне понятное желание использовать общность для достижения собственного престижа..., славы и превосходства» [3, С. 5]. Это и образует цель личности, определяющая ее движение: «...если я понял цель душевного движения или жизненного плана, то должен ожидать, что все отдельные акты будут соответствовать этой цели и жизненному плану» [С. 12 – здесь и далее по 3].

А.Адлер убежден, что речь идет об общей цели всех людей. Более того, он утверждает, что «нам очень легко понять разные движения души, признав в качестве *самой общей предпосылки* то, что они имеют *целью достижение превосходства*» [С. 13]. Тяга к превосходству через цель и жизненный план реализует свою главную функцию «окончательной компенсации вездесущего чувства неполноценности...

...из оценки отдельного явления, которая чаще всего служит причиной устойчивого расположения духа – *чувства неполноценности*, в соответствии с бессознательной техникой нашего мыслительного аппарата возникает фиктивная цель – упомянутая окончательная компенсация – и жизненный план как попытка ее добиться» [С. 12-13].

Ученый уверен, что каждый человек, «будь то художник, желающий быть первым в своем деле, или домашний тиран, беседует ли он с глазу на глаз со своим Богом или унижает других, считает ли он свое страдание самым большим, перед которым все должны преклоняться, стремится ли он к недостижимым идеалам или разрушает старых богов, старые рамки и нормы – на каждом участке пути им руководит страстное стремление к превосходству, мысль о собственном богоподобии, вера в свою особую волшебную силу. В любви он одновременно хочет ощущать свою власть над партнером, при выборе профессии это проявляется в преувеличенных ожиданиях и опасениях, даже в самоубийстве он видит победу над всеми препятствиями, испытывая жажду мести. Чтобы овладеть вещью или человеком, он может идти по прямой линии, властолюбиво, гордо, упрямо, жестоко и отважно взяться за дело. Или же, наученный опытом, он предпочтет довести свое дело до победы окольными и обходными путями, через послушание, покорность, кротость и скромность...» [С. 13-14].

А.Адлер конкретизирует далее, что вместе с тем «эта цель всеобщего превосходства..., *эта фиктивная цель превосходства, абсолютно противоречащая действительности, стала основным условием нашей прежней жизни.* Она учит нас различать, придает нам твердость и уверенность, формирует и руководит нашими действиями и поведением, заставляет наш ум заглядывать вперед и совершенствоваться. Однако есть и теневая сторона: *она легко привносит в нашу жизнь враждебную, воинственную тенденцию,* лишает нас непосредственности ощущений и постоянно стремится отдалить нас от реальности, настойчиво подталкивает к тому, чтобы совершить над ней насилие. Тот, кто рассматривает эту цель богоподобия как реальную и личную, воспринимает ее буквально, вскоре будет вынужден в качестве компромисса избегать настоящую жизнь, искать жизнь рядом с жизнью, в лучшем случае в искусстве, но чаще всего в пиетизме (набожности, строгом благочестии, часто притворном и лицемерном (взято из сноски внизу страницы 15 книги – Р.В.), в неврозе или преступлении.

...Отчетливый признак этой сверхвысокой цели обнаруживается, пожалуй, у всех людей. Иногда она бросается в глаза в поведении и манерах человека, иногда выдает себя лишь в требованиях и ожиданиях. Иной раз ее след отыскивается в смутных воспоминаниях, фантазиях или сновидениях. Если всерьез попытаться ее выявить, то вряд ли можно об этом спрашивать. Однако физическая или духовная установка отчетливо свидетельствует о том, что она происходит от стремления к власти и содержит в себе некий идеал совершенства и безгрешности. В случаях, близких к неврозу, всегда будет обращать на себя внимание стремление сравнивать себя с окружающими и даже с умершими и героями прошлого.

...Если человек носит в себе идеал превосходства, что особенно часто наблюдается у невротиков, то столь же часто должны обнаруживаться действия, направленные на подчинение, принижение и дискредитацию других. Такие черты характера, как нетерпимость, несговорчивость, зависть, злорадство, самомнение, хвастливость, подозрительность, жадность – короче говоря, все качества, соответствующие состоянию борьбы, должны проявиться в значительно большей степени, чем это требует, например, инстинкт самосохранения или чувство общности.

Наряду с этим, одновременно или сменяя друг друга вслед за рвением и самоуверенностью, с которыми человек стремится к конечной цели, иногда появляются честолюбие, соперничество, отвага, желание помогать, одаривать и руководить...» [С.15].

Важное значение придает А.Адлер вопросам воспитания, в условиях которого возникают описываемые им феномены. Он считает, что *«в течение всего периода развития ребенку присуще чувство неполноценности по отношению к родителям, братьям и сестрам и окружающим. Из-за незрелости органов, неуверенности и несамостоятельности, в силу потребности опираться на более сильного и болезненно переживаемого подчиненного положения среди других у ребенка развивается чувство ущербности, которое проявляется во всех сферах его жизнедеятельности. Чувство неполноценности вызывает у него*

постоянную тревогу, жажду деятельности, поиск новых ролей, желание сравнивать свои силы с силами других, предусмотрительность, физическую и психическую подготовку. От чувства неполноценности зависит вся познавательная способность ребенка. Таким образом, будущее становится для ребенка краем, который должен принести ему компенсацию. Состояние борьбы также отражается на чувстве неполноценности ребенка, и компенсацией для него является только то, что надолго упраздняет его нынешнее жалкое положение и возвышает над всеми остальными. Таким образом, у ребенка возникает целевая установка и фиктивная цель превосходства, где его нищета превращается в богатство, подчиненность – в господство, страдание – в радость и удовольствие, незнание – во всезнание, а неумение – в мастерство. Эта цель устанавливается тем выше и удерживается тем принципиальнее, чем сильнее и длительнее ребенок испытывает неуверенность в себе и чем больше он страдает от физической или умеренной умственной слабости, чем сильнее он ощущает, что его оттесняют на задний план» [С. 21].

Ученый указывает также на еще один вариант построения соответствующих планов, которые присущи менее агрессивным детям, особенно девочкам и тем, кто часто болеет. Такие дети учатся использовать свое чувство неполноценности для подчинения себе других и делают это до тех пор, пока такой их жизненный план и жизненная ложь не будут полностью раскрыты.

А.Адлер ссылается при этом на изображение властолюбивых фантазий ребенка Ф.М.Достоевским в романе «Подросток» и на мысли одного из своих пациентов, вроде таких, как: «пусть другие умрут, чтобы у него самого был простор для жизни, пусть другим будет плохо, чтобы он получил лучшие возможности» [С. 22]. Как отмечает ученый, «подобные побуждения сделали более приемлемой идею о мировой войне. Уверенность в таких фикциях заимствуется из других сфер, в данном случае из основополагающих фактов капиталистического производства, при котором *действительно*, чем хуже одному, тем лучше другому». Психиатр приводит в этой связи показательные

слова одного из своих юных пациентов – четырехлетнего мальчика: «Я хочу стать могильщиком... я хочу быть тем, кто закапывает других» [С. 22].

В этом же месте он показывает, как уже в детстве в подобных ситуациях, в отношениях между полами, зарождается соответствующая компенсаторная динамика – на основе неполноценности половой роли и влечения к сверхмужским целям. Как врач, он видит свою задачу в обезвреживании бесчисленных ошибочных руководящих линий поведения, приводящих к болезни, – на основе другого жизненного воззрения, которое предусматривает «усиление чувства реальности, ответственность и замену скрытой враждебности взаимной доброжелательностью, чего можно добиться, лишь сознательно развивая чувство общности и сознательно разрушая стремление к власти» [С. 22].

В обобщенном виде этиология невроза в детстве представлена А.Адлером в резюме к его работе 1930 года «Детская психология и исследование неврозов». В этом резюме он констатирует [С. 87-89]:

«1. В понятии «жизнь» уже содержится органический и душевный модус, который повсюду предстает перед нами в качестве «внутренней потребности к постановке цели», поскольку жизнь требует от нас действия. Тем самым *душевная жизнь приобретает характер, соответствующий конечной цели.*

2. *Постоянное стремление к достижению цели обусловлено у человека его чувством неполноценности.* То, что мы называем влечениями, уже представляет собой путь, ориентированный на цель; *желание же, несмотря на свои внешние противоречия, накапливаются, чтобы проникнуться этой единой целью.*

3. Так же, как *неполноценный орган* создает невыносимую ситуацию, следствием которой являются многочисленные *компенсаторные попытки*, пока организм вновь не почувствует себя способным справиться с требованиями своего окружения, так и душа ребенка вследствие его неуверенности в себе пытается найти тот запас дополнительной энергии, которая должна создать надстройку над его чувством неполноценности.

4. Изучение душевной жизни в первую очередь должно считаться с этими пробными попытками и напряжениями энергии, проистекающими из конституционально данных *реалий* и пробных, а в конечном счете и испытанных действий, в которых человек использует среду в своих целях.

5. Любой душевный феномен следует понимать лишь как *частное проявление единого жизненного плана*. Поэтому все попытки объяснения, которые отказываются от этого, чтобы проникнуть в сущность детской психической жизни через анализ явления, а не его контекста, можно объявить неудачными. Ибо «факты» детской жизни *никогда нельзя рассматривать как готовые* – они представляют собой подготовительные действия по отношению к цели.

6. В соответствии с этим конспектом *ничего* не делается *просто так*. Как наиболее важные мы хотим выделить следующие руководящие линии:

Реальная деятельность:

- а) Развитие способностей, направленных на достижение превосходства;
- б) Сравнение себя со своим окружением;
- в) Накопление знаний и навыков;
- г) Ощущение враждебного характера мира;
- д) Использование любви и послушания, ненависти и упрямства, чувства общности и стремления к власти для того, чтобы добиться превосходства;

Воображение:

- е) Формирование «как если бы» (фантазии, символические успехи);
- е) Использование слабости;
- ж) Откладывание решений, поиск укрытия.

7. Непременным условием этих направляющих линий является исключительно *высокая цель* – всемогущество и богоподобие, которая должна оставаться в бессознательном, чтобы быть действенной. Как только смысл и значение этой цели и ее *противоречие с истиной* становятся совершенно очевидными, человек перестает ей подчиняться, он может устранить ее механизмирующее, схематизирующее влияние путем осмысленного сближения с

объективными требованиями общества. В соответствии с конституцией человека и его опытом, эта цель облачается в самую разную одежду и в такую форму, в том числе в форму психоза, может быть осознана. Бессознательный характер цели достижения власти продиктован ее непреодолимым противоречием с реальным чувством общности. Из-за недостатка осмысленного проникновения в нее и вследствие всецелой одержимости человека потребностью к власти едва ли можно ожидать, что эта цель будет понята без посторонней компетентной помощи.

8. Внешнее «облачение» стремления к власти чаще всего создается по схеме «мужчина-женщина», «низ-верх», «все или ничего», иногда оно принимает противоречивый вид и указывает на то количество власти, которым хочет обладать ребенок. С тем, что в этой схеме понимается как противоположность власти (и обычно связывается со слабостью), борются как с враждебным элементом, как с тем, что должно быть побеждено.

9. Все эти явления принимают у невротика острую форму, поскольку пациент из-за своего состояния борьбы и своеобразной апперцептивной схемы уклоняется от серьезной ревизии своих ошибочных детских суждений. В этом ему очень помогает его солипсическая точка зрения.

10. Таким образом, нет ничего удивительного в том, что любой невротик ведет себя так, будто ему все время надо доказывать свое превосходство (почти всегда это превосходство над женщиной)» [С.87-89].

Исходя из своего жизненного мировоззрения и профессионального опыта, А.Адлер формулирует 12 тезисов относительно практики своей индивидуальной психологии, а фактически – собственной психотерапии комплекса неполноценности и превосходства личности. Рассмотрим их в редакции самого психиатра [С. 31-33]:

«I. Любой невроз может пониматься как ошибочная с точки зрения культуры попытка избавиться от чувства неполноценности, чтобы обрести чувство превосходства.

II. Путь невроза не ведет к социальной активности, он не направлен на решение имеющихся жизненных вопросов, а скорее упирается в малый круг семьи и приводит пациента к изоляции.

III. Вследствие аранжировки сверхчувствительности и нетерпимости большой круг общества оказывается полностью или в значительной степени исключенным. Поэтому в наличии остается лишь малый круг для уловок, способствующих достижению превосходства и проявлению соответствующих характерных особенностей. Тем самым становится возможной самозащита и уклонение пациента от требований общества и решения жизненных задач, как правило, при сохранении *видимости его воли*.

IV. В основном оторванный от реальности, невротик живет в воображении и фантазии и пользуется множеством уловок, которые позволяют ему уклоняться от требований действительности и добиваться идеальной ситуации, избавляющей его от работы для общества и от ответственности.

V. Привилегии, которые дает заболевание, заменяют невротика первоначальную, чреватую риском цель достижения *реального превосходства*.

VI. Таким образом, невроз и невротическая психика представляются попыткой уклониться от всякого принуждения со стороны общества *путем внутреннего противодействия*. Оно оказывается достаточно эффективным, чтобы успешно противостоять своеобразию окружения и его требованиям. По форме его проявления, т.е. по выбору невроза, можно сделать выводы, связывающие одно с другим.

VII. Внутреннее противодействие имеет характер бунта против общества, оно получает свой материал из соответствующих аффективных переживаний или наблюдений, заполняет мысли и сферу чувств такими побуждениями и пустяками, которые пригодны для того, чтобы отвлечь взгляд и внимание пациента от своих жизненных вопросов. Таким образом, в зависимости от ситуации *в качестве предлога* могут продуцироваться навязчивые состояния и состояния страха, бессонница, обмороки, перверсии, галлюцинации,

болезненные аффекты, неврастенические и ипохондрические комплексы, а также психотические состояния.

VIII. Логика тоже оказывается под диктатом внутреннего противодействия. Этот процесс может идти вплоть до ее устранения, как, например, при психозе, и установления вместо разума, здравого смысла частной логики.

IX. Логика, эстетика, любовь, забота о ближнем, сотрудничество и язык проистекают из необходимости совместной человеческой жизни. Против них автоматически направлено поведение властолюбивого невротика, стремящегося к изоляции.

X. Лечение неврозов и психозов требует воспитательного преобразования пациента, коррекции его заблуждений и окончательного возврата в человеческое сообщество.

XI. Все действительные желания и стремления невротика находятся во власти его политики престижа, он всегда хватается за предлоги, чтобы оставить нерешенными жизненные вопросы, и автоматически противодействует проявлению чувства общности. То, что он постоянно говорит и думает, не имеет никакого практического значения. Стойкая направленность действий невротика проявляется только в его поведении.

XII. ...*Сравнение* как основное средство нашего метода помогает нам получить картину силовых линий человеческого стремления к превосходству. При этом противоположным полюсом для сравнения служат:

а) наше собственное поведение в аналогичной ситуации, например, когда пациент обременяет терапевта своими требованиями – причем терапевту необходимо *развитое умение вчувствоваться*;

б) поведение и аномалии в поведении пациента в более раннем возрасте (прежде всего в раннем детстве), которые постоянно оказываются детерминированными позицией ребенка среди окружения, его ошибочной, как правило, генерализованной оценкой, углубившимся стойким чувством неполноценности и стремлением к личной власти;

в) другие индивидуальные типы, прежде всего явно выраженные невротические. При этом всегда обнаруживается обращающий на себя внимание факт: то, чего один тип достигает, например, с помощью неврастенических жалоб, другой добивается благодаря страху, истерии, невротической навязчивости или психоза. Черты характера, аффекты, принципы и невротические симптомы... предохраняют индивида от столкновения с требованиями общества – такими, как сотрудничество, забота о ближнем, любовь, социальная включенность, обязанности перед обществом, которых невротик в той или иной мере избегает [С. 31-33].

При этом следует учитывать то обстоятельство, «что невротик значительно сильнее, чем нормальный человек, устремляет свою душевную жизнь на достижение власти над ближними. Его стремление к превосходству приводит к тому, что принуждение, требования окружающих и обязанности перед обществом в основном упорно отвергаются» [С. 33].

А.Адлер говорит об этом свойстве невротиков, связывая его с соответствующими тенденциями детства, когда юный человек долгие годы находится в состоянии борьбы с окружающими. Ребенок вступает в эту борьбу, постоянно и остро ощущая чувство неполноценности. «Смысл состояния борьбы состоит в завоевании власти и признании, ее цель – идеал превосходства, сформированный с детской неумелостью и переоценкой, достижение которого в самом общем виде дает компенсацию и сверхкомпенсацию; в стремлении к этому идеалу также всегда происходит ориентация на победу над принуждением со стороны общества и волей окружения.

...Вследствие крайнего подавления, которое пациент испытывал в детстве, ...у него настолько развивается *направляющая линия честолюбия*, что она преобразуется *в идею величия*...

Почти поэтическим образом пациент достигает цели героя-одиночки, осуществляя свое стремление к власти и отрекаясь от общества» [С. 34-37]. Но это приводит к неврозу навязчивых состояний, мыслей, действий, спасающих свою уникальность, богоподобие. Пациент становится заинтересованным в своей

болезни, он борется за привилегированное положение, которое ему предоставляет болезнь, защищая его тщеславие, ведь благодаря неврозу у него есть оправдания и смягчающие обстоятельства. Учитывая свои недостатки, пациент всегда будет казаться себе более значимым, чем является на самом деле, кроме того, он всегда может уклониться от тяжелых дел, ссылаясь на свою болезнь. Вместе с тем, «по отношению к своему начальнику наш пациент самый преданный делу, самый прилежный и послушный работник, пользуется его полнейшим расположением, но втайне постоянно нацелен на достижение превосходства над ним (это же стремление проявляется и по отношению к лечащему врачу).

Страстное стремление к власти над другими сделало его больным. Его эмоциональная жизнь, инициатива и энергия, а также логика оказались под гнетом его влечения к превосходству, его социальная включенность, а вместе с ней также любовь, дружба и забота о ближнем были ущемлены. Излечения пациента...» удастся «добиться лишь *путем разрушения его политики престижа и развития чувства общности*» [С. 38-39].

В своих трудах «Индивидуально-психологическое лечение неврозов» (1913 г., Мюнхен) и «Детская психология и исследование неврозов» (1914 г., Вена) А.Адлер подробно излагает свои взгляды на сущность и терапию неврозов, рассматривая их этиологию в таких основных аспектах, как чувство неполноценности и компенсация, аранжировка невроза, его психологическое лечение и дает ряд примеров такого лечения.

Он снова и снова повторяет, что главным в этиологии невроза является возникновение у пациента чувства неполноценности и его компенсация. Чувство неполноценности появляется в детстве и пытается избавиться от своего раскрытия распространенным средством – созданием компенсаторной душевной надстройки, которая стремится снова обрести устойчивость и достичь превосходства в жизни с помощью тренировки и средств защиты – в чувстве общности или в невротическом образе жизни. «Все, что хоть сколько-нибудь отклоняется от нормы, объясняется большим честолюбием и осторожностью, а

все условия и аранжировки, невротические черты характера, равно как и нервные симптомы, проявляются благодаря предыдущему опыту, переживаниям, напряжениям, вчувствованиям и подражаниям. А поскольку они не совсем чужды жизни здорового человека, их язык всегда позволяет распознать, что человек борется здесь за свое признание, пытается его завоевать – человек, постоянно стремящийся вырваться из сферы неуверенности и чувства неполноценности и добиться *богоподобного господства* над своим окружением или стремящийся уклониться от решения своих жизненных задач» [С. 41].

При этом пациент демонстрирует стремление к внешнему, а не к реальному превосходству через определенные хитрости или аранжировки, которые необходимы для того чтобы: «1) служить *оправданием*, если жизнь отказывает в желаемом триумфе; 2) тем самым получить возможность *уклониться от решения*; 3) иметь возможность выставить в ярком свете какие-нибудь достигнутые цели, поскольку они были достигнуты, *несмотря на недуг*» [С. 41-42].

А.Адлер приводит поучительный пример с пациентом – мужчиной «из хорошей семьи, достаточно образованным, но тщеславным, честолюбивым и малодушным, который потерпел крах в своей профессии» [С. 68-69]. Он был слишком слаб для того, чтобы изменить свою судьбу или пережить свое несчастье и потому обратился к алкоголю. А это привело его к возникновению галлюцинаций, и в конце концов в больницу, что избавило его от необходимости выполнения своих жизненных задач. Психиатр рассматривает алкоголизм, равно как лень, преступные действия, невроз, психоз и самоубийство, как бегство неустойчивых честолюбцев от ожидаемых поражений и как бунт против требований общества. Больница помогла больному – он избавился от алкоголизма и стал трезвенником, однако о его болезни узнали родные и коллеги и, как следствие, от него отказалась семья и его уволили со службы. Он был вынужден зарабатывать на жизнь тяжелыми земляными работами.

Вскоре после этого у него появились галлюцинации – он непрерывно видел в воображении незнакомого мужчину, который ироничными насмешками отбивал у него желание работать. Пациент не верил в реальность

галлюциногенного образа, однако однажды, чтобы полностью избавиться от своих сомнений, он запустил в образ тяткой, но тот ловко увернулся и после этого задал ему изрядную трепку.

Психиатр сравнивает этот случай с тем, который произошел в романе Ф.М.Достоевского «Двойник» – ведь пациент мог случайно принять за свою галлюцинацию реального человека, настолько странной была его реакция. Данный случай является поучительным для А.Адлера в том плане, что требует не просто непосредственного избавления пациента от отдельного симптома галлюцинации, а существенного изменения его личности, получения «другого человека». При этом нельзя выделять его из семейного круга, поскольку в таком случае страдает его политика престижа. «Страх же перед признанием поражения в жизни – то есть та же самая политика престижа –...принуждает пациента к манифестации болезни и обращению к врачу. Ведь этот случай следует понимать только так, что галлюцинация, равно как прежде алкоголизм, должны были принести утешение и оправдать исчезновение честолюбивых, себялюбивых надежд. Добиться полного успеха в этом случае можно было бы только в том случае, если бы удалось вернуть его из изоляции и избавить от боязни общества» [С. 68-69].

Следующий случай касается пациентки с огромным честолюбием, стремящейся одерживать победы только благодаря своей красоте. Она считала, *«что ей как красивой женщине ничего другого не нужно»*. Она оказалась в фазе депрессии, когда испугалась лишиться своей красоты. Когда это случилось, то появилось постоянное соперничество по отношению к другим женщинам. «Однажды она заметила, что ее подруга, которая была моложе, вызвала к себе симпатию в обществе. Ночью ей приснилось: «Я и моя подруга сидим на ступеньках, она вверху, я внизу. Я очень раздосадована» [С. 159].

Как считает психиатр, в горести, то есть депрессии пациентки, равно как и в «положении внизу», проявилось ее чувства неполноценности. При этом аффективное расстройство, которое уже не перерабатывается в сновидения, принуждает пациентку к инверсии ситуации. Поэтому в дальнейшем она как

минимум будет избегать общества, чтобы не допустить сравнения и увеличит «дистанцию к жизни». Однако, у нее может обостриться депрессия, возникнет тайная обида к подруге и она может попытаться с помощью придирок, шпилек и вызывания переживаний «поставить ступеньки на попа» [С. 160].

Направление лечения такой пациентки следует из положений индивидуальной психологии и психотерапии А.Адлера – возвращение ее к реальности, к уравнивающему компромиссу, к поиску новых путей возвращения в общество на основе презентации других своих полезных для людей свойств.

Австрийский психиатр приводит в своей книге много примеров, в которых подробно показывает действие разных феноменов комплекса неполноценности и чувства превосходства, которые делают сложной картину этиологии невроза и поэтому требуют тщательного индивидуального анализа и применения специальных средств. С ними нужно обязательно считаться психотерапевту этого направления. Рассмотрим основные из них подробнее.

Это прежде всего наличие у невротика идеала превосходства, цели всеобщего превосходства и соответствующих им действий, направленных на подчинение, унижение и дискредитацию других. Конечно, такие идеалы, цели и действия возникают на фоне острого чувства неполноценности [С. 15].

Чувство неполноценности следует из противоречия между органическими дефектами, ограничениями и желаниями, фантазиями и мечтами, то есть компенсаторными психическими устремлениями. Это противоречие является, по убеждению А.Адлера, настолько принципиальным, «что из него *можно вывести основной психологический закон о диалектическом превращении органической неполноценности, через субъективное чувство неполноценности, во внутреннее стремление к компенсации и сверхкомпенсации.* Однако следует помнить об одном «но»: речь идет не о законе природы, а об общем, напрашивающемся *сворачивании* человеческого духа» [С. 93-94].

Немаловажную роль играет характер этой неполноценности, например, парциальная она или общая, воспитательного происхождения или является следствием семейных традиций и т. п. От этого зависит сила и вид компенсации

и сверхкомпенсации в чувстве превосходства, тип, структура и интенсивность этого превосходства.

Так, невротика может быть свойственно честолюбие в двух своих формах – первая форма честолюбия как бы стоит позади человека и гонит его вперед, а вторая форма находится впереди человека и оттесняет его назад [С. 18].

Пациентам присуща своеобразная компенсаторная динамика, благодаря которой они, опираясь на фантазию, формируют обходные фиктивные цели, порождают разного рода идеи превосходства – хотят спасти других, видят себя героями, верят в свое княжеское происхождение или, наоборот, считают себя преследуемыми, притесненными, Золушками и т. д. [С. 26].

Невротика значительно сильнее, чем нормальные люди, направляют свою душевную жизнь на достижение власти над ближними [С. 33], на борьбу за свое признание [С. 41], на возвышение «снизу вверх» до недостижимой высоты [С. 42]. У них формируется устойчивая целевая установка, в основе которой лежат две неосознаваемые исходные предпосылки, что «1) человеческие отношения при любых обстоятельствах представляют собой борьбу за превосходство» и что «2) женский пол является неполноценным и в своих реакциях служит мерой мужской силы» [С. 44].

Эти и другие невротические симптомы имеют своим назначением защищать «чувство личности» пациента и вместе с тем ту жизненную линию, с которой он срастился. Для этого он обращается к аранжировкам и нервным симптомам [С. 45], которые образуют настоящую сеть защит [С. 46]. В качестве таковых выступают невротический характер, нервный симптом, манеры поведения, различные ухищрения в жизни, отклонения и обходные пути, когда принятые решения угрожают чувству богоподобия невротика, его мировоззрению, его отношению к мужчинам и женщинам и его мечтам [С. 46-47]. Огромную роль здесь играют его принципиальные требования, идеалы, мечты, воздушные замки и т. д. – тогда он, «связывая их с какой-либо персоной или ситуацией, может все *обесценить и продемонстрировать свое превосходство*» [С. 49].

Психиатр считает необходимым *«представить в верном свете взаимосвязь всех явлений, причем симптомам, чертам характера, аффектам, оценке больным собственной личности, а также своих сексуальных отношений принадлежит такое же место, как и неврозу и психозу в целом: они являются средствами, уловками, волшебными фокусами, служащими осуществлению тенденции подниматься снизу наверх»* [С. 78]. В другом месте своей работы он подчеркивает еще сильнее эту мысль: *«Каждая отдельная черта характера и любой выразительный жест настолько направлены к цели, предвещающей успокоение и победу, что правомерно утверждать: предпосылками существования невротических явлений можно считать возвышающееся над всем честолюбие и недостаток веры в собственные силы у лишенной мужества личности. Данные невротические явления становятся понятными только с этих позиций. Самое лучшее определение невроза таково: «Да – но!»* [С. 113-114].

Важным средством защиты пациента выступает антиципация ощущений, чувств, восприятий и вчувствований, выполняющие по отношению к угрожающим ситуациям роль предварительной подготовки, оговорок или поощрений [С. 49].

А.Адлер придает важное значение явлениям расстояния и дистанции. По его мнению, невротик устанавливает определенное психологическое расстояние, отделяющее его *«в определенный момент его экспансии от ожидаемого направления в его поведении»*. Иначе говоря – это позволяет ему установить определенную психологическую *«дистанцию»* между собой и ожидаемым поступком или решением» [С. 116]. Можно считать эти явления действительным психологическим расстоянием или дистанцией, на которые невротик индивидуализируется, т.е. патопсихологически отдаляется от людей и общества.

Выдающийся психиатр выделяет в выбранной невротиком линии поведения четыре вида невротических состояний-дистанций [С. 116-120]:

1. *Движение вспять* – это самоубийство, попытки самоубийства; тяжелые случаи страха открытых пространств; обмороки; психоэпилептические

приступы; навязчивое покраснение и тяжелые невроты навязчивых состояний; невротическое удушье; мигрень и тяжелые истерические боли; истерические параличи; абулия; мутизм; сильные приступы разного рода страха; отказ от пищи; амнезия; галлюцинации; психозы; алкоголизм; морфинизм; бродяжничество и преступные наклонности, ночные кошмары и т. д.

2. *Состояния застоя*, связанные со страхом, слабостью памяти, болями, бессонницей и потерей трудоспособности, импотенцией, мастурбацией, истерическими психозами и т. д.

3. *Сомнения и колебания в мыслях и действиях*, которые проявляются в стремлении к пустой трате времени, болезненном педантизме, запаздывании, возвращении к проделанной работе, уничтожении начатой работы, отсрочке работы, разного рода фикциях, житейской лжи и т. д.

4. *Конструирование препятствий вместе с их преодолением* как признак дистанции, которая аранжируется разными способами – сознательными и бессознательными, направленными на то, чтобы подчеркнуть для самого пациента и его окружения значимость симптома [С. 119-120].

Невротикам свойственны изобретательные попытки перевернуть ситуацию «вверх дном» и фиктивно поставить себя сверху, а другого – внизу. Это находит свое проявление в многочисленных трансформациях позиции пациента относительно окружающих – быть мысленно не сзади, а впереди, не ниже, а выше, не униженным, а возвышенным, не обесцененным, а оцененным, не слабым, а сильным, не подчиненным, а начальствующим – и двигаться на аффективной волне «снизу вверх», переворачивая все «вверх дном» под лозунгом «Наоборот!». Все это делается для того, чтобы попытаться «защитить свою ценность и личное превосходство» [С. 149, 157].

Не обходит австрийский психиатр своим вниманием и вопрос о сопротивлении пациента при лечении, направленном уже непосредственно против психотерапевта. Это сопротивление возникает из общей дискредитационной установки невротика по отношению к окружающим. Ведь дискредитация ним партнера является обычным явлением, она направлена

против близких, женщин, против всякого, кто выше него. Понятно, что это касается и врача и проявляется в попытках его обесценивания путем дискредитации и достижения превосходства над ним уже в психотерапевтическом пространстве.

А.Адлер демонстрирует свою солидарность во взгляде на такого рода сопротивление лечению с точкой зрения Песталоцци, высказанной последним в таких словах: «Люди, которые так долго были беспризорными (швейцарский педагог говорит здесь о бездомных детях, с которыми он работал в школе-приюте – Р.В.), во всех проявлениях права и порядка, к которому их хотят приручить, видят невыносимый для них хомут, и если вы для достижения своих конечных целей будете действовать глубоко, а не поверхностно, если не будете просто ломать с ними комедию, то наверняка испытаете, что все будет против вас, во всем постараются вас обмануть, все попытаются от вас скрыть. Вы узнаете, что давно и глубоко одичавший человек всегда ненавидит того, кто хочет вырвать его из этого состояния, и противостоит ему, словно своему врагу» [с. 170].

Все это свидетельствует о тяжелой миссии психотерапевта в работе с пациентами, которые, находясь в состоянии неполноценности, компенсаторно тянутся вверх, к превосходству, и часто фиктивно «проскакивают», на наш взгляд, нормальный уровень осознания ценности своей личности, но это им нравится настолько, что они сопротивляются попыткам адекватного о(бес)ценивания своей фиктивной ценности с помощью психотерапевта. О его унижении при работе с богоподобными невротиками не приходится и говорить...

Сам А.Адлер в своих философских обобщениях с уважением относится к «ведущей цели» художественного творчества Ф.М.Достоевского и поэтому отмечает: «Обособленному героизму, который Достоевский считал проявлением болезненного самомнения, себялюбия, вытеснившего чувство солидарности, ставшее ему понятным и близким из логики совместной жизни людей, из любви к ближнему, такому героизму он противопоставлял: «Смирись, гордый человек!». К смиренному же человеку, уязвленному в своем себялюбии и тоже стремящемуся

его удовлетворить, он взывает: «Трудись, праздный человек!» А тем, кто ссылается на человеческую природу и на ее якобы вечные законы, он, чтобы заставить усомниться в этом, возражает «Пчела и муравей – вот кто знают свою формулу, но человек своей формулы не знает!» Исходя из сущности Достоевского, мы должны добавить: *человек должен искать свою формулу, и он найдет ее в готовности помогать другим, в беззаветном служении народу*» [С. 210].

В соответствии с этим и строится психотерапия А.Адлера, как профессиональная форма помощи и служения людям, пораженным комплексом неполноценности и чувством превосходства. В ее основу положена психотерапевтическая технология работы с пациентами путем разрушения их политики престижа и развития чувства общности [С. 39].

Выдающийся психотерапевт убежден: «То, что у первобытных людей и у гения производит впечатление дерзновенного титанического порыва вознестись из ничего к божеству, из ничего создать повелевающую миром святыню, у невротика (как в сновидении) является блефом, который можно легко раскусить, хотя из-за него и возникает немало страданий. Фиктивная победа, которой невротик добивается своими уловками, существует только в его воображении. Ей нужно противопоставить точку зрения другого человека, который тоже считает свое превосходство доказанным, что наиболее отчетливо проявляется в любовных отношениях невротика или в перверсиях. Вместе с тем, шаг за шагом происходит *раскрытие недостижимо высокой цели превосходства над всеми, стремления пациента ее тенденциозно завуалировать*, его стремления к власти, желания повелевать всем миром, его несвободы и враждебности к людям, обусловленной этой целью» [С. 56].

Психотерапевтическое лечение по А.Адлеру «направлено на то, чтобы, продемонстрировав пациенту его подготовительную работу в бодрствующем состоянии, а иногда и во сне, показать, как он привычным для себя способом постоянно пытается оказаться в ситуации, идеальной для осуществления своей руководящей линии, – пока он сначала из негативизма, а затем по собственной воле не сможет изменить жизненный план, а вместе с ним свою систему и не

присоединится к человеческому обществу и его логическим требованиям» [С. 62]. «У психотерапевта, занимающегося индивидуальной психологией, пациент обучается самоопределению, кооперации и умению управлять своими слишком бурными влечениями. Впервые в своей жизни!» [С. 170].

Да, психотерапия А.Адлера вызывает в сознании читателя ведущую идею величия человека, *но*, благодаря критике, лишает эту идею возможности болезненно влиять на его поведение! [3, С. 196].

Мы не могли не привести здесь хотя бы в сжатом виде психотерапевтическую систему выдающегося австрийского психиатра, хотя и понимаем своеобразие исторической и культурной ситуации в Европе того времени. Однако эта система остается неопровержимым аргументом в пользу того, насколько необходимыми являются психотерапевтические технологии для решения проблем чести и достоинства личности. В этом же плане не менее полезными могут стать не только технологии, но и методологические и методические подходы к пониманию и решению подобных проблем, о чем говорится в следующем разделе пособия.

3.7. Аксиопсихологическая профилактика и самопреодоление личностью своей амбициозности, гордыни, «звездной болезни», нарциссизма, комплекса «сверхчеловека» и культа личности

Аксиогенез личности, развитие ее ценности, чести и достоинства в направлении возвышения или унижения, не имеет границ. Согласно нашим представлениям об уровнях возвышения-унижения (см. в разделе 1.7), можно выделить в направлении возвышения от аксиоцентра такие диапазоны, как аксионорма+, аксиовосход, аксиолерат и аксиокульт (аксиофеоз). Наиболее неоднозначной и опасной для самой личности и ее окружения является фаза аксиокульта. Для нее свойственно проявление чрезмерного возвышения ценности

личности в обществе и в ее собственных глазах и переживание такого взлета своей ценности в виде чрезмерной амбициозности (следует отличать ее от нормальной амбициозности, что является эффективным стимулом роста и успешной деятельности личности), гордыни или надменности (с которой уже на протяжении тысячелетий, как с самым страшным грехом, ведет борьбу христианская церковь), комплекс свехчеловека (о котором громко заявил в свое время Ф.Ницше в своих рассуждениях о сверхчеловеке и в котором Ф.М.Достоевский небезосновательно усматривал смертельную угрозу для человечества), «звездная болезнь» или нарциссизм публичных людей (которые в значительной мере продуцирует публика, демонстрируя непреодолимую потребность в фетишизации, героизации, идологизации обычных или просто способных в чем-то, но в целом обычных людей, которые осмелились предстать перед толпой, аудиторией, любым собранием людей и т. п.) и особенно – культ личности, особое зло которого издавна известно человечеству, упомянем лишь имена Цезаря, Нерона, Наполеона, большинства царей, императоров, ханов и т. п.. Это явление всегда трагически испытывало на себе человечество, однако начало осознавать именно как зло лишь в XX веке, когда культ личности А.Гитлера, И.Сталина, Пол Пота, некоторых африканских императоров-каннибалов (например Бокасо) проявился в десятках миллионах человеческих жертв и искалеченных судеб... Да и в XXI веке достаточно носителей этого позорного явления в ряде авторитарных и феодально-демократических (феодальных по содержанию и демократических по форме) режимах на периферии человеческой цивилизации. Вместе с тем речь идет и о тысячах и миллионах других, незаурядных в этом культовом отношении индивидумов, которым эти свойства присущи в не меньшей степени, чем вышеперечисленным тиранам. Вспомним о специфическом культе личности президентов некоторых частных фирм или главарей преступных группировок.

С диалектической точки зрения в указанных аксиопсихологических явлениях аксиокультивации личности, ее чести и достоинства, можно выделить противоположные, полезные и пагубные свойства, положительные и

отрицательные тенденции. Но нельзя не отметить, что указанные положительные качества личности в фазе аксиокульта имеют склонность к переходу в отрицательные, а через них – в конфликты, агрессию, вражду, террористические действия, в войны. Это свидетельствует о необходимости осуществления аксиосоциальной, аксиопедагогической и аксиопсихологической профилактики этих явлений.

Рассмотрим указанный выше амбивалентный аспект аксиокультивации чести и достоинства на примере определения академиком С.У.Гончаренко понятия амбиции (лат. *ambitio* – честолюбие, тщеславие, и *ambio* – обхожу, добиваюсь) [41, С. 24]. Ученый трактует это понятие как «позицию человека, который опирается на сильное чувство собственного достоинства, на постановку перед собой сложных жизненных целей и стремление к их реализации; постоянное желание добиваться успехов и признания. В раннем детстве амбиция проявляется как сильная тенденция к самостоятельности («я сам...») и является важным фактором развития свободы. До определенного уровня развития амбиция доходит в период возмужания; особую трудность для воспитания составляет формирование амбиции такого уровня, чтобы она не превратилась как в преждевременную «взрослость» (и не вела к переоценке собственных возможностей), так и не осталась недоразвитой (что может привести к потере веры в собственные силы) [41, С. 24].

Если же говорить не о позитивных признаках этого явления, которое в этом смысле часто называют, как уже отмечалось, амбицией, а о негативных – они часто выражаются в понятии амбициозности, то мы должны отметить такие угрожающие личности и ее окружению проявления, как властность, надменность, пренебрежение, игнорирование других, их унижение и уничтожение, поверхностность, искажение действительности, крайний субъективизм, «целесообразный» обман, лживость, авторитарность, склонность к доминированию и владычеству над людьми, принуждение их к прислуживанию, холопству, рабству и т. п.

Наш опыт работы с клиентами подобного типа позволяет утверждать, что амбициозность в данном негативном смысле часто бывает свойственна прежде всего представителям сильных и подвижных типов темперамента – холероидам и сангвиноидам. Амбициозность, как уже говорилось, может быть опасной и для самих носителей этого свойства. Так, сангвиноидам с этим свойством может грозить очень опасный своей патогенностью стресс неудовлетворенных амбиций, хроническая и интенсивная форма которого, как правило, приводит к психосоматическим расстройствам и так называемым предпочитаемым болезням у представителей этого типа темперамента – к инфаркту миокарда, артритам, а в некоторых случаях – и к инсультам. Сангвиноиды часто прибегают, как сильный и подвижный тип, к подавлению более слабых меланхолидов и медлительных флегматоидов.

Мы можем предложить краткую, но понятную каждому вдумчивому читателю классификацию видов амбициозности:

1. Властная авторитарная амбициозность, связанная с сосредоточением в руках одного лица огромных властных полномочий и поэтому – возможностей как позитивного, так и негативного влияния на других.

2. Должностная амбициозность некоторых начальников, которые не могут избавиться от соблазна господства над подчиненными, их эксплуатации в собственных интересах – даже вопреки законам, которые они привыкли обходить без какой-либо ответственности за это.

3. Политическая (партийная) амбициозность лидера, вождя одной, хорошо организованной группы общества, который заставляет подчиниться ему все общество.

4. Групповая (классовая) амбициозность, проявляющаяся в диктатуре представителей одного класса, клана, касты, например, дворян, помещиков или, наоборот, «пролетариата» – в ущерб другим слоям народа.

5. Финансовая амбициозность богатых людей, которая определяется силой денег, то есть финансовой властью, властью материальных богатств.

6. Рыночная, «базарная» амбициозность части продавцов, маркетологов в попытке получить как можно большую выгоду, барыш в торговых операциях на рынке и т. д.

7. Силовая амбициозность, определяемая относительным преимуществом любой силы одних людей над слабостью (физической, физиологической, социальной, ролевой, военной, должностной, психологической и т. п.) других.

8. Имущественная амбициозность, которая порождается владением богатствами (имениями, «хатынками», дорогими автомобилями, землей, наемниками и т. п.).

9. Криминальная амбициозность, которая выражается в абсолютной власти главарей преступных группировок (банд, мафиозных групп, коррупционных организаций и т. п.).

10. Эгоистическая амбициозность – как проявление крайнего индивидуализма, признания себя «центром вселенной», «солью» земли, избранником бога и судьбы и т. д.

11. Гендерная амбициозность, которая определяется признанием непомерного значения одного пола по сравнению с другим, тогда как они биологически равноправны в целостном процессе воспроизводства жизни.

12. Этническая амбициозность, когда представители некоторых наций проявляют тенденцию к господству над представителями других наций.

13. Психофизиологическая амбициозность, которая иногда проявляется, например, в доминировании одних типов темперамента (сильных, подвижных) над другими (слабыми, медлительными).

14. Ситуационная амбициозность, которая возникает у некоторых надменных, высокомерных людей, семей и родов, скажем, после внезапной удачи, изменения материального положения, обогащения и т. п.

15. Антропологическая амбициозность, выражающаяся в господстве одних людей над другими по таким признакам, как рост, вес, цвет кожи, расовая принадлежность и т. п.

16. Сектантская амбициозность некоторых «избранных» Богом нетрадиционных религиозных группировок, которые фанатично навязывают свою веру другим и т. д.

17. Возрастная амбициозность, связанная с доминированием старших возрастов над младшими или, наоборот, молодых над стариками.

18. Родовая (династическая) амбициозность, которая присуща ряду сословных поколений и стабильно передается от одного поколения к другому и т. д.

То же самое, что и в предыдущем случае, можно сказать и о понятиях гордости, гордыни и надменности. Говоря о первом из них, С.У.Гончаренко указывает в своем «Украинском педагогическом словаре», что гордость – это моральное чувство, которое «возникает в результате осознания личностью общественного значения своих достижений. Чувство гордости выступает одним из результатов процесса морального самосовершенствования личности» [35, С. 72]. Положительное значение гордости проявляется у успешных людей, у людей с высоким призванием, с гуманной миссией утверждению жизни. Именно в этом плане мы говорим о гордости представителей ряда экстремальных профессий (например, летчиков, военных, врачей, спасателей, шахтеров и т. п.), о гордости девушки как будущей матери и др.

Другое дело, когда речь идет о гордыне, надменности, связанной с тщеславием, высокомерием, презрением, пренебрежением, превосходством одного человека над другим. Такое высокомерное лицо не замечает ничего и никого, кроме себя, а это неизбежно приводит к унижению и уничтожению чести и достоинства других, и, в свою очередь – к явному или скрытому сопротивлению, защите со стороны униженных, к конфликтам, к борьбе достоинств – с различными негативными, включая летальные и суицидальные, последствиями и для самой тщеславной личности и для обиженных ею людей. Как отмечают специалисты, зависть, часто царящая в таких отношениях, может стать причиной межличностных и социальных конфликтов, классовой мести и гражданских столкновений. Криминальная хроника демонстрирует множество

фактов, в основе которых лежат попытки посягательства надменных на честь и достоинство других, унижаемых ими людей.

Подчеркнем это – пренебрежение амбициозными и надменными людьми в повседневной жизни других не является такой уж безобидной, как это кажется на первый взгляд. Скажем, массовое пренебрежение амбициозными, надменными автоводителями правилами дорожного движения приводит к гибели тысяч пешеходов. Так же, как и игнорирование чрезмерно возвышенными чиновниками, политиками и напыщенными чиновными мошенниками существующих законов вызывает бедность, голод и смерть граждан и детей, превращение их в нищих и бездомных, а здоровых людей – в пациентов больниц. То же самое касается и гордыни, тщеславия, подчеркнутого превосходства над своими избирателями некоторых депутатов, авторов губительных политических реформ и законов. Так, фактическая ликвидация вследствие определенных изменений в законодательстве санитарно-эпидемиологической службы страны привела к тому, что вместо пригодных к пище нормальных продуктов, на рынок выбрасываются суррогатные, генномодифицированные, переполненные консервантами, заменителями, красителями, биодобавками ядовитые продукты, что уже привело к медленной смерти, заболеваниям, эпидемиям тысячи и тысячи людей... За годы правления амбициозных, царственно возвышенных политиков и бюрократов население страны уменьшилось на семь миллионов человек...

Вновь образовался высший и низший мир, снова, как и во времена Ф.М.Достоевского горделивое высшее «олимпийство» «давит как вошь» бедного человека низшего мира. Опять зреет шевченковский, достоевский гнев униженных и оскорбленных, теперь уже в «демократической» стране.

Подобные негативные явления особенно проявляются у людей, попавших в состояние так называемой «звездной болезни», то есть в ситуацию чрезмерного возвеличивания публикой тех, кто иногда искусственно переоценен ею за в сущности посредственный, а иногда и весьма сомнительный успех. Этой «болезни» не удастся избежать многим публичным деятелям – чиновникам,

артистам, известным людям, руководителям разных уровней, даже творческим личностям – за успех и удачу на их плечи неожиданно ложатся неадекватно большие почести, слава, популярность, награды, легкие деньги и т. д. Такие люди могут в буквальном смысле ослепнуть, потерять чувство реальности, даже ум, и вследствие этого ложно воспринимать действительность, постоянно требовать от других аксиопсихологического «наркотика» в виде все увеличивающегося и непрерывного признания, славы, лести, денег и т. д. Комплекс «тщеславия», «нарциссизма» затормаживает дальнейшее развитие такой личности, сужает и извращают ее, приводит ее к кризису, депрессии, в конце концов – к обращению за психотерапевтической помощью. Таким людям бывает тесно на одной сцене, подиуме, в ситуации демонстрации и распределения славы с другими. Иногда они прибегают к психологическому и физическому устранению «звездного» конкурента, а фактически – врага, с этой сцены высокомерия и надменности. Вспомним убийство на эстрадной сцене российского певца Игоря Талькова. Многочисленные случаи гибели и самоубийства поэтов, певцов, артистов, президентов фирм и банков и т. п. красноречиво свидетельствуют об этой трагической стороне «звездной болезни».

Еще более опасной формой деформации чести и достоинства личности является комплекс сверхчеловека, супермена, который был впервые описан в философии Ф.Ницше. Позже он был официально принят в качестве ведущего постулата идеологией германского фашизма. Потерпев крушение во второй мировой войне, этот комплекс не исчез с исторической арены, более того, он интенсивно культивируется современными масс-медиа и воспринимается частью молодежи. Для нее образ супермена, сверхчеловека предстает привлекательным образцом успешного поведения, ведущим смыслом жизни. Философия суперменства приводит к вопиющим случаям искусственного возвеличивания одних людей и обесценивания до крайней черты, до аксиоида – других. На этой почве вырастает особый тип преступности – уничтожение чести и достоинства человека, терроризм, мафия, для представителей которых человеческая жизнь действительно становится дешевле копейки... В этой связи существующее

законодательство о защите чести и достоинства человека явно не выполняет своей функции.

Это вырождение аномально возвеличенного человека приводит к ненужности культурного прогресса личности, ее нормального морального, эстетического, интеллектуального, духовного развития, самоактуализации, ставит ее на грань культа личности, а других людей – на поталу им. В таком случае в недрах декоративной демократии рождаются варварские формы рабовладельческой, феодальной психологии таких возвеличенных ею людей, которым должны прислуживать другие люди, группы людей и целые народы, обеспечивая их беспредельное благополучие. Именно о таких искусственно возвеличенных «лидерах» народа говорил в своих романах еще в XIX веке Ф.М.Достоевский.

Культ личности, как это ни парадоксально, тоже имеет свою положительную и отрицательную сторону. Это следует из общепринятого понимания этого термина. Так, в «Кратком словаре иностранных слов» культ (лат. *cultus* – почитание, уважение) толкуется как «совокупность религиозных обрядов, служение божеству, как преклонение перед кем-нибудь, почитание, чрезмерное возвеличивание кого-то». В этом плане естественным является культ матери и отца, культ морального лидера, выдающегося художника, философа, врача, культ божества, т.е. реального или мифического лица с непререкаемым авторитетом, которое действительно сделало значительный, безусловный, неопределимый вклад в культуру человечества. Такой культ не отрывает выдающегося и авторитетного человека от людей, не противопоставляет его народу и каждому человеку, поэтому принимается ими сознательно как образец, как идеал и т. д. Особенно это касается тех лиц, которые уже отошли в вечность, но духовные достижения которых живут и благотворно действуют до сих пор в культуре человечества.

Иначе же происходит, когда речь идет об искусственном культе личности, о ее чрезмерном, незаслуженном, принудительном возвеличивании, особенно в тех случаях, когда она, как это ни парадоксально, имея огромную властную силу,

выступает против людей, которые дали ей эту силу. Честь и достоинство таких слишком возвеличенных людей часто является циничной, античеловеческой, потому что приводит к разрушению культуры, к уничтожению главного ее субъекта – человека, народа, цивилизации. Мы уже называли несколько известных фамилий таких культовых тиранов, вандалов, варваров. На самом же деле культ личности, искусственная и преувеличенная героизация одних людей другими массово и иерархически пронизывает все современные общества, начиная с отдельной личности, семьи и кланов до разнообразных общественных групп и институтов различного масштаба и уровня. Множество начальников различных учреждений, менеджеров, псевдолидеров, «отцов» разных движений, партий и сект, директоров реальных и призрачных предприятий, «президентов», «академиков», «докторов», рвутся к власти, к славе, тщеславию, доминированию, господству, барству, чванству, популярности, популизму, диктаторству, тиранству и т. д. и т. п.

А не существует ли и в некоторых современных семьях, наряду с заслуженным авторитетом отца и матери, еще и подобный вышеупомянутому культ личности отца-диктатора, матери-демона, тещи или тестя, наконец, – ребенка-мучителя, который еще ничего не сделал, но из которого уже вырастает сначала маленький, а позже появится и большой тиран?

Подобные семьи генерируют слишком амбициозных, надменных, «звездных», сверх-человеческих, культовых лиц, которые позже образуют прослойку надменных унизителей чести и достоинства других людей и доводят их до стрессов и депрессий, до психосоматических болезней, до суицидов, инфарктов и инсультов, или даже физически уничтожают, убивают их.

Перечисленные аксиопсихологические отклонения, настоящие болезни чести и достоинства личности лучше предупредить и пресечь на ранних стадиях их формирования, чем потом иметь дело с ними как с очень опасными, тяжелыми и патогенными состояниями слишком возвеличенной личности и ее ближайшего окружения. Все это вызывает необходимость в проведении специальной аксиопсихологической профилактики и помощи в самопреодолении

указанных негативных явлений чрезмерного аксиогенеза чести и достоинства личности. Отметим при этом, что психотерапия болезней чести и достоинства личности очень сложна, опыта ее проведения еще явно недостаточно. К тому же она опасна для самих психотерапевтов. Вспомним, в подтверждение этого, о загадочной смерти всемирно известного психиатра, академика В.М.Бехтерева, случившейся сразу же после консультирования им И.В.Сталина осенью 1927 года...

Приведем некоторые методологические подходы к аксиопсихологической профилактики и помощи личности в самопреодолении тех негативных форм амбициозности, высокомерия, «звездной болезни», сверхчеловечности и культа личности, которые могут возникать у клиентов социально-психологических служб. Заметим, что у некоторых практических психологов тоже могут появиться описанные выше тенденции, поскольку некоторые из них, не исключено, могут попасть в ловушку тщеславия «инженеров» человеческих душ и тем самым значительно снизить действенность своего профессионального потенциала, скомпрометировать собственное профессиональное лицо.

1. Важнейшим следует считать психолого-правовой подход, согласно которому, следуя Декларации прав человека, все люди имеют равные права и собственное достоинство. Нарушение этого права на равенство может вызвать коллизии не только юридического, но и аксиопсихологического плана и наоборот.

2. Философско-психологический подход предусматривает опору, прежде всего, на диалектический закон единства, борьбы (мирного соревнования) и уравновешивания противоположностей, что применимо к разным личностям как носителям чести и достоинства; на закон отрицания отрицания, то есть на признание ценности чести и достоинства одного человека другим; на закон перехода количественных изменений в качественные, то есть рост в процессе жизни ценности каждой личности и осознание этого людьми и обществом. В основе межчеловеческих отношений должен лежать модернизированный к требованиям современности принцип И.Канта о самоценности каждой личности.

Полезным может быть принцип формирования чувства общности людей, предложенный в индивидуальной психологии и психотерапии А.Адлера: «...Целью этого жизненного мировоззрения является усиление чувства реальности, ответственность и замена скрытой вражды взаимной доброжелательностью, чего можно добиться, только сознательно развивая чувство общности и сознательно разрушая влечение к власти» [3, с.22].

3. Демократически-психологический подход, который исходит из того, что именно народ всегда является и остается субъектом власти и это должно лишать избранных им амбициозных чиновников иллюзии своей исключительности.

4. Этико-психологический подход, согласно которому каждый человек, несмотря на его возраст, пол, профессию, гражданское, юридическое состояние, здоровье и т. п., имеет чувство собственного достоинства, которое следует уважать и с которым надо считаться во всех ситуациях жизни как с первоначальным и базовым состоянием человека и общества. Основой межличностных отношений является взаимное уважение и признание каждым человеком чести и достоинства другого человека. Человеку выгоднее ориентироваться на добро, чем на зло, тянуться к миру, а не к борьбе и войне чести и достоинства. Здесь можно вспомнить призыв Ф.М.Достоевского: «Смирись, гордый человек!»

5. Эволюционно-историко-психологический подход, который устанавливает неоспоримый вклад каждого человека в эволюцию человеческой популяции и в историю человечества. Каждый человек и его бесконечные предки выступают членами исторической соборной личности (что является предпосылкой существования современной и будущей человеческой цивилизации и культуры) как ее создатели, носители и пользователи. Все жители планеты Земля имеют общее прошлое, настоящее и будущее!

6. Религиозно-психологический подход, который означает равенство людей перед высшим идеалом – Богом и одновременно утверждает, по М.Я.Гроту, сверх-индивидуальную, божественную, творческую природу

человеческой личности. Здесь целесообразно вспомнить слова Н.С.Лескова: «Бог есть мера всех вещей».

7. Взаимно-зависимо-рациональный психологический подход, предусматривающий учет успехов и ошибок борьбы и конфликтов чести и достоинства людей. Взаимодействие, сотрудничество, партнерство людей чести и достоинства лучше, чем борьба и война между ними. Следует учитывать, что честь и достоинство каждой личности не являются абсолютными «величинами», они относительны в нашем мире тотальной взаимозависимости. Президент страны или фирмы зависит, например, от своей уборщицы и водителя, артист зависит от зрителя или слушателя, от его аплодисментов, руководитель или директор зависит от своих подчиненных и коллег и наоборот, сын зависит от матери и отца, друг зависит от друга и т. п. Поэтому между людьми должны устанавливаться отношения высокого взаимного оценивания, взаимоуважения. Тем более, что в ходе социального и научно-технического прогресса на глазах растет сила и цена личностей и конфликты между ними рискуют стать еще более разрушительными и катастрофическими, чем это происходило до сих пор.

8. Содеятельно-психологический подход, когда эквивалентные добродетели и достоинства различных личностей складываются, интегрируются, сотрудничают в успешной деятельности, что показывает преимущество не господства или подчинения, а организованного взаимовыгодного паритетного объединения достойных людей в кооперативной деятельности.

9. Иммуно-психологический подход, при котором честь и достоинство выступают как защитные феномены в отношениях между людьми, которые, чем далее, тем более овладевают узкими специализированными деятельностью, являются способными, одаренными, талантливыми в какой-то одной узкой области профессиональной деятельности и «неспособными», «бездарными» в других видах деятельности, которых значительно больше. Благодаря этому честь и достоинство защищают авторитет человека в ситуации глобализации, интеграции и дифференциального распределения труда, обучения, воспитания, игры, общения – то есть жизни. Поэтому чести и достоинству личности как

«песчинки» человечества и Вселенной (по выражению Ф.М.Достоевского) должна прививаться вакцина болезни величия человека. Как правильно сказал И.Ньютон: «С годами я все больше узнаю, что я ничего не знаю».

10. Субординационно-обменно-психологический подход А.С.Макаренка, согласно которому каждый человек должен учиться быть руководителем и подчиненным, хорошо командовать людьми и добросовестно выполнять приказы других во всех ситуациях жизни. Это лучший метод уравнивания чести и достоинства людей в коллективной деятельности.

11. Учебно-игровой шоковый или конфликтно-психологический подход, когда действительная ценность, честь и достоинство личности со «звездной болезнью», культом личности и т. п. осознается через «обучающий» конфликт, с помощью игровой «войны достоинств», на уроках частичного и целесообразного унижения и возвышения человека.

12. Радикально-психологический подход – добровольное и самостоятельное или принудительное и силовое лишение человека статуса лидера, руководителя, начальника, господина, уход, перевод его на более скромную должность – вместе с этим уменьшаются его болезненные симптомы.

13. Как дополнительный к радикально-психологическому иногда применяется революционно-психологический подход, который заключается в том, что культ личности, «звездная болезнь» уничтожаются исключительно насильственным путем, благодаря чему их носители сбрасываются с пьедестала искусственного высокомерного величия, лишаются атрибутов сверхчести и культа личности, иногда – уничтожаются не только в аксиопсихологическом, но и в физическом смысле (вспомним о судьбе Н.Чаушеску в Румынии), что следует знать слишком амбициозным, надменным, сверхлюдским, «звездным», культовым лицам. Они должны адекватно принимать как привилегии тщеславия, так и угрозу неминуемого падения с высоты презрения, пренебрежения честью и достоинством «простых» людей. Лучшее, что можно сделать в такой ситуации – добровольно, управляемо и безопасно спуститься с высоты небожителя на родную грешную землю, что, кстати, сохранит немало их чести и достоинства.

Указанные подходы обеспечивают достижение более гармоничного соотношения чести и достоинства в отношениях между людьми. При этом слишком возвышенная, до уровня аксиокульта, личность должна вернуться с позиции высокомерия, тщеславия, презрения, угнетения, эксплуатации, подчинения, пренебрежения, унижения, авторитаризма к позиции равенства, сотрудничества, взаимодействия, кооперации, взаиморазвития и т. д. Но не следует, однако, увлекаться, чтобы при этом не прибегать к самоунижению, рабству, угодничеству, прислуживанию, холопству и т. д. Именно для этой ситуации справедливы слова: «Чтобы тебя уважали, уважай себя!».

Для аксиопсихологической профилактики негативных последствий состояния аксиокульта, аксиофеоза личности можно использовать также определенные в предыдущих разделах стратегии аксиоинтераутопсихологической деятельности, особенно касающиеся рационального понижения ложной ценности, чести и достоинства. Полезными могут стать и некоторые тактики и приемы. Вот некоторые из них:

- а) тактика взвешенной самокритики и дозированного восприятия критики;
- б) тактика согласия, компромисса и определенного нивелирования своей чести и достоинства со средним уровнем;
- в) тактика уравнивающих дебатов – выяснения взглядов сторон, их фиксации, анализа и принятия на основе взаимного уважения;
- г) тактика рационального принуждения к аксиопсихологическому миру, взаимного признания и взаимодействия;
- д) тактика адекватного симметричного и неадекватного асимметричного ответа на агрессивные действия амбициозного, надменного, «звездного» лица;
- е) тактика спонтанного аксиопсихологического поведения, основанного на неожиданности воздействий, дезорганизации амбициозного поведения, подчинения и последующего компромисса с тщеславным человеком, в конце концов – принятия им правил здравого смысла и равноправия;
- е) тактика аксиоинтераутопсихологического паритета по тождественным, близким взглядам, которые всегда можно отыскать даже у самых разных людей;

ж) тактика рационального доказательства преимущества уравнивания, согласия, паритета, реального мира чести и достоинства личности перед виртуальной или реальной борьбой между ними;

з) тактика виртуальной юмористической мести за реальное унижение со стороны надменного лица;

и) тактика принципиального и общественно поддержанного сопротивления высокомерному человеку в ответ на реальную угрозу с его стороны или нанесения им ущерба чести и достоинству личности;

и) тактика благодарности амбициозному человеку за добро и осуждения зла, сделанного им людям – в процессе осознания ним положительного и отрицательного опыта успехов и неудач;

а) дегероизация, дефешитизация искусственно возвеличенной «звездной», нарциссической личности;

к) «уход в монастырь», «в келью», «в себя», «смирение горделивого человека» (по Ф.М.Достоевскому), сознательное блокирование собственного высокомерия;

л) духовная «дуэль» со слишком возвышенным, наглым человеком, который реально оскорбил честь и достоинство другой личности;

м) тактика логической сатисфакции, то есть виртуальной интеллектуальной «дуэли»;

н) тактика «забивания» гвоздей;

о) тактика «возвращения» Гулливера домой из страны лилипутов.

п) тактика открытого конструктивного межличностного конфликта;

г) тактика рациогуманистического диалога по Г.А.Баллу.

с) тактика моделирования личной «боли и страданий» падения слишком возвышенного лица;

т) тактика демонстративного непротивления тщеславному злу насилием по Л.Н.Толстому;

в) тактика творческой деятельности личности на основе стратегической системы КАРУС В.А.Моляко [107] и т. д.

Главное в применении указанных методологических подходов и тактических приемов – найти ту целесообразную меру, «золотую середину», которая позволила бы перевести осознание чести и достоинства дисгармоничной личности из диапазона аксиокульта в диапазоны аксиолерата, аксиовосхода, аксионормы+, аксиоцентра и аксионормы-, и ни в коем случае – ниже, поскольку такая чрезмерная аксиопсихологическая понижающая профилактика может привести к невыносимому унижению такой чрезмерно возвышенной личности и к новым нежелательным последствиям для нее. Как найти эту меру – подскажет собственный опыт и чувство собственной чести и достоинства личности самого практического психолога и социального педагога, консультанта и психотерапевта.

3.8. Психотерапия клиентов с критически униженной честью и достоинством, суицидальными и летальными тенденциями, путем возвышения ценности и самооценности их личности.

Впервые возможности настоящей психотерапии униженной чести и достоинства человека на художественном уровне показал, на наш взгляд, выдающийся отечественный писатель Ф.М.Достоевский. Унижение человеческой чести и достоинства было представлено им как острая социальная и психологическая проблема, которая порождается обесцениванием личности вследствие трудно разрешимых противоречий жизни отдельного человека и всего общества России второй половины XIX века. Художник психологически точно изобразил в разных своих произведениях страдания широких слоев целой страны на примере униженной и оскорбленной судьбы «бедных людей», жителей российской столицы, заключенных «мертвого дома» и т. д.

Однако, проблема унижения человеческого достоинства и чести приобрела в последующие десятилетия еще большую остроту и массовость, чем это

предполагал талант Ф.М.Достоевского. А XX и XXI столетия расширили и углубили эту проблему.

В ответ на это появилась так называемая индивидуальная психология А.Адлера, в пределах которой, под непосредственным влиянием Ф.М.Достоевского, сформировался интересный вариант психотерапии с такими базовыми понятиями проблемы, цели и средств ее решения, как комплекс неполноценности, достижение превосходства в процессе компенсации, построение плана коррекции личности, повышение чувства личности, достижения ее общности с другими людьми. В тезаурусе психотерапии А.Адлера заметное место, как мы показали в предыдущем разделе, занимают понятия падения и подъема, унижения и возвышения, достижения превосходства и отождествления пациента с божеством, построения линий фиктивных действий и дистанции и т. д.

Мы учитываем положительный опыт применения психотерапии А.Адлера и одновременно предлагаем несколько иную технологию аксиоинтераутопсихотерапии, в основе которой положены приведенные в предыдущих разделах работы ключевые положения, такие как: а) принцип ценности и самооценности личности и объективные и субъективные факторы их возвышения и унижения; б) осознание личностью своей социальной ценности и индивидуальной самооценности в форме чести и достоинства; в) континуум диапазонов и уровней возвышения-нормализации-унижения чести и достоинства личности; г) стратегии и подстратегии аксиоинтераутопсихологических действий по целесообразному возвышению, уравниванию и понижению чести и достоинства клиента в социуме; д) тренинги, технологии, методические подходы и конкретные приемы по формированию и утверждению чести и достоинства личности и их коррекции и компенсации в крайних случаях – аксиокульта и аксиоцида и т. д.

Что касается случаев аксиокульта, то они описаны ранее, когда нами представлены методические подходы и приемы профилактики и

самопреодоления амбициозности, высокомерия, гордыни, «звездной болезни», нарциссизма, сверхчеловечности и культа личности.

В данном разделе работы мы остановимся на варианте психотерапии, посвященной работе с клиентами, попавшими в состояния аксиодепрессии или аксиоцида и в поведении которых проявляются суицидальные и летальные тенденции.

Уже при предварительной общей оценке социальной ситуации можно выделить группы населения, которые хронически пребывают в состоянии критического унижения и нуждаются в квалифицированной аксиопсихотерапевтической помощи. Мы можем выделить сейчас три большие группы людей, которые испытывают ту или иную степень «унижения и оскорбления» в современном обществе, если условно различать их по возрастным, социально-профессиональным, психофизиологическим и другим критериям.

Так, по возрасту к этой категории могут быть отнесены дети из неполных семей, дети-инвалиды, девиантные подростки, значительная часть учеников ПТУ, беспризорные дети, молодые солдаты – жертвы внеуставных отношений, суициденты всех возрастных групп, одинокие матери, родители, лишённые права общения со своими детьми, бедные люди, пенсионеры (выброшенные с работы или униженные новым статусом фактически никому не нужных ветеранов), немощные старики, униженные болезнями и заброшенные детьми и обществом и т. д.

К категории социально, экономически и профессионально униженных относится значительная часть творческих работников, изобретателей, работников культуры, интеллигенции, крестьян, педагогов, врачей, больных, временных неудачников, жертв различных конфликтов, безработных, молодых специалистов, которые не могут найти себе работу и т. д.

Мы выделяем еще один, психофизиологический, точнее, психодинамический критерий, по которому наиболее униженной группой выступают... меланхолиды, которые, по сравнению с холероидами,

сангвиноидами и флегматоидами, имеют наиболее слабую и чувствительную нервную систему, склонность к переутомлению, глубоким истощающим переживаниям, страхам (как доминирующей эмоции), подвержены стрессам, комплексу неполноценности, вины, интравертированности. Поэтому они легче и раньше попадают в состояния унижения, самоуничужения и обиды, чем представители других типов темперамента, хотя последние также не свободны от угрозы попадания в ситуацию обесценивания своей личности.

Психологические последствия состояния унижения человеческого достоинства и чести различны по своей интенсивности, характеру, продолжительности, угрозе для здоровья и жизни.

Так, может быть легкое, эпизодическое, ситуационное, локальное унижение достоинства, авторитета, чести, имиджа человека, которое легко снимается через улучшение отношений с людьми, доступное изменение обстоятельств его жизни и не оставляет опасных последствий. Такое унижение присуще диапазону аксиопада. Однако унижение может быть довольно сильным, продолжительным, стабильным, тотальным, глобальным, острым, кризисным и сопровождаться глубокими противоречиями, дисгармониями, эмоциями и аффектами обиды, отчаяния, страха, зависти, душевной боли, дистресса, депрессией, девиациями, агрессивностью, суицидальными намерениями, чувством вины или мести, деструкциями психики, психосоматическими отклонениями и патологиями различного плана. Такие проявления наблюдаются в диапазоне аксиодепрессии, а в своих крайних формах – в диапазоне аксиоцида.

Особенно страдает в кризисных ситуациях унижения достоинства и чести человека его психологическая, внутренняя и внешняя, деятельность. Деструкция деятельности происходит за счет деформации, редукции, снижения уровня опосредствования (оснащения культурными средствами), что ведет к замкнутому кругу поэтапного ухудшению ее эффективности, а потому и к ее ошибочности, опасности, разрушительному характеру как во внутреннем, так и внешнем плане. Происходит гипертрофия психологической деятельности во всех ее необходимых культурно-психологических компонентах: потребностно-

мотивационном, информационно-познавательном, целеобразующем, операционно-результативном, эмоционально-чувственном.

При этом наблюдается «падение» уровня организации психологической деятельности до состояния примитивной психической активности, когда из 5 указанных компонентов остаются всего 2-3, преимущественно в искаженном виде, например, потребностно-(мотивационный), информационно-(познавательный) и эмоционально-(чувственный) компоненты или даже происходит депрессивное психическое замыкание сознания на потребностно-аффективном уровне. Следует отметить также определенный разрыв между внутренней психической активностью и внешней нормативной психологической деятельностью окружающих, аномальное разопосредствование, деинструментализация, то есть ослабление внутренней психической деятельности, которая аффективно дезорганизуется и может характеризоваться даже патогенной (летальной) динамикой.

Развивается психопатогенный процесс, для которого свойственно психическое напряжение, дистресс, депрессивные и суицидальные тенденции, обострение акцентуаций и предпочитаемых (для каждого типа темперамента) психосоматических болезней.

Поэтому такому клиенту необходима квалифицированная аксиопсихотерапевтическая помощь.

Согласно методологическим основам нашего подхода, для таких случаев могут быть предложены три взаимодополняющих направления аксиопсихотерапии, которые отвечают определенным видам поражения чести и достоинства – по трем измерениям психологической структуры личности: I – социально-психолого-индивидуальному; II – деятельностному; III – генетическому (возрастному, развивающему) (см. в подразделе 1.3).

Первое из этих направлений реализуется при решении проблем резкого снижения чести и достоинства, общественной ценности личности человека, попадания ее в состояние субдепрессии, появления ощущения ее ненужности людям, что часто ведет к суицидальным проявлениям. Образно говоря, при

таким унижением происходит падение уровня психической регуляции поведения и деятельности с личностной высоты («потолок») до индивидуальной середины («окно») и организмического низа, основы («пол»). Если при этом сохраняется, в целом, структура психологической деятельности и поведения личности, то на почве ее совершенствования можно применять средства возвышения ценности личности, восходя в «вертикальном» направлении от психофизиологической и интеллектуальной подструктур, через компетентностную, рефлексивную и характерологическую к мотивационной и коммуникативной подструктурам – то есть ставить более высокие личностные цели и насыщать личность все более тонкими средствами их достижения и тем самым получать устойчивый психотерапевтический эффект. Подчеркнем, что это первое направление аксиопсихотерапевтической помощи совпадает с «вертикальным», социально-психолого-индивидуальным измерением личности и опирается на так называемую психотерапевтическую «вертикаль» (см. дальше). В целом, эта «вертикаль» предполагает возвышение структурно-личностного уровня регуляции поведения и деятельности путем перехода с нижних подструктур личности на более высокие, что, в целом, совпадает с вектором психотерапии А.Адлера.

Главным для **второго направления** является следование деятельностному измерению личности, то есть психотерапевтической «горизонтالي». Это направление аксиопсихотерапевтической помощи целесообразно использовать при решении аксиопсихологических проблем, когда указанный психологический деятельностный потенциал личности снижается, повреждается, разрушается, но все же сохраняется в своей основе. Дальше мы представим подробнее это направление работы.

Третье направление основано на учете возрастных особенностей клиентов и рассчитано на решение аксиопсихологических проблем личности с сохранившимся потенциалом развития, то есть подростков, юношей, молодых людей, взрослых и пожилых людей, которые, подчеркнем это, сохраняют потенциал созревания, становления и акмеологической самоактуализации

психологических ресурсов личности, существенно не поврежденных острой проблемой унижения. Это направление тесно связано с первыми двумя, поскольку предполагает учет возрастных особенностей развития и функционирования «вертикальных» подструктур личности (психофизиологии, интеллекта, опыта, рефлексии, характера, мотивации и общения), а также – ориентацию на особенности «горизонтальной» деятельностной основы личности, например, на такие виды ведущих для каждого возраста деятельностей, как эмоционально-коммуникативная и предметно-манипулятивная (в возрасте новорожденности и младенчества), игровая (дошкольное детство), учебная и творческая (на всем периоде школьного и студенческого возраста), личностное и профессиональное самоопределение (старший подростковый и юношеский возраст), профессиональная подготовка (юношеский возраст и молодость), трудовая и профессиональная деятельность (молодость и зрелость), генеративность (пожилой возраст) и самообслуживание (старость).

При этом следует не упускать из вида общие инволюционные процессы позднего возраста, которые, однако, могут встречаться и на предыдущих возрастных этапах. В этих случаях осуществляется снижение возможностей деятельности (предметной, профессиональной, жизнедеятельности) и поведения личности. Вследствие этого возникают проблемы пониженной чести и достоинства, на фоне субдепрессии, суицидального риска, еще более разрушающих психологическую деятельность и превращающих ее в собственно спонтанную, мало управляемую психическую активность. А это еще сильнее поражает личность и порождает психопатологические тенденции в динамике чести и достоинства человека. Здесь психотерапия через непосредственное возвышение ценности личности должна учитывать реалии спонтанной психической активности клиента и предусматривать реконструкцию последней или даже конструирование более полноценной, опосредованной оздоровительными, развивающими средствами психологической деятельности. Фактически, благодаря этому направлению аксиопсихотерапии происходит

процесс возвышения спонтанной психической активности до уровня психологической деятельности.

Подчеркнем еще раз, что общим для этих трех направлений психотерапии является то, что в их основу положен личностный, ценностно-рефлексивно-креативный подход к развитию и актуализации потенциала психологической культуры аксиопроблемной личности. Этот подход основан на концепции трехмерной, поэтапно конкретизированной психологической структуры личности и рефлексивном сотрудничестве психолога и клиента в пространстве указанных трех измерений структуры личности: а) социально-психолого-индивидуального, б) деятельностного и в) генетического (возрастного, развивающего). В ходе этой психотерапии по каждому из трех измерений предусматривается:

а) использование развивающего, оздоровительного потенциала собственно личностного возвышения, связанного с переходом, возвышением уровня психической регуляции деятельности и поведения личности – с самого низкого, органически-психического уровня, до индивидуально-психологического, социально-психологического, философско-психологического и, если это необходимо, то и до религиозно-психологического (особенно в тех случаях, когда клиент – верующий человек), и далее – до культурно-психологического уровня (см. табл. 7);

б) управление процессами реконструкции и конструирования внутренней и внешней психологической деятельности личности – в случае ее деструкции, падения до уровня спонтанной психической активности под влиянием факторов унижения ценности личности – и ее деятельностного возвышения вплоть до осознания своей ценности как полноценного субъекта деятельности и поведения в форме нормальной чести и достоинства;

в) учет генетических, возрастных, развивающих особенностей личности клиента – в контексте конкретной ситуации внешне или внутренне вызванного унижения, пренебрежения, уничтожения его чести и достоинства.

При этом следует помнить, что унижение личности, ее чести и достоинства – это движение в направлении потери человеком своего личностного потенциала, когда он становится напряженно и спонтанно психически действующим индивидом, организмом, из-за слабости, примитивности которого в отношениях человека с окружающим миром неизбежно возникают новые противоречия и острые проблемы.

Психотерапевту следует знать, что унижение степени осознания и переживания субъектом ценности своей личности, ее чести и достоинства, осуществляется сознательно или бессознательно следующими средствами:

- Запретом;
- Критикой;
- Публичным позором;
- Отрицанием;
- Бранью;
- Угрозой жизни;
- Отрицательным сравнением;
- Равнодушием;
- Нигилизмом;
- Негативной, некомпетентной, несправедливой оценкой;
- Подозрением в плохом поступке;
- Обвинением в плохом поведении;
- Оскорблением;
- Публичным осуждением;
- Неблагодарностью;
- Недоверчивостью;
- Ненавистью;
- Злобностью;
- Протестом;
- Неправдой;
- Отказом в симпатии и любви;

- Насмешкой;
- Глумлением;
- Конфликтом;
- Дракой;
- Болезнью;
- Несправедливостью;
- Авторитаризмом;
- Деспотизмом;
- Деградацией;
- Нивелированием;
- Угнетением;
- Бесправием;
- Вандализмом;
- Эксплуатацией;
- Обзыванием;
- Манипулированием;
- Неудачей;
- Изменой;
- Пренебрежением;
- Завистью;
- Лению;
- Одиночеством;
- Высмеиванием;
- Депрессией;
- Тревогой;
- Дистрессом и т. д.

Знание этих средств необходимо для понимания конкретных причин унижения и выработки адекватных действий психотерапевта по возвышению проблемной личности, начиная с уровня аксиоцида и аксиодепрессии до более высоких уровней – аксиопада, аксионормы-, аксиоцентра и аксионормы+.

Возвышение же личности понимается, в целом, как синтетический, комплексный процесс роста, подъема личностного потенциала человека и возвышающей его самоактуализации в пределах следующих полярных координат:

- от простых физиологических потребностей жизнедеятельности организма к содержательным смыслам полноценной жизни личности;
- от апатии и безразличия к эмпатии и заинтересованности в людях;
- от антипатии и ненависти к симпатии и любви;
- от закрепощенного, подавленного состояния к состоянию свободы и одухотворения;
- от зла к добру;
- от непосредственности психической активности индивида к опосредствованности психологической деятельности личности;
- от примитивной, слабой, спонтанной психической активности к сложной, сильной, организованной психологической деятельности;
- от низких, элементарных, грубых аффектов к высоким, сложным и тонким чувствам;
- от использования ограниченных грубых и искаженных образов действительности к созданию полноценных, содержательных, точных и неограниченных мировоззренческих представлений о мире и человечестве;
- от локальных и кратковременных ситуационных рефлекторных реакций организма к личностным поступкам, поведению и деятельности человека со все более всеобъемлющими и вечными сущностями;
- от опоры на ограниченную ситуацию «здесь и теперь» к опоре на возможности безграничной и вечной Вселенной;
- от преимущественного потребления к созданию ценностей, от репродуцирования к творчеству;
- от внутриличностных и межличностных конфликтов к гармонии внутри личности и ее согласию с другими личностями;

- от вины и обиды к прощению и компромиссу, от мести к сотрудничеству;
- от эгоизма к альтруизму, к альтруистическому эгоизму и эгоистическому альтруизму, от индивидуального к социальному;
- от обыденного и рутинного к вдохновенному и божественному бытию;
- от животного, варварского к культурному, культурно-психологическому, гуманистическому образу жизни;
- от лжи и лживости к правде и честности;
- от несчастья к счастью т. д.

Итак, психотерапевтическая помощь аксиопсихологически проблемной личности заключается в возвращении ее к нормально осознаваемой ценности и самооценности, чести и достоинству через возвышение ее личности, к состоянию равновесия между определенным уровнем возвышенности и допустимым уровнем униженности, которую человек может выдержать, поддерживать и признавать удовлетворительной для себя и окружающих. Фактически, речь идет о достижении аксиопсихологического комфорта в диапазоне «аксионорма+ – аксиоцентр – аксионорма-«.

Подчеркнем, что предложенные выше психотерапевтическая личностно-структурная «вертикаль», деятельностная «горизонталь» и генетический «вектор» реализуются несколькими механизмами возвышения, как это показано далее в пунктах а)-б)-в)-г) текста и в уровнях 0-5 таблицы 7:

а) возвышением как целенаправленным переходом от более низких подструктур личности к более высоким, от непосредственной, малоструктурированной внутренней психической активности (в форме инстинктов, рефлексов, витальных актов и т. п.) к ее необходимому опосредствованию, оснащению средствами, структурированию через интериоризацию внешней культурно-психологической деятельности во внутреннюю психологическую деятельность;

б) механизмом возвышения локального индивидуализированного содержания слабо организованной, если не деформированной, психической активности (с ограниченным в пространстве и времени, рациональным,

«эгоистическим», примитивным содержанием) до более масштабного социального содержания значительно более организованной психологической деятельности, что соответствует бесконечности и вечности духовно-философского и морально-психологического, а если надо – то и духовно-христианского значения (человек при этом как вершина опирается на пирамиду социума, мира, Вселенной).

в) функциональным подъемом примитивной спонтанной мало управляемой, склонной к деструкции внутренней психической активности до уровня полноценной, культурно ориентированной адекватно управляемой психологической деятельности, установлением ее полноценного состава (5 компонентов) и социального статуса.

г) механизмом нормального взаимоперехода или совмещения собственно личностного возвышения в актах успешного межличностного общения, труда, «божественного подъема» и творчества с функциональным «понижением» в периоды необходимого выполнения отдельных физиологических, витальных функций, что происходит непрерывно и к которым человек привыкает как к нормальным стереотипным функциональным актам возвышения-унижения-возвышения.

В таблице 7 представлена в общем виде психотерапевтическая «вертикаль» работы психолога с клиентом в рамках первого направления.

Таблица 7.

Психотерапевтическая «вертикаль» возвышения ценности личности клиента

№ п/п	Уровни возвышения ценности личности	Доминирующие закономерности, способы возвышения, базовые тенденции	Свойства личности, которые приобретаются ею на каждом уровне возвышения
5.	Культурно-психологический	Высшие культурные ценности – эстетические, этические, научные, национальные и общечеловеческие – но при условии, что наивысшей среди них является сама личность клиента.	Свойства самоценной личности с достаточным уровнем человеческого достоинства, способной к успешной организации своей жизни.
4.	Христианско-психологический (духовно-	Закон Божий; христианские заповеди; духовное очищение, просвещение и обожествление человека; Святая	Свойства христианской духовной личности как всеохватывающей и вечной

	православный) – этот уровень используется в работе с верующими	Троица; Вера, Надежда, Любовь: Вера в божественную ценность человека, в его вечную и бесконечную сущность, Надежда на спасение, Любовь к ближнему как божественной ценности; равенство всех перед Богом. Прощение.	ценности, полноценная, духовно ориентированная деятельность личности.
3.	Философско- психологиче- ский (духовно- диалектиче- ский)	Законы диалектики: отрицания отрицания; борьбы, уравнивания и единства противоположностей; перехода количества в качество; демократия и гражданские права; диалог; духовность в философском понимании как Добро, Красота, Истина.	Духовно-этические, гуманистические свойства личности как субъекта создания ценностей человечества и себя как высшей ценности, гражданская и психологическая деятельность личности.
2.	Социально- психологический (социализующий)	Законы общественной организации, овладение собственной психикой и подчинение ее себе, культурное развитие личности (путем опосредствования, интериоризации, социогенеза, самоактуализации); эгоистический альтруизм; партнерство.	Социально значущие свойства личности как субъекта общественного поведения, творческой деятельности по созданию своего предметного мира и мира человечества. Честь личности.
1.	Индивидуально - психологиче- ский (возвышение психического)	Закономерности обучения и воспитания, самообучения и самовоспитания, усвоения и овладения культурными ценностями; альтруистический эгоизм; развитие свойств личности – общения, направленности, черт характера, рефлексии, опыта, интеллекта, учет психофизиологии.	Индивидуально- психологические свойства личности как субъекта культурного усвоения, потребления и воспроизведения ценностей, психико-психологическая деятельность и активность. Достоинство личности.
0.	Органически- психический (витальный, инстинктивно- рефлекторный)	Рефлексы, инстинкты, привычки, аффекты, акты органической жизнедеятельности, инстинкт самосохранения; животный эгоизм, принцип силы, доминирования и агрессии.	Антропологические, организмические свойства индивида как субъекта жизнедеятельности; психофизиологическая, психическая активность.

Психотерапия второго направления хорошо показала свою эффективность в работе с аксиопроблемной личностью, у которой в результате унижения ее чести и достоинства возникают суицидальные тенденции. Она предполагает оказание помощи критически униженными клиентам в лучшем осознании ими ценности собственной личности, повышении их самооценки, формировании у них чувства собственного достоинства, что обеспечивает гармонизирующий, психотерапевтический эффект и отдаляет их от суицида. Данное направление

реализуется в контексте психотерапевтической «горизонтальной» и осуществляется путем деятельностного возвышения, обогащения ценности личности ее процессом и результатом и включает семь этапов. Первый из них является подготовительным, следующие пять соответствуют компонентам деятельностного измерения личности (потребностно-мотивационному, информационно-познавательному, целеформирующему, операционно-результативному и эмоционально-чувственному [см. 138; 142; 145]), а завершающим является посттерапевтический, экзистенциальный этап. Это направление апробировано нами преимущественно на подростках, попавших в ситуацию суицидального риска. Поэтому опишем данное направление аксиопсихотерапии именно в этом ракурсе.

На **подготовительном этапе** психолог получает запрос и предварительную информацию о клиенте – от родителей, учителей, учеников и устанавливает с ним доверительный контакт. На этой основе он начинает эмпатийный диалог. Обязательным при этом является создание атмосферы полного доверия со стороны подростка к психотерапевту, к чему последний должен готовиться заранее, в частности, абсолютно следуя Этическому кодексу психолога [101] и обязательно – проявляя преданность интересам ученика, честность, конфиденциальность, уважение к его личности. В отношениях с клиентом им должно проявляться убедительное сознательное переживание его ценности, чести и достоинства, заинтересованности в его жизни, в его личности. Можно осторожно использовать технику раппорта – она не только лучше «привязывает» психолога к чувствам, мыслям, поведению клиента, а делает последнего как бы «ведущим» в общении, лидером, повышает его значимость в глазах собеседника и собственном самоощущении. То есть, уже на подготовительном этапе осуществляется определенный подъем ценности личности клиента – и появлением самого психолога, который профессионально интересуется им, его душой, внутренним миром, и технически – с помощью эмпатии, настройки внимания на личность, раппорта, предоставления клиенту права вести диалог в гуманистическом направлении.

На **потребностно-мотивационном этапе** следует выяснить, что стало причиной проблемы, суицидального намерения, какие мотивы доминируют или сталкиваются в сознании суицидента, есть ли запасные интенции, мотивы, интересы, стремления, намерения, на которые можно переключить его внимание. Это позволяет понять, как затормозить суицидальные мотивы и одновременно поднять ценность других потребностей и мотивов суицидента, как прекратить разрушительную борьбу мотивов и переживание деструктивных интенций. Постепенно следует внушать мысли о ценности личности ученика как главного мета-мотива, определителя смысла и направления жизни, фактора решения проблемы. При этом иногда целесообразно использовать прием А.С.Макаренка – мотивационного «взрыва» – путем «сжигания» одних, суицидальных, мотивов и переоценки, аксиологизации, подъема ценности других мотивов.

В случае деструкции смысла жизни следует попробовать заняться конструированием нового, адекватного индивидуальности суицидента и возможностям его окружения, смысла. Полезным может быть использование элементов логотерапии В.Франкла, в которой предусмотрен поиск смысла жизни в трех направлениях – через переживание, отношение и творчество. В проведенном под нашим научным руководством исследовании А.В.Кабыш-Рыбалки [69], в дополнение к указанным стратегиям поиска смысла жизни, предлагаются также познавательная, гуманистическая, жизнедеятельностная, эстетическая стратегии. Полезными могут быть и стратегические средства поиска смысла жизни, в качестве которых в этом же исследовании используются стратегии творческой деятельности, представленные в теории творчества В.А.Моляко [107], – комбинирования, аналогизирования, реконструкции, универсальная, спонтанная стратегия.

В ходе проведения этого этапа работы происходит мотивационное возвышение личности клиента – посредством изменения, переоценки его мировоззренческих установок, смыслов, интересов, идеалов. При этом возможно использование приемов эмоционального заражения, внушения, прямое обращение к витальным ресурсам, инстинкту самосохранения суицидента, к

замене его застывших абстрактных мотивов более жизненными и т. д. Если клиент верующий человек, можно напомнить ему об отрицательном отношении церкви к самоубийству как посягательству на высший дар Бога – жизнь.

На **информационно-познавательном** этапе психолог предоставляет клиенту, в данном случае суициденту, с одной стороны, яркие образцы значимого витального поведения, жизнотворчества других людей, а, с другой стороны, побуждает его к самопознанию собственного жизненного потенциала, личностных свойств, ценных для него, окружающих и общества. При этом целесообразно осуществлять поиск данных качеств в подструктурах собственной личности, таких как: способность к межличностному общению; направленность интересов, влечений, намерений, занятий, хобби и т. д. ; черты характера (здесь продуктивность поиска может быть особенно высокой); самосознание, рефлексия, самопознание, саморегуляция, самоорганизация, самоактуализация, эмоциональная саморегуляция и т. п.; опыт – знания, умения, навыки, привычки, эмоциональные стереотипы, стиль деятельности и др.; интеллектуальные способности – внимание, память, чувства, восприятие, мышление, воображение – в их ценностных разновидностях, например, эстетическое восприятие мира, сенсорная культура, системное мышление, творческое воображение (фантазия) и т. п.; психофизиологические свойства, в частности, положительные качества присущего клиенту типа темперамента и т. д.

На этом этапе познавательного возвышения следует подать суициденту интенсивный информационно-ценностный сигнал о подлинной значимости свойств юной личности, особенно – в их восприятии окружающими как уникальных в определенном отношении ценностей. Здесь, при информационном возвышении личностных качеств суицидента, целесообразно использовать аксиологические возможности рациональной психотерапии и предоставить статус ценности отдельным свойствам суицидента и его личности в целом. Полезными могут быть информационно-познавательные элементы психоанализа и других психотерапий. Аксиологический сигнал может иметь различную форму – ценностного анализа и оценки, похвалы, призыва, утверждения, убеждения,

совета, рекомендации и т. д. На данном этапе продолжается укрепление и развитие смысла жизни в его информационно-познавательной форме и намечается переход к следующему, целеобразующему этапу.

Психолог должен опираться при этом на имеющиеся у него психодиагностические данные о суициденте, которые объективно характеризуют его способность к общению, актуальные мотивы и интересы, черты характера, самосознание, опыт (в том числе и высокую академическую успеваемость в целом или по отдельным предметами), интеллектуальные способности (особенно – данные об отнесении суицидента к числу интеллектуально способных или даже одаренных учеников), психофизиологические качества и обязательно – о типе его темперамента.

Анализ и презентация клиенту психодиагностических тестовых данных о его личности следует обязательно начинать с наиболее успешных, позитивных характеристик личности, акцентируя их, а отрицательные оставить в тени, рассматривать их как «дискуссионные», «проблемные» и т. д.

На **целеформирующем** этапе нужно осуществить попытку интенционального возвышения личности клиента путем переключения внимания суицидента на новые цели, на закрепление интенциональных достижений предыдущих этапов путем актуализации старых или формирование новых личностно значимых смыслов, целей, планов, программ, проектов и их аксиологизации.

При этом следует отталкиваться от наиболее ценных мотивационных свойств личности суицидента и опираться на стратегии поиска ним смысла жизни, которые были осознаны на предыдущих этапах работы. При постановке новых целей, задач сама личность суицидента должна выступать не столько как средство для кого-то, сколько как собственная «вершинная» цель для себя самой, как важная перспектива всей своей жизни. Полезным здесь может стать обсуждение философии альтруистического эгоизма (эгоистического альтруизма) Г.Селье. Но главным следует считать выход диалога между психологом и клиентом на уровень конкретного плана действий, его обсуждение,

акцентирование на ценности личности как определяющего фактора формирования и выполнения этого плана. Личность суицидента превращается в цель и одновременно – в средство ее достижения, то есть в субъект самосозидания, самосовершенствования.

Особенно эффективным может стать привлечение клиента к составлению и выполнению определенного проекта, суть которого должна вытекать из имеющихся у него исключительных положительных свойств личности – в подструктурах общения, направленности, черт характера, самосознания, опыта, интеллекта, психофизиологических качеств. Это может быть духовный, нравственный, эстетический, научно-технический, экономический, гуманитарный, культурный и т. п. проект. Главное, чтобы для подростка открылся путь к самоактуализации и акмеологизации, а через них – к утверждению ценности своей личности в глазах окружающих, школы, общества, самого себя. Этому может способствовать проектирование вершинных, акмеологических ситуаций в жизни клиента.

В данном случае футурогенного, интенционального возвышения личности можно использовать систему А.С.Макаренка по целеполаганию на перспективы разного уровня – завтрашней радости, среднюю и отдаленную перспективу. Будущее должно активизировать, привлекать, тянуть к себе ученика, показывать ему, убеждать его в том, что он нужен жизни, обществу, людям, самому себе. При этом следует нацеливать ребенка на достижение конкретных личностно значимых результатов собственной деятельности. На этом этапе можно опираться на главный принцип педагогической системы А.С.Макаренка – «максимальное уважение личности и максимальная требовательность к ней».

На **операционно-результативном этапе** осуществляется реализация обсужденных и принятых ранее смыслов, мотивов, интересов, замыслов, намерений, целей, планов, программ и проектов, их воплощение в практических достижениях суицидента, в его успехах, то есть путем праксеологического возвышения. В этой связи, полезным может стать литературный проект – поэтический, прозаический, даже «дневниковый» – с помощью которого

осуществляются и фиксируются в словесной, письменной форме сознательные жизненные интенции суицидента. Осуществляя ежедневные записи, он получает рефлексивную помощь так сказать сам от себя – когда обращается к своим записанным на бумаге животворным идеям, накапливает, концентрирует вокруг них свои новые мысли о ценности своей жизни и личности. Последняя, обращаясь к развернутым во времени продуктам своего жизнетворчества, а это не столько литературное, сколько мировоззренческое, философское, психологическое, экзистенциальное творчество, – укрепляет свои жизненные силы, противостоящие суицидальным тенденциям. Весьма стабилизирующими, жизнеутверждающими могут выступать мысли о бессмертии личности (по Н.Я.Гроту, В.М.Бехтереву, А.В.Петровскому), о бессмертии души (в религиозном толковании).

Полезной в этом же плане может стать ориентация внимания суицидента на возможности повышения уровня академической успеваемости. Для быстрого роста успешности обучения можно провести с учеником интенсивное консультативно-тренинговое занятие, сценарий которого разработан для условий обучения в гимназии в исследовании Т.В.Кабыш-Рыбалки, осуществленном под нашим научным руководством [70]. Полученная в ходе такого занятия интенсивная психолого-педагогическая помощь может заметно поднять среднюю оценку ученика по учебным предметам на 1-2 балла, что будет ощущаться им как успех, победа, а это повысит самооценку его личности.

На **эмоционально-чувственном этапе**, который можно назвать мегаэтапом, поскольку он пронизывает весь процесс психотерапии и обеспечивает эмоциональное, чувственное возвышение ценности личности, главными являются положительные атракционные чувства – симпатии, эмпатии, чувство любви, дружбы, уважения к клиенту и т. д. Они должны быть естественными, учитывая негативный контекст и утонченный характер суицидальной ситуации. Эмоционально окрашенный интерес к суициденту должен постепенно перерастать в чувство уважения, искренней симпатии, дружбы, любви – в зависимости от особенностей развертывания диалога. Ведь

любовь, в ее общечеловеческом, платоническом и религиозном виде, является наиболее действенным средством возвышения ценности жизни человека, личности, ее «Я». В этом плане можно использовать различные формы признания в симпатии, дружбе и любви, конечно, зная естественную меру, избегая искусственных псевдоочувств. А это требует от психотерапевта способности к эмпатии и выступает для него как экзамен на искренность, человечность, гуманизм.

В позитивно-эмоционально окрашенном диалоге, подчеркнем, должны преобладать искренние, адекватные к суицидальной ситуации эмоции и чувства, которые способствуют закреплению всех достижений аксиопсихотерапии – именно путем их позитивно-эмоционального утверждения.

Можно также попытаться научить суицидента приемам эмоциональной саморегуляции, естественно переходя от нее к личностной саморегуляции. В этом отношении могут быть полезны определенные формулы самовнушения, аутогенной тренировки, тот же тренинг уверенного поведения. Для верующих можно рекомендовать определенные молитвы, которые возносят ценность личности на божественную высоту.

Особенно ценными на этом этапе предстают чувства вдохновения, восторга и удовлетворения от успешных результатов учебы, продуктивного, творческого труда с его известным психотерапевтическим эффектом. Важными для теперь уже бывшего суицидента должны стать чувство оптимизма, доброе настроение, уверенный взгляд на будущее. С помощью эмоциональной поддержки и чувственного возвышения подростка, юноши повышается его витальность, он превращается из объекта случайных воздействий в полноценного субъекта нормальной жизни с позитивным жизненным тонусом.

На **посттерапевтическом этапе** заканчивается активная психотерапия и осуществляется сначала относительно регулярный, а позже эпизодический мониторинг, «пунктирное» психологическое сопровождение, положительная оценка и поддержка нормального экзистенциального состояния бывшего суицидента. Время от времени осуществляются спонтанные встречи и текущие

акты поддержки жизненных, семейных, профессиональных успехов человека, укрепление его воли к жизни.

При этом следует отметить, что полная, развернутая схема психотерапии этого направления может использоваться только тогда, когда психолог имеет резерв времени, работает с трудными суицидальными случаями. В большинстве же других ситуаций предложенную схему психотерапии можно использовать фрагментарно или применять ее дух, идею, принципиальные положения.

Третье, генетическое направление аксиопсихотерапии должно опираться на возрастные, развивающие особенности клиента и учитывать их при проведении психотерапий первого и второго направлений. Мы уже останавливались на этом, сейчас же можем добавить к сказанному о необходимости учета задатков (например, все того же темперамента) при формировании способностей личности, о воспитуемости и обучаемости как факторах изменчивости личности и ее выхода из состояния унижения и перехода в нормальное и возвышенное аксиологическое состояние.

Конечно, данная аксиопсихотерапия во трех указанных ее направлениях не претендует на решение всех видов суицидальных проблем, она наиболее эффективна там, где среди основных причин суицидального поведения доминирует именно обесценивание личности, резкое падение самооценки, чувство неполноценности подростка и т. д. Более полно мероприятия по психологической профилактике суицидальных тенденций проблемной личности изложены в нашей работе [140].

Приведем два примера использования автором данной аксиопсихотерапии при проведении практических мероприятий по спасению жизни суицидента и помощи глубоко униженному, оскорбленному человеку, который в качестве мести за унижение собственного достоинства обдумывал летальный для обидчика и себя вариант поведения.

Первый случай произошел в конце 1990-х годов, когда нам пришлось преподавать спецкурс психологии в 10-м классе одного из киевских лицеев. Среди моих учеников выделялась влюбленная пара красивых, умных,

ангелоподобных лицеистов – юноша А. и девушка Л. С приближением весны все более романтичными, откровенными становились проявления их любви и иногда приходилось закрывать глаза на их любование друг другом, обнимания, даже поцелуи на уроках. Так же, как и я, вели себя и их одноклассники – кто-то из них радовался этой любви, а кто-то завидовал, но все понимали и адекватно воспринимали эту ситуацию, ожидая объявления свадьбы – если не летом, то через год.

Закончился 10-й класс, подошли и пролетели каникулы... В октябре я должен был продолжить спецкурс в этом же классе, но когда в сентябре я подошел к директору лицея, то не смог не заметить тревоги в его глазах. Он отослал меня к завучу и уважаемая В.П., куратор этого класса, с беспокойством сообщила мне, что у них в лицее горе, несчастье, поскольку Л. предупредила подруг, что собирается... покончить с жизнью. Выяснилось, что летом мама А. категорически запретила ему встречаться с Л. Более того, ему было предложено жениться на другой молодой женщине. В их семье слово матери было законом и А. разорвал все отношения с Л. Естественно, что для нее это стало катастрофой юных надежд, планов начинающейся взрослой жизни. К этому добавилось еще и общественное мнение, сформировавшееся в предыдущий период восприятия сверстниками и педагогами любовных отношений юноши и девушки, для которых это было, как выяснилось, первой любовью. Можно представить себе всю глубину психотравмы униженной, отвергнутой девушки.

В.П. сообщила мне, что Л. не хочет ни с кем разговаривать и обсуждать свои суицидальные планы, кроме подруги и... психолога. Именно в этот момент я почувствовал правильность своей стратегии работы в лицее, в основу которой, на первое место я всегда ставил интересы ученика, абсолютную конфиденциальность моих отношений с ним. От этого страдал иногда и директор лицея, уважаемый Н.Н. Но я никогда не предавал, не унижал детей, наоборот, старался возносить ценность их личности, их одаренность и достоинство. И то, что меня выбрала для разговора в критический момент своей жизни юное создание, стало для меня знаковым событием.

Состоялось несколько бесед с Л. Я с самого начала придерживался подчеркнуто уважительного отношения к ее выбору. Я пытался понять ее состояние, с вниманием и уважением выслушивал ее откровения. В определенный момент нашего общения я начал процесс возвышения личностной ценности Л. Во-первых, наибольшую ценность в данный момент представляло униженное другими чувство любви девушки, потерявшей предмет этого чувства. Поэтому постепенно я убедил Л., что на месте А. могли и желали быть (по моим конфиденциальным данным) и другие ребята как из этого, так и из другого класса. Постепенно девушка оттаяла, у нее появился интерес к себе как к центру любви. Не скрою, что в один из моментов я лично признался Л. в любви, видя, что вызываю у девушки определенный интерес к себе. Но мы вынуждены были согласиться друг с другом, что мои годы и состояние (жена, сын, две дочери) не дают нам шансов на взаимность. Однако, именно обсуждение этого фантастического варианта дало много – девушка поняла, что в подобное, как и в ее случае, положение могут иногда попадать и другие люди, но найти достойный выход из ситуации.

Договорились, что такие жизненно важные чувственные ситуации, как любовь и замужество, все же можно и следует отложить на несколько лет, окончить школу, поступить в университет. Я предложил Л. принять активное участие в литературном проекте класса, выразить в стихах и прозе свои юные чувства, что она и сделала, став автором и литературным редактором классной книги учеников «Наши мысли о главном и вечном». Когда на выпускном вечере учителя и родители читали эту книгу, не один из них удивленно, с восторгом воспринимал строки Л. о любви. Даже мать А. в разговоре со мной искренне пожалела о том, что своевременно не заметила красоты души Л.

Промелькнуло несколько лет. Случилось так, как мы рассуждали с Л. в те драматические дни. В университете в нее влюбились несколько замечательных студентов, но она тактично отдала предпочтение одному из них, о чем и сообщила мне на случайной бурной встрече в лицее. Жизнь кипела в ее глазах, было приятно и мне, и ученикам, и учителям...

Второй случай произошел несколько лет назад с нашим знакомым, мужчиной в возрасте 51 года, сельским самородком, не имевшим высшего образования, А.Н., который лет десять тому назад прикрепился к нашему институтскому отделу – с просьбой поддержать его своеобразное творчество, которое заключалось в генерировании так называемых «золотых вопросов» в различных сферах жизни. За время нашего знакомства он подарил сотрудникам отдела несколько брошюр с одним и тем же названием «Золотые вопросы». Мы поддержали его и по нашему совету он, как современный Сократ или Григорий Сковорода, начал ходить по фирмам, банкам, институтам, редакциям, редколлегиям – с предложением составить вопросы по определенным производственным рубрикам. В большинстве учреждений на него не обращали внимания, даже «гнали с порога», но за несколько лет он все же нашел заинтересованных людей, некоторые из них платили ему немалые деньги за эти вопросы. Как-то даже вышла наша совместная с А.Н. статья по методике генерирования вопросов, затем появилась его солидная брошюра «Золотые вопросы» с такими рубриками как: 1. Вопросы – самое большое чудо? 2. Интересен ли человеку человек? Оправдается ли правда? Совесть – лучший контролер? Труд – символ бессмертия? Деньги – добро или зло? Мобилка – надолго ли? Моделирование – конструирование конца света?

Однажды, несколько лет тому назад, в середине октября он зашел к нам в отдел и снова, уже в сотый раз стал убеждать нас в том, что «золотые вопросы» могут улучшить нашу жизнь и перевернуть мир». Вечером того же дня он вернулся в свое село неподалеку от Киева, в холодную, нетопленную хату...

Утром он внезапно позвонил мне и тревожным голосом, прерывающимся рыданиями, сообщил следующее. Передаю наш диалог:

- В.В., я сегодня не спал, проплакал всю ночь и обращаюсь к вам за помощью, потому что мне не хочется жить!

- Что случилось, уважаемый А.Н.?

- Вчера, когда я возвращался на маршрутном автобусе домой, ко мне пристал мой сосед по улице и на весь автобус начал позорить меня перед

людьми. Он громко кричал, обвиняя меня в том, что я что-то «накапливаю, прячу» от людей. Что я никому не нужен, живу бобылем-одиночкой, женщины меня не любят и бросают меня, потому что я болен и не могу их обеспечить деньгами... А потом подошел ближе и начал хватать меня за нос и уши, бить и ругаться матом. Я ничего не мог сделать от обиды и стыда, поскольку он унизил меня перед людьми. Я пришел весь в слезах домой, лег в холодную постель и начал рыдать и повторять его обиды. Утром я решил поквитаться со своим обидчиком и положить конец своей никому не нужной жизни...

- А.Н., прошу Вас, прежде всего, успокоиться и сказать мне, хотите ли Вы получить от меня помощь и изменить ситуацию к лучшему?

- Хочу, но не знаю, можно ли это сделать в данном случае?

- Для этого необходимо кое-что изменить в своих мыслях и поведении относительно окружающих. Сможете ли Вы попытаться это сделать?

- Попробую, хотя и не очень верю в это.

- Скажите, пожалуйста, есть ли хоть одна толика правды в том, что говорил ваш сосед в автобусе?

- Нет, там была только ложь и оскорбление, хотя нет...

- Так, так, давайте разберем все по порядку. Он сказал, что Вы что-то копите и прячете от людей, так ли это?

- Ничего я не коплю, хотя, может быть, что-то в этом есть...

- Итак, давайте выясним это более точно. Скажите, из имеющихся у Вас книг «Золотые вопросы», много ли осталось от полного тиража в 1000 экземпляров?

- Да, их осталось больше двухсот.

- Так, может быть, именно это имел в виду Ваш сосед и тогда следует признать, что он был прав в своем утверждении, хотя и выражал это в оскорбительной для Вас форме?

- Да, он был прав...

- А не был ли он прав, когда говорил о Ваших болезнях?

- Да, хотя это мне неприятно, но он и в этом плане был прав...

- А не знает ли все село, что от Вас ушла жена – потому, что Вы не уделяли ей должного внимания из-за увлечения своими «Золотыми вопросами» и брошюрами?

- Да, все село об этом знает...

- И не секрет ли, что после смерти Вашей мамы, царство ей небесное, еще одна женщина не прижилась у Вас дома?

- Да и об этом все знают...

- Так правы ли Вы, когда так сильно обижаетесь на человека, который сказал Вам правду, и можно ли желать ему смерти, как Вы сказали об этом в начале нашего разговора?

- Нет, пожалуй я был неправ в этом, но что из этого следует? Все равно он мне враг.

- Давайте подумаем вместе, нужен ли Вам такой враг? Можно ли его превратить в друга, просто хорошего соседа, которого не следует бояться от того, что он Вам может сжечь дом?

- А как это сделать, я не хочу иметь врага и сам быть ему врагом...

- Вы верующий человек?

- Да.

- Ходите на богослужение в церковь?

- Да.

- А можете ли, как православный христианин, пойти к соседу и сделать то, что соответствует церковным канонам?

- Могу, но что нужно сделать?

- Вы можете взять свои «Золотые вопросы» и подарить хотя бы одну брошюру Вашему соседу, а также извиниться перед ним за то, что вовремя не сделали это?

- Да, могу...

- А можете попросить прощения перед Богом и перед соседом за то, что приняли его слова за ложь и оскорбление и пожелали ему зло?

- Могу, и я это сделаю сейчас же...

- А как Вы себя сейчас чувствуете?

- Значительно лучше, В.В., я побежал мириться с соседом.

- Добавьте к книге еще 5 гривен на свечи за здоровье соседа, его родителей, мое и свое, за упокой своей мамы...

Вечером следующего дня А.Н. опять позвонил и извинился за то, что побеспокоил меня своей проблемой и договорился о следующей встрече. Он сообщил, что подарил свою книжку соседу, и хотя тот не проявил к ней особого интереса, однако был удивлен поступком своего соседа, которого таким еще никогда не видел.

Аксиопсихотерапия данного типа апробирована нами также для самоподдержки себя в период выхода на пенсию, когда возникла необходимость преодоления состояния знакомого почти всем начинающим пенсионерам унижения и депрессии. Я имел в этом случае довольно нелегкие драматические переживания и последствия для здоровья... Действенную помощь получили от меня на основе использования элементов данной психотерапии два клиента, униженные неконструктивными профессиональными отношениями с руководителями своих учреждений. Применение этой аксиопсихотерапии ослабило страдания нашей дорогой мамы в последние мучительные дни ее земной жизни и снизило патогенное влияние этого трагического события на родных и близких. Мы использовали элементы аксиологической психотерапии данного типа как вспомогательной при медицинском лечении онкологически больного человека, который в конце концов преодолел эту болезнь...

Предложенная аксиопсихотерапия выступает действенным культурно-психологическим и аксиопсихологическим средством возвращения и утверждения ценности личности, ее чести и достоинства, – в экстремальных, кризисных ситуациях ее унижения. Проблемная личность реабилитирует и стабилизирует с помощью подготовленного к этому практического психолога свой ценностный статус, целесообразно изменяя его от уровней аксиоцида и аксиодепрессии до уровней аксионормы-, аксиоцентра и аксионормы+.

Часть IV. «ВОЙНА И МИР ДОСТОИНСТВ»:
ОТ АКСИОПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПРОТИВОРЕЧИЙ И
КОНФЛИКТОВ К ВЗАИМОПОНИМАНИЮ И ТВОРЧЕСКОМУ
СОТРУДНИЧЕСТВУ ЛИЧНОСТЕЙ В ОБЩЕСТВЕ ЧЕСТИ И
ДОСТОИНСТВА КАЖДОГО ГРАЖДАНИНА

Аксиопсихологичный взгляд на межличностные отношения позволяет несколько по-иному понять мало осознаваемые до сих пор причины их негативного или положительного течения. Мы не намерены утверждать, что аксиопсихологический фактор выступает единственным источником "войны и мира" в человеческом сообществе. Есть много разных причин. Однако, хотим обратить внимание специалистов на такой, очень важный их фактор, как аксиопсихологические противоречия и взаимопонимание между людьми с различными проявлениями и осознанием своей чести и достоинства и других людей. После того, как это так ярко изобразил Ф.М.Достоевский в своих произведениях "Село Степанчиково", "Униженные и оскорбленные", «Бесы», "Братья Карамазовы", "Кроткая", на этот фактор нельзя закрывать глаза.

Заметим, что именно эту аксиопсихологическую составляющую цивилизационных конфликтов изображает, по нашему убеждению, в своих произведениях, особенно в романе "Война и мир", другой классик мировой литературы – Л.Н.Толстой. Показательными в этом отношении оказываются последние годы жизни этого представителя благородного дворянского рода, графа, когда он совершил громкую попытку приближения собственного "высшего" статуса к "низшему" состоянию крестьянского большинства России. Тем самым он подал пример всему высокомерному российскому "олимпийству", на что последнее не обратило серьезного внимания, напротив, сделало предметом надменного иронизирования, остракизма. А зря – всего через несколько лет после смерти великого писателя-философа в 1911 году это надменное "олимпийство" было почти полностью уничтожено, сметено со всей

территории страны, где проживал тотально униженный народ. Амбициозность, надменность, тщеславие, высокомерие высшего света России отняли у него способность трезво посмотреть на реальное соотношение достоинства и чести чрезмерно возвышенной, бесноватой верхушки (прослойки верховенских – по прямой подсказке Ф.М.Достоевского в "Бесах") и предельно униженного, оскорбленного, травмированного народа, загнанного властным превосходством господ в подполье...

Художественного изображения и мнения о смертельной опасности угрозы со стороны длительного сосуществования враждебных друг другу достоинств властной верхушки и народного низа такими титанами мировой культуры, как Ф.М.Достоевский, Т.Г.Шевченко, И.Я.Франко, Л.Украинка, Л.Н.Толстой и тысячи других отечественных литераторов, философов, ученых, общественных деятелей – оказалось явно недостаточно для того, чтобы открыть глаза на надвигающуюся катастрофу. Мы уверены, что именно надменность, амбициозность, нарциссизм вельмож настолько помutilи их разум, способность к здравому смыслу, к осознанию реальных причин приближающейся и искусственно углубляемой тогдашней властью трагедии "униженного и оскорбленного" народа, которая разразилась в начале XX века в России двумя революциями и длилась десятилетия, распространяя свое катастрофическое влияние на весь мир.

При том, все могло бы быть иначе, учитывая хотя бы то обстоятельство, что именно граф-крестьянин Л.Н.Толстой создал философию мирного сопротивления низов высшему свету – путем так называемого непротивления злу насилеи. О действенности этого принципа свидетельствует тот факт, что через четыре десятилетия после смерти автора данной философии указанный принцип был успешно использован при освобождении великого индийского народа от колониального рабства...

Поэтому крайне необходимым является проведение именно аксиопсихологического анализа трагических событий в развитии отечественного общества и всей человеческой цивилизации, а потому – и в жизни каждой

личности как их социально-психолого-индивидуальной единицы. Мы делаем при этом акцент именно на аксиопсихологические факторы, не избегая при этом рассмотрения их взаимосвязи с аксиосоциальными и аксиоиндивидуальными и другими факторами.

Общей причиной указанных явлений «войны и мира чести и достоинства» в межличностном пространстве человечества мы считаем неравномерность и противоречивость процесса роста в условиях прогресса человеческой культуры ценности личности и недостаточно полное и глубокое осознание этой ценности в феноменах достоинства и чести.

Эта неравномерность закономерно приводит в современных условиях, при культивировании в обществе индивидуального и группового эгоизма, то есть индивидуализма и клановости, к политическому, социальному, сословному, классовому, экономическому, национальному, религиозному, экологическому и т. п. противостоянию уже в глобальном масштабе – между "золотым" миллиардом и шестью иными миллиардами жителей Земли, между политической, социальной, экономической, сословной "верхушкой" и народным "низом" человеческой цивилизации и т. д. А это, в свою очередь, снова вызывает обострение разногласий, их закрепление в сознании, укрепление и перерастание в разного рода противостояния, противоречия, политическую и психологическую борьбу, преступность, военные столкновения, терроризм и т. д.

Все это вызывает, с одной стороны, усиление властного доминирования элит, а с другой – угрозу его разрушения, ослабления путем энергичного побуждения подвластным сообществом власть имущих к ценностному равенству между ними.

Многочисленные исторические примеры и современная реальность аксиосоциального, аксиопсихологического и аксиоиндивидуального противостояния имеет одну и ту же сущность – борьбу за освобождение униженного широкого сообщества от угнетения и доминирования со стороны слишком возвышенных узких общественных слоев. Это противостояние и борьба получают все большую поддержку со стороны продекларированных идей

демократии относительно свободы и прав, справедливости, равенства, братства и т. п., которые постепенно закрепляются в национальных и международном законодательстве и последовательно воплощаются в жизнь.

Следует еще раз подчеркнуть, что причины большинства международных, гражданских, межгрупповых и межличностных конфликтов имеет открытый, но, несмотря на это, трудно осознаваемый аксиологический социально-психолого-индивидуальный характер. Мы уже демонстрировали действие этих причин на многочисленных примерах, в частности – на примере оценки причин возникновения первой и второй мировой войны, социального переворота в России (то есть коренного изменения ценностной пирамиды общества), гражданской войны и настоящей внутренней репрессивной, аксиопсихологической по своим мотивам, войны со стороны одной политической (большевистской) партии против тех представителей народа, которые огульно причислялись к сторонникам бывшей верхушки России. Часто такая «революционная» борьба базировалась на специально культивируемых эмоциях зависти, ненависти, мести одного, униженного ранее класса, по отношению к другому, возвышенному властному классу.

Лозунги большинства социальных движений, например, такой как "Свобода, равенство, братство!", как раз и предусматривает решение указанных аксиосоциальных, аксиопсихологических и аксиоиндивидуальных проблем, конфликтов между "высшими" и "низшими", "достойными" и "недостойными", "честными" и "бесчестными". Именно этот аксиологический характер указанных проблем определяет направленность борьбы в защиту от унижения одних низших слоев высшими слоями общества (освободительные, революционные, гражданские, повстанческие, репрессивные, террористические войны низших классов против высших). Даже тогда, когда речь идет о «контрреволюционных выступлениях», то фактически речь идет о борьбе за возвращение возвышенного состояния одних слоев общества и утверждения такого их состояния над другими униженными его прослойками – путем подавления их протестов и восстаний (понятие "восстать", если вдуматься в его смысл, имеет в своей основе

значение "возвышение униженного"). Это фактически бесконечная борьба за социальное, экономическое, национальное, религиозное, психологическое «дигнилофильное» равенство, которое выступает основой справедливости.

И вместе с тем – это часто фактически снова и снова борьба за утверждение культа личности мессии и ее субкультурного элитарного окружения, если речь идет о «капиталистическом», «социалистическом» или «коммунистическом» способе решения проблемы. Это, уже в "свободном", «демократическом» обществе, противостояние власти и оппозиции, кандидатов от разных партий в ходе «всенародных» выборов на руководящие должности. Эти выборы имеют своей очевидной основой сознательную технологию возвышения чести и достоинства одного кандидата и унижения чести и достоинства другого кандидата и т. д. И в случае победы одного из лидеров, возвышенным будет его электорат, а униженным – электорат его конкурента. В аксиопсихологически неотработанных вариантах протекания такой политико-электоральной борьбы следует ожидать поочередного унижения и возвышения на основе реванша и бесконечного продолжения борьбы чести и достоинства между лидерами таких гонок и их сторонниками.

В этой связи, очевидна потребность в лидере, который мог бы выполнять общественную функцию аксиологического «генератора» паритетности чести и достоинства всех граждан, "двигателя" уравнивающего ценностного процесса, медиатора чести и достоинства в масштабе всего общества, и ни в коем случае – "бойца", воинствующего «рыцаря чести и достоинства» в борьбе одной, уже партийной, прослойки против других слоев общества, «возбудителя» и провокатора аксиологических противоречий, конфликтов и войн, «тормоза» общественного паритетного аксиологического движения.

Настоящий лидер должен действовать вместе со своей командой, в направлении аксиосоциального, аксиопсихологического, аксиоиндивидуального прогресса (а не регресса), уравнивания (а не дестабилизации), интеграции (а не дифференциации и противостояния) аксиопсихологических потенциалов общества, личности, индивида. Властная группировка общества должна быть

образцовой в высшем духовном – моральном, эстетическом и интеллектуальном – плане, отвечать кодексу чести и достоинства общества и каждого его гражданина и наоборот.

Подчеркнем еще раз то обстоятельство, что общественный потенциал ценности личностей, их достоинства и чести, в процветающем обществе, как правило, распределяется равномернее и гармоничнее среди его членов, чем в неблагополучных обществах. Последние характеризуются искаженным, неравномерным, дисгармоничным характером распределения аксиопсихологических потенциалов чести и достоинства между его гражданами. Картина такого распределения осложняется также еще и мало контролируемыми и недостаточно понятными процессами общественного и личностного аксиологического сознания, в условиях функционирования которого происходит искусственное преувеличение или преуменьшение, чрезмерное возвышение или унижение разных слоев общества и его членов политическими, экономическими и другими средствами,

Продление действия указанных аксиосоциальных и аксиопсихологических традиций непрерывно воспроизводит губительные условия и провоцирует повторение аксиологических конфликтов в обществе, группах и межличностных отношениях, что, в ситуации интенсивного социального, научно-технического, информационного развития общества, увеличивает риск повторения уже знакомых и появления принципиально новых масштабных аксиологических угроз цивилизации.

Мы можем выделить многочисленные и разнообразные формы противоречий и конфликтов, которые известны каждому человеку – ссора, скандал, разрыв дружеских отношений, развод супругов, ругань, драка, преступление, убийство, война, дуэль – каждая из этих форм, при внешнем своеобразии, имеет много общего именно во внутреннем аксиопсихологическом плане. Это по своей природе аксиоинтераутопсихологические противоречия, межличностные и внутриличностные войны чести и достоинства.

Согласно нашей концепции, острота аксиопсихологического противоречия, конфликта или войны зависит от того, в каком диапазоне аксиогенеза личности находятся партнеры аксиоинтераутопсихологической деятельности. Наиболее острая ситуация возникает тогда, когда они занимают крайние диапазоны – "аксиокульту" и "аксиоцида", когда компромисс между ними почти невозможен. Такой компромисс может быть достигнут в том случае, когда аксиопсихологические различия становятся значительно меньше, то есть происходят, например, в диапазоне «аксионорма+ – аксионорма-» или «аксиовосход – аксиопад».

Однако, природа аксиопсихологической войны определяется не только противоположно действующими процессами возвышения-унижения. Распространенными являются также аксиоинтераутопсихологические конфликты между примерно одинаково возвышенными или униженными личностями одного, так сказать, ранга. Данные конфликты объясняются так называемыми субъективными аксиологическими претензиями, ожиданиями со стороны одной личности относительно признания другими своей чести и достоинства более высокими, что выходит за пределы объективно возможного. Ведь часто бывает так, что человек чести и достоинства, который внес заметный творческий вклад в культуру, общественное благополучие, имеет право на более высокое признание, одобрение, награду, духовную и материальную, но в условиях действия принципа равенства или искусственного нивелирования он может чувствовать себя униженным из-за отсутствия такой награды. Однако это не единственный вариант осуществления данного противоречивого процесса.

Течение аксиоинтераутопсихологического противоречия (войны) или согласия (мира) зависит от духовных, то есть моральных (добро-зло), эстетических (прекрасное-уродливое) и интеллектуальных (истина-ложь) основ жизни личности, которые определяют особенности проявления компонентов аксиоинтераутопсихологической деятельности: потребностно-мотивационного, информационно-познавательного, целеобразующего, инструментально-результативного, эмоционально-чувственного.

Личность чести и достоинства чувствительна к обидам и подозрениям, к насмешкам и несправедливости, к обвинениям и зависти и т. д. Она вынуждена в этих ситуациях защищать себя и поэтому в определенных случаях сама объявляет войну безчестию и недостойности. Именно это продемонстрировала дуэль и смерть А.С.Пушкина, которой поэт защищал от недостойной клеветы честь своей жены.

Дуэль оказалась самой известной и отработанной в обществе формой смертельной борьбы с целью защиты чести и достоинства личности. Рядом с ней существуют и другие формы отстаивания своей ценности, значимости, чести и достоинства, так сказать, менее кровавого масштаба, но с не меньшими угрозами для здоровья и жизни достойного человека. К таковым можно отнести, например, отпор достойными людьми публичных обвинений в недостойных поступках, особенно, когда такие наветы заранее готовятся, неожиданно выдвигаются низкими людьми и имеют общественный резонанс. Для человека чести и достоинства, даже если указанные обвинения не имеют никаких оснований под собой и решительно отвергаются, могут стать причиной острых переживаний, дистресса, обострения болезней, сердечных приступов, инсультов, а иногда и потери жизни как следствия подобного события. Такой ужасной бывает цена «войны достоинств», об этой цене знают и на нее рассчитывают негодяи, сознательно используя разнообразные средства унижения личности, ее чести и достоинства.

К сожалению, подобные войны могут приобретать массовый характер и вызывать необратимые потери здоровья и жизни многих и многих достойных членов общества. Это особенно относится, как это ни парадоксально, к тем людям высокой чести и достоинства, которые берут на себя всю тяжесть социального, нравственного, эстетического, научного, технического прогресса.

Еще одной из форм, так сказать, подпольной войны достоинств является уход указанной творческой прослойки в тень общественного непризнания и сосуществования с многочисленной массой посредственностей, по общеизвестному принципу «не высовывайся», который действует во всех

обществах и странах. Даже в добропорядочной и креативной Японии он имеет воинственную форму принципа «забивания выступающего гвоздя», У посредственностей возникает сложный комплекс зависти и желания мстительных действий, который может мотивировать агрессивные реакции в отношении творческой личности, направленные на ее унижение до уровня посредственности. Только это, если не больше, может временно успокоить посредственность.

Вместе с тем, в случае аксиоинтераутопсихологической войны между возвышенной творческой личностью и произвольно униженной ею посредственностью первая должна понять тот внутренний дискомфорт последней, который мотивирует стремление принизить личность чести и достоинства до своего уровня и тем самым уравновесить ситуацию. Как это ни странно, одним из выходов из такой ситуации может быть извинение и прощение такой личностью посредственностей (а их бывает, как правило, достаточно много вокруг творческой личности), чтобы успокоить их и прекратить аксиопсихологические атаки с их стороны.

Особой формой аксиопсихологической войны является борьба за власть, которая поднимает властную личность на высший уровень признания ценности человека, на уровень аксиокульта. Как уже указывалось, даже в демократических обществах, особенно молодых, противостояние достоинств закономерно выступает, например, в виде знакомой избирателям «войны компроматов», взаимных обвинений, открытого унижения соперника в борьбе за власть, распространения лжи, втягивания в такую войну достоинств («кто лучше», «кто ценнее») за собственные властные интересы широких кругов граждан. После «демократических» выборов, как свидетельствует история, может провоцироваться их противопоставление друг другу, которое увеличивает риск сползания от «холодной» к «горячей» гражданской войне и т. д. И пример некоторых развивающихся стран свидетельствует об этом. Такие аксиопсихологические войны в своей «холодной» или «горячей» форме могут длиться десятилетиями.

Психологические механизмы таких аксиопсихологических конфликтов могут быть объяснены следующим образом.

Это либо сведение ценности партнера в одну утилитарную усредненную и поэтому безопасную для собственного самолюбия плоскость (тогда как ценность, честь и достоинство каждой личности неповторима и уникальна), или самовозвышение собственного достоинства и выдвижение претензий к партнеру относительно недостойных действий по чествованию своей возвышенной самооценности. Это зависть к слишком возвышенной чести другого в условиях «конституционально равных», паритетных, особенно в условиях дружеских или брачных отношений, и «справедливые» в этом плане действия по уравнивающему унижению чести и достоинства такой чересчур возвышенной над собою личности партнера. В целом, в процессуальном плане можно свести большинство вариантов возникновения аксиопсихологических противоречий чести и достоинства к действию четырех выделенных нами в первой части пособия стратегий (№1, №2, №4 и №5) аксиоинтераутопсихологической деятельности – в их крайнем резком и дестабилизирующем исполнении.

Аксиопсихологические споры, конфликты и войны (кто выше и важнее) могут осуществляться в скрытой и открытой форме, бурно или медленно, с проявлениями явной враждебности или сдержанности, ненависти и зависти, непримиримости и «принципиальности», что может заметно осложнить их ход. Если не удастся перевести эти противоречия в мирное русло, то результатом таких войн становится сокрушительное унижение одной стороны другой, уничтожение аксиопсихологического статуса одного партнера другим, подъем и закрепление аксиопсихологического статуса победителя на уровне аксиолерата или аксиокульта, и, напротив, падение статуса побежденного до уровня аксиодепрессии или аксиоцида и установление такого динамического противоречивого сосуществования личностей. В тактическом плане такая ситуация может длиться бесконечно, но в стратегическом плане она обязательно должна быть разряжена. Об этом свидетельствует как исторический опыт, так и

повседневная жизнь, которая была так ярко описана в художественных произведениях Ф.М.Достоевского.

Вышесказанное свидетельствует о том, что в условиях общества и даже цивилизации существует определенная социальная и психологическая аксиодинамика чести и достоинства личности, объединений личностей, обществ и народов, которая соответствует законам диалектики и должна быть значительно лучше изучена философами, социологами, психологами, политологами, педагогами.

Мы можем определенным образом формализовать понимание действия указанных механизмов, исходя из схематической модели колебания ценности и самооценности личности в их осознании и переживании личностью в форме чести и достоинства. Для этого следует ввести понятие объекта (аксидента) и субъекта (аксиатора) процесса подъема и понижения ценности, чести и достоинства личности на каждом из диапазонов всей указанной шкалы. Для обозначения объектов, носителей определенного аксиопсихологического статуса, собственно аксидантов, используется суффикс «-ант», а субъектов определенного аксиопсихологического влияния, то есть аксиаторов – суффикс «-атор». Тогда аксиданты и аксиаторы аксиоинтераутопсихологической деятельности могут быть представлены в пределах каждого из указанных диапазонов следующим образом:

Аксиокультиданты и аксиокультидаторы,

Аксиолеранты и аксиолераторы,

Аксиовосходанты и аксиовосходаторы,

Аксионорманты⁺ и аксионорматоры⁺,

Аксиоцентранты и аксиоцентраторы,

Аксионорманты⁻ и аксионорматоры⁻,

Аксиопаданты и аксиопадаторы,

Аксиодепрессанты и аксиодепрессаторы,

Аксиоциданты и аксиоцидаторы.

Характер и интенсивность самого аксиопсихологического влияния или взаимовлияния обозначаются нами определенным знаком и его длиной. Например, знаком «----» показывается отсутствие какого-либо аксиопсихологического действия, индифферентность в отношениях между аксидантами, состояние отношений типа «ни войны, ни мира». Знаки «←» и «→» обозначают определенное влияние аксидатора на аксиданта или наоборот, тогда как знаки «↑» или «↓» демонстрируют возвышение или унижения аксидатором аксиданта. Знаком «↔» мы обозначаем встречные взаимовлияния между аксидаторами, которые могут привести к аксиопсихологическим противоречиям, конфликтам и настоящим войнам достоинств между личностями. Уравновешивающее влияние, которое приводит к аксиопсихологическому балансу, паритету, согласию и миру, обозначается нами знаком «=».

Как видно из приведенного перечня символических средств формализации, теоретически могут существовать многочисленные варианты аксиоинтераутопсихологических действий и деятельностей, среди которых собственно мирные варианты номинально занимают незначительное место, но к этим вариантам следует стремиться. Это особенно касается практических психологов, занимающихся проблемами чести и достоинства личности. Для них уравновешивание чести и достоинства клиентов, установление отношений согласия, мирного их аксиопсихологического сосуществования выступает главной стратегией профессиональной деятельности.

Каковы же пути преодоления такого аксиопсихологического бедствия, каким является «война достоинств»?

Один из них заключается в переводе воинственной аксиоинтераутопсихологической конфронтации в цивилизованные формы соревнования, честной конкуренции, компромисса, сотрудничества и т. п. Определенный обнадеживающий опыт такого варианта сосуществования демонстрирует спорт с его четкими правилами соревнования и олимпийскими принципами. Кстати, именно в этом уравновешивающем аксиопсихологическом

опыте издавна заключается огромное значение спорта для цивилизации, для установления норм мирного сосуществования достоинств. В этом мы усматриваем смысл, необходимость массового спорта для общества, именно это оправдывает широкую презентацию спорта в средствах массовой информации. Можно утверждать, что спорт умирляет воинственных рыцарей чести и достоинства и переводит острые аксиопсихологические противоречия именно в мирное русло. В отличие от спорта, в большинстве других видов деятельности аксиопсихологические противоречия не учитываются должным образом обществом, часто остаются скрытыми по своим истокам, хотя и могут экспрессивно проявляться в своем течении и последствиях. На межличностном уровне они могут перейти в патопсихологическую форму, которая может быть снята соответствующей психотерапией. В некоторых острых, не переработанных социально-психологической службой и другими институтами общества случаях такие аксиоинтераутопсихологические противоречия могут перейти в девиантную и криминальную форму правонарушений, разбоя, убийств. На общественном, государственном и межгосударственном уровне аксиопсихологические и аксиосоциологические противоречия и конфликты грозят возникновением «холодной» и «горячей» войны, как об этом свидетельствует вся история цивилизации и современность. Можно утверждать, что определяющим стержнем, например, военной истории человечества выступают как раз именно аксиоинтераутопсихологические конфликты, как наиболее значимые среди известных видов противоречий.

Одним из важных путей аксиопсихологической «демилитаризации» общества может стать аксиологизированная определенным образом система образования, в содержание и методы которой следует включить соответствующие методы развития и утверждения чести и достоинства каждого ученика как будущего достойного и честного члена общества, гражданина страны. Интересным в этом плане является опыт минимизации конфронтационного аксиопсихологического влияния некоторых педагогических методов в системе образовании скандинавских стран. Так, в Финляндии

ключевым принципом функционирования системы образования является положение «Интеграция без дифференциации!», согласно которому, в частности, из общеобразовательной школы исключается внешнее оценивание знаний (вместо этого учителя используют внутренние рабочие средства оценки академических успехов школьников). По этой внутренней системе оценивания финские учащиеся имеют наименьшие в мире различия в уровне усвоения знаний. Тем самым, на наш взгляд, устраняется репрессивное влияние на ценность ребенка традиционной оценки, которая унижает их достоинство и снижает у большинства из них учебную мотивацию. С другой стороны, обеспечение социально-психологического равенства между детьми в школе формирует предпосылки для установления реального социального равенства в обществе между будущими гражданами. Эти и другие действительно демократические принципы финляндской системы образования привели к признанию ее лучшей в мире.

Добавим также, что для утверждения мирных форм сосуществования достоинств в школе во всех ее звеньях – дошкольном, внешкольном, начальном, среднем и старшем, в высшей школе – не стоит увлекаться такими формами противоречивого, конфронтационного в аксиопсихологическом плане общения, как монолог, дискуссия, спор, полемика и др., в которых люди нормативно призваны отстаивать свои индивидуальные и не всегда точные, субъективные взгляды – преимущественно на принципах противостояния. Более перспективными для приобретения опыта мирного аксиопсихологического сосуществования являются другие формы межличностного общения – диалог, переговоры, соглашения, дебаты, консенсус и т. п., при использовании которых более вероятно могут быть сформированы совместные мнения, позиции, программы сотрудничества.

Аксиопсихологический мир и согласие достигаются благодаря мастерскому выполнению стратегии уравнивания чести и достоинства между партнерами (№ 3) и соответствующих ей трех подстратегий. Для достижения успеха в использовании этой стратегии

аксиоинтераутопсихологической деятельности целесообразно в определенных ситуациях осторожно применять и другие четыре стратегии, но обязательно подчиняя их этой уравнивающей стратегии.

В философско-психологической плане переход от аксиопсихологической войны к миру достоинств предполагает коренное изменение отношения общества к личности как ценности.

Так, К.А.Альбуханова-Славская ставит в этом плане уместный вопрос, насколько целесообразно общество использует личность, какими критериями руководствуется при этом? К сожалению, отвечает она, «ни одно общество не ориентируется на индивидуально-психологические особенности людей, не формирует идеальную с точки зрения психологических критериев личность». Оно лишь ее направляет, обрабатывает, использует так, как ему нужно для своего сохранения. Поэтому человек объективно несчастлив, но субъективно удовлетворен до тех пор, пока не осознает свое истинное положение. Современное общество унифицирует, типизирует, нивелирует людей – в зависимости от того, насколько они обслуживают его функционирование или стабилизацию, сохранение статус-кво. Противоречия между обществом и личностью, «когда социальная, экономическая оценка функций общества и человека всегда будет брать верх над психологической... приводят к потере смысла жизни значительного количества людей, подводят некоторые из них «к той черте, за которой наступает не психическая патология, а начинается ее психическая личностная смерть» [2, С. 294-295]. Чтобы этого не произошло, необходимо, чтобы всегда учитывалась реальная взаимосвязь между социальными, психологическими и индивидуальными «пружинами, механизмами бытия человека», которые составляют общую жизненную мотивацию человека и «приводят его в действие».

Вследствие игнорирования данной проблемы в структуре общей культуры человека собственно психологическая культура занимает по своим приоритетам чуть ли не самое последнее место. В связи с этим, мы можем выделить

ориентировочно шесть уровней развития психологической культуры среди различных слоев населения:

0. Уровень психологического бескультурья, который характеризуется отсутствием у значительной части населения научных психологических знаний, умений, навыков, способностей.

1. Низкий уровень развития психологической культуры (ПК) – с умеренным проявлением у некоторой части населения бессистемных бытовых, преимущественно спонтанно полученных и используемых, ненаучных психологических знаний, умений, навыков и способностей.

2. Средний уровень развития ПК – при наличии и использовании определенной частью представителей общества ограниченной совокупности научных психологических знаний, умений, навыков, способностей.

3. Высокий уровень развития ПК – при наличии у определенных личностей устойчивой и действенной системы научных психологических знаний, умений, навыков, жизненно и профессионально значимых психологических способностей, проявляющихся в сознательных попытках самопознания, саморазвития и самореализации личностью этих качеств как неоспоримых человеческих ценностей.

4. Высший уровень развития ПК, который формируется в процессе сознательного профессионального усвоения психологических знаний, умений, навыков, способностей как высших человеческих ценностей, являющихся результатом специального психологического обучения и самообучения, профессиональной психологической подготовки в вузах и институтах последиplomного образования, становления личности в процессе профессиональной психологической деятельности.

5. Наивысший уровень развития ПК, который является предпосылкой и проявлением эффективной профессиональной психологической деятельности личности высококвалифицированного психолога и продуктивной творческой деятельности выдающегося деятеля науки и техники, мастера своего дела.

Для улучшения состояния проблемы и изменения приоритетов в развитии общей культуры человека, в системе образования нужен специальный личностный, ценностно-рефлексивно-креативный, подход к изучению, пониманию и формированию психологической культуры личности. Он предусматривает целостное, во взаимосвязи, развитие, овладение и использование глубинных психологических ресурсов, всего творческого потенциала, сконцентрированного в таких базовых структурных образованиях личности, как способность к плодотворному гуманистическому общению, творческая направленность, действенные гуманистические, деловые черты характера, развитое самосознание, рефлексия, жизненная мудрость и профессиональная компетентность, продуктивный, творческий интеллект, динамичная и работоспособная психофизиологическая база личности.

Психологическая культура на своем высшем уровне становления выступает как способность личности сознательно формировать, усваивать, владеть, хранить, приумножать и своевременно актуализировать указанные психологические качества как неопровержимые человеческие сущностные силы, ресурсы, потенциалы, как собственно психологические ценности, которые необходимо учитывать как первоочередные при оптимизации, повышении эффективности жизнедеятельности и профессиональной деятельности современного работника. Следует особо подчеркнуть приоритетность психологических ценностей для личности, по сравнению с другими ценностями, и ее инновационного отношения к психологической культуре.

Это означает, что в структуре различных видов деятельности профессионала обозначенные высшие психические качества личности должны последовательно выступать субъектным факторами организации специальной психологической деятельности в ее ключевых компонентах и функциях – либо в своей мотивационно-ценностной функции, либо как самопознанные и актуализированные субъектом самоусиливающие качества личности, или как факторы высококачественного целеполагания, программирования, организации и контроля трудовой деятельности, или как психологические усилители

применяемых внешних и внутренних операционных средств достижения результата, либо как эмоционально-чувственные ее катализаторы – которые и отдельно, и особенно в своей совокупности заметно повышают результативность профессиональной деятельности работника. В таком случае развитие психологической культуры личности целесообразно рассматривать как всеобщий интегративный метод, собственно личностно ориентированный сверхметод научной психологии, обеспечивающий эффективность любого вида социально-ролевого поведения и предметно-профессиональной деятельности человека.

Если говорить о структуре психологической культуры, то она имеет внешние и внутренние составляющие. К первым относятся такие отраслевые ее виды, как собственно психологическая культура труда, инженерно-психологическая культура, социально-психологическая и другие профильные виды психологической культуры.

К внутриличностным составляющим психологической культуры относятся коммуникативная (культура общения), мотивационно-смысловая, характерологическая, рефлексивная, образовательно-психологическая, интеллектуальная, психофизиологическая культура личности.

Можно также выделять такие виды психологической культуры личности, которые зависят от определенного типа ведущей деятельности, например, психологическую культуру общения, игры, обучения, воспитания и самовоспитания, личностного и профессионального самоопределения, профессиональной подготовки, труда, жизненного (семейного) самоопределения, творчества, генеративности, самообслуживания и т. д.

В контексте таких отраслей научной психологии, как психология труда и профессиональная психология, психологическую культуру целесообразно понимать одновременно и как важный аспект изучения, и как предмет проектирования, т.е. как ключевую составляющую учебной, продуктивной, творческой деятельности учащейся молодежи, молодых специалистов и профессионалов.

Сформированность психологической культуры личности зависит от того, насколько эффективно удастся детерминировать и оправдать лучшими результатами профессиональной подготовки и деятельности целесообразность освоения, овладения и использования общих и профилированных психологических знаний, умений, навыков, профессионально важных психологических качеств, способностей личности – в ходе учебно-воспитательной работы учителей, мастеров производственного обучения, преподавателей специальных дисциплин, в том числе и преподавателей спецкурсов психологии в общеобразовательной школе, профессионально-технических учебных заведениях, вузах, институтах последипломного педагогического образования.

Развитие психологической культуры в процессе личностного роста, то есть овладение психологическими ценностями учащейся молодежью, специалистами системы непрерывного образования и профессиональными работниками должно опираться на актуализацию существующего, но еще недостаточно осознанного и задействованного личностного потенциала учащихся и студентов. При этом следует ориентироваться на личность будущего профессионала, на ее психологическое развитие и саморазвитие, на способность к самопознанию и самореализации. Развитие в таких условиях психологической культуры становится важной детерминантой сознательного, массового формирования творческого, личностного потенциала будущих граждан и работников Украины.

Понятно, что проблема развития психологической культуры личности представлена в данной книге лишь в начальных, контурных своих положениях и, конечно, требует продолжения своего исследования в различных теоретических и практических аспектах. Так, важным теоретическим вопросом является дальнейшая разработка общепринятого конвенционального понимания категории психологической культуры именно в аксиологическом контексте, как это следует из рассмотрения ее определений в современных научных источниках. Это должно предотвратить понимание психологической культуры лишь как психологической осведомленности, грамотности или компетентности,

которые являются важными предметами исследования, но не выступают атрибутивными признаками понятия психологической культуры как ценностного феномена.

Повторим еще раз, что важным в этом плане представляется проведение принципиального различия между понятиями различных ценностей личности и категорией ценности самой личности как основы ее психологической культуры. Неразличение этих понятий уже привело к тому, что из поля зрения психологов и педагогов выпали такие важные понятия, как собственно ценность и самооценность личности, на основе которых осуществляется концептуальный переход к изучению следующих ключевых человеческих феноменов – чести и достоинства личности. Из-за этой концептуальной близорукости психолого-педагогическая наука до сих пор остается неспособной должным образом изучать и использовать указанные феномены в их нормальных и аномальных проявлениях.

По этой же причине до сих пор обществом не поставлена должным образом и поэтому не решена проблема адекватного использования огромного потенциала личности как своей высшей культурной ценности для дальнейшего развития цивилизации, наций, международных сообществ, социальных групп, межличностных отношений и самой личности. В этом плане поучительным предстает аксиологический опыт некоторых этических систем (например, Д.Карнеги), психологических практик, в том числе – аксиопсихологического консультирования и психотерапии (того же А.Адлера), которые своими ценностными технологиями в буквальном смысле вытягивают клиентов из пропасти примитивного бытового унижения личности и поднимают ее к вершинам культуры.

Важной теоретической и практической проблемой следует признать также различие декларативности и императивности в понимании и использовании ценностных ресурсов личности, значительный разрыв между которыми выступает источником современного личностного нигилизма и цинизма, пронизывающего уже в угрожающей степени повседневную экономическую,

политическую, субкультурную жизнь общества, определяющего содержание и форму работы некоторых СМИ, массового искусства и даже образования.

С этим тесно связаны вопросы нормализации массовой аксиопсихологической деятельности людей в обществе, общественных институтах, межличностных отношениях и на уровне конкретной личности. Это особенно касается конфликтности семейных отношений, роста суицидальных и летальных тенденций. Речь идет о мало осознаваемых факторах массовой спонтанной аксиопсихологической активности как важной составляющей различных видов деятельности, которые выступают условиями, средствами, результатами неадекватного возвышения или унижения личности, ее опасных для общества и нее самой трансформаций. Наиболее известными примерами этого остаются еще не пережитые последствия культа личности и трагические суицидальные проявления. В связи с этим, требуют более глубокого изучения закономерности возникновения аксиологических проблем личности, средств их разрешения и т. д.

То есть, следует продолжить методологические и методические исследования проблемы развития психологической культуры личности в ее аксиологических аспектах как одного из основных направлений деятельности работников психологической службы системы образования Украины.

А это требует, прежде всего, формулирования принципиально новых, аксиопсихологических взглядов на личность как на высшее богатство человека и общества. Это богатство должно реально превосходить в сознании людей все другие богатства и оцениваться, как минимум, по нескольким специфическим критериям: формально-содержательно-психологическому, генетико-развивающему, деятельностно-поведенческому, научно-инновационному и т. д.

Личность, как высшая ценность, в осознании и переживании каждого человека должна быть приоритетной среди других ценностей, ибо выступает основой формирования смысла его жизни, прогнозирования, планирования и достижения выдающихся результатов ее жизнедеятельности, создания новых духовных и материальных ценностей и непрерывного и безграничного

самосовершенствования себя как первоначальной ценности, определяющей осуществление своего и общественного благополучия и счастья.

Подчеркнем еще раз, что именно личность должна быть оценена всеми людьми как главный закономерный (а не случайный) фактор достижения успеха в игровой и учебной деятельности, в профессиональном и жизненном самоопределении, в творческом труде и профессиональной деятельности, в карьере и хобби, на всех этапах жизни и во всех ее коллизиях, выступать главным фактором гармоничного осуществления жизненной судьбы человека.

Именно поэтому каждая личность должна лучше понимать свои огромные возможности и реальные ограничения, сознательно использовать преимущества и компенсировать недостатки, формировать новые, адекватные требованиям жизни способности, улучшая старые, переходя с уровня просто способных к уровню одаренных и талантливых в осуществлении избранных видов деятельности.

В этом каждая личность должна опираться прежде всего на собственные самостоятельные усилия по развитию психологической культуры, а в случае необходимости ей может существенно помочь психологическая служба, призванная профессионально выполнять свои функции – психологообразовательную, психодиагностическую, психокоррекционную, психореабилитационную, психотерапевтическую, психоразвивающую, в целом – культурно-психологическую, основанную на ценностном отношении к клиенту, к его чести и достоинству. Именно это позволит лучше использовать возможности научной психологии и имеющийся личностный потенциал человека для эффективной реализации той или иной деятельности. Этот процесс должен быть двусторонним, встречным, зависящим как от практического психолога, так и от клиента. Общим фактором успешного осуществления этого процесса самосовершенствования и депроблематизации личности и выступает инновационная психологическая культура консультанта (психотерапевта) и проблемной личности (клиента), понимаемая как их общая психологическая деятельность, предметом которой является личность как высшая ценность, а

средствами – научные психологические знания, умения, навыки, обеспечивающие утверждение (воспроизведение, сохранение, приумножение и т. п.) ценности личности, адекватное осознание и переживание нею своей чести и достоинства.

Заметим, что в теоретической и практической психологии накоплен огромный концептуальный и методический фонд средств предоставления действенной аксиопсихологической помощи проблемной личности именно в утверждении ее чести и достоинства.

Следует также лучше использовать ценностный потенциал, который присущ некоторым обсуждаемым в отечественной классической и современной философии и психологии, искусстве и религии проблем. К числу последних следует отнести, на наш взгляд, проблему соборности и соборной личности, которая была одной из ключевых проблем отечественной философской, научной и религиозной мысли в XIX-м и XX-м столетиях.

Как отмечает автор статьи «Соборность» в «Философском энциклопедическом словаре» А.Кихно, это понятие определялось философами Хомяковым и Бердяевым «как преодоление конфликта между индивидуальностью и коллективом в совместном деянии любви, как духовное единение людей непосредственно друг с другом, свободное от диктата государственных и политических структур» [175, с. 591]. Другой философ и богослов, Федоров, провозглашал, что «настоящее духовное единение людей по типу Божественной Троицы состоится во имя «общего дела» – совместного труда ради победы над смертью и всеобщего воскресения» [там же]. В философской системе Соловьева «человечество рассматривалось как соборный или общественный организм, а соборность определялась как поиск людьми в жизни такой формы всеединства, которую они имеют в Боге» [там же]. Соловьев, Булгаков, Флоренский считали персоналистическим олицетворением соборности «Святую Софию – как соборную, собранную воедино Вселенную, как всемирное соборное бытие людей, культуры и природы» [175, С. 591].

По мнению А.Кихно, «Бердяев подчеркивал связь идеи соборности с центральной в христианстве идеей общего спасения. Соборная солидарность человечества, где каждый отвечает за всех, где спасение возможно только вместе со всеми другими людьми, имела преимущество перед фактом разделения людей на праведников и грешников... Идея соборности коррелировала с историософической идеей... о том, что дух индивидуализации и отчуждения, который доминирует в современной Европе, должен быть заменен духом новой органической эпохи человечества», базирующейся на идее соборности [там же].

Понятие соборной личности широко использовал в своих работах В.М.Бехтерев, который понимал под ним хорошо организованное, эффективно действующее общество, то есть собрание более или менее деятельных личностей, взаимосвязанных между собой во имя общих интересов и стремлений, сродством и сходством основных психических черт [17]. Он подчеркивал, что прогресс народов, их цивилизованность и культура зависят от степени развития личностей, входящих в такое собрание, от деятельного участия каждой личности в достижении общей цели, в создании совместных благ. Активная самодеятельная личность является творцом культуры, она выдвигает в свободном обществе новые гуманистические планы и новые горизонты, тогда как пассивные лица, развивающиеся в условиях рабства, способны только к повторению и подражанию старому, то есть являются факторами регресса или застоя. В.М.Бехтерев придавал большое значение для самого существования стран и любых человеческих сообществ как соборных личностей не внешним силам, в том числе и власти, а моральным основам сплоченности [17; 142].

Об огромном значении личности для прогресса цивилизации на планете Земля, для развития ее ноосферы, говорил в первой половине прошлого века В.И.Вернадский, основатель и первый президент Украинской академии наук. Он утверждал, что «в ноосфере решающим и определяющим фактором является духовная жизнь человеческой личности, в ее специальном выявлении», главным проявлением которой является «научная мысль». В.И.Вернадский указывал на такие качества «ноосферной личности», как глобальное мышление,

организованная научная мысль, гуманистическое мировоззрение, творчество, ответственность и т. д. Он рассматривал научную соборную личность как общекультурное, цивилизационное, планетарное явление, которое является мощной интернациональной силой в преобразовании биосферы в ноосферу [31].

В.И.Вернадский поддержал взгляды на ноосферу известного французского философа и палеонтолога Пьера Тейяра де Шардена, который создал оригинальную теорию эволюции материи и психики, космогенеза и психогенеза, с ее четырьмя стадиями – Преджизнью, Жизнью, Мыслью и Сверхжизнью. Интересно, что предпоследнюю стадию, Мысли, П.Т. де Шарден связывал именно с творческой деятельностью личностей, а последнюю стадию – Сверхжизни, ноогенез – со Сверхличностью. Для стадии Сверхжизни характерно объединение народов, духовное обновление Земли, формирование Сверхчеловечества. Ноогенез приводит к очеловечиванию времени и пространства, к возникновению Сверхличности. В так называемом пункте Омега персонализация достигает своего максимума. Вершиной развития человечества становится не отдельная индивидуальность, а универсальная личность, одухотворение, любовь и осознание вечности жизни. Итак, на стадии Сверхжизни ноогенез достигает своей высшей точки благодаря консолидации, взаимодействию личностей и образованию Сверхличности, то есть, говоря словами В.М.Бехтерева, глобальной соборной личности [17; 142; 186].

Указанные данные подтверждаются интеграционными процессами, которые характеризуют историю человечества. Ведь эта история свидетельствует о том, что на протяжении пяти миллионов лет существования антропоидов и человека оно, человечество прошло различные формы объединения – от родов, первых племенных образований, общин к полисам, национальным государствам, их союзам и, в конечном счете, – к Организации объединенных наций и «всемирной паутине» – Интернету.

В последнее время появились убедительные доказательства того, что именно на территории Украины на протяжении последних примерно двадцати тысячелетий происходили определяющие для современной человеческой

цивилизации культуротворческие интеграционные процессы, значение которых или даже сам факт их существования, недооценивается, не осознается должным образом даже самими украинцами. Речь идет о выводах из исторических, археологических поисков таких ученых, как Д.И.Яворницкий, Б.А.Рыбаков, В.Н.Даниленко, Б.Н.Мозолевский, Ю.А.Шилов, Б.Д.Михайлов, А.Б.Супруненко и многие другие. Эти выводы имеют прямое отношение к соборной, точнее протособорной личности предков украинцев и человечества.

Так, свидетельством существования и творческой культурной, цивилизационной работы протособорной личности является всемирно известная Мизинская стоянка в Черниговской области, где найдены первый в мире меандр (лунный протокалендарь) и оркестр музыкальных инструментов из костей мамонта (XVIII тысячелетие до н.э.), петроглифы (протописьменность человечества), которые запечатлены в гротах Каменной могилы (XVI тысячелетие до н.э.) близ Мелитополя Запорожской области, протогорода (городища) трипольской культуры – Аратты (VI-IV тысячелетие до н.э.), «курганная соборная личность» (на территории Украины до сих пор сохранилось в той или иной степени более 100000 курганов с массовыми захоронениями наших выдающихся предков), скифо-древнегреческие культурные и хозяйственные связи на территории Причерноморья и Крыма (VI век до н.э. – I век н.э.), древнерусские народные вече, православные соборы и их верующие общины, Запорожская Сечь с первой в мире демократической конституцией, братские школы и т. д.

Автор этой книги имел возможность лично ознакомиться с этими памятниками и наглядно убедиться в результатах действия протособорной личности наших предков, когда посетил вместе со своими учениками и близкими Мизинскую стоянку на Черниговщине, где прослушал настоящую лекцию основателя и директора одноименного музея В.Е.Куриленка, современного доктора Фауста. Незабываемые впечатления произвела на нас «колыбель человеческой цивилизации» – Каменная могила на Мелитопольщине, поклониться которой время от времени приезжают делегации не только из

Украины, но и из некоторых ближневосточных стран, чтобы отдать дань благодарности прародине своей письменности и культуре.

Удивило нас также Бельское городище, настоящий древний город на Полтавщине, о котором упоминал еще Геродот под названием Гелона – там и доныне можно найти в земле остатки гончарных изделий, а в расположенном неподалеку Национальном музее гончарного искусства в Опишне можно увидеть эти изделия в реставрированном виде, а также – как настоящее чудо – экспозицию из 200 философско-этнографических гончарных скульптурных изделий под открытым небом, которая является лучшей в мире.

Незабываемым для нас оказалось участие в раскопках древнего кургана Стовбувата могила на Кременчужчине, ставшем на пути движения гигантского котлована рудника Полтавского горнорудного комбината.

С разрешения научного руководителя экспедиции А.Б.Супруненко и его научного консультанта – профессора Ю.А.Шилова, мы наблюдали за ювелирной работой археологов, которые шаг за шагом, слой за слоем, исследовали остатки более 360 захоронений, среди которых сначала были обнаружены более 130 останков запорожских козаков, а последними – скифской принцессы и арийского жреца. И все это на небольшой территории, так как курган в диаметре достигал около 50 метров и был высотой около 15 метров.

Настоящим подарком для нас за этот интерес к деятельности древней протособорной личности на территории Украины стала подаренная в те дни авторами – А.Б.Супруненко и А.С.Русяевой – уникальная книга с неожиданным названием: «Исторические личности эллино-скифской эпохи (культурно- политические контакты и взаимовлияния)» [153].

Благодаря этой книге лучше постигается тот факт, что жители древней Украины много веков жили рядом с древней Грецией, имея тесные контакты с ее колониями в Причерноморье и Крыму. В этой книге приведен интересный факт – о жизни и творчестве одного из семи мудрецов Древней Греции, так называемого Анахарсиса, сына гречанки и родственника скифского царя – это удивительное и не единственное проявление единения двух древних народов

(вспомним, что греческие поселения до сих пор существуют на юге Украины). Анахарсис еще молодым человеком был командирован скифским царем с миротворческой и просветительской миссией на Балканы, познакомился там с греческими мудрецами, вместе с ними принимал участие в публичных интеллектуальных соревнованиях, агонах, одерживал победы в них – и благодаря этому несколько раз попадал в списки «семи мудрецов» Древней Греции (чем не соборная личность?). Он оставил греческой и мировой культуре около 800 своих мудрых мыслей, афоризмов, например, таких как: «Рынок – это место, специально предназначенное для того, чтобы обманывать и обкрадывать людей», «Закон – это паутина, в которой задерживаются маленькие насекомые, но через которую легко прорываются большие» и др. Когда Анахарсис, уже в преклонном возрасте, вернулся домой, то... был убит на охоте своим братом, по одной из версий – за попытку переноса новых эллинских обычаев в традиционную скифскую культуру. Значение фигуры Анахарсиса для утверждения национального достоинства настолько велико, что, судя по Интернету, поиск в котором провели киевские гимназисты, в России его считают первым «проторусским философом», а его творчество изучают многочисленные «общества Анахарсиса»...

В 2003-м году вышла первая из четырех книг, запланированных известным украинским психологом А.Т.Губком, под названием «Психология украинского народа: научное исследование в четырех книгах», из которой мы узнали, что на территории Украины было создано, уже после петроглифов Каменной могилы, более 25 старинных алфавитов (средств единения протособорных личностей!), а украинский язык на 20 процентов совпадает с санскритом [44]. Известен и тот факт, что в некоторых горных районах Индии до сих пор разговаривают на... древнеукраинском языке потомки переселенцев из Поднепровья. Реку Днепр там называют Индом, а Праукраину – своей Прародиной. Удивительным является и то обстоятельство, что потомки древних воинов Индии еще до сих пор ездят на лошадях, курят трубку, ходят в шароварах и носят на голове под чалмой... оселедец.

Из книг Ю.А.Шилова (а их более тридцати), в частности, «Святыни» (2001 г.), «Источники истоков украинской этнокультуры XIX тыс. до н.э. – II тыс. н.э.» (2002 г.) и других (все они хранятся в Национальной библиотеке конгресса США) известно, что после приручения коня и создания в VI тыс. до н.э. на берегах Днепра первой в мире военной конницы, постройки телеги и колесницы, арийские племена, жившие рядом с Араттой (Трипольская культура), стали настолько мобильными, что началась интенсивная их миграция в разные стороны света, в том числе и в Индию [187].

В целом, есть все основания полагать (и так считают все больше отечественных и зарубежных ученых), что на территории Украины в последние XX тысяч лет произошли ключевые для человеческой цивилизации культуротворческие события. Именно за это профессор Ю.А.Шилов был избран членом Нью-Йоркской академии наук, а польское историческое общество в США инициировало установление в Комсомольске Полтавской области, рядом с историческим музеем, памятника этому выдающемуся историку и археологу еще при его жизни... за значительный вклад в историю человеческой цивилизации. А сколько еще тайн содержит в себя украинская земля?...

Не по этой ли причине в сентябре 2008 года, по инициативе Папы в Ватикане прошла неделя Трипольской культуры и весь католический мир высказал свое уважение цивилизационному значению деятельности наших предков.

Безусловно то, что издавна люди для осуществления все более усложняющихся планов, которые выходили за пределы возможностей одного человека или группы людей, были вынуждены все больше и больше объединяться в сообщества, во главе которых стояла соборная личность.

Исходя из анализа трудов украинских историков, психологов, общественных деятелей – Ю.А.Шилова, А.Т.Губка, В.Т.Куевды, С.П.Плачинды и многих других – можно предположить, что в истории Украины поддержанию готовности народа к объединению в соборную личность способствовали жрецы, военные вожди, князья, бояны, запорожские атаманы, гетманы, выдающиеся

философы-путешественники, например, Г.С.Сковорода, kobzari, преподаватели братских школ, представители украинского народного искусства, в целом – деятели яркой и многогранной украинской культуры. Вспомним, что одних только песен за всю историю украинского этноса составлено более 600000. А «соборные» фигуры Т.Шевченка, И.Котляревского, И.Франка, М.Лисенка, Л.Украинки и многих тысяч украинских поэтов, прозаиков, музыкантов, философов, психологов, педагогов, ученых разных направлений, инженеров, техников и т. п.? Все они образуют всеобъемлющую историческую соборную личность и сохраняются в памяти многих поколений украинского народа...

Нельзя не заметить, в этой связи, непрерывной, на протяжении веков, работы церкви в создании национальной соборной личности, которая происходит в ежедневных службах в православных соборах и храмах разных конфессий. На наш взгляд, важнейший символ веры христианства, Троица – Бог Отец, Бог Сын и Бог Святой Дух – можно рассматривать как высшее обобщенное проявление религиозной соборной личности, в которой, теперь уже с научной точки зрения, могут быть объединены бесконечная во времени и пространстве биологическая наследственность человечества в виде генома (Бог Отец), всеобъемлющая личность как образ Божий в каждом человеке (Бог Сын) и культурное, духовное наследие человечества (Бог Святой Дух).

Следует отметить и тот факт, что в истории и настоящем украинской педагогики и психологии содержатся много примеров теоретического исследования и практического формирования соборной личности уже в детском и юношеском возрасте. Самыми яркими среди них можно считать коллективную личность в колонии и коммуне А.С.Макаренка, всесторонне развитую личность в школе радости В.А.Сухомлинского, культурную личность студентов Полтавского педагогического института во времена ректорства И.А.Зязюна и собрание одаренных личностей в многочисленных авторских школах нового типа – лицеях, гимназиях, колледжах, коллегиумах и национальных университетах, созданных и работающих под руководством творчески мыслящих украинских педагогов-новаторов.

Особая роль в формировании соборной личности принадлежит современной системе образования и Национальной академии педагогических наук Украины, которая последовательно воплощает в учебно-воспитательный процесс парадигму развития личности, личностно ориентированный подход к обучению и воспитанию учащейся молодежи. Важной является роль социальной психологии и педагогики в исследовании и понимании закономерностей организации, развития и деятельности современной соборной личности.

Необходимо отдать должное в этом плане украинскому искусству, которое имеет огромные возможности в создании украинской соборной личности. Особая роль при этом принадлежит народному искусству, литературе и поэзии, музыкальному и драматическому театру. Проявления протособорной и соборной личности мы наблюдаем в исторических музеях, научных институтах и производственных объединениях. В современной науке проблема соборной личности, хотя этот термин и не получил широкого распространения, все же изучается рядом исследователей. Так, Л.П.Евстигнеева и Р.М.Евстигнеев используют в своем изучении постиндустриального общества как центральное понятие массовой личности, то есть «духовной субстанции» такого общества.

В этом же ряду стоит понятие гиперличности, которое использует в своей педагогической теории и практике академик И.А.Зязюн – как высшее начало в структуре личности, являющееся результатом углубления межличностных отношений человека и его трансценденции в другие лица. В соответствии с этим, И.А.Зязюн считает, что на основе так называемого трансперсонального модуса осуществляется преодоление индивидуализма, эгоизма, перестройка лицом своих ценностных представлений и, вследствие этого, – создание гиперличности. Здесь, по мнению ученого, есть ассоциации с французским персонализмом, где человеческое общение – это «близость ближнего», способность «становиться на место другого», «заменить его». Близким к содержанию понятия соборной личности является понимание И.А.Зязюном личности интеллигента как представителя духовной элиты общества. Такая личность определяется, в частности, тем, что отыскивает новые моральные идеалы, пути воссоздания

большого общества, новые, более совершенные, достойные средства единения людей на основе высоких целей [142].

Можно привести целый ряд научных разработок и произведений искусства, в которых утверждается ценность личности и межличностных объединений и их значение для развития общества. Однако, наше искусство, так же как и наука, в значительной степени устранились на задний план создания соборного общества некоторыми современными негативными факторами дезинтеграции общества. Мы видим это на примере недостаточного сотрудничества ветвей государственной власти, коррупции, противостояния определенных политических, экономических, финансовых, бизнесовых элит и т. д. В основе такого разъединения стоят противоположные корпоративные и эгоистические интересы, непомерные амбиции, жадность, нечестность, безответственность, несправедливость, бескультурье, самоуверенность, недалёковидность и т. д., то есть те черты, которые разрушают соборную Украину, делают ее слабой, развивающейся слишком медленно, а в определенных отношениях и деградирующей – вспомним лишь о нищете и бедности миллионов людей, о десятках тысяч беспризорных детей, о криминальной ситуации в обществе, об аморальном содержании передач некоторых СМИ, о попытках раскола украинского общества и т. д. Непреодолимой и вечной оказалась честолюбивая «княжеская междоусобица», которая уже тысячелетие разъедает Русь...

В этой связи, уместно еще раз вспомнить о теоретическом представлении профессора А.Н.Ткаченка об уровнях психической регуляции человека – организма, индивида и личности. Так, на уровне организма психика обеспечивает элементарные, по сути эгоистические потребности жизнедеятельности человека, на уровне индивида – потребление и репродуцирование культурных ценностей, а на уровне личности – создание новых культурных ценностей и, среди них, прежде всего – самой личности как высшей ценности – [172]. Согласно этим взглядам, соборная личность – и это соответствует ее определению В.М.Бехтеревым, В.И.Вернадским, П.Т. де

Шарденом, И.А.Зязюном – возможна лишь тогда, когда человек поднимается в своем психическом развитии до уровня личности и дальше трансцендируется в гиперличность, сверхличность, собственно соборную личность.

Развитие и самоактуализация культуротворческого потенциала соборной личности осложняется еще и тем, что несмотря на попытки личностно ориентированного образования Украины выпускать поколение за поколением учащейся молодежи на уровне личности, она попадает в общество, где господствует рыночная (точнее – «базарная») экономическая (денежная) «личность», точнее – форма психики, действующая преимущественно на уровне организма и индивида (по А.Н.Ткаченко), с присущими им чертами эгоизма, паразитизма, обкрадывания ближних, безответственности и т. д. Взаимодействие между носителями этих видов психики в масштабе всей Украины пока не на пользу личности, тем более слабых ячеек соборной личности в отдельных сферах общественной жизни. Поэтому возникает потребность поиска путей укрепления культуротворческой, обществоформирующей миссии национальной соборной личности

Особенностью украинской соборной личности можно считать то обстоятельство, что она создавалась и устойчиво функционировала только при наличии маргинальной опасности внутренних и внешних угроз, драматических кризисов, когда нужно было широким объединением украинцев решать острые конфликты, тогда как все остальные обычные проблемы они издавна привыкли разрешать индивидуально либо посредством минимальных объединений – семьи, рода, соседства, уличной толоки, сельской общины и т. д. Поэтому именно в критические исторические времена с необходимостью формировались древнерусские народные веча, православные соборы, Запорожская Сечь, черные казацкие, военные рады и т. п.

Однако, недостаточный опыт создания государства, многочисленные поражения в попытках отстаивания и защиты собственного государства, долгий период существования нации в составе других государств – все это привело к тому, что для украинской соборной личности стали присущи такие черты, как

недостаточная организованность, временный характер, изменчивость, неустойчивость, прерывистость во времени и действиях, низкая эффективность, внешняя зависимость, консерватизм, комплекс неполноценности, который сочетается с гиперамбициозностью ее членов («комплекс трех гетманов») – и связанные с этим саморазрушительные тенденции. Повторим, что в контексте данной работы мы можем констатировать, что комплекс неполноценности украинцев весьма противоречив, поскольку, по нашему предположению, состоит из парадоксального сочетания действительно гиперприниженного чувства национальной чести (поскольку долгое время не удавалось создать собственное государство) и гипервозвышенного чувства собственного достоинства (в силу того, что удалось сохранить свой род, преемственность поколений и, в целом, – народ) каждого украинца...

Все это закрепились в национальном менталитете, который выступает более устойчивым фактором личностного поведения украинских чиновников, чем социально-ролевые, конституционально-политические, научно-технические инновации последних столетий. Так, известный политолог и социопсихолог В.М.Бибик приводит в своей книге интересные в этом плане наблюдения французского инженера Г.Боплана во время его пребывания в Украине в XVII веке. Последний выделял в менталитете тогдашних украинцев такие амбивалентные черты, как, с одной стороны, остроумие, сообразительность, находчивость, щедрость, неприхотливость, любовь к свободе, а с другой – вероломность, предательство, коварство, ненадежность. История Украины и современная социальная и политическая реальность свидетельствует об удивительном постоянстве этих черт украинского характера.

Все эти качества присутствуют и у современных украинцев, особенно у власть предержащих. Вместе с тем бросается в глаза недостаточная универсальная профессиональная подготовка к выполнению государственных функций большинством руководителей страны. Руководство людьми разных возрастных, национальных, профессиональных, культурных, гендерных групп, сложными общественными процессами, и часто – в условиях кризиса, требует

овладения профессией руководителя на высшем уровне мастерства, искусства, культуры (специалисты недаром называют управление профессией профессией). Именно с ориентацией на этот уровень готовности к выполнению властных полномочий должен происходить тщательный отбор кандидатов на самую ответственную среди всех существующих должность государственного деятеля. Заметим только, что в психогрaмму менеджера входят сотни профессионально важных качеств (например, наша модель личности руководителя включает 250 таких свойств [137]).

Особенно тревожным является то обстоятельство, что существующий «демократический» порядок выбора руководителей не обеспечивает надлежащего контроля со стороны избирателей большинства профессиональных и личностных свойств кандидатов. Чтобы управлять автомобилем, необходимо закончить хотя бы курсы и сдать экзамен на права вождения. Политики же, руководящие значительно более сложным образованием – государством, обществом, не получают почти никакой профессиональной подготовки, они приступают к выполнению властных полномочий полудилетантами. О самоподготовке также не идет речь – ее фактически нет. Ведь подготовка к выборам и подготовка к руководству людьми – разные вещи. Консультанты большинства таких новоиспеченных руководителей подпевают своим патронам и конформистски понижают свои способности до их уровню. Итак, основа основ демократического устройства общества – выбор действенной власти, в действительности является одним из мифов современной рыночной демократии.

Если же говорить о проявлении индивидуальных особенностей личности руководителя, то здесь вообще не существует никакого общественного контроля и личного самоконтроля, что зачастую угрожает не только благополучию доверчивых избирателей, но и здоровью самого руководителя. Возьмем для примера только один из психофизиологических параметров личности, такой как тип темперамента. Так, например, носители флегматоидного типа темперамента (который, кстати, является одним из самых распространенных среди политиков), в условиях повышенной динамики, напряженности и экстремальности

профессиональной деятельности управленца, часто попадают в ситуацию так называемой психодинамической неконгруентности, следствием чего выступают отклонения различной тяжести, в частности – болезни кишечно-желудочной сферы и ускоренное профессиональное выгорание.

Для флегматоидов часто свойственны такие черты характера, как негативизм, нигилизм, склонность к отрицаниям самого широкого спектра и связанным с ними противоречиям и межличностным конфликтам. Самым опасным является то, что общая логика их профессиональной деятельности существенно деформируется со стороны указанных (и ряда других) индивидуально-психологических свойств личности такого руководителя. Его управленческая деятельность может оказаться в значительной мере субъективно модифицированной до такой степени, что у специалиста может возникнуть впечатление, что страной руководит откровенно проблемная личность, требующая психотерапевтической помощи. Вспомним здесь и наши данные о том, что за помощью на психологическую консультацию в школе чаще всего обращаются именно флегматоиды. Мы уже не говорим о моральных отклонениях власть имущих. Недаром, говоря о причинах глобального финансового кризиса 2008-2010 годов, президент США Б.Обама назвал в своей инаугурационной речи в качестве главнейших – жадность и безответственность некоторых американцев.

То же самое можно сказать и об особенностях некоторых руководителей с другими типами темперамента, об их недостаточных интеллектуальных способностях, о низкой компетентности, о невнимании к непрерывному потоку серьезных вопросов, о недостаточном самообладании в экстремальных, стрессовых ситуациях, о чертах характера нечестного и несправедливого человека у некоторых «отцов нации», об эгоистической направленности их мотивов и ограниченном смысле жизни, об отсутствии способностей к полноценному общению чиновников с огромным разнообразием представителей своего народа.

Именно поэтому большинство государственных деятелей вынуждены, как публичные люди, формировать определенный искусственный мифологический имидж, чтобы прикрыть недостатки своей личности, и нести это бремя до конца срока своих полномочий. Понятно, что при некомпенсации, некоррекции недостатков своей личности такие деятели вынуждены либо маскировать их, либо откровенно и скандально проявлять их в условиях напряженных отношений или даже конфронтации с другими руководителями, что делает невозможным плодотворное сотрудничество с ними и функционирование соборной личности как хорошо настроенного общественного организма.

Не приводя других аргументов (а их множество), можем со всем основанием утверждать, что уже на этапах отбора кандидатов на государственные должности, их демократического выбора и особенно – выполнения ими властных полномочий как руководителями целесообразно проводить определенные психологические мероприятия: психодиагностические, психокоррекционные, психотерапевтические, психореабилитационные и т. д. Следовательно, возникает необходимость создания специальной психологической службы для руководителей высшего уровня управления, которая бы работала на всех этапах их профессионального становления, осуществляла бы психологическое сопровождение этого важного звена функционирования демократического общества. В таком случае клиентом психологической службы должно стать не только отдельная личность, но и соборная украинская личность с ее специфическими проблемами формирования и функционирования. Что же касается лидера национального асштаба, то им должна быть безупречная личность чести и достоинства с абсолютно признанными народом репутацией и авторитетом.

На наш взгляд, современная украинская философия, психология и педагогика наработали солидный массив перспективных идей и средств построения действенной соборной личности в родной стране. Это прежде всего философия человекоцентризма и личностная парадигма развития образования В.Г. Кременя, философия, психология и педагогика добра и культуры

И.А. Зязюна, теория воспитания личности И.Д. Беха, экзистенциально-генетическая теория личности С.Д.Максименка, рациогуманистическая теория личности Г.А. Балла, теория воспитания творческой личности В.А. Моляко и др. Этот список можно продолжить, ведь, по нашим данным, в отечественной науке существует не менее 40 оригинальных теорий личности [142].

Остановимся здесь на рекомендациях только одного автора – профессора Г.А. Балла. В предложенной им рациогуманистической теории личности [9] рекомендуется, в частности, использовать такие диалогические универсалии формирования современного демократического общества и личности, как:

- принцип уважения к партнеру диалога;
- принцип принятия партнера таким, каков он есть;
- принцип уважения к самому себе;
- принцип согласия (конкордантности) между партнерами гуманистического диалога;
- принцип толерантности в сочетании с принципом согласия;
- принцип расширения и обогащения культурного поля, в котором живет и действует личность.

При этом следует иметь в виду продуктивную сторону диалога, итог которого может совпадать с мнением кого-то из его участников, но не всегда. Оптимальнее всего было бы осуществить полный синтез позиций обеих сторон диалога, однако это сделать сложнее. Вместе с тем, если первый и второй варианты невозможны, то следует отдавать предпочтение третьему варианту диалога, который предусматривает, при невозможности достижения общей позиции, возможность сосредоточиться на парадигме проблемы самого диалога как такового. А это требует более совершенного взаимодействия партнеров, то есть лучшего определения этой проблемы и улучшения общения. Для этого необходимо, среди прочего, приобщение участников диалога к поиску научных основ диалога как специфической подсистемы культуры. Среди наук, которые способствуют улучшению диалога, важное место занимает психология и педагогика [9].

И наконец, еще одно условие создания действенной соборной личности как основы общества чести и достоинства состоит в необходимости взаимного возвышения всех его членов. Такая личность невозможна в условиях унижения ее членов. Ведь у каждой личности, за «презумпцией ее самоценности и ценности для общества», всегда найдется свойство, которое будет полезным, особенно ценным для совместного продвижения к прогрессу в пространстве культуры. А это предполагает целенаправленный поиск и результативное нахождение личностных ценностей, культурной исключительности в каждом человеке, который включается в культуросотворческую деятельность целостной соборной личности.

Важным является именно взаимное возвышение на этой основе личностями друг друга до уровня собственно культуросотворческой соборной личности как коллективного лидера, ядра, двигателя гуманистических цивилизационных процессов в обществе и государстве, синергетическое налаживание эффективной координированной деятельности, работы соборной личности как живого организма общества и, одновременно с этим – противодействие разрушительным антисоборным тенденциям.

Понятие соборной личности близко к современному пониманию демократического гражданского общества – с его ориентацией на духовные ценности Добра, Красоты и Истины, Веры, Надежды и Любви, с его институтами честного информирования каждого его члена о реальном состоянии дел в государстве, участия в принятии важнейших государственных решений на основе организованного обсуждения встающих перед обществом и каждым гражданином проблем, гражданского контроля и ответственности власти и самого гражданского общества за принятые и осуществленные решения.

Для этого нужна этика национальной чести и достоинства такой гражданской соборной личности, предусматривающая взаимное возвышение личностей с учетом потенциальных и актуальных, доступных и таких, которые обязательно сформируются в условиях соборной личности, ценностей каждой индивидуальной личности. Указанная этика национальной чести и достоинства

должно базироваться на известном моральном императиве и принципе самоценности каждой личности И.Канта; на диалектических законах единства, борьбы и уравнивания противоположностей, отрицания отрицания и перехода количественных изменений в качественные Г.Гегеля; на идее сродного труда и гармонии космического, внутреннего и символического миров человека у Г.С.Сковороды; на рефлексии и самоактуализацию творческих вершинных возможностей и одновременно с этим – учете ограничений отдельной личности; на массовом социально-психологическом подъеме творчески одаренных, талантливых личностей учащейся молодежи, молодых специалистов, ветеранов; на развитии их духовности; на приоритете чести и достоинства в межличностных отношениях по А.С.Макаренку и Я.Корчаку; на философии альтруистического эгоизма (или эгоистического альтруизма) Г. Селье; на межличностном диалоге в форме дебатов; на философии, психологии и педагогике добра и культуры И.А.Зязюна; на идеях взаимозависимости, солидарности и сотрудничества творческих личностей; на интеграции протособорных и соборных личностей разных видов в единое соборное общество Украины и т. д.

В основе формирования и функционирования соборной личности, как и отдельной личности, должны стоять феномены чести и достоинства человека, т. е. осознание и переживание ею своей уникальной социально-психологической и индивидуально-психологической ценности. Именно с признания обществом и всеми его членами чести и достоинства каждого гражданина, каждого юного и взрослого человека вырастает корпоративная и национальная честь и достоинство личности, ее гордость за свой коллектив, за свой народ, за свою страну. Возвышение, сохранение, укрепления национальной чести и достоинства каждого гражданина и соборной личности, в целом, – главный путь к благополучию и процветанию украинского государства!

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В условиях дефицита общей и психологической культуры в обществе все более актуальным становится обращение к ключевым ценностям, среди которых центральное место должна занять личность как высшая ценность. Ценность личности целесообразно считать первичной и базовой для общей и психологической культуры, главным источником создания других ценностей, условием осуществления прогресса жизни человека и общества. Важным аспектом проблемы, который трудно осознается при понимании данного положения, является отличие понятия «ценность личности» от понятия «ценности личности». Этот вопрос решается тогда, когда в ценностной сфере личности в качестве исходной императивно, а не декларативно, принимается именно самоценность собственной личности и ценность другой личности.

Решение этого вопроса позволяет поставить ценность личности в центр психологического исследования и психологической практики и перейти к таким важным социально- и индивидуально-психологическим ее атрибутам, как честь и достоинство.

На огромное значение чести и достоинства человека, личности издавна указывали известные философы, психологи, педагоги, художники – Конфуций, Протагор, И.Кант, Ф.М.Достоевский, Н.Я.Грот, У.Джемс, В.М.Бехтерев, А.Ф.Лазурский, А.Адлер, Н.А.Бердяев, Д.Карнеги, В.И.Вернадский, А.С.Макаренко, Я.Корчак, В.А.Сухомлинский и др. В последние годы на это указывают и современные ученые – Л.П.Буева, А.Н.Леонтьев, А.Г.Асмолов, И.Д.Бех, В.И.Гарбузов, И.А.Зязюн, В.Г.Кремень и др. Это открывает путь к изучению чести и достоинства личности в ряде аспектов: культурологическом, аксиологическом, человекоцентрическом, атрибутивном, классификационном, мотивационно-смысловом, деятельностном, динамическом, развивающем, инновационном, психотерапевтическом и т. д. Уже предварительное определение проблемы обнаруживает истинную диалектику процессов унижения, возвышения, уравнивания чести и достоинства человека,

«войны, сосуществования и мира» человеческих достоинств в различных внутриличностных, межличностных и общественных ситуациях.

Особого внимания заслуживает художественное изображение Ф.М.Достоевским феноменов чести и достоинства человека, их унижения и оскорбления, возвышения и смирения – как драматических факторов существования, трагедии людей и общества в России XIX столетия. Недооценка современниками предупреждений великого художника, философа, психолога, пророка дорого обошлось российской империи и всему человечеству. В ходе контент-психологического анализа текста большинства произведений Ф.М.Достоевского нами была выявлена впечатляющая характеристика показанных им закономерностей функционирования указанных феноменов чести и достоинства личности. Поэтому обращаемся к молодым и незаангажированным собственными научными амбициями философам, социологам, психологам, филологам, педагогам с призывом лучше и глубже прочитать и понять в этом плане произведения гения, завершить этот анализ и ввести его результаты в теоретическое понимание этих важных феноменов, включить их в процесс построения более безопасного общества чести и достоинства каждого гражданина!

При этом следует также по-новому оценить художественное творчество и общественную деятельность Л.Н.Толстого, который, на наш взгляд, хорошо понял эту экзистенциальную дигнилофильную линию художественно-философских мыслей Ф.М.Достоевского и попытался продолжить ее в своих произведениях и в своей личной жизни графа-крестьянина, но был подвергнут остракизму и непониманию со стороны своих современников... По убеждению автора, неприятие предупреждений указанных классиков мировой культуры дорого обошлось человечеству уже через короткое время – драматическая история XX-го столетия более чем убедительно подтверждает это!

В изложенных в книге результатах исследований и практической работы автора постепенно выстраиваются контуры аксиопсихологии чести и достоинства личности. В ней приведены, в частности, попытки определения

феноменов чести и достоинства личности, понимания диалектики, аксиодинамики возвышения-уравновешивания-унижения чести и достоинства в континууме диапазонов их трансформации – от уровней аксиоцида, аксиодепрессии, аксиопада, аксионормы- – к уровням аксиоцентра и аксионормы+, аксиовосхода, аксиолерата и аксиокульта. Качественно охарактеризованы каждый из указанных диапазонов ценностной динамики чести и достоинства личности.

Принципиальным следует считать введение понятия аксиопсихологической деятельности личности как субъекта изменения уровня чести и достоинства другой и собственной личности как объекта указанной деятельности. Предложенные стратегии и подстратегии этой деятельности могут использоваться практическими психологами при работе с клиентами, имеющими проблемы осознания и переживания ценностной динамики чести и достоинства своей и иной личности.

В работе представлены определенные аксиопсихологические средства формирования и утверждения чести и достоинства учеников и педагогических работников в системе образования. Среди них – как традиционные аксиопсихологизованные лекционные и семинарские занятия, представленные в аксиопсихологическом свете тренинги и упражнения, так и новые экспериментальные средства, например, авторская разработка так называемой «десятичной» творческой научной работы и рефлексивно-историко-ролевого тренинга по освоению студентами ценности личности выдающихся психологов и педагогов.

Автором разработан и апробирован духовно-креативный анкетинг по возвышению чести и достоинства старшеклассников путем самоактуализации их стремления к Добру, Красоте и Истине, сценарий семинарского занятия-тренинга по развитию представления о чести и достоинстве у педагогических работников и их учеников. Предложенные методические средства предполагают работу по формированию и утверждению чести и достоинства личности в пределах аксионормального диапазона и их возвышения в диапазонах

аксиовосхода и аксиолерата. Данные аксиопсихологические методы могут быть полезны при их осторожном квалифицированном использовании специалистами психологической службы системы образования. Этому также должно способствовать соблюдение кодекса чести и достоинства практического психолога системы образования.

Все это важно учитывать при создании педагогами и психологами Школы чести и достоинства личности – во исполнение завещания таких всемирно известных Учителей человечества, как А.С.Макаренко, Я.Корчак, В.А.Сухомлинский и др. Отечественная педагогика и система образования могут сохранить в этом смысле несомненный приоритет, полученный в наследство от ее выдающихся мыслителей.

Предлагается также экспериментальный аксиопсихологический подход к комплексной психодиагностике личности, согласно которому при интерпретации тестовых данных клиентов последние должны представляться ему не в случайном порядке, а определенным образом. При этом обязательной является стартовая положительная оценка, аксиологизация в процессе обсуждения с клиентом наиболее развитых свойств его личности. В таком случае так называемые «негативные» (которых не может быть при характеристике личности как высшей ценности) свойства психики обследуемого должны быть вообще исключены из анализа – вместо них целесообразно рассматривать проблемные, дискуссионные, патогенные особенности психодиагностической характеристики клиента.

Осуществлена попытка разработки и апробации опросника по ориентировочному определению проявлений чести и достоинства личности, который, однако, еще нуждается в совершенствовании.

Принципиально важным, как показывает наш опыт работы практическим психологом, начинать анализ психодиагностической характеристики личности, ее чести и достоинства, с подробной интерпретации психофизиологической основы личности клиента, ее психодинамического фундамента, которым является темперамент. В этом плане огромные возможности в настоящее время

предоставляет теория времени в психике индивида, оригинальная концепция темперамента и объективная методика его определения, предложенные одесским психологом, профессором Б.И.Цукановым. Как показывает наш методологический и практический опыт (приобретенный в течение более двадцати лет работы с этой теорией и методикой) использования указанных разработок Б.И.Цуканова в контексте нашей культурно-психологической теории личности, именно на психодинамическом уровне закладываются аксиопсихологические межличностные отношения типа «сильный-слабый», «быстрый-медленный» «трудоспособный-утомляемый», «успешный-неудачливый», «высший-низший» и типологические психодинамические основания для унижения, уравнивания, возвышения ценности, чести и достоинства личности. Это следует обязательно учитывать в теоретической и практической работе психолога, в том числе и при использовании в аксиопсихологической, развивающей, коррекционной, профилактической и психотерапевтической работе с клиентами.

Так, когда речь идет о чрезмерном подъеме ценности личности, ее чести и достоинства, до диапазона аксиокульты, в котором резко возрастает вероятность появления таких аномальных проявлений, как амбициозность, высокомерие, нарциссизм, «звездная болезнь», сверхчеловечность и культ личности, то для работы с этими, в целом, опасными явлениями предлагаются определенные аксиопсихопрофилактические методические подходы и приемы. Конечно, их следует совершенствовать и технологизировать в дальнейших исследованиях и инновационной деятельности психологов. При этом надо учитывать и то обстоятельство, что данные аксиопсихологические феномены чересчур возвышенной личности являются в некотором смысле опасными и для самого психотерапевта – об этом свидетельствует, в частности, трагический опыт консультирования академиком В.М.Бехтеревым пациента И.В.Сталина осенью 1927 года.

Наиболее апробированной является предложенная автором аксиологическая психотерапия клиентов с критически униженной, до уровня

аксиодепрессии и аксиоцида, честью и достоинством, – путем интенсивного возвышения ценности их личности. Речь идет о проблемных личностях с суицидальной и летальной динамикой чести и достоинства, которую удастся остановить с помощью данного вида аксиопсихотерапии. Последняя дополняет и определенным образом продолжает традиции индивидуальной психологии А.Адлера, его психотерапии личности с комплексом неполноценности и превосходства, но с новых теоретических и методологических позиций.

В целом, представленный в книге исследовательский и практический опыт свидетельствует о необходимости создания новой философии, аксиологии, этики, психологии и педагогики чести и достоинства личности, которые давали бы возможность глубже объяснить феномен непрерывного и неуклонного роста, в ходе социального и научно-технического прогресса и собственной жизни, ценности и самооценности каждого человека, осознания им этого роста своей ценности в форме чести и достоинства личности, и выработки более совершенных принципов сосуществования чести и достоинства всех членов человеческой цивилизации. В противном случае могут возникнуть опасные аксиопсихологические проблемы развития и проявления чести и достоинства личности, угрожающие привести в действие все возрастающую технологическую мощь человечества в нежелательном направлении, как об этом свидетельствуют история и современная действительность. Именно об этом говорится в последнем разделе книги, в котором освещаются важные аспекты проблемы «войны и мира достоинств», перехода от аксиопсихологических противоречий и конфликтов к согласию и творческому сотрудничеству личностей в Обществе чести и достоинства каждого гражданина.

Автор работы понимает, что в ней поставлены проблемы, которые безусловно требуют своего более глубокого исследования, и поэтому не претендует ни на приоритет в их постановке, ни на исчерпывающее их решение. Более того, считаем целесообразным предупредить внимательного читателя о том, что искусственная концентрация в тексте книги аксиопсихологического массива данных о чести и достоинстве личности осуществлена,

преимущественно из научных соображений и, разумеется, должна быть адекватно и взвешенно использована при исследовании, конструировании психологической действительности и решении аксиопсихологических проблем личности. Однако и пренебрегать ролью аксиопсихологической составляющей жизнедеятельности личности нет оснований. Золотую середину в использовании представленных в пособии данных должен найти сам философ, социолог, психолог, педагог, политолог – для того, чтобы после осознания изложенной аксиопсихологической проблематики и инновационного использования соответствующих данных жизнь личности и общества стала еще более гармоничной, честной и достойной.

Что же касается теоретической и практической психологии, то для нее открывается новый класс проблем, связанных с аксиопсихологическими дисгармониями личности, ее чести и достоинства, с необходимостью их решения специальными аксиологизированными социально-психологическими и индивидуально-психологическими средствами. Надеемся, что данная работа будет способствовать лучшему пониманию гуманистической миссии психологической службы ее клиентами и сотрудниками, наполнит профессиональную деятельность последних новыми смыслами.

Ведь возвышенная личность, которая живет по кодексу чести и достоинства, становится более духовной, креативной, продуктивной, здоровой и счастливой, а возвышенное Общество чести и достоинства каждого гражданина – более справедливым, безопасным, прогрессивным, процветающим!

Вопросы для размышления

1. Почему развитие психологической культуры личности является приоритетным направлением деятельности практического психолога?

2. Какие аргументы можно привести, чтобы считать ценность и самооценку личности атрибутивными признаками ее чести и достоинства как центральных понятий общей и психологической культуры?

3. Что можно сказать об этапах становления взглядов философов, психологов, педагогов и деятелей искусств на ценность человека, честь и достоинство личности?

4. Достаточно ли изучены в современной психолого-педагогической науке явления унижения и возвышения личности?

5. Почему классификацию способностей и одаренностей личности на основе ее психологической структуры необходимо рассматривать в ценностном контексте?

6. Как следует построить исследовательское чтение произведений Ф.М.Достоевского, Л.Н.Толстого, А.С.Макаренка, В.А.Сухомлинского и других мыслителей, чтобы выявить в их тексте феномены чести и достоинства личности, ее унижения и возвышения?

7. Почему этико-психологическая система Д.Карнеги по возвышению значимости человека получила такое огромное распространение в США и Европе?

8. С какой целью свою последнюю повесть А.С.Макаренко назвал «Честь», а не иначе?

9. Что объединяет произведения А.С.Макаренка «Честь» и Я.Корчака «Слава» и почему они были опубликованы почти одновременно – накануне второй мировой войны?

10. Что Вы можете сказать о диалектике и аксиодинамике чувства чести и достоинства своей и иной личности?

11. Какую смысловую нагрузку несет термин «аксиоинтераутопсихологическая деятельность» личности?

12. Что Вы можете добавить к приведенным в книге компонентам и стратегиям аксиоинтераутопсихологической деятельности из собственного опыта?

13. Какие аксиопсихологические вопросы поднимает программная статья В.А.Сухомлинского «Человек – высшая ценность»?

14. Что должно быть присуще современным технологиям культурно-психологического развития личности учащейся молодежи как ценности?

15. Почему некоторые психологические тренинги и упражнения имеют явный аксиологический характер, хотя декларируют другое, куда более ограниченное назначение?

16. Какие еще средства практической психологии могут использоваться для возвышения ценности личности, ее чести и достоинства?

17. Сможете ли Вы, как практический психолог, создать свой духовно-креативный анкетинг, разработать сценарий семинарского занятия-тренинга и использовать их с целью возвышения ценности, чести и достоинства своих клиентов?

18. Почему так важно считать личность ученика и педагога индивидуальным и социальным богатством в условиях рыночной экономики и какие подходы к инновационной психологической культуре его использования человеком и обществом могут быть задействованы при этом?

19. Какими собственными приемами Вы пользуетесь для того, чтобы возвысить ценность, честь и достоинство личности Вашего клиента в ходе психодиагностики, психологического просвещения, консультирования, психотерапии и обычной беседы с ним?

20. Почему целесообразно начинать психологический анализ личности как ценности с определения ее психофизиологического, психодинамического фундамента, характеристика которого в значительной степени может быть представлена благодаря знанию темперамента клиента?

21. Обратили ли Вы достаточное внимание на уникальную теорию времени в психике индивида, концепцию темперамента и объективную методику его определения, предложенные одесским профессором Б.И.Цукановым, или для этого надо, чтобы они пришли к Вам через признание в России, Японии, Германии, где произведения профессора более известны и лучше используются, чем на родине?

22. Насколько четко Вы осознаете, формализуете, вербализуете в психодиагностических целях свое чувство чести и достоинства при оценке собственной и другой личности?

23. Можно ли считать актуальной в современных условиях индивидуальную психологию А.Адлера и его психотерапию личности с комплексом неполноценности и превосходства?

24. Какая угроза для нормальных межличностных отношений в современном обществе таится в таких свойствах чересчур возвышенных личностей, как амбициозность, высокомерие, нарциссизм, «звездная болезнь», сверхчеловечность, культ личности?

25. Сколько направлений и этапов имеет представленная в тексте пособия психотерапия клиентов с критически униженными честью и достоинством, суицидальными и летальными тенденциями и почему?

26. Насколько реальна аксиопсихологическая «война и мир достоинств» между людьми и возможно ли построение общества чести и достоинства каждого гражданина?

27. Можете ли Вы обнаружить еще какие-либо важные феномены личности, подобные чести и достоинству, которые пока находятся в сумерках психологического сознания, но требуют своего изучения?

28. Какие собственные выводы можно сделать из рассмотрения таких этико-психологических и аксиопсихологических феноменов личности, как честь и достоинство?

Глоссарий

Акмеология – наука о феноменологии, закономерностях и механизмах вершинного развития личности в период ее зрелости и достижения ею творческого успеха в профессиональной деятельности и жизнедеятельности. Термин «акмеология» введен в научный оборот Н.А.Рыбниковым в 1928 году для обозначения науки о развитии и достижениях взрослых людей.

Аксиодинамика чести и достоинства личности – изменение уровня осознания человеком социальной ценности и индивидуальной самооценки другой или своей личности, ее возвышение или самовозвышение, унижение или самоунижение, уравнивание или самоуравнивание. Для обозначения уровней изменения чести и достоинства в книге введено понятие диапазонов их изменений – аксиокульты, аксиолерата, аксиовосхода, аксионормы+, аксиоцентра, аксионормы-, аксиопада, аксиодепрессии, аксиоцида – каждый из них имеет свою качественную характеристику.

Аксиоинтераутопсихологическая деятельность – вид психологической деятельности, предметом которой выступают окружающие люди или собственная личность как ценность. Эта деятельность направлена на возвышение, уравнивание или понижение чести и достоинства другой или собственной личности. В данном пособии выделяются компоненты (потребностно-мотивационный, информационно-познавательный, целеформирующий, инструментально-результативный и эмоционально-чувственный) и стратегии и подстратегии аксиоинтераутопсихологической деятельности по возвышению, самовозвышению, уравниванию, понижению и самопонижению ценности чести и достоинства субъектом другой и своей личности.

Аксиолерация – модификация понятия акселерация (лат. acceleration – ускорение), которая означает ускорение, увеличение, рост ценности личности, ее чести и достоинства, что сопровождается заметным ростом мотивации и успешности осуществления деятельности (учебной, трудовой, профессиональной, творческой и др.).

Аксиологическая лейтлиния – главная (от нем. leit – ведущий) линия аксиологического, ценностного анализа или представления данных в научном

или художественном произведении. В последнем случае – ведущая сюжетная линия книги.

Аксиопсихология – словосочетание понятий «аксио» (греч. axios – ценный) и «психология» – раздел психологии, изучающий психологические закономерности функционирования ценностей, их усвоения и развития, ценностную сферу личности и саму личность как ценность.

Аксиоортогенез – ценностный ортогенез (греч. orthos – прямой + genesis – возникновение, образование, становление), т.е. прямое и непосредственное саморазвитие ценности из самой себя под влиянием факторов, которые содержатся в самой ценности, что не исключает действие и внешних факторов, но как вспомогательных. Это особенно относится к личности, в которой содержатся мощные внутренние генетические, биологические и социальные факторы ее развития как ценности, а с определенного возраста (начиная, вероятно, с 3-х лет – «Я сам», а еще больше – с подросткового возраста) – и факторы ценностного саморазвития.

Аксиотенция – устойчивая тенденция в проявлении и развитии ценности, в частности, ценности личности, стабильность ее существования.

Аксиоцид – словосочетание терминов «аксио» (т.е. axios – ценный) и «цид» (zid – убивать), что означает крайнее унижение или уничтожение ценности, в контексте данного пособия – разрушение, уничтожение ценности личности, ее чести и достоинства.

Анкетинг – вид активизирующего анкетирования, целью которого является не столько опрос и получение информации, сколько активизация творческой деятельности человека с помощью системы специальных вопросов, которые стимулируют не просто информационные, но творческие ответы. Суффикс –ing означает пролонгацию и трансформацию информационной функции анкетирования в творческую функцию.

Аффективная цена – этот термин использовал И.Кант при определении ценности человека по критерию аффективности (лат. affectus – душевное волнение, страсть), то есть эмоциональной, чувственной ценности человека, личности.

Достоинство личности – феномен осознания, переживания человеком своей индивидуальной, индивидуально-психологической самооценности,

приобретенной в ходе наследования им своей жизненной ценности и понимания значимости для него жизни предыдущих и будущих поколений, своего генетического родства со своими предками и потомками, что приводит к принятию им этических норм обеспечения жизнедеятельности, ответственности за жизнь прошлых, настоящих и будущих поколений людей. Достоинство тесно связано с честью, поскольку выступает ее генетической основой.

КАРУС – предложенная академиком В.А.Моляко система творческого тренинга личности, заключающаяся в стратегической организации творческой деятельности путем активизации таких ее стратегий, как комбинирование, аналогия, реконструкция, универсальная и спонтанная стратегия, по первым буквам названий которых и составлена данная аббревиатура КАРУС.

Конгруэнтность – соответствие одних явлений другим, в психологии – взаимное соответствие между процессами и свойствами личности в определенном отношении, например, между врожденными психодинамическими качествами нервной системы, представленными в типе темперамента, и приобретенными психодинамическими данными психических свойств личности, например, общения, мотивации, интеллекта и т. д. При несоответствии между ними говорят о неконгруэнтности, в частности о психодинамической неконгруэнтности.

Честь личности – феномен осознания, переживания человеком своей социальной, социально-психологической ценности для общества в ходе включения в культуру человечества и продуцирования культурных ценностей, в том числе и высшей ценности, которой является собственная и другая личность. Основываясь на достоинстве как на своей генетической основе, честь определяет достойное существование человека в обществе. Вместе с тем, сосуществование с другими людьми, которые осознают, переживают свою ценность и самооценку, требует соблюдения общего с ними кодекса чести и достоинства. Отличают национальную, корпоративную, профессиональную честь личности.

Мысли выдающихся личностей о чести и достоинстве.

Честный и бесчестный человек познаются не только из того, что они делают, но и из того, чего они желают.

Демокрит

...Стыд ...есть некоторый страх бесчестья...

Аристотель

Стыд и честь – как платье: чем больше потрепаны, тем беспечнее к ним относишься.

Апулей

Не то жалко, что человек родился или умер, что он лишился своих денег, дома, имения: все это не принадлежит человеку. А то жалко, когда человек теряет свою истинную собственность – свое человеческое достоинство.

Эпиктет

Храни достоинство свое повсюду, человек!

Бухорои

*Достоинству нас не научит тот,
Кто недостойно сам себя ведет.*

Джами

*Честь – жизнь моя: они срослись в одно,
И честь утратить – для меня равно
Утрате жизни.*

Шекспир

*Ах, если в нас погаснет чести свет –
Все не по нас: то мы хотим, то нет!*

Шекспир

О достоинстве человека нужно судить не по его великим дарованиям, но по тому употреблению, которое он делает из них.

Ф.Ларошфуко

Признак истинного достоинства человека в том, что даже завистники его вынуждены хвалить его.

Ф.Ларошфуко

Сознание своего достоинства делает умного человека более скромным, но вместе с тем и более стойким.

Д.Честерфилд

Торг честью не обогащает.

Л.Вовенарг

Чувство гуманности оскорбляется, когда люди не уважают в других человеческого достоинства, и еще более оскорбляется и страдает, когда человек в себе не уважает собственного достоинства.

В.Г.Белинский

Честность только в личных делах, не сопровождаемая никакими определенными понятиями об общих вопросах народного блага, приносит слишком мало пользы обществу.

Н.Г.Чернышевский

Честь не заключается ни в знаках отличия, ни в ленте, но в поступках и в мотивах этих поступков. Уважение к самому себе и к своим взглядам играет здесь важнейшую роль. Я уважаю себя, пока остаюсь верным принципам всей моей жизни; если б я отрекся от них, я потерял бы честь...

Г.Курбе

...Для пролетариата смелость, сознание собственного достоинства, чувство гордости и независимости – важнее хлеба.

К.Маркс

Самый тяжкий стыд и великое мучение – это когда не умеешь достойно защищать то, что любишь, чем жив.

М.Горький

(В мире мудрых мыслей / Составитель С.Х.Харин.- Казань: Изд-во Знание, 1962.- 360 с.).

Большинство людей признают достоинства лишь за теми, которые счастливы.

Р.Бюсси-Рабютен

Будьте взаимно терпимы к достоинствам друг друга.

Юрий Рыбников

Всякое достоинство, всякая сила спокойны именно потому, что уверены в самих себе.

П.Багратион

Достоинство – не что иное, как недостаток, сумевший сделаться полезным.

М.Метерлинк

Достоинство – это честь, имеющая право на гордость.

П.Таранов

Достоинство выражает сопротивление духа инстинкту.

И.Шиллер

Достойный человек не тот, у кого нет недостатков, а тот, у кого есть достоинство.

В.Ключевский

Иные могли бы иметь куда больше достоинств, если бы к ним не стремились нарочито.

Г.Флобер

Истинное достоинство человека – в его способности себя презирать.

Дж. Сантаяна

Людам с великими достоинствами нелегко прощаются и маленькие ошибки.

М. Эбнер-Эшенбах

Мы обладаем в душе ровно столькими достоинствами, сколько можем видеть в других людях.

У.Гэзлитт

Надо самому иметь достоинства для того, чтобы распознать их в других.

Ж.Помпадур

Наше достоинство не в том, что мы делаем, а в том, что понимаем.

Дж. Сантаяна

Наши недостатки – продолжение наших достоинств.

Ф.Ларошфуко

О достоинствах человека можно судить лишь после его смерти.

Наполеон I

Основное достоинство человека – умение противостоять себе самому.

С.Джонсон

Откровенно говорить о наших недостатках мы можем лишь с тем, кто признает наши достоинства.

А.Моруа

Самый верный признак врожденных высоких достоинств – это отсутствие врожденной зависти.

Ф.Ларошфуко

Тот, кто не понимает своего назначения, всего чаще лишен чувства собственного достоинства.

Ф.Достоевский

Уметь переносить несовершенство других есть признак высшего достоинства

Г.Винклер

Человеческое достоинство кончается там, где начинается всеобщее благо.

В.Швебель

Чем больше мы говорим о своих достоинствах, тем меньше в них верят.

Э.П.Бошен

Чем меньше человек думает или знает о своих достоинствах, тем больше он нравится нам.

Р.Эмерсон

Большое честолюбие издавна превращало благоразумных в безумцев.

И.Кант

Из всех страстей честолюбие наиболее суетно и ненасытно.

П.Буаст

Какое бы высокое положение ни занимал честолюбивый, он желает подняться еще выше.

П.Буаст

Люди часто изменяют любви ради честолюбия, но потом уже никогда не изменяют честолюбию ради любви.

Ф.Ларошфуко

Ненасытное честолюбие помрачает ум человека, и он не замечает грозящих ему опасностей.

Эзон

Неукротимое честолюбие и недоверчивость я встречал всегда вместе.

Г.Лихтенберг

Прекрасно честолюбие только в молодости, когда оно неизвестность, обещание и надежда.

Л.Гизбург

Спросите женщин, каких мужчин они предпочитают – честолюбивцев. У честолюбивцев хребет крепче, кровь богаче железом, сердце горячее.

О.Бальзак

Там, где замешано честолюбие, нет места чистосердечию.

О.Бальзак

Честолюбие – такое сильное человеческое чувство, что как бы высоко мы ни забралась, мы никогда не испытываем удовлетворения.

Н.Макиавелли

Честолюбие – это нескромность ума.

У.Дэвенант.

Честолюбие дремлет, но никогда не спит.

П.Буаст

Честолюбие есть чрезмерное желание славы.

Б.Спиноза

Честолюбие подобно голодному желудку – оно не повинуется никаким законам, кроме своего аппетита.

Г.Шоу

Честолюбие редко бывает без некоторой примеси величия.

Ж.Сэнтин

Честолюбие само по себе, может быть, и порок, но оно часто является источником достоинства.

Квинтилиан

Честолюбие часто заставляет людей предаваться самым низким занятиям; вверх ползут в той же позе, что и ползают.

Дж.Свифт

Честолюбие, заставляя нас устремлять свои взоры в будущее, мешает наслаждаться настоящим.

Д.Брюэс

Время времени рознь, но честь в душе неизменна.

Катон

Исчезает честь – остается формула чести, что равносильно смерти чести.

Ф.Достоевский

Каждому свою честь воздает потомство.

Тацит

Лишать чести другого – значит лишаться своей.

Публилий Сир

Следует тратить дух и тело для добычи пищи, но не следует тратить для того чести.

А.Платонов

Смешное наносит чести больший ущерб, чем само безчестие.

Ф.Ларошфуко

Честь – это истинная красота.

Р.Роллан

Честь – это бриллиант на руке добродетели.

Вольтер

Честь – это драгоценность, которую кое-кто находит более выгодным терять.

В.Жемчужников

Честь – это желание снискать почести; соблюдать свою честь – это значит не совершать ничего такого, что было бы недостойно почестей.

Вольтер

Честь – это мужественная стыдливость.

А.Виньи

Честь – это награда, присуждаемая за добродетель.

Аристотель

Честь – это поэзия долга.

А.Виньи

Честь для всех одна.

Лаберий

Честь дороже жизни.

Ф.Шиллер

Честь есть не что иное, как хорошее мнение о нас других людей.

Б.Мандевиль

Честь походит на драгоценный камень: малейшее пятнышко лишает ее блеска и отнимает у нее ее цену.

Э.-П. Бошен

(Энциклопедия афоризмов / Сост. М.Ф.Иванова, Л.Г.Стахурская.- Симферополь: «Реноме», ИД «Квадранал», 2004.- 576 с.- С.111, 524-526).

Истинная собственность человека – человеческое достоинство.

Эпиктет

Ни один человек не может быть ни орудием, ни целью. В этом состоит его достоинство.

Иммануил Кант

Чувство собственного достоинства – преданность своим собственным идеалам.

Михаил Щербов

Да здравствуют честные люди. Они все же меньшие каналы, чем другие.

Анри Бек

Для одних из нас достоинство – категория морали, для других – престижа.

Александр Круглов

Поскреби достоинство – найдешь самолюбие.

Евгений Кащеев

Сознание своего достоинства делает умного человека более скромным, но вместе с тем и более стойким.

Филлип Честерфильд

Тем, у кого достоинство подменяется соответствующей их положению спесью, спесью в других кажется именно достоинством.

Александр Круглов

Истинное достоинство подобно реке, чем она глубже, тем меньше издает шума.

Мишель де Монтень

Понятие о чести – более сильный стимул нравственности, чем всякое уложение о наказаниях.

Анри де Сен-Симон

Честь – это внешняя совесть, а совесть – это внутренняя честь.

Артур Шопенгауэр

Это странное понятие чести – пустой призрак, принимаемый за добродетель; любовь к славе, а не к справедливости; боязнь упрека, а не порока.

Франсуа Вольтер

Честь объективно – мнение, которое другие имеют о нашем мужестве, и субъективно – страх, который нам внушает это мнение.

Артур Шопенгауэр

Восклицать с энтузиазмом: «честь выше жизни», значит в сущности утверждать: «наша жизнь и довольство – ничто; суть в том, что думают о нас другие».

Артур Шопенгауэр

Невинность мужчин – их честь; честь женщин – их невинность.

М. Эбнер-Эшенбах

Если мужчины не понимают женского сердца, то женщины не понимают мужской чести.

Александр Дюма-сын

Честного человека можно преследовать, но не обесчестить.

Франсуа Вольтер

Честь нельзя отнять, ее можно потерять.

Антон Чехов

Урон, нанесенный чести человека, складывается не только из оскорблений, которым она подверглась, но и из его недостойной реакции на случившееся. Нашу честь могут задеть, но уронить ее можем только мы сами.

Евгений Пантелеев

Нередко люди отдают свою честь за какой-нибудь значок чести.

NN

Радость негодяя беспокоит человека честно.

Пьер Буаст

Только незапятнанный может победить бесчестных.

Самед Вургун

Кто учит насмешника, тот причиняет вред самому себе, а кто порицает нечестивого, тот позорит себя.

Библия Пр. 9.7.

Имей сострадание к своим ногам, чтобы они не ступали в болото: точно также не попирай ногами недостойных.

Фридрих Ницше

Честную душу сдерживает совесть, а негодяй крепнет от своей дерзости.

Плиний Младший

Негодяй извлекает двойную выгоду: из собственной несправедливости и из честности других.

Жан Жак Руссо

В наш век негодяй, опровергающий благородного, – всегда сильнее, ибо имеет вид достоинства, почерпаемого в здравом смысле, а благородный, походя на идеалиста, имеет вид шута.

Федор Достоевский

(Антология мудрости / Сост. В.Ю.Шойхе.- М.: Вече, 2007.- 848 С. – С.208-211).

Рекомендованная литература

1. *Абрамович С. Л.* Пушкин в 1836 году (Предыстория последней дуэли). – Ленинград: Наука, 1985. – 208 с.
2. *Абульханова-Славская К. А.* Стратегия жизни. – М.: Мысль, 1991. – 299 с.
3. *Адлер А.* Практика и теория индивидуальной психологии: Лекции по введению в психотерапию для врачей, психологов и учителей. – М.: Изд-во Института психотерапии, 2002. – 214 с.
4. *Азаров Ю. П.* Семейная педагогика. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1985. – 238 с.
5. *Айзенк Г. Ю.* Проверьте свои способности. – М.: Педагогика-Пресс, 1992. – 176 с.
6. *Анохин П. К.* Философские аспекты теории функциональных систем / Избранные труды. – М., 1978.
7. *Аристотель.* Сочинения в четырех томах / Под ред. В. Ф. Асмус. – Т. 1. – М.: Мысль, 1976. – 550 с.
8. *Асмолов А. Г.* Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека / Александр Асмолов. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Смысл: Издательский центр «Академия», 2007. – 528 с.
9. *Балл Г. А.* Психология в рациогуманистической перспективе: Избранные работы. – К.: Основа, 2006. – 408 с.
10. *Балл Г. О.* Сучасний гуманізм і освіта: Соціально-філософські та психолого-педагогічні аспекти. – Рівне: «Ліста-М». – 2003. – 128 с.
11. *Бахтин М. М.* Проблемы поэтики Достоевского / М. Бахтин. – 2-е изд. – М.: Сов. писатель, 1963. – 364 с.
12. *Бердяев Н. А.* Самопознание (Опыт философской автобиографии). – М.: Книга, 1991. – 446 с.
13. *Бернштейн Н. А.* Очерки физиологии движений и физиологии активности. – М.: Медицина, 1966. – 346 с.
14. *Берсенев В. А.* Честь имею! / Редактор-составитель Я. М. Махлин; Владимир Берсенев. – Донецк: Издатель Заславский А. Ю., 2009. – 80 с.
15. *Бех І. Д.* Виховання особистості: Підручник. – К.: Либідь, 2008. – 848 с.
16. *Бех І. Д.* Психологічні джерела виховної майстерності: навчальний посібник / І. Д. Бех. – К.: Академвидав, 2009. – 248 с.
17. *Бехтерев В. М.* Психика и жизнь. – СПб.: Алетейя, 1999.
18. *Библер В. С.* Цивилизация и культура. Философские размышления в конце XX века. – М.: Российский гос. гуманит. ун-т, 1993. – 48 с.
19. Большая психологическая энциклопедия. – М.: Эксмо, 2007. – 544 с.
20. *Бондаренко А. Ф.* Психологическая помощь: теория и практика. – М.: Изд-во Института психотерапии, 2000. – 368 с.
21. *Бондаровська В. М.* Що ми можемо зробити, щоб запобігти домашньому насильству / В. М. Бондаровська. – К.: «СДМ-Студіо», 1999. – 64 с.
22. *Боришевський М. Й.* Особистість у вимірах самосвідомості: монографія / М. Й. Боришевський. – Суми.: Видавничий будинок «Еллада», 2012. – 608 с.

23. *Буева Л. П.* Человек как высшая ценность и главное богатство общества // Человек в системе наук. – М.: Наука, 1989. – С. 493–502.
24. *Бурлачук Л. Ф., Морозов С. М.* Словарь-справочник по психодиагностике. – СПб.: Питер КОМ, 1999. – 528 с.
25. *Варій М. Й.* Політико-психологічні передвиборчі та виборчі технології: Навч.-метод. посібник. – К.: Ельга, Ніка-Центр, 2003. – 400 с.
26. *Васянович Г. П.* Педагогічна етика: Навч.-метод. посібник. – Львів: Норма, 2005. – 344 с.
27. Введение в психологию / Под общ. ред. проф. А. В. Петровского. – М.: Изд. центр «Академия», 1996. – 496 с.
28. Ведынов А. В. Личность как предмет психологической науки // Вопросы психологии. – 1956. – № 1.
29. *Венедиктова В. И.* Деловая репутация (личность, культура, этика, имидж делового человека). – М.: ИНЭ, 1996. – 206 с.
30. *Вербицкий А. А.* Компетентностный подход и теория контекстного обучения. – М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2004. – 84 с.
31. *Вернадский В. И.* Философские мысли натуралиста. – М.: Наука, 1988. – 520 с.
32. *Видра О. Г.* Психологічна культура особистості майбутнього вчителя трудового навчання. – Чернігів: ЧДПУ ім. Т. Г. Шевченка, 2008. – 164 с.
33. *Выготский Л. С.* Собрание сочинений. В 6-ти томах. – М.: Педагогика, 1982 – 1984.
34. *Гальченко М. С.* Національний досвід підтримки та розвитку обдарованих дітей у Сполучених штатах Америки. – К.: ІОД АПН України, 2008. – 43 с. (рукопис).
35. *Гарбузов В. И.* Инстинкты и судьба человека / В. Гарбузов. – М.: АСТ; СПб.: Астрель-СПб, 2006. – 477 с.
36. *Гильбух Ю. З.* Розумово обдарована дитина: Психологія, діагностика, педагогіка. – К.: Випол, 1993. – 75 с.
37. *Головаха Е. И., Панина Н. В.* Социальное безумие: история, теория и современная практика. – К.: Абрис, 1994. – 168 с.
38. *Гольдштейн А., Хомик В.* Тренінг умінь спілкування: як допомогти проблемним підліткам / Пер. з англ. В. Хомика. – К.: Либідь, 2003. – 520 с.
39. *Гончаренко С. У.* Етичний кодекс ученого / Естетика і етика педагогічної дії: Зб. наук. праць // Інститут педагогічної освіти і освіти дорослих НАПН України; Полтавський національний педагогічний університет ім. В. Г. Короленка. – К., Полтава: ПНУ імені В. Г. Короленка, 2011. – Вип. 1. – С. 25–34.
40. *Гончаренко С. У.* Педагогічні дослідження: Методологічні поради молодим науковцям. – Київ – Вінниця: ТОВ фірма «Планер», 2010. – 308 с.
41. *Гончаренко С. У.* Український педагогічний словник. – К.: Либідь, 1997. – 376 с.
42. *Гончарук П. А.* Психологія навчання. – К.: Вища школа, 1985. – 144 с.

43. *Грот М. Я.* Вибрані психологічні твори / Упоряд. М. Д. Бойправ. – Ніжин: Вид-во НДУ ім. М. В. Гоголя, 2006. – 296 с.
44. *Губко О. Т.* Психологія українського народу. Наукове дослідження. В чотирьох книгах. Книга перша. Психологічний склад праукраїнської народності. – К.: ПВП «Задруга», 2003. – 402 с.
45. *Джемс У.* Беседи с учителями о психологии. – М.: Изд-во «Совершенство», 1988. – 160 с.
46. *Джемс У.* Психология / Под ред. Л. А. Петровской. – М.: Педагогика, 1991. – 368 с.
47. *Джеффферс С.* Уроки любви: Книга рецептов счастливых отношений. – М.: ООО Изд-во «София», 2007. – 304 с.
48. *Достоевский Ф. М.* Собрание сочинений в десяти томах. Том первый. Произведения. 1846–1848. – М.: Гос. изд-во художест. литературы, 1956. – 684 с.
49. *Достоевский Ф. М.* Собрание сочинений в десяти томах. Том второй. Произведения. 1848–1859. – М.: Гос. изд-во художест. литературы, 1956. – 664 с.
50. *Достоевский Ф. М.* Собрание сочинений в десяти томах. – М.: Гос. изд-во художест. литературы, 1956. – Т. 3.: Униженные и оскорбленные. Записки из мертвого дома. – 724 с.
51. *Достоевский Ф. М.* Собрание сочинений в десяти томах. 1862–1869. – М.: Гос. изд-во художест. литературы, 1956. – Т. 4.: Произведения. – 612 с.
52. *Достоевский Ф. М.* Собрание сочинений в десяти томах. – М.: Гос. изд-во художест. литературы, 1957. – Т. 5.: Преступление и наказание. – 600 с.
53. *Достоевский Ф. М.* Собрание сочинений в десяти томах. – М.: Гос. изд-во художест. литературы, 1957. – Т. 6.: Идиот. – 736 с.
54. *Достоевский Ф. М.* Собрание сочинений в десяти томах. – М.: Гос. изд-во художест. литературы, 1957. – Т. 7.: Бесы. – 760 с.
55. *Достоевский Ф. М.* Собрание сочинений в десяти томах. – М.: Гос. изд-во художест. литературы, 1957. – Т. 8.: Подросток. – 660 с.
56. *Достоевский Ф. М.* Собрание сочинений в десяти томах. – М.: Гос. изд-во художест. литературы, 1958. – Т. 9.: Братья Карамазовы. – 636 с.
57. *Достоевский Ф. М.* Собрание сочинений в десяти томах. Часть IV. Эпилог. Произведения 1873–1880. – М.: Гос. изд-во художест. литературы, 1958. – Т. 10. Братья Карамазовы. – 624 с.
58. *Дьяченко М. И., Кандыбович Л. А.* Психологический словарь-справочник. – Мн.: Харвест, 2004. – 576 с.
59. *Енциклопедія освіти / Акад. пед. наук України; Гол. ред. В. Г. Кремень.* – К.: Юрінком Інтер, 2008. – 1040 с.
60. *Енциклопедичний словник з державного управління / За ред. Ю. В. Ковбасюка, В. П. Трощинського, Ю. П. Сураїна.* – К.: НАДУ, 2010. – 820 с.
61. *Етичний кодекс ученого України / Бюлетень Вищої атестаційної комісії України, 311 (145).* – 2011. – С. 7–10.

62. *Єфремцева С. А.* Тренінг спілкування для старшокласників / Під ред. Ю. З. Гільбуха. – К.: Ін-т психології АПН України, 1994. – 80 с.
63. *Засекіна Л. В., Засекін С. В.* Психолінгвістична діагностика: Навч. посібник. – Луцьк: РВВ «Вежа» Волин. нац. ун-ту ім. Лесі Українки, 2008. – 188 с.
64. *Зеньковский В. В.* Проблемы воспитания в свете христианской антропологии. – М.: Изд-во Свято-Владимирского Братства, 1993. – 224 с.
65. *Зязюн І. А.* Педагогіка добра: ідеали і реалії: Наук.-метод. посібник. – К.: МАУП, 2000. – 312 с.
66. *Зязюн І. А.* Філософія педагогічної дії: Монографія. – Черкаси: Вид. від. ЧНУ імені Богдана Хмельницького, 2008. – 608 с.
67. *Иванова Т. В.* Культурологическая подготовка будущего учителя: Монография / Т. В. Иванова. – К.: ЦВП, 2005. – 282 с.
68. *Ильенков Э. В.* Философия и культура. – М.: Политиздат, 1991. – 464 с.
69. *Кабиш-Рибалка А. В.* Дослідження інтелектуально обдарованих старшокласників з різною життєвою орієнтацією та успішністю навчання / Обдарована дитина. – 2007. – № 4. – С. 38–51.
70. *Кабиш-Рибалка Т. В.* Дослідження особливостей поведінки на екзаменах десятикласників з різними типами темпераменту і характеру / Практична психологія і соціальна робота. – 2007. – № 2. – С. 30–35.
71. *Калюжна Є. М.* Шлях до «Я-відкриття»: Ілюстрований робочий зошит з психології для 9-х класів. – Запоріжжя: Інтерпрінт, 2010. – 96 с.
72. *Кант И.* Антропология с прагматической точки зрения. – СПб.: Наука, 1999. – 471 с.
73. Карнеги, мистер Дейл, Карнеги, миссис Дейл. Путь к счастью. – К.: Внешторгиздат, НПК «Рось», 1991. – 48 с.
74. *Карпенко З. С.* Аксіологічна психологія особистості. – Івано-Франківськ: Лілея-НВ, 2009. – 512 с.
75. *Киносита Т.* Антропология и поэтика творчества Достоевского. Сборник статей. Предисловие В. Туниманова. – Санкт-Петербург: Серебряный век, 2005. – 208 с.
76. *Кириленко Т. С.* Психологія: емоційна сфера особистості: Навч. посібник. – К.: Либідь, 2007. – 256 с.
77. *Кісарчук З. Г., Єрмусевич О. І.* Психологічна допомога сім'ї: Кн.1. Навч. посібник (у 3 кн.). – К.: Главник, 2006. – 128 с.
78. *Кісарчук З. Г.* Проблеми батьківства і материнства. – К.: Тов-во «Знання» УРСР, 1990. – 17 с.
79. *Климов Е. А.* Как выбирать профессию: Кн. для учащихся. – Просвещение, 1984. – 160 с.
80. *Коломинский Я. Л.* Психологическая культура – условие и цель деятельности психолога // Психалогія. Минск. – 2000. – № 2 (19). – С. 4–19.
81. *Кондратенко В. Т., Донской Д. И.* Общая психотерапия: Учебн. пособие. – Минск: Высшая школа, 1997. – 2-е изд. – 464 с.
82. Конституція України, прийнята на п'ятій сесії Верховної Ради України від 28 червня 1996 р. – К.: Феміна, 1996. – 64 с.

83. *Короткова З. М.* Богородичные праздники. – М.: Политиздат, 1975. – 2-е изд. – 79 с.
84. *Корчак Я.* Как любить ребенка: Книга о воспитании: Пер. с польск. / Я. Корчак. – М.: Политиздат, 1990. – 493 с.
85. *Костицький М. В.* Філософські та психологічні проблеми юриспруденції: Вибрані наукові праці. – Чернівці: Рута, 2008. – 560 с.
86. *Костюк Г. С.* Избранные психологические труды. – М.: Педагогика, 1988. – 304 с.
87. *Кремень В. Г.* Особистість в освітній системі / За ред. С. Д. Максименка // Теоретико-методологічні проблеми розвитку особистості в системі неперервної освіти: Матеріали методолог. семінару АПН України, 16 грудня 2004 року. – К., 2005. – С. 3–17.
88. *Кремень В. Г.* Філософія людиноцентризму в стратегіях освітнього простору / В. Г. Кремень. – К.: Педагогічна думка. – 2009. – 520 с.
89. *Крижко В. В.* Антологія аксіологічної парадигми управління освітою: Навч. посібник. – К.: Освіта України, 2005. – 440 с.
90. *Кузнецов Б. Г.* Эйнштейн. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 2-е изд. – 416 с.
91. *Кузнецов В. А., Линкольн Л. М., Кузнецова Н. В.* Особенности методики работы с одаренными детьми Дж.С.Рензулли и опыт ее внедрения в современную украинскую школу. – Одесса: РЦРЭЗ ОГЭКУ, 2005. – 22 с.
92. *Культура і вчитель: Зб. наук.-метод. праць / Авт. колектив під ред. А. Б. Щербо; Відп. ред. Д. М. Джола.* – Вінниця: ВДПУ, 2006. – Вип. 3. – 346 с.
93. *Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Политиздат, 1977. – 304 с.
94. *Лермонтов М. Ю.* Смерть поэта / Сочинения в двух томах. – М.: Правда, 1988. – Т. 1. – С. 157–158.
95. *Лещинская Е. А.* Тренинг общения для учащихся 4–6 классов / Под ред. Ю. З. Гильбуха. – К.: НПЦ Перспектива, 1995. – 32 с.
96. *Логика / Под ред. Д. П. Горского и П. В. Таванца.* – М.: Гос. изд-во полит. лит., 1956. – 280 с.
97. *Ломов Б. Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. – М.: Наука, 1984. – 448 с.
98. *Лушин П. В.* Психология личностного изменения. – Кировоград: ООО «Им4. экс-ЛТД», 2002. – 360 с.
99. *Луцький І. М.* Правова мораль в охороні матері і дитини (згідно законодавства України та країн ЄС): Монографія. – Івано-Франківськ: Місто НВ, 2010. – 140 с.
100. *Макаренко А. С.* Сочинения в семи томах. – М.: Изд-во АПН РСФСР, 1958. – Т. 6. – 448 с.
101. *Мак-Ніл В.* Піднесення Заходу. Історія людського суспільства. – К.: Ніка-Центр, 2002. – 1112 с. – (Серія: «Зміна парадигми»).
102. *Максименко С. Д., Максименко К. С., Папуча М. В.* Психологія особистості: Підручник / За ред. С. Д. Максименка. – К.: Вид-во ТОВ «КММ», 2007. – 296 с.

103. *Маноха І. П.* Психологія потаємного «Я». – К.: Поліграфкнига, 2001. – 448 с.
104. Методичні матеріали для шкільного психолога / За ред. В. Г. Панка. – К.: Ін-т психології АПН України, 1992. – Вип. 1. – 84 с.
105. Митрополит Ієрофей (Влахос). Православная психотерапия: Святоотеческий курс врачевания души. – Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2006. – 368 с.
106. *Мицик Ю. А., Плохий С. М., Стороженко І. С.* Як козаки воювали: Історичні розповіді про запорізьке козацтво. – Дніпропетровськ: Січ; Київ.: МП «Пам'ятки України», 1991. – 2-е вид. – 302 с.
107. *Моляко В. А.* Творческая конструкторология (пролегомены). – К.: Освіта України, 2007. – 388 с.
108. *Моргун В. Ф.* Монистическая концепция многомерного развития личности: Аннотированный библиографический указатель с 1984 по 1988 год. – Полтава, 1989. – 56 с.
109. *Моргун В. Ф., Тітов І. Г.* Основи психологічної діагностики. Навчальний посібник для студентів вищих навчальних закладів. – К.: Видавничий Дім «Слово», 2009. – 464 с.
110. *Моргун Ф. Т.* Хто зруйнував Компартію і найбільшу в світі країну? Роздуми виборця. – Полтава: Дивосвіт, 2006. – 42 с.
111. *Мороз В. Л.* Дорога в осінь: Вибрані поезії. – Одеса: Астропринт, 2004. – 300 с.
112. *Мучник А. Г.* Философия достоинства, свободы и прав человека. – К.: Парламентское издательство, 2009. – 672 с.
113. *Никитина Л. А.* Мама и детский сад: Кн. для воспитателей детсада и родителей. – М.: Просвещение, 1990. – 93 с.
114. *Ничкало Н. Г., Молчанова А. А.* Воспитание труженика. – М.: Профтехобразование, 1992. – 73 с.
115. О честности и правдивости / Сост. Д. И. Шоя, А. Т. Губко. – К.: Рад. школа, 1983. – 93 с.
116. Общая психология: Учебник / Под ред. А. В. Петровского. – 3-е изд. – М.: Просвещение, 1986. – 464 с.
117. *Онищенко Г. І.* Християнськи зорієнтована психологічна допомога сім'ї: Навчальний посібник (в 3 кн.) / За заг. ред. З. Г. Кісарчук // Психологічна допомога сім'ї. – К.: Главник, 2006. – Кн. 3. – С. 3–46.
118. Основи практичної психології / В. Панок, Т. Титаренко, Н. Чепелева та ін.: Підручник. – К.: Либідь, 2006. – 3-є вид., стереотип. – 536 с.
119. *Панок В. Г., Цушко І. І.* Стратегія розвитку психологічної служби системи освіти України: Метод. посібник. – К.: Ніка-Центр, 2004. – 128 с.
120. Педагогічна майстерність: Підручник / І. А. Зязюн, Л. В. Крамущенко, І. Ф. Кривонос та ін.; За ред. І. А. Зязюна. – 2-ге вид. – К.: Вища школа, 2004. – 422 с.
121. *Печчеи А.* Человеческие качества. – М.: Прогресс, 1980. – 302 с.

122. *Платонов К. К.* Вопросы психологии труда. – М.: Медицина, 1970. – 2-е изд. – 264 с.
123. *Побірченко Н. А.* Формування особистісної готовності учнів загальноосвітньої школи до підприємницької діяльності: Монографія. – К., 1999.
124. *Подмазин С. И., Сибиль Е. И.* Как помочь подростку с «трудным» характером. – К.: НПУ «Перспектива», 1996. – 160 с.
125. *Помиткін Е. О.* Психологія духовного розвитку особистості: Монографія. – К.: Наш час, 2007. – 280 с.
126. *Потебня А. А.* Мысль и язык. – К.: СИНТО, 1993. – 192 с.
127. Профконсультационная работа со старшеклассниками / Под ред. Б. А. Федоришина. – К.: Рад. школа, 1980. – 161 с.
128. *Пряжников Н. С.* Ценностно-нравственные активизирующие опросники профессионального и личностного самоопределения. Методическое пособие 3 / Н. С. Пряжников. – М.: Изд-во «Институт практ. Психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 1997. – 64 с.
129. *Пряжников Н. С., Пряжникова Е. Ю.* Психология труда и человеческого достоинства. – М.: Академія, 2002. – 490 с.
130. Психологический словарь / Под ред. В. П. Зинченко, Б. Г. Мещерякова. – 2-е изд. – М.: ООО «Изд-во Астрель»; ООО «Изд-во АСТ»; ООО «Транзиткнига», 2004. – 479 с.
131. Психологічні аспекти національної безпеки: Тези Другої Міжнародної науково-практичної конференції. – Львів: ЛДУВС. – 264 с.
132. Психологічний словник / Автори-укладачі: В. В. Синявський, О. П. Сергеевкова; За ред. Н. А. Побірченко. – К.: Наук. світ, 2007. – 274 с.
133. Психологічний словник / За ред. В. І. Войтка. – К.: Вища школа, 1982. – 216 с.
134. Психологія: Підручник / Ю. Л. Трофімов, В. В. Рибалка, П. А. Гончарук та ін.; За ред. Ю. Л. Трофімова. – К.: Либідь, 2008. – 6-те вид. – 560 с.
135. *Пушкин А. С.* Сочинения. В 3-х т. Проза. – М.: Худож. лит., 1986. – Т. 3. – 527 с.
136. *Рамундо М.* Как поднять энтузиазм сотрудников / М. Рамундо, С. Шелли. – М.: ООО «Изд-во АСТ», ООО «Изд-во Астрель», 2004. – 331 с.
137. *Рибалка В. В.* Психологія розвитку творчої особистості: Навч. посібник. – К.: ІЗМН, 1996. – 236 с.
138. *Рибалка В. В.* Методологічні питання наукової психології (Досвід особистісно центрованої систематизації категоріально-поняттєвого апарату): Навч.-метод. посібник. – К.: Ніка–Центр, 2003. – 204 с.
139. *Рибалка В. В.* Особистісно центроване консультування клієнтів із патогенною психодинамічною неконгруентністю: Метод. посібник. – К.: КМПУ ім. Б. Д. Грінченка. – 2005. – 54 с.
140. *Рибалка В. В.* Психологічна профілактика суїцидальних тенденцій проблемної особистості / В. Рибалка. – К.: Шкільний світ, 2009. – 128 с.
141. *Рибалка В. В.* Теорії особистості у вітчизняній психології: Навч. посібник. – К.: ІПППО АПН України, 2006. – 530 с.

142. *Рибалка В. В.* Теорії особистості у вітчизняній психології та педагогіці: Навчальний посібник. – Одеса: Букаєв Вадим Вікторович, 2009. – 575 с.
143. *Рибалка В. В.* Аксиологічні основи психологічної культури особистості: Навч.-метод. посібник / В. В. Рибалка. – К.: АПН України, Ін-т пед. освіти і освіти дорослих; Ін-т обдарованої дитини; АПН і МОН України, Укр. наук.-метод. центр практичної психології і соц. роботи. – Чернівці: «Технодрук», 2009. – 228 с.
144. Розвиток психологічної культури учнівської молоді в системі неперервної професійної освіти: Навч.-метод. посібник / За ред. В. В. Рибалки; кол. авторів. – К.: ІПППО АПН України, 2005. – 298 с.
145. *Рыбалка В. В.* Психология чести и достоинства личности: культурологические и аксиологические аспекты: Науч.-метод. пособие / В. В. Рыбалка // НАПН Украины, Ин-т пед. образования и образования взрослых; Ин-т одаренного ребенка; МОН и НАПН Украины, Укр. науч.-метод. центр практ. психологии и соц. работы. – Одесса: «ІНТЕРПРІНТ», 2010. – 414 с.
146. *Роджерс К.* Взгляд на психотерапию. Становление человека. – М.: «Прогресс», «Универс», 1994. – 480 с.
147. *Роменець В. А.* Історія психології: Стародавній світ. Середні віки. Відродження: Навч. посібник. – К.: Либідь, 2005. – 916 с.
148. *Роменець В. А., Маноха І. П.* Психологія ХХ століття: Підручник. – К.: Либідь, 1998. – 992 с.
149. *Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии: В 2 т. – М.: Педагогика, 1989. – Т. 1. – 488 с.
150. *Рудестам К.* Групповая психотерапия. – 2-е изд. – М.: Прогресс, 1993. – 368 с.
151. *Рудницька О. П.* Музика і культура особистості: Проблеми сучасної педагогічної освіти: Навч. посібник. – К.: ІЗМН, 1998. – 248 с.
152. *Русова В. В.* Самоактуалізація особистості як умова профільного навчання старшокласників // Автореферат дисертації на здобуття наукового ступеня кандидата психолог. наук. – К.: ІПППО АПН України, 2007. – 22 с.
153. *Русяева А. С., Супруненко А. Б.* Исторические личности эллино-скифской эпохи (культурно-политические контакты и взаимовлияние). – Киев-Комсомольск: Археология, 2003. – 320 с.
154. *Самойлов А. Е.* Психология парадоксального мышления или прогностический диалог теории и эмпирии. – Днепропетровск, 2007. – 185 с.
155. *Сверстюк Е.* О национальной чести / Зеркало недели. – № 36 (665). – 29 сентября 2007. – С. 3.
156. *Селье Г.* Стресс без дистресса. – М.: Прогресс, 1982. – 128 с.
157. *Сисоєва С. О.* Освіта і особистість в умовах постіндустріального світу: Монографія. – Хмельницький: ХГПА, 2008. – 324 с.
158. *Скрипченко А. В., Лисянська Т. М., Скрипченко Л. О.* Довідник з педагогіки і психології. – К.: Вид-во Національного педагогічного ун-ту ім. М. П. Драгоманова. – 2000. – 216 с.

159. Словарь по этике / Под ред. И. С. Кона. – М.: Политиздат, 1981. – 4-е изд. – 430 с.
160. *Слотердайк П.* Критика цинічного розуму: Пер. з нім. / Петер Слотердайк. – К.: Тандем, 2002. – 544 с.
161. *Смульсон М. Л.* Психологія розвитку інтелекту: Монографія. – К., 2001. – 276 с.
162. *Созонюк О. С.* Детермінанти розвитку психологічної культури вчителя початкової школи // Автореферат дис. ... на здобуття наукового ступеня кандидата психологічних наук (19.00.07 – педагогічна та вікова психологія). – Рівне: РДГУ. – 2002. – 20 с.
163. *Спок Б.* Разговор с матерью / Пер. с англ. – К.: Варта, 1994. – 192 с.
164. *Стаматина О. Д.* Структура и динамика процесса формирования честности у старшеклассников. – Кишинев: Штиинца, 1987. – 140 с.
165. *Старовойтенко Е. Б.* Культурная психология личности: монографія. – М.: Академический Проект: Гаудеамус. – 2007. – 310 с.
166. *Столин В. В.* Самосознание личности. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. – 284 с.
167. *Сухомлинский В. А.* Избранные произведения в пяти томах. Проблемы воспитания всесторонне развитой личности. Духовный мир школьника. Методика воспитания коллектива. – К.: Радянська школа, 1979. – Т. 1. – 686 с.
168. *Сухомлинский В. А.* Воспитание в духе правдивости и честности / В. А. Сухомлинский // Избранные произведения в пяти томах. – Т. 4. – К.: Рад. школа, 1980. – С. 201–207.
169. *Сухомлинский В. А.* Избранные произведения в пяти томах. – К.: Радянська школа, 1980. – Т. 5.: Статті. – 680 с.
170. *Тадєєв П. О.* Обдарованість і творчість особистості: Американський підхід. – Тернопіль: Навчальна книга. – Богдан, 2008. – 240 с.
171. Талановита особистість: сім'я, школа, держава. – Тези доповідей та виступів на Міжнародній науково-практичній конференції 11–15 травня 1994 р. у м. Києві. – К.: КМ України, УЦТДЮ, ІП АПН України та ін., 1994. – Ч. 1, 2, 3. – 177 с., 167 с., 68 с.
172. *Ткаченко О. М.* Принципи і категорії психології. – К.: Вища школа, 1979. – 200 с.
173. *Федоришин Б. О.* Психологічні аспекти профорієнтації учнів. – К.: Т-во «Знання» Української РСР, 1976. – 48 с.
174. Феномен інновації: освіта, суспільство, культура: Монографія / За ред. В. Г. Кременя. – К.: Педагогічна думка. – 2008. – 472 с.
175. Філософський енциклопедичний словник. Довідкове видання / Гол. ред. колегії В. І. Шинкарук; Наук. ред. Л. В. Озодовська, Н. Г. Поліщук. – К.: Абрис, Інститут філософії ім. Г. С. Сковороди НАНУ, 2002. – 744 с.
176. Философский словарь / Под ред. И. Т. Фролова. – 5-е изд. – М.: Политиздат, 1987. – 590 с.
177. *Фурман А. В.* Психокультура української ментальності: Наук. видання. – Тернопіль: Економічна думка, 2002. – 132 с.

178. *Хорват Ф.* Любовь, материнство, будущее. – М.: Прогресс, 1982. – 96 с.
179. Хрестоматія з історії дошкільної педагогіки: Навч. посібник / За заг. ред. З. Н. Борисової. – К.: Вища школа. – 2004. – 511 с.
180. *Хухлаєва О., Курилина Т., Федорова О.* Счастливый подросток. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2000.
181. *Хьелл Л., Зиглер Д.* Теории личности. – СПб.: Питер Пресс, 1997. – 608 с.
182. *Цуканов Б. И.* Фактор времени и природа темперамента // Вопросы психологии. – 1988. – № 4. – С. 129–136.
183. *Цуканов Б. Й.* Диференційна психологія (конспект лекцій). – Одеса: Астропринт, 1999. – 68 с.
184. *Цуканов Б. И.* Время в психике человека: Монография. – Одесса: Астропринт, 2000. – 220 с.
185. *Цырлина Т. В.* Встречное движение. – М.: Знание, 1991. – 80 с.
186. *Чепелева Н. В.* Психологічна культура майбутнього вчителя. – К.: Т-во «Знання» УРСР, 1989. – 32 с.
187. *Шарден П. Т. де.* Феномен человека. – М.: Наука, 1987. – 240 с.
188. *Шеруин Э. Б.* Путь Кремниевой долины. – М.: ООО «Изд-во АСТ»: ООО «Транзит книга», 2004. – 204 с.
189. *Шилов Ю. О.* Джерела витоків української етнокультури XIX тис. до н.е. – II тис. н.е. – К.: Аратта, 2002. – 277 с.
190. *Экман П.* Психология лжи. Обмани меня, если сможешь. – СПб.: Питер, 2012. – 304 с.
191. *Элькин Д. Г.* Восприятие времени. – М.: Изд-во АПН РСФСР, 1962. – 312 с.
192. Энциклопедия афоризмов / Сост. М. Ф. Иванова, Л. Г. Стахурская. – Симферополь: «Реноме», ИД «Квадранал», 2004. – 576 с.
193. *Яворницький Д. І.* Історія запорозьких козаків. У трьох томах. – К.: Наукова думка, 1990. – Т. 1. – 592 с.
194. *Якиманская И. С.* Требования к учебным программам, ориентированным на личностное развитие школьников // Вопросы психологии, 1994. – № 2. – С. 64–77.
195. Ян А. Незаймана Любов у далині Світів. Поетична повість. – Тернопіль: Економічна думка, 2005. – 384 с.
196. Wychowanie ku wartostiom. Praca zbiorowa pod. red. Ks. Dr. hab. Jana Zimnego. – Sandomiers, 2006. – 252 st.

ЗМІСТ

ВСТУП	
Частина I. РОЗУМІННЯ ЧЕСТІ ТА ГІДНОСТІ У ФІЛОСОФІЇ, МИСТЕЦТВІ, ПСИХОЛОГІЇ ТА ПЕДАГОГІЦІ	
1.1. Честь і гідність людини в ціннісному контексті загальної та психологічної культури	
1.2. Цінність і самоцінність людини, особистості як суттєві ознаки її честі і достоїнності та їх приниження і піднесення у суспільстві та власній свідомості	
1.3. Тривимірна, поетапно конкретизована психологічна структура властивостей, здібностей і обдарувань особистості як унікальної цінності..	
1.4. Розуміння честі та гідності як феноменів усвідомлення, переживання особистістю своєї соціальної та індивідуальної цінності	
1.5. Контент-психологічний аналіз художнього зображення Ф. М. Достоевським феноменів честі та достоїнності людської особистості, її приниження і піднесення суспільством і самою людиною	
1.6. Характеристика честі та гідності особистості у творах філософів, психологів, педагогів і митців	
1.7. Діалектика і аксіодинаміка честі та гідності особистості в умовах міжособистісної та внутрішньоособистісної аксіопсихологічної активності	
1.8. Компоненти і стратегії аксіопсихологічної діяльності з доцільного піднесення, врівноваження і пониження честі та гідності особистості	
1.9. Чесність і правдивість особистості як духовна основа її пошуків істини, служіння правді, протидії брехні та безправ'ю	
Частина II. НАРОДЖЕННЯ, РОЗВИТОК Й УТВЕРДЖЕННЯ ЦІННОСТІ ТА САМОЦІННОСТІ, ЧЕСТІ ТА ГІДНОСТІ ОСОБИСТОСТІ У СІМ'Ї ТА СИСТЕМІ ОСВІТИ	
2.1. Народження і піднесення цінності та самоцінності особистості дитини у сім'ї любов'ю та працею матері і батька	
2.2. Психолого-педагогічні та аксіопсихологічні аспекти теорії і практики виховання всебічно розвиненої, щасливої, гідної особистості школяра як найвищої цінності в освітній системі В. О. Сухомлинського	
2.3. Духовно-креативний анкетинг з піднесення честі та гідності старшокласників шляхом самоактуалізації їх прагнення Добра, Краси, Істини.....	

- 2.4. Культурно-психологічний розвиток і саморозвиток особистості студентів як цінності в умовах системи освіти: теоретичні передумови і експериментальні підходи
- 2.5. Аксіопсихологічний вплив традиційних тренінгів і вправ на піднесення й утвердження цінності й самоцінності особистості, її честі та гідності
- 2.6. Семінарське заняття-тренінг з формування честі та гідності особистості педагогічних працівників та їх учнів
- 2.7. Особистість учня та педагога як індивідуальне і соціальне багатство та інноваційна психологічна культура його збереження, зростання і самоактуалізації у Школі честі та гідності

Частина III. ПСИХОДІАГНОСТИКА, КОНСУЛЬТУВАННЯ, ПРОФІЛАКТИКА ТА ПСИХОТЕРАПІЯ КЛІЄНТІВ ІЗ РІЗНИМИ ПРОЯВАМИ ЦІННОСТІ ТА САМОЦІННОСТІ, ЧЕСТІ ТА ГІДНОСТІ ОСОБИСТОСТІ

- 3.1. Комплексне психодіагностичне вивчення особистості як цінності та консультативно-аксіопсихологічна інтерпретація тестових даних щодо її честі та гідності
- 3.2. Опитувальник для орієнтовного визначення проявів честі та гідності у поведінці та діяльності особистості
- 3.3. Концепція часу у психіці індивіда та об'єктивна методика Б. Й. Цуканова з визначення типу темпераменту як сукупності психодинамічних задатків розвитку властивостей особистості, її честі та гідності
- 3.4. Особистісно центроване консультування клієнтів із патогенною психодинамічною неконгруентністю як умова їх адекватного, гідного входження і життя у людській культурі
- 3.5. Типологія особистостей на основі врахування їх базових психодинамічних особливостей та їх типологічна аксіопсихологічна характеристика
- 3.6. Індивідуальна психологія А. Адлера і психотерапія особистості з комплексом неповноцінності та вищості
- 3.7. Аксіопсихологічна профілактика та самоподолання особистістю своєї амбіційності, гордовитості, «зіркової хвороби», нарцисизму, комплексу «понадлюдськості» та культу особи
- 3.8. Психотерапія клієнтів із критично пониженою честю та гідністю, суїцидальними і летальними тенденціями шляхом піднесення цінності і самоцінності їх особистості

Частина IV. «ВІЙНА І МИР ДОСТОЙНОСТЕЙ»: ВІД АКСІОПСИХОЛОГІЧНИХ СУПЕРЕЧНОСТЕЙ І КОНФЛІКТІВ ДО ВЗАЄМОПОРОЗУМІННЯ І ТВОРЧОЇ СПІВПРАЦІ ОСОБИСТОСТЕЙ У СУСПІЛЬСТВІ ЧЕСТІ ТА ГІДНОСТІ КОЖНОГО ГРОМАДЯНИНА	
ЗАКЛЮЧЕННЯ	
Запитання для розмірковування	
Глосарій	
Думки видатних особистостей про честь і гідність	
Рекомендована література	
Зміст	
Contents	
Про автора	

Contents

INTRODUCTION	
Part I. UNDERSTANDING OF HONOR AND DIGNITY IN PHILOSOPHY, ART, PSYCHOLOGY AND PEDAGOGY	
1.1. Human's honor and dignity in the context of values in common psychological culture	
1.2. Value and self-value of human, personality as the essential features of its honor and dignity and the humiliation and rising in the society and his own consciousness	
1.3. Three-dimensional, more gradually specifically psychological structure of properties, abilities and talents of the personality as a unique value	
1.4. Understanding of honor and dignity of personality using the concept of awareness, experience it of their social and individual values	
1.5. Kontent-psychological analysis of the artistic characteristics by Dostoyevsky phenomena of honor and dignity of the human personality and his humiliation and rising of society and person itself	
1.6. Characteristic of honor and dignity in the works of philosophers, psychologists, educators and artists	
1.7. Dialekty and axiodynamics of honor and dignity of the personality in interpersonal and intrapersonal axiopsychological activity	
1.8. Components and strategies of axiopsychological activities to rise, harmonize and humiliation of the value, honor and dignity of personality	
Part II. BIRTH, DEVELOPMENT AND APPROVAL OF THE VALUE AND SELF-VALUE OF HONOR AND DIGNITY OF PERSONALITY IN THE FAMILY AND THE EDUCATION SYSTEM	
2.1. Birth and rise of value and self-value of personality of child in family by love and labour of mother and father	
2.2. Psycho-pedagogical and axiopsychological aspects of theory and practice to educate fully developed, happy, decent personality in the educational system by V. Sukhomlinsky.....	
2.3. Cultural-psychological development and self-development of personality of students as a value in higher education: experimental approaches.....	
2.4. Spiritual-creative questionnaire for elevation the honor and dignity of seniors through self-actualization of their striving for goodness, beauty and truth	
2.5. Axipsychological influence of traditional trainings and exercises to rise and approve the value of personality, its honor and dignity	

2.6. Seminar-training to the formation of the honor and dignity of the personality of educators and their students	
2.7. Personality of student and teacher as an individual and social wealth and innovative psychological culture for its saving, and increasing, self-actualization in School of honor and dignity	
Part III. PSYCHOGNOSIS, CONSULTANCY, PROPHYLAXIS AND PSYCHOTHERAPY OF CLIENTS WITH DIFFERENT MANIFESTATIONS OF VALUES, HONOR AND DIGNITY	
3.1. Complex of psychognosis study of personality as the value and consultive-axiopsychological interpretation of test data on its honor and dignity	
3.2. Questionnaire to determine the indicative expressions of honor and dignity in behavior and activities of personality	
3.3. Time conception of personality mind and objective method of B. I. Tsukanov to determine the type of temperament as a combination of psychodynamic development of personality traits, its abilities, its honor and dignity	
3.4. Personality-centered consultancy clients with pathogenic psychodynamic incongruence as a condition of adequate, decent entry into the human culture	
3.5. Personality typology related with their underlying of psychodynamic features and their typological axiopsychological characteristics	
3.6. A. Adler's individual psychology and psychotherapy of personality with an inferiority complex	
3.7. Axiopsychological prophylaxis and self-overcoming by personality its ambition, pride, «star disease», overhumanity and cult of personality	
3.8. Psychotherapy customers with critical humiliative and degradative honor and dignity and lethal suicidal tendencies, through the rise of the value of their personality.....	
Part IV. «WAR AND PEACE WITHIN DIGNITY»: FROM AXIOPSYCHOLOGICAL CONTRADICTIONS AND CONFLICTS TILL MUTUAL UNDERSTANDING AND CREATIVE COLLABORATION IN SOCIETY OF HONOR AND DIGNITY OF EACH CITIZEN	
CONCLUSIONS.....	
Questions for reflection.....	
Glossary	
Thought's of greate personality's about honor and dignity.....	
Recommended literature	
Contents (Ukraine)	
Contents (English).	
About the author.....	

Об авторе

Рыбалка Валентин Васильевич (1 января 1947 года) – доктор психологических наук, профессор – родился в г. Ютербог, Германия, в семье военнослужащего. В 1962 году окончил 8 классов Новомосковской общеобразовательной средней школы №11 Днепропетровской области, а в 1966 году – Днепропетровский техникум автоматике и телемеханики. В 1965-1967 годах работал техником-исследователем в Конструкторском бюро авиационной аппаратуры в городе Курске. С 1967 по 1972 год учился на факультете психологии МГУ им. М.В.Ломоносова, по окончании которого переехал в Киев и занял должность инженерного психолога в лаборатории эргономики (заведующая лабораторией – В.М.Бондаровская) Киевского научно-исследовательского института периферийного оборудования Научно-производственного объединения «Электронмаш». С 1974 года – аспирант, а с 1977 года – младший научный сотрудник Института психологии Украины. В 1982 году защитил кандидатскую диссертацию «Психологические особенности процесса синтеза при

конструировании технических объектов» (научный руководитель – В.А.Моляко). Работал старшим научным сотрудником (с 1985 г.) лаборатории психологии трудового воспитания, заведующим Республиканским центром психологической службы системы образования при Институте психологии Украины (1991 г.), старшим (с 1995 г.) и ведущим (2007-2009 гг.) научным сотрудником (по совместительству) лаборатории консультативной психологии и психотерапии Института психологии им. Г.С.Костюка АПН Украины. Участвовал в Государственной программе «Дети Чернобыля» (1991-1993 гг.). С 1993 года – старший научный сотрудник Института педагогики и психологии профессионального образования АПН Украины, в 1995-1998 годах – докторант этого же института. В 1998 году защитил докторскую диссертацию «Личностный подход в профильном обучении старшеклассников» (научный консультант – Г.А.Балл). С 1998 года – заведующий лабораторией (с 2001 года – отделом) психологии трудовой и профессиональной подготовки этого же института.

Доктор психологических наук с 1999 г., профессор психологии с 2003 г. С 2007 года – старший, ведущий, главный (с 2011 года) научный сотрудник отдела педагогической психологии и психологии труда Института педагогического образования и образования взрослых АПН Украины. Работал по совместительству доцентом Киевского национального университета Т.Г.Шевченко (1986-1998 гг.), профессором Киевского национального лингвистического университета (2000-2005 гг.), Одесского национального университета им. И.И.Мечникова (2001-2004 гг.), Киевского городского педагогического университета им. Б.Д.Гринченко (2003-2006 гг.), Национального университета «Киево-Могилянская академия» (2005-2008 гг.), Львовского государственного университета внутренних дел МВД Украины (2008-2011 гг.), Полтавского национального педагогического университета им. В.Г.Короленка (2008-2012 гг.), где преподавал такие дисциплины, как «Общая психология», «Психология личности», «Методологические проблемы современной психологии», «Психология труда», «Социальная психология», «Возрастная и педагогическая психология», «Дифференциальная психология» и т. п. Более 20 лет работает школьным психологом (с 1989 г.) и научным консультантом (с 1999 г.) психологической службы Киевского естественно-научного лицея №145 МОН Украины. Работал по совместительству главным научным сотрудником Украинского научно-методического центра практической психологии и социальной работы НАПН и МОН Украины (2008-2012 гг.), главным научным сотрудником Института

социальной и политической психологи НАПН Украины [2011-2012 гг.]. С 2004 по 2007 год возглавлял Специализированный ученый совет К.26.451.02 по защите кандидатских диссертаций по специальности 19.00.07 – педагогическая и возрастная психология, в котором защитились 33 кандидата психологических наук. Под его научным руководством и консультированием защитились 16 кандидатов и 1 доктор психологических наук.

Работает по совместительству советником директора Института одаренного ребенка НАПН Украины (с 2008 года), главным научным сотрудником лаборатории психологии творчества Института психологии им. Г.С.Костюка НАПН Украины (с 2010 г.), состоит членом Научно-консультативного совета по социально-психологическим вопросам Национальной экспертной комиссии по вопросам защиты общественной морали (с 2009 г.). Избирался координатором комитета по профессиональной подготовке психологов Украинской психологической ассоциации (с 2005 по 2010 г.). Отличник образования Украины (1996 г.), победитель в номинации «Академическая психология» всеукраинской акции по общественному признанию в психологии (2006 г.), награжден медалями «За научные достижения» МОН Украины (2006 г), Почетной грамотой Верховной Рады Украины (2008 г.), знаком «Почетный профессор Открытого международного университета развития человека «Украина» (2008 г.), медалью К.Д.Ушинского НАПН Украины (2012 г.), серебряной медалью В.В.Зеньковского Хмельницкого национального университета (2013 г.).

Автор более 460 научных работ по психологии. Теоретические взгляды и практические наработки ученого изложены в таких опубликованных трудах, как: Развитие творческой личности в условиях экологического кризиса: Научно-программно-методическое пособие (серед., соавтор, 1993); Психология развития творческой личности: Учебное пособие (1996); Личностный подход в профильном обучении старшеклассников: Монография (1998); Основы практической психологии: Учебник (соавтор, 1999, 2001, 2006, 2008); Психология: Учебник (соредактор, соавтор, 1999, 2000, 2001, 2003, 2005, 2008); Подготовка учащихся к профессиональному обучению и труду (психолого-педагогические основы): Учебно-методическое пособие (серед., соавтор, 2000); Психология труда и профессиональной подготовки личности: Учебное пособие (серед., соавтор, 2001); Психология личностно ориентированной профессиональной подготовки учащейся молодежи: научно-методическое пособие (ред., соавтор, 2002); Методологические вопросы научной психологии: Учебно-методическое пособие (2003); Готовность ученика к профильному обучению: Психологический инструментарий (2003); Психология профессионального самоопределения для здоровых старшеклассников: Методические рекомендации (2004); Личностно центрированное консультирование клиентов с патогенной психодинамической неконгруэнтностью: Методическое пособие (2005); Психология труда личности: Учебно-методическое пособие (2006), Теории личности в отечественной психологии: Учебное пособие (2006); Психологическая профилактика суицидальных тенденций у учащейся молодежи: Методические рекомендации (2007); Теории личности в отечественной психологии и педагогике: Учебное пособие (2009); Психологическая профилактика суицидальных тенденций проблемной личности: Библиотека «Школьного мира» (2009); Аксиологические основы психологической культуры личности: Учебно-методическое пособие (2009); Честь и достоинство личности как предмет деятельности практического психолога: Библиотека «Школьного мира» (2010); Психология чести и достоинства личности: культурологические и аксиологические аспекты: Научно-методическое пособие (2010, 2011); Психология развития творчески одаренной личности: Научно-методическое пособие (2010, 2011); Психология и педагогика труда личности: Научно-методическое пособие (2013) и т. д.